

История Антисемитизма. Эпоха Веры.

Лев Поляков

Лев Поляков

ИСТОРИЯ АНТИСЕМИТИЗМА ЭПОХА ВЕРЫ

Фундаментальный труд знаменитого французского историка российского происхождения профессора Льва Полякова, автора многочисленных трудов по истории Холокоста и антисемитизма. Двухтомная монография посвящена истории антисемитизма от древнейших времен до середины XX столетия и подробно рассматривает историю взаимоотношений евреев с окружающими народами, анализируя корни ксенофобии и вызванных ею катастроф. Объект исследования автора—столкновения и взаимовлияние культур на протяжении двух тысячелетий.

Оглавление

Книга 1

АНТИЧНОСТЬ 5

**АНТИСЕМИТИЗМ В ЭПОХУ
ЯЗЫЧЕСКОЙ АНТИЧНОСТИ** 8

**П. АНТИСЕМИТИЗМ В ЭПОХУ
ПЕРВЫХ ВЕКОВ ХРИСТИАН-**

СТВА	44
***	65
Вавилон	67
Северная Африка	79
Испания	87
Книга 2 Ислам	

I. ПРОРОК	95
П. ХАЛИФЫ	114
***	129
III. ИСЛАМ И НЕВЕРНЫЕ	
Христиане	138
***	154
Евреи	160
***	170
Книга III. Испания: страна трех	

религий.	199
I. В ЭПОХУ ТРЕХ РЕЛИГИИ	
Мусульманская Испания	205
Реконкиста	245
Золотой век	265
Еврейский народ Испании	290
Субреконкиста	308
II. К единству веры	318

*	330
Тупик марранизма	348
Инквизиция	369
Инквизиция Канарских островов 26 февраля 1578 г.	374

* *	
*	380
* * *	392

III. ИСПАНИЯ В РЕШАЮЩИЙ ЧАС СВОЕЙ ИСТОРИИ

Крепость веры

403

Культ чистоты крови или иберийский расизм.

432

* * *

453

IV. ЭПОПЕЯ МАРРАНОВ

Марраны Португалии	466
Дисперсия марранов	481
Герцог Наксосский	494
Саббатрианцы	508
Спиноза	522

Книга 4 ХРИСТИАНСКАЯ ЕВРОПА

I. ЕВРЕИ НА ЗАПАДЕ В СРЕД-

НИЕ ВЕКА 543

*** 563

II. ЭРА КРЕСТОВЫХ ПОХО- ДОВ

Роковое лето 1096 года 569

* * * 579

* * * 582

Первые серьезные преследова-
ния евреев и христианское об-

щественное мнение	592
Ритуальное убийство	604
Круглый знак и дело о Талмуде	619
*****	627
*****	637
III. ПОВЕДЕНИЕ ЕВРЕЕВ	640
От торговли к ростовщичеству	642
Рождение нового еврейского	

склада ума	654
Временные итоги	672
IV. ВЕК ДЬЯВОЛА	682
XIV век, задний план	686
Черная чума	702
*****	707
Положение евреев непосред-	

ственно после эпидемии чумы 717

Новый образ евреев 735

***** 755

Черти, ведьмы и евреи 763

***** 777

V. ЭПОХА ГЕТТО (НАСТОЯЩАЯ АНТИСЕМИТИЗМ) 810

Отвлеченный антисемитизм:

Франция 813

* * * 826

* * * 858

Отвлеченный антисемитизм:
Англия 869

VI. ЭПОХА ГЕТТО
(ФОРСИРОВАННЫЙ АНТИСЕ-

МИТИЗМ)	884
Лютер	898
Германия после Лютера	920
VII. ЕВРЕИ В ПОЛЬШЕ	956
* * *	964
Потоп	982
Волна ритуальных убийств	1008
* * *	1015
VIII. СИТУАЦИЯ В РОССИИ	1021

пейские страны	1115
Соединенные Штаты Америки	1122
ПРИЛОЖЕНИЕ	
ЕВРЕИ РИМА	1134
* * *	1139
This file was created	1188
with BookDesigner program	1188
bookdesigner@the-ebook.org	1188
11.01.2009	1188

Книга 1

АНТИЧНОСТЪ

Léon Poliakov

Histoire de l'antisémitisme

L'âge de la foi

Перевод с французского

В. Лобанова

и

М. Огняновой

под редакцией

проф. В. Порхомовского

Художник Т. Фогель

Гл. редактор издательства д-р М. Гринберг

© Léon Poliakov

© Перевод на русский язык, «Gesharim»,

1997

ISBN 5-88711-014-7

AMERICAN JEWISH JOINT DISTRIBUTION

«Gesharim»

Lechaim Publications

Development of Cultural Contacts

Jerusalem, Israel

Tel. (972-2) 993-11-94,

fax (972-2) 993-31-89

103055, 2nd Visheslavcev per., 5a,
Moscow, Russia
Tel. (095) 202-73-87,
fax (095) 202-31-72

АНТИСЕМИТИЗМ В ЭПОХУ ЯЗЫЧЕСКОЙ АНТИЧНОСТИ

Перемены, произведенные Моисеем, которые могли быть внезапными, как настаивают одни, или постепенными, как утверждают другие, породили религию, коренным образом отличающуюся от всех остальных религий и верований, существовавших в пространстве и во времени. Эта религия требовала уничтожения деревянных и каменных идолов, отказа от магии и от волшебных мифов, тем или иным способом связывавших человека с богами и полубогами, т. е. с животными, ради того, чтобы скрепить союз между Богом, создавшим мир, единым и нематериальным, и народом, навеки избранным, чтобы служить Ему, народом, который «живет отдельно и между народами не числится» (Числа XXIII, 9). Вполне логично предположить, что такой народ, отделенный от всех остальных народов целой сетью пищевых и иных запретов и обреченный вследствие этого оставаться меньшинством, будет вызывать особую ненависть. Но реальная история не знает логических умозаключений. Она дает ответы на наши вопросы только в результате кропотливых исследований.

Было бы напрасным искать эти ответы для эпохи Царств, вавилонского плена или Персидской империи. Для этого периода мы не располагаем никакими данными, позволяющими утверждать, что тогда существовал «антисемитизм», который бы качественно отличался от обычного соперничества или вражды между кланами, племенами и народами, как это бывает везде и всегда. Однако и в наши дни распространены представления о «вечном антисемитизме» (причем подобные взгляды кажутся еще более убедительными в связи с отношением к таким традиционным для евреев еще с дохристианской древности занятиям как торговля и финансы).

Сколько бы мы ни изучали хроники, надписи и другие исторические и археологические источники, эпоха возникновения обширной еврейской диаспоры на Ближнем Востоке и в Северной Африке не знает никаких¹ свидетельств какой-то особой вражды вплоть до довольно позднего времени. Поэтому специалисты все более склоняются к мнению, что появление достаточно длительной и напряженной враждебности, заслужи-

вающей того, чтобы называться «антисемитизмом», следует датировать III в. до н. э. К тому же эта враждебность, распространенная преимущественно среди лев, имела вполне конкретное место рождения, а именно Египет, еще точнее Александрию—торговую и интеллектуальную столицу тогдашнего мира. Но прежде чем заняться этой темой, а затем перейти к греко-римскому миру, необходимо сказать несколько слов об истории мирного сосуществования евреев с другими народами в Китае и Индии, продолжавшегося вплоть до нашего времени вопреки религиозным различиям.

В конце второй мировой войны в Кайфэне (провинция Хэнань) еще существовала горстка китайцев, не употреблявших в пищу свинину и сохранявших воспоминания о том, что их отцы подвергались обрезанию. Там даже сохранились развалины синагоги. Это были последние остатки когда-то многочисленных, процветавших и влиятельных общин. Наиболее полными сведениями о них мы обязаны иезуитским миссионерам, посетившим их в XVII и XVIII вв. Иезуиты инте-

ресовались их священными книгами и особенностями культа. Из рассказов иезуитов следует, что в середине XVIII в. община Кайфэна, уже вступившая в эпоху упадка, насчитывала около тысячи членов. Евреи Китая знали лучшие времена. Отец Домингин пишет об этом: «... в течение длительного времени они занимали в Китае важные позиции. Многие из них были губернаторами провинций, государственными министрами, имели ученые степени. Некоторые из них были богатыми землевладельцами. Но сегодня от этого бывшего благополучия ничего не осталось. А их общины в Ханчжоу, Нинбо, Пекине и Нинся полностью исчезли»... Несколько посвящений, обнаруженных на стеллах, подтверждают эти сведения, так же как и свидетельство Марко Поло, который говорит о процветании и влиянии еврейских общин в Китае (1286 г.), или рассказы арабских путешественников, датируемые XI веком. Эти последние источники утверждают, что «евреи обосновались в Китае с незапамятных времен». Таким образом, не углубляясь в эпоху царя Соломона, как это уже пытались делать

некоторые историки, представляется вероятным допустить, что самые ранние еврейские поселения в Китае относятся к первому тысячелетию нашей эры.

Все эти сведения позволяют сделать вывод, что в течение по крайней мере двенадцати столетий китайские евреи, смешавшись с китайцами и переняв китайскую культуру и образ жизни, вели мирную жизнь без каких-либо потрясений и гармонически сочетали предписания еврейской религии с почитанием Конфуция, полагая, «что это чисто светские и политические церемонии», как об этом пишет отец Домингин. Они не навлекли на себя каких-то особых преследований и ничем не привлекали внимания простых людей и правительств. При этом исключительную длительность периода, когда они сохраняли свою веру, будучи полностью изолированными от собратьев по религии, невозможно объяснить никакими этническими, социальными или экономическими причинами, но лишь особой изолирующей силой еврейского монотеизма. Однако речь не идет о вечной субстанции, которую невозмож-

но уничтожить. В конце концов, она уступила под натиском времени. По-видимому, для того, чтобы обеспечить выживание и сохранение еврейского народа в гуще других народов, необходимы иные условия.

В Индию евреи переселялись несколькими волнами, следовавшими одна за другой. Там они оказались на меньшем расстоянии от традиционных центров иудаизма, чем их китайские собратья, и им удалось сохраниться вплоть до наших дней. Этих «бней Исраэль» («сынов Израиля») с оливковой кожей, обосновавшихся в Бомбее и районах недалеко от Бомбея, вместе с так называемыми «черными евреями» Кочина и Малабара до сих пор насчитывается несколько тысяч. Внешностью и те и другие ничем не отличаются в наше время от окружающего населения. Время их самого раннего появления на индийской земле относится к первым векам н. э. В течение средних веков были и другие волны еврейского переселения в Индию—или из Месопотамии наземным путем, или из Европы морем. Эти новые переселенцы тщательно избегали любых контак-

тов с местными евреями. Вновь прибывшие как правило занимались коммерцией, в то время как обычным занятием местных евреев бомбейской и кочинской общин было земледелие и ремесло (поэтому «сынов Израиля» называли «Шанвар Тели», т. е. «субботные маслоделы»).

Их история очень плохо известна, из чего можно сделать вывод, что они были счастливы, поскольку не зря говорят, что счастливые народы не имеют истории. Во всяком случае, в новое время эти простые люди не вызвали ничьей особой ненависти и не навлекли на себя преследований. Интересно, что в Индии существует религиозная община, которая уже в течение многих столетий играет в экономике страны роль, аналогичную той, что присуща евреям в Европе. Речь идет о парсах—сохранившихся до наших дней последних представителей древнего персидского зороастризма. В Бомбее и прилегающих районах проживает около ста тысяч парсов. Торговля является их основным или даже исключительным занятием. Хорошо обеспеченные материально, они известны также строгостью семей-

ного уклада и исключительной солидарностью и взаимопомощью. Если к этому добавить, что, по мнению специалистов по истории религий, зороастризм является единственным монотеистическим культом, появившимся независимо от иудаизма, то эта параллель оказывается весьма показательной. Разумеется, мы отнюдь не собираемся предполагать, что существовали какие-то исторические причины, по которым именно парсам (а не евреям) пришлось выступить в качестве «индийских евреев»...

Обратимся теперь к античности. Что касается греческой традиции, то нельзя не отметить, что самые ранние полулегендарные рассказы о последователях Моисея, датируемые III в., характеризуются доброжелательным отношением к евреям как к «народу философов» благородного происхождения, поклоняющемуся небу или звездам. Лишь в следующем веке это отношение начинает меняться, и новые рассказы уже напоминают те «египетские басни», которые дошли до нас главным образом благодаря двум эллинизированным египтянам—жрецу Манефону и грамматiku Апи-

ону.

К какому времени относятся эти басни? Во-первых, необходимо принять во внимание, что еврейская диаспора в Египте возникла по крайней мере в эпоху персидского завоевания, т. е. в VI в. до н. э. Персидские завоеватели охотно брали на службу еврейских солдат и наемников и основали гарнизон на острове Элефантина на границе с Нубией. Многочисленные папирусы свидетельствуют о напряженности и конфликтах между египтянами и евреями и даже о разрушении одного храма. Французский египтолог Жан Йойот выдвинул в 1960 г. гипотезу о существовании своего рода египетского «негатива» Библии. Как известно, в книге Исход содержатся многочисленные и далеко не лестные высказывания в адрес египтян и их фараонов. Согласно этой гипотезе, египтяне якобы хотели отплатить евреям той же монетой. Но эта оригинальная теория не получила одобрения у специалистов.

Тем не менее остается фактом, что еврейская колонизация Египта усилилась после основания Александрии в 330 году до н. э.—так, из

каждых пяти городских кварталов два были еврейскими или с преобладающим еврейским населением. Следует также помнить о последствиях восстания Маккавеев во II в. до н. э. По наиболее распространенной версии книга Есфири, которая датируется этим временем и в которой впервые приводится типично «антисемитское» высказывание, уже цитировавшееся выше, является по крайней мере частичным отражением этих событий. Необходимо особо отметить, что к этому времени египетские евреи в языковом отношении были полностью эллинизированы, что привело к тому, что Библия была переведена на греческий язык для использования в религиозном обиходе (так называемый перевод «Семидесяти толковников» или Септуагинта). Многочисленные свидетельства, включая сравнительно высокую частоту случаев отречения от иудаизма и стремление к «полной ассимиляции», позволяют сопоставить менталитет евреев Александрии, а также из многих других мест в Египте и за его пределами с образом мысли и проблемами евреев на Западе в IX в. В первой книге Маккавейской

даже говорится о том, что «вышли из Израиля сыны беззаконные и убеждали многих, говоря: пойдем и заключим союз с народами, окружающими нас, ибо с тех пор как мы отделились от них, постигли нас многие бедствия.» Вероятно, именно этим соблазном полной ассимиляции вызваны более последовательные и жесткие принципы, содержащиеся в талмудическом трактате «Авода зара» («Идолопоклонство»), без сомнения составленном во II в. до н. э. В этом трактате дело доходит даже до запрещения помогать при родах язычнице, поскольку она непременно произведет на свет младенца—будущего идолопоклонника. Что касается «сынов беззаконных», то разве не раскопали в развалинах милетского театра сиденья в первом ряду, на которых имелись надписи примерно такого содержания: «места для евреев, особо преданных Его императорскому величеству»? Но эти евреи хотя бы признавали, что они являются евреями. Были и такие, которые прикрепляли или пришивали себе что-то вроде искусственной крайней плоти, чтобы иметь возможность участвовать в играх на

стадионе без риска быть осмеянными (по традиции атлеты выступали на играх обнаженными,— прим. ред.) Легко догадаться, как сильно ненавидели их евреи, остававшиеся верными закону Моисея.

Антисемитизм большинства египетского населения позволяет провести еще одно сопоставление античности с совсем недавним прошлым. Речь идет о массовых беспорядках, которые происходили в Александрии при императорах Калигуле и Клавдии и получили кровавое завершение в ужасном погроме в 38 году до н. э.

В более смягченном виде это описание можно использовать и для всей еврейской диаспоры в целом.

Что же представляли собой евреи Римской империи в эту эпоху? По самым серьезным оценкам непосредственно в Палестине насчитывалось около миллиона евреев, а также от трех до четырех миллионов евреев диаспоры—от Малой Азии до Испании, т. е. от семи до восьми процентов от общего населения Римской империи. Что касается их «расовой принадлежности», то это псевдо-

научное понятие, чья почти стопроцентная бессодержательность установлена современной генетикой, полностью лишено смысла применительно к древнему миру.

Профессии и занятия евреев в античную эпоху были в высшей степени разнообразными, но в основном, в диаспоре, как и в самой Палестине, они зарабатывали на жизнь в поте лица своего. Марсель Симон отмечает, что «если взять население Империи в целом, то для евреев было характерно преобладание небогатых людей... Евреев обычно обвиняют не в том, что их одежды расшиты золотом, а скорее за то, что они ходят в грязных лохмотьях...». В Египте и Малой Азии они в основном занимались земледелием. В других местах евреев можно было встретить среди представителей всех профессий того времени, но особенно часто они занимались изготовлением и окраской тканей—в некоторых местах они практически монополизировали эти профессии; они были также ювелирами и стекольщиками, занимались обработкой меди и железа. Одни из них были простыми рабочими, другие посвяща-

ли себя торговле или свободным профессиям, но как совершенно справедливо отмечает историк Ж. Жюстэ, «никогда ни один языческий автор не называет их торгашами, нигде нельзя столкнуться с тем отождествлением иудаизма и торговли, которое станет само собой разумеющимся несколькими столетиями позже». Наконец, среди них были профессиональные наемники, которые имели высокую репутацию как воины или вооруженные охранники во всех уголках Империи.

Кроме того, были и евреи-чиновники, иногда очень высокого ранга. В иерархии Империи можно было встретить евреев-всадников и евреев-сенаторов, евреев-легатов и даже евреев-преторов. К этому следует добавить, что евреи диаспоры как правило усваивали язык и одежду тех провинций Империи, куда они попадали. Кроме того, они настолько ассимилировались в языковом и культурном отношении, что даже эллинизировали или латинизировали свои имена. Все это позволяет сделать вывод, что они не должны были вызывать к себе особую враждебность, и ничто кроме религии не выделяло их в мозаике

народов, составлявших население Римской империи.

Ничто кроме религии... Необходимо повторить еще раз, что именно религия предписывала им, в отличие от всех остальных культов, строго определенный объем обязанностей, что полностью противопоставляло их общепринятому образу жизни, которого безоговорочно придерживались все остальные подданные Империи. «Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим»—первая заповедь запрещала евреям воздание любых почестей богам Империи и города, а также живым богам, каковыми являлись обожествляемые монархи. В этом смысле четвертая заповедь также была чревата тяжелыми последствиями: «А день седьмой—суббота Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя...» Столкнувшись с еврейской непреклонностью в этом отношении, римляне как опытные администраторы быстро пришли к определенным компромиссам, в частности освобождая евреев от необходимости приносить жертвы императорам. В ре-

зультате эти привилегии составляли существенную причину для зависти и могли даже провоцировать конфликты, особенно в крупных городах Востока с их смешанным населением. Это вполне понятно, и мы даже располагаем ценным свидетельством в третьей главе книги Есфирь. Речь идет о неприятии вельможей Аманом независимого поведения Мардохея, который «не кланялся и не падал ниц перед ним.» Уязвленный царедворец нашептывал на ухо царю Артаксерксу: «Есть один народ, разбросанный и рассеянный между народами по всем областям царства твоего; и законы их отличны от законов всех народов, и законов царя они не выполняют; и царю не следует так оставлять их. Если царю благоугодно, то пусть будет предписано истребить их. . . »

Но встречались не только ревнивые придворные. Другой текст позволяет получить представление о презрительном и враждебном отношении римского аристократа, столкнувшегося с еврейской непримиримостью. Здесь имеется в виду речь Флакка, префекта Египта, который попытался во время беспорядков 35-40-х годов запре-

тить александрийским евреям праздновать субботу вопреки четким инструкциям, полученным из Рима.

«Если в субботу произойдет внезапное вторжение врагов, разлив Нила, пожар, удар молнии, голод, чума, землетрясение или какое-то другое несчастье, неужели вы по-прежнему будете спокойно оставаться дома? Или согласно вашим обычаям вы станете прогуливаться по улицам, засунув руки в карманы, и даже не попытаетесь помочь тем, кто будет спасать людей? Или вы продолжите торжественные собрания в ваших синагогах и станете читать ваши священные книги, толковать темные места и углубляться в философские премудрости? Но нет, не теряя ни мгновения, вы постараетесь укрыть в безопасном месте ваших родителей, ваших детей, ваши богатства и все, что вам дорого. И вот я собрал все это вместе—бурю, войну, наводнение, молнии, голод, землетрясение и рок, причем не абстрактно, а в виде реальной действующей силы!»

С другой стороны, тот знак избранности, которым служило обрезание, не мог не вызывать

всевозможных толков. Гораций писал о *curtis judoeis* («обрезанных иудеях»), Марциал иронизировал по поводу *recutitus* («обрезанных»), а Катулл говорил о *verpus priapus ille* («пресловутом обрезанном члене»). К этому следует добавить и другие предписания, которые служат выражением еврейской обособленности и изолирующей силы Закона: «И не вступай с ними в родство: дочери твоей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего» (Второзаконие, VП,3). Тем самым, еврейский монотеизм оказывал значительное влияние на повседневную жизнь, варьировавшееся в зависимости от времени и места. В античном мире, если не считать Александрии, не было серьезных вспышек народного гнева по каким-либо иным поводам кроме войн и еврейских восстаний. В диаспоре самым кровавым было восстание в Киренаике (115-117), в результате которого в руинах оказалась столица этого государства. В обычное время простонародье не обращало особого внимания на евреев и, похоже, не испытывало против них никаких особых предубеждений. Что же касается тех, чьим

основным занятием была литературная деятельность, то они отмечали тесную спаянность «обрезанных», за что их обвиняли в мизантропии—их считали преданными друг другу, но враждебными язычникам. Во многих сочинениях языческих авторов отмечается также боевой дух евреев. Эти тексты заслуживают специального рассмотрения.

Следует отметить, что самые резкие антиеврейские сочинения до нас не дошли: мы их знаем только благодаря еврейскому историку Иосифу Флавию, который воспроизвел некоторые из них в своем полемическом трактате «Против Апиона». Каковы же те претензии, которые грамматик Апион и другие авторы, цитируемые Иосифом Флавием, предъявляли евреям? Прежде всего они повторяют целый ряд выдумок о происхождении евреев, получивших в то время достаточно широкое распространение, согласно которым евреи были испорченными людьми, прокаженными, в незапамятные времена изгнанными египтянами из своей страны. Ученый египетский жрец Манефон, живший в III веке до н. э., был первым

распространителем этой версии, по сути являвшейся злобной пародией на книгу Исход: «Царь приказал собрать всех больных и увечных—всего, как говорили, восемьдесят тысяч человек. Их заточили в каменоломнях на восточном берегу Нила и заставили работать вместе с другими египетскими каторжниками, среди них были и знаменитые священнослужители, также больные проказой». Затем, после рассказа об освобождении пленников и их бегстве в страну Ханаан, говорится: «Их законодателем был жрец из Гелиополиса по имени Озарсиф, названный так в честь Озириса, особо почитаемого в этом городе. Этот жрец из египтянина стал евреем и взял себе имя Моисей».

Лисимах из Александрии, Посейдоний из Апамеи и другие пересказывают эту же историю с некоторыми вариациями. В этой выдуманной истории представляет интерес соединение обвинения в распространении проказы, т. е. признание евреев неприкасаемыми, с обвинением в том, что они ставят себя вне общества. Сохранилось много высказываний на эту тему; среди тех, что

цитирует Иосиф Флавий, показательным является высказывание Лисимаха: «Моисей велел им [евреям] ни к кому не проявлять доброжелательности, следовать только самым плохим советам, разрушать все святилища и алтари богов, какие только попадутся на их пути». Даже у авторов, вполне доброжелательно относящихся к евреям и их обычаям, например, у Гекатея из Абдеры, можно найти такое замечание: «Он [Моисей] установил жизненные порядки, несовместимые с гуманизмом и гостеприимством».

Другие греческие авторы (Диодор Сицилийский, Филострат), а также некоторые римские авторы (Помпей Трог, Ювенал) повторяют это обвинение, которое в виде краткой формулы содержится в знаменитом высказывании Тацита: «... евреи ... испытывают друг к другу чрезмерную привязанность и деятельное соучастие, что резко контрастирует с неутолимой ненавистью ко всему остальному чело-вечеству. Никогда они не едят и не спят с посторонними, и, несмотря на свою сильную склонность к разврату, они воздерживаются от сношений с посторонними женщи-

нами. . . ». И еще более краткая формулировка: «Все, что мы почитаем, они отвергают; зато все, что у нас считается нечистым, им разрешено».

Из всего этого некоторые античные авторы делали вполне логический вывод—хотя нам он не может не казаться парадоксальным—о том, что евреи являются атеистами. Их искреннее отвержение всех других богов, их вечное *contempnere deos* (презрение к богам), их отказ совершать жертвоприношения императорам—все это было достаточным для того, чтобы рассматривать их как народ богохульников. К тому же кого вообще можно было считать богом евреев? Разве Помпеи, осмелившийся проникнуть в их Храм в 63 г. до н. э., не сообщил, «что внутри не было никаких изображений богов, что там вообще ничего не было, и что все тайны святилища оказались ничем?»

Евреям предъявлялись и другие, часто противоречивые обвинения: это упорный, непокорный, смелый народ, но это и трусливый и ничтожный народ, созданный для рабства. Все эти обвинения можно в той или иной мере вывести из вы-

сказываний, которые мы привели выше. Однако необходимо специально отметить то осуждение, с которым некоторые античные авторы относятся к активному прозелитизму евреев. Гораций и Ювенал высмеивают в своих сатирах новообращенных евреев; Валерий Максим обвиняет евреев в «порче римских нравов обожествлением Юпитера Субботнего»; Сенека уверяет, что обычаи этого коварного народа столь активно распространяются, что их приняли во всем мире—побежденные навязали свои порядки победителям.

Здесь важно уточнить, что этот прозелитизм уже тогда имел длительную историю. Первые признаки его относятся ко времени пророков: разве Господь не повелел Ионе идти в город Ниневию и призвать его жителей к раскаянию? Истинные прозелиты, прошедшие через все стадии очищения и совершившие обрезание, принимались еврейскими общинами как абсолютно равноправные и рассматривались как «сыны Авраама». Иначе обстояло дело с «полупрозелитами», «боящимися Господа», которых еще назы-

вали «прозелитами у врат». Они не осмеливались принять окончательное решение, но соблюдали отдельные еврейские обычаи, например, отдых в субботу, а уже их сыновья становились истинными прозелитами.

Одна из сатир Ювенала, высмеивающая «родителей, чей пример совращает их детей», позволяет предположить, что это было распространенным явлением (В XVI сатире Ювенала говорится: «Так случилось, что отец некоего человека соблюдал субботу, сам же он станет почитать только облака и божественность неба; он не будет отличать человеческую плоть от свинины, которую не ел его отец; наконец, он даже сделает себе обрезание. Воспитанный в презрении к римским законам, он изучает, соблюдает и почитает только иудейский закон, все то, что Моисей завещал своим последователям в таинственной книге: не указывать дорогу путнику, если он не соблюдает этих обычаев; показывать, где находится источник воды, только совершившим обрезание. И все это потому, что его отец проводил в бездействии каждый седьмой день, не прини-

мая никакого участия в повседневных заботах».)

Предвосхищая будущий триумф христианской пропаганды, еврейская пропаганда завоевывала в эту эпоху бесчисленных сторонников, свидетельствуя таким образом об исключительной привлекательности закона Моисея в условиях, когда обращение в новую веру, как правило, не влекло за собой серьезной или даже смертельной опасности. Более того, разве не был еврейский народ единственным народом после самих римлян, с которым можно было соединиться в любом месте Империи?

Короче говоря, не вызывает сомнений, что если исключить очевидные выдумки, то античные авторы ставили евреям в вину некоторые особенности их обычаев и поведения, строго предписанные Библией. Одним из первых это отметил неизвестный автор «Оракулов Сивиллы»: «И вы заполните все земли и все океаны, и всякого будут раздражать ваши обычаи.» (III, 271). Кроме того, античные авторы не обходили молчанием военные доблести евреев и значение, придаваемое ими семейному укладу: «Этот народ ужа-

сен в своем гневе»,—писал Дион Кассий. Даже Тацит, столь враждебно относившийся к евреям, отмечал: «Они считают преступлением убийство даже одного единственного младенца, они верят, что души погибших в бою или замученных бессмертны; отсюда вытекает их стремление размножаться и их презрение к смерти».

Таким образом, из этого краткого обзора можно сделать следующие выводы.

С одной стороны, в эпоху античного язычества лишь эпизодически удается обнаруживать те массовые вспышки страстей, которые сделают в дальнейшем участь евреев столь суровой и полной опасностей. Добавим к этому, что, как правило, Римская империя в эпоху язычества не знала «государственного антисемитизма», несмотря на частоту и ожесточенность еврейских восстаний. Единственным исключением были антиеврейские эдикты, изданные Адрианом в 135 г. после восстания Бар-Кохбы и отмененные его преемником Антониной три года спустя.

С другой стороны, интерес современников, и особенно «интеллектуалов» того времени, вызы-

вали специфические, необычные черты иудаизма. Этот интерес колеблется между двумя полюсами: его отталкивает еврейский партикуляризм и привлекает религиозный монотеизм—то, что Ренан называл «странным очарованием» и что подтверждается успехами еврейского прозелитизма.

Об этом с гордостью писал Иосиф Флавий: «Издавна множество людей выражает страстное желание перенять наши религиозные обряды, нет ни одного греческого города, ни одного варварского племени, ни одного народа, на который не распространился бы наш обычай воздерживаться от работы каждый седьмой день и где бы не соблюдались наши посты, зажигание светильников и наши многочисленные ограничения в том, что касается пищи» («Иудейская война», 2, 16, 4.)

Добавим к этому, что в наше время часто проявляется стремление противопоставить ревнивую избирательность Бога евреев терпимости языческих богов. Но если внимательней рассмотреть эту проблему, то окажется, что дело обсто-

яло не так просто. Верховные боги античного города занимались только своими собственными адепта-ми. Чужеземец не мог рассчитывать на их защиту, он оставался связанным с богами своих предков. Таким образом, признавая чужих богов, местный или региональный культ в пределах собственных границ оставался нетерпимым и исключал любые другие. В то же время универсальный Бог евреев не допускал соперников, но для всех оставалась открытой возможность присоединиться к избранному народу, а на его защиту мог надеяться каждый человек. Как сказал пророк: «Вот, ты призовешь народ, которого ты не знал, и народы, которые тебя не знали, поспешат к тебе ради Господа, Бога твоего» (Исайя, 55,5).

Отметим в этой связи, что под непреодолимым воздействием эллинистической культуры иудаизм претерпевал определенные изменения. Ритуальной стороне отводилось меньше места, зато незаметно получали распространение идеи, заимствованные у греческой мысли и философии. Согласно талмудической традиции, в доме

раби Гамлиэля пятьсот молодых людей изучали Тору и еще пятьсот - греческую философию. . . В результате этой эволюции появляются такие эллинизированные еврейские мыслители как Филон Александрийский, пытавшийся сочетать доктрину стоиков с предписаниями Торы. Естественно, что подобные тенденции весьма способствовали распространению еврейского прозелитизма.

Кроме того, эта эволюция подготавливала почву для будущих успехов христианской пропаганды, которая в свою очередь станет оказывать воздействие на положение евреев. Но перед тем, как перейти к этим проблемам, попробуем подвести некоторые итоги этой вводной, но очень важной главы, взяв в качестве исходной точки несколько меланхолические выводы специалиста по папирусам Жозефа Мелез-Моджеевского, написавшего:

«Враждебность и ненависть с одной стороны, симпатия и восхищение с другой» — эта формулировка принадлежит Марселю Симону. . . С античных времен существовал некий «еврейский вызов», исключавший безразличие. Следует при-

знать, что враждебность к евреям не была христианским изобретением. Исторический опыт показывает, что, к несчастью, враждебность чаще всего оказывалась сильнее симпатии. Можно задать себе вопрос о том, насколько постоянной окажется эта тенденция и в будущем—вопрос, сохраняющий свою актуальность. Разумеется, хотелось бы пожелать, чтобы симпатия возобладала—без восхищения и прочих крайностей, всегда несколько двусмысленных. Еще лучше было бы, чтобы эта напряженность окончательно уступила место более нейтральным отношениям. Но не означало ли бы это мечту о том, чтобы когда-нибудь евреи стали «таким же народом, как все остальные», не перестав при этом быть евреями?

По крайней мере, в одном можно не сомневаться: нельзя безнаказанно пытаться стать одновременно евреем и греком. Изучение языческого антисемитизма помогает с большим реализмом отнестись к этому фундаментальному заблуждению нашей культуры» (J. Méléze-Modrzejewski. Sur l'antisémitisme païen, in: «Pour

Léon Poliakov, *Le racisme, mythes et sciences*», pp. 427-428, Ed. Complexe, 1981.).

Однако если ограничиться только четырьмя последними веками нашей эры, то можно обнаружить достаточно многочисленные исключения из этого правила, что вынуждает усомниться в его универсальности. Настоящее исследование часто будет приводить к необходимости вносить поправки как по этому, так и по другим поводам, поскольку подлинная история часто вынуждает делать это даже в связи с самыми фундаментальными обобщениями. Здесь я ограничусь тремя достаточно характерными случаями.

Разве два народа нашего континента, обладающие самыми длительными культурными традициями, а именно итальянцы и голландцы, начиная с XVII века не были свободны от вспышек антисемитизма и не поддерживали добрососедских отношений со «своими» евреями?

Разве в обширном англо-саксонском ареале католики не находились по крайней мере вплоть до конца XVIII века в ситуации, весьма похожей на еврейскую, с папством и иезуитами в качестве

главных поводов для беспокойства? В Америке роль козлов отпущения была отведена неграм. Что же касается англичан, то они предпочитали, чтобы евреи прежде всего оставались... настоящими евреями независимо от того, воспитаны ли они по нормам западной культуры или нет.

Наконец, разве в конце тридцатых годов военные правители Японии, которым их нацистские союзники внушали теории о еврейской заразе, не извлекли из них диаметрально противоположный вывод и не решили использовать этот динамичный и трудолюбивый народ, от которого добрая половина Европы хотела избавиться, для колонизации завоеванной Маньчжурии? То, что этот так называемый «план Фугу» не был осуществлен, произошло отнюдь не по вине руководителей экспансионистской Японии (M. Tokayer et M. Swartz, *Histoire inconnue des Juifs et des Japonais pendant la seconde guerre mondiale*, Ed. Pygmalion, 1980).

Теперь можно вернуться к преобладающему христианскому или постхристианскому предрассудку, который, по моему мнению, является со-

ставляющей частью условий, требующихся, по всей видимости, для обеспечения выживания и существования еврейского народа, о чем я уже говорил выше.

С 1960 года я довольно тщательно изучал этот вопрос. Вот что я писал по этому поводу:

«Изучение полемики литературы, обсуждавшей эту проблему в течение двух тысячелетий, эти потоки чернил, которые предшествовали потокам крови или следовали за ними, часто вынуждали автора задавать себе вопрос, не получалось ли в конце концов так, что письменные обращения или действия, направленные в пользу евреев, приводили к тому же результату, что и те, что были направлены против них, так что в целом они являлись инструментами одного огромного оркестра, который обеспечивал живучесть антисемитизма. С этой точки зрения апологеты иудаизма часто добивались эффектов, прямо противоположных своим намерениям. Но по мере того, как их жалобы и проповеди оборачивались против них, возбуждаемая та-

ким образом ненависть народов способствовала сохранению иудаизма. Следует подчеркнуть, что этот аспект всей проблемы в целом заслуживает особого внимания.

Автор не является верующим евреем; в наши дни большинство апологетов иудаизма не относятся к таковым; такое уже бывало раньше, как это увидит читатель на примере средневековой Испании. Но в главах этой книги, посвященных трагедии испанских евреев, описывается также, как неверующие отцы приближали наступление катастроф, возвращавших их сыновей в лоно древнего Бога Израиля. Иногда спираль кажется бесконечной: если верить пророкам, то так было в библейские времена; так продолжается и в наши дни, когда самая дикая вспышка ненависти, с которой когда-либо сталкивался иудаизм, привела к его замечательному возрождению в Израиле и за его пределами.

Таким образом, имелись как духовные, так и социальные условия выживания еврейского народа в рассматриваемой перспективе накануне но-

вой эры и в ее начале. Следует ли добавить к этому, что, по мнению Сириуса, одного из многих римских авторов, разница между еврейской сектой и только лишь зарождающейся христианской не имеет сколько-нибудь существенного значения? В любом случае очевидно, что изучение этого сочетания обогащает любые рассуждения на темы антисемитизма в целом. Так, во втором томе будет показано, что начиная с века Просвещения писания Апиона, Тацита и их единомышленников способствовали распространению антиеврейской пропаганды, хотя они первоначально были направлены исключительно против

II. АНТИСЕМИТИЗМ В ЭПОХУ ПЕРВЫХ ВЕКОВ ХРИСТИАНСТВА

Новому учению, произошедшему из иудаизма и обращавшемуся к Богу Авраама, потребовалось три века борьбы, чтобы триумфально утвердиться на всех просторах Римской Империи. Невозможно себе представить, чтобы событие такого масштаба не оказало влияния на жизнь евреев, оставшихся верными древнему Закону. Эти последствия не заставили себя ждать и оказались очень значительными. Весь этот процесс, крайне сложный и иногда противоречивый, следует подробно рассмотреть с самого начала.

В нашем исследовании мы не будем останавливаться на вопросе о степени «исторической достоверности» евангелий, мы также воздержимся от того, чтобы высказывать свое мнение по поводу всего комплекса связанных с этим проблем, как то: биография Иисуса, подлинность приписываемых ему высказываний, точное содержание его учения и т. д. Похоже, что само понятие объективности теряет свой смысл, как только обращаешься к подобным проблемам. Каждый автор имеет по этому поводу свои, заранее сформулированные подходы, агностик не может не сомне-

ваться там, где верующий не может не верить. Отметим однако, поскольку это крайне важно, что евангельский рассказ о суде над Иисусом содержит достаточно противоречий и неправдоподобных деталей, так что даже христианская библейская критика выразила сомнения по поводу некоторых моментов. Как писал протестантский историк Ганс Лицман: «... маловероятно, что рассказ Марка о ночном заседании синедриона опирается на свидетельство Петра; по всей вероятности, это позднейшая христианская легенда... Можно задать себе вопрос, в какой степени в этом повествовании сохранились отдаленные воспоминания о подлинных событиях...» Что же до свободомыслящих историков, то (если они вообще не отрицают историчность существования Иисуса) они скорее склонны выражаться вполне откровенно, как, например, Шарль Гиньбер: «... этот суд производит впечатление фальшивки, неуклюже вставленной для того, чтобы возложить главную ответственность за смерть Иисуса на евреев (...). Вполне правдоподобным является то, что Назарянин был арестован рим-

ской полицией, осужден и приговорен римским прокуратором, Пилатом или кем-то другим.» В самом деле, хотя учение Иисуса и могло шокировать рядового знатока Закона, в нем не было ничего, что с еврейской точки зрения представляло бы формальную ересь: еще в конце I века такой знаток Закона как раби Элазар считал, что Иисус займет свое место в будущем мире. Первой христианской общиной была община Иерусалима, и ее составляли евреи, придерживавшиеся крайне строгих правил и не собиравшиеся менять что-либо. Эта община не сталкивалась с регулярными преследованиями или внутренними кризисами (В самом деле, знаменитый эпизод побития камнями Стефана, как он представлен в «Деяниях Апостолов», похоже, явился следствием внутреннего конфликта между «иудеями» и «эллинистами» в еще молодой общине. См. «Деяния Апостолов», 6,1- 6, а также комментарии по этому поводу Лицмана: Я. Lietzmann, *Histoire de l'Eglise ancienne*, vol. I, p.70-71.). Члены общины покинули Иерусалим только после разрушения Храма в 70 г., и даже столетие спустя обнаруживаются

следы этих «иудео-христиан», как их будут именовать позже.

Эти первые христиане самым тщательным образом исполняли все предписания Закона и предполагали распространять свое учение только среди евреев. Только когда влияние христианской пропаганды вышло за пределы Иудеи, начало завоевывать диаспору и стало проявляться в еврейских колониях в Сирии, Малой Азии и Греции, только тогда и возникло настоящее христианство. Мы уже видели, что эти сильно эллинизированные колонии были окружены поясом «полупрозелитов» или, как бы мы сказали сегодня, «умеренно сочувствующих», не желавших подвергать себя всем тем ограничениям, что и евреи из низших социальных слоев. Когда христианская проповедь стала распространяться в этой среде, столь отличной по духу от еврейской, апостол Павел, как об этом рассказывается в Новом Завете, принял основополагающее решение освободить новообращенных христиан от заповедей Закона и от обрезания и благодаря этому сразу изменил ход мировой истории.

Это решение было принято далеко не без борьбы и сопротивления внутри первых христианских общин, вызвав противостояние между ортодоксальными сторонниками христианской церкви в Иерусалиме и модернистами из диаспоры, о чем имеются многочисленные свидетельства в «Деяниях Апостолов» и посланиях Павла. Это решение одним ударом превратило христиан из безобидных еврейских сектантов в опасных еретиков. Вероятно, можно видеть отражение этого в торжественном проклятии отступников, содержащемся в молитве «Шмонэ-Эсрэ». Наконец, это было решение, которое многократно увеличило возможности для успехов христианской пропаганды благодаря освобождению новообращенных от суровых обязанностей, налагаемых Законом, и уничтожению всех различий между прозелитами «сыновьями Авраама» и полу-прозелитами. Апостол Павел так объясняет свои действия: «С евреями я был евреем, чтобы обратить евреев; с теми, кто подчиняется закону, я был как они, . . . чтобы обратить тех, кто подчиняется закону; с теми, у кого нет закона, я был

как они, . . . чтобы обратить их. Я был слабым со слабыми, чтобы обратить слабых. . . » В результате новая проповедь стала распространяться гигантскими шагами.

Еврейские колонии диаспоры продолжали оставаться ее исконными очагами, но среди новообращенных христиан оказывалось все больше неевреев. Таким образом, и иудей, и христианин обращаются к Богу Авраама, оба они претендуют на единственно верную интерпретацию Его воли, оба глубоко почитают одну и ту же священную книгу, но понимают ее каждый по-своему. Добавим к этому, что римские власти на первых порах, видимо, не делали особых различий между теми и другими. Наиболее ранние латинские тексты, которыми мы располагаем, откровенно путают их друг с другом (Так, Светоний пишет в своей «Жизни двенадцати цезарей»: «Иудеев, постоянно волнуемых Крестом он [Клавдий] изгнал из Рима» (Клавдий, 25).).

Похоже, что очень редко можно встретить ситуацию, столь сильно способствующую возникновению непримиримой вражды.

То, что евреи диаспоры, гордящиеся своими старинными привилегиями, старались держаться на расстоянии от своих соперников, что они при случае даже выдавали властям тех, кого они считали опасными еретиками, не выглядит невероятным. Со своей стороны христиане, эти диссиденты иудаизма, с горечью обнаруживали, что их пропаганда среди избранного народа не приносит больших результатов; поэтому им стало важно доказать всему миру, что Бог перестал считать этот народ избранным, чтобы передать эту роль «Новому Израилю». Разрушение Храма дало им для этого исключительно сильный аргумент: столь страшная катастрофа могла быть только наказанием Господним; разве это не доказывает, что Бог окончательно отвернулся от Своего народа?

Некоторые еврейские тексты того времени выражают сходную мысль, но совсем иначе объясняют причины этой кары: согласно бен Азаю, Израиль был рассеян именно потому, что он отрекся от единого Бога, от обрезания, от заповедей и от Торы (Ekaḥ Rabati, I, 1.).

С другой стороны, вследствие все более широкого обращения к неевреям христианская церковь незаметно впитывает в себя языческие влияния и очень быстро начинает приписывать Иисусу божественное начало. Начиная с этого момента его смерть естественно становится «богоубийством», самым ужасным преступлением, и этот чудовищный грех столь же естественно падает на голову евреев, которые его отвергли; таким образом, доказательство их падения становится окончательным. К тому же, вероятно, было тонким политическим ходом освободить от всякой ответственности за это римлян, в чьих руках находилась вся полнота власти. В результате все встает на свои места: грех и искупление, отречение и новое избрание. Для существования христианства отныне было необходимо, чтобы евреи стали преступным народом.

Таким образом, с самых первых веков существования христианства смешались разные причины исходного антагонизма между евреями и христианами, идет ли речь о соперничестве в прозелитизме, об усилиях привлечь на свою сто-

рону доброжелательность власть предержащих или о требованиях теологии; во всем этом содержатся семена собственно христианского антисемитизма. Далее мы коротко рассмотрим эти вопросы.

Что касается отношения римских властей к евреям с одной стороны и к христианам—с другой, оно несколько раз менялось на протяжении первых трех веков после возникновения христианства. Из писем Тацита и Плиния Младшего нам известно, что Рим научился отличать одних от других уже в начале II века. В эпоху, когда император Адриан запретил обрезание и когда разразилось в Палестине кровавое восстание Бар-Кохбы (132-135 гг.), усилия первых христианских апологетов были направлены на то, чтобы показать, что христиане не имеют никакого отношения к еврейскому народу и к Иудее и что они являются безупречными подданными Империи. Но преемник Адриана Антонин восстановил свободу отправления еврейского культа. В III веке перед лицом все более увеличивающихся успехов христианской проповеди, когда уже во всех провин-

циях Империи существовали многочисленные и активные христианские общины, начинается эра великих гонений на христиан, удвоенная ненавистью масс, которых раздражало присущее христианам сознание собственной исключительности. В глазах языческих интеллектуалов последователи Иисуса были лишены даже такого смягчающего обстоятельства, как принадлежность к религии, разумеется, абсурдной и раздражающей, но хотя бы обладающей чертами благородства, характерной для национальной традиции, уходящей в глубочайшую древность. А христиане были совсем новым, недавно появившимся источником раздражения, *genus tertium* (существами «третьего пола»), как их дразнила толпа в цирке. Так что они оказались жертвами самого настоящего «переноса враждебности». Рассказы Манефона или Апиона о позорном еврейском культе отныне прилагаются к культу христианскому. Как пишет Х. Лицман, «всякий раз, когда случается какое-нибудь бедствие, чума или голод, разъяренная толпа громкими криками требует предать христиан смерти: «Пусть их бросят на съе-

дение львам!» (В этих строках для автора-еврея звучат знакомые звуки.)

Нет ничего удивительного, что в этих условиях евреи пытались добиться какой-то выгоды для себя и объединялись с языческим лагерем. Тем не менее, известно много случаев похорон христианских мучеников на еврейских кладбищах, а также, как об этом свидетельствует Тертуллиан, евреи иногда предоставляли преследуемым христианам убежище в своих синагогах... Новый переворот произошёл, когда христианство стало официально признанной религией, к чему мы ещё вернемся.

Соперничество в прозелитизме также способствовало процессу восстановления евреев и христиан друг против друга. Хотя христианская проповедь оказалась гораздо более эффективной, чем проповедь еврейская, это не означает, что иудаизм утратил свою привлекательность, и его сторонники не прекратили своих усилий. Напротив, как свидетельствуют некоторые источники, во II и III веках они были даже более активными, чем ранее. Ювенал высмеивал «родителей,

чей пример совращал детей», около 130 года. Когда несколькими годами позже император Антонин восстановил свободу отправления еврейского культа, он позаботился о том, чтобы ограничить пропаганду иудаизма, и сохранил запрет совершать обрезание неевреям под страхом смерти или изгнания. Еврейские источники сообщают, что многие известные ученые авторитеты Израиля той эпохи были прозелитами (Среди них называются р. Шемайя, р. Абтаьлон, р. Меир и даже сам знаменитый р. Акива.). В этих же источниках рассказывается о торжественных церемониях принятия прозелитов в III веке и публичных собраниях, на которых прославлялась Тора. Кому же был адресован этот прозелитизм? Представляется вполне правдоподобным допущение, что он охватывал обращенных в христианство не в меньшей степени, чем язычников. В самом деле, разве евреи не продолжали оставаться народом Библии, а их ученые мужи самыми опытными ее истолкователями? Разве самые первые экзегеты христианства, вплоть до Иеронима, не отправлялись к раввинам в поисках знаний? Разве

в течение более двух веков христиане не жили по еврейскому календарю? Так устанавливались контакты, подчас весьма опасные для ортодоксии новой веры.

Не забудем, что на протяжении первых двух или трех веков своего существования христианская церковь еще не имела иерархической структуры и не знала никакого высшего органа, признаваемого всеми; каждая община могла трактовать священные тексты по-своему, возникали бесчисленные секты и ереси, часто более или менее близкие иудаизму, так что престиж народа Писания получал множество возможностей для своего утверждения и для влияния на умы.

Социальное положение евреев было далеко от того, чтобы они могли служить опорой для других. Вся проблема по-прежнему заключалась в следующем: кто лучше всех мог правильно трактовать Библию, чем народ, которому она была дана и который пронес ее сквозь века? Если христиане и евреи продолжали соперничать среди язычников, иудаизм вполне мог притягивать к себе и рядовых сторонников рождающегося христи-

анства. А это приводит нас к собственно теологическому соперничеству, которое находит свое крайнее выражение в том, что получило название «теологического антисемитизма».

В начале III века положение о каре Господней для евреев было четко сформулировано Оригеном: «Итак, мы можем с полной уверенностью утверждать, что евреи никогда не вернут себе былого, поскольку они совершили самый отвратительный грех, организовав заговор против Спасителя рода человеческого... Поэтому стало необходимым, чтобы город, где Иисус претерпел свои страдания, был разрушен до основания, чтобы еврейский народ был изгнан со своей земли и чтобы другие были призваны Господом как счастливые избранные.» (Во время преследований христиан евреи не без иронии воспользуются этим же аргументом: «Неужели среди вас нет ни одного человека, чьи мольбы были бы услышаны Богом и остановили бы ваши несчастья?»)

Очень хорошо можно рассмотреть постепенное развитие «теологического антисемитизма» во всех деталях на примере медленной эволюции

пасхальной литургии. Согласно Дидаскалии, одному из самых ранних дошедших до нас церковных документов, основным мотивом пасхальных ритуалов, видимо, было наряду с церемониями, « посвященными Страстям Господним », испрашивание прощения виновным и неверным евреям: « . . . Знайте же, братья мои, по поводу поста, которым мы постимся на Пасху, вы поститесь за наших ослушавшихся братьев, даже если они вас возненавидят. . . Нам следует поститься и плакать о них, об осуждении и о разрушении страны. . . потому что когда Господь наш пришел к еврейскому народу, они не поверили тому, чему Он учил их. . . » (V, 14, 23).

Но вскоре большая часть христианского мира отбросила подобные взгляды. В то же время уточняются новые мотивы праздника (« Страсти и Воскресение Господне »); многие общины, и прежде всего римская община, постановляют изменить дату праздника, исчислять ее самостоятельно, чтобы тем самым избежать унижительной зависимости от евреев. В « Святую пятницу » молятся за язычников, так же как и за евреев; в

конце концов, с IX века некоторые формулы римской литургии ясно указывают: «Pro Judaeis non flectant» («Не преклонять колени за иудеев»).

Уже в евангелиях можно заметить начало подобной эволюции. Разве не является «Евангелие от Иоанна», самое позднее по времени написания, одновременно и самым враждебным по отношению к евреям? В евангелиях можно найти и еще примеры. Конечно, то, что имя именно того апостола, который предаст своего учителя, совпадает на иврите с названием Иудеи—родины евреев—могло быть простой случайностью. Но это слишком поразительная случайность, чтобы не предположить сознательное желание сделать символическим позор, который отныне станет давить на избранный народ,—это истолкование психологически представляется более убедительным.

В этих условиях нет ничего удивительного, что начиная с IV века, и при этом в большей степени на Востоке, где евреев было намного больше, чем на Западе, проповедники начинают бросать в их адрес обвинения и проклятия, полные

неслыханной ярости: «Губители Господа, убийцы пророков, бунтовщики и богоненавистники, они попирают Закон, глухи к милосердию, отвергают веру своих отцов. Приспешники дьявола, порождения ехидны, предатели, лжецы, помутненные разумом, рассадник фарисейства, вместилище демонов, проклятые, ужасные, палачи, враги всего прекрасного. . . » (Григорий Нисский). «. . . Синагога—это одновременно публичный дом и театр, логово бандитов и зверинец. . . Евреи живут только для того, чтобы набивать себе брюхо, всегда с разинутым ртом, они ведут себя не лучше, чем свиньи и кабаны с их чувственной ненасытностью и неслыханным обжорством. Они занимаются только одним: объедаются и напиваются. . . » (Иоанн Златоуст).

Христианский антисемитизм проявляется прежде всего и сильнее всего в религиозной форме, но причины его разнообразны, противоречивы и темны. От Зигмунда Фрейда, который видел причину в ревности «плохо крещеных», у которых «ненависть к евреям на самом деле является ненавистью к Христу», до Жюль Исая-

ка, осудившего «обучение презрению», которое поддерживалось церквями вплоть до начала XX века,—каждый крупный автор настаивал на своих причинах и, разумеется, каждый отмечал какой-либо аспект истины.

Недавно американскому медиевисту Гавену И. Лангмуру удалось проникнуть глубже, чем его предшественникам, и осветить особую тоску и беспокойство, охватывавшие простые и страстные умы средневековья, для которых евреи представляли самую ужасную опасность. Утверждение, согласно которому «евреи погубили Христа», пишет Лангмур, «выражает и одновременно подавляет истину совсем иного свойства: сознание, присущее христианам во все времена, что евреи могли быть правы в том, что касается чисто земной природы Христа и призрачности их веры в его воскресение». Разнообразные обвинения в адрес евреев «олицетворяли собой фундаментальную угрозу: Христос мог быть всего лишь умершим человеком, а христианская вера могла погибнуть». В результате становилась совершенно бессмысленной вера в вечное спасение во Хри-

сте.

Именно в этих условиях евреи как свидетели главной ошибки христианства были превращены отцами церкви, и в первую очередь Августином, в «свидетелей его истинности». Лангмуру удалось показать, что только такой ужас высшего порядка может оправдать ту однообразную ярость, с которой крупнейшие христианские мыслители выдвигали свой главный аргумент при объяснении несчастий и падения евреев. Так, в 427 году Августин писал:

«Евреи, Его губители, которые не захотели поверить в Него, потому что было необходимо, чтобы Он умер и воскрес, с того времени попали под жестокий гнет римлян, были изгнаны из своей страны, где они уже находились под властью чужеземцев. Уничтоженные и рассеянные по свету, евреи, которых можно встретить повсюду, дают нам свидетельство своими Писаниями, что пророчества об Иисусе Христе не являются нашей выдумкой (. . .) Итак, хотя они не хотят верить в наши Писания, их собственные, которые

они читают, не понимая их, исполняются сами собой».

А вот что писал Карл Барт в 1942 г.:

«Является общепризнанным, что существование евреев служит адекватным доказательством бытия Божия. Это адекватная демонстрация глубины человеческой вины и, тем самым, непостижимого величия божественной любви{...} Евреи гетто осуществляют эту демонстрацию, не желая этого, без радости и славы, но они делают это. Им нечего свидетельствовать миру кроме тени креста Иисуса Христа, нависшей над ними».

***

В эволюции, описанной выше, особая роль принадлежит обширным районам, которым в последующие столетия суждено будет попасть под власть победоносного ислама—Вавилонии, Северной Африке и Испании. Поэтому важно рассмотреть ситуации в этих странах.

Вавилон

Среди всех еврейских колоний времен античной диаспоры самой древней, самой стабильной и безусловно самой многочисленной была вавилонская. Как известно, на протяжении тысячелетия ей дважды выпало сыграть принципиально важную роль в еврейской истории. Происхождение этой колонии относится к незапамятным временам, по крайней мере к первой организованной депортации сынов Израиля, а именно пленению десяти колен ассирийским царем Сарганом II в 720 г. до н. э. (В надписи на стенах дворца в Хорсабаде этот правитель называет их число—27 290 человек).

Очень быстро следы этих десяти колен теряются; но несколько поколений спустя к ним присоединятся два колена из Иудеи, герои того удивительного духовного события, каким явилось вавилонское пленение. Можно смело сказать, что история иудаизма начинается в 586 г. до н. э. на вавилонской земле, и что была необходима эта насильственная разлука с родной землей и с Храмом, чтобы иудаизм получил свою печать универсальности и духовности. Без со-

мнения, первому изгнанию принадлежала определяющая роль в процессе становления основных еврейских традиций: именно там зародилась непоколебимая верность Сиону и были искоренены последние остатки идолопоклонства. Там была осуществлена окончательная редакция Пятикнижия. И именно там эти пленники сумели извлечь урок из своей истории, научились находить смысл в своих испытаниях и сохранять этот смысл, там они выработали свою, присущую только евреям, историческую память. Еще более замечательно то, что вопреки трагическим мотивам 137 псалма (в Септуагинте—псалом 136,— прим. ред.) и Плача Иеремии, реальные условия жизни в плену не обнаруживают никаких трагических аспектов, скорее наоборот. На Древнем Востоке переселение завоеванных народов было обычной политической акцией. И после ее осуществления ассирийские, вавилонские или персидские монархи предоставляли депортированным народам возможность жить и работать в мире, согласно обычаям их предков и под властью их традиционных вождей.

В этих условиях еврейские пленники—умелые и трудолюбивые земледельцы—быстро освоились на плодородных землях Месопотамии, «строя дома и разводя сады» в соответствии с указаниями пророка. Книги Ездры и Неемии ясно показывают, что лишь меньшая их часть решилась принять участие в великом событии возвращения на родную землю, ставшем возможным через полстолетия благодаря персидскому завоеванию. Значительная часть осталась в Вавилоне. В начале нашей эры некоторые города, в том числе Наардея, Пумбедита, Сура, Махуза населены почти исключительно евреями. Согласно самым достоверным современным статистическим оценкам, число вавилонских евреев достигало в III веке по меньшей мере одного миллиона человек. Вследствие политических потрясений, а также благодаря обращению в иудаизм, иногда возникали еврейские государственные образования: Адиабена, где местный правитель Изат перешел в иудаизм в начале 1 века; разбойничье царство, основанное в это же время двумя братьями Асинаем и Анилаем, от которых в течение пятнадца-

ти лет «зависели все дела в Месопотамии¹¹»; три столетиями позже вокруг города Махуза возникло еврейское княжество, просуществовавшее, согласно средневековой хронологической книге «Седер Олам», семь лет. Но все это были события исключительные: несмотря на свою многочисленность, евреи остались меньшинством, лишенным внешних союзников и большой политической власти. Точно так же, за исключением нескольких эпизодических конфликтов местного значения, парфянские цари позволяли им жить в мире, и их положение резко отличается от положения христиан, которых начиная с IV века преследовали как агентов Рима—исторического, можно сказать, наследственного врага Парфии.

Следует особо подчеркнуть, что в Парфянской (или Персидской) империи государственной религией был зороастризм, т. е. единственный культ, который независимо от иудаизма смог медленно подняться до монотеистической концепции, до понимания единого морального принципа, повелевающего судьбами мира и людей. . . . Некоторые отрывки из Зенд-Авесты, священной

книги Заратуштры, производят впечатление замечательной откровенности и чистоты. Нет ничего удивительного в том, что (будучи прочитанными столь издавна) они могли захватить воображение Ницше. Естественно, не может не возникнуть вопрос, были ли интерференции и заимствования (и какие именно) между обеими монотеистическими религиями.

Специалисты согласны в том, что еврейские заимствования концепций окружающего их мира сводятся к некоторым предрассудкам, порожденным богатой восточной фантазией, к нескольким вычурным описаниям демонов или ангелов, которые можно встретить в Агаде. Но эти заимствования ни в коей мере не повлияли на собственные религиозные и этические концепции иудаизма. Справедливость подобных взглядов выглядит неоспоримой, если вспомнить, что Вавилонский Талмуд представляет собой окончательную кодификацию системы взглядов, выработанных в основном в Стране Израиля. Самое большее, совпадения и скрытые аналогии между учением Моисея и учением Зороастра при отсутствии пря-

мой преимущества (что, естественно, благоприятствует развитию соперничества) могли способствовать взаимопониманию, которое сделало участь евреев в Вавилоне столь безопасной и исключительно завидной.

Таким образом, полностью отбрасывая поиски симптомов «антисемитизма», какой-то особой дискриминации, мы должны выяснить, что же представляла собой эта ситуация в один из важнейших периодов для будущего развития иудаизма в диаспоре.

В рамках Парфянской империи, все население которой было жестко разделено на замкнутые касты (духовенство, воины, чиновники, народ), евреи составляли отдельную касту, расселенную на определенной территории, и в границах своего поселения занимались всеми профессиями, известными тогдашнему миру, но больше всего сельским хозяйством. Речь здесь идет о настоящем закрытом обществе, которое пользовалось достаточно большой автономией. Во главе общины стоял эксиларх, титул которого передавался по наследству и который содержал в Нагар-

дее пышный двор и подчинялся только самому царю. Его происхождение возводили к царю Давиду. Эксиларх имел всю полноту власти над своими подданными, а по отношению к царю выступал в качестве лояльного и послушного наместника: это в Вавилоне был выработан традиционный еврейский принцип: «Закон страны—это закон» («Dina de malkhuta dina» (Закон страны—закон [для еврейской общины])). Этот принцип был впервые сформулирован в начале III века главой академии Нагардеи р. Шмуэлем.). Власть этого принципа ограничивалась лишь авторитетом, которым традиционно пользовались мнения амораев (учителей), хранителей и распространителей священного учения и составителей Талмуда. Кстати, именно Талмуд является нашим основным источником сведений об истории евреев Вавилона: среди тонких юридических дискуссий, сквозь причудливые переплетения легенд и притч Талмуда удастся найти бесчисленные детали повседневной жизни и нравов. Читатель Талмуда узнает о высоком уважении, которое мудрецы Израиля воспитывали по отношению к физическо-

му труду, являвшемуся основным занятием в ту эпоху и стоявшему гораздо выше торговли. Он также присутствует при тех сражениях, которые они вели за чистоту семейных нравов, в то же время проявляя достаточно четко выраженное восточное презрение к женщине. Верно, что по большинству вопросов в океане Талмуда можно найти достаточно противоречивые точки зрения (ученые находят особое удовольствие в спорах). Но есть одно положение, по поводу которого господствует полное единодушие—это абсолютное предпочтение, отдаваемое учению. Как весьма выразительно сказано в одном тексте: «Весь мир существует благодаря дыханию учеников»; была уверенность, что только усилия ученых и учащих-ся позволяют ежедневно отвращать от мира гнев Божий. С этих времен образование у евреев стало обязательным, бесплатным и всеобщим; само собой разумеется, что речь здесь идет об изучении священных книг. Однако некоторые талмудисты не пренебрегали и «греческой наукой», когда дело касалось точных наук, и занимались астрономией и математикой.

Многочисленное и компактное еврейское население имело в целом мало контактов с окружающим миром и на протяжении многих веков вплоть до арабского завоевания продолжало по традиции пользоваться арамейским в качестве повседневного разговорного языка. Удивительная стабильность положения евреев в Месопотамии находит подтверждение в некоторых формулах Талмуда, которые странным образом диссонируют с классическими мотивами диаспоры, с постоянной ностальгией по Сиону, а некоторые учителя категорически запрещали покидать страну даже ради репатриации в Страну Израиля: «Тот, кто покинет Вавилон ради Палестины, нарушит библейскую заповедь»,—уверял раби Йегуда бен Йехезкель, имея в виду один стих Иеремии. Своим ученикам этот мудрец даже запрещал учиться у ученых, приехавших из Страны Израиля, Знаменитые учителя Рав и Шмуэль называли «Страной Израиля» районы Суры и Пумбедиты, где они преподавали. Можно сказать, что существовал настоящий комплекс превосходства вавилонских евреев, опиравшийся как

на древность их общины, так и на преимущества их положения, и выразившийся в формулах, вроде приводимых ниже:

«Все страны несовершенны по сравнению с Эрец Исраэль, но она сама такова по сравнению с Вавилоном».

«Вавилон всегда считается чистым, пока не появится причина, чтобы считать его нечистым. Напротив, другие страны считаются нечистыми, пока не появится доказательство, позволяющее объявить их чистыми».

Таков был тот оазис, в котором на протяжении почти тысячи лет находился основной центр иудаизма, где был составлен Талмуд, и чье влияние и престиж не имели равных во всей диаспоре. Как мы еще увидим, арабское завоевание еще больше усилит это превосходство. И хотя вторжения сельджуков положат этому конец тремя или четырьмя веками позже, значительная еврейская колония будет существовать в Месопотамии вплоть до нашей эпохи, а точнее вплоть до 1950 г. н. э. В этом году почти вся община

репатриировалась в Израиль, чем и завершатся два с половиной тысячелетия непрерывного еврейского присутствия на «родине Авраама».

Северная Африка

История евреев Магриба уходит в очень далекое прошлое, к доисторическим временам, когда финикийцы начали колонизацию «Ифрикии» и основали город Карфаген. Эти события породили множество легенд. Если верить знаменитому арабскому историку Ибн Халдуну, берберы как народ происходят из Страны Израиля, и якобы их первым царем был Голиаф. Согласно византийцу Прокопию, берберы являются потомками аморейских и иных племен, обращенных в бегство Иисусом Навином. Конечно, это только легенды, но они отражают тот несомненный факт, что за много веков до нашей эры семитские колонизаторы, те самые, которые основали Карфаген, принесли в Северную Африку свою культуру и свой язык, который был гораздо ближе к еврейскому, чем к арамейскому или арабскому. Совершенно очевидно, что некоторые местные культы Северной Африки в древности были буквально насыщены чисто еврейскими влияниями. Так, при раскопках порта Хадрумет были найдены странные магические таблички с именем Бога Израиля, иногда только с ним одним, иногда вме-

сте с именами других богов. На них можно прочесть, например: «Я заклинаю тебя, дьявольский дух, находящийся здесь, священным именем. Это имя Аоф, Алаоф, Бог Авраама, Йао Исаака, Йао, Аоф, Абаоф, Бог Израиля...» Таким образом, не может быть никаких сомнений в том, что с самых древних времен евреи селились в Северной Африке, следуя за финикийцами и приспособлявая эти земли для распространения иудаизма, а тем самым и для христианства. Это объясняет, почему в течение первых веков нашей эры, еще до ислама, «в эпоху, которая продолжалась от Тертуллиана и Киприана вплоть до Августина, образование распространялось из Северной Африки на весь христианский мир Запада».

Итак, когда начался процесс массового расселения евреев по миру, а вопреки традиционным представлениям о связанных с ним бедствиях, о чем следует постоянно напоминать, он начался задолго до Иудейской войны и разрушения Храма,—то именно в Северной Африке они нашли самую гостеприимную встречу. Не случайно, по преданию, зафиксированному в Талмуде,

десять утерянных колен якобы попали в Африку, а затем, по той же легенде, рабы Акива в течение долгого времени находился в этой стране. Со своей стороны отцы церкви, такие как Иероним, Тертуллиан и Августин, множество раз отмечают древность и процветание еврейских колоний Мавритании, Нумидии и Ливии. Кроме того, в этих регионах иудаизм распространялся столь активно, в большей степени благодаря прозелитизму, чем вследствие иммиграции. Происхождение от общего предка, Авраама, придавало ему, учитывая всевозможные влияния, о которых мы уже говорили, высоко ценимые аристократические черты. Вероятно, постепенное и незаметное исчезновение древних финикийских колонизаторов объясняется именно их обращением в иудаизм.

Но хотя эти еврейские колонии, столь многочисленные в городах побережья, не особенно отличались от таких же колоний в Малой Азии, Сирии и Александрии, в начале нашей эры Северная Африка принимает совсем иную волну еврейской иммиграции, гораздо более интересную с точки

зрения темы нашего исследования. Известно, что zeloty, оказавшие Веспасиану и Титу в 69-70 годах яростное сопротивление, не были полностью уничтожены во время Иудейской войны: отдельным группам удалось перебраться в Киренаику, где евреи подняли в 112 году новое восстание («последний уголок в мире, где мы видим еврея с оружием в руках», как заметил Е. Ф. Готье) и углубились еще дальше на запад. Им удалось обратиться в свою веру кочевников-берберов, которые обитали на самой границе пустыни и вели свою собственную войну с Римом. Похоже даже, что этим остаткам zelотов удалось занести свою религию еще дальше, южнее Тимбукту, к негритянским народностям Нигера—к фульбе. Уже более столетия это предположение, основанное на самых разных аргументах, археологических и лингвистических, обсуждается антропологами. В наши дни оно находит новые подтверждения в смутных исторических воспоминаниях, которые постепенно проявляются по мере пробуждения самосознания этих народов. Пример фалашей, этой негритянской народности Эфиопии, со-

хранившей свой иудаизм, можно рассматривать как еще один дополнительный аргумент.

Но что бы там ни происходило в древности к югу от Сахары, и какие бы легендарные еврейские царства там ни процветали, несомненно, что на севере целый ряд берберских племен в конце концов перешел в иудаизм. Культ Бога Израиля являлся для них мощным фактором сплочения и единства в тех битвах, которые они вели против Римской империи. Когда же христианство стало в Риме официальной государственной религией, значение этого фактора еще больше усилилось в ту самую эпоху, когда древние еврейские колонии побережья, испытывавшие всевозможные нападки и притеснения, приходили в упадок и исчезали, так же как и многочисленные еретические христианские секты. Иными словами, иудаизм закрепился в Северной Африке отнюдь не вследствие мирного процесса прозелитизма, а благодаря непримиримым воинственным жителям внутренних регионов.

Когда волны победоносного ислама обрушились на эти районы, христианское побережье бы-

ло быстро затоплено ими. В то же время берберские племена, исповедовавшие иудаизм, оказали арабам длительное и упорное сопротивление. Их главным опорным пунктом был горный массив Орес, во все времена служивший убежищем для непокорных. Ими командовала вдохновенная женщина, царица и пророчица по имени Кахина (Дихия бинт Таббит, прозванная арабами Кахина—«колдунья, пророчица»,—прим. ред.).

В 69 году хиджры, т. е. в 688 г. н. э. Хасан (арабский полководец Хасан ибн ан-Нуvas,— прим. ред.) попытался подчинить себе Орес, но вынужден был отступить, понеся тяжелые потери. Арабы отошли в Триполитанию, и в течение пяти лет Кахина была полновластной хозяйкой всего Магриба. Похоже, она была безжалостной правительницей, но о ее эфемерном царствовании почти ничего не известно, Арабские историки сообщают гораздо больше подробностей о ее смерти. Когда войска Хасана вновь перешли в наступление, еврейская королева узнала благодаря вещему сну, что она погибнет в грядущей битве. Тем не менее, она не уклонилась от боя, «пото-

му что отдать свою страну захватчику было бы позором для ее народа», и погибла, повелев перед смертью двум своим сыновьям подчиниться врагу и принять ислам. Согласно арабским историкам, таков был конец господства иудаизма в Северной Африке.

Испания

Какие только теории не получили распространения по поводу происхождения испанских евреев! Испанские евреи могли законно претендовать на самую глубокую древность в том, что касалось их происхождения. Но уже с весьма ранних времен они старались еще более углублять в прошлое свою историю, возведя свое происхождение к началу времен. Основным мотивом подобных утверждений было без всякого сомнения стремление доказать, что их предки ни в какой мере не участвовали в распятии Иисуса. К этому еще примешивалось навязчивое желание продемонстрировать, что они жили в своей собственной стране... Считалось, что надгробный камень Сагонта лежал на могиле Адонирама, легендарного слуги царя Соломона, отправленного им с поручением в эту далекую страну. Даже названия городов звучали весьма красноречиво: разве Эскалуна не была библейским Эскалопом? Македа—Македа? Хопе—Яффа? И даже само название столицы—Толедо—разве не происходило от слова Толедот (что значит «поколения»)? В соответствии с еще более фантастической эти-

мологией совсем недавнего времени (а подобные игры никогда не прекращаются) Андалусия—это сокращение слов (Г)ан-Эден «рай». Эти легенды и множество других, подобных им, были старательно собраны в 1799 году одним знатоком в самой католической Испании и опубликованы Королевской Академией в Мадриде, ибо не только одни евреи интересовались этими проблемами. Что же касается фактов, то они выглядят примерно так.

Аналогично ситуации в Северной Африке, можно с большой уверенностью предполагать, что евреи обосновались в Испании в очень древнюю эпоху, за много веков до нашей эры, вслед за финикийскими и карфагенскими колонизаторами, но какие-либо точные доказательства в поддержку этой теории отсутствуют. Упоминания об этом, вроде бы обнаруженные в Талмуде, являются неточными и спорными. Казалось бы, более точная информация содержится в Новом Завете, из которого мы узнаем, что апостол Павел посетил или собирался посетить Испанию во время своих путешествий (Послание к Римлянам,

XV, 24 и 28). Известно, что апостол нес «благую весть» только в те места, где жили евреи или примкнувшие к иудаизму. Евреи Испании должны были процветать и умножаться в течение последующих столетий. Во всяком случае, в документах Эльвирского собора 300 года содержатся многочисленные и разнообразные рассуждения, призывающие христиан к бдительности в отношении евреев. Согласно «Словарю католической теологии», это был «самый ранний церковный собор, от которого сохранились дисциплинарные каноны». Было запрещено под страхом изгнания из общины есть вместе с евреями (канон 50) и под страхом отлучения от церкви заключать с ними брачные связи или просить их благословить будущий урожай (канон 49). Эти принципы в последующие века распространятся по всей христианской Европе.

Ни выдвижение христианства в ранг официальной государственной религии, ни потрясения, последовавшие за распадом Римской империи и германским вторжением, не смогли помешать распространению иудаизма в Испании. Лишь че-

рез три века иудаизм станет объектом гораздо более суровых и тщательно разработанных законов, которые послужат прецедентом и будут копироваться в других странах в последующие столетия.

Вестготские короли, правившие Испанией с начала VI века, были сторонниками арианской ереси и вообще довольно терпимыми в делах веры. Но в 589 году один из них, а именно Рекаред, перешел в католичество и начал издавать эдикты против евреев, так же как и против своих бывших единоверцев ариан. Это были многочисленные законы, впоследствии еще более усиленные его преемниками. По поводу этих законов Монте-ссье категорически утверждал в «Духе законов»: «Мы обязаны кодексу вестготов всеми формулами, всеми принципами и всеми взглядами сегодняшней инквизиции; монахи лишь направляли против евреев законы, написанные в прошлом...

Законы вестготов устаревшие, неудачные, глупые; они отнюдь не достигают своей цели; в них много риторики, но мало смысла, они неглу-

боки по содержанию и напыщены по стилю.»

Что бы ни думать об этом рассуждении в целом, нет сомнений, что через несколько веков после Кодекса вестготов инквизиция, далекая от того, чтобы создавать что-то оригинальное, занялась тем, что стала черпать из запаса текстов, разработанных теологами и юристами VII века и отличающихся бессмысленной тщательностью и скрупулезностью. Об этом еще пойдет речь в следующих главах. Сейчас они интересуют нас только постольку, поскольку почти за тысячу лет до Торквемады они породили реакцию «марранизма» до появления самого этого понятия (т. е. ложных обращений в христианство, в то время как в тайне продолжал исповедоваться иудаизм), а также сильные антихристианские настроения.

Что касается ложных обращений в христианство, то распространенность этого явления становится очевидной при анализе текстов законов, направленных на разоблачение мнимых христиан. В частности, бывшие евреи должны были представлять перед своим епископом каждую субботу и каждый еврейский праздник, чтобы дока-

зять, что они больше их не соблюдают. А если они отправлялись в путешествие? В этом случае обращенный в христианство должен был представлять перед священником на каждом этапе своего пути и получать от него свидетельство о несоблюдении субботы, каковые он предъявлял священникам соседних приходов, а затем, по возвращении, путешественник должен был вручить всю коллекцию этих свидетельств своему епископу.

В случае несоблюдения этих правил применялось особое наказание *decalvatio* (искупление), суть которого в настоящее время служит объектом бесплодных споров эрудитов. К тому же совершенно не известно, имелось ли в Испании под властью короля Эрвига, автора этого закона, достаточное количество образованных священников, способных на все это бумажное творчество. Весьма вероятно, что Монтескье был прав, когда говорил о законах, «лишенных смысла».

Что до ответной реакции, то она не заставила себя долго ждать. Этот вопрос также явился поводом для долгих ученых дискуссий, вызванных авторами нескольких исторических хроник (Ро-

дерик из Толедо, Лукас из Туя), которые утверждают, что евреи поспешили «предать», т. е. показать арабам пути и самые надежные способы для облегчения захвата Иберийского полуострова в 711 году, и что в ходе завоевания они оказывали арабам существенную помощь.

Книга 2 Ислам

I. ПРОРОК

Известно, что существует столько теорий о Мухаммаде, сколько у него было биографов, причем они не могут прийти к согласию даже в том, у кого он изучал Священное писание—у евреев или у христиан. Эта деталь сразу же указывает на необычную скудость и неточность наших знаний о происхождении ислама. Однако Мухаммад—это единственный основатель мировой религии, который предстает перед нами как человек в полный рост. Мы можем проследить шаг за шагом его религиозный опыт. Но, к несчастью, книга, которую он нам завещал,—Коран—была письменно зафиксирована много позже его смерти. В самом деле, окончательная редакция Корана в том виде, как он дошел до нас, восходит ко времени третьего его преемника, халифа Османа, и была осуществлена через два десятка лет после смерти Мухаммада. Это серьезно уменьшает ее значение как исторического источника, поскольку за это время могли быть сделаны добавления или наоборот сокращения. Тем не менее, Коран остается нашей главной путеводной нитью в том, что касается рождения ислама.

Итак, задача востоковеда в данном случае достаточно трудна, но, к счастью, археолог и этнограф готовы оказать ему серьезную поддержку. В наше время хорошо изучена ситуация в Аравии в начале VII века. На самой окраине великих империй, Византии и Персии, эта пустыня, с разбросанными по ней несколькими оазисами, была населена бедуинскими племенами. Они вели кочевой и патриархальный образ жизни, весьма похожий на образ жизни ветхозаветных племен, и точно так же практиковали обрезание. Они почитали священные камни, из которых самым известным был черный камень Каабы в Мекке.

В то же время через эту страну проходили несколько важнейших торговых путей, связывавших Сирию с Йеменом и Индийский океан со Средиземным морем. Таким образом, на перекрестках караванных троп возникли города, в том числе Медина и Мекка, где осели многочисленные кланы, старейшины которых стали процветающими торговцами, установившими связи с византийскими и персидскими чиновниками и путешественниками. В результате, в Аравии рас-

пространялись идеи и концепции, возникавшие в более раз витых странах, С очень древних времен арабам были хорошо известны некоторые библейские предания, чему способствовало родство языков. Арабы охотно причисляли себя к потомкам Авраама по линии Измаила, изгнанного в пустыню. В более поздние времена, спасаясь от преследования Рима и Византии, сюда бежали и обосновались среди арабов в довольно значительных количествах сначала евреи, а затем христиане несторианского толка. И те и другие активно занимались прозелитизмом. Некоторые племена, в том числе таглиб и наджран, перешли в христианство, другие—кайнука, надир, курайза—в иудаизм. В обоих случаях речь условно шла о религии, приспособленной к требованиям кочевников, крайне упрощенной, часто сведенной к нескольким практическим требованиям.

Без сомнения, первые проповедники монотеизма в Аравии, были ли они евреями или христианами, распространяли среди своей паствы ту ненависть и подозрительность к конкуренту, ко-

торая уже успела сложиться в ходе вековой вражды, особенно в связи с христианской доктриной отвергнутого Израиля.

Такова была ситуация в Аравии, когда там в городе Мекке около 570 года родился мальчик, которому было суждено перевернуть мир. Став сиротой в раннем детстве, будущий пророк воспитывался своим дядей, богатым торговцем. Вероятно, уже в детстве у него были возможности сопровождать дядю в его поездках и посещать страны с более высокой культурой, особенно христианскую Сирию. Но у себя в Мекке, оживленном торговом центре, он также имел возможности встречаться с христианами и евреями. Поэтому вопрос о том, каким образом и через кого он познакомился со священными еврейскими и христианскими книгами, наверное, никогда уже не получит удовлетворительного решения. К тому же мы увидим, что это были весьма несовершенные знания, с существенными лакунами.

В возрасте двадцати пяти лет молодой Мухаммад женился на богатой вдове Хадидже, которая была старше его на пятнадцать лет, и с

тех пор путешествовал с караванами своей жены. Так, во времена своей молодости он имел превосходную возможность расширить свой кругозор и познакомиться с другими странами и обычаями. Когда ему исполнилось сорок лет, он стал испытывать ужасные приступы тоски, а затем его стали посещать видения и откровения, во время которых архангел Гавриил сообщил ему Божественный приказ передать своим соплеменникам послание единого и единственного Бога—Аллаха. Эти видения и откровения описаны в Коране достаточно подробно, так что можно найти в них много общих черт с религиозным опытом, который содержится в откровениях других великих мистиков.

Согласно мусульманской традиции, сначала Мухаммад проповедовал в течение десяти лет (с 612 по 622 год) в Мекке. Пророк не добился там большого успеха и смог обратить в свою веру только несколько десятков человек. Кроме того, он подвергался насмешкам и даже преследованиям со стороны мекканцев. Тогда он решил перебраться со своими сторонниками в Меди-

ну (Ясриб)—город, расположенный несколькими сотнями километров к северу и населенный в значительной мере еврейскими или иудаизированными племенами. Там ему сопутствовал успех, и число его сторонников стало быстро возрастать на почве, уже подготовленной монотеистическим учением. (Хотя эти вопросы далеки от ясности, возможно, здесь было бы уместно сравнение с первыми успехами христианской проповеди среди «прозелитов у врат».)

Но ортодоксальные евреи, придерживавшиеся строгого соблюдения правил, а также местные знатоки Закона, чье одобрение и поддержка были ему так необходимы, о чем свидетельствуют страстные призывы Корана, проявили скептицизм и высокомерие. За этим последовали споры и взаимные нападки. Будучи уже достаточно могущественным, чтобы применить силу, обманутый в своих ожиданиях Мухаммад изгнал часть евреев и с благословения Аллаха уничтожил остальных. Именно этим объясняются контрасты Корана, когда в одних местах евреи прославляются (тогда они именуются «сынами Из-

раиля»), а в других, более поздних, подвергаются резкому осуждению (тогда они называются иудеями). По этой же причине Иерусалим был заменен Меккой в качестве ориентира при молитве (кибла), а также пост в Йом-Кипур на рамадан. Получив полную власть в Медине и на прилегающих территориях, Мухаммад сосредоточил свои усилия на том, чтобы подчинить Мекку, свой родной город, и стать теократическим главой Аравии. Что касается остального мира, то многие места в Коране позволяют сделать вывод, что Мухаммад не был особенно сосредоточен на универсальном характере своей миссии, и что его проповедь была предназначена только арабскому миру. Во время выполнения этой задачи, что продолжалось с 622 года вплоть до его смерти в 632 году, он проявил удивительные способности вождя и стратега, разбив мекканцев и перерезав их связи с внешним миром, в результате чего они должны были сдаться на его милость в 630 году. В ходе этих военных кампаний ему пришлось столкнуться с христианскими арабскими племенами и удалось подчинить их. Здесь он также

встретился с непониманием и даже с насмешками, так что и в этом случае Коран отражает его разочарование и постепенное изменение тона.

Последние годы жизни Мухаммада, по всей видимости, были спокойными и величественными. Хадиджа уже давно умерла. Он заключил несколько других браков по политическим мотивам. Он управлял своей общиной просто и человечно, как отец и хороший советчик, доступный самому последнему из преданных ему членов общины. Он внезапно скончался в 632 году, в разгар подготовки похода против Сирии.

Таковы наиболее достоверные фрагменты биографии пророка, которые можно извлечь из чтения Корана, книги, чрезвычайно сложной для западного понимания. Это чтение остается для нас крайне утомительным, так что по-прежнему можно согласиться со словами Карлейля: «Это беспорядочное собрание, необработанное и трудно воспринимаемое. Только чувство долга может заставить европейца дочитать его до конца». Но остается справедливой и вторая часть его высказывания: «Эта книга обладает совсем иными

достоинствами, чем просто литературные. Если книга родилась из глубины сердца, она дойдет до других сердец, искусство и мастерство не имеют здесь особого значения».

Будучи книгой подлинного религиозного вдохновения, Коран напоминает Библию своими чертами универсального путеводителя, охватывающего все аспекты бытия. Верно, что у него более сумбурная композиция, а повторы там просто бесконечны. Но как замечали комментаторы Корана: «Бог никогда не повторяется». И так же как еврейская Библия была дополнена традицией Мишны и Талмуда, причем первоначально в устной форме, так и Коран был дополнен исламской традицией хадисов, которые были зафиксированы на письме позднее (в IX веке).

Если гений Мухаммада состоял в том, чтобы переплавить и перенести на родную почву учения двух соперничающих религий и сделать их доступными для арабов (Иисус, которому он отводит выдающееся место, является для него последним из великих пророков), то он часто обнаруживает незнание их точного содержания, как

мы об этом уже говорили выше. Так, он верит, что евреи по-своему совершали ту же ошибку, что и христиане, считая Эзру сыном Бога. Христианская Троица состоит, по его мнению, из Бога-отца, Христа и Марии (христиане для него политеисты), к тому же он путает Марию с Мариа́м, сестрой Аарона (сура XIX, 29); более того, он иногда путает еврейское и христианское учения и призывает евреев Медины пойти за ним во имя Евангелий. Возможно, в этом невежестве была его сила; может быть, Ренан был прав, когда утверждал: «Слишком большие знания препятствуют творчеству. . . Если бы Мухаммад тщательно изучил иудаизм и христианство, он бы не извлек из них новой религии; он бы стал иудеем или христианином и не смог бы сплавить эти две религии таким образом, чтобы они отвечали потребностям Аравии. . . »

Если попытаться определить, какое место в учении Мухаммада занимают иудаизм и христианство, то можно легко убедиться в преобладающем влиянии первого. С трансцендентальной точки зрения жесткий монотеизм еврейской Библии

(Танаха) сохраняется и, если возможно, утверждается с еще большей энергией:

«Нет божества кроме единственного Божества»;

«Безбожники те, кто утверждает, что «Аллах—это третий в «Троице»»;

«Как мог Он иметь детей, если у Него никогда не было спутницы, если Он сам создал все сущее и если Он всеведущ?»

В Коране постоянно утверждается эта истина. Что касается ритуалов, то закон Моисея, давно вышедший из употребления у христиан, хотя и облегчается Мухаммадом, сохраняет свою силу в большинстве случаев, идет ли речь о пищевых предписаниях и запрете употреблять в пищу свинину, об омовениях и очищениях, о регламентации половой жизни (каковая как и в Танахе признается хорошим и необходимым занятием), или о последовательности ежедневных молитв и постов. У христиан он заимствует только почитание Иисуса и веру в его непорочное зачатие. Но он решительно отвергает факт распятия

(Распятие—это еврейская басня, и евреи были осуждены именно за то, что «они сказали»: «Мы убили Мессию, Иисуса, сына Марии, «Апостола Аллаха!», тогда как они его не убили и не распяли, но его двойник заменил его в их глазах» (сура IV, 156.) Эта трактовка выдает влияние несторианства с его учением о двойной природе Иисуса Христа или же других древних восточных ересей (докетов, коринфианцев, сатурнианцев и т. д.), дающих различные вариации на ту же тему.). К тому же, зачем бы Иисус согласился принести себя в жертву? В самом деле, идея первородного греха, едва намеченная в Ветхом Завете, и на которой делается такой сильный акцент в евангелиях, практически игнорируется в Коране.

Таким образом, видно, что в исламе гораздо больше общего с иудаизмом, чем с христианством. Справедливо также, что во многих случаях можно отметить влияние очень древних традиций, общих для арабов и евреев, как это имеет место с обрезанием (о котором в Коране нигде четко не упоминается!).

Но ислам сближается с христианством по другому поводу. Аналогично классической процедуре отцов церкви, которые искали и находили у библейских пророков предсказания о явлении Христа, Мухаммад относит к тем же самым пророкам, но особенно к Аврааму и Иисусу, предсказания о своем собственном приходе. (Мусульманские богословы усовершенствуют этот метод, подчас обращаясь к тем же самым текстам, что и христиане, но которые они станут интерпретировать по-новому (Например, Аввакум, III, 3-7; Даниил, II, 37-45; Исайя, V, 26-30 *passim*, и даже Песнь Песней, V, 10-16. Аналогично рассматриваются и евангелия.). А если «хранители Писаний» (как христиане, так и евреи) не обнаруживают в этих текстах ничего подобного, так дело в том, что они оказались неверными свидетелями, хранителями полуправды; они «забыли часть истины» или, что еще хуже, «они хотят погасить свет Аллаха дыханием своих уст». Поэтому они фальсификаторы, «скрывающие значительную часть Писания». С этой точки зрения нет никакой разницы между евреями и христианами».

нами, даже несмотря на то, что Мухаммад неоднократно высказывал свое предпочтение последним; они занимают одинаково все место, и Аллах, который до этого поддерживал христиан против евреев, накажет их теперь точно так же за их неверность.

«Евреи и христиане сказали: «Мы «сыновья и возлюбленные Аллаха». Спроси их: «Почему Он карает вас за ваши грехи?»»

В некотором смысле Мухаммад присуждает им ничью:

«Евреи сказали: «Христиане не «знают истины», а христиане сказали: «Евреи не «знают истины». И хотя все они повторяют Писание, язычники говорят слова, похожие на их слова. Аллах их всех рассудит. . . »

Хотя Мухаммад отвергает подлинность восхождения обеих религий к Аврааму («Ибрахим (Авраам) не был ни иудеем, ни христианином, а был он ханифом предавшимся и не был из многобожников», III, 60), замечательно, до какой степени он выказывает уважение к обеим религиям. Была ли это политика, умеющая учитывать реа-

лии? Или же дело во вдохновении, проявляющем здесь свою особую гениальность? Незыблемым остается факт, что много раз в Коране патетически провозглашается свобода совести: «Не должно быть никакого религиозного принуждения!», «Если бы твой Господь пожелал этого, все, кто есть на земле, все без исключения, поверили бы. Можешь ли ты принуждать людей стать верующими, когда душе дано уверовать только с позволения Аллаха?»

Эта свобода совести означает неотъемлемое право «хранителей Писания», т. е. евреев и христиан, любить Бога своим очень несовершенным образом. Основное требование специально повторяется в одних и тех же выражениях трижды в трех разных сурах: «Поистине, те, которые уверовали и которые исповедуют иудейство, и сабии, и христиане,—кто уверовал в Аллаха и последний день и творил благое,—нет страха над ними и не будут они печальны!» (II, 99; V, 73; XXII, 17).

Иногда Пророк находит еще более эмоциональные слова, чтобы выразить эту мысль: «Никогда не отталкивай тех, кто молится своему Гос-

поду, стремясь увидеть Его Лицо! Требовать у них объяснений не твоя обязанность, а требовать объяснений у тебя не их обязанность. Отталкивая их, ты окажешься среди неверных!» (VI, 72). В другом месте он отмечает, что среди неверных можно найти хороших и плохих: «Среди обладателей писания есть такие, что, если ты доверишь им кинтар, они вернут тебе; но среди них есть и такие, что если доверишь им динар, то они не вернут его тебе, если ты не будешь все время стоять над ними». (III, 68). Мы увидим дальше, какое применение найдут мусульманские богословы и законодатели этим фундаментальным предписаниям.

Но могут задать вопрос, а как же быть с призывом: «убивайте неверных, где бы вы их ни обнаружили; покоряйте их, подавляйте их»—одним словом, как быть со священной войной, джихадом?

Конечно, это тоже есть в Коране, но эти проклятия и это насилие направлены исключительно против политеистов, против арабских идолопоклонников, которые не хотят признавать Бо-

жественный порядок, установленный Мухаммадом для своего народа. (Только начиная с эпохи крестовых походов идея священной войны будет распространена и на борьбу с христианами.) К этим бунтарям, чье сопротивление губит его дело, Мухаммад не знает жалости. Но в остальном, ислам—это прежде всего религия терпимости. Нет ничего более фальшивого, чем рассматривать ее, в соответствии с весьма распространенным подходом, как уничтожающую любое сопротивление огнем и мечом. Обобщая, можно сказать, что это—религия, соответствующая человеческим меркам, понимающая возможности человека и его слабости. «Аллах хочет для вас благополучия и совсем не хочет притеснения»,—говорится в Коране. Это религия, которая не требует высшего или невозможного, которая в меньшей степени, чем христианство, стремится поднять человечество к недоступным высотам, но и в меньшей степени направлена на то, чтобы погрузить его в потоки крови. Теперь мы рассмотрим шаг за шагом участь евреев в мусульманских странах и иногда будем проводить сопоставления

с ситуацией в христианском мире.

П. ХАЛИФЫ

Гиберт де Ногент, французский хронист XII века, комментируя некоторые особенности мусульманской религии, объяснял их обстоятельствами смерти Мухаммада. Он писал, что якобы однажды Мухаммад напился вина и заснул на дороге, где был съеден свиньями, в результате чего его последователям строго запрещено пить вино и есть свинину. Согласно другим средневековым авторам, Мухаммад якобы был епископом с Востока, который надеялся занять трон св. Петра; разочарованный тем, что его не избрали папой, он основал свою собственную еретическую секту. И хотя в наши дни европейцы в целом несколько лучше знакомы с историей и особенностями ислама, а также с биографией его основателя, представляется небесполезным напомнить в общих чертах историю этой великой восточной цивилизации.

После смерти Мухаммада в 632 году его преемники халифы Абу Бакр и Омар за несколько лет покорили большую часть древнего мира, разрушив могущественную Персидскую империю и изгнав византийцев из Сирии и Египта. В даль-

нейшем, как известно, зона господства ислама распространилась от Пиренеев до Индии. Столь головокружительная экспансия нескольких никому не известных племен поражала уже современников и продолжает удивлять историков: выражение «победоносный ислам» вошло в поговорку. Для ортодоксальных мусульман этот стремительный триумф бесспорно являлся проявлением той помощи, которую Аллах оказывает истинно верующим. Но в XIV веке тончайший мыслитель Ибн Халдун, подлинный предтеча современной социологии, предложил другое объяснение: «Когда противники равны по силе и по численности, победа достается тому, кто более привычен к кочевой жизни». Военное превосходство кочевников над оседлыми жителями продолжает рассматриваться как главная причина вплоть до нашего времени.

Однако существует и иная точка зрения, которая обычно остается в тени. Христианство, ислам и иудаизм—в наши дни различия между ними ясные и определенные. Но для людей тех эпох это было Далеко не так. Именно на Ближнем Во-

стоке, в этих классических Районах религиозного брожения существовало бесчисленное множество христианских сект: несториане, монофизиты, яковиты, ариане, докеты, а также секты, в разной степени ориентированные на иудаизм, и еще много других, от которых сохранились только названия. Византия иногда терпела эти секты, но чаще всего жестоко их преследовала. Каждая секта по своему интерпретировала лаконичные евангельские истории. Различия обычно касались догмы Троицы и проблемы истинной природы Христа: человек-Бог в одном лице или в двух, или только Мессия?

Этим объясняется, что на первых порах ислам рассматривался христианами—а также язычниками—просто как еще одна новая христианская секта. Подобная концепция устойчиво продержалась в Европе на протяжении всего Средневековья; ее отголоски можно встретить в «Божественной комедии» Данте, где Мухаммад характеризуется как «распространитель беспорядков и расколов» («*seminator di scandalo e di scisma*»), а также во всевозможных легендах,

где он представлен как кардинал-ересиарх, разочарованный тем, что его не избрали папой.

В этих условиях можно лучше понять, с каким энтузиазмом монофизиты Сирии, преследуемые Византией, и несториане Месопотамии, угнетаемые Персией, встретили победителей, которые одновременно являлись их этническими родными или двоюродными

братьями.

Что же касается евреев, похоже, что и они охотно вступали в лагерь победителей, правда в Сирии не так активно, поскольку в ту эпоху они были там немногочисленны и мало влиятельны. О Месопотамии мы еще поговорим дальше, поскольку во время первого века существования ислама (вплоть до 750 года) первая династия халифов, а именно династия Омейядов, избрала своей столицей Дамаск. Эта династия обращала свои взоры на Запад, и рождающаяся культура ислама, его традиции и нравы в значительной степени формировались под греческими и сирохристианскими влияниями.

Без сомнения уже укоренившееся среди хри-

стиан отвращение к евреям также должно было составлять часть этого наследия. В самом деле, мусульмане заимствовали у покоренных народов, особенно у христиан, множество традиций и легенд, которые стали частью их собственной культуры, как это обычно и бывает в подобных случаях. Вот, в качестве примера, классическое мусульманское предание, представляющее собой переделку одного из тех рассказов, которыми христианами нравилось украшать биографию Иисуса.

Согласно Ибн Исхаку (первому биографу Мухаммада), будущий пророк сопровождал своего дядю во время одной поездки в Сирию. Однажды караван остановился у жилища отшельника—благочестивого и ученого христианского монаха по имени Бахира.

Отшельник пригласил путников на обед. Юный Мухаммад остался сторожить верблюдов, но отшельник настоял, чтобы мальчик присоединился к ним. Затем он задал дяде мальчика много вопросов о ребенке, поскольку он заметил на

его затылке знак пророческого дара. В заключение он сказал дяде: «Возвращайся с этим мальчиком в свою страну и, ради него, остерегайся евреев, потому что если они увидят и узнают в нем то же, что и я, они захотят причинить ему зло».

Точно такая же легенда, но в которой речь идет о юном Иисусе, составляет часть общего фонда восточных христианских легенд: ее можно найти в «Евангелии детства», а также в апокрифическом апокалипсисе, известном как «Апокалипсис Бахиры».

Интересно отметить, что в дальнейшем христианае окажутся присоединенными к евреям в качестве будущих противников Мухаммада. В X веке знаменитый арабский историк Масуди расскажет следующее предание: «Монах Бухайра открыл Абу Бакру и Билялю, что произойдет в будущем с Мухаммадом, которого он попросил отказать от продолжения пути, он также предостерег его родственников против козней евреев и христиан. . . »

Таким образом сменялись эти версии в зави-

симости от настроения рассказчиков и ожиданий аудитории. Существует и такая версия, в которой христианский монах, напротив, просит будущего пророка: «Будь милосердным к христианам, когда ты достигнешь власти- не позволяй облагать их никакими податями и никакими налогами!» Согласно одному из вариантов обманщики евреи заставили Мухаммада дать подобное обещание. Речь идет об одном из вариантов христианской легенды, по которой Мухаммад не сдержал своего обещания, за что евреи организовали его убийство. Эта легенда распространена и в мусульманском варианте, а ее происхождение теряется во тьме веков. Эту легенду можно сопоставить с хорошо известным преданием, по которому Мухаммад умер, отравленный еврейкой.

Таким образом, это еще один исторический пример того, как победители перенимают у побежденных обычаи, образ мыслей и чувств. Следует понимать, что представлял собой в эту эпоху ислам и кем были мусульмане. Это был узкий господствующий слой, преуспевший в военном деле и наделенный безусловным политическим

гением, но в остальном предпочитавший полагаться на технические и административные способности покоренных персов и особенно сирийцев. Это положение вещей нашло свое отражение в некоторых хадисах, согласно которым после окончательного завершения арабских завоеваний наместники Омара Беспощадного просили оставить христианских чиновников на их местах. «Денег стало так много, что только они способны вести им счет»,—писал ему Абу Муса. «В моей провинции у меня есть христианский писец, без которого я бы не смог осуществлять сбор хараджа»,—говорилось в донесении Муавии.

Характерно, что вплоть до 693 года официальным государственным языком Омейядского халифата был греческий, и что в Дамаске

продолжали чеканить монеты с греческими надписями. Сирийские греки также были влиятельными чиновниками и администраторами, например, выходцы из богатой семьи Мансуров, предпоследний представитель которой Саргун Мансур был министром финансов при нескольких халифах, а последний—прославил своим на-

учным гением восточную церковь под именем святого Иоанна Дамаскина. Эпитет «Златоструйный» остался связанным с его именем, но не потому, что его речь струилась золотым потоком, как это принято думать, а по греческому названию реки Барада, протекающей через Дамаск, поскольку среди прочих обязанностей его семья управляла ирригационной системой. Таковы были люди, обеспечившие передачу исламу греческой науки и греческой философии, занятие которыми стало особенно процветать в Багдаде через несколько поколений, а также технических достижений, унаследованных от Римской империи.

Омейяды также заимствовали солидные административные традиции у персов, как об этом свидетельствует этимология, в частности в области организации почтовой службы, но особенно в налоговой системе: слово харадж (основной налог, налагаемый на немусульман) персидского происхождения, и уже Вавилонский Талмуд знает понятие карага. Обычай, требующий, чтобы зимми («покровительствуемые», т. е. евреи и хри-

стиане) носили особую одежду или специальные знаки, также персидского происхождения; первоначально это была печать, налагавшаяся на затылок тех плательщиков податей, которые были освобождены от налогов, так что по своему происхождению это скорее было своего рода свидетельством добропорядочной жизни и нравов, чем знаком унижения.

До тех пор, пока столицей халифата оставался Дамаск, христианское влияние было преобладающим. Основная часть населения, различные конфессии и секты по-прежнему находились под управлением своих епископов или патриархов, которые одновременно были и светскими владыками. Так сложилась система «милаа», т. е. «конфессиональных наций», типичных для Востока. Вследствие объективной необходимости, а к тому же и в соответствии с учением Мухаммада, первые халифы проявляли исключительную религиозную терпимость. Как правило, в завоеванном городе они ограничивались тем, что отводили себе часть главного храма—четверть или половину, чтобы совершать там свои молитвы;

остальная часть храма оставалась в распоряжении христиан, так что богослужения происходили практически совместно.

Возможно, терпимость—это не самый точный термин в данном случае. Речь еще не идет о понимании или даже о скептицизме, чему поздний ислам, рафинированный ислам великой эпохи еще даст многочисленные доказательства. Здесь же речь скорее идет о поверхностных компромиссах, доступных умам, едва затронутым

монотеистическим учением. Первые Омейяды наслаждались жизнью, стремились воспользоваться богатствами, которые оказались в их распоряжении, любили красавиц и хорошую компанию независимо от их религиозной принадлежности. Халиф Абд ал-Малик, которому было мало окружавших его министров-христиан, таких как Саргун Мансур, в качестве придворного поэта имел христианина Ахталя, известного своей любовью к вину. Когда халиф предложил ему принять ислам, тот грубо бросил ему в лицо: «Я никогда не соглашусь кричать по-ослиному!»

Восходит ли ко времени Омейядов особый

статут зимми, покровительствуемых христиан и евреев, который будет окончательно кодифицирован мусульманскими законооведами один или два века спустя? Эти законоведы любили ссылаться на древние авторитетные прецеденты и относили учреждение рассматриваемого статута ко времени халифа Омара, второго преемника Мухаммада. На самом деле он, конечно, гораздо более позднего происхождения. Как бы там ни было, вот двенадцать принципов и условий знаменитого «пакта Омара».

Шесть условий являются основными:

Зимми никогда не будут подвергать Коран насмешкам и критике и не будут искажать его текст;

Они не будут говорить о Пророке лживые или презрительные слова; Они не будут говорить об исламской религии непочтительно и насмешливо;

Они не притронутся к мусульманской женщине и не будут пытаться жениться на ней;

Они никогда не будут пытаться отвратить мусульманина от его веры, а также не станут посягать на его жизнь или имущество; Они нико-

гда не станут оказывать помощь врагу или укрывать шпионов. Нарушение хотя бы одного из этих условий отменяет договор и лишает зимми защиты мусульман.

Шесть других условий являются желательными. Их нарушение карается штрафами и другими наказаниями, но не отменяет договора о защите:

Зимми должны носить гийар, отличительный знак желтого цвета для евреев и голубого цвета для христиан;

Они не будут строить более высокие дома, чем дома мусульман; Они не будут звонить в свои колокола и громко читать свои книги или свои рассказы об Эзре и мессии Иисусе;

Они не будут публично пить вино и показывать свои кресты и своих свиней;

Они будут хоронить своих мертвецов в тишине, так чтобы не было слышно их плача и траурных возгласов;

Они совсем не будут пользоваться лошадьми, как благородных кровей, так и обычными, в то же время они имеют право ездить на мулах и ослах.

К этим двенадцати условиям, столь откоро-

венным по смеси презрения и доброжелательности, которая вообще характерна для отношения мусульман к неверным, следует добавить крайне важное тринадцатое условие: зимми должны платить налог в двух различных формах: 1) харадж—основной налог, о котором уже шла речь, 2) джизия или джалия—подушная подать, взимаемая с взрослых мужчин, «носящих бороду». Об этом последнем налоге знаменитый правовед Маверди писал, «что этот налог взимается с презрением, поскольку речь идет о плате, которую должны вносить зимми по причине своей неверности, но он также взимается без жестокости, поскольку речь идет о милости, которую мы им оказали».

В результате устанавливается органический симбиоз между победителями и побежденными, который обеспечил в течение всего средневековья, за исключением нескольких преходящих моментов, мир и процветание христианских и еврейских общин во всех частях мусульманского мира.

***

Тем не менее, господство арабов вызывало в завоеванных странах большое недовольство, тем более сильное, что из поколения в поколение ислам все больше распространялся, а новообращенные, особенно если они были чиновниками или экспертами, не хотели, чтобы их рассматривали как мусульман второго сорта. Убийство Али, зятя Пророка, накануне восшествия на престол Омейядов привело к появлению шиизма, что дало возможность недовольным объединиться вокруг собственной идеи и рассматривать дамасских халифов как узурпаторов.

Поэтому глубокое значение приобретает перенесение столицы из Дамаска, города, пропитанного византийскими влияниями, в Багдад, на древнюю персидскую землю, в центр самой богатой провинции Империи, где более сильными были персидские и даже индийские влияния, и где отныне двор халифа вдохновлялся азиатскими обрядами и азиатским великолепием. С другой стороны, этот перенос совпадает с эпохой, когда ислам становится численно преобладающей религией, так что больше нет воинствующе-

го меньшинства, которое правит большинством: Багдад—это центр единой экуменической империи, объединяемой арабским языком и Кораном. Неважно, что большая часть обращений в ислам происходит из практической заинтересованности и является лишь формальной. Неважно, что халиф Ал-Мамун мог восклицать, имея в виду новообращенных:

«Я знаю, что их тайные мысли противоречат тому, что они исповедуют открыто. Ибо они обратились в ислам не потому, что у них возникло серьезное стремление к нашей религии, но потому, что они хотели стать ближе к нам и увеличить свое могущество. У них нет внутренних убеждений, они не ищут истину в религии, которую они приняли. По правде говоря, я знаю, что такой-то и такой-то были христианами и обратились в ислам, хотя и остались противниками ислама, так что в результате они теперь не являются ни мусульманами, ни христианами. . . .»

Но даже если отцы исповедовали ислам только формально, сыновья часто становились ведущими мусульманскими богословами и знато-

ками традиций ислама. В течение двух веков аббасидского халифата со столицей в Багдаде мусульманская цивилизация окончательно обрела свое лицо благодаря замечательному сплаву античного технического и интеллектуального наследия и монотеистического вдохновения Корана. От границ Индии до Пиренеев возникали десятки городов, оживленных и многонаселенных, каждый из которых имел свой рынок менял, готовых обменять дирхемы—серебряные монеты, имевшие хождение на востоке халифата, на динары—золотые монеты Запада. А еще торговля тканями и драгоценными товарами, за которыми отважные купцы и мореплаватели отправлялись даже в далекий Китай и в Африку. В каждом городе был и невольничий рынок, а также мастерские ремесленников, чаще всего основанные государством и находящиеся у него на содержании, и, наконец, неисчислимая иерархия чиновников и военных.

В лоне этих человеческих муравейников, которые своим колоритом напоминают некоторые рассказы «Тысячи и одной ночи», разворачи-

валась активная интеллектуальная деятельность. Аналогично гигантскому труду, осуществленному ранее отцами церкви, чтобы примирить догмы христианского откровения с требованиями аристотелевского разума, на этот раз было необходимо совместить этот разум с новым откровением, окрашенным гностическими, маздаистскими и даже индусскими влияниями. Некоторые аспекты этого труда несут на себе отпечаток греческой изысканности, которая нам представляется иногда совершенно бесплодной: яростные споры о природе Корана (т. е. о том, был ли он сотворен или предвечен) чем-то неуловимо напоминают дискуссии о половой принадлежности ангелов. . . Важнейшим фундаментальным результатом этих дискуссий явилась разработка экзегетических комментариев к Корану - хадисов, которые позволили прояснить темные места и противоречия в священном тексте. Эти комментарии имеют вид предписаний и изречений, передаваемых, как утверждается, из уст в уста от сподвижников Мухаммада к их последователям по непрерывной устной «цепи», восходящей непосредственно

к самому Пророку.

Эта процедура не лишена аналогий с Мишной и Талмудом, как об этом уже говорилось выше. Что касается содержания хадисов, то часто они представляют собой переложение мидрашей или евангельских текстов.

Там можно также найти различные указания, к тому же по разному толкуемые, которые развивают установленные Мухаммадом принципы отношения к зимми. В целом, широкая терпимость по отношению к ним характеризует как теорию, так и практику. Дело дошло до того, что Мухаммаду были приписаны слова: «К тому, кто причинит зло зимми, следует относиться так, как если бы он причинил зло мне самому». Это мирное сосуществование соперничающих религий способствовало уважению к инакомыслию и приводило иногда к откровенному скептицизму. В частности, первые попытки библейской критики гораздо старше «Века просвещения», поскольку они вышли из под пера некоторых мусульманских полемистов. Так, в XI веке поэт-эрудит Ибн Хазм подвергал сомнению возраст патриархов. Он за-

мечал, что если бы Мафусаил прожил так долго, как это утверждается в книге Бытия, то он должен был умереть на борту Ноева ковчега. Он выискивал и другие противоречия в тексте Библии, много позже тем же самым занялся Вольтер.

Столь открытое нападение на текст Корана было бы равносильно провозглашению хулы на Пророка. То ли арабские авторы не отважились на это, то ли от подобных текстов не осталось и следа, но зато были авторы, и при этом весьма крупные, реализовавшие свои критические наклонности путем сочинения подражаний Корану, иконоборческий характер которых доставлял огромное удовольствие посвященным. Например, это делал Мутанабби, которого часто рассматривают как самого великого арабского стилиста, а также слепой поэт Абу-ль-Аля, признанный глава скептиков Востока. «Пусть его будут читать в мечетях в течение четырехсот лет,—говорил он,—а потом вы мне скажете, что из этого получилось».

Вообще говоря, Абу-ль-Аля нападает на

все религии в довольно жестких выражениях: «Проснитесь, проснитесь, несчастные глупцы, ваши религии—это всего лишь хитрость ваших предков». Очевидно, что формула «религия, опиум народа» имела своих предшественников еще в древности.

Легко можно найти вполне земные объяснения этой фундаментальной и исключительной особенности ислама и вспомнить настоятельные причины, побуждавшие арабских завоевателей защищать жизнь и веру зимми—трудолюбивых земледельцев и ремесленников, на которых держалась экономическая жизнь халифата: положение вещей, которое в конечном итоге привело к «идеологическому обоснованию». Но я предпочитаю сделать акцент на другом аспекте этой проблемы, который, возможно, скрывает более глубокую истину, а именно: кроткие предписания Иисуса привели к рождению наиболее воинствующей цивилизации, наиболее непримиримой из всех известных в истории человечества, в то время как воинственное учение Мухаммеда породило гораздо более открытое и терпимое

общество. Таким образом, получила еще одно подтверждение истина, что предъявлять человеку слишком большие требования означает подвергать его сильным искушениям. Когда очень хотят сделать из человека ангела, рискуют получить зверя.

Теперь прервем эти рассуждения и рассмотрим судьбы двух религиозных меньшинств, христиан и евреев, которые отныне должны были продолжать свое существование в предохраняющей тени ислама.

III. ИСЛАМ И НЕВЕРНЫЕ

Христиане

Мы видели, что в начале арабской экспансии завоеватели не придавали никакого значения обращению покоренных народов в свою веру. Напротив, издаваемые ими законы даже ущемляли новообращенных, поскольку зимми, ставший мусульманином, должен был оставить свою недвижимость и землю (а это единственное, что ценится в сельской местности), собственником которой становилась его прежняя община. Из этого делался вывод, что наследственное достояние должно было оставаться привязанным к религии предков. На самом деле этот закон соответствовал гражданским традициям кочевых завоевателей, которые угнетали и эксплуатировали покоренное оседлое население скорее с помощью налогов и поборов, чем путем прямой экспроприации их земель. Таким образом, чтобы зимми приносили хороший доход, нужно было обеспечить их прикрепление к своему участку земли и к своей религии. С другой стороны, они были освобождены от военной службы, эта честь была закреплена исключительно за правоверными. Подчиняясь своим собственным законам, различные

милла, или конфессиональные этнические группы, представляли собой по сути дела народы без родины или «религии, лишённые корней» (Ж. Велерс), и первое сравнение, которое приходит в голову—это евреи.

Как мы уже говорили, на начальных этапах арабского завоевания христианство не испытывало в этих условиях никаких притеснений. Даже наоборот, оно продолжало привлекать новых адептов. Как же тогда объяснить, что в результате оно почти полностью угасло на обширных просторах исламского мира?

Разумеется, чтобы ответить на этот вопрос с достаточной степенью определенности, необходимо отдельно рассмотреть ситуацию в городах и в сельской местности.

В городах, этих бастионах ислама, христиане на протяжении многих поколений продолжали поставлять администраторов, технических специалистов, а также мыслителей. Вначале завоеватели проявляли по отношению к ним ярко выраженное предпочтение по сравнению с адептами других религий. Находясь на следующей ступени

социальной лестницы сразу после правоверных, христиане составляли подлинную аристократию. Изысканный Джахиз Хайаван констатирует это в Багдаде IX века, тщательно анализируя причины:

«Для начала я перечислю причины, по которым толпа отдает предпочтение христианам перед магами, по которым их считают более честными, чем евреев, менее склонными к предательству и менее неверными. Для всего этого есть множество причин, очевидных всякому, кто станет их искать. . . . »

Джахиз видит первую причину в престиже христиан, которые основали или завоевали множество царств и дали миру много ученых и мудрецов:

«Толпа видит, что христианские династии остаются у власти, что многие арабы приняли христианство, что дочери Византии рожают детей мусульманским вождям, и что среди христиан много известных богословов, врачей и астрономов. Поэтому их считают философами и учеными, тогда как создается впечатление, что науки не особенно распространены среди евреев.

Причина отсутствия науки у евреев заключается в их убеждении, что философские рассуждения ведут к атеизму. . . »

С другой стороны, продолжает Джахиз, высокое социальное положение христиан также вызывает восхищение толпы:

« . . . Они являются секретарями и помощниками царей, врачами у знати, парфюмерами и менялами, в то время как евреи всего лишь красильщики, портные, мясники и сапожники. Толпа, сравнивая занятия евреев и христиан, приходит к выводу, что религия евреев такая же презренная как и их профессии, и что их неверность должна быть хуже всех. . . »

Третья причина популярности христиан, по словам Джахиза, заключена в их социальной гибкости:

« Мы знаем, что они умеют ездить верхом на лошади и на верблюде, занимаются играми и спортом, носят шелковые одежды и имеют много слуг. Они называют себя Хасан, Хусейн, Аббас, Фадл и Али. Им остается только взять имена Мухаммад или Абу-ль-Касим. Вот почему они вы-

зывают восхищение у мусульман!»

Этот пронизывающий анализ приоткрывает нам первую причину упадка христианства в городах, по крайней мере среди высших слоев. Особый вид социального снобизма побуждал христиан отречься от своей веры, и эта задача облегчалась тем, что пыл их веры плохо противостоял мощному интеллектуальному брожению, происходившему в больших городах. Даже высокопоставленные церковные деятели отрекались от веры. Сирийские и другие христианские хроники сообщают имена многих митрополитов и епископов, которые стали мусульманами, потому что они совершили плотский грех или по какой-то иной причине.

Вспышки насилия, раздутые не отличавшимися терпимостью халифами, такими как Мутаваккиль, «ненавистник христиан» (847- 861) и, особенно, полутора веками позднее экстравагантный халиф Египта Хаким (996—1021), повлекли за собой массовые обращения в ислам. Но окончательный удар восточное христианство получило в эпоху крестовых походов.

До этого времени деградация христианства была довольно медленной и отмеченной в основном постоянным снижением социального статуса христиан. Похоже, что начиная с X века наблюдения Джахиза о профессиях, практикуемых христианами и евреями, более не имеют смысла. Однако преобладание христиан в администрации еще продлится века. Отдельные противники христиан уверяли, что некоторые из них открыто выступали в качестве «хозяев страны», и грабя общественные богатства, они таким образом претендовали на осуществление права на своего рода возмещение утраченного. Улемы горько жаловались на это «христианское засилье». Еще в XV веке один из них напоминал, что «исполнение христианами важных обязанностей в официальных канцеляриях является одним из самых больших зол, влекущих за собой возвеличивание их религии, поскольку большинство мусульман вынуждены посещать этих чиновников для урегулирования своих дел... , и им приходится унижаться перед ними и вести себя с ними покорно, независимо от того являются они христианами,

евреями или самаритянами».

В эпоху борьбы с крестоносцами этих чиновников очень часто обвиняли в шпионаже. «Если бы только мусульманские князья знали, какие предательства совершают христианские писцы!— негодовал один из улемов,— какую переписку они ведут с нашими врагами франками, как они мечтают о поражении ислама и мусульман, какие усилия они прилагают, чтобы добиться этих целей, конечно, этого бы оказалось достаточно, чтобы наши князья никогда больше не допускали христиан к важным постам и удалили бы их от себя...»

В конце концов это пожелание было реализовано. На волне антихристианской ненависти и волнений XII—XIV веков и теперь уже вполне эффективных запретов были проведены систематические чистки, особенно в Египте. По свидетельству современника «христиане не смогли вернуть себе прежние должности и поэтому они стали формально исповедовать ислам и повторять две главные формулы мусульманского закона». Это время стало эпохой массовых обращений.

С другой стороны, на всем протяжении первых веков хиджры мусульманские богословы продолжали поддерживать тесные связи с христианскими мыслителями, обучаться теологии у монахов и аскетов, а мусульманские массы продолжали участвовать в праздниках и исполнении христианских обрядов, в процессиях и днях развлечений, установленных их общими предками, не зависимо от того, были ли они христианами или язычниками. . . . Как мы уже говорили, в этом общем наследии присутствовала общая христологическая антиеврейская тема.

Вот, например, апология ислама—«Книга религии и империи», составленная в IX веке христианским вероотступником Али Табари. Одна из глав этой книги называется «Пророчество Христа о Пророке—да благословит и спасет Бог их обоих». Али Табари пишет в этой главе: «Очевидно, что Бог разгневался против детей Израиля, проклял их, оставил их и сказал им, что он сожжет тот ствол, от которого они плодятся, что он уничтожит их или изгонит в пустыню. Каково же мое изумление, когда я вижу, что евреи

остались слепы к этому и сохраняют претензии, переполняющие их иллюзиями и ошибками. Ибо христиане свидетельствуют против евреев утром и вечером, чтобы Господь их полностью искоренил, стер их следы с лица земли и уничтожил сам образ их народа». То, что подобный призыв к свидетельству христиан против евреев не был изолированным фактом, подтверждается среди прочего Джахизом, который завершает свое сочинение, уже цитированное нами выше, следующими словами: «Христиане верят, что маги, сабейцы и манихеи, которые противостоят христианству, должны быть прощены, если они не прибегают ко лжи и не оспаривают истинной веры; но когда речь у них заходит о евреях, они осуждают их как закоренелых преступников, а не как людей, живущих в заблуждении и непонимании».

Эта традиция не иссякла, напротив, в современных арабских странах антиизраильская и антиеврейская пропаганда использует все средства и привлекает наряду с некоторыми стихами Корана и старые мотивы патристики, причем не только псевдомистические памфлеты вроде зна-

менитых «Протоколов сионских мудрецов», но и чисто расистские аргументы: евреи—это смешанная раса с изначально присущими им пороками, поэтому Израиль обречен на гибель «фундаментальным законом борьбы за жизнь». Очевидно, что гитлеровская пропаганда шла тем же путем.

Но вернемся к исламу эпохи расцвета. Верно ли обратное утверждение: со своей стороны настраивали ли евреи своих мусульманских господ против христиан? В некоторых христианских и мусульманских хрониках можно найти описания волнений, которые якобы были спровоцированы евреями; но на уровне идей, каковы бы ни были тому причины, в исламских текстах нельзя найти и следа антихристианской пропаганды еврейского происхождения.

Если в городах жизненное положение христиан ухудшалось очень медленно, в деревнях это произошло сразу после мусульманского завоевания; особенно на плодородных землях, которыми еще с древности славились долина Нила и страны Благодатного полумесяца, местное население стало для новых мусульманских хозяев объ-

ектом жестокой эксплуатации. Первая «буржуазная революция» в истории явилась результатом столкновения и перемешивания между собой кочевников-победителей и древней оседлой цивилизации и была отмечена массовым бегством населения из деревни и разрушением тысячелетних культур. Чтобы бороться с этим бегством и бродяжничеством доведенных до крайности крестьян, уже Омеяйды стали прибегать к драконовским мерам. Были запрещены перемещения из одного района в другой, а также для облегчения контроля установлены телесные клейма для феллахов-христиан, обычно на руке, и кроме того введены обязательные паспорта для путешественников. Нарушителям отрубали руку; коллективные штрафы налагались на обезлюдившие деревни.

Позднее, особенно в период анархии, которым был отмечен упадок Аббасидов, а также во время нашествия монголов, междоусобные войны и разбойничьи банды увеличили страдания этих несчастных. Несколько христианских хроник, сохранивших описания их несчастий, време-

нами напоминают интонации еврейских хроник эпохи христианского средневековья.

Одна из наиболее известных христианских хроник—это хроника сирийского летописца Бар Эбрея. Среди прочего в этой хронике описывается избиение христиан, происшедшее в Ираке в 1285 году. Банда курдов и арабов, насчитывающая несколько тысяч человек, собиралась уничтожить всех христиан района Макосил. Тогда христиане «собрали своих женщин и детей и отправились искать убежище в замке, который когда-то принадлежал дяде Пророка по имени Накиб аль-Алавийин, в надежде, что разбойники с уважением отнесутся к этому месту и это сохранит им жизнь. Остальные христиане не знали, куда спрятаться, потому что для всех места в замке не хватило, они дрожали от страха и горячими слезами оплакивали свою печальную участь, хотя на самом деле первыми погибли те, кто укрылся в замке». В хронике далее говорится, что, несмотря на святость этого места, бандиты взяли его штурмом и вырезали всех, кто искал там убежища, затем они перерезали всех

христиан в городе, после чего принялись за евреев и даже за мусульман.

Этот рассказ Бар Эбрея, его жалобы и проклятия напоминают многими деталями хронику Соломона бар Симеона, повествующую о том, как в 1096 году банды крестоносцев вырезали евреев Вормса, которые искали убежища во дворце епископа Адальберта (см. об этом ниже.) Но за исключением нескольких изолированных эпизодов такого рода мы не знаем больше ничего о немых страданиях восточных христианских общин, так что невозможно передать их в виде связной истории. Более ранний хронист «псевдо»-Дионисий из Телль-Махре в компиляции, построенной на рассказах предшественников, заявляет:

«Что до жестоких и горьких времен, которые пережили мы сами и наши отцы, мы не обнаружили ни одной хроники, рассказывающей об этом или о преследованиях и страданиях, которые обрушились на нас за наши грехи... Мы не нашли никого, кто бы описал и сохранил для потомков эту жестокую эпоху, это угнетение, про-

должающее и в наши дни давить на нашу землю. . . »

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что если имеются какие-то данные о постепенной исламизации городов, то остаются совершенно неизвестными условия, в которых этот процесс происходил в деревне. Иногда имеется только начальная и конечная точки этой эволюции. Так, в Северной Африке, где когда-то жили Тертуллиан, Киприан и святой Августин, где в VII веке насчитывалось двести епархий, к 1053 году осталось не более пяти. Принято считать, что к 1160 году Абд ал-Мумин уничтожил последние остатки местного христианства. В Египте дехристианизация осуществлялась более медленными темпами, которые ускорились только в качестве ответной реакции на натиск крестоносцев. Массовые преследования христиан, за которыми последовал резкий всплеск обращений в ислам, характерны преимущественно для периода правления мамлюков начиная с 1250 года. Даже в наши дни копты-монофизиты составляют там десятую часть всего населения. Медленный

упадок того же рода происходил и в Сирии, где общее число христиан различных толков составляет примерно такую же величину. Напротив, в Ираке христианское несторианство практически полностью сошло на нет в течение первого века арабского господства.

***

Исследователь, занимающийся изучением этих вопросов, вынужден с удивлением констатировать, до какой степени этими проблемами пренебрегали. Несколько статей в энциклопедиях— это все, на что он сможет опереться. Изучение древних христианских ересей остается уделом специалистов. А что означает слово «несторианство» для обычного человека? В лучшем случае язвительную сатиру Ивлина Во или несколько парадоксов Тойнби.

Однако было время, когда именно несторианство распространяло евангельские истины по всем четырем сторонам света. Вдохновленные легендарным примером св. Фомы (по преданию он отправился проповедовать в Восточную Азию), несторианские миссионеры между VI и XI веками добились больших успехов в Индии, на Малайском архипелаге, в Китае, но особенно в Центральной Азии и Монголии, где они в массовом порядке обратили в христианство многочисленные и воинственные племена. В какой-то части ареал распространения христианства в этих районах совпадает с ареалом иудаизма, но

если христианство поначалу имело здесь более впечатляющие успехи, чем иудаизм, то и заглохло оно значительно быстрее. Каковы же были причины этого? Английский автор Л. Браун объяснял конечное поражение несториан богословскими причинами, их ошибочной концепцией божественной природы Иисуса. Французский ученый кардинал Тиссеран видел причину в простой нехватке образованных священников. Кроме того, он особо отмечает успехи ислама с «его доступной моралью» у монгольских кочевников, присоединяясь таким образом к весьма распространенному мнению об исламе как о религии кочевников.

Однако можно не сомневаться, что, начиная с первых внешних контактов в начале нашего тысячелетия, симпатии монголов в гораздо большей степени были адресованы христианству, чем исламу. Это особенно касается Чингизидов, которые покорили Азию вплоть до Евфрата, но так и не смогли сломить ожесточенное сопротивление мамлюков, так что они даже попытались заключить союз с христианской Европой, чтобы окон-

чательно разгромить ислам. В конце XIII века хан Аргун послал с этой целью в Европу послов-несториан и даже предложил, что он сам станет христианином. Но в Ватикане, так же как у королей Франции и Англии, его посланники встретили безразличный, можно даже сказать презрительный, прием. Вскоре после этой неудачи, всего через несколько лет, преемник Аргуна Хулагу сделал окончательный выбор в пользу ислама. Это обращение подвело черту: с этих пор в Азии, так же как и в Африке, успехи ислама всегда были более существенными, чем христианства, особенно когда христианство позволило увлечь себя волной колониальной экспансии и в результате вызвало к себе недоверие и ненависть.

А вот еще один сюжет для размышления. Примерно вплоть до конца первого тысячелетия христианство было религией постоянной экспансии. В течение нескольких веков христианский огонь был безо всякого насилия пронесен через весь древний мир; после падения Римской империи и даже после исламских вторжений этот огонь продолжал гореть с прежним накалом, а

неизвестные миссионеры мирно донесли его до мыса Норд и до Тихоокеанского побережья.

Однако уже Карл Великий, коронованный как император в Риме, обратил в христианство саксов не словом, а огнем и мечом. Когда опора на помощь «светских сил» окончательно утверждается в церковных нравах, когда, особенно после триумфа Каноссы, папство призывает к крестовым походам и бросает христианское воинство на завоевание Святой земли и Востока, тогда успехам в деле распространения христианства приходит конец. Не стали ли крестовые походы великим предательством клира? В самом деле, они ожесточили не только сердца евреев, которых банды крестоносцев убивали тысячами, но также и мусульман—набожных почитателей Иисуса, на которых напали ожесточенные хулители Мухаммада. В качестве обратной реакции это привело к практически полному исчезновению христианства в странах ислама; крестовые походы явились своего рода апогеем, за которым последовал спад и сокращение влияния христианства. Этот процесс также охватывает около

тысячелетия и выглядит необратимым, особенно потому, что после длительного отступления на внешних фронтах уже около столетия наблюдается отступление и на внутреннем фронте, то, что можно было бы назвать «паганизацией» (т. е. распространением язычества) среди европейцев, как интеллектуалов, так и занимающихся физическим трудом.

На фоне этого постоянного процесса возрождение религии в том или ином поколении было лишь короткой вспышкой. Наступление коммунизма, который в Европе и Азии на наших глазах разрушает здание христианства, сопровождается постоянным наступлением ислама в Африке. Все происходит таким образом, что откат христианства совпадает с растущим преобладанием западной цивилизации, как если бы евангельская миссия, опирающаяся на силу, не обнаружила в конце концов то, чем она является на самом деле, а именно неразрешимым внутренним противоречием.

Евреи

Мы уже говорили, что как угнетенные и бедные еврейские общины Сирии, Палестины и Египта под властью христианской империи, так и процветающее еврейство Месопотамии, находившейся под персидским правлением, с радостью встретили мусульманское завоевание. Точно так же отнеслись к этому и все остальные народы этих земель; но в случае с евреями, видимо, можно отметить дополнительные факторы, на которые обычно указывают, говоря о «родстве» или о «двоюродных семитских братьях».

Понятие родства заслуживает того, чтобы остановиться на нем более подробно, поскольку оно содержит мощный эмоциональный заряд и, тем самым, оказывается активным фактором исторического процесса. Если иметь в виду рассматриваемую эпоху, т. е. первые века хиджры, ничто не позволяет говорить, что евреи имели более близкое «родство» с арабами, чем с их соседями, христианскими феллахами, или в целом с византийским или персидским населением. К тому же наличие подобного биологического («расового») родства в принципе не может быть

установлено. По мнению специа листов, современные народы с этой точки зрения настолько сильно смешаны, что это не поддается определению, вероятно, что точно так же обстояло дело и в древности. Так что, рассматривая вопрос с этих позиций, нельзя не признать, что он не имеет смысла, а, следовательно, не представляет никакого интереса. Но с лингвистической точки зрения арабский язык восходит к тому же корню, что еврейский и арамейский (лингва франка той эпохи).

Как известно, традиция общего происхождения евреев и арабов берет свое начало в книге Бытия: Исмаил, первенец Авраама, изгнанный в пустыню со своей матерью Агарью, по традиции считается предком арабов (по преданию патриарх также отправил на запад шесть сыновей, которые родились у него в дальнейшем от другой наложницы по имени Кетура, см. Бытие, XVI, 10—12 и XXV, 6). В книге Исаяи (XXI, 13) арабские караваны называются «караванами Додана»: еще одно доказательство родства для комментаторов, поскольку Додан означает «двою-

родный брат». Кроме того, в еврейских источниках мусульмане обычно считаются исмаилитами. Со своей стороны Коран целиком принял эту версию: не только Авраам является там общим предком, но он и его сын Исмаил вместе строят храм в Мекке (сура II, 121). Мы уже говорили о почитании, которое выказывал Мухаммад по отношению к тем, кого он считал своими лучшими гарантами. Так, в Коране имеется множество стихов, посвященных прославлению патриархов и пророков Моисея, Ильи, Иова и царя Соломона.

В дальнейшем исламская теология разрабатывалась преимущественно в Багдаде, т. е. в той самой Месопотамии, которая на протяжении столетий служила оплотом еврейской традиции. Евреи, перешедшие в ислам, такие как Абдаллах бен Салем и Кааб ал-Ахбар, способствовали установлению формы и методов мусульманского богословия: мы уже отмечали аналогии в построении Талмуда и хадисов. Религиозный фольклор первых веков ислама обильно черпал из еврейских источников, из чудесных историй Агады о патриархах и пророках; эти легенды, известные

под показательным названием «Израиляит», сохранили свою популярность вплоть до нашего времени.

Так утверждалось в различных областях и разными способами сознание этого родства. Вспомним еще, что тщательно соблюдаемая граница, отделяющая обрезанных от необрезанных, не играла в этом случае своей скрытой, но безусловной роли, и что соответствующие представления о чистом и нечистом были сходны у евреев и мусульман. Все эти многочисленные факторы без сомнения способствовали поднятию престижа и социального статуса евреев, что нашло отражение в многочисленных еврейских выражениях и легендах того периода.

Вот, например, легенда, рассказывающая как Бостинаи, первый эксиларх мусульманской эры, был торжественно возведен на трон халифом Омаром, который якобы выдал замуж за этого потомка царя Давида пленную персидскую принцессу. Или пророчество, вложенное в уста Рава, основавшего в III веке(!) академию Суры: «Лучше под Исмаилом, чем под чужаком!» Или апо-

калипсис «Тайные видения раввина Шимона бен Йоханн», согласно которым «царство Исмаила предназначено Богом для восстановления дома Давида на троне после того, как будет уничтожено «господство Эдома» (т. е. христиан). Можно также упомянуть расцвет иудео-мусульманских сект, о которых речь пойдет ниже.

Квази-монархическая власть эксиларха, престиж, которым он пользовался при дворе халифов, дают еще одно доказательство уважения, которое проявляли мусульмане к дому Давида. Еврейское самолюбие Вениамина из Туделы, знаменитого путешественника XII века, было приятно поражено подобной славой:

«Повелитель правоверных... приказал и евреям, и исмаилитам встать из уважения к нему (эксиларху Даниилу) и приветствовать его. Тот же приказ был дан всем другим народам, какой бы веры они ни были. А если кто не подчинится, то получит в наказание сто ударов палки. Когда этот Даниил выходит, чтобы направиться к королю, то его сопровождают множество всадников, как евреев, так и неевреев, во главе которых на-

ходится человек, который возглашает: «Дорогу Господину, сыну Давида, чья справедливость велика!»

Посетив все страны Запада, Вениамин Тудельский несколько раз отмечает мусульманско-иудейское доброе согласие. О халифе Абарида-се Ахмаде он говорит, что «этот великий король... очень любит израильтян, усердно занимается чтением закона Моисея, прекрасно знает еврейский язык, на котором он читает и пишет в совершенстве». Описывая могилу Ездры, который по преданию умер в Персии, он уверяет, что «евреи построили перед его гробницей большую синагогу, и что исмаилиты также построили с другой стороны дом для молитв, в знак особого почитания его памяти, что служит причиной любви исмаилитов к евреям, которые приходят туда молиться». И те, и другие одинаково молятся у могилы пророка Даниила. Итак, обнаруживаются признаки общего благочестия, которое сохранялось в течение длительного времени.

Недавно расшифрованные документы, найденные в Каире, позволяют установить, что в XI

веке халифы Египта из знаменитой династии Фатимидов вносили регулярные пожертвования на содержание раввинской академии, которая функционировала в Иерусалиме(!). Халифы, окружавшие себя министрами и советниками -евреями, были известны своей иудеофилией настолько, что их противники, следуя практике, которая появилась отнюдь не вчера, обвиняли их самих (причем напрасно) в еврейском происхождении.

Арабские богословы не ошибались относительно этих тонкостей. Один из них, Аш-Шайбани, писал в 800 году:

«Сегодня евреи, проживающие в Ираке, признают, что нет Бога кроме Аллаха и что Мухаммад посланник Аллаха, но претендуют на то, что Мухаммад был послан как пророк только арабам, но не израильтянам. . . Поэтому если еврей признает, что Мухаммад—это посланник Бога, его еще нельзя считать мусульманином, пока он не заявит о разрыве со своей прежней религией и ясно не объявит о своем переходе в ислам. . . Итак, когда речь заходит о евреях, то характе-

ристика, которую они употребляют (называя себя мусульманами), еще не доказывает, что они приняли истинную веру; необходимо, чтобы они объявили об отказе от своей старой религии».

Все сказанное выше помогает понять, каким образом традиция вынужденного принятия ислама с сохранением в тайне верности иудаизму превратилась в постоянно действующий фактор истории евреев, оказавшихся под сенью полумесяца, причем настолько, что если какая-то территория возвращалась под власть христианства, то возникал совершенно исключительный феномен марранизма, т. е. такой способ приспособления, который был совершенно неизвестен чисто европейским еврейским общинам северной и восточной Европы.

В главе о сектантских еврейских движениях необходимо прежде всего упомянуть караимов, которые полностью отбросили Талмуд, утверждая, что талмудическая интерпретация Библии более не имеет значения в мусульманскую эпоху. Они полагали, что священные тексты отныне должны трактоваться иным способом благодаря

новому внимательному прочтению (откуда и само название секты: «каро» означает «читать»).

В каком-то смысле влияние мусульманского богословия и его огромных усилий в деле интерпретации Корана также сыграло свою роль. С другой стороны, можно сравнить позицию каримов с протестантскими реформами. Успех этого учения был столь силен, что он привел к настоящему расколу, единственному в своем роде в истории иудаизма. На протяжении столетий это учение процветало в Персии, Палестине, Египте, затем оно распространилось на Испанию и Польшу и сохраняет ревностных сторонников вплоть до наших дней.

***

Все это брожение нельзя отрывать от тех перемен, которые происходили в рассматриваемую эпоху в гуще еврейских масс. Речь идет о событии первостепенной важности в их истории. Сначала, накануне арабского завоевания, еврейское население в основном было занято земледелием, причем в такой степени, что большая часть законодательства Талмуда была разработана для земледельческого народа. Три или четыре столетиями позже перед нами уже народ торговцев и ремесленников, народ по-преимуществу городской. Речь идет, таким образом, о настоящей социально-экономической революции. Истории известны и другие подобные примеры, в частности армяне еще в конце средневековья были земледельцами и ремесленниками, а с эпохи Возрождения они стали ведущими коммерсантами Оттоманской империи. Дело в том, что в эту эпоху торговля получила мощный импульс для своего развития, как мы об этом уже говорили. От Скандинавии до Китая предприимчивые арабские путешественники бороздили моря, поднимались вверх по течению рек и везде занима-

лись торговлей. В исламе торговля рассматривается как одно из самых благородных и угодных Аллаху занятий. Разве сам Пророк и многие его сподвижники не занимались ею? Основным перекрестком этой международной деятельности был Багдад, находящийся в центре региона с густым еврейским населением. И никакие юридические установления, никакие социальные барьеры не препятствовали евреям заняться коммерцией.

В результате можно сказать, что в рамках этой эволюции структуры иудаизма можно провести аналогию с тем, что произошло, например, в либеральной Европе XIX века. Общины, рассеянные по всей мусульманской Империи, состояли из ремесленников и мелких лавочников с одной стороны, и финансистов и коммерсантов с международными связями, с другой. Иногда две или несколько общин сосуществовали в одном городе—община местных евреев, а также еврей—выходцы из других провинций.

Как показывает ономастика, этот период отмечен миграцией евреев с востока на запад; мно-

гие из них в Египте или в Берберии носят имена, содержащие названия персидских и месопотамских городов. Эти общины управлялись олигархиями. Богачи, крупные финансисты осуществляли функции нагида, т. е. главы евреев, чаще всего передавая их от отца к сыну. Нагид осуществлял контакты с властями, а также являлся «представителем торговцев» («пекид-га-сохарим»), т. е. чем-то вроде консула, в чьи обязанности входила защита коммерческих интересов местных и иностранных евреев; часто обе эти функции осуществлялись одним и тем же лицом.

Несмотря на скудость документов, иногда возможно восстановить образы некоторых персонажей. Вот что нам известно из арабских источников о банкирах Иосифе бен Пинхасе и Аароне бен Имраме, процветавших в Багдаде при халифе ал-Муктадире (908—939).

Бен Пинхас и бен Имрам возглавляют банковскую фирму и имеют обширный кредит среди богатых евреев, а также неевреев, которые доверяют им на хранение свои капиталы. С другой стороны, визирь передает им сумму штрафов, нало-

женных на нерадивых и

слишком быстро обогатившихся чиновников. Таким образом, они могут в начале каждого месяца давать казне ссуду в тридцать тысяч динаров золотом, необходимую для выплаты жалования армии (речь идет о сумме величиной во много сотен миллионов франков). Им не всегда возвращали эти ссуды полностью, но их положение позволяло им заниматься множеством других весьма доходных операций. Они поддерживают регулярное караванное сообщение между крупными городами через пустыню. Они направляют морские экспедиции в Индию и Китай, организуют набеги за черными рабами на восточное побережье Африки. Они ничего не упускают в искусстве финансового арбитража, основанного на принципиально важном факте, заключающемся в том, что Аббасидский халифат имел биметаллическую финансовую систему: бывшие византийские провинции сохраняли золотой стандарт (золотые динары), в то время как бывшие персидские провинции использовали свой прежний серебряный стандарт (серебряные дирхемы). Со-

отношение между этими монетами колебалось в разные годы в пропорции от 1:14 до 1:20, что открывало широкие возможности для настоящих биржевых спекуляций.

Финансовая практика этой эпохи уже знала не только обменные свидетельства, но письменные платежные документы («sakk», куда этимологически восходит слово «чек»). Арабский хронист описывает это следующим образом:

«Визирь Ибн ал-Фурат взял перо и составил приказ своему банкиру Аарону бен Имраму, предписывая ему выплатить за его счет и без другого подтверждения две тысячи динаров Али бен Исе в качестве субвенции за штраф, который был на него наложен. Со своей стороны Мухассин ал-Фурат также приказал банкиру выплатить этому Али бен Исе одну тысячу динаров, сняв указанную сумму с его счета в банке Аарона бен Имрама».

Финансовые короли Багдада и банкиры халифов на протяжении четверти века бен Пинхас и бен Имрам хотя и были первыми, отнюдь не были единственными. Из другой хроники мы узна-

ем, что подавляющее большинство торговцев Тустара (Персия) были евреями. В Исфагане, который из-за его процветающей торговли называли «вторым Багдадом», еврейский квартал был деловым центром. Губернатор провинции Ахваз прибегал к услугам многих еврейских банкиров (источники упоминают Якуба, Исраэля бен Салиха, Сахля бен Назира). В Сирафе, главном порте халифата в X веке, похоже, даже был один губернатор-еврей по имени Рузбах, что является персидским эквивалентом еврейского Йом-тов.

Далее к западу, в Египте, нельзя не упомянуть стремительную карьеру братьев Бану Сахл, Абу Саада и Абу Насра, фаворитов фатимидских халифов аз-Захира и ал-Мустансира. Их богатство послужило питательной основой для многих арабских легенд. Дворец, который Абу Саад построил в Каире, был столь велик, что на его террасе были посажены триста деревьев в серебряных вазах. По преданию братья подарили вдове аз-Захира барку из чистого серебра для увеселительных прогулок. Эта вдова на самом деле была бывшей черной рабыней, которую бра-

тъя продали аз-Захиру. Она стала его любимой женой, а после его смерти являлась регентшей, правившей от имени своего сына ал-Мустансира и сделала Абу Саада своим доверенным лицом и визирем. Это позволило братьям существенно увеличить свое богатство. Но это же повлекло за собой их гибель: правительница попросила Абу Саада набрать для нее личную гвардию из черных воинов; вскоре при дворе возникло соперничество тюркской и негритянской партий. Победу одержала тюркская партия, и братья Бану Сахл были убиты в 1047 году.

Однако не следует делать вывод из всего сказанного выше, что в какой-то момент финансы и торговля оказались монополизированы евреями. Христиане, так же как и мусульмане продолжали преуспевать в этих областях, однако, учитывая скудость и неточность источников, невозможно хоть как-то оценить сравнительную долю тех и других. Более того, арабские источники упоминают только самые крупные фигуры, в них почти ничего не говорится о деятельности мелких или средних торговцев. Чтобы дать представле-

ние об этом, мы прибегнем к исключительно богатому (но, к несчастью, единственному в своем роде) еврейскому источнику, а именно к документам генизы (хранилища обветшавших священных книг) синагоги старого Каира.

В соответствии с древним еврейским обычаем никакой документ, на котором есть имя Господа, а это значит практически любой документ, о чем бы ни шла там речь, не должен быть уничтожен. Каким бы ничтожным ни было его содержание, он бережно сохранялся в генизах, которые были в большинстве синагог. Но различные превратности, войны и преследования в сочетании с разрушительной работой времени уничтожили эти ценнейшие архивы, достигавшие возраста дюжины столетий, за исключением каирского, сохранившегося благодаря сухому климату долины Нила. В течение уже двух или трех поколений ученые заняты расшифровкой этого неиссякаемого источника сведений об интеллектуальной, социальной и экономической жизни евреев и неевреев того времени.

Мы узнаем таким образом, что крупные и

мелкие еврейские торговцы обеспечивали оборот денег и товаров между всеми городами огромной исламской империи, и что их активность даже выходила за ее границы. Эти торговцы в больших количествах оказывались во всех портах Восточной Африки, Индии и Цейлона, причем это были не только выходцы из крупных городов Северной Африки, таких как Танжер, Кайруан, Триполи или Александрия, но и жители мелких поселений, названия которых давно забыты.

Чем же они торговали? Предоставим слово специалисту по документам Каирской генизы иерусалимскому профессору Ш. Д. Гойтейну:

«Из Индии они привозили пряности, благовония, красители и лечебные растения; железо и сталь; медные сосуды. Что касается этих последних, то у меня сложилось впечатление, что их производство было организовано в каком-то индийском городе евреями из Северной Африки с помощью йеменских евреев-ремесленников, а сырье ввозилось в Индию с Запада. Они также импортировали из Индии шелк и другие ткани; жем-

чуг; раковины; амбру; китайский фарфор; тропические фрукты. . .

В Индию они ввозили ткани, хозяйственные принадлежности (сковородки, столы, ковры, покрывала), медикаменты, мыло, бумагу, книги, металлы, кораллы, сыр, сахар, оливковое масло. . . Индия и Африка экспортировали в первую очередь сырье и металлы, в то время как Ближний Восток специализировался на промышленных товарах и предметах потребления, частично предназначенных для нужд выходцев с Запада, обосновавшихся в Индии и в Африке. Ситуация напоминала ту, что сложилась в области экономических отношений Европы с ее колониальными владениями в новые времена. . . »

Принимая все это во внимание, можно полагать, что древние еврейские колонии Месопотамии стали столь же процветающими центрами международной торговли, как и еврейские колонии Северной Африки. К несчастью, для них не существует никаких исторических источников, подобных Каирской генизе, документы которой сообщают нам также множество ценнейших све-

дений о жизни и нравах евреев того времени. Таким образом, можно узнать, например, что вопреки распространенному мнению, моногамия у них являлась правилом и специально предусматривалась в брачных контрактах. О высоком статусе еврейской женщины того времени говорит то, что во многих брачных контрактах имеется специальная статья, предусматривающая, что муж может отправиться в деловую поездку только с согласия жены. Конечно, в эту эпоху подобные поездки были весьма рискованным и длительным предприятием.

Было бы ошибкой сделать вывод из всего сказанного выше, что евреи в мусульманском мире всегда процветали. В восточной части исламской империи случались спорадические гонения, которые причем всегда были направлены одновременно против еврейских и христианских зимми. Наиболее известными и, вероятно, наиболее жестокими были гонения при фатимидском халифе Хакиме, который в

1012 году приказал разрушить в Египте и Палестине все церкви и все синагоги и запретил

все религии кроме ислама. Показательно, что мусульманские историки не нашли другого объяснения этого решения, чем внезапное помешательство халифа.

В западных областях, где к XП веку христианство полностью исчезло, иудаизм продолжал процветать. Эта разница в исторических судьбах напоминает нам, что иудаизм оказался приспособленным к жизни под иностранным гнетом много лучше, чем христианство. В XII веке сначала при династии Альморавидов, а затем Альмохадов происходили жестокие преследования евреев, от которых, как мы увидим далее, им часто удавалось спасаться, находя временное убежище на христианских территориях. В частности, именно такова оказалась судьба Йегуды Галеви и семьи Моисея Маймонида. Последний заметил в этой связи, что речь не шла об арабских династиях, поскольку обе они были берберского происхождения, и что нетерпимость была лишь проявлением особого рвения новообращенных.

Объяснение, которое стоит любого другого. Среди объяснений такого рода мне представля-

ются более убедительными те, которые имеют в виду шиитских правителей, всегда проявлявших нетерпимость, как этого требует их учение. В самом деле, можно констатировать, что на долю шиитов приходится значительная часть гонений евреев: например, в Йемене, а также те, что еще сравнительно недавно происходили в Персии, о чем мы еще поговорим в дальнейшем. Но, конечно, нам известна лишь незначительная часть действительной истории. Характерно в этой связи лаконичное замечание еврейского хрониста в Испании Ибн Верги: «В большом городе Фесе произошли массовые гонения евреев, но так как мне не удалось найти об этом ничего определенного, я не мог дать этому событию удовлетворительного описания».

Создается впечатление, что евреи были захвачены антихристианскими преследованиями в Египте, о которых мы уже упоминали выше. Согласно мусульманской хронике, относящейся к этому времени, они даже умоляли султана: «Во имя Господа, не сжигайте нас вместе с этими христианскими собаками, которые такие же на-

ши враги, как и ваши. Сожгите нас отдельно, подальше от них».

В любом случае, каковы бы ни были число и интенсивность этих несчастий, мы можем получить впечатление о чисто человеческом отношении мусульманских масс к неверным евреям отнюдь не по этим крайне неполным перечням гонений, составленным на основе случайных сведений исторических хроник. Занятия и образ жизни евреев, так как нам удалось их реконструировать, широкий спектр их профессий в отличие от ситуации замкнутой касты, обреченной на одно и при этом презируемое занятие, сами по себе достаточно красноречивы. Изучение исламских традиций, литературы, апологий, легенд и сказок является в этом смысле еще более показательным. В заключение мы и предпримем сейчас это волшебное путешествие.

Многобожники и идолопоклонники всех видов довольно быстро исчезли в Арабском халифате. Поэтому только христиане и евреи были противопоставлены правоверным. Возможно ли обнаружить какие-то отличия в чувствах, кото-

рые проявляли мусульмане к тем и другим, и если возможно, то какие именно?

Очень немногие востоковеды задавали себе этот вопрос, а те, кто задавал, отвечали на него по-разному. Так, согласно Франческо Габриэли, «Название яхуди (иудеи) приобрело в мусульманских устах тот же оттенок презрительной враждебности, какой имело понятие евреи в западном мире, более враждебный и более презрительный, чем у эпитета насрани (назореи). Формально две соперничающие религии—христианство и иудаизм находились в мусульманском мире на одном уровне, но в отношении к христианству был оттенок меньшей враждебности не потому, что его учение считалось более близким исламу, но благодаря более примирительному отношению Мухаммада к своим христианским современникам, поскольку они причинили ему гораздо меньше головной боли, нежели евреи Медины. . . »

Для фон Грюнебаума, напротив, «напряженность в отношениях между христианами и мусульманами была более ощутимой, чем между евреями и мусульманами, причиной чему без со-

мнения была западная поддержка, на которую христиане могли рассчитывать. В сказках «Тысячи и одной ночи» красноречиво показывается, какую ненависть вызвали крестовые походы... Первоначально отношения между мусульманами и христианами были вполне удовлетворительными, к тому же намного лучше, чем между мусульманами и евреями. Но постепенно ситуация превратилась в свою противоположность...»

Настало время обратиться к источникам, следуя за мыслью блестящего историка Марка Блока: «В литературе любое общество всегда созерцает свое собственное отражение».

Начнем с «Тысячи и одной ночи». Этот огромный свод сказок, сюжеты которых заимствованы у всех восточных фольклорных традиций, включает среди прочего некоторое количество еврейских сказок. Действующие лица этих сказок выполняют свои религиозные обряды по мусульманским правилам, вне всякого сомнения для лучшего воспитательного воздействия на аудиторию. Но все они имеют еврейские традиционные имена, а сюжеты этих сказок кажутся

взя теми из забытых мидрашей. Мы не можем отказать себе в удовольствии воспроизвести одну из этих сказок в примечаниях (Эта сказка называется «Набожные супруги». Она была переведена на французский язык Раймоном Швабом, см. «Cinq contes inédits (tes Mille et une Nuits»: Evidences, Paris, 57, mai 1956:

«Среди сынов Израиля был один очень набожный и скромный человек. Он и его жена зарабатывали себе на хлеб изготовлением вееров и циновок. Закончив очередное изделие, святой человек ходил с ним по улицам и по дворам в поисках покупателя. Затем он возвращался домой, чтобы вместе со своей женой предаться молитвам и посту.

Однажды этот набожный супруг проходил перед домом богатого и знатного человека. А поскольку он был еще молод и весьма приятной наружности, хозяйка этого дома заметила его и безумно в него влюбилась. Эта госпожа воспользовалась тем, что ее муж был в отъезде, вышла и позвала этого человека под тем предлогом, что хочет купить его товар. Она привела его к себе

в дом, заперла дверь и призналась ему в своей любви.

Честный человек попытался сопротивляться, но она усилила свой натиск.

Тогда он сказал:

– Я прошу у тебя только одного.

– Проси чего хочешь!

– Я прошу дать мне немного чистой воды и разрешение подняться наверх, чтобы совершить омовение.

Госпожа показала ему дорогу и оставила его одного с полным сосудом воды.

Человек этот совершил омовение и начал молиться. Затем он огляделся и увидел, что помещение, где он находился, очень высоко. Однако страх нарушить предписания Аллаха и не подчиниться его законам были столь велики, что это придало ему смелости. И тогда он бросился вниз с высокой террасы, но Аллах послал ангела, который подхватил его на свои сложенные крылья и опустил на землю целым и невредимым, так что он совсем не пострадал.

После этого он пришел с пустыми руками до-

мой к своей жене, которая его ждала с нетерпением, и рассказал ей все, что с ним случилось,

Супруги совершили свои омовения и молитвы. . .

Едва они закончили, как внезапно крыша их дома распахнулась и сверху спустился огромный рубин, осветивший весь дом.

— Слава Аллаху, слава Аллаху,—воскликнули они, переполненные радостью.

Была уже поздняя ночь, и они легли спать. Жене приснился сон, что она

находится в раю, где она увидела много мест для сидения.

— Кому они принадлежат?—спросила она.

— На них сидят пророки и истинно верующие,—ответили ей.

— А где здесь сиденье моего мужа?

Ей показали дырявое сиденье.

— Но почему оно с дыркой?—грустно спросила она.

— Дыра была проделана рубином, спустившимся с крыши вашего дома,—объяснили ей.

В этот момент женщина проснулась со слеза-

ми на глазах и полная печали оттого, что сиденье ее мужа было столь несовершенно по сравнению с сиденьями Других праведников. Она рассказала мужу о своем горе и убедила его попросить Господа вернуть рубин на место, сказав:

– Гораздо легче бороться с голодом и нищетой до конца наших дней, чем

иметь несовершенное место в раю.

Набожный муж обратился с мольбой к Аллаху, и рубин поднялся в небо у них на глазах. И они жили в нищете и праведности, пока Всевышний не призвал их к себе».)

Существует много других сказок того же рода, в которых иудаизм трактуется как высшее и образцовое проявление веры, а Израиль благодаря этому предназначен оставаться примером и образцом для других народов. Но наряду с этой функцией, которая представляет собой один из вариантов темы еврейской исключительности, многие евреи и многие христиане выступают в качестве персонажей чисто развлекательных сказок, не имеющих воспитательной цели. Они трак-

туются по-разному, иногда в качестве положительных, а иногда отрицательных героев, причем невозможно определить, какая из трактовок является преобладающей. Среди них можно встретить как ростовщиков и злых волшебников, так и честных людей и добрых соседей, как доблестных христиан и очаровательных христианок, так и предателей, трусов и ужасных ведьм (например, «Мать несчастий», которая действует на протяжении более ста ночей подряд).

Большое количество историй разворачивается на фоне войн ислама против Византии или борьбы с крестоносцами; в этих историях описываются христианские армии с их королями и доблестными рыцарями, тогда как о еврейских армиях не может быть и речи. В этом состоит совершенно естественное основное различие. В другом знаменитом фольклорном цикле, в рассказах об Ангаре, действуют воинственные «евреи Хайбара» (это реминисценции о борьбе, которую Мухаммад вел в Медине); хотя здесь евреи представлены предателями, они не лишены мужества; к тому же они оказываются союзниками Визан-

тии.

Это исключительный случай, в связи с которым нельзя не оценить психологическую тонкость следующего наблюдения Джахиза Хайавана: «У слабых народов гордость является более сильной и распространенной чертой, но их состояние подчиненности и слабости мешает им ее проявить, что понимают только мудрецы; таковы наши истории о Синде и о евреях, находящихся под нашей защитой».

Обратимся теперь к «Ал-Мостатрафу», обширной народной энциклопедии, которая соответствует одновременно «Практическим советам», «Правилам жизни» и всевозможным альманахам времени наших родителей. В различных местах там идет речь о неверных и их хитростях, но без излишней злобы. Так, нам сообщают, что ради того, чтобы сыграть с мусульманами злую шутку, некий христианский «король Рума» решил разрушить знаменитый Александрийский маяк высотой в тысячу локтей. Он принялся за дело следующим образом: послал в Египет священников, которые притворились, что хотят об-

ратиться в ислам.

Эти священники ночью закопали рядом с маяком сокровища, а днем их раскопали. Жители Александрии сбежали к этому месту и стали раскапывать всю землю вокруг маяка, в результате чего он в конце концов рухнул. В другом месте рассказывается о еврее, который хотел погубить одного визиря. Для этого он подделал его почерк и представил переписку, враждебную интересам ислама, которую этот визирь якобы вел с вождями неверных. Его разоблачили и отрубили ему голову.

В главе «О верности клятве веры» рассказывается о еврейском царе-поэте Самавале, символе этой добродетели еще в доисламской арабской поэзии. Многочисленные изречения предостерегают против зимми: «Не доверяйте никаких дел ни евреям, ни христианам, потому что по их религии это мздоимцы. . . » (глава «О взимании налогов»), или разоблачают их: «В общем, проклятия допустимы против тех, кто обладает презренными качествами, например, когда гово-

рят: «Пусть Бог проклянет злодеев! Пусть Бог проклянет неверных! Пусть Бог проклянет евреев и христиан!...» (глава «Об умении молчать»). В главе, посвященной эпиграммам, содержится следующая эпиграмма: «... часто бывает, что один кусок дерева раскалывают пополам: одна часть используется в мечети, а другая в отхожем месте в доме еврея!» Очевидно, что в этой энциклопедии можно встретить все, что угодно. В заключение приведем совершенно беспристрастную историю из главы «О запрещении вина»:

«Один христианин и один знаток Корана находились на борту корабля. Христианин достал бурдюк с вином, наполнил чашу, выпил вино, затем снова наполнил чашу и протянул ее мусульманину, который не задумываясь взял ее в руки. «Пусть моя жизнь послужит залогом твоей,» сказал христианин, «осторожно, это вино». — «А откуда ты знаешь, что это вино?» «Мой слуга купил его у одного еврея, который поклялся, что это вино». При этих словах мусульманин выпил чашу до дна и сказал: «Ну и глупец же ты! Мы,

знатоки традиций, считаем ненадежными даже свидетельства. . . (далее следуют имена нескольких сподвижников Пророка). Неужели же мы станем доверять свидетельству христианина, который подтверждает свои слова свидетельством еврея. Во имя Господа! Я выпил эту чашу в знак того, как мало доверия следует оказывать подобным свидетельствам!»

Очевидно, какое разнообразие оттенков и ситуаций можно обнаружить в мусульманском фольклоре. Как мы уже говорили, привязанность евреев к закону Моисея отнюдь не остается незамеченной. Различные авторы относились к этому, следуя своим привычкам и чертам характера. Так, один поэт приводит следующее сравнение: «Восход солнца радует нас так же, как наступление субботы евреев».

Теолог Газали восхвалял набожность евреев: «Посмотрите на евреев и на крепость их веры, которую не могут поколебать угрозы, преследования и оскорбления, равно как убеждения, доказательства и внушения». Свободомыслящий поэт Абу-ль-Аля, которого мы уже цитировали ра-

нее, был к ним менее благосклонен: «Все, что вы рассказываете нам о Боге, это лишь сказки и старые басни, искусно придуманные евреями». Теолог Ибн Хазм проявил тонкий дар наблюдательности, высмеивая бродячих еврейских раввинов:

«... Евреи рассеяны на востоке и на западе, на юге и на севере. Когда одну из их общин посещает еврей, прибывший издалека, то он начинает проявлять исключительное усердие в исполнении заповедей. Если же он еще и знаток Закона, то он начинает диктовать свои предписания, запрещая то и это. Чем больше он усложняет всем жизнь, тем больше все восклицают: «О, воистину, это настоящий ученый!», потому что тот, кто накладывает на них самые суровые ограничения, почитается ими как самый ученый...»

Отметим еще, что верные учению Корана о благотворительности мусульманские законоведы предписывали распространять ее на неверных. Об этом свидетельствует апология, включенная в юридический трактат IX века «Китаб-ал-Харадж» (Книга о налогах):

«Халиф Омар проходил мимо группы людей и увидел, что там остановился слепой и очень старый нищий. Халиф подошел к нему сзади, дотронулся до его руки и спросил:

– Кто ты?

– Я исповедую религию откровения.

– Какого именно откровения?

– Я еврей.

– А что заставило тебя заниматься тем, что ты сейчас делаешь?

– Я собираю ровно столько подаяния, чтобы хватило заплатить подушную подать и еще осталось мне на еду и самое необходимое.

Тогда Омар взял старика за руку, привел его к себе и дал ему разные

вещи. Потом он отправил хранителю государственной сокровищницы

такое послание: «Посмотри на этого нищего и на таких как он! Воистину, мы несправедливы к нему. Мы использовали его молодость, а теперь мы унижаем его, когда он стал немощным. Выдели ему долю из

мусульманских благотворительных пожертво-

ваний, потому что он относится к тем, кого Аллах относит к неимущим, ибо сказано: «Благотворительные пожертвования предназначаются для бедных и неимущих» (Коран, X, 60); бедные это мусульмане, но этот человек относится к неимущим последователям религий откровения». И халиф приказал освободить от подушной подати этого старика и подобных ему».

Таким был ислам в эру халифов. Почему же в дальнейшем, в эпоху, когда новая Европа открывала для себя добродетели терпимости, исламский мир погружался в темноту летаргии или в фанатизм? Этот вопрос выходит далеко за рамки настоящего исследования.

Книга III. Испания: страна
трех религий.

В 1941 году, когда в Европе бушевала война, в Мадриде был торжественно открыт центр еврейской истории—Институт им. Ариаса Монтано (Ариас Монтано, 1527-1598, знаменитый ученый-гебраист и духовник Филиппа II—прим. ред.). Новое учреждение было задумано как находящееся строго вне политики; речь не шла ни о том, чтобы сделать символический жест солидарности по отношению к преследуемому иудаизму, ни о том, чтобы скопировать один из тех многочисленных «институтов по изучению еврейских вопросов», которые немцы, тогдашние союзники Испании, насаждали во всех странах поращенной Европы. Для франкистской Испании это событие означало обращение к своему далекому прошлому. Почти через пол-тысячелетия после их изгнания сефарды -или «наши евреи», как любят выражаться испанские историки, -стали одной из ведущих тем исторических исследований по ту сторону Пиренеев.

Эта проблема явилась тогда своего рода пробным камнем: изгнание 1492 года было справедливым или несправедливым? Этот вопрос не

давал покоя испанской чести, а ответ на него менялся в зависимости от идеологических пристрастий и политической принадлежности. «Это был позор, запятнавший нашу национальную историю»,—воскликнул в 1935 году президент Алкала Самора, и ему вторили многие свободо-мыслящие испанские деятели. «Это была необходимость, не хорошая и не плохая, а просто неизбежная»,—отвечали им сторонники католической ортодоксии.

В этих дискуссиях особенно важным представляется то, что еврейский вопрос оказывается в самом центре любой интерпретации испанской истории, поскольку еврейские мудрецы были первыми мастерами культуры и языка страны Сервантеса, и можно даже сказать, что вакуум, оставленный евреями после себя, так же сильно повлиял на Испанию, как и их присутствие.

Америке Кастро замечает: «Они одновременно и были Испанией и вовсе не были ею». А Сальвадор де Мадарьяга восклицает, делая особый акцент на необычной эпопее изгнанников: «Они (испанские евреи) оставили Испанию очень ев-

рейской, сами они ушли очень испанскими». И в самом деле эти изгнанники проявили по отношению к стране, бывшей столь долгое время их родиной, такую преданность, подобной которой мировая история без сомнения не знает. Лучшим примером этой преданности является их язык ладино, который представляет собой ничто иное как кастильский язык эпохи Возрождения, передававшийся от отца к сыну в Салониках или Марракеше на протяжении двадцати поколений и почитавшийся почти столь же высоко, как Тора и пророки...

Таков этот необычный человеческий феномен, о котором мы постараемся рассказать в последующих главах, что заставит нас проникнуть сквозь плотную христианскую почву Испании вплоть до ее подпочвенных слоев, еврейского и мусульманского.

Таким образом, испанские евреи, или сефарды (Следует отметить, что вплоть до наших дней сефардами охотно называют всех евреев, имеющих иное происхождение, чем германо-польское (т. е. не ашкенази).), имели историю, коренным

образом отличающуюся от истории всех остальных европейских евреев, поскольку в значительной своей части она происходила под мусульманским господством и поскольку она внезапно и резко оборвалась на Иберийском полуострове в XVI веке вследствие христианской нетерпимости, которая в этом случае оказалась безграничной.

Однако в общем контексте европейской истории похоже, что «испанский цикл» как бы предваряет общеевропейский цикл в том смысле, что после их изгнания, повлекшего за собой более или менее вынужденную эмансипацию, рассеянные по свету сефарды стали играть большую культурную и экономическую роль в масштабе всего Запада; а так же и в том, что евреи, принявшие христианство для того, чтобы остаться, явились в Эпоху веры объектом такого отношения, которое нельзя назвать иначе чем расистским, хотя это и противоречит основному догмату христианства.

Из всего этого вытекает особый интерес, который представляет для нашей темы пример испанского иудаизма, который в основных момен-

тах предвосхищал положение евреев в современной Европе XIX и XX веков.

I. В ЭПОХУ ТРЕХ РЕЛИГИИ

Мусульманская Испания

У древних арабских историков можно найти некоторые намеки на помощь, которую испанские евреи якобы оказали мусульманским завоевателям в ходе вторжения в 711 году. Согласно одной из версий, не без удовлетворения цитируемой христианскими хронистами, такими, как Лукас из Туя, с конца VII века евреи якобы организовали заговор с целью разрушения государства вестготских королей с помощью победоносного ислама. Учитывая те гонения, которым они подвергались со времени обращения в католицизм правящей династии, в этом нет ничего особенно невероятного. Со своей стороны историк Ибн Хайан уверяет, что евреи якобы открыли генералу Тарику ворота Толедо, столицы вестготского королевства, после того, как город был покинут его обитателями. В чем можно быть уверенным, так в том, что по мере продвижения вглубь страны арабские завоеватели доверяли евреям охрану городов, оказавшихся в их власти.

Точно так же как и на Востоке столетием раньше, завоевание было стремительным и потрясающе легким—отряды Тарика насчитывали

едва семь тысяч человек(!). И так же как в случае завоеваний на Востоке историки усиленно подчеркивали, что это «историческое чудо». На самом деле искоренение арианской ереси происходило не без сложностей, и католицизм не успел пустить в вестготской Испании сколько-нибудь прочные корни. Те же причины, которые действовали на Востоке, должны были облегчить арабское завоевание и здесь, тем более, что правящую династию разрывали внутренние противоречия, а именно конфликт, разразившийся между двумя претендентами на престол. Наконец, традиционная политика ислама, уже испытанные методы мягкого управления и несколько презрительной терпимости по отношению к зимми, позволили арабам быстро привлечь на свою сторону широкие слои населения. Вестготская монархия рухнула как карточный домик; лишь в горных районах северной части Иберийского полуострова уцелели некоторые христианские государства—Наварра, Леон и Галисия. Эти очаги сопротивления, будущие опорные пункты Реконкисты, были оставлены без особого вни-

мания захватчиками, которые достигнув Пиренеев, спешили продолжить свое победоносное шествие. Изгнанные из Галлии при последних Меровингах, они продолжали прочно удерживать Испанию, утвердившись там на несколько веков и оставив свой неизгладимый отпечаток.

Истинное значение исламизации Испании начинает осознаваться в полной мере только в наши дни. Теперь известна решающая роль испаномавританской культуры в формировании философии, науки, поэзии и всей культуры христианской Европы. Ее влияние достигало вершин средневековой мысли, вплоть до «Суммы теологии» Фомы Аквинского и «Божественной комедии» Данте. Что же касается самой Испании, ее историки и мыслители еще не завершили составление списка всего того, чем национальный характер этой страны и ее гений обязаны мусульманскому прошлому.

Это наследие продолжает жить: достаточно вспомнить об испанской архитектуре или о традиционном затворничестве испанских женщин. Столь эмоциональное и столь типично испанское

восклицание «Оле!» является всего лишь транслитерацией слова Аллах, Имя славного рыцаря Сиды происходит от Сиди (Корнелю было об этом известно; «Поскольку Сид на их языке означает господин. . .» («Сид», акт IV, стих 1223.)). У слов есть своя история. Общеизвестна всемирная судьба слова адмирал, этого заимствования из арабского (по-арабски «эмир-аль-бахр», откуда произошло слово «адмирал», буквально означает «повелитель морей», - прим. ред.). Менее известно, что французское слово *cordonnier* (сапожник) свидетельствует о престиже, которым пользовалось производство кож в Кордове.

По странному совпадению в то самое время, когда на Востоке господство сирийской династии Омейядов подходило к концу, поскольку в халифате византийские влияния уступили персидским, одному из отпрысков этой династии удалось взять власть в Испании. Спасаясь от преследований Аббасидов, Абд ар-Рахман, один из внуков халифа Хишама, сумел в 756 году захватить Кордову; другие беженцы, спасавшиеся от новой власти, последовали за ним, так что ста-

ринные сирийские кланы образовали новый правящий класс

арабской Испании, которая с этого времени политически стала не зависимой от Багдада, чье культурное превосходство продержалось

дольше и перестало ощущаться в следующем столетии. Имеются свидетельства, что в 822 году Абд ар-Рахман II сумел привлечь к

своему двору певца Зирийаба, признанного в Багдаде арбитра хорошего вкуса. Он организовал музыкальную консерваторию, а также

обучал мусульманскую знать Испании правилам застолья и гастрономическим тонкостям, а также искусству мебелировки, одежды и

даже грима. В Кордове расцвела изысканная светская жизнь, в интеллектуальном отношении она также стала соперничать с Багда

дом. Абд ар-Рахман II основал библиотеку, которая в следующем веке насчитывала около четырехсот тысяч томов. Филология и право, поэзия и теология переживали эпоху расцвета с X века, в конце которого в Кордове родился знаменитый Ибн Хазм, который одно

временно был королем мусульманской поэзии и великим теологом. Наконец, в 929 году Абд ар-Рахман III присвоил себе высший титул

Халифа и Повелителя правоверных, который до этого был исключительным правом багдадского халифа. В эту эпоху Византия стремится

заключить союз с могущественной Кордовой, а германский император посылает туда своих послов. Стоит прочесть в донесениях

посольства Жана де Горза, посланного императором Отгоном, описания кордовской роскоши, а также аудиенций халифа, восседаю

щего на троне «подобно божеству или почти божеству». В своем удаленном монастыре в Саксонии поэтесса Хросвита называет Кордову «украшением мира».

Оказавшись на перекрестке цивилизаций, Кордова представляла тогда мозаику рас, религий и языков. Арабский язык был языком учености и администрации, в то время как романские диалекты оставались разговорным языком большинства населения. Были даже набожные мусульманские аскеты, которые до конца сво-

их дней не овладели языком Мухаммада. В целом, христиане, находившиеся под мусульманским господством, т. н. мозарабы (от арабского муста 'раб'—ставший арабом,—прим. ред.) были полностью включены в эту процветающую цивилизацию. В то время как одни из них обратились в ислам, другие прониклись восточной культурой, оставаясь христианами. Мозарабы составляли значительную часть, возможно, большинство населения. Они сохранили свое прежнее социальное деление на низшие классы, духовенство и знать, которая возводила свое происхождение к готам. В каждой провинции во главе местной знати стоял избираемый вождь—кумис (или комес, т. е. граф), который иногда был потомком вестготских королей. По всей видимости они не были обязаны носить специальные знаки. За исключением нескольких трагических инцидентов в середине IX века, когда жаждавшие мученической славы священники осмелились публично поносить имя Аллаха, им не приходилось особенно страдать от преследований.

Сходное положение было и у евреев. Извест-

но, что вплоть до X века сведения о них довольно скудны. Арабские путешественники сообщают, что в главных городах—Кордове, Гранаде, Толедо, существовали еврейские кварталы, что число евреев возрастало, благодаря притоку из Северной Африки, что они были предприимчивыми торговцами и путешественниками, а также служили писцами у мусульманских властителей. Упоминания о евреях Сарагосы в старинных французских хрониках позволяют сделать вывод о существовании в эту эпоху значительных еврейских общин на берегах Эбро. Благодаря замечанию географа ал-Макдиси, подтверждаемому косвенным указанием христианского епископа Луитпранда, мы узнаем, что евреи занимались работоторговлей и что город Люцена, населенный в основном евреями, специализировался на кастрации будущих евнухов (в интересах христианской пропаганды этот аспект деятельности испанских евреев был в дальнейшем сильно раздут). Со своей стороны поэт Сайд ибн Сина воспевал Андалусию как «страну, в которой дети и евреи отличаются честностью и благовоспитан-

ностью».

В основных чертах об испанских евреях известно следующее: лишь в середине X века окружающий их туман начинает постепенно рассеиваться, главным образом благодаря дипломату и врачу Хасдаю ибн Шапруту, высокочтимому деятелю, па долю которого выпало стать вождем испанских евреев и остаться их символом.

Родившись в Кордове в богатой семье, Хасдай ибн Исаак ибн Шапрут, известный в арабских хрониках под именем Абу Юсуф, еще в юном возрасте изучил основные светские науки своего времени. Сначала он прославился как врач, он был изобретателем аль-фарука, панацеи, которая прославила его имя. Абд ар-Рахман III, монарх, присвоивший себе титул халифа и превративший за время своего долгого и славного правления Кордову в столицу Запада, приблизил к себе Хасдая ибн Шапрута и, согласно обычаям того времени, использовал знания и престиж своего врача для особо деликатных дипломатических миссий. В качестве дипломатического посланника Хасдай ибн Шапрут вмеши-

вался в междоусобные конфликты христианских королевств северной части полуострова. Следует прочитать у Ибн Халдуна историю распрей между графом Кастильским Фернаном Гонсалесом и его племянником королем Леона Санчо I Толстым, а также описание того, как еврейский дипломат, излечив Санчо I от тучности, помог ему победить его заклятого врага и добился для него чести стать вассалом своего господина халифа Абд ар-Рахмана.

Хасдаю также поручалось принимать иностранные посольства, и он великолепно справлялся с этой задачей. «Никогда еще мне не приходилось видеть и слышать более мудрого и рассудительного человека нежели этот еврей по имени Хасдай»,—воскликнул посол императора Жан де Горз.

Столь выдающееся положение при дворе обеспечивало Хасдаю главенствующее положение в еврейской общине и почетный титул шеи. Подобно тому, как его господин окончательно освободился от главенства Багдада, он старался освободить испанское еврейство от традицион-

го подчинения гаонам Вавилона. Он поощрял занятия Талмудом и окружил себя грамматиками и литераторами (Моисей бен Ханох, Менахем бен Сарук, Дунат бен Лабрат), т. е. именно теми авторами, благодаря чьим трудам рассеялся мрак, скрывавший историю евреев Испании. Этот меценат, разумеется, должен был угождать своему халифу и по своему положению был обязан вести себя как ревностный дипломат и придворный. Но вовремя проявленные инициативы могут приблизить наступление новой эры. Испанский иудаизм вступает в пору расцвета и в свою очередь присваивает себе главенствующее положение на протяжении последующих столетий как среди других еврейских общин в мусульманском мире, так и по отношению к зарождающимся еврейским общинам Запада.

Имя Хасдая ибн Шапрута известно также в связи с его знаменитой перепиской с Иосифом, хазарским правителем-иудеем. Узнав, что где-то на востоке существует таинственное еврейское царство, Хасдай отправил одного из своих друзей на его поиски. В письме, которое он вручил сво-

ему посланнику, он описывал царю Иосифу свою страну и ее историю, не забыв упомянуть о своем видном положении при дворе и уточнив, что все доходы страны и все дипломатические нити находятся в его руках. Но его сердце еврея будет счастливо узнать, что в мире существует независимое еврейское государство, и он просит сообщить ему, как оно возникло, рассказать о его достижениях и славе. «Тогда я отброшу прочь те почести, которые я заслужил, я оставлю свое положение и свою семью, я пересеку горы и долины, страны и моря, чтобы припасть к ногам моего повелителя. . . »

Ответ, посланный ему царем (каганом) Иосифом, раньше подвергался сомнению, но в наши дни его подлинность более не оспаривается. В этом письме Иосиф пишет о народах и об истории легендарного еврейского царства на берегах Каспийского моря, «Я тоже,—пишет в заключение своего письма Иосиф,—хотел бы больше узнать о тебе и твоей мудрости. Если бы это возможно было осуществить и я мог бы поговорить с тобой лицом к лицу, ты стал бы для меня как

отец, а я для тебя как сын. . . »

Еще более интересный, чем даже Хасдай ибн Шапрут, персонаж—Самуэль ибн Нагрела, министр эмира Гранады Хаббуса служит как бы опознавательным знаком наступления золотого века для евреев Испании. Нам хорошо известна жизнь этого человека, обладавшего разносторонними талантами, в основном благодаря дошедшим до нас его поэмам биографического характера. Портрет, вырисовывающийся при чтении этих поэм, заставляет вспомнить о принцах эпохи Возрождения, а арабская Испания с ее войнами, интригами, политической раздробленностью и интеллектуальным кипением во многом напоминает Италию XVI века.

Абу-Ибрахим Самуэль бен Йосеф Халеви ибн Нагрела—таково его полное арабское имя,—родился в 993 году в Кордове в богатой еврейской семье. Он получил превосходное образование, одновременно еврейское и арабское, как это было принято. Будучи глубоко религиозным человеком, он с раннего детства был убежден, что рука Бога предназначила его для великих свер-

шений. «Я буду столь же твердо держаться Твоей воли как я держу меч; отражая вражеские мечи, я буду полагаться на Твой. . . »,—воскликает он в одной из своих поэм. После юности, полной приключений и о которой почти ничего не известно, он смог заслужить доверие эмира Хаббуса. По одной из легенд он добился этого благодаря своему искусству каллиграфа; он считался выдающимся мастером высокочтимого и процветающего искусства арабской дипломатической переписки. Показательно, что по поручению своего монарха ему приходилось командовать войсками в ходе нескольких военных кампаний.

Но этот еврейский военачальник в неменьшей степени прославился на поприще религиозной полемики. Он составил на арабском языке диссертацию, в которой приводятся различные внутренние противоречия, содержащиеся в Коране. Этим он вызвал гнев своего старинного друга Ибн Хазма, знаменитого андалусского богослова, который яростно напал на него:

«Восстал человек, преисполненный ненависти к нашему Пророку. . . Его презренная душа

гордится накопленным богатством; золото и серебро, переполняющие его дом, возбуждают в нем низменные страсти; он написал книгу, чтобы перечислить противоречия в словах Бога в Коране. . . Пусть эмир удалит от себя этих людей, грязных, дурно пахнущих, нечистых и проклятых, которым Бог послал унижение, позор, падение и злобу, каких не знает ни один другой народ. Помните, что одежды, в которые они одеты Господом, более опасны, чем война и более заразны, чем проказа. . . »

Подобные вспышки страстей могли способствовать возникновению антиеврейских волнений, которые и произошли в Гранаде через поколение. Но общий климат мусульманской терпимости, еще более усиленной безбожием, распространенным в Андалусии в большей степени, чем где-либо в мусульманском мире того времени, благоприятствовал тому хору похвал, которыми другие арабские авторы засыпали Ибн Нагрелу. Один из них, его придворный Мунфатиль, восклицал:

«Вместо того, чтобы пытаться понравиться

Богу, обнимая черный камень Мекки, /мусульмане/ должны были бы целовать твои руки, поскольку они приносят удачу. Благодаря тебе я добился здесь всего, чего желал, я надеюсь, что благодаря твоему заступничеству мои желания будут удовлетворены и в ином мире. Когда я нахожусь с тобой и близкими тебе, я часто исповедую религию, которая предписывает соблюдать субботу; когда я нахожусь с моим народом, я исповедую ее в тайне».

У андалусских поэтов иногда были и другие причины любить субботу, но также связанные с евреями. «Что заставило меня любить субботу?—говорится в песне Ибн аз-Закака из Алсиры,—Это день, когда со мной та, которую я люблю [т. е. еврейка-возлюбленная поэта]. Разве это не поразительно, что для меня, мусульманина и ханифа, лучшим днем является суббота?»

Весьма вероятно, что современный читатель должен скорее предпочесть аз-Закаку поэта Ибн Алфаха, посвятившего траурную оду сыну Ибн Нагрелы: «Для меня,—пишет он,—верность—это религия, и она велит мне оплакивать этого ев-

рея».

Еврей—всемогущий министр и одновременно военачальник безусловно представляет собой исключительное явление в истории еврейской диаспоры. Однажды, избежав большой опасности, Ибн Нагрела дал обет в знак признательности составить новый комментарий к Талмуду. Он сдержал свое обещание, и этот трактат у многих поколений пользовался авторитетом. Еще один из его трудов «Мево га-Талмуд» вплоть до настоящего времени включается в полные издания Вавилонского Талмуда. Но во время войн и боев этот ученейший знаток Закона прибегал к таким же хитростям и к такой же жестокости, как и его противники. В одной из своих поэм, которую он написал для традиционного субботнего чтения и для воспитания детей, он призывал могильщиков выкопать особенно глубокую могилу для врагов, которых он только что победил. В послании, адресованном сыну, он давал ему такой совет:

«Сообщать в изящных выражениях своему врагу хорошие новости, Но всегда остерегаться его,

Проглатывать нанесенные им оскорбления

И в удобный момент пронзить его одним ударом шпаги. . . »

Таков был этот человек, решивший, что традиционный титул паси, или вождя евреев, недоумен его, и потребовавший заменить его титулом нагида или принца. Его власть единодушно признавалась всеми евреями Испании и простиралась за ее границы. Он находился в переписке с еврейскими мудрецами Вавилона и покровительствовал наиболее уважаемым раввинам своего времени, а также знаменитому философу Ибн Габриолю. После его смерти в 1058 году его сын Иосиф Ибн Нагрела унаследовал его положение. Но процветание этой семьи уже давно вызывало недовольство завистников. Соперник Ибн Хазма поэт Абу Исхак из Эльвиры восклицал:

«Предводитель этих обезьян украсил свой дворец инкрустациями из мрамора, он приказал построить там фонтаны, в которых течет самая чистая вода, и пока он заставляет нас дожидаться у него за дверями, он насмехается над нами и над нашей религией. Если я скажу, что он

столь богат, сколь и вы, о мой повелитель, я скажу правду. О! Поспешите зарезать его, принести его в жертву, это воистину жирный агнец для заклания! Не давайте пощады его близким и его союзникам, ведь и они тоже собрали огромные сокровища. . . »

В 1066 году, во время короткого народного восстания, Иосиф Ибн Нагрела был распят обезумевшей толпой, большое число евреев было убито. Вероятно, что уцелевшим пришлось на некоторое время покинуть Гренаду.

Еврейские и арабские тексты той эпохи содержат множество подробностей о карьере и выдающихся достижениях таких людей, как Хасдай ибн Шапрут или Ибн Нагрела, но социальная и экономическая жизнь евреев арабской Испании известна в гораздо меньшей степени. Иногда какой-то раввинистический источник может пролить свет на определенную проблему. Так из респонсов Маймонида следует, что где-то в Испании существовали серебряные рудники или мастерские, принадлежавшие нескольким еврейским и мусульманским партнерам. При этом до-

ход или кассовая выручка по пятницам полностью принадлежала еврейским партнерам, а по субботам—мусульманским.

Неисчерпаемая Каирская гениза среди прочего содержит и документы о коммерческих отношениях между евреями Египта и арабской Испании. С другой стороны, не вызывает сомнений, что близость христианской Европы способствовала процветанию этих естественных посредников между двумя цивилизациями, каковыми являлись евреи. Так, начиная с IX века, в различных исторических документах появляются данные о еврейской общине в Сарагосе на Эбро недалеко от французской границы. К 825 году император Людовик Благочестивый даровал привилегию торговцу Аврааму из Сарагосы. В 839 году в Сарагосу бежит и совершает там обрезание обратившийся в иудаизм видный католик, состоявший на службе у императора. Через два столетия после падения Кордовского халифата, Сарагоса и соседний город Тудела, также на Эбро (кстати родной город великих мыслителей Йегуды Галеви и Авраама ибн Эзры), стали на некоторое

время основными очагами еврейской культуры. У короля Сарагосы ал-Муктадира был министром еврей Хасдай Абу Фадл, большой ценитель философии, в свободное время занимавшийся поэзией. Он сочинял стихи преимущественно по-арабски, а перед смертью обратился в ислам.

Арабский хронист Ибн Сайд, известный как Сайд Андалусский, назвал в 1060 году имена пятерых еврейских мыслителей из Сарагосы, которых он считал достойными упоминания. Его комментарии являются еще одним свидетельством той точности информации и ясности взглядов, которая характерна для очень многих древних арабских авторов. Он пишет следующее:

«... еврейский народ, в отличие от всех остальных народов, это лоно пророков и источник апостолов. Большинство пророков, да благословит их Бог и да будет мир им, вышли из этого народа. Этот народ жил в Палестине. В этой стране жили их первый и последний цари, пока их не изгнал оттуда римский император Тит, который разрушил их царство и рассеял их повсюду, так что нет теперь во всем обитаемом ми-

ре места, где бы нельзя было найти евреев, будь то на Востоке или Западе, на Севере или Юге. . . Когда они оказались рассеянными по всему свету и стали смешиваться с другими народами, некоторые из них занялись абстрактными науками и проявили много рвения в интеллектуальных поисках, так что кое-кому из них удалось добиться больших успехов в исследованиях в различных областях знания. . . »

Среди еврейских мыслителей Сарагосы, перечисляемых этим проницательным современником, называется имя знаменитого Ибн Габироля, автора философского трактата «Мекор Хаим» («Fons Vitae» [«Источник жизни»])—этот трактат дошел до нас только в латинском переводе). Мусульмане знали его под именем Сулейман ибн Яхья, для христиан Ибн Габироль превратился в Авицебронна, и под этим именем он оказал колоссальное влияние на средневековую схоластику (Только в 1850 году востоковеду Соломону Мунку удалось установить, что имена Бен Яхья, Авицеброн и Ибн Габироль относятся к одному и тому же лицу.). В соответствии со взгляда-

ми, господствовавшими среди арабских философов своего времени, Ибн Габироль принадлежал к школе неоплатонизма. Среди ведущих христианских теологов, на которых он оказал влияние, следует упомянуть Гийома Овернского, считавшего его христианином и называвшего «князем философов», а также Дунса Скота. Напротив, в еврейской философской мысли его система, едва ли совместимая с фундаментальными положениями иудаизма по причине ее подспудного пантеизма, не оставила никаких следов за исключением трудов некоторых каббалистов. Ибн Габироль, который, между прочим, был автором замечательной синагогальной поэзии, назван историком Г. Грецом «первым философом европейского Средневековья». Во всяком случае, он был первым евреем на Западе, который стал философом в полном смысле этого слова и разработал собственную оригинальную систему.

Очевидно, что благодаря манере, характерной для открытости мышления испанского еврейства, его в каком-то смысле «современной» ментальности, первый среди его знаменитых сыно-

вей оплодотворил мировую философию, оставшись в то же время бесплодным для собственно еврейской мысли.

Его современник врач Исаак ибн Сактар (Ицхаки) анализировал Писание с точки зрения логики (как мы уже видели, подобные исследования были достаточно распространены в мире ислама). Он заметил, что раздел книги Бытия, в котором упоминаются цари Израиля (XXXVI, 31), должны были принадлежать другой руке, а не руке Моисея, который умер гораздо раньше. К этому же аргументу прибегнут первые «самостоятельные умы» нового времени, когда они начнут подвергать критике Священное Писание.

Сходные идеи развивались в следующем столетии великим Авраамом ибн Эзрой, универсальным мыслителем, математиком и философом, поэтом и астрологом; он был первым экзегетом, который допустил, что книга Исаяи является произведением двух разных авторов. Этот своеобразный ум, одновременно рационалистический и мистический, сыграл в истории европейской мысли первостепенную роль. В самом деле, этот

вечный странник провел большую часть жизни в Италии, Франции или Англии, занимаясь во время своих странствий преподаванием математики, библейской экзегетики и астрологии. В результате его трактаты по астрологии, переписанные и переведенные на все языки, способствовали росту известности его имени и распространению в Европе принципов критического мышления.

Еврейские авторы того времени в основном пользовались арабским языком для философских сочинений и ивритом для поэтического творчества. За исключением пластических искусств, которыми евреи, так же как и арабы, вовсе не занимались вследствие религиозного запрета, у них процветали светские искусства. Традиционные направления еврейской мысли нашли здесь достойных представителей. Например, Алфаси (Исаак из Феса) написал учебник по талмудическому праву, который дополнил труды гаонов Вавилона и был принят всеми раввинами Испании. Бахья ибн Пакуда составил знаменитое руководство по аскезе («Трактат обязанностей сердца»), основывающееся на рецептах мусуль-

манской мистики. Влияние этого трактата достигло евреев-ашкенази Севера. Таким образом, можно констатировать, что у испанских евреев традиционные занятия сочетались с мощной универсалистской или ассимиляторской тенденцией, что вообще было характерно для ситуации в исламских странах. Полемист Ибн Хазм даже уверял, что «будучи убежденными в истинности ислама еврейские старейшины не хотят признавать это из-занаследственной гордости и желания сохранить свое временное влияние. Я часто наблюдал это».

Как бы там ни было, для многих образованных евреев было характерным презрение к собственному наследию и рабское подражание арабам. Об этом свидетельствует трактат «Книга размышлений и воспоминаний», которую написал по-арабски великий поэт Моисей ибн Эзра специально для того, чтобы бороться с подобными тенденциями. Совершенно справедливо он особо выделяет главный симптом ассимиляции, а именно отказ от иврита. Он констатирует, что «еврейский язык забыт, испорчен, потому что он

вышел из употребления», что «его красота исчезла, и он пребывает в пренебрежении вследствие своей сдержанности и своей обобщающей лексики». Нельзя не заметить, что аргументация Моисея ибн Эзры остается достаточно умеренной. Наиболее показательными в этом смысле являются его выводы:

«Все, что я написал до этого места, я рассматриваю как предисловие, необходимое, чтобы подготовить читателя к пониманию того, что я теперь скажу. Стилистические фигуры, о которых я говорил до этого, превосходно совместимы с еврейским языком. Но существуют и такие фигуры, которые наш язык не может использовать, он для этого не приспособлен, так что мы не можем во всем подражать арабской литературе...

... Пусть же арабы поэтому не критикуют наши Священные Писания. Пусть они не думают, что мы не знакомы с арабскими принципами, что только арабский язык обладает прекрасными фразами и словами, что еврейский язык лишен всего этого. Хотя наши Священные Писания не во всем следуют правилам арабского стихосло-

жения, тем не менее там можно найти многочисленные элементы, отражающие большую часть этих правил. . . »

Приведем также прелестную маленькую историю, которая содержится в другом месте его трактата:

«Однажды, во времена моей молодости в моей родной стране один из самых знаменитых мусульманских мудрецов (он был моим другом и благодетелем) и большой знаток своей религии, попросил меня прочесть по-арабски Десять заповедей. Я тотчас понял его намерение, состоявшее в том, чтобы принизить их стиль. Тогда я попросил его, чтобы он прочитал мне по латыни (которой он прекрасно владел) первую суру Корана. Он попытался и заметил, как сильно несовершенный способ выражения искажает ее красоту. Он понял тогда смысл моей ответной просьбы и больше не настаивал на своей».

Моисей ибн Эзра был прекрасно подготовлен для того, чтобы стать подлинным авторитетом для образованных людей своего времени, по-

скольку он был хорошо знаком с так называемой греческой наукой. В своих сочинениях он безукоризненно цитирует Платона, Диогена и Аристотеля. Важно подчеркнуть, что он был первым среди великих иудео-испанских поэтов.

Мы уделим больше внимания его знаменитому другу Йегуде Галеви, потому что он является символом своей эпохи, а также потому что его жизнь и творчество с еще большей ясностью демонстрируют положение и жизненно важные проблемы испанского еврея эпохи расцвета.

Родившись в Туделе в 1070 или в 1075 году, Йегуда Галеви вел жизнь, полную приключений, среди потрясений и войн своего времени. Первая половина его жизни прошла в мусульманских государствах северо-востока и юга полуострова, где он занимался врачеванием. Вторжение в Андалусию Альморавидов вынудило его в начале XII века искать убежища в христианской Кастилии. В письме, относящемся к этому периоду его жизни, он описывает христианских сеньоров, «величественных и суровых», с которыми ему приходилось иметь дело: «Я лечу Елизавету, но она не

выздоровливает».

Он написал много элегий, в которых чувствительная душа поэта пытается объяснить странствования Израиля сквозь призму собственной кочевой жизни. «Существует ли хоть единственное место на Востоке или на Западе, где мы могли бы преклонить голову?.. Сколько еще времени, о мой Бог, будет пожирать меня яростное пламя между Эдомом и Исмаилом, которых Ты поставил судьями надо мной?..»

В это время его покровителем был Иосиф ибн Феррузиль по прозванию Сиделло (т. е. маленький Сид), министр и фаворит Альфонса VI Кастильского, занимавший ключевые позиции при дворе и ставший одним из первых крупных еврейских деятелей, державших в своих руках судьбы христианской Испании. Йегуда Галеви посвятил ему двуязычную поэму, которая относится к арабскому поэтическому жанру мувашшаха, и заключительные строки которой, по традиции восхваляющие адресата, написаны по-кастильски, но еврейскими буквами. Таким образом, король еврейских поэтов является одновременно первым

испанским лирическим поэтом, чье имя дошло до нас.

В дальнейшем, возможно, после убийства в 1108 году его друга Соломона ибн Феррузиля, племянника Сиделло, он возвратился в мусульманскую Андалусию. Но похоже, что его сердце не обрело там покоя. Мистические устремления, переполнявшие его душу, в конце концов привели его к решению, которое было столь же безумным для его окружения, сколь плодотворным для отдаленного будущего. Он решил переселиться в Страну Израиля, которая к тому времени на протяжении нескольких лет находилась в руках крестоносцев. Его друзья, как просвещенные философы, старались разубедить его. Вот его ответь одному из них:

«Твои доводы дошли до меня (. . .)
Но в меду твоих слов скрываются шипы.

Ты говоришь, что нам нечего делать
в Иерусалиме,
который находится во власти необре-

занных и упрямых.

Разве мы не должны почитать дом
нашего Бога?

Разве мы должны заботиться только
о своих друзьях и семьях?

(...) Подумай, друг мой, подумай и
посмотри вокруг,

Постарайся избежать ловушек и пре-
пятствий,

Не позволяй соблазнять тебя грече-
ским наукам,

которые дают цветы, но не плодоно-
сят... »

Он уехал в 1140 году. Путешествие и морские опасности вдохновили его на некоторые из самых прекрасных его поэтических произведений. Но похоже, что он так и не добрался до цели своего путешествия. Известно, что он провел долгие месяцы в Каире и Александрии, окруженный вниманием и заботами своих поклонников. Далее его следы теряются. Известная версия, по которой он был убит рыцарем-крестоносцем под стенами

Иерусалима, всего лишь

легенда.

Поэтическое наследие Йегуды Галеви и даже его биография стали выражением тысячелетних надежд Израиля. Но по своей культуре и стилю он остается сыном своего времени. В этом отношении наиболее показательным является большой трактат, который он написал, чтобы остановить эпидемию ассимиляции. Этот написанный по-арабски трактат называется «Книга доказательств и аргументов в защиту угнетенной религии», более известный под названием «Ал-Кумари».

Йегуда Галеви был противником схоластической философии. Один из современных специалистов по трактату «Ал-Кузари» Хаззи Уолксон даже называет его предтечей современной мысли. Ранее немецкий ученый Гердер сравнивал этот трактат с диалогами Платона. Это действительно диалог, причем не только с формальной точки зрения, но и по вдохновляющему его духу. Два главных собеседника—«хавер», еврейский мудрец, и хазарский царь, беседа о пре-

восходстве иудаизма, прекрасно понимают друг друга, у них общая диалектика, как если бы они были вскормлены соками одной культуры; исследователи пытались даже выявить в тексте трактата обширные заимствования из св. Августина.

Богословские дискуссии «Ал-Кузари» отражают, разумеется, диспуты, которые происходили в это время, в них прослеживаются влияния греческой мысли и мусульманской теологии, особенно знаменитого Газали. Эти дискуссии вращаются вокруг проблемы, был ли мир создан или он существовал предвечно. Но отдав необходимую дань великим философским проблемам, которыми были поглощены мыслители той эпохи, «хавер» становится историком и апологетом. В частности, он отмечает, что иудаизм имеет интеллектуальное превосходство во всех областях знания, в медицине и других естественных науках, в астрономии и в музыке; он возвращается к этому много раз; он настаивает, что напрасно грекам и римлянам приписывают открытие законов и принципов, которые были известны уже царю Соломону благодаря его добродетелям.

Иосиф Флавий рассуждал точно так же, подобные рассуждения можно встретить и в наши дни.

Рассмотрим теперь другие аргументы. Как совместить в глазах скептиков, как евреев, так и неевреев, избранность Израиля с его рассеянием и тем состоянием многовековой униженности, которую Господь послал Своему народу? «Хавер» напоминает, что земные триумфы не могут служить критериями истины ни для христиан, ни для мусульман, поскольку и те и другие призваны почитать унижение (мученичество Христа или спутников Пророка) и остерегаться гордыни сильных мира сего. Иными словами, на протяжении всей дискуссии, которая развивается в атмосфере изысканной интеллектуальной честности, «хавер» отдает должное этическим ценностям христианства и ислама. В его глазах избранность Израиля является благом для неевреев в той же мере, что и для евреев, поскольку, являясь хранителем истины откровения, Израиль каким-то образом излучает ее на другие народы. Рассеяние Израиля «представляет собой тайный и мудрый умысел Бога. Так, семена мудрости,

невидимые глазу, скрываются в почве и, кажется, растворяются в земле и воде, но в конце концов эти семена превращают землю и воду в свою собственную субстанцию, очищают ее элементы и начинают плодоносить. . . Таким образом народы прокладывают путь ожидаемому Мессии, который и есть этот плод, поскольку все станут Его плодом, и если они Его признают, то все станут единым деревом. . . » (IV, 23).

Это один из наиболее интересных аспектов творчества Йегуды Галеви, характерный для еврейской мысли в целом, когда она развивается в лоне иудаизма, широко открытого внешнему миру; тогда акцент делается в большей степени на значении «страдании Израиля» для всех людей и на универсальной миссии, которую несет еврейский народ.

Концепции такого рода часто предвещали надвигающуюся трагедию иудаизма. Золотому веку Андалусии не суждено было продолжаться в течение сколько-нибудь длительного времени. В 1147 году она была захвачена марокканскими Альмохадами, нетерпимыми фанатиками, стре-

мившимися навязать ислам силой, так что те евреи, которые не захотели покориться и принять ислам, были вынуждены покинуть Андалусию ради более мягкой атмосферы Кастилии, Арагона и Прованса. У нас имеется мало сведений о судьбе

оставшихся. Историки еще не занялись вплотную их судьбой. С одной стороны, согласно одной из арабских хроник евреи сыграли первостепенную роль в неудачном восстании против режима Альмохадов пятнадцать лет спустя. С другой стороны, Ибн Акнин (любимый ученик Маймонида) уверяет, что они предпринимали огромные усилия, чтобы приспособиться к Альмохадам, и даже исполняли исламские обряды, когда притеснение стало слишком сильным, но что, презираемые несмотря на это, они не обрели милосердия в глазах мусульман. Дважды в начале XIII века этим новообращенным было предписано носить специальные отличительные знаки. Можно предположить, что они составляли некую общину, еврейскую и мусульманскую одновременно, подобную тем сектам, которые мы описыва-

ли в предшествующей главе. Только так можно объяснить, каким образом Ибрахим или Авраам ибн Сахл из Севильи мог быть одновременно главой еврейской общины и одним из наиболее известных и наиболее фривольных арабских поэтов своего времени. Когда падение династии Альмохадов в середине XIII века сделало это двуличие ненужным, не обнаруживается следов массового возвращения в иудаизм. Ибн Акнин сравнивал ануссиут (вынужденный переход в ислам) с неизлечимой болезнью, которой продолжали болеть евреи Андалусии и которая пристала к ним «как дым сопутствует огню и как тень следует за иглой солнечных часов». Открытая еврейская община была восстановлена в Гранаде. В XIV веке там достиг широкой известности врач Авраам ибн Зарзал, друг знаменитого Ибн Халдуна. Позднее он поступил на службу к королю Кастилии Педро Жестокому. В 1391 году, когда массовая резня залила кровью христианскую Испанию, некоторое количество евреев нашло убежище в Гранаде. В 1465 году один египетский путешественник упоминал в числе знаменитых людей,

которых ему довелось узнать, врача из Малаги Моисея ибн Самуила ибн Йегуду, мудрость которого он всячески восхвалял.

В Малаге насчитывалось четыреста пятьдесят евреев, когда она была в 1487 году взята армиями католических королей. Они были пленены, а затем выкуплены евреями Кастилии. В 1492 году, во время падения Гранады, договор о капитуляции предусматривал, что евреи смогут исповедовать свою религию и пользоваться теми же правами, что и мусульмане. Но через три месяца они оказались вынужденными отправиться в окончательное изгнание вслед за евреями христианской Испании.

Реконкиста

Первые надежные сведения о еврейских общинах в христианских государствах Испании относятся к IX веку. В это время уже существовала процветающая община в окрестностях Барселоны. Она поддерживала отношения с вавилонским гаоном Амрамом, который в 870 или 880 году прислал в Испанию составленный им сборник молитв—сиддур. В то же время император Карл Лысый поручил некоему еврею по имени Иуда или Иудакот («Иуда еврей, преданный нам») передать послание и сумму в десять фунтов серебра епископу Барселоны Фродоину.

Немногочисленные документы и контракты IX и X веков свидетельствуют, что в Астурии, Леоне и Кастилии евреи занимались коммерцией, продавали и покупали землю и сами ее обрабатывали на совершенно равных основаниях с христианами. Показательной в этом отношении является статья в кодексе обычного права (fuero) Королевства Леон, датированном 1020 годом. Согласно этой статье, если крестьянин хочет продать дом, который он построил на земле, принадлежащей третьему лицу, то оценка стоимости

дома должна быть произведена четырьмя уважаемыми и надежными оценщиками, в том числе двумя христианами и двумя евреями. Даже в отдаленной Коимбре около 900 года имеется свидетельство о еврее, владельце поместья (или хутора). Далее мы увидим, что плата за кровь, т. е. штраф, уплачиваемый за убийство еврея часто равнялся сумме, которую нужно было платить в случае убийства дворянина или священника.

Начиная со второй половины XI века благодаря испанскому крестовому походу, каковым в сущности и являлась Реконкиста, положение евреев в христианской Испании улучшилось, а их роль не только не уменьшилась, но даже возросла.

В то время как в христианской Европе за пределами Испании крестовые походы обозначают начало упадка еврейства и самым непосредственным образом способствуют этому упадку, в сильно исламизированной Испании Реконкиста на протяжении своего первого и достаточно длительного этапа действительно способствовала расцвету иудаизма, который не имел себе рав-

ных в истории еврейской диаспоры. Дело в том, что Реконкиста, которая представляла собой постоянный крестовый поход продолжительностью в восемь веков, являлась, особенно на первых этапах и чем-то большим.

Прежде чем заняться непосредственно темой нашего исследования, необходимо пролить свет на фон этих событий и кратко остановиться на тысячелетней эпопее, несколько глухой и невнятной в начале, но затем ставшей «подвигом испанцев во славу Господа», крестовым походом, который достиг всех своих целей (в отличие от крестовых походов на Восток). Но, вероятно, внутренняя логика крестового похода, доведенного до завершения, своего рода парадокс утоленной жажды, привела к тому, что одна часть Испании стала жертвой преследований со стороны другой ее части, как мы это увидим в дальнейшем.

Обычно принято датировать начало Реконкисты временем проникновения ислама в Испанию. Мы уже видели, как в ходе своего стремительного продвижения завоеватели оставили нетро-

нутыми христианские анклавы на Севере полуострова. Еще в X веке они с презрением относились к жителям этих варварских королевств: Ибн Хазм и Сайд Толедский сравнивали их с суданскими неграми или с берберами, чуждыми всякой культуре, но признавали в них суровых воинов. Во время бесчисленных войн, о которых нам практически ничего не известно и которые оставили свой кровавый отпечаток на первых веках исламо-христианского сосуществования, между мусульманскими и христианскими княжествами складывались случайные союзы, отражавшие сиюминутные интересы или противоречия и приводившие иногда к войне всех против всех.

«Прошлые обманы, прошлые уступки, прошлые предательства связывали каждое андалусское королевство с каждым королевством Севера. Каждый мусульманский правитель когда-либо заключал союз с каким-либо христианским королем, чтобы опустошить деревни, захватить город и вырезать подданных другого мусульманского правителя и наоборот. . . »—таков был

по описанию Ж. Бери-Виллара начальный период Реконквисты.

Однако христиане Испании сражались под эгидой своего официального покровителя— святого Иакова, чьи останки были чудесным образом перенесены из Палестины в монастырь св. Иакова на крайнем северо-западе полуострова. В том покрывале легенд, которые окутывают фигуру этого кроткого апостола, он оказывается одновременно младшим братом или даже двойником Иисуса и рыцарем в белых доспехах, возможно, в подражание воинственному образу Мухаммада. Церковь, где хранятся его мощи, вскоре становится одним из основных центров паломничества для всей каролингской Европы. Таким образом, влияние молодой христианской культуры начинает перевешивать воздействие Кордовского халифата, помогая населению Кастилии и Арагона лучше осознать свое христианство. В результате зарождается процесс медленной эволюции, которая превратит беспорядочную активность в «священную войну». Эта концепция затем будет ретроспективно отнесена ко всему предприятию

в целом, так же как ее эпическое воплощение— Сид Кампеадор будет возведен в ранг паладина Веры, для чего его биография, похоже, не дает особенных оснований.

Этой эволюции сильно способствовали монахи, особенно относившейся к клюнийскому братству, и рыцари по другую сторону Пиренеев, которые в XI веке во все возрастающем количестве прибывали в Испанию или для того, чтобы реформировать испанскую религиозную жизнь, или чтобы принять участие в битвах («предварительные крестовые походы»). Но их влияние распространялось очень медленно. Характерно, что церемония, непосредственно выражающая дух крестовых походов, а именно клятва и принятие креста, проникла в обычаи испанских рыцарей сравнительно поздно: она получает распространение лишь в начале XIII века. Это совпадает с тем, что только в 1212 году христианские короли Испании смогли преодолеть свои прежние раздоры и заключить общий союз против мусульман, результатом чего стала решающая победа в Лас Навасе. Представляется надежно

установленным, что главные рыцарские ордена, такие как Святого Иакова, Адкantara и Калатрава, которым было суждено сыграть в дальнейшем столь важную роль в испанской истории, отнюдь не являлись оригинальным творением, но были созданы по образцу орденов Святой Земли.

Верно, что начиная с IX века неизвестные религиозные проповедники Наварры и Леона призывали христиан изгнать сарацинов и восстановить вестготскую Испанию. Но в исламизированной Испании, в Испании трех религий эти идеи не нашли особого отклика. Понадобились века распространения христианства вглубь, чтобы Испания осознала и прониклась основными понятиями христианской Европы. Более того, как мы уже отмечали, эти понятия стали еще более действенными только тогда, когда неверные, с которыми надо было бороться, разбитые и уничтоженные, представляли собой лишь воспоминание. На иберийской почве это было слишком навязчивым воспоминанием.

Было ли это крестовым походом Дон Кихота против ветряных мельниц или священной войной

с мертвецами, которых необходимо было уничтожить? В заключительной части этой книги мы подробно остановимся на этом трагическом недоразумении, в результате которого Испания из страны, бывшей в средние века оазисом терпимости, стала самой нетерпимой страной континента.

Решающий период Реконквисты продолжался два века—с 1045 по 1250 год. Продвижение христиан происходило последовательными прорывами, чередовавшимися с контрнаступлениями ислама. Дважды, в 1085 и 1145 годах, мусульмане призывали к себе на помощь своих единоверцев из Северной Африки, объединенных в воинствующие секты. Это были кочевники туареги—Альморавиды, и берберы горных районов—Альмохады. Оба раза христиане оказывались оттесненными обратно на север. Как мы уже говорили, Альмохады особенно выделялись своим фанатизмом и нетерпимостью. Их приход вынудил многих евреев спасаться бегством в христианских странах—в Кастилии и Арагоне, а по ту сторону Пиренеев в Лангедоке и Провансе.

Королевство Кастилии, которое несло на протяжении столетий главную тяжесть борьбы, стало основным убежищем для евреев. После успешного завоевания необходимо было организовать и заселить новые земли, часто разоренные и опустошенные. Разгромленная и практически необитаемая, своего рода ничейная земля вдоль р. Дуэро, служила буфером между двумя противниками. Чтобы обеспечить заселение подобных земель, правители предоставляли права и привилегии новым колонам, доходя даже до призыва тех, кто преступил законы обычного права. Один современный историк пишет, что они приняли бы даже дьявола во плоти, и добавляет, что они принимали евреев с распростертыми объятьями. Но другие провинции попадали в руки победителей нетронутыми, со своим смешанным населением, состоящим из мавров, евреев и христианских мазарабов. В этом случае проблема организации и управления этими землями оказывалась более важной, чем проблема их заселения.

По мере того, как христианские королевства расширяли таким образом свои границы, они ча-

стично восстанавливали на завоеванных землях прежнюю социальную и экономическую систему. В результате многие институты мусульманского происхождения оказались воспринятыми с небольшими изменениями суверенами христианской Испании. Эта адаптация проходила главным образом при посредничестве евреев. Вожди Реконкисты нашли в них преданных и надежных помощников, прекрасно разбирающихся в обстановке и тех возможностях, которые открывались на отвоеванных территориях, поскольку иногда они даже осуществляли на этих землях административные функции и при мусульманском господстве. Иными словами, их роль можно сравнить с функциями европейских экспертов в слаборазвитых странах.

Еще более выразительным является образ, использованный Америке Кастро, когда он сравнил вновь отвоеванные земли и города с Калифорнией, Сан-Франциско, Лос-Анджелесом и Сан-Диего, если бы они вновь оказались под властью мексиканцев. . . Это означает, что роскошный образ жизни прежней аристократии Толедо,

Кордовы или Валенсии не мог не соблазнить завоевателей и не быть ими принят. Еще один раз в истории побежденные навязали свои обычаи, образ жизни, короче говоря свою цивилизацию, победителям.

Можно сказать, что в определенной степени христианская Испания пережила в этот период новую исламизацию. Евреи были основными действующими лицами этого процесса, поэтому вслед за С. де Мадарьягой можно говорить также и об иудаизации Испании («(Испанские евреи) оставили Испанию очень еврейской, сами они ушли очень испанскими»,—писал дон Сальвадор де Мадарьяга в своей книге «Испания и евреи», Лондон, 1946.). Эти термины по необходимости являются весьма расплывчатыми, но они имеют то преимущество, что четко определяют неповторимые аспекты средневековой истории Испании, прокладывая тем самым путь к столь своеобразному облику Испании современной.

В эпоху Реконквисты короли Испании титуловали себя «королями трех религий». По всех ви-

димости, первым употребил это выражение король Кастилии Фердинанд III, но в данной ситуации статус евреев повышался по мере того, как понижался статус мусульман. Во время капитуляции Толедо в 1085 году маврам была гарантирована неприкосновенность жизни и имущества, но в дальнейшем большинство их было вынуждено покинуть город. Во время взятия Толедо в 1115 году только евреям, но не мусульманам, было разрешено остаться жить во внутренней укрепленной части города. То же самое произошло тремя годами позже во время взятия Сарагосы. В 1148 году в Тортосе оставленные мусульманами сады, виноградники и оливковые рощи были распределены между евреями.

Хартия Куэнки 1190 года, принятая через двенадцать лет после взятия города, проводит это различие особенно четко: в тексте хартии при подробном определении норм экономической и социальной жизни речь идет только о христианах и евреях, а мавры упоминаются лишь в нескольких пассажах общего характера. В самом деле, после изгнания правящего мусульманского клас-

са евреи частично заняли его место, в то время как мавры, разделенные согласно заимствованной у ислама концепции на «мавров мира» и «мавров войны», оказались отброшенными на самый низ социальной лестницы.

Юридический статус «еврейского народа» в эту эпоху в основном был таким же как у «христианского народа». На практике евреи занимали в социальной иерархии место сразу после королей и сеньоров. Это положение было им обеспечено большим значением и разнообразием их социально-экономических функций. Коммерция, промышленность и ремесло в значительной степени находились в их руках. Реконкиста, с ее опустошениями, приводила к разорению мануфактур, запустению рудников по добыче серебра и металлов. Евреи их восстанавливали. На завоеванных территориях они способствовали быстрому развитию виноградарства и виноделия, к которым в исламских странах по традиции относились неодобрительно. В качестве собственников земли, евреи естественно заботились о ее процветании.

Но, в основном, в эту эпоху они составляли административный костяк христианской Испании. Дипломаты и финансисты, они были незаменимыми помощниками королей. Они и вдохновляли и осуществляли их политику, чеканили монету с кастильскими и арабскими надписями. Преследования Альмохадов стали дополнительной гарантией их верности. Принимали ли они непосредственное участие в боях? Согласно одной арабской легенде накануне битвы при Залака было заключено перемирие на три дня, чтобы позволить мусульманам отпраздновать пятницу, евреям субботу, а христианам воскресенье.

По словам одного раввина, жившего в Германии в XII веке, «в Испании принято, чтобы евреи отправлялись на войну в свите своего короля». Тем не менее вероятно, что они не подлежали регулярной военной службе, но лишь участвовали в защите городов, а их участие в военных кампаниях было делом исключительно добровольным. Видимо, именно такие добровольцы, пешие и конные стрелки из арбалета, упоминаются среди тех, кто в 1266 году принял участие в разделе

добычи в Андалусии и получил в дар дома в городе Херес де ла Фронтера наряду с девяноста другими евреями.

Евреи, бывшие фаворитами королей, получали от них роскошные дары, обширные земли с горами и долинами, целые деревни с полями и пастбищами. В городах вопреки запретам, восходящим к отцам церкви, они строили синагоги такими же высокими и такими же прекрасными как христианские церкви. Во многих местах они взяли в свое распоряжение покинутые мечети и превратили их в синагоги, некоторые из которых впоследствии стали христианскими церквями, так что еще в наши дни в воображении некоторых испанских детей синагога—это «мечеть, используемая для христианских богослужений». Да и в самом деле, разве не стало предназначением евреев передать христианской Испании арабское наследие?

Посмотрим теперь, каким было в эту эпоху отношение христианской церкви к столь мощному подъему иудаизма.

Папы занялись этой проблемой довольно ра-

но. Начиная с 1081 года Григорий VII требовал от Альфонса VI Кастильского «не допускать еврейского господства на христианских землях, а также не позволять евреям осуществлять власть над христианами». Это первое проявление настроений, с которыми мы еще неоднократно столкнемся. Но в самой Испании как крупные, так и рядовые священнослужители, по всей видимости, относились к этому весьма реалистически. Сам архиепископ Толедо и примас испанской церкви издал эдикт о равенстве прав евреев и христиан в своем городе Алкала де Хенарес, отбитом у мавров в 1118 году.

Экономическое положение евреев было таково, что сама католическая церковь прямо или косвенно черпала от них значительную часть своих ресурсов. Короли часто передавали в дар церкви налоги, которые должны были платить евреи, в том числе и за земли, на которых они обосновались. Тесные деловые отношения связывали церковь с евреями, которые управляли церковным имуществом, осуществляли сбор налогов или гарантировали их, даже давали ссуды

под залог церковной утвари. В принципе, когда евреи владели собственностью, они должны были платить десятину и другие церковные налоги наравне с христианами. Испанские священнослужители, таким образом, становились на их сторону в этой ситуации, которую они обосновывали, как это делал архиепископ Толедо, указанием на то, что необходимо оставить евреев на кастильских землях. Для того, чтобы когда-нибудь обратить их в христианство, как это было предсказано пророками. А тем временем они заставляли евреев участвовать даже в расходах по церковным службам, например, платить за алтарные свечи.

До XIV века специальные решения церковных соборов по поводу евреев были крайне редкими, а те, что были приняты, в основном касались взимания десятины с собственности, «которую презренные и гнусные евреи купили или собираются купить у верных христиан...», поскольку было бы несправедливым, чтобы церковь теряла те сборы, которые она получала до прихода евреев...».

Иностранные клирики, особенно французы,

которые в это время устремились в Испанию, имели, по всей видимости, совсем иные взгляды на то, как надо обращаться с неверными. Один из них, дом Бернар, принадлежавший к Ключийскому братству и ставший первым архиепископом Толедо, не мог смириться с тем, что большая мечеть продолжала принадлежать мусульманам, как это предусматривалось условиями капитуляции города, и своим собственным решением превратил ее в собор вопреки желанию короля.

Те же тенденции были и у рыцарей, прибывавших воевать с сарацинами. В несколько приемов (в 1066, 1090, 1147, 1212 годах) они принимались по ходу дела, возбуждаемые своим священным гневом и жадностью, прибирать к рукам богатства еврейских общин Испании. Всякий раз порядок восстанавливался населением, еще не привыкшим к духу крестовых походов и подчиняющимся королевским приказам.

Однако таким путем испанские христиане узнали, что по ту сторону Пиренеев еврейские жизни стоят дешево, что же до самих евреев, то они вспомнили привычные опасности жизни

«между Эдомом и Измаилом». Добавим, что в 1066 году папа Александр II поздравил графа Барселоны Рамона Беренгера I с «мудростью, которую он проявил в том, что спас от смерти евреев на своих землях, поскольку Господь не радуется пролитию крови и не находит удовольствия в гибели людей, даже неправедных».

Избиения евреев случались также во время народных волнений, происходивших когда пустовал трон, например, в Кастилии в 1109 году после смерти Альфонса VI, в Леоне в 1230 году после смерти Альфонса IX. Это были народные восстания против короля и власти, а также против людей, приближенных к власти; в них не было ничего специально направленного против евреев.

Золотой век

«Татары... это невысокие загорелые люди, похожие на испанцев», писал в своем отчете для Людовика Святого монах Гийом де Рубрук, посланный королем в Монголию, чтобы заключить союз с великим Ханом. Имеется много данных, заставляющих прийти к убеждению, что на самом деле внешний облик населения Испании XII и XIII веков приближался к азиатскому типу и резко отличался от облика населения средневековой Европы. К тому же они усвоили мусульманскую манеру одеваться.

Однако в одежде христиан, мавров и евреев безусловно существовали различия, о которых нам мало известно.

Что касается евреев, то у нас имеются об этом некоторые сведения, поскольку в 1215 году IV Латеранский собор предписал ношение специального отличительного знака евреям и сарацинам, проживающим на христианских землях, чтобы их можно было опознавать, поскольку евреи пытаются избегать этого. Из документов следует, что в Арагоне евреев обычно можно было легко отличить благодаря их верхней одежде, и что они

сами дорожили этим отличием. В Кастилии ношение особых знаков казалось тем более необходимым, что там подобные различия не были известны, но евреи категорически отказались их носить, не побоявшись даже прибегнуть к угрозам. В результате клирики были вынуждены уступить. Это следует из письма папы Гонория III архиепископу Толедскому, датированного 1219 годом.

Примерно в ту же эпоху собор Вальядолида (1228г.) потребовал, чтобы кастильским евреям запретили ношение головных уборов, похожих на головные уборы священников, «из-за чего часто случается, что иностранцы и путешественники относятся к ним с неподобающей почтительностью и оказывают им почести как священнослужителям».

Уже эта проблема одежды позволяет нам предвосхитить совершенно оригинальный облик «Испании трех религий», возникший в средние века под восточным влиянием. В этой стране жители реально осуществляли тот вариант дружбы «между народами», который требовали от них их правители ради собственных экономических и

политических интересов. О согласии, царившем между ними, свидетельствуют многочисленные примеры, забавные и красноречивые.

Рассмотрим сначала светскую и политическую жизнь. По случаю военной победы или восшествия на трон нового короля христиане, евреи и мусульмане совместно выражали свою радость процессиями и осаннами, или «песнями приветствий», примеры которых можно найти как в XI, так и в XV веках, т. е. буквально накануне изгнания евреев. Так, в Толедо в 1139 году во время триумфального возвращения Альфонса VII после победы над Альморавидами «все три народа—христиане, сарацины и евреи вышли ему навстречу с лютнями, цитарами, тимбалами и многими другими инструментами, распевая хвалы Господу и победителю, каждый на своем языке. . . »

В 1414 году в Сарагосе во время коронации Фернандо де Антекера, нового короля Арагона «. . . евреи, одетые как христиане, пели

и танцевали, вслед за своими жонглерами обошли все улицы, выражая свою радость, и в конце концов пришли во дворец сеньора коро-

ля. . . » В 1497 году, т. е. после изгнания евреев из Испании, дочь Католических Величеств, которая вышла замуж за короля Мануила, встретила точно такой же прием со стороны евреев при своем прибытии в Португалию.

Столь братское согласие и взаимовлияние проявлялось не только по случаю особо исключительных событий. Это согласие обнаруживается в повседневной жизни, иногда даже в некоторых областях интимной жизни, в частности в области личной гигиены.

Испания этой эпохи еще не знала средневекового «страха перед банями». Она унаследовала от мусульман и частично сохранила на всем протяжении средних веков институт публичных бань. В некоторых городах для мужчин и женщин были отведены разные дни; в других, например, в Сорите и Куэнке понедельник и среды были отведены для женщин, вторник, четверг и суббота для мужчин, а пятница и воскресенье для евреев; наконец, были и такие города, как Тортоза, чьи бани славились своей роскошью и где вообще не существовало подобных расписаний,

что позволяет предположить отсутствие какой-либо сегрегации по половому или по религиозному принципу, т. е. мужчины и женщины, обрезанные и необрезанные, совершенно невинно мылись там все вместе в общих купальнях.

Обратимся в этой связи к Генеральному кодексу Кастилии, известному под названием «Las Siete Partidas» («Семь частей») (мы еще вернемся к этому фундаментальному документу), который отвергал свободу нравов в этой области, привлекавшей внимание уже первых отцов церкви, и предписывал, «что ни один еврей не имеет права пользоваться банями вместе с христианами». Тот факт, что этот запрет должны были возобновлять в Кастилии в 1309, 1412 и 1465 годах, позволяет предположить, что он не слишком скрупулезно соблюдался.

Обычай совместных бань дополняется и обычаем совместных трапез. Справедливости ради необходимо отметить, что евреи, в своем большинстве соблюдавшие пищевые запреты Торы, были гостями, которых нелегко потчевать. Случалось, что их христианские друзья учитывали

эти обычаи, как, например, некий арагонский сеньор, который по случаю женитьбы своего сына приказал, чтобы одну телку зарезал еврейский резник, тем самым он получил возможность послать несколько отборных кусков тем из своих друзей, которые соблюдали закон Моисея.

Все тонкости средневековой куртуазности было гораздо легче соблюдать евреям в отношении христиан, и евреи не забывали посылать своим христианским друзьям еду и напитки по случаю своих семейных праздников. По давней традиции против этого возражала церковь. Нет ничего более показательного в этом отношении, чем синодальное решение диоцеза Валенсии (1263 г.), запрещающее священнослужителям под страхом отлучения от церкви не только принимать от евреев вино, но даже «сознательно покупать их вино»; правда делалось исключение для «ситуаций крайней необходимости», что напоминает нам о том, что евреи специализировались на возделывании винограда и изготовлении вина.

Несмотря на подобные запреты, христиане, евреи и мавры Испании трех религий по различ-

ным знаменательным поводам преодолевали всевозможные барьеры в их социальных отношениях. Частота и суровость наказаний, налагавшихся за сексуальные связи между людьми, исповедовавшими разные религии, свидетельствуют о том, что даже этот, самый высокий барьер между евреями и христианами также регулярно преодолевался. Мы еще вернемся к этому

вопросу.

Евреи и еврейки возглавляли в качестве крестных отцов и матерей крестины в христианских семьях, а христиане участвовали в обрезаниях. В Новой Кастилии даже было принято приглашать профессиональных еврейских певиц на церемонии христианских погребений, чтобы они исполняли традиционные похоронные песнопения. Подобные действия уже относятся к сфере религиозной жизни. В этой области испанское население также следовало обычаям, которые церковь смогла искоренить лишь после вековой борьбы. Так, испанские христиане не отказывались от того, чтобы отправиться послушать

проповеди раввинов, известных своим красноречием, даже накануне изгнания евреев в 1492 году. Обратное также ни в коей мере не было редкостью. Существовала даже традиция совместных молитв и ночных бдений.

Некоторое представление о том, каковы были эти ночные бдения, можно составить на основе судебного процесса, состоявшегося в 1313 году, на котором судили некоего еврея из Тауста в Арагоне. Его вина состояла в том, что он, «присутствуя на бдении в церкви Святого Варфоломея в Таусте в обществе христиан и христианок этого города, которые там развлекались и танцевали, ударил ногой по алтарю, при этом понося и оскорбляя христианскую веру». Характерно, что преступник был выдан правосудию евреями Тауста.

Похоже, что традиция совместных молитв в средневековой Испании оказалась неискоренимой. Даже в 1449 году для того, чтобы остановить чуму, свирепствовавшую в Андалусии, евреи Севильи с разрешения архиепископа организовали торжественную процессию со свитками Торы

по улицам города вслед за христианской процессией Святых Тайн. Это событие, вызвавшее гнев папы Николая V, видимо, не было единственным. Живя в тесном соседстве, испанцы прошлых веков распространяли свои общие хорошие отношения с соседями на бога этих соседей, общего Бога Авраама, отца всех трех народов.

Ничто не может лучше выразить это состояние духа, чем неопубликованная хроника Альфонса XI Кастильского, цитируемая Америко Кастро. В этой хронике содержится отчет о неудачном походе королевских сыновей дона Педро и дона Хуана против мусульман. Мусульманский правитель Гранады подписал перемирие с христианами и обязался платить им дань. Но по настоянию папы сыновья короля нарушили клятву и вторглись на земли мавров. Они были разбиты, а инфант дон Педро убит во время битвы. Анонимный хронист, сообщив все эти факты, комментирует их следующим образом:

«... из всего того, что случилось с доном Педро, его люди сделали такой вывод: он нарушил договор, заключенный с королем Гранады

и переступил через клятву, которую Бог установил между людьми; и его люди подозревали, что в этом заключалась причина его смерти... ибо Всемогущий знает только истину и никогда не карает без причины».

Неважно, что воины, преступившие клятву, были христианами, не имеет значения, что они нарушили перемирие по настоянию наместника Иисуса Христа на земле: Бог, общий отец всех праведников, не дарует им Своей милости и отдает победу мусульманам.

Мы видели, что эта широта взглядов, эта необыкновенная терпимость вытекала в конечном счете из потребностей общественного порядка в тех христианских странах, где значительная часть населения, включая самые активные в экономическом отношении социальные группы, не была христианской. Те же потребности общественного порядка и стабильности привели к возникновению некоторых барьеров, решительно не совместимых с буквой и духом евангелий: в Испании трех религий, где ко всем религиям относились с уважением, переход из одной религии в

другую был или запрещен, или чрезвычайно затруднен, так что даже обращение в христианство евреев или мавров наталкивалось на всевозможные препятствия.

Государство официально защищало каждую религию и даже регламентировало религиозную деятельность. Что касается иудаизма, то, например, кастильский кодекс «Семь частей» подтверждал, что следует позволить евреям жить среди христиан в качестве свидетелей распятия, и далее уточнял, что название иудеи происходит от колена Иуды, «самого благородного и самого сильного из всех», что королей выбирали из членов этого колена и что во время сражений именно это колено наступало в первых рядах. Этот последний аргумент должен был быть особенно дорог сердцам испанских евреев, так что нет никаких сомнений в том, что они приложили руку к составлению этого кодекса, невзирая на его религиозный дух).

После этого изложения мотивов, по которым чисто испанские понятия оказались смешанными с каноническим правом, перечислялись ме-

ры защиты иудаизма. «Поскольку синагога—это дом, в котором пребывает имя Господа, мы запрещаем христианам оскорблять или осквернять ее или выносить из нее силой какие-либо предметы. . . препятствовать или мешать евреям проводить там занятия или богослужения в соответствии с их законом. . . Запрещается применять силу в любом виде для того, чтобы обратить их в христианство, что допустимо только с помощью хороших примеров и слов Священного Писания. . . »

Другие постановления и другие кодексы имели своей целью соблюдение Закона Моисея самими евреями. «Запрещается всякому еврею читать книги, в которых плохо говорится о еврейских законах, которые направлены против этих законов; он не должен обладать такими книгами; такие книги должны быть сожжены перед входом в синагогу».

Согласно воле короля и по христианским законам евреи были обязаны соблюдать субботу и свои праздники: «Еврей. . . который нарушит соблюдение субботы или святого дня, должен за-

платить штраф в тридцать су... А если в субботный день или в святой день при нем будет оружие, он должен заплатить двадцать два су... А если в субботный день или в святой день еврей сядет верхом на лошадь, лошадь должна быть передана сеньору, а [этот еврей] должен заплатить тридцать су за каждую субботу и каждый святой день, в которые он ездил верхом». (Отметим, что здесь возникает образ испанского еврея верхом на коне и вооруженного.) Штрафы поступали в королевскую казну, так что коронованные защитники еврейской религии оказывались ревностными блюстителями ее чистоты. Неудивительно, что некий раввин из города Дарока в Арагоне в начале XIII века должен был заплатить сто пять су штрафа за то, что его нож во время ритуальных заклятий не был наточен в полном соответствии с правилами. Еще более серьезным должно было быть наказание того еврея с Майорки, видимо, отличавшегося большим вольнодумством, который, «презрев святую католическую веру и Закон Моисеев», молился согласно обычаям мавров со своими рабами, что не помещало

ему попать закон Мухаммада, ибо он ел свинину и пил христианское вино (конец XIII века).

Во всех случаях еврей должен был себя вести как подобает благонавному еврею, причем испанская католическая церковь запрещала ему принимать ислам, обратные переходы были также запрещены. Церковные соборы недвусмысленно запрещали это. Так, в 1234 году собор в Таррагоне постановил, что «никакой сарацин, будь то мужчина или женщина, не может принять иудаизм, а никакой еврей и никакая еврейка не может перейти к сарацинам; если же кто сделает это, то будет обращен в рабство». В 1252 году после завоевания обширных территорий в Андалусии это постановление было подтверждено и в Кастилии.

Что касается обращений в христианство, ситуация, очевидно, была более сложной. Испанская церковь не могла не декларировать

стремление к обращению неверных, но по крайней мере вплоть до активизации в XIII веке крупнейших монашеских орденов— францисканского и доминиканского и развернутой ими в Арагоне деятельности, она не слиш-

ком стремилась к этому на практике. В результате, не предпринималось ничего, чтобы привести еврея к крещению, но было много причин, чтобы отворотить его от этого. В первую очередь—ожидающая его нищета, поскольку согласно древнему обычаю все его имущество должно было быть конфисковано в пользу королевской казны. Лишь в XIII веке этот обычай начал подвергаться сомнению, но это было лишь формальным жестом, не имевшим практического значения. Так, еще в 1322 году собор в Вальядолиде следующим образом характеризовал положение новообращенных в Кастилии:

«После совершения обряда крещения они обычно должны отправляться просить милостыню по причине своей нищеты. Некоторые из них поэтому оставляют нашу святую веру. Итак, необходимо обеспечить их самым необходимым в богадельнях и благотворительных учреждениях. . . Те, кто способен обучиться какому-нибудь ремеслу, должны быть направлены начальниками этих благотворительных учреждений для обучения этим ремеслам», и т. д.

Нищета, в которую впадал новообращенный, была лишь закреплением его положения неприкасаемого. В Испании трех религий новообращенный преступал неписанные законы и сталкивался с открытой враждебностью как прежних, так и новых собратьев по вере. Отступник для одних, он был *tornadizo* («неустойчивый в своих принципах») для других. Это положение вещей нашло свое отражение в кодексе «Семь частей», в котором евреям запрещалось убивать или ранить этих новообращенных, а христианам напоминать им об их происхождении, но наоборот, предписывалось оказывать им «уважение и почести, как всем остальным христианам».

Таким образом, вплоть до XIV века обращение евреев в христианство было весьма редким событием. Тем, кто вступал на этот путь, часто было нечего терять, как, например, одному еврею из Барселоны, который был осужден за любовную связь с христианкой в 1022 году и принял крещение на следующий год. Те из новообращенных, кто владел грамотой, становились клириками и принимались за обращение бывших собра-

тьев по религии в христианство. Характерно, что в течение длительного времени они были единственными, кто занимался этой неблагодарной работой, например, Моисей Сефарди (знаменитый Педро Альфонс или Илдефонс, о котором см. ниже) в начале XII века, или в ту же эпоху некий «Самуэль из Марокко».

Видимо, совсем редкими были обращения в иудаизм христиан, а также мавров. В случае с маврами это, как правило, были рабы. Хотя подобные события, естественно, должны были сохраняться в тайне, несколько таких случаев нам известны. Один раввин из Арагона, перечисляя молитвы, которые следовало читать по этому поводу, добавлял: «Таковы здешние обычаи». Вскоре после его смерти архиепископ Таррагонский обвинил (в 1312 году) многих евреев, которые не ограничились тем, что сбивали местных неофитов с правильного пути, но помогли христианам, прибывшим из Германии, сделать обрезание. В данном случае эти нарушители закона отделались крупными штрафами.

В общем, средневековая концепция, согласно

которой каждый член общества должен оставаться на своем месте, применялась в Испании в соответствии с мусульманскими традициями, т. е. она распространялась и на сферу религии. В области социальной и экономической жизни место евреев находилось в особом секторе, и мы к этому еще вернемся в дальнейшем. Сейчас важно еще упомянуть об их исключительном политическом влиянии.

Знаменитая легенда, которая породила обширную литературу, рассказывает о любви Альфонса VIII Кастильского (скончавшегося в 1214 году) к прекрасной Рахели—«La Ferosa», верность которой он хранил в течение семи лет. По этой легенде именно таким образом объяснялись могущество и престиж, которым пользовались евреи при кастильском дворе в ту эпоху. Но еврейские придворные не нуждались в подобных романтических интригах, в чем-то вроде испанской Есфири, чтобы поддерживать близкие отношения с королями. Когда кастильские сеньоры решили, что было бы политически выгодно выдать замуж Урраку, дочь Альфонса VI (скон-

чавшуюся в 1109 году) за короля Арагона, они предпочли представить этот проект королю при посредничестве его верного Сиделло, министра-еврея, о котором уже шла речь, чем предлагать это самим.

Двумя столетиями позже король Арагона обращался к Иосифу из Эсихи, министру-еврею короля Кастилии в следующих церемонных выражениях:

«Дон Альфонс, король Арагона, к вам, дон Иосиф из Эсихи, альмоха-риф (министр) могущественнейшего короля Кастилии. Привет человеку, которого мы любим и которому доверяем. Мы хотим сообщить вам, что несколько дней назад у нас был приступ болезни, но, хвала Господу, мы благополучно выздоровели. Мы сообщаем вам об этом, потому что мы знаем, что вы дорожите нашим здоровьем и благополучием. Поскольку мы хотим развлечься с помощью жонглеров короля Кастилии, тех, что из Тарасова, того, кто играет на ситаре и того, кто играет на лютне, мы просим вас передать нашу просьбу королю, чтобы он прислал нам упомянутых

жонглеров и мы выражаем вам большую благодарность за эту услугу».

Крупные еврейские деятели Толедо и Барселоны занимались как увеселениями монархов, так и их делами, образуя нечто вроде постоянного мозгового треста при испанских королях и сопровождая их в их бесчисленных путешествиях. В Арагоне значение евреев начинает падать в конце XIII века. В Кастилии, где арабское влияние было более глубоким, этот процесс начался лишь в XV веке, отсутствие подлинного класса христианской буржуазии, или медленные темпы ее формирования, а также недоверие, с которым короли относились к аристократам, объясняют устойчивость положения евреев, как это понял уже Хуан Мануэль, племянник Альфонса X Мудрого и первый политический мыслитель Кастилии. В своей "Книге государств", он решительно выступает за то, чтобы предпочтение в ведении государственных дел отдавалось «торговцам», а не знати и клиру. Этот принц считал своего врача, дона Соломона, своим единственным настоящим другом, как он открыто заявляет в своем

завещании и на что намекает в своей книге «О путях любви». Еврейские врачи, к которым прислушивались и которых уважали сильные мира сего, были одной из основных связующих нитей между евреями и христианами.

Другим аспектом деятельности евреев Кастилии была их роль распространителей цивилизации и образования, которую в остальной Европе выполняли священнослужители. Отсюда вытекает замена с XIII века латыни народным языком в административных и юридических документах, поскольку евреи питали резкое отвращение к латыни. Таковы были истоки классического кастильского языка.

Есть еще один аспект культурной деятельности евреев, который заслуживает более подробного внимания, поскольку он явился ключевым для подъема христианской Европы. Мы имеем в виду роль испанских евреев в передаче знаний, накопленных в античном мире и на Востоке. В средиземноморском регионе были и другие зоны контактов между Востоком и Западом, например, в Сицилии, которая также была араби-

зована, или в Византии. Но главными воротами, через которые в Европу проникали науки и искусства, служила Испания, без сомнения потому, что основные посредники, т. е. евреи, были там многочисленны и хорошо образованы. В течение трех веков систематически велась переводческая деятельность, основным центром которой был Толедо. Во главе первой академии перевода с 1030 по 1070 годы находился видный церковный деятель Доминик Гонсалв, помощником которого был еврейский хронист Авраам ибн Давид (Абендауд). Они собственноручно перевели «Трактат о душе» Авиценны: христианин переводил на латынь по мере того, как еврей делал первоначальный перевод на народный кастильский язык. Другие античные и арабские философы были переведены таким же образом, начиная с Аристотеля. Коран был переведен евреем, «маэстро Педро» из Толедо. Основной корпус научных и технических достижений античного мира попадал в Европу тем же путем; видимо, так же была освоена индийско-арабская система счисления и понятие нуля. Аналогичным образом обстояло де-

ло и с развлекательной литературой. Сборник восточных сказок, переведенный в начале XII века Педро Альфонсом, арагонским евреем, перешедшим в христианство, завоевал огромную популярность во всей Европе от Сицилии до Исландии под названием «*Disciplina Clericalis*» («Духовное воспитание») и стал источником сюжетов для английского народного театра и французских фавблио. В эту же эпоху христианские богословы и раввины поддерживали в Барселоне тесные взаимоотношения. Ученик каббалиста Авраама Абулафии ученый Арман де Вилленев, видимо, находился под таким сильным влиянием своего учителя, что его обвиняли в тайном исповедовании иудаизма. Знаменитый францисканец Раймонд Луллий также входил в эту группу. Была найдена одна из его рукописей, которую он посвятил главным раввинам города—«метру Абраму Денанету (иначе Бен Адрету), метру Арону, метру Соломону и другим еврейским мудрецам, которые относятся к альхама (т. е. к обществу)». Его «Беседы трех мудрецов» (христианина, мусульманина и еврея), возможно написанные под

влиянием «ал-Кузари», остаются недостижимой вершиной средневековой терпимости и гуманизма. Но в то же самое время и в том же самом городе, иногда при участии тех же самых ученых мужей, доминиканцы создали «Институт восточных языков» с целью обращения неверных. А Раймон Мартин, который также дружил с раввинами, составлял свой «Кинжал веры» («Pugio Fidei»), ставший источником вдохновения для антиеврейских полемистов вплоть до начала современной эпохи. Как может почувствовать читатель, это были тесно связанные между собой феномены, которые позволили лучшему знатоку этих вопросов И. Баеру написать следующее: «Христианская Испания была среди европейских стран той страной, которая отличалась одновременно религиозным фанатизмом и религиозной терпимостью». Мы можем к этому добавить, что первое вытекало из второго; такова была специфическая диалектика испанской истории.

Еврейский народ Испании

Еще в XII веке в Испании жили земледельцы-евреи, возделывавшие свои земли, имелись даже целые еврейские хутора и земли. Однако большинство евреев жили в «замках», или укрепленных поселениях, под непосредственной защитой местного феодала. Иногда еврейские общины отвечали за поддержание «замков» в надлежащем состоянии, за работы по фортификации и даже непосредственно за оборону. Многие испанские города, в дальнейшем населенные христианами, как местными, так и иммигрировавшими из-за Пиренеев, обязаны своим происхождением подобным «замкам». Процесс формирования собственно христианского городского населения Испании явно запоздал и происходил крайне медленно. Он ускорился только в XIII веке. В результате, в следующем столетии еврейское население Иберийского полуострова, насчитывавшее тогда около трехсот тысяч человек, составляло лишь четвертую или пятую часть общей численности городского населения Испании.

По примеру христианских ремесленников и торговцев еврейские ремесленники и торговцы

объединялись в гильдии и корпорации для защиты своих профессиональных интересов, что стало особенно важным после того, как они стали уступать христианам в численности. Также, как у христиан, у них были свои благотворительные фонды и общественные здания, например, богадельня для евреев-портных в Перпиньяне или синагога евреев-ткачей в Калатаюде. Подобное «распределение по профессиям» сохранялось вплоть до изгнания евреев из Испании в 1492 году. Изданный в 1443 году королем Хуаном II эдикт, специально направленный на защиту ремесленников-евреев от зависти и конкуренции христиан, предоставляет прекрасную возможность оценить весь спектр распространенных среди евреев профессий.

«Запрещается препятствовать евреям покупать, продавать или обменивать любые виды товаров с христианами,—уведомлялось в эдикте короля Кастилии.—Им разрешено заниматься коммерцией и полезными профессиями, такими как профессии суконщика, ювелира, столяра, портного, жестянщика, кожевника, шорника, канатчи-

ка, гончара, корзинщика, менялы и другими ремеслами и полезными профессиями, связанными с ручным трудом. . . »

Подобные занятия были характерны в первую очередь для еврейских общин маленьких городов, вдали от княжеских дворов, их замыслов и интриг. Так, в Талавере-де-ла-Рейна в Кастилии еврейская община насчитывала в XIII веке шестьдесят восемь членов; главной местной специализацией было плетение корзин, кроме того там было три ювелира, два лавочника, несколько врачей и арендаторов, а также множество ремесленников—кузнецов и шорников, портных и сапожников. И. Баер получил эти данные на основе изучения кастильских налоговых архивов. Аналогичные результаты были получены им и для большинства других еврейских общин Испании.

В этих условиях нет ничего удивительного, что первые испанские историки «Века просвещения», пытаясь найти причины упадка Испании, особое значение придавали изгнанию мавров и евреев, поскольку только они занимались в Ис-

пании «искусствами» и ремеслами.

Действительность была, конечно, гораздо сложнее. Тем не менее эта точка зрения может быть подкреплена статистическими данными. Так, в 1294 году в королевстве Арагона на долю евреев приходилось 22% всех платежей и налоговых поступлений в королевскую сокровищницу. Нет никаких сомнений, что в Кастилии, для которой мы не располагаем точными цифрами, доля еврейских платежей составляла еще большую величину. Для сравнения отметим, что в Париже в 1292 году доля евреев в общей сумме налоговых сборов составляла всего один процент. (См. об этом ниже.)

В общую сумму входили платежи как богатых, так и бедных еврейских семей. Подавляющее их большинство обладало весьма скромным достатком, что вполне подтверждается перечнем их профессий и занятий. Финансисты и ростовщики составляли незначительное меньшинство; к тому же экономическая ситуация в средневековой Испании в отличие от Англии или Франции в гораздо меньшей степени благоприятство-

вала тому, чтобы одалживать деньги под проценты. Лишь с конца XIII века подобные финансовые операции становятся в Испании достаточно распространенными. Социальная интеграция евреев в испанскую жизнь проявлялась также и в том, что касается постоянства мест их проживания. Собственные имена, засвидетельствованные в течении столетий, позволяют констатировать, что на протяжении многих поколений от отца к сыну еврейские семьи сохраняли места своего проживания, что резко контрастировало с постоянными миграциями евреев по другую сторону Пиренеев. Таким образом, испанские евреи имели все возможности «плодиться и размножаться», благодаря чему им удалось обеспечить и поддерживать достаточно высокую плотность своего населения. За пределами Испании в социологическом отношении евреи составляли преимущественно общность, занимающую маргинальное положение без стабильного места обитания. Напротив, в Испании они являлись своего рода позвоночным столбом экономической и социальной жизни. В этой связи показательно замечание Америке Ка-

стро, что «они одновременно были и не были Испанией».

Испанские евреи не были Испанией и не могли быть ею в той мере, в какой эта страна от трехнационального общества, организованного по восточной модели, медленно эволюционировала в сторону мононационального христианского государства, подобного европейским странам по другую сторону Пиренеев. Мы еще вернемся ниже к этой эволюции «испанской христианской нации».

Что касается «еврейской нации», то ее глубокому проникновению в иберийскую почву, ее «испанскому характеру» соответствует глубокая внутренняя дифференциация, вызванная в первую очередь экономическим расслоением. В многочисленных альхама, т. е. общинах, евреи (так же, как и горожане-христиане) по своему социальному положению делились на три класса в зависимости от уровня их благосостояния—высший, средний и низший (man major, man mijana et man menor). Следует подчеркнуть, что существовали отдельные еврейские семьи, наи-

более богатые и влиятельные, приближенные к королевскому двору, которые добивались статуса «свободных» или «освобожденных», т. е. особых евреев, вышедших за рамки общины и не подлежащих общинной юрисдикции и налоговой повинности. Иногда король даже устанавливал специальный общинный налог в пользу этих семей, одновременно запрещая общинам преследовать или исключать из своих рядов эти семьи.

Так возникла еврейская олигархия, не слишком обременявшая себя предписаниями Торы и свысока относившаяся к общине, из которой она вышла и которая проявляла всю возможную заботу и почтительность к этим собратьям по религии и своим естественным покровителям. В XIV веке один кастильский раввин даже составил для них специальный трактат по Талмуду, в котором многочисленные предписания Закона излагались в облегченной и упрощенной форме, поскольку их трудно было сочетать с образом жизни придворных.

В среде этой олигархии сохранялись нравы, унаследованные от арабской эпохи, а также скла-

дывались особые психологические черты, постепенно ставшие характерными для всех евреев Испании. Эти нравы и черты характера заслуживают специального рассмотрения, поскольку их влияние сохранялось на протяжении многих веков как среди евреев, изгнанных из Испании, так и в самой Испании, изгнавшей евреев с помощью трагического напряжения сил.

Прежде всего отметим, что евреи долгое время продолжали говорить по-арабски, особенно в Кастилии. Даже когда арабский язык оказался постепенно вытесненным кастильским из повседневного обихода, он продолжал оставаться языком культуры и образования, обеспечивающим доступ к философии и наукам. Немецкий раввин Ашер бен Иехиэль, иммигрировавший в Толедо в 1305 году, должен был выучить арабский, чтобы продолжать свою деятельность. На протяжении всего XIV века в еврейских общинах Кастилии и Арагона административные акты и раввинистические постановления обычно составлялись по-арабски.

Устойчивое положение арабского языка соче-

талось, особенно в семьях еврейской олигархии, с чувством клановой гордости, также полученной в наследство от восточных традиций. Это привело к возникновению своеобразной иудейско-испанской исключительности.

Как мы видели, даже христианские законодатели соглашались с тем, что испанские евреи были самого замечательного происхождения. Ученый раввин Моисей д'Аррагель, который в начале XV века перевел Библию с еврейского на кастильский язык, писал, что испанские евреи являются «наиболее мудрыми и наиболее достойными среди евреев диаспоры за всю ее историю; всего он насчитывал четыре их основных преимущества—родословную, богатство, добродетель и ученость». Эти заявления находили опору в отождествлении Испании со «страной Сефарад», в которую, как это сказано в Библии, были сосланы сыны Иерусалима, сердца античного иудаизма (Книга Пророка Авдия, 20,- прим. ред.). Было принято возводить испанское еврейство в целом к евреям, изгнанным или Навуходносором, или Титом. В любом случае, писал

историк Ибн Верга, это было самое аристократическое происхождение. Что касается знатных еврейских фамилий Толедо или Барселоны, они возводили свое происхождение по прямой линии к царю Давиду. Эти семьи ревниво блюли свою репутацию и чистоту своей родословной. Даже вероотступничество ни в коей мере не подрывало эту клановую гордость. Обращавшиеся в христианство утверждали, что крещение только усилило благородство их крови. Соломон Галеви из Бургоса, самый знаменитый из них, составил после своего крещения в 1391 году «Речь об истоках и знатности своего происхождения». Далее мы еще вернемся к тем выводам, которые в свою очередь извлекли оттуда его отдаленные потомки. Некоторые варианты подобных преданий были реально использованы испанскими грандами еврейского происхождения в качестве самых надежных сертификатов своего аристократизма.

Подобные претензии на знатность венчали собой жизненный стиль, резко отличавшийся от образа жизни, которую вели евреи по другую сторону Пиренеев, где они были лишь париями христи-

анского общества. Как мы уже видели, испанские евреи носили оружие и умели им пользоваться, чтобы в случае необходимости отомстить своему врагу, будь то еврей или христианин, кровавой мезтью. Это довелось испытать на собственной шкуре некоему каталанскому жонглеру по имени Артузе, который по словам трубадура Бертрана де Борна, был отправлен на тот свет друзьями убитого им еврея. История испанских евреев изобилует подобными случаями.

Иногда причиной были религиозные мотивы. Так, в 1313 году евреи из Борхи, в основном ремесленники, нанесли камнями и шпагами раны двум францисканским монахам, которые сопровождали еврейского юношу на церемонию крещения.

В других случаях речь могла идти и о политическом заговоре: в 1380 году несколько высокопоставленных евреев, недовольных теми милостями, которыми осыпал Генрих Кастильский своего казначея Иосифа Пичона, обезглавили его в собственном доме, что вызвало большое возмущение короля, а также хронистов того времени.

В среде еврейских общин Испании суровость тогдашних нравов проявлялась в жестоких телесных наказаниях и даже смертной казни вопреки тому, что это категорически запрещено Талмудом. С другой стороны, эта суровость сосуществовала с поразительным отсутствием каких-либо ограничений во многих других областях. И. Баер описывает историю отца и сына, которые оспаривали друг у друга прелести одной прекрасной мавританской рабыни. Сын ворвался в синагогу Фигераса с обнаженной шпагой в руках и попытался поразить своего отца.

Эти Карамазовы еврейской Испании были отнюдь не единственными в своем роде. Сексуальные отношения с христианками или мавританками были распространены столь широко (вопреки жестоким наказаниям за это, налагаемым общиной, таким как ампутация носа), что раввины в качестве меньшего греха рекомендовали обращение к проституткам-еврейкам, которые имелись во многих испанских городах. Другие раввины, отрицавшие подобную практику, ссылаясь на Библию, пытались сдерживать эротические

импульсы своих соплеменников иными путями. Многоженство, которое никогда не запрещалось евреям Испании, было распространено среди них достаточно широко. Так, самый знаменитый испанский талмудист Хасдай Крескас, первая жена которого оказалась бесплодной, благочестиво женился на второй. Был официально признан и институт наложниц. Раввины даже проводили различия между двумя видами наложниц: «хашука» — «желанная», т. е. свободная наложница, и «пилегеш» — «любовница», т. е. та, с которой ее любовник связал себя обещанием жениться. В этой области нравы испанских евреев не особенно отличались от нравов христиан средневековья, что вызывало большое возмущение раввинов по другую сторону Пиренеев.

Но гораздо большее возмущение вызывало безбожие многих испанских евреев. Это безбожие было особенно характерным для еврейской элиты Кастилии и Андалусии после Реконкисты. По традиции часть этих евреев продолжала увлекаться греко-арабской философией и следовать ее предписаниям, в то время как другие вообще

не интересовались никакой философией, но забывали и веру и мораль в вихре светской жизни, наполненной различными приключениями.

Широкий поток идей, известных под названием «аввероизма» у христиан и «маймонизма» у евреев, обеспечивал желающим необходимые оправдания, чтобы отвергнуть суровые ортодоксальные правила поведения. Возобладала идея, что Тора, предписаниям которой простые люди должны следовать с точностью до каждой буквы, для истинных мудрецов является лишь аллегорией—т. н. система «двойной морали». Поэтому эти мудрецы, озаренные светом божественного разума, не обязаны подчиняться ритуалам и отказываться от запретных вещей. Короче говоря, многочисленные еврейские распутники этой эпохи, свободные от предрассудков во всех смыслах этого слова, порвали все связи с иудаизмом и продолжали номинально оставаться иудеями только потому, что они считали бесполезным или невыгодным креститься.

Губительные последствия философского безбожия сказались даже на некоторых раввинах,

например, на том, который публично возражал против запрета есть свинину, поскольку соображения гигиены этого не подтверждают,—об этом упоминает Г. Грец. Но как правило, раввины решительно боролись против преклонения перед греческой наукой и ужасными с их точки зрения последствиями этого.

В соответствии с анафемой, торжественно провозглашенной в 1305 году раввином Соломоном бен Адретом из Барселоны и распространенной затем на все иудео-испанские общины, изучение «греческих книг» за исключением медицинских трактатов, запрещалось евреям моложе двадцати пяти лет, чей дух был еще слишком неустойчив.

Раввины были, разумеется, правы. Сомнения, которые высказывали критически настроенные умы по поводу заповедей Синая, могли привести другие, гораздо более приземленные умы к очень опасным практическим выводам, чему в большой мере способствовали тесные повседневные контакты между евреями и христианами.

Эта близость приводила, в частности к раз-
облачениям за вознаграждение отдельных евреев
или целых еврейских общин перед христиански-
ми властями по самым разным поводам: нало-
говые нарушения, политические интриги, нару-
шение религиозных законов (иудейских или хри-
стианских), или, напротив, слишком ревностное
следование законам Моисея, оскорбляющее хри-
стианские чувства,—повседневная жизнь дава-
ла множество поводов. Доносчики, эти подлин-
ные отступники, были столь многочисленны, что
борьба с ними являлась постоянной заботой ев-
рейских общин и составляла основной фон ис-
тории испанского иудаизма. Еврейские общины
добивались королевских привилегий, разрешав-
ших наказывать доносчиков плетью, отрезать
им конечности и язык, приговаривать их к смер-
ти. Текст одной подобной привилегии, подписан-
ной королем Арагона Мартином и датированной
1400 годом, гласит¹: «... некоторые евреи, веду-
щие дурной образ жизни и распущенные в речах,
которые смешиваются с христианами и маврами
и которых евреи называют мальшинами, явля-

ются источниками больших соблазнов и несчастий...»

Короли столь охотно оберегали общественную мораль, поскольку они имели выигрыш во всех отношениях: казнь доносчика облагалась высоким налогом; привилегии предоставлялись лишь за солидные подношения; в то же время подтвердившееся обвинение могло принести еще больше выгоды. Эта борьба оставила след даже в современном испанском языке: *maisin*—сплетник, клеветник; *malsinar*—сплетничать, клеветать, и т. д.

Субреконкиста

В соответствии с принятым в эпоху средневековья порядком вещей испанские священники должны были заниматься образованием народа, объяснять ему устройство мира, учить его любить Добро и остерегаться Зла, как полагается христианину. Как ни странно, в начале Реконкисты испанский клир не обладал качествами, необходимыми для выполнения этой задачи. В христианских княжествах севера Иберийского полуострова священнослужители обычно были необразованными и грубыми, иногда даже неграмотными в буквальном смысле этого слова. С другой стороны, во время войн с мусульманским противником многие из них не удовлетворялись тем, что призывали верующих в бой, но показывали личный пример, участвуя в битвах с оружием в руках вопреки своему сану. Что же касается той части Испании, которая находилась под властью мусульман, то христианские священники находились там в особом положении, вытекавшем из их подчиненного социального статуса, и должны были следовать особым восточным традициям (как в Сирии или в Египте), традициям

мозарабов.

Совершенно очевидно, что в начале Реконкисты эти священники в целом мало интересовались евреями и не ощущали себя задетыми процветанием и спесью народа-богоубийцы, служившего в это время полезным помощником в борьбе с маврами. Эта борьба требовала напряжения всех духовных сил, она обостряла священную ненависть. В этом отношении испанский клир в течение длительного времени также сохранял собственные традиции. Рим был далеко, да и европейские влияния в целом еще очень долго останутся едва ощутимыми.

По мнению испанских историков лишь в конце XI века христианская Испания смогла осознать свое подлинное призвание и вырвалась, наконец, из мусульманской культурной орбиты, чтобы присоединиться к сообществу европейских наций, Можно предположить, что все возраставшее участие «франков» в борьбе против ислама сыграло в этом процессе определяющую роль.

В самом деле, в это время происходит подлинная реорганизация испанского духовенства,

особенно благодаря последовательным глубинным усилиям Ключийского ордена, многочисленные отделения которого возникали в эту эпоху на Иберийском полуострове. Папский престол, со своей стороны, относился к Испании со все возрастающим интересом. По настоянию папы в 1071 году король Арагона заменил на своих землях восточные мазарабские обряды латинскими. После взятия Толедо в 1085 году король Кастилии последовал его примеру. Так началось медленное усвоение испанским народом принципов и обычаев средневекового христианства, которое А. Кастро назвал многозначительным термином «внутренняя реконкиста» или «субреконкиста».

Однако до тех пор, пока собственно Реконкиста была еще в самом разгаре и пока христианские военные операции опирались, в основном, на материальную поддержку евреев, еще никто не мог думать в Испании трех религий о том, чтобы нарушить сложившиеся структуры. Как мы уже говорили, короли, князья церкви и руководители военных орденов использовали евреев в качестве администраторов и финансистов, а также

поддерживали с ними самые сердечные и разнообразные отношения. Не являлся исключением даже великий инквизитор Арагона, который еще в начале XV века повелел евреям Сарагосы оплатить расходы по его путешествию в Авиньон, где он намеревался получить степень доктора теологии. Церковь взыскивала десятину не только с христиан, но также с евреев и мавров. Еще в 1359 году церковный собор в Тортосе запретил христианам посещать тех евреев, которые отказывались платить десятину (но только их, а не евреев вообще), таким образом косвенно предавая их отлучению.

Однако начиная с XIII века церковь Кастилии налагает на евреев специальный подушный налог, носящий любопытное название «налога тридцати денье» (в память о тридцати сребрениках Иуды), несмотря на то, что его действительная величина могла сильно колебаться и не имела никакого отношения к цифре тридцать. К тому же установился обычай освобождать от этого налога отдельные еврейские общины. Так, имеются сведения, позволяющие утверждать, что

могущественная еврейская община Толедо хотела добиться освобождения от этого налога по причине общепризнанной древности ее переселения на испанскую землю, что освобождало ее от какой-либо ответственности за распятие Иисуса. На этом примере видно, что подобные исторические предания были не лишены практического значения.

Этот налог, и особенно его название, служат первым свидетельством того, как испанская церковь стала принимать преобладающие в Европе взгляды по этим проблемам. Особенно рано они восторжествовали в Арагоне. Доминиканский орден основал в Барселоне настоящий миссионерский центр. Рамон Пеньяфорте, бывший генерал ордена и духовник короля, сумел организовать в этом городе в 1263 году большой публичный иудео-христианский диспут по образцу диспута, состоявшегося в Париже в 1240 году. Христианскую сторону представлял обращенный доминиканец Пабло Кристиани. Ему противостоял ученый раввин из Барселоны Моисей бен Нахман. После завершения диспута, продолжавшегося це-

лую неделю в присутствии короля, каждая из сторон провозгласила свою победу. В результате еврей был изгнан из Арагона и отправился в паломничество в Палестину.

В Кастилии, где евреи имели более сильные позиции, доминиканцы не смогли осложнить их положение с помощью подобных спектаклей. Священники ограничивались здесь тем, что время от времени безуспешно напоминали об указах папы, обязывавших евреев носить специальные знаки, а также пытались воспрепятствовать тесным контактам между христианами и евреями. По мере становления христианской буржуазии проблема ростовщичества превратилась в новое поле боя. Так, в 1307 году, апеллируя к посланиям

папы Климента V к испанскому духовенству, некоторые священники и миряне Толедо объявили, что отныне они имеют право больше не платить недоимки по своим долгам. Узнав об этом, король выступил в защиту своих евреев и приказал впредь вручать ему лично в руки все послания и распоряжения такого рода. Таким образом,

можно видеть, как формируются два противостоящих лагеря: король и необходимые ему евреи с одной стороны, церковь и христианское население городов—с другой.

Что касается простого народа, то ему понадобилось еще больше времени, чем церкви, чтобы догадаться об особой природе евреев. В XII веке появился шедевр народной испанской эпической поэзии—«Песнь о Сиде». В одном из эпизодов участвуют два еврея, «Ракель» и «Видас», с которыми доблестному герою удается сыграть весьма злую шутку: он берет у них займы шестьсот мараведи под залог двух шкатулок с драгоценностями, которые на самом деле оказываются наполненными песком. Таким образом, Ракель и Видас одурачены как финансисты и ростовщики, но при этом в тексте полностью отсутствует какая-либо религиозная или тем более «расовая» враждебность по отношению к ним.

Напротив, существует несколько вариантов эпоса, в которых Сид, оказавшись в более благоприятных финансовых обстоятельствах, спешит вернуть свой долг «достопочтенным евре-

ям» Раquelю и Видасу, рассыпается перед ними в извинениях и осыпает их цветами. (Попутно отметим, что только в этом эпизоде Раquelь и Видас именуются евреями; во всех остальных вариантах и эпизодах, в которых они принимают участие, можно узнать в них евреев лишь по именам и по их профессиональной принадлежности.) Короче говоря, подобное отношение, являясь вполне реалистическим, еще не дает никаких оснований почувствовать следы какого-то особого предубеждения.

В следующем столетии ситуация становится иной, начинает развиваться не столь наивная литература, преследующая к тому же назидательные цели. Дьякон Гонсало де Берсео, первый кастильский поэт, чье имя дошло до нас, в своих религиозных поэмах довольно часто описывает евреев, особенно в самой популярной своей поэме «Чудеса Святой Девы». Он описывает их в различных тонах—одни должны вызывать отвращение, поскольку они сохраняют верность Талмуду, другие оказываются добродетельными и принимают христианство. Это позволяет сде-

дать вывод, что поэт еще рассматривает евреев как «поддающихся исправлению», что соответствует наиболее распространенному отношению к евреям во всей Европе того времени.

Аналогичная ситуация отражена и в «Песнях» короля Альфонса Мудрого, относящихся к той же эпохе, полтора десятка которых посвящены еврейской тематике. С одной стороны, там описываются евреи, вступившие в союз с дьяволом, а также обряд ритуального убийства, которое происходит в Англии, где как раз и возникли первые легенды этого рода. Но с другой стороны, там можно найти много весьма достойных евреев, которые после разнообразных испытаний обращаются в христианство: одни после мучений от рук христианских разбойников, другие после того, как их собственная община вынесла им смертный приговор. Хорошо видно, что король, который по всей вероятности и является подлинным автором «Песен», умел черпать свои сюжеты в реальной жизни и распределял светлые и темные оттенки вполне беспристрастно.

II. К единству веры

На протяжении XIV века на Иберийском полуострове антиеврейские настроения распространяются и крепнут: в конце этого столетия в большинстве испанских городов происходят массовые избиения евреев. Каталония и Арагон у подножия Пиренеев становятся первой сценой этого кровавого действия. В Кастилии взрыв происходит лишь в 1391 году, после чего эта волна прокатывается по полуострову, хотя и не достигает самого его края, т. е. Португалии. География может служить дополнительным доказательством, если только в нем есть необходимость, той роли, которую играли в этом плане влияния и примеры из-за Пиренеев.

В 1321 году в Наварре и Арагоне завершился безумный крестовый поход «пастушков» из Франции. После резни евреев в Хаке, Монклоа и Памплоне они были рассеяны арагонскими войсками. В 1348 году во время большой эпидемии черной чумы жители Барселоны и соседних городов возложили вину на евреев и попытались предать еврейские общины огню и мечу по примеру того, как это происходило в Германии и во

Франции. Напротив, в Кастилии не отмечалось никаких беспорядков такого рода. Властям удавалось быстро восстановить порядок. Королевская власть делала все возможное, чтобы защитить евреев от происков подстрекателей, количество которых быстро возрастало. По некоторым неясным архивным документам иногда удается проследить во всех подробностях, как именно осуществлялась антиеврейская пропаганда, приведшая к пожару, который вспыхнул в самом конце этого столетия. Так, когда начались беспорядки весной 1331 года в Жероне, король приказал главному байи Каталонии провести расследование и наказать виновных. В своем отчете об этом расследовании байи сообщал, что во время Великого поста группы клириков с тонзурами и молодых школяров попытались осуществить поджоги в еврейских кварталах. Неделей позже школяры, «возбужденные музыкой некоего жонглера, игравшего на барабане», забросали камнями еврейскую похоронную процессию. На Пасху ситуация резко ухудшилась. В Святой четверг около тридцати духовных лиц и школяров, предводи-

тельствующие канониками Видалем де Вильянова и Далмасио де Монтом попытались проникнуть в еврейские кварталы и сломать ведущие туда ворота. Бунтовщики собрали хворост к подножию ворот, облили его маслом и подожгли. Однако пока евреи и жандармы вместе тушили возникший пожар, другой каноник сумел урезонить толпу, после чего она разошлась, так что удалось избежать большой бойни. Главный байи отмечал в своем докладе, что горожане, присутствовавшие при этом инциденте, громко выражали свое неодобрение; он отмечал также, что в банде возмутителей порядка было много детей в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет и даже еще меньшего возраста—все они принадлежали капитулу Жероны.

Этот подробный доклад во всех деталях описывает не только поступки и жесты бунтовщиков, но даже их лозунги—главное требование состояло в том, чтобы запретить евреям свободное перемещение по городу. Текст доклада ясно обрисовывает квазифункциональный антисемитизм низшего духовенства или, точнее, ту ре-

шающую роль в антисемитских волнениях, которая принадлежала многочисленным представителям социальных низов, группировавшихся вокруг церквей и монастырей, молодым школярам и семинаристам, слугам и прочим, занятым на самой грязной работе, а также бродячим артистам и нищим.

Предлог, провозглашавшийся смутьянами,—запретить евреям свободное перемещение по городу и общение с христианами—соответствовал одному из принципиальных требований, сформулированных в это время церковными соборами и затем поддержанных представителями буржуазии по причинам, не имевшим ровно ничего общего с теологией.

Связь между борьбой за чистоту веры и классовыми или кастовыми интересами особенно четко прослеживается в Кастилии, где с конца XIII века усиливающаяся буржуазия получила свое представительство в капитуле, а также право посылать своих делегатов в парламент (Кортесы) и утверждать налоги. В 1313 году церковный собор в Заморе выдвинул требование обязать евре-

ев носить специальные знаки, запретить им появление в публичных местах с вечера среды до утра в субботу, а также в течение всей Страстной недели, кроме того не разрешать им работать по воскресеньям и т. п. Эти требования были поддержаны Кортесами Валенсии через полгода, парламентом Бургоса в 1315 году, в Мединадель-Кампо в 1318 году и так далее на протяжении последующих лет. Кортесы добавили к этому требования более практического характера, предусматривающие общий мораторий на займы, полученные у евреев, по которым наступил срок платежа. Король или избегал отвечать на подобные требования, или обещал, но не выполнял своих обещаний. В результате, как мы уже говорили, еврей-казначей (министры финансов) Толедо и Севильи, державшие в своих руках все финансовые нити королевства, сохраняли свое могущество при кастильском дворе. В хрониках их имена мелькают одно за другим; некоторых из них ждал трагический конец, поскольку их жизнь проходила в атмосфере восточного сераля, в мире интриг и заговоров, в отчаянной борьбе с хри-

стианскими фаворитами в тех случаях, когда они не воевали между собой.

Таким образом, положение евреев в Кастилии серьезно пошатнулось лишь во второй половине XIV века. Эти изменения были вызваны прежде всего последствиями гражданской войны, которую вели между собой с 1355 по 1366 год король Педро Жестокий и его незаконнорожденный брат Генрих де Трастамар, которому в конце концов удалось добиться победы благодаря поддержке христианской буржуазии, в пользу которой он сделал многочисленные уступки. Не следует особенно удивляться, что среди этих уступок были и классические антиеврейские меры. Особенно тяжелые последствия для еврейских общин имело упразднение их юридической автономии в 1380 году. В королевском эдикте провозглашалось, что плен является естественным состоянием евреев после того, как с приходом Иисуса Христа они утратили свою независимость. Права и свободы, дарованные им в Кастилии, были охарактеризованы как грех и соблазн. В результате еврейские общины лишились права суда над

своими членами; краеугольный камень их власти стал разрушаться. Через несколько лет церковный собор в Валенсии, заседавший в присутствии Кортесов, сформулировал принцип изолированного проживания евреев, т. е. гетто. Применение этого принципа в жизни не заставило себя долго ждать. Одновременно происходили многочисленные отмены выплат процентов по займам или частичные упразднения самих долгов в пользу крупных или мелких христианских буржуа и в ущерб для еврейских кредиторов.

Столкнувшись с этими унижениями и несправедливостями, испанские евреи реагировали совсем иначе, чем это происходило по другую сторону Пиренеев. Народ не замкнулся в себе, не превратил стены гетто, в которые его загоняли, в непроницаемый барьер. Все эти преследования отнюдь не стимулировали рост религиозного фанатизма, но, напротив, у большинства вызвали его смягчение. Укоренение евреев в этой стране, их тесное знакомство с окружающей их культурой и нравами, а также скрытый скептицизм многочисленных интеллектуалов, для которых без-

опасность безусловно «стоила мессы», все это, взятое вместе, способствовало обращению их к удобному выходу из положения путем крещения. Знание христианских и мусульманских догматов способствовало этому в той же мере, что и навыки философского анализа, утверждавшего относительность всех вещей в этом мире. Ибн Верга, один из лучших еврейских хронистов того времени, к работам которого мы еще вернемся, вкладывает следующие слова в уста одного из своих персонажей:

«... Весь мир знает, что различные религии существуют лишь благодаря тем представлениям, которые формируются по их поводу. Еврей уверен, что не может существовать такого учения и такой религии, которые превосходили бы его собственные, и считает дураками всех тех, кто верит во что-то иное. Напротив, христианин верит, что еврей -это всего лишь животное в человеческом облике и что его душа попадет в ад, причем в самую глубокую его часть. Что касается мусульманина, то он скажет, что в ад попадут как христиане, так и евреи. . . »

Этот текст вышел из под пера изощренного в искусстве полемики защитника иудаизма, чьи литературные персонажи часто служили выразителями его собственного мнения!

Тесные контакты между христианами и евреями, которые столь сильно возмущали испанских священнослужителей, в конечном итоге серьезно облегчили им миссионерскую деятельность. В ту эпоху речь шла еще скорее об отдельных случаях, а не о массовом движении. Но эти случаи становились все более частыми; проповедовавшим обращение в христианство, а они чаще всего и сами были обращенными евреями (в Испании и Португалии их называли конверсо,- прим. ред.), больше не приходилось читать свои проповеди в пустыне. Наибольшего успеха среди них добился Авнер из Бургоса, ученый врач, который длительное время придерживался философского отрицания Бога, а затем стал ризничим в соборе Вальядолида. В своих многочисленных сочинениях он смог привести самые убедительные аргументы, чтобы воздействовать на современников, доказательства, опирающиеся на новейшие фи-

лософские доктрины того времени, а также свидетельства Каббалы. Он стал «главным идеологом вероотступничества», одновременно вождем движения и его прототипом.

Первые успехи христианской пропаганды зафиксированы различными свидетельствами. Так, в Кастилии во время гражданской войны раввин Самуэль Сарса писал: «Много было тех, кто покинул наши ряды из-за страданий, которые им пришлось претерпеть. . . » В петиции, направленной в Кортесы в 1380 году, отмечалось, что «многочисленные евреи и еврейки обратились в истинную веру в Бога. . . », так что необходимо обеспечить им защиту от притеснений бывших или нынешних собратьев по вере. В том же году раввин Шемтов Шапрут с грустью констатировал, что «многие наши собратья по вере покинули наши ряды и теперь преследуют нас своими рассуждениями, пытаясь доказать истинность своей (новой) веры с помощью стихов из Священного Писания и Талмуда. . . » Нет никаких сомнений, что ряды этих вероотступников пополнялись главным образом выходцами из рядов хо-

рошо образованных и богатых евреев, в то время как простые и бедные люди, т. е. большинство, хранили в неприкосновенности свою слепую веру. Но благодаря знаниям и социальному престижу первообращенных их пример становился еще более заразительным.

* *

*

Лишь расположенная на крайней оконечности полуострова Португалия еще оставалась в стороне от общего процесса. В XIV веке положение евреев, а также их социальная организация еще базировались на старых моделях Востока: назначаемый королем великий раввин и верховный судья также обеспечивал сбор налогов. Это был подлинный государь евреев, который иногда совмещал эти обязанности с функциями главного казначея королевства. Духовенство как и раньше протестовало против засилья евреев. Население начало роптать, но это возбуждение не выходило за пределы допустимого и не превращалось в массовые беспорядки.

В результате Португалии выпала участь стать на протяжении последующих столетий естественным убежищем для испанских евреев.

Глас народа, глас Божий

Севилья, бывшая столица римской провинции, в конце средних веков вновь стала самым большим и самым богатым испанским городом. Евреи, внесшие активный вклад в ее возрождение

после Реконквисты, обеспечили себе там особенно сильные позиции. Самые богатые принимали участие в городской администрации, что являлось исключением даже для Испании; многие другие отправлялись делать карьеру при королевском дворе, посвящая себя государственным делам.

С 1378 года архидьякон Феррандо Мартинес д'Эсиха, бывший духовник королевы-матери, проповедовал в Севилье против евреев и возбуждал против них христианское население, «вызывая отвращение к ним у людей». По собственной воле он присвоил себе право улаживать споры между христианами и евреями в качестве церковного судьи. Когда король, «обеспокоенный злом и несчастьями для тел и для душ», предписал ему прекратить подстрекательство, он не обратил на это никакого внимания. Сравнивая себя с пророками Израиля Исайей, Иеремией и даже с самым великим из всех—с Моисеем, не убоившимся вызвать гнев фараона, он отвечал: «... Я не могу запретить себе проповедовать и говорить о евреях то, что о них сказал мой Господь Иисус

Христос в Евангелиях. . . ». Ко всему прочему он был убежден, что действует во имя высших интересов короля. Разве евреи не насмеялись над королями и государями этого мира и не обманывали их подобно тому, как когда-то они смеялись над Господом и лгали ему? К этим словам, с помощью которых он оправдывался перед королем, в своих публичных проповедях он добавлял и другие аргументы: «Христианин, который причинит зло еврею или убьет его,—уверял он, не вызовет никакого неудовольствия короля и королевы, а совсем наоборот,—ему это известно из самых надежных источников, он даже ручался за это. . . » В ответ на это король возмутился: «Вы, человек, так близко знавший нас, как же вы осмелились утверждать подобные вещи?»

Тем не менее на протяжении более двенадцати лет Мартинес безнаказанно продолжал свои подстрекательства, требуя у своей паствы изгнать евреев из городов и деревень и разрушить их синагоги. Слава об этом проповеднике стала распространяться по всей Испании. Но, по всей вероятности, вплоть до лета 1391 года его при-

звывы не привели к кровавым эксцессам. В то же время очевидно, что у него были могущественные покровители, раз он мог столь открыто не повиноваться сразу и королю, и архиепископу.

Оба они—король Кастилии Хуан I и архиепископ Севильи Барросо скончались в конце 1390 года с интервалом всего в несколько дней. Престол архиепископа оставался после этого вакантным долгое время, а наследнику королевского трона Генриху III едва исполнилось десять лет. Севильский подстрекатель воспользовался фактическим междуцарствием, чтобы удесятерить агрессивность своих проповедей. Результаты не заставили себя долго ждать: шестого июня 1391 года после нескольких коротких стычек разъяренная толпа устремилась в еврейские кварталы. Всех евреев, не успевших вовремя спрятаться, стали заставляя принять крещение. Большинство поспешило целовать крест; все остальные были убиты на месте.

Как на лесном пожаре пламя насилия опустошило в это лето за несколько недель всю Испанию, Кастилию и Арагон.

Вспыхнув в Севилье в начале июня, волнения распространились на большинство остальных городов Андалусии и Кастилии в этом же месяце. Очередь городов Арагона наступила в следующем месяце, а Балеарских островов и Каталонии—в августе. Каким же образом происходила передача этой эстафеты насилия? Есть все основания полагать, что молодчики, подстрекаемые Мартинесом, переходили из города в город и натравливали на евреев местное население. Из Севильи лодка с группой подстрекателей направилась в Валенсию и Барселону, чтобы дать сигнал к беспорядкам. В Сарагосе наибольшую активность проявил родной племянник архидьякона, который в свою очередь сумел распространить слух, что король и даже сам папа тайно поддерживали его. Двусмысленная позиция папы Климента VII отнюдь не способствовала разоблачению Мартинеса. В Валенсии толпа напала на еврейскую общину с криками «Мартинес пришел! Евреи, смерть или святая вода!» В Барселоне толпа кричала: «Да здравствуют король и народ! Богачи хотят уничтожить простых лю-

дей!»

В этих условиях беспорядки быстро приняли характер народного движения, к которому в конце концов присоединились все слои

христианского населения. «Жадное стремление грабить евреев росло с каждым днем», — лаконично отметил канцлер Айала. С верой в то, что они заняты благородным делом, угодным Господу и монарху, бунтовщики грабили и убивали с чистым сердцем. Не могло быть и речи о том, чтобы власти применили против них войска. Когда пламя вспыхнуло, погасить его было уже невозможно.

Напротив, беспорядки и насилия обычно затихали сами по себе после того, как евреи какой-либо общины обращались в христианство. Старейшины Перпиньяна писали Хуану 1 Арагонскому: «Пусть евреи станут христианами, и волнения прекратятся». Поэтому напрасно монархи направляли в свои города грозные послания, пытались спасти еврейские общины. Хуан Арагонский, мудрый государь, знаток изящной словесности,

окруженный замечательными советниками, как евреями, так и христианами, прекрасно понимал происходящее. Его послания свидетельствуют не только о возвышенном понимании обязанностей монарха, но и о гораздо лучшей богословской подготовке, чем у большинства испанских прелатов того времени. В каждом послании он настаивал на необходимости относиться с уважением к «свободной воле» евреев, называл насильственные крещения «ужасным преступлением». Так, он писал старейшинам Лериды: «Если они обращены в христианство не по своему доброму согласию, то это еще хуже, чем было до обращения». А в его послании старейшинам Перпиньяна говорится: «Ни гражданское, ни церковное право не допускают, чтобы кого-либо обращали в христианство силой; это грех перед Богом и перед людьми для тех, кто в этом повинен».

Но все это было напрасно. Священная ярость охватила сердце народа, вчерашние соседи и друзья теперь стали всего лишь неверными. На волю вырвался дух Реконкисты. Тем не менее, многие евреи находили убежище в домах христиан.

Знатные аристократы разрешали им спасаться в их замках, но за солидную плату. Айала сообщает, что «искавшие убежища разорялись, поскольку они должны были делать дорогостоящие подношения этим сеньорам за спасение от моральных мучений». Значительные дары были также поднесены евреями папе Клименту VII в Авиньоне, чтобы убедить его не давать публичного благословения Мартинесу. О том же, чтобы папа осудил массовые убийства, в эпоху, когда христианский мир (имеется в виду католическое христианство,- прим. ред.) переживал великий раскол, не могло быть и речи.

Сотни евреев сумели сохранить твердость духа перед лицом испытаний и погибли, следуя тысячелетней традиции, «ради освящения Имени» (Киддуш-га-Шем, принятие страданий вплоть до мученической смерти во имя веры в Бога и верности предписаниям иудаизма,- прим. ред.). Так, например, поступили в Толедо талмудист Иуда бен Ашер, внук немецкого раввина и его ученики. В Барселоне евреи десятками кончали жизнь самоубийством. В Жероне все евреи как один че-

люди отказались отречься. Но в большинстве еврейских общин царил дух паники и вероотступничества.

Те, кому не удалось спрятаться или бежать из Испании, принимали крещение, и многие раввины подавали им в этом пример. Охваченные паникой, простые евреи следовали этому примеру как стадо овец. Это предательство священнослужителей не должно нас удивлять. Прошли долгие столетия философских раздумий и сомнений, открывших двери обращения, продиктованным честолюбием или отчаянием, расчетом или трусостью. Но индивидуальные мотивы, иногда чрезвычайно сложные, приводили всегда к одному и тому же результату, грубому и простому.

Еврейские интеллектуалы той эпохи прекрасно отдавали себе отчет в этой дилемме. В письме своему другу, принявшему христианство, врач Хосе ибн Вивес де Лорка перечислил четыре возможных причины его обращения:

Честолюбие и жадность.

Философский скептицизм по отношению к

истинам любой религии

откровения.

Убежденность в неминуемой гибели иудаизма.

Откровение истинности христианства.

Со своей стороны Хосе де Лорка после многолетних колебаний также пришел к принятию христианства в 1412 году. Озабоченный тем, чтобы как можно скорее представить обычные для этого времени доказательства своей искренности, он под именем Херонимо де Сайта Фе стал самым яростным проповедником обращения в христианство своего поколения. Более утонченным было поведение его друга и корреспондента Соломона Галеви, крестившегося в 1391 году. Эпидемия обращений в христианство этого года осталась в памяти благодаря этой странной и внушительной фигуре.

Даже в наши дни память человека по имени Соломон Галеви, раввина Бургоса, он же Пабло де Санта Мария, епископ этого же города, проклиняется евреями и почитается испанцами с одинаковой страстностью. Дело в том, что для

своих единоверцев он служил примером, но каким образом!

Как сведущий человек, он выбрал себе имя Павел, в честь апостола, и фамилию Санта Мария, чтобы сильнее подчеркнуть блеск и величие своего рода, поскольку в качестве представителя колена левитов он претендовал на происхождение из того же корня, что и Святая Дева. Он сделал замечательную и длительную карьеру, снискав почести и от государства, и от церкви, так что в конце жизни он мог распоряжаться по своему разумению большинством епископских кафедр Кастилии; умер он в 1435 году в ореоле святости, а его могила стала местом паломничества. На протяжении многих последующих поколений его многочисленные потомки в свою очередь блистали в различных сферах испанской жизни. Среди множества сочинений, оставленных им для грядущих поколений, имеется и полемический антиеврейский трактат «Диспут Савла с Павлом о евреях». Его бывшие единоверцы видели в нем главного вдохновителя антиеврейских эдиктов. Из этого не следует, что он покровитель-

ствовал новообращенным; напротив, он старался избегать близкого общения со своими соплеменниками, заботился о том, чтобы воспрепятствовать их возвышению и отдалить их от двора. Здесь этот необыкновенный человек также продемонстрировал свой дар предвидения.

* * *

После народного взрыва 1391 года для уцелевших евреев наступило время передышки. Но с этих пор в Испании миссионерское исступление было в порядке вещей. После того как церковь получила истерзанные или, напротив, строптивые души обращенных, ее беспокоил дурной пример, который показывали честные и убежденные иудеи. Некоторые из обращенных, которые подобно Пабло де Сайта Мария стали священниками и сумели сделать церковную карьеру, всячески способствовали новым обращениям. В результате примерно через двадцать лет наступила очередь клира начать новую кампанию. И даже те, кто вполне по-христиански осуждали массовую резню 1391 года, вскоре спровоцировали новые убийства.

Именно это произошло с самым знаменитым проповедником той эпохи Винсентом Ферером, чье огненное красноречие потрясло весь западный мир. Во время своих проповедей, на которых должны были присутствовать все евреи, он не забывал напоминать, что Иисус был евреем, как и Дева Мария, что ничто не могло быть более противно Господу, чем насильственные крещения, что для церкви являлось жизненной необходимостью обращать евреев в христианство, но этого следовало добиваться только путем мягкого убеждения и добрых слов. Он обращался к слушателям с образными призывами: «Апостолы, завоевавшие мир, не имели при себе ни копий, ни ножей! Христиане в своей борьбе с евреями должны пользоваться силой не оружия, а слова!» Но вплоть до этой победы все-таки необходимо избегать евреев, изолировать их в гетто из страха перед их пагубным примером.

В Кастилии Винсент Ферер сумел добиться принятия в начале 1412 года нового статута евреев, т. н. статута Вальядолида, согласно которому среди прочего им запрещалось продавать

христианам продукты питания или угощать их, нанимать христиан обрабатывать свои поля, ставить перед своими именами титул «дон», менять место жительства, стричь волосы и брить бороду. Что касается одежды, то этому вопросу посвящались три статьи статута: одежда евреев должна быть скромной, сшитой из грубой ткани и, разумеется, на ней должен быть пришит хорошо видимый отличительный знак. Отныне по всем этим пунктам Кастилия ни в чем не отставала от остальной Европы.

Винсент Ферер, возводивший на трон и свергавший королей, помимо всего прочего был также исповедником папы Бонифация XIII. Этот понтифик, являвшийся одним из главных действующих лиц Великого Раскола (когда в католической церкви возникло многопапство, - прим. ред.), находился в весьма затруднительной ситуации. Два других папы выступили против него; собор в Пизе отлучил его от церкви; его более удачливый соперник Мартин V называл его «порождением дьявола». В 1412 году он решил сразить всех как бы ударом молнии, т. е. обратить

в христианство всех евреев сразу, показав им в самой выразительной манере, в чем состоит бессодержательность их веры. Эта демонстрация вошла в историю под названием диспута в Тортосе. Подготовка заняла около двух лет. На стороне христианства выступал ученый врач папы крещеный еврей Хосе де Лорка, о котором уже шла речь выше. Самые знаменитые раввины Арагона были призваны, чтобы вступить с ним в диспут и согласиться с тем, что в Талмуде, если его правильно и честно читать, содержится признание того факта, что мессия уже явился в лице Иисуса. Хосе де Лорка защищал свои христологические построения с большим жаром. Раввины, которых было четырнадцать человек, доблестно приняли этот вызов. Обе стороны проявили в диспуте исключительную тонкость, хотя, перечитанная сегодняшними глазами, эта дискуссия несколько разочаровывает, поскольку ее манера остается чрезвычайно серьезной, хотя при этом содержание напоминает дебаты о половой принадлежности ангелов.

Но настоящее представление разворачива-

лось в зрительном зале. На каждом сеансе присутствовало от одной до двух тысяч зрителей. Некоторые из них приезжали издалека, прежде всего здесь имеются в виду евреи, которые специально прибывали на это действо и в конце каждого сеанса дискуссии вставали и заявляли, что аргументы христианской стороны их окончательно убедили и что они требуют, чтобы их немедленно крестили прямо здесь. После этой церемонии их посылали в родные места, в города, где они родились, чтобы сеять там семена добра. В результате по меньшей мере 3000 евреев (число было подтверждено в присутствии нотариуса) прошествовали через баптистерии Тортосы в период между январем 1413 и ноябрем 1414 гг.

Подвергавшиеся поруганию и угрозам, большинство раввинов, прошедших через это промывание мозгов, в конце концов было вынуждены капитулировать и летом 1414 года смиренно обратилось с просьбой отпустить их по домам. Они сделали заявление о том, что они «невежественны, бездарны, недостаточно образованы, неспособны более вести диспут о Талмуде и его святых

и мудрых авторах». Папа и де Лорка отпраздновали победу и приказали сделать публичное заявление о том, что раввины «отреклись от Талмуда». Широко распространились слухи, что они даже обратились в христианство, во всяком случае именно этой версии придерживается большинство христианских авторов. Однако два раввина, оказавшихся более стойкими, чем их собратья, продолжали борьбу до самого конца и героически вернулись домой непобежденными.

Вероятно, в этот раз число «новых христиан» оказалось больше, чем в 1391 году. В еврейских хрониках 1391 год остался как «година гонений и угнетения», а 1413-1414 годы как «время веротступничества». Хронист Ибн Верга восклицал: «Уцелело не более одного еврея на каждую тысячу пришедших из Иерусалима в Испанию».

Тупик марранизма

Этот вопль отчаяния, несмотря на очевидное преувеличение ясно свидетельствует о духе пессимизма, который воцарился в еврейских общинах после тех ударов, которые были им нанесены Винсентом Ферером и антипапой. Однако перед катастрофой, обрушившейся в конце столетия, испанским евреям было суждено пережить еще один период спокойной жизни, даже более длительный, чем предыдущий. После окончания Великого Раскола папа Мартин V в двух своих буллах в 1421 и 1422 годах объявил, что насильственное крещение не является христианским крещением, и сурово осудил преследования евреев. Со своей стороны короли Кастилии и Арагона возобновили в меру своих возможностей традиционную политику покровительства еврейской религии. Но ситуация уже стала принципиально иной.

По сути дела в городах Кастилии и Арагона на смену трех официальных культов «Испании трех религий» пришла ситуация многообразия если не четко установленных культов, то по меньшей мере «экзистенциальных ситуаций», ведущих

ко все более возрастающему разнообразию верований, обрядов и предписаний. Мы попытаемся сделать обзор этой новой ситуации.

Начнем с «публичных евреев», официально признанных и соблюдающих все традиции, последний оплот сохраняющих преданность Закону Моисея. Прежде всего в Кастилии, где им еще удалось частично сохранить свой прежний статус, они попытались реорганизовать свои общины и даже извлечь какие-то позитивные выводы из тех испытаний, которые им пришлось пережить. Как набожные евреи, они не пытались при этом уклоняться от своей собственной ответственности; как евреи, ассимилировавшиеся в культурном отношении к своему окружению, они не ограничились тем, чтобы найти объяснение в недостаточности своего благочестия и в своих грехах перед Господом; они также подвергли пересмотру свое поведение по отношению к христианам, своим гонителям.

Хроника Ибн Верги, составленная в конце XV века, содержит много размышлений такого рода. Так, Ибн Верга вложил в уста одного из действу-

ющих лиц своей хроники философа Фомы следующее рассуждение: «Я никогда не видел, чтобы разумный человек ненавидел евреев, но люди из низших классов их ненавидят, и у них есть на то причины, так как, во-первых, евреи высокомерны и стремятся к господству, забывая, что они являются изгнанниками и рабами... Вторая причина ненависти к евреям состоит в том, что они пришли в это королевство нищими, тогда как христиане были богатыми; теперь ситуация стала противоположной, потому что добиваясь своих целей еврей проявляет ум и хитрость...» В другом месте хроники Ибн Верга заставляет некоего короля перечислить шесть причин антисемитизма: «Почему евреи обучают своих детей пению, когда они должны плакать и носить траур всю свою жизнь?... Почему они обучают своих детей фехтованию, если они не ведут войн?... Почему они носят роскошные одежды, что возбуждает против них ненависть и зависть?...» И далее в том же духе.

Приспосабливаясь к подобным настроениям, представители еврейских общин Кастилии, со-

бравшиеся в 1432 году в Вальядолиде, утвердили очень строгие правила, в частности предусматривающие строгое разделение между евреями и христианами и объявляющие настоящую войну роскоши и стремлению выставлять напоказ свои богатства. Со своей стороны христианские муниципалитеты некоторых городов приравнивали «публичных евреев» к публичным женщинам и к неприкасаемым за исключением некоторых обстоятельств и жизненно важных потребностей. По всей Испании не было хуже оскорбления, чем еврей. . .

Вопреки всему этому некоторые евреи, отошедшие от религии, отказывались от обращения в христианство по причинам, не имеющим ничего общего с вопросами веры. В самом деле, еще не исчезли сильные личности, а недавние несчастья, обрушившиеся на Израиль, лишь укрепляли их скептицизм. По всей видимости, некоторые из этих свободных философов отказывались от крещения из боязни отношения христианской церкви к неверующим. Полагая, что формальный иудаизм представляет для них меньшую опасность,

они оставались иудеями не из-за своей веры, а из-за неверия.

Гораздо больше людей, остававшихся в душе евреями, сохраняли свой статус конверсо; они не могли простить себе этой временной слабости, но надеялись со временем полностью вернуться к иудаизму. В этой ситуации переселение в Северную Африку или Португалию являлось наиболее приемлемым решением, за которое выступали и раввины. Но этот выход из положения не был широко доступен. Экспатриация оставалась под строгим запретом, к тому же это было сомнительное и дорогостоящее предприятие. На нее решались крестившиеся евреи, сохранившие в себе мощную религиозную энергию иудаизма. Прежде всего, и в этом проявлялось историческое переплетение религии и коммерции, они устремлялись туда, где для них существовала благоприятная экономическая конъюнктура с учетом их объективной предрасположенности к международной торговле. Не столь энергичные и процветающие оставались в Испании и передавали дух еврейства от отца к сыну, в то же время

принимая крещение от отца к сыну: именно таково было происхождение марранов.

Некоторые события могли усилить решимость и надежды насильно обращенных. Прежде всего следует упомянуть взятие турками Константинополя в 1453 году. В некоторых кругах марранов эта победа «исмаилитов» (потомков сына Авраама Измаила,- прим. ред.), производящая оглушительное впечатление по всей Европе, была воспринята как предзнаменование близкого падения «Эдома» и неминуемого освобождения Израиля. Одна группа марранов в Валенсии в уверенности, что было явление Мессии на горе близ Босфора, приготовилась к эмиграции в Турцию.

«... Слепые гои не понимают, что после того, как мы находились под их игом, наш Господь сделает так, чтобы мы господствовали над ними, говорила одна из ревностных поборниц этого движения,—Наш Господь обещал нам, что мы отправимся в Турцию. Мы слышали, что скоро будет пришествие Антихриста. Говорят, что Турок—это он и есть; говорят, что он разрушит

христианские церкви и сделает там стойла для скотины, что же касается евреев и синагог, то к ним будет самое почтительное отношение. . . »

Некоторым членам этой группы удалось достичь Константинополя, другие уже собирались к ним присоединиться, когда были арестованы в 1461 году инквизицией Арагона. Из протоколов их допросов становится ясным, что одни из них в первую очередь думали о том, чтобы спастись, тогда как другие искали способа разбогатеть. Одного из обвиняемых спросили на суде, правда ли, что кто-то из его друзей стал евреем (т. е. сделал себе обрезание), на что он ответил: «Нет, но он разбогател». Эти слова были встречены смехом остальных обвиняемых. Другой обвиняемый, которого видели в Венеции и Каире одетым в «еврейские одежды», объяснил, что он сделал это только ради успеха своего предприятия.

Этот могучий коммерческий оптимизм представлял собой лишь одну из составляющих сложного и трудноуловимого образа марранов. Их исповедуемый в тайне иудаизм претерпевал искажения: мания секретности, навязанное им двое-

душие приводили их к трагическому разладу. Молитва марранов с синкретическими иудео-христианскими оттенками, обнаруженная в архивах инквизиции, свидетельствует об этих ужасных страданиях: «Господи, я нарушил твою волю из-за своей недостойности и убожества, помимо моего желания меня увлекла моя греховность и измена; твое настоящее милосердие снизошло на меня и было со мной, как с твоим сыном, так посмотри в какую глубокую яму терзаний я попал, из которой уже не в силах восстать и выбраться...» Вопль этой сломленной души, эта молитва неожиданно завершается мольбой, адресованной Иисусу из Назарета, возможно, чтобы ввести инквизицию в заблуждение.

Искажения другого рода состояли в полных злобы и насмешки церемониях «дехристианизации», распространенных в кругах некоторых обращенных. Подобные вещи известны только из архивов инквизиции, так что невозможно отделить в них правду от лжи, иными словами антихристианскую жесточенность марранов от разнузданных фантазий их палачей, но сама воз-

возможность подлинности подобных действий, например, прикладывания распятия к заднему месту, бичевания статуэтки Иисуса и даже ритуальных жертвоприношений—все это свидетельствует об иудаизме, искаженном водой крещения.

По распространенному в среде марранов мнению ничто не подходило лучше к их положению, чем покой монастырей, и многие из них уходили в монахи. Другие отправлялись проявлять свое рвение к папскому двору, чтобы вступить в монашеский или военный орден. Была также категория высокопоставленных марранов со скептическим умонастроением и весьма умеренными убеждениями. Типичным представителем таких людей был государственный деятель и юрист с общепризнанной репутацией Педро де Ла Кабальерия, один из обращенных Тортосы. Он тоже решил засвидетельствовать свою правоверность и истинность своих богословских взглядов, сочинив в 1405 году трактат «Христианское рвение против иудеев, саррацинов и неверных». Это отнюдь не мешало ему при желании соблюдать иудейские законы, при том не столько из религи-

озных побуждений, сколько из сентиментальности. Правда открылась после его смерти; по архивным данным инквизиции он открылся в письме одному ученому иудею, который задал ему вопрос: «Сеньор, как же вы могли принять христианство будучи столь хорошим знатоком нашего Закона?» И «мессир Петр» ответил: «Глупец, на что я мог рассчитывать с еврейской Торой, разве только на то, чтобы стать раввином. А так, благодаря «этому распятому» (Иисусу) мне оказывают всевозможные почести, я полновластный властелин Сарагосы и весь город дрожит передо мной. Да и кто мне мешает, если я захочу, соблюдать пост в Йом-Кипур или праздновать ваши праздники? Когда я был евреем, я не осмеливался нарушать правила субботы, а теперь я делаю все, что мне заблагорассудится».

Заходя со своим неверием еще дальше, часть обращенных исповедовала агрессивный атеизм. Некоторые из них организовали особое общество, имеются сведения о его существовании в Медина-дель-Кашю в 1460 году. С книгами и «еврейскими писаниями» в руках они разобла-

чали «тайны прошлого и настоящую сущность Авраама, Иисуса и Магомета и те идеи, которые вдохновляли этих троих самозванцев». Они даже отваживались вербовать новообращенных, которых они учили, что Евангелия были лишь обманом и подделкой и что нет ничего за границами рождения и смерти. Даже с учетом того факта, что атеизм не являлся чем-то совершенно неизвестным в средневековой Европе, это безусловно первое историческое свидетельство об «атеистической секте» в лоне христианства. Как раввины, так и убежденные католики относились к ним с одинаково непримиримой ненавистью.

Перейдем теперь к обращенным, которые через одно или два поколения становились искренними христианами. Само собой, таких тоже было немало. Но в ту эпоху, видимо, не было менее комфортабельного положения, чем у этих новообращенных, искренне исповедовавших христианство. Окруженные со всех сторон подозрениями, что могли они совершить в свое оправдание? Некоторые из них пытались обелить своих еврейских предков; именно в эту эпоху появи-

лась легенда, согласно которой испанские евреи пытались не допустить распятия. Другие старались очернить своих собратьев по обращению: так, жители Старой Кастилии утверждали, что конверсо из Андалусии на самом деле оставались иудеями или были еще хуже, в то время как они сами были добрыми христианами. По справедливости следует отметить, что подобные обвинения вовсе не обязательно говорят об истинности христианской веры тех, кто их выдвигает: речь здесь шла прежде всего о защите групповых интересов, о «борьбе с антисемитизмом» в духе времени.

Таким образом, мы опять возвращаемся к вопросу о преобладающих среди конверсо убеждениях. Хотя мы не располагаем сколько-нибудь точными данными, создается впечатление, что в своем большинстве они больше не верили в Бога Израиля и без глубокого убеждения исполняли некоторые христианские обряды, из предосторожности или из предрассудков добавляя к ним по случаю элементы иудейских обрядов. Рассматриваемые своими соседями как евреи, а сами, не слишком верящие ни в Бога, ни в дья-

вола, они становились «евреями особого сорта», «ненормальными евреями». Их история уже не имела в их глазах никакого смысла, никакая вера не могла облегчить или одухотворить их страдания, их вина была без греха и без искупления.

Имеются замечательные свидетельства этой безысходности, поскольку те из обращенных, кто обладал литературными способностями, изливали свою душу в стихах соответственно литературной моде того времени. Так, один из величайших испанских поэтов своей эпохи Антон Монторо писал королеве Изабелле по случаю ее восшествия на престол:

«Я произнес «Верую»,
Я полюбил блюда из свинины,
Я слушал мессы и молился,
Но все равно мне не удалось изба-
виться

От этого образа новообращенного. . .

Я молился с благоговением

И перебирал четки

В надежде загладить мою вину,

Но я так и не смог избавиться
От имени старого презренного еврея»
(«de viejo puto yjudio»).

Итак, его вина состояла в его еврейском происхождении. Это понятие изначального позора еще более драматично проявляется в другой его поэме, написанной на следующий день после избиения обращенных в Кордове, его родном городе:

«... (Наши гонители) не останавливаются Перед убийствами, грабежами и изгнанием, Потому что они хотят уничтожить нас Грабежами, кровопролитием и огнем... Несмотря на наши утраты и отречения, Наши несчастья и наши изгнания Мы были бы счастливы, Если бы нас простили, Потому что мы хотим платить налоги, Быть рабами и прислуживать Бедным, несчастным и презренным, Но все-таки сохранить себе жизнь...»

Все авторы того времени, как «старые», так и «новые» христиане соглашались с тем, что еврейское происхождение означало несчастье и по-

зор. Это стало даже одной из типичных тем сборников лирической поэзии (cancioneros) XV века. Новообращенные в христианство выбирали различные позиции. Одни, если им позволяли обстоятельства, скрывали свое истинное происхождение: так, Гонсало Давила и Антон Монторо в ходе яростной поэтической дуэли называли друг друга евреями, в то время как каждый из них доказывал чистоту своего истинно христианского происхождения. Другие не пытались скрывать, кто они были на самом деле, разумеется, потому что у них не было иной возможности, но изобличали в стихах своих соперников к вящему развлечению их покровителей и публики. Именно этим не без некоторого достоинства занимался Антон Монторо в послании Хуану Стихотворцу: «Мы принадлежим к одной расе; и ты, и я—евреи. Оскорбления, которые наносят тебе, ранят и меня; несчастья, которые я переживаю, также и твои...», или когда он упрекал Родриго Коту, что тот по субботам угощает свининой своих старых родителей.

Что же касается поэтов с бесспорно древни-

ми христианскими корнями, то они могли с радостным сердцем предаваться этим изобличениям. Так, граф де Паредес, описывая ту сумятицу, какую вызвало присутствие Хуана Стихотворца на одном торжественном молебне в Валенсии в 1470 году, писал: «Как только он вошел в собор, святые образы и священные обряды преобразились: образки у паломников превратились в кусочки мяса, а папская булла в свиток Талмуда...»

Становится совершенно ясно, что общественное мнение Испании дошло до того, что перестало усматривать какие бы то ни было различия между обращенными в христианство и правоверными евреями. А если эти различия и отмечались, то они толковались в пользу ортодоксальных евреев. В конце концов они были привычными персонажами, неотъемлемой частью испанской жизни со времен античности. Обращенные вызывали больше беспокойства и раздражения; именно им народ приписывал все свои несчастья, по словам одного из писателей этого времени—«этим ненавистным, проклятым и пре-

зренным существам—крещеным евреям и их проклятому потомству». Другой писатель призывал вести против них гораздо более жестокую борьбу, чем против известных и явных неверных.

Все, что было связано с одними или с другими, тем самым было дурно; им ставили в вину даже их традиционную кухню. Священник Андрее Бернальдес, капеллан одного из великих инквизиторов, так писал об этом в своей знаменитой хронике:

«...они никогда не отказывались от своей привычки к особой еврейской пище, приготавливая свои мясные блюда с луком и чесноком и обжаривая все это в масле, которым они пользовались вместо сала, чтобы не есть сало; сочетание масла и мяса придает дыханию очень плохой запах; в результате в их домах и даже рядом со входом в их дома стоит этот дурной запах от их пищи, даже они сами видят причину еврейского запаха в этой пище».

Известно, что с тех пор Испания привыкла к этому «еврейскому запаху», Сальвадор де Мадарьяга, да и не он один, рассматривают приго-

товление пищи на масле, как одну из традиций, унаследованных от ее еврейского прошлого.

В результате стала проявляться весьма показательная эволюция теологической мысли. Самый яростный противник евреев того времени францисканец Алонсо де Эспина собрал в своем трактате «Крепость веры» («Fortalitum Fidei») перечень всех пороков и всех преступлений, в которых тогда обвиняли евреев как в Испании, так и за ее пределами. Среди прочего он сообщал, как произошло изгнание евреев из Англии: король повелел всем евреям принять христианство. Но затем у короля возникли сомнения в их искренности, и тогда он приказал установить свой трон на берегу моря между двумя шатрами, в одном из которых находилось распятие, а в другом свиток Торы. Король сказал евреям, чтобы они вошли в один из шатров по своему выбору. Все евреи устремились в тот шатер, где находилась Тора. Тогда король приказал казнить несколько евреев и изгнать остальных.

Из этой истории следовало извлечь вполне очевидные выводы—вместо того, чтобы подвер-

гать сомнению добродетельные свойства воды крещения, нанесение которой на лбы евреев не давало требуемого эффекта, следовало признать, что евреи были носителями зла по самой своей природе, а не только из-за своей веры. Де Эспина утверждал, что есть два вида евреев: публичные или официальные евреи (*judios publicos*) и скрытые или тайные евреи (*judios occultos*), но и те, и другие имеют одинаковую природу. Таким образом, в силу неопровержимой диалектики дурная репутация тех, кто принял христианство по принуждению или из конформизма, распространялась и на тех евреев, которым испанские теологи предшествующих веков ставили в вину только их ошибочные религиозные убеждения. Затем этот мяч отскочил назад, и новые обвинения были возведены против Талмуда и еврейских традиций. Инквизиторы утверждали, что якобы еврейские ритуалы требовали совершения клятвопреступления, ежедневного убийства одного христианина и т. п. На этом этапе воображение людей было уже достаточно возбуждено, чтобы возник миф о «всемирном еврейском за-

говоре».

Здесь с особенной четкостью можно проследить переход от конфессиональной ненависти к расовой. Напрасно понтифики и умеренные испанские прелаты того времени предостерегали против покушения на христианский универсализм. Напрасно папа Николай V в своей булле «*Humani generis inimicus*» («О враге рода человеческого») и епископ Картагенский Алонсо (сын Пабло де Санта Мария) в своем трактате «Защита христианского единства» напоминали, что спасение в равной мере открыто для всех человеческих душ. Что могут противопоставить богословы человеческим страстям? Отныне Испания пойдет своим непримиримым путем, который приведет ее, как мы это увидим, к особому виду расизма задолго до появления этого понятия.

Инквизиция

Нужно ли напоминать, что инквизиция не является испанским изобретением. То, что можно считать первым, значительно опережающим ход событий обоснованием инквизиции, содержится уже у Августина, который считал, что «умеренные преследования» («*ternpereta severitas*») являются законными для наставления еретиков на путь истинный.

Инквизиция была учреждена Римом в XIII веке и наибольшую активность проявила во Франции в ходе борьбы против ереси катаров. В Испании инквизиция была учреждена значительно позже Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской, чей брак в 1474 году привел к объединению христианской Испании. Именно эти «католические Величества» отвоевали Гранаду, последний мусульманский анклав на полуострове, они же сделали возможным открытие и колонизацию Нового Света. Они также осуществили религиозную унификацию страны, изгнав евреев с помощью испанской инквизиции.

Учрежденная в 1480 году, испанская инквизиция сразу же стала функционировать в соот-

ветствии с принципами, установленными еще в XIII веке. После организации суда инквизиции в каком-либо городе, сначала еретикам предлагалось самим выдать себя: это была так называемая «отсрочка милосердия», обычно продолжавшаяся тридцать дней. Те, кто добровольно являлись, чтобы признаться в исповедовании иудаизма, должны были выдать всех известных им иудеев. Они рассматривались как «подозрительные первой степени» или «незначительные». Их освобождали от пыток и тюремного заключения; за грехи их наказывали бичеванием и публичными унижениями (ношение позорного и уродливого sambenito), а также частичной конфискацией принадлежащего им имущества. Кроме того, им было пожизненно запрещено занимать почетные должности и практиковать уважаемые профессии, а также носить парадные одежды.

Затем трибунал призывал добрых католиков выдать всех подозрительных из своего окружения: христианин был обязан выдать всех вплоть до своих отца и матери, причем ему гарантировалась безнаказанность, поскольку имена свиде-

телей обвинения хранились в строжайшей тайне. Специальный эдикт перечислял тридцать семь пунктов, по которым было возможно опознать еретиков: празднование еврейских праздников, соблюдение пищевых и иных традиций, употребление в пищу мяса во время поста, пропуск формулы: «Слава Отцу, Сыну и Святому Духу» в конце псалма.

Исходя из этого, правоверные христиане старались перещеголять друг друга, и с этого времени в Испании начала свирепствовать эпидемия религиозного доноительства. Приоткроем архивы инквизиции. Улыбалась ли вышеупомянутая Альдонса де Вергас, когда при ней произносили имя Святой Девы? Значит, она обращенная еврейка и еретичка. Слышала ли Бланка Фернандес, как ее соседки беседовали между собой, не понимая, что они говорят? Значит они говорили по-еврейски—она разоблачает их. Приготовление пищи на масле, что повсеместно рассматривалось как безошибочный признак иудаизма, вероятно, было самым распространенным поводом для доноса. Низость соседствовала с навяз-

чивой мыслью о грехе. В результате, после того как инквизиция оказалась полностью интегрированной в жизнь Испании, в ее архивах стали сосредотачиваться документы такого рода:

«Хуана Перес, жена Зевая Бернала, сообщает, что после того как она узнала об эдикте по поводу людей, которые употребляют в пищу еврейские блюда, ее муж сказал ей, что когда он был еще ребенком, один еврей дал ему кусок пирога, а он дал этот кусок другому маленькому ребенку, и тот его съел. Поскольку ее муж отказался свидетельствовать по этому поводу, она решила сделать это сама, чтобы затем не мучиться угрызениями совести».

**Инквизиция Канарских
островов 26 февраля 1578 г.**

Подобные разоблачения позволяли преследовать «подозреваемых второй и третьей степени», которые не хотели сами надевать себе веревку на шею, а значит, следовало их к этому принудить. Как и в случае любой другой духовной полиции, инквизиция и все ее приемы были направлены на то, чтобы добиться кульминации всего расследования—признания, что и составляет процедуру инквизиции в противоположность обвинительной процедуре. «Ересь—это грех души, единственным возможным доказательством этого греха является исповедь»,—писал Эймерих, автор самого известного учебника для инквизиторов. Кто признавался, сохранял себе жизнь, кто отрицал до конца, шел на костер.

Чтобы добиться признания, инквизиция применяла пытки, самой распространенной из которых была пытка водой, хотя использовалось и множество других, например, лишение сна. Пытка чередовалась с добрыми словами, которые также предназначались для того, чтобы убедить обвиняемого сделать признание и выдать сообщников. Своеобразные катехизисы, служив-

шие учебниками для инквизиторов, предписывали говорить: «Я жалею вас, потому что я вижу, что вы так сильно заблуждаетесь и ваша душа может погибнуть. . . Не принимайте на себя чужие грехи. . . доверьте мне всю правду, вы видите, что мне уже известно все это дело. . . Чтобы я смог вскоре вас простить и освободить, скажите мне, кто ввел вас в это заблуждение». Если это оказывалось недостаточным, и обвиняемый держался стойко, судьи привлекали третьих лиц, вечных тюремных «подсадных уток», а также так называемых «достойных людей» за пределами тюрьмы, — милосердные души, на которые возлагалась задача посещать арестованных, утешать и ободрять их с тем, чтобы завоевать их доверие.

Необходимо однако подчеркнуть, что на начальном этапе своей деятельности, в эпоху Торквемады, кастильская инквизиция как правило не прибегала к подобным тонкостям, действуя по конвейерной системе; инквизиторов была лишь горстка, а подозреваемых легион; число трибуналов не превышало дюжины, а их приговоры могли быть лишь огульными. Среди этих

подсудимых следует также считать и мертвых, какова бы ни была дата их кончины; перед судом представляли их скелеты, на костре сжигали их останки; поскольку они не могли больше свидетельствовать, их потомки могли сделать это за них—и быть лишенными своего наследства в случае посмертного осуждения. В подобных случаях на первый план очевидно выходили мотивы наживы; чтобы оправдать конфискации инквизиторы ссылались на Библию: разве Адам и Ева, эти первые еретики человеческого рода, в искупление за свое непослушание не были изгнаны из рая вместе со всеми своими потомками и разве это не было конфискацией? К тому же *sambenito* сравнивали со шкурами животных, в которые оделись Адам и Ева после грехопадения, когда они познали свою наготу; отсюда видно, что теоретики инквизиции в конце концов перестали различать первородный грех и ересь.

Суммируя цифры сожженных еретиков, которые для инквизиции Торквемады составляют от одной до двух тысяч, можно сказать, она оказалась гораздо менее кровавой, чем полиция духа

XX века. На самом деле на костер попадали только те подсудимые, у которых оказывалось достаточно силы духа, необходимого для того, чтобы до самого конца говорить «нет» своим палачам и отказаться от признания, а также вновь впавшие в ересь и неисправимые рецидивисты ереси. Этим объясняется, почему доля смертных приговоров никогда не превышала нескольких процентов. Большинство обвиняемых соглашалось примириться с церковью и приговаривалось к пожизненному или временному заключению после бесконечных процессий и публичных унижений, а также конфискации всего их имущества. Материальный упадок, моральная деградация распространялась на потомков осужденного: его дети и внуки также подпадали под запрет носить золото и серебро, занимать публичные должности и получать церковные бенефиции. Мы видим, что таким образом возникала наследственная дискриминация по закону, которая под названием «статут чистоты крови» в следующем столетии распространится на любого испанца, в котором течет хоть капля еврейской крови или

который подозревается в этом.

Добавим, что папа много раз пытался сдерживать эксцессы кастильской инквизиции, но не добился никакого успеха: очень быстро Рим утратил всякое право надзора по этим делам.

* *

*

Первый трибунал инквизиции был учрежден в Севилье. Ибн Верга сообщает, что однажды некий инквизитор сказал губернатору города: «Сеньор, если ты хочешь знать, как обращенные евреи празднуют субботу, поднимись со мной на башню». Когда они поднялись на башню, инквизитор сказал: «Подними свои глаза и посмотри на эти дома, в которых живут обращенные; как бы ни было холодно, ты никогда не увидишь, чтобы в субботу из труб их домов выходил дым, потому что в этот день конверсо не зажигают огонь». Ибн Верга рассказывает также, что один из его родственников, каббалист Иуда Ибн Верга, узнав о том, что инквизиция учредила трибунал в Севилье, выставил в окне своего дома три пары голубей: одна пара была ощипана и задушена, на ней была надпись: «Эти обращенные уедут в последнюю очередь»; вторая пара тоже была ощипана, но жива, на ней была надпись: «Эти уедут вторыми»; третья пара была жива и сохранила свое оперение, на ней была надпись: «Эти уедут первыми». Те, кто знаком с судьбой политических эмигрантов нашего времени, согласятся, что

эта история отнюдь не утратила своей актуальности.

В 1483 году Томас Торквемада был назначен великим инквизитором всей Испании. Пока севильская инквизиция занималась своим делом, трибуналы были учреждены в остальных испанских провинциях. В Арагоне эксцессы инквизиции вызвали народные волнения в Валенсии и Теруэле, в которых участвовали многочисленные «исконные христиане», а также заговор обращенных в Сарагосе, которые убили судью-каноника Арбуэса д'Эпилу, в дальнейшем причисленного к лику святых.

За этим последовал ответный террор. До каких крайностей дошла арагонская инквизиция можно показать на примере процесса Брианды де Бардаха, богатой конверсо из Сарагосы, набожной католички, если уж об этом упоминать, но виновной в том, что в детстве она однажды соблюдала еврейский пост, в том, что она не любила свиное сало, и в том, что однажды она подала милостыню в четыре соля нищему еврею. Этого оказалось достаточным, чтобы оправдать семи-

летнее тюремное заключение, длительные пытки, чтобы вынудить ее к дальнейшим признаниям, а также конфискацию трети ее богатства.

Очередь Толедо наступила в 1486 году. За четыре года там произошло 4850 «примирений»; число сожженных на костре конверсо не превысило двухсот. В этой столице инквизиция была менее жестокой. Безусловно, здесь сыграли свою роль политические и экономические причины, поскольку достигнув определенного уровня богатства и влияния, обращенный мог обеспечить себе покровительство королей и папы и становился недосягаемым.

Характерным примером такого рода является случай с Альфонсо де ла Кабальерия, вице-канцлером королевства Арагон, сыном крупного чиновника, о котором мы уже упоминали. Он был гораздо больше предан делу иудаизма и евреев, чем его скептически настроенный отец. Несмотря на собранные против него инквизицией Сарагосы неопровержимые показания, его процесс, тянувшийся около двадцати лет, окончился в 1501 году оправдательным приговором по распоряже-

нию папского посланника. Но речь могла идти лишь об отдельных случаях, ибо подобно Герингу, утверждавшему, что он сам мог решать, кто является истинным арийцем, Их Католические Величества присвоили себе право определять, кого считать христианином. В качестве государственного деятеля Фердинанд проводил губительную для государства политику и делал это тем легче, чем больше денег, необходимых для завоевания Гранады, давали ему конфискации. Здесь возникает совсем иная сторона деятельности испанской инквизиции, а именно финансовый или грабительский аспект, в котором многие историки и видели основной стимул ее активности. Не высказывая собственного мнения по этому поводу, отметим только, что почти все историки согласны с тем, что именно инквизиция сорвала «буржуазную революцию» в Испании.

Кроме того, по крайней мере в течение первых лет, она способствовала сближению иудаизма с обращенными в христианство. В своем горе они обращались к Богу, к Богу, который не мог быть Христом, именем которого их по-

сылали на костер, к Богу, который мог быть только древним Богом Израиля. «Креститесь и идите смотреть, как сжигают новообращенных христиан!»,—иронизировал в застенках инквизиции один старый еврей» принявший христианство сорок лет назад. Находились такие сильные характеры, которые проявляли мало интереса к иудаизму в эпоху терпимости, но которые на костре громко читали «Слушай, Израиль!» в знак своего высшего презрения. Были истинные католики, которые объявляли себя иудеями из ненависти к инквизиции—внук Херонимо де Сайта Фе относится к их числу.

Промывание мозгов—это операция, оказывающая двойственное воздействие, которая вначале вызывает возмущение в той душе, которую хотят подавить. Инквизиции потребовались многие поколения, чтобы стереть с испанской земли все следы иудаизма, и она добилась этого ценой разрушительного усилия.

В этих условиях инквизиция оказалась сразу же вынужденной обратить внимание на евреев, которые по праву оставались евреями, на евреев,

которых называли официальными (или публичными) евреями, и которые различными способами препятствовали деятельности инквизиции. Прежде всего это происходило благодаря самому факту их существования, которое придавало оттенок дополнительной абсурдности запрету для «тайных евреев» сомневаться в таинстве Троицы или есть мясо в Великий пост. Однако само собой разумеется, что помимо своего молчаливого присутствия евреи не могли не играть активной роли в трагедии обращенных. Насколько сильно они ненавидели предателей, настолько же они ощущали близость к своим братьям, бившимся в сетях инквизиции и проклинавшим христианство. Архивы эпохи переполнены обвинениями против евреев, пытавшихся удержать своих соплеменников в лоне иудаизма или помогавших обращенным вернуться к иудаизму. Из-за этих действий они также попадали под юрисдикцию священного суда. К тому же кастильская инквизиция не замедлила навязать евреям обязанность священного доноса: раввинам было вменено в обязанность приказывать своим после-

дователям под страхом торжественного отлучения доносить инквизиторам обо всех конверсо, не порвавших с иудаизмом, которых они знали. Один из современников восклицал: «Этот меч отлучения, какой же он стал катастрофой для испанских евреев! В какую бы сторону они ни повернулись, везде их ждали мучения и несчастья. Благодаря этим обвинениям король Испании отправил на костер тысячи марранов, конфисковав их состояния и использовав эти средства на войну с Гранадой».

Множество раввинов было осуждено по обвинению в активном содействии возвращению конверсо в иудаизм. Таково было дело Авраама Альтенса из Уэски, подвергнутого преследованию за совершение обрезания во время церемоний «дехристианизации» и приговоренного в 1490 году к сожжению. Меморандум, представленный им в свою защиту, содержит подробный разбор тезисов, выдвигавшихся инквизицией накануне изгнания испанских евреев. Он писал: «Судебный обвинитель представил два вида обвинений. Одно из них имеет универсальный характер и

гласит, что евреи в целом всегда были скверными и испорченными, предавались дурным делам, направленным против Бога и мира. Другое, частное обвинение касается тех преступлений, в которых меня здесь обвиняют, и прежде всего преступления дехристианизации. У меня нет намерения отвечать на первое обвинение, которое предъявлялось нам бесчисленное количество раз и на которое мы всегда находили убедительный ответ. Поэтому я со всем почтением отвечаю на второе. . . » И, опираясь на Талмуд и на Рамбама, раввин доказал, что еврейская традиция не знает никакой антихристианской практики и что «эти вещи являются ложным плодом воображения тех свидетелей, которые выступали против меня. . . »

Кризис стал безысходным. Еще один раз в своей истории евреи против собственной воли были вынуждены играть в церковные игры, причем в политическом плане им досталась роль искусителей и заклятых врагов веры, роль, отведенная им христианской теологией уже с самых первых, робких ее шагов. Теперь, чтобы выиг-

рать битву, инквизиции было необходимо доказать самым наглядным образом, что «евреи вообще всегда были скверными и испорченными, занятыми дурными делами против Бога и людей», после чего можно было изгнать их с испанской земли. Для достижения этой цели был затеян грандиозный спектакль, причем все приемы, используемые Духовной полицией остались в неприкосновенности.

В конце 1490 года шесть евреев и пять обращенных из Ла-Гуар-Дии близ Толедо были обвинены в намерении погубить христианство с помощью средств черной магии с использованием освященной просфоры и сердца распятого ребенка. Протоколы этого процесса содержат любопытные детали того, как адвокатам поручалось шпионить за обвиняемыми и провоцировать их, а также различные приемы, вынуждавшие подсудимых выдвигать друг против друга тяжелейшие обвинения. Похоже, что через год после начала этого процесса все обвиняемые сделали требуемые признания за исключением неукротимого Бенито Гарсия, конверсо, который утверждал,

что «он полностью отрекся от христианства после того, как ему стали заливать воду в ноздри». Он также соглашался, что евреи, обращавшиеся в христианство, были антихристами, но при этом громогласно заявлял в переполненном зале, что главный антихрист—это Торквемада.

Инквизиторы прилагали все возможные усилия, чтобы добиться впечатляющих признаний, но при этом проявляли исключительное равнодушие к фактическим уликам: так называемая распятая жертва не имела ни имени, ни образа. Ни один свидетель не заявил об исчезновении ребенка, его тело не было обнаружено, хотя в признаниях содержались описания места, где его похоронили. Не было сделано ни малейшей попытки выяснить, кто это был. Так, в качестве безымянного «святого ребенка из Ла-Гуардии» этот фантом стал позднее объектом религиозного поклонения, воспетым многими поэтами и прозаиками, в том числе и Лопе де Вега. Поразительно, что и в наши дни некоторые испанские католические историки утверждают реальность этого преступления.

Приговор был вынесен 15 ноября 1491 года. Все обвиняемые были осуждены и сожжены на следующий день. Копии приговора были разосланы во все испанские города. В Барселоне текст был переведен на каталанский. Врожденное злодейство евреев было юридически доказано. Теперь должен был последовать последний акт трагедии.

* * *

2 января 1492 года Их Католические Величества Фердинанд и Изабелла торжественно вступили в Гранаду. Реконкиста была завершена. 31 марта того же года они подписали эдикт об изгнании евреев из Испании. В эдикте приводилась подробная мотивация этого

акта:

«... Мы получили информацию от инквизиторов и от других лиц, что общение евреев с христианами приводит к самым худшим последствиям. Евреи изо всех сил пытаются соблазнить [новообращенных] христиан и их детей, давая им книги с еврейскими молитвами, уведомляя их о наступлении дней еврейских праздников, обеспечивая их мацой на Пасху, объясняя им, какие блюда нельзя употреблять в пищу, и убеждая их соблюдать Закон Моисея. В результате наша святая католическая вера оказалась униженной и обесчещенной. Итак, мы пришли к выводу, что единственное эффективное средство положить конец этим несчастьям состоит в окончательном разрыве всех контактов между евреями и христианами, а это может быть достигнуто

только путем изгнания евреев из нашего королевства».

Евреям была предоставлена отсрочка в четыре месяца, чтобы они могли ликвидировать свои дела и продать движимое и недвижимое имущество; однако им было запрещено вывозить с собой деньги и драгоценные металлы. Таким образом, они должны были покинуть Испанию до 31 июля. (2 августа три каравеллы Христофора Колумба отправились в путь для открытия Америки. Три самых важных события испанской истории произошли друг за другом на протяжении всего нескольких месяцев.)

Евреи, еще сохранившие надежду на своих могущественных представителей при дворе, естественно пытались добиться отмены эдикта или продления отсрочки. Но напрасно они предлагали казне огромные суммы денег. Крещение в последний момент было единственным средством, позволявшим остаться на родной земле. В течение недель, предшествовавших исходу, испанские священники занялись активной миссионерской пропагандой, часто завершавшейся успехом. Со-

гласно одной еврейской хронике «многие евреи, как высокопоставленные, так и простые, вплоть до раввинов, остались дома, предпочитая обменять свой Закон на религию страны. Во главе их стоял раввин Авраам Сеньор, раввин всех испанских общин, со своими сыновьями и всеми родственниками и многими тысячами других евреев. Только часть испанских раввинов предпочла мученичество и покинула Испанию. . . »

Но пример, поданный самым высокопоставленным евреем Испании, «придворным раввином» Авраамом Сеньором, крещение которого было отпраздновано 15 июля в королевском присутствии, оказался заразительным далеко не для всех. К тому же слухи скоро превратили его вероотступничество в мученичество; говорили, что королева Изабелла поклялась силой крестить всех евреев, если ее фаворит откажется принять крещение. Серьезные оценки позволяют заключить, что около ста пятидесяти тысяч евреев выбрали изгнание, большинство предпочло Португалию. Лишь пятьдесят тысяч прибегли к крещению в последний момент. Десять лет терро-

ра инквизиции сделали больше для укрепления иудаизма, чем все увещевания раввинов прошедших веков. Настоящий экстаз охватил сердца, это испытание сравнивали с исходом из Египта; говорили, что за этим последует обретение со славой и почестями Земли обетованной. Другие добавляли, что очень скоро Испания непременно призовет своих детей обратно, так что некоторые изгнанники, продав свое добро, закапывали деньги в родную землю. Так выглядит атмосфера великого ухода, который Бернальдес описывал следующим образом:

«В течение нескольких месяцев евреи продали все, что могли, они отдавали дом за осла, виноградник за кусок ткани или полотна. Перед уходом они пережили всех детей старше двенадцати лет, чтобы каждая девушка оказалась в сопровождении мужа... Затем, доверившись в своем ослеплении тщетным надеждам, они пустились в путь, покидая свою родную землю, маленькие и взрослые, старые и молодые, пешком, верхом на лошади или на осле, в повозке. В дороге их ждали разные несчастья, одни падали,

другие поднимались, одни умирали, другие рождались, некоторые заболели. Не было ни одного христианина, который не пожалел бы их, все уговаривали их креститься, и некоторые это сделали, но таких было очень мало, потому что раввины поддерживали их, приказав петь девушкам и юношам под звуки барабанов и флейт, чтобы ободрить людей. Так они покинули Кастилию».

Можно предположить, что подавляющее большинство христианского населения не было особенно взволновано уходом евреев. Конечно, об этом сохранилось очень мало свидетельств. Своего рода молчаливый страх царил над страной. Участь евреев стала темой, на которую предпочтительнее было не высказываться. За исключением Бернальдеса, который, напомним это еще раз, был капелланом Верховного инквизитора, испанские хронисты едва затрагивают эту тему и не позволяют себе проявлять свои чувства по этому поводу. Четырьмя годами позже Хуан дель Энсина, стоявший у истоков испанской драмы, писал в одной из своих поэм: «В этом королевстве больше не знают, что такое евреи...»

Беды и страдания изгнанников стали классической темой еврейской историографии. Мы не будем подробно на этом останавливаться. Достаточно и краткого обзора. Вот как хронист из Генуи Бартелеми Сенерага описывает полное отчаяния группы евреев, покинувших Испанию морем:

«Это было очень грустное зрелище. Большинство было истощено голодом и жаждой... Можно было сказать, что это призраки: бледные, изможденные, закатившие глаза; можно было подумать, что они мертвы, если бы время от времени кто-то из них не шевелился. Значительное их число умерли прямо на набережной, в месте, специально отведенном для них недалеко от рынка...»

А вот к какому выводу приходит христианский автор:

«Их страдания выглядят законными с точки зрения нашей веры, но они слишком жестоки, если мы будем рассматривать их не как животных, а как человеческие существа, созданные Господом по своему подобию...»

Такова была чувствительность этой эпохи, даже в озаренной Ренессансом Италии, где такие люди как Макьявелли и Гвичардини высказывались примерно в одном духе. Между тем эпилог драмы разыгрывался в соседней Португалии. Король Хуан II впустил изгнанников, обложив их подушной данью в восемь крузадо, и при условии, что через восемь месяцев они покинут страну на судах, которые он обязался предоставить в их распоряжение. Части беженцев действительно удалось благополучно высадиться в Африке; однако большинство не смогло или не решилось на это. По истечении срока король начал продавать этих евреев в рабство. Его преемник Мануэль I приказал вернуть им свободу. Но вскоре после этого возник проект женитьбы молодого короля на испанской инфанте, при этом Их Католические Величества поставили условием полную христианизацию Португалии. Изгнание означало бы немедленную катастрофу для экономической жизни маленькой страны. Насильственное крещение явилось единственным решением, совместимым с политическими амбициями Пор-

тугалии. На пасху 1497 года события стали развиваться в ускоренном темпе. Детей отнимали у их родителей и вели к крестильным купелям. Те из родителей, которые не последовали добровольно за своими детьми, были отведены туда силой через несколько недель. Таких насчитывалось несколько тысяч, включая местных евреев Португалии. Таким образом, в случае эмигрантов из Испании осуществлялась селекция тех, кто хранил верность Закону Моисея. Произошло множество самоубийств и других ужасных инцидентов. Некоторые португальские священнослужители осуждали эти меры. Через тридцать лет после этих событий епископ Алгарвы писал: «Я видел, как людей за волосы волокли к крестильным купелям. Я видел отцов семейств с покрытыми головами в знак траура, ведущих своих сыновей к крещению, протестуя и призывая Бога в свидетели, что они желали бы умереть вместе в лоне Закона Моисея. По отношению к евреям тогда совершались еще более ужасные вещи, которые я видел собственными глазами...»

«Богохульственный фарс, вызванный са-

мыми низкими и гнусными материальными мотивами»,—таков был в XX веке вердикт Менендеса-и-Пелайо.

В самом деле, не существует в христианской истории (если только не углубляться в эпоху Карла Великого и обращения саксонцев) более сильного глумления над таинством крещения. Папа Александр Ворджиа попытался ограничить общий ущерб, а золото посланцев португальских евреев еще больше воодушевило его. В результате в Лиссабоне был утвержден замечательный компромисс, как последний знак уважения к свободе воли. В противоположность принятой в Испании политике в Португалии крещеные евреи сохранили все права продолжать вести еврейский образ жизни, вплоть до собраний чтобы праздновать свои религиозные праздники. Они также имели право обогащаться, если они обладали коммерческими талантами- не могло быть более выгодного решения для королевской казны которая накладывала на них контрибуции по любому поводу Это положение вещей продолжалось около полувека, приводя в бешенство все население

Португалии. Время от времени происходили кровавые погромы: во время погрома в Лиссабоне в 1505 году было более тысячи убитых. В конце концов в 1536 году в соответствии с папским посланием в Португалии была учреждена инквизиция по испанской модели, которая немедленно приступила к безжалостным карам. Временный португальский парадокс с «легальными марранами» имел целый ряд замечательных последствий, о которых мы еще поговорим ниже. Он позволил общинам марранов приспособиться к ношению христианской маски, в то время пока эту маску было легко носить, и тем самым приобрести беспрецедентную живучесть. Долгие годы мрака, когда их едва терпели, видимо, выработали в них способность к камуфляжу, не имеющему себе равных, так что традиции тайного еврейства существуют еще, как мы это увидим, и в современной Португалии XX века.

III. ИСПАНИЯ В РЕШАЮЩИЙ ЧАС СВОЕЙ ИСТОРИИ

Крепость веры

Каковы были потери Испании в результате изгнания евреев? В принципе это можно сравнить с эмиграцией из Франции гугенотов, которая не имела разрушительных последствий, как немедленных, так и отдаленных, хотя можно полагать, что некоторые задержки в развитии французской экономики были вызваны именно этим. В Испании основной причиной стагнации или упадка явилось не столько изгнание евреев, сколько те условия, в которые были поставлены конверсо и их потомки. Воздействие этого фактора сказалось с большим опозданием; здесь мы имеем дело с классическим случаем длительной эволюции.

Казалось, что на первых порах изгнание евреев ничего не изменило в жизни Испании. Конечно, в наши дни испанские историки имеют по этому поводу совершенно иное мнение.

«Изгнание,—пишет М. Висенс Вивес устранило из общественной жизни единственные группы, которые могли бы создать в Кастилии первые импульсы к развитию капитализма. Оно подорвало основы процветания многочисленных го-

родов и позволило аккумулировать огромные богатства, большая часть которого была направлена на финансирование внешней политики Их Католических Величеств, а оставшееся растворилось в руках аристократии».

Но в эту эпоху даже такие реалистично настроенные наблюдатели как Макьявелли и Гвичардини полагали, что католические монархи совершили исключительно полезное для своей страны дело. С этого момента на протяжении почти целого столетия Испания шла от триумфа к триумфу. Золото из Америки текло потоком в ее казну к восхищению всей Европы. Карл V короновался императорской короной; над испанской империей никогда не заходило солнце, как гордо гласил ее девиз. 1492 год, год изгнания евреев, обозначил начало испанского величия.

Среди национальных институтов, восходящих к этой эпохе, одним из самых характерных и самых известных стала инквизиция, призванная искоренять любые возможные формы инакомыслия. На протяжении последних пятидесяти лет историки ведут спор о том, являлась ли инкви-

зация орудием королевской власти или церкви. Она не была ни тем, ни другим, или и тем, и другим одновременно. Прежде всего это было чисто испанское явление. Это был своего рода пламенный котел амбиций и фанатизма. Инквизиция являлась инструментом власти и источником моральных установлений. Она внушала страх, но средний испанец считал, что это полезный и спасительный страх. Большие и маленькие, аристократы и нищие толпами собирались на аутодафе, и вскоре установился обычай совмещать эти драматические уроки истинности христианской веры с торжественными событиями королевского двора, восшествия на престол или королевскими свадьбами.

В этой связи необходимо заметить, что еретиков не сжигали непосредственно во время аутодафе: эта церемония, часто открывавшаяся самим королем, состояла в процессии из сотен осужденных («кающихся грешников») с зажженными свечами в руках и гротескных колпаках *sambenitos*, направлявшейся к месту аутодафе (в Мадриде это была главная площадь, «Plaza

Mayor»), где громко зачитывался приговор. Эта церемония длилась целый день с утра до вечера, а в случае необходимости продолжалась и на следующие дни. Костры сооружались в других местах, обычно в городских предместьях; эти места назывались quemadero (от глагола quemar—жечь). Казнь также была публичной, и на нее собирались толпы народа, стремящегося получить наставление в добродетели. Очень показательным является описание в одной из рукописей того времени глубокого огорчения, охватившего жителей Севильи в 1604 году, когда одно аутодафе было отменено по приказу короля в самый последний момент: «Общее чувство овладело всеми, глубокая внутренняя печаль, как если бы каждый был обижен и обделен; ибо дело Господа имеет такую силу, что каждый хотел встать на его защиту; это событие позволило понять какую любовь, уважение, но также и страх внушала инквизиция».

Та любовь к своей инквизиции, которую испанский народ пронес через века, позволяет лучше понять, почему еще и в наши дни за Пирене-

ями находятся ее защитники. Конечно, даже самый ревностный христианин из их числа высказывает некоторое удивление в связи с тем, что процессы отдельных скрытых иудеев продолжались десятки лет. Еще больше удивления могут вызвать рассуждения одного епископа XVI века, полагавшего, что костер—это единственная подходящая кара для бедных еретиков, «поскольку они не имеют стыда, и у них ничего нельзя конфисковать». Это напоминает нам, что нельзя измерять торжествующую Европу эпохи Возрождения по меркам XX века.

Была ли испанская инквизиция воплощением абсолютной жестокости? Можно отметить, что тюрьмы инквизиции как правило не походили на легендарные каменные мешки *in pace* (одиночки). Богатые узники могли иметь при себе своих слуг, бедные заключенные сами готовили себе еду, а днем даже иногда могли работать в поле. И богатые, и бедные могли принимать посетителей, читать и писать, если они были грамотными. Если тюрьма оказывалась переполненной узниками, инквизиторы могли арендовать дом в горо-

де, чтобы разместить там заключенных. Приговоренные к бессрочному заключению чаще всего заключались в монастыри, если это были священники, а не имеющие духовного сана могли отбывать свой приговор на дому.

В целом, строгость режима во многом зависела от серьезности обвинения или преступления. Обвиненные в соблюдении иудейских обрядов должны были готовиться к худшему—совсем как евреи в нацистских тюрьмах и лагерях XX века.

Не все обвиняемые подвергались пыткам. Если же это происходило, то участь невинных была хуже, чем виновных, поскольку вся система инквизиции базировалась на свободных и естественных признаниях, что оказывалось губительным для невинных, которым не в чем было признаваться. Мы уже упоминали ранее об этой специфической проблеме признания, теперь приведем конкретный пример.

Ниже следуют отрывки из протокола допроса под пыткой Эльвиры дель Кампо, доброй христианки по заявлению всех свидетелей, которую тем

не менее обвинили в том, что она не ела свинину и надевала чистое белье по субботам. Дело происходило в 1568 году в Толедо:

«Ее отвели в комнату пыток и предложили во всем признаться. Она сказала, что ей не в чем признаваться. Ей приказали раздеться и еще раз сделали внушение, но она хранила молчание. Когда ее раздели, она сказала: «Сеньор, я делала все, в чем меня обвиняют, и я свидетельствую против самой себя ложной клятвой, потому что я не могу выносить то положение, в каком я оказалась; ради Бога, я ничего не сделала». Ей сказали, что она не должна свидетельствовать против себя, но сказать правду. Ей связали руки. . . Был сделан один оборот узла, и ее опять призвали сказать правду, но она говорила по-прежнему, что ей нечего сказать. Затем она застонала и сказала: «Скажите мне, что вы от меня хотите, потому что мне нечего сказать. . . »

Бесстрастный и подробный протокол допроса под пыткой, представляющий собой акт, составленный нотариусом, продолжается; в соответствии с регламентом число оборотов узла,

связывающего руки, могло доходить до шестнадцати:

«Был сделан еще один оборот, и она сказала: «Развяжите меня, чтобы я могла вспомнить, что я должна сказать; я не знаю, в чем я виновата, я не ела свинину, потому что от нее мне становится плохо; я все сделала—развяжите меня, и я скажу «истину». Приказали сделать еще один оборот узла... ей велели рассказать во всех подробностях, что именно она совершила. Она сказала: «Что я должна сказать? Я все сделала—развяжите меня, потому что я не помню, что я сделала—разве вы не видите, что я слабая женщина—о, мои руки, мои руки!...»

После шестнадцатого оборота приступили к новой пытке:

«Ее посадили на кобылу (особое орудие для пыток). Она сказала: «Сеньоры, почему вы не говорите мне, что я должна сказать? Разве я не призналась вам во всем?» От нее потребовали подробностей. Она сказала: «Я не помню. Снимите меня. Я делала все, в чем меня обвиняют свидетели...» Она сказала: «Сеньоры, подска-

жите мне то, что я не знаю—пожалейте меня—отпустите меня». Она сказала: «Я не знаю, как это сказать—у меня пропала память—Бог мне свидетель, что если бы я могла сказать что-то еще, я бы это сказала—я не могу сказать ничего нового о том, что я сделала, и Бог это знает. . . » Она сказала: «Закон, о котором говорят свидетели, я не помню, что это был за закон, будь проклята мать, которая меня родила! . . . О! меня убивают, если бы только мне объяснили, что я должна сказать. О, сеньоры! О, мое сердце!» Она попросила, чтобы ее исповедали, говоря, что она умирает. Ей сказали, что пытка будет продолжаться до тех пор, пока она не скажет правду, и ее увещевали во всем признаться, но какие бы вопросы ей ни задавали, она продолжала хранить молчание. Инквизитор, увидев, что она обессилена пыткой, приказал снять ее».

В ходе следующего допроса под пыткой несчастная призналась, что ее отвращение к свинине не было случайным, а отражало еврейские обряды. Инквизитор согласился, что она не знала ничего другого о еврейских обрядах. В результате

для нее дело закончилось тем, что ей сохранили жизнь и наложили обычное покаяние.

Главным символом инквизиции всегда были костры; тысячи человеческих существ, сожженных заживо, потому что они отрицали божественность Иисуса, или потому что они в чем-то отходили от католических догм, например, по поводу существования чистилища. То, что костры сооружались в городских предместьях, а не на центральной площади, не делало казнь менее жестокой. Довольно странным аргументом в моральном споре выглядит довод, что подавляющее большинство осужденных были задушены гарротой перед сожжением,—привилегия, которой они удостаивались за отречение в последний момент,—но здесь следует помнить, что для палачей речь шла о том, чтобы спасти их не только от пламени костра, но и от адского вечного огня, в который они искренне верили.

Каково же было общее число сожженных за время существования инквизиции с 1480 по 1834 год, когда она была окончательно упразднена? Льоренте, инквизитор-отступник, который распо-

лагал более полной информацией по этому поводу, чем кто-либо, поскольку в его распоряжении были сохранившиеся в неприкосновенности архивы инквизиции, называл число триста сорок одна тысяча двадцать один. Сама точность этого числа внушает сомнения. По сути, как это показал лютеранин Шефер, в чьей эрудиции и беспристрастности нет повода сомневаться, речь шла о довольно поверхностной и грубой экстраполяции. Согласно Шеферу необходимо уменьшить это число по крайней мере на две трети. Таким образом, реальное число замученных составляет порядка ста тысяч, причем после гекатомб начального периода, их количество постоянно сокращалось. Подавляющую часть осужденных, какова бы ни была их вина, составляли потомки добровольно или насильственно крестившихся евреев.

«Преступление против веры», так же как и «политическое преступление» наших дней, оказалось весьма гибким понятием. Очень скоро инквизиция стала расследовать самые разнообразные дела. Прежде чем заняться этим вопросом,

поговорим о некоторых других аспектах деятельности испанской полиции душ.

Прежде всего обсудим приемы шпионажа и получения информации. Для этой цели инквизиция создала целую сеть «друзей» из уважаемых людей, иногда принадлежавших к самым громким именам испанской аристократии; их общее число в следующем столетии составляло по некоторым оценкам более двадцати тысяч человек. Эти люди не получали вознаграждения; в качестве знака признательности они носили особую медаль или бляху. Это отличие считалось очень почетным, поскольку одновременно оно служило свидетельством «чистоты испанской расы»; более того, «друзья» стояли над обычным правосудием и обычной полицией, каковы бы ни были их злодеяния, они подлежали только суду инквизиции.

Но самым важным инструментом были архивы инквизиции. Разумеется, тогда не было карточек с приметами, досье и компьютеров, которыми располагают современные полицейские службы. Но помимо протоколов своих допросов и до-

кладов информаторов инквизиция пользовалась генеалогическими таблицами семей конверсо и связанных с ними, которые являлись подозреваемыми a priori. В принципе каждый год совершался обход района. В сопровождении нотариуса инквизитор должен был посетить каждое домовладение, провозгласить «эдикт милосердия», дополнить генеалогические таблицы и проверить состояние sambenito. Это позорное одеяние наряду со своей функцией назидания масс превратилось в своего рода рабочий инструмент, а именно в специфический архивный документ.

Sambenito делали из грубой прочной ткани, украшенной различными эмблемами, чаще всего это был крест Святого Андрея, но в случае приговоренных к смерти на нем были изображены черти из преисподней. Раскаявшиеся грешники должны были надевать его по особым дням или носить всю жизнь в зависимости от приговора, что служило знаком для бдительности окружающих и иногда лишало его возможности получить работу и хлеб. После кончины своего хозяина sambenito выставляли в церкви квартала, где

он жил, в качестве постоянного предупреждения, чтобы все дети окрестностей и их дети знали о его позоре и о том, что все его потомки всегда будут отверженными и подозреваемыми. Иногда эта выставка была не постоянной, а передвижной; *sambenito* должны были выставить во всех церквях епархии. Нужно отметить, что были деревни, которые обращались с просьбой остановить эту церемонию или разрешить выбросить *sambenito* вместо того, чтобы постоянно обновлять его, ибо на протяжении столетий целые семьи терпели последствия еретических взглядов одного из своих предков. Но эти выставленные *sambenito* существовали еще в конце XVIII века; англичанин Кларк видел их выставленными в галерее собора Сеговии.

Языковая практика привела к тому, что обозначая первоначально позорную одежду, слово *sambenito* стало обозначать и человека, который носил эту одежду, а также его детей. И если они были добрыми испанцами в этой стране, столь озабоченной проблемами чести (а мы приближаемся к страницам, на которых обсудим связь

между испанской гордостью и бесчестьем, состоявшим в том, чтобы быть в этой стране евреем), то горе этих отверженных оказывалось безграничным.

«Sambenito,—сообщал в 1602 году венецианский посол Сорранцо,— это особый тип людей, которые питают невыразимую личную ненависть к королю, к короне, к правительству, к правосудию и ко всем без разбора. Это те, кто ведет свое происхождение от лиц, осужденных инквизицией. . . Это осуждение касается их потомков независимо от их личной вины, но лишь из-за греха другого человека, так что они оказываются не только лишенными привилегий и преимуществ, распространяющихся на остальных, но и отмеченными знаком вечного бесчестья. Они живут в мире отчаяния и бешенства; подобно марранам и морискам их возмущают эти бедствия, которые даже в низких и подлых душах возбуждают дух ярости и мужества; они оказываются готовыми на любой бунт, но очень жесткая строгость правосудия и инквизиции исключают любую возможность для проявления какого бы то ни было недовольства».

Напротив, настоящий тайный иудей, например, португальский марран мог с презрением относиться к тому, что было для него лишь христианской комедией. Один свидетель с возмущением сообщал, как во время аутодафе в Вальядолиде некий «португалец», облаченный в *sambenito*, украшенный андреевским крестом, «ровным и бодрым голосом» громко повторял: «Разве святой Андрей менее уважаем, чем святой Иаков? Почему эта ноша должна быть для меня тяжелее, чем другая?» Иудей по крайней мере мог во всеуслышание провозглашать свою истину. Среди жертв инквизиции отнюдь не хулителям Христа было суждено испытать всю гамму пыток, которая была у нее в запасе; от некоторых особенно изощренных разновидностей моральных страданий они были избавлены.

В самом деле, если добрый католик, обвиненный в ереси, до самого конца настаивал на чистоте своей веры и отрицал свою вину, то он рассматривался как неисправимый и попадал на костер. Но если он уступал и признавался в вымыш-

ленных грехах, то он спасал свою жизнь ценой клятвопреступления и бесчестья для его семьи. В соответствии с богословскими принципами только первый выбор обеспечивал спасение его души. В архивах инквизиции сохранились списки подобных жертв, как и многочисленные признания в вымышленных грехах марранов, сфабрикованных ею.

«Нужно найти эффективное средство,— писал один смелый инквизитор,—против ловушки в которую, вовсе не желая того, попала инквизиция, ибо множество заслуживающих осуждения оказываются оправданными и множество добродетельных осужденными из-за злобы свидетелей, а иные в больших количествах вынуждены спасаться бегством, потому что они знают, что против них дали показания или потому что они боятся, что это произойдет. . . »

Признания обвиняемых должным образом регистрировались в присутствии нотариуса, и безукоризненность формы сочеталась с ошибками, переполнявшими содержание. Необходимо подчеркнуть, прежде чем покончить с этой темой,

что процедуры испанской инквизиции, жесткий формализм инструкций, точность и скрупулезность протоколов заставляют вспомнить о бюрократическом педантизме полиции тоталитарных государств нашего времени. Можно было бы сказать: «*Summa injuria, summum jus*» («Высшая несправедливость есть высшее право» — перефразировка известного латинского изречения «*summum jus, summa injuria*» — «высшее право есть высшая несправедливость», т. е. право, доведенное до крайнего формализма, приводит к бесправию, — прим. ред.). Террор порождает исключительную пунктуальность.

Перейдем теперь к врагам и жертвам инквизиции. На протяжении около половины столетия активность инквизиции почти полностью была направлена на борьбу с иудаизмом. Было совершенно очевидно, что изгнания евреев недостаточно для превращения всех конверсо в добрых христиан. К 1500 году в Андалусии вопреки террору инквизиции или вследствие этого террора распространились мессианистические движения. Подобные проявления марранизма лишь облег-

чали репрессии. В Кордове инквизитор Люсеро воспользовался этим, чтобы удесятить террор и чтобы приняться за морисков и за потомственных христиан, у которых он конфисковывал имущество и на чьих друзей возводил обвинения. В конце концов он предъявил обвинение самому архиепископу Гранады преподобному Эрнандо да Талавера. Андалусское дворянство стало угрожать восстанием; наконец, после многочисленных интриг великий инквизитор кардинал Сиснерос сместил Люсеро с его поста в 1508 году.

Времена неподкупного Торквемады были уже далеко; за несколько лет андалусская инквизиция превратилась в рассадник шантажа и грабежей.

Тем не менее крайние меры инквизиции нанесли тайному иудаизму серьезные удары. К 1530 году аутодафе стали редкостью из-за отсутствия практикующих иудаизм. Во второй четверти этого столетия новые категории врагов веры стали все больше привлекать внимание инквизиции. Среди них были находящиеся в самом низу социальной лестницы мориски Гранады, которые к тому же изначально приняли крещение

под угрозой силы. Среди социальных верхов это были лютеране и другие сторонники Реформации. Эти последние, несмотря на свою малочисленность, рассматривались как источник особой опасности. Испания превратилась в эту эпоху в бастион воинствующего католицизма, и в глазах инквизиции сторонники Реформации были близки к чему-то подобному евреям, спрятанным под новой маской. Этот пункт заслуживает более подробного рассмотрения.

Нельзя забывать связь Реформации с гуманистическим движением, с возвратом к античным источникам, с первым расцветом философии и переводами Библии. До протестантского раскола интеллектуальная элита Испании приняла страстное участие в этом движении. Никто иной как великий инквизитор Сиснерос собрал команду знатоков иврита и греческого, которые в 1515 году представили текст знаменитой *Biblia Polyglotta*. Речь шла, по словам самого Сиснероса, о необходимости «исправить книги Ветхого Завета по еврейскому тексту, а книги Нового Завета по греческому тексту, чтобы каждый бого-

слов мог обращаться непосредственно к источникам», или, как более кратко формулировали некоторые гуманисты, «постичь еврейские истины».

Но уже вскоре Лютер продемонстрировал миру, какие выводы можно было извлечь из анализа этих истин. Кроме того выяснилось, что некоторые тайные иудаисты пользовались кастильскими переводами Библии, чтобы обучать своих детей Закону Моисея. В результате эти переводы были осуждены и включены в перечень запретной литературы. С этого времени жесткая книжная цензура стала одной из основных задач инквизиции, причем в этой области ей удалось добиться таких успехов, что по словам одного инквизитора конца XVIII века Библия (т. е. собственно книга как предмет) превратилась для испанцев в вещь, внушающую ужас и отвращение (Этот инквизитор, Вильянуэва, писал в 1791 году: «То рвение, с которым Святой Престол старался изъять текст Библии из рук простого народа, хорошо известно. В результате тот же самый народ, который раньше стремился к ней, теперь

смотрит на нее с ужасом и отвращением; многим она безразлична, большинство ее не знает».)

В этих условиях любые самостоятельные рассуждения по поводу священных текстов были запрещены, и даже простое стремление читать эти тексты могло с полным правом рассматриваться как знак принадлежности к еврейству, поскольку эти тексты были еврейскими. Таким образом, можно видеть, как откровение на Синае, ставшее общим достоянием всего Запада, способствовало преследованиям евреев и их уничтожению. В результате, когда в Испании начались гонения на гуманистов, сын великого инквизитора Манрике писал своему знаменитому другу Луису Вивесу: «Отныне стало само собой разумеющимся, что в Испании невозможно быть сколько-нибудь культурным человеком без того, чтобы преисполниться ересями, преступлениями и пороками иудаизма. Итак, ученых людей заставляют хранить молчание, внушая им ужас. . . »

Ситуация особенно ухудшилась после восшествия на престол в 1558 году Филиппа II, когда

Испания превратилась в своего рода тоталитарное государство. Жесточайшие репрессии обрушились на головы протестантов: были обнаружены две небольшие общины в Севилье и Вальядолиде. Архиепископ Толедо Карранса подвергся преследованиям и умер в тюрьме за то, что он опубликовал «комментарий к Катехизису», некоторые фрагменты которого показались сомнительными. Ввоз и хранение запрещенных книг стало преступлением, за которое грозила смертная казнь. Все испанские студенты были отозваны из иностранных университетов и должны были предстать перед инквизицией. На инквизицию была также возложена обязанность осуществлять надзор за всеми иностранцами, проживающими в Испании и следить, посещают ли они мессу, ходят ли к исповеди, знают ли они молитвы и ведут ли себя как добрые католики.

«Можно сказать,—писал Марсель Батайон,— что вся Испания спасается за своего рода санитарным кордоном, чтобы отгородиться от какой-то ужасной эпидемии»,—и основным вирусом этой эпидемии был еврейский вирус. Знамени-

тый богослов Сантотис защищал как раз в это время на Тридентском соборе свой тезис о том, что протестанство является ничем иным, как возвратом к иудаизму. Другие теологи заходили еще дальше и утверждали, что иудаизм лежит в основе всех ересей, включая ислам. Инквизиторы извлекали отсюда свои выводы и занимались поисками еврейских корней у последователей Лютера и других еретиков и включали это в обвинительное заключение в качестве отягчающего обстоятельства.

Достаточно прочесть следующий отрывок из приговора к смертной казни, вынесенного Педро де Касалья, главе лютеранской общины Вальядолида:

«... упомянутый Педро де Касалья, потомок рода обращенных евреев со стороны отца по всем линиям и по линии матери, донны Леоноры де Виверо, по линии ее матери, пребывал в убеждении, что благодаря страданиям и достоинствам Спасителя нашего Иисуса Христа все грешники будут спасены, для чего не потребуется никаких усилий и никакого покаяния и т. д.».

Богослов Луис де Леон, один из тех, кто составляет бессмертную славу Испании, вступил в конфликт с инквизицией из-за того, что он выразил сомнения по поводу безупречности текста Вульгаты св. Иеронима (латинский перевод Библии, осуществленный Иеронимом на рубеже IV-V веков и канонизированный в 1548 году Тридентским собором,- прим. ред.). Один из следователей инквизиции, занимавшихся делом Луиса де Леона, писал по этому поводу: «Пусть обвиняемый не осмеливается утверждать... , что Святой Дух открыл ему, который не столь свят и даже не является потомственным христианином.» то, что Он скрыл от достопочтенного святого Иеронима».

История жизни и смерти Луиса де Леона такова: он был еврейского происхождения по трем генеалогическим линиям, родился в 1375 году и умер восьмидесятилетним стариком; христианство принял в 1415 году. В 1491 году инквизиция установила, что после своего обращения он продолжал соблюдать иудейские обряды, предала его посмертному суду и сожгла его останки.

В результате у его детей было множество неприятностей, отразившихся на судьбе самого дона Луиса, уже ничего об этом не узнавшего. Но инквизиция тщательно обновляла свои генеалогические досье. Этот пример хорошо показывает сложность и запутанность испанской ситуации, на которую существенно повлияли евреи и мавры, и где было общепринятым мнением, как мы это вскоре увидим, что вирус еврейства передавался по наследству (в современных терминах речь могла бы идти об особом патологическом гене).

Само это убеждение, это подозрение, висевшее над головами новообращенных христиан, даже если они не являлись *sambeniti* в прямом смысле этого слова, вызывало в них горечь и сомнения, в результате их правоверность оказывалась менее твердой, чем у потомственных христиан. Горожане, как правило, хорошо образованные, они оказывались вдвойне открытыми для новых идей; таким образом возникал своего рода замкнутый круг, который подкреплял общепринятую идею о вредоносности еврейской крови.

Что же касается настоящих тайных иудеев, т. е. испанских марранов, то террор инквизиции истребил их до такой степени, что к 1570-1575 годам их уже практически не осталось. Но в 1580 году превратности истории способствовали тому, чтобы борьба с марранизмом вышла на первый план в задачах кастильской инквизиции и к тому же усилила испанскую манию по поводу евреев.

В 1580 году после поражения и смерти в Марокко короля Себастьяна Португалия была присоединена к Испании. Португальская инквизиция, существовавшая уже около тридцати лет, удвоила свои усилия. В то же время переход через испанскую границу оказался сильно упрощен, в результате чего португальские марраны, гораздо больше утвердившиеся в традициях тайного иудаизма, чем испанские новообращенные, в больших количествах распространились по всему полуострову. Вовлеченные в борьбу с инквизицией, они содержали в Риме что-то вроде постоянного лобби, с помощью значительных взносов в папскую казну добивавшееся коллективных помилований, которыми в основном пользова-

лись богатые марраны, в то время как бедные и неудачники попадали на костер. В результате всего этого испанское население пришло к убеждению, что португалец и еврей—это одно и то же. Что касается других народов, то они легко распространили аналогичное подозрение на всех жителей Иберийского полуострова, чему имеется бесчисленное количество свидетельств от Рабле до Мартина Лютера (В «Гаргантюа и Пантагрюэле» Пантагрюэль не принимает испанское оружие, потому что «его отец ненавидел всех этих идальго, марранизированных как сам Дьявол»). Что же касается Лютера, то он восклицал: «Я предпочитаю иметь дело с турками как с врагами, чем с испанцами как с сюзеренами, большинство из них марраны, обращенные евреи».)

**Культ чистоты крови или
иберийский расизм.**

Первые декреты, устранявшие обращенных евреев из общественной жизни Испании, были приняты во время восстания потомственных христиан Толедо в 1449 году. Это весьма показательно: статуты «чистоты крови», ничего общего не имеющие с христианскими принципами, были сформулированы и навязаны общественным мнением. Государственная власть всего лишь их санкционировала; церковь сделала то же самое, хотя иногда и не без некоторого сопротивления. Семантическое развитие отражает постепенное усиление расистских концепций—термин «новообращенный христианин», или «конверсо», первоначально обозначавший именно принявшего христианство еврея или мавра (мусульманина), расширил свое значение и стал обозначать всех, у кого были еврейские предки. Отметим сразу же, что потомкам мусульман практически не приходилось особенно страдать от дискриминации: с одной стороны, они рассматривались как имеющие языческое, а не еврейское происхождение; с другой стороны, в подавляющем большинстве они были крестьянами и не претендовали на по-

чести и должности.

После событий в Толедо многочисленные корпорации во всех городах приняли решения не допускать «новых христиан» в свои ряды. Были также города, особенно в стране басков, которые запретили им проживание на своей территории. Таким образом видно, что это движение зародилось среди городской буржуазии; в эпоху, близкую по времени к массовым обращениям евреев в христианство, статус «старых» (или потомственных) христиан устанавливался на основании общественного мнения и не требовал еще никакой системы генеалогических доказательств. Хотя отношение знати было в целом более сдержанным, рыцарские ордена включились в общее движение: с 1483 года орден Алькантара ввел принцип доказательства чистоты крови для своих членов; орден Святого Иакова сделал то же самое в 1527 году со специальным исключением из этого принципа в пользу потомков мавров. Установился также обычай исключать новообращенных христиан из сферы благотворительной деятельности религиозных фондов и не допускать их

в так называемые «Colegios Mayores», элитные университетские колледжи, из выпускников которых рекрутировалась правящая каста Испании. Именно в этих питомниках будущих министров и будущих прелатов процедура доказательства чистоты крови в дальнейшем стала особенно скрупулезной и причудливой.

Что касается церкви, то ситуация варьировалась в разных монашеских орденах и провинциях. Орден Святого Иеронима был первым, который в конце XV века ввел ограничения в свой устав; францисканцы сделали то же самое в 1525 году; у доминиканцев каждый монастырь следовал своим собственным обычаям; ниже мы обсудим, как обстояли дела у иезуитов. В данном случае речь шла о менее жесткой дискриминации, чем у мирян. Большинство орденов допускало в свои ряды конверсо из семей, исповедующих христианство на протяжении четырех поколений. В случае обычного духовенства практика была еще более разнообразной: были епархии, в которых новообращенный не мог стать даже певчим в хоре, но были и другие, где ничто не препятствовало ему

стать епископом.

К середине XVI века статуты чистоты крови приобрели силу закона. С 1536 года локальный конфликт побудил Карла V встать на сторону потомственных христиан и дать свою императорскую санкцию статутам. Но решающую роль сыграло очищение капитула Толедо, в котором новообращенные приобрели могущественные позиции.

Человек, объявивший им войну, Хуан Мартинес Силисео, архиепископ Толедо, был воплощением образа мыслей потомственных христиан. Он родился в семье простых тружеников, его юность была полна всевозможных авантур— он сбежал из дома в возрасте шестнадцати лет, затем изучал теологию в Париже, был выбран на роль наставника инфанта Филиппа (будущего императора Филиппа II); в 1544 году он стал архиепископом Толедо. На протяжении всей своей жизни он испытывал к новообращенным бешеную ярость. Без сомнения низость происхождения предрасполагала его к этому; посути дела люди такого рода, которые добились успеха бла-

годаря своим достоинствам, а не по праву рождения, и к которым наследственная аристократия продолжала относиться свысока, часто оказываются склонными найти какие-то иные черты аристократизма в своем происхождении. Это соображение, которое часто возникало в связи с другими проявлениями расизма, содержит основную формулу испанского расизма: хотя все «старые или потомственные христиане» не могли быть *hidalgos* (имеющими родословную), все по определению были *limpios* (чистой крови).

После продолжавшихся три года интриг, Силисео удалось полностью убедить императора в своих взглядах, добиться одобрения статутов папой, а также заключения в тюрьму его постоянных противников—заразившихся еврейским духом аристократов Толедо. Начиная с этого времени, хотя споры еще продолжались, дело новообращенных было безнадежно проиграно.

Нет ничего более показательного, чем аргументы, выдвигавшиеся Силисео в пользу статутов, в обстоятельной докладной записке, представленной им Карлу V. Свои богословские ар-

гументы он в основном черпал в Библии, что вполне естественно, напоминал ли он о том, что служба в Храме могла быть доверена лишь одному только колену левитов, или сравнивал но-вообращенных с аммонитянами и моавитянами. Но он также умел находить аргументы и в евангелиях. Само явление Христа среди евреев, восклицал он, указывало на то, что он знал об их испорченности и хотел принести исцеление туда, где в этом была самая большая необходимость. Он цитировал Евангелие от Матфея: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (1X,12). Это высказывание было адресовано мытарям. Но даже жизнь сподвижников Иисуса обеспечивала Силисео аргументами в пользу доказательства врожденной испорченности еврейской расы: разве все они не покинули Господа накануне его страстей? Что же касается еврейского происхождения Богоматери, то теология Силисео просто и откровенно обходила стороной этот вопрос, так что предвосхищая «арийского Христа» нацистской теологии, он практически был близок к тому, чтобы признать Иисуса «потомственным хри-

стианином». Наконец, он противопоставлял благородную старую христианскую веру бесплодной эрудиции священников из числа новообращенных таким образом, что она также напоминает некоторые общие места антисемитской пропаганды современной эпохи. Хочется сказать, что архиепископ Севильи был их видным непризнанным предшественником.

Толедское дело вызвало отклики по всей Европе. В Париже Анри Моруа, профессор Священного Писания в Сорбонне, опубликовал в 1552 году длинный трактат, в котором он брал под защиту «потомков патриархов, обратившихся в истинную веру», и без труда доказывал несовместимость католичества и расизма. Даже в самой Испании доминиканец Доминго Балтанас имел мужество высказать аналогичные доводы в памфлете «О разногласиях среди потомков», опубликованном в 1556 году, где он ставил на одну доску потомков язычников и потомков евреев, «поскольку одни из них не отличаются от других ни по происхождению, ни по своей вине в смерти Сына Божия». Затем он перечислял самые вид-

ные фамилии обращенных—Санта Мария, Коронель, Талавера,—и описывал те благодеяния, которыми они одарили Испанию. Но ему этого не простили: он подвергся преследованиям как еретик и был приговорен в 1563 году к пожизненному заключению.

Единственным человеком, который всю жизнь не обращал никакого внимания на табу чистоты крови, был Игнатий де Лойола. Высокое происхождение и миссионерский гений дали основателю ордена иезуитов иммунитет против расистской заразы. Он даже воскликнул однажды, что считал бы большой привилегией иметь одну кровь с Христом. Не обращая никакого внимания на общественное мнение своей эпохи, он избрал новообращенного Диего де Лаинеса в качестве своего преемника, а другого, Хуана де Поланко, сделал своим секретарем. После его смерти орден Иисуса сохранял эту позицию на протяжении тридцати лет, несмотря ни на какое давление. В конце концов ему пришлось капитулировать: в 1592 году были утверждены статусы и все новообращенные христиане были изгнаны

из рядов ордена, пошли даже на то, чтобы по-смертно подделать генеалогию Диего де Лаинеса. С этого времени испанские иезуиты отличались особой строгостью в применении статуты.

После того как «чистота крови» стала неотъемлемой частью веры, оставалось выяснить, кто являлся потомственным христианином, а кто нет. Это не было простым делом. У представителей социальных низов в этом отношении имелось то преимущество, что не было способов вести расследование по их поводу из-за отсутствия регистрации гражданского состояния, а также общественного интереса к их родословной. Что же касается знати, то ее кровные связи с евреями стали очевидными; в том же самом году, когда Силисео начинал свою борьбу, увидел свет знаменитый памфлет «Возмутитель спокойствия испанской аристократии», авторство которого приписывалось кардиналу Мендоса де Бобадилья. Из этого сочинения следовало, что все высшие фамилии имели кровные связи с евреями. Эта скандальная хроника выдержала около десятка переизданий даже в XIX веке.

Какова бы ни была точность воспроизведения генеалогий в этом памфлете, нет никакой нужды повторять, что чистота крови является мифом и что не бывает испанцев, вообще не имеющих хоть одного обрезанного предка. В качестве потомственных христиан признавались те, против кого не было обвинений, или те, чья генеалогия не уходила далеко в прошлое. В результате дело превратилось в игру—«кто потерял, тот выиграл», потому что дети от неизвестных родителей безусловно выигрывали (Возможно существует связь между проблемами, возникавшими при определении «чистоты крови», и обычаем, который мадам д'Ольнуа описывает в своих путевых заметках следующим образом: «..Довольно странно, что найденные дети считаются благородного происхождения и имеют право на титул идальго и на все привилегии знатности. Но для этого необходимо доказать, что они были найденышами и что их вскормили и воспитали в приюте, куда обычно помещают таких детей.» (Опубликовано в Париже в 1699 году).).

На практике при рассмотрении вопроса о при-

еме в монашеский орден или колледж за счет претендента проводилось расследование, в частности в месте его рождения, чтобы установить его «непринадлежность к еврейской расе». Это расследование часто оказывалось весьма дорогостоящим делом, потому что нужно было оплачивать не только самих следователей, но также свидетелей, затыкать рты недоброжелателям и профессиональным шантажистам. Среди отвергнутых оказывались и подлинные потомственные христиане; некоторые ведущие колледжи отвергали даже претендентов, ставших жертвами ложных слухов, поскольку подобно жене Цезаря они должны были быть вне подозрений. Но были и фамилии явно еврейского происхождения, которым удавалось проскользнуть в число избранных. Наиболее странный случай произошел с семьей Санта Мария, которая была допущена в привилегированный круг «чистой крови», поскольку предполагалось ее происхождение от рода Святой Девы, как об этом эксплицитно сказано в официальном уведомлении о королевских льготах.

Изучая процедуру этих расследований, можно увидеть всю закулисную активность, тонкий нажим и безжалостный шантаж. Нет риска ошибиться, предполагая, что могущество некоторых инквизиторов, многие блестящие карьеры и неожиданные падения были связаны с владением некоторыми документами или списками, которые всячески старались сохранить в тайне. Многие вещи оставались окутанными глухим молчанием. Limpieza (своего рода знатность крови) была гораздо более серьезным делом, чем даже социальная знатность.

Меморандум, составленный в 1600 году, уточнял в этой связи: «В Испании существует два вида знатности: старшая, определяемая дворянским происхождением, и младшая, зависящая от чистоты крови. В Испании в большей степени почитают простолюдина чистой крови, чем идальго, не имеющего этого достоинства». Крайне показательной представляется констатация того факта, что испанская литература Золотого века, которая уделяла столько внимания вопросам чести и «старшей» знатности, избегала касаться

вопросов «младшей» знатности за исключением комических и плутовских жанров, в которых, напротив, намеки этого рода встречаются в изобилии. Это прекрасно подтверждает табу, под которым находились эти вопросы, и тот привкус непристойности, который здесь присутствовал.

Когда к середине XVI века статуты чистоты крови приняли форму закона, «новые христиане» Испании составляли 4-5% населения страны и представляли собой особую социальную группу или касту, зажиточную и образованную, достаточно тесно связанную с высшей аристократией, иногда находящуюся под ее покровительством или у нее на службе, но для которой было запрещено любое продвижение вверх по социальной лестнице из-за отсутствия «младшей» знатности. В результате их существование в Испании эпохи Возрождения было постоянной трагедией.

«Двусмысленная улыбка, брошенный взгляд, разговор о рыцарских орденах или привилегированных колледжах, а часто и произвольные бытовые случайности,—все это поддерживало по-

стоянный огонь, в котором они сгорали от горечи и досады. Мужчины, для которых честь была культом, готовые обнажить шпагу, чтобы отомстить за малейшее оскорбление, оказывались беззащитными перед этим бесчестьем, давившим на них. Даже в наши дни трудно представить себе жизнь какого-нибудь провинциального идадьго с темным пятном в его происхождении. Одни искали убежище в набожности и отречении; другие, более нетерпеливые, пытались упорно сопротивляться в стремлении добиться реабилитации, которую могли им обеспечить только время и забвение». Так описывает крестный путь новообращенных их лучший историк М. Домингес Ортис.

В некоторых старинных текстах эта печаль проявляется с еще большей силой. «В Испании,—писал один францисканец в 1586 году,—не так позорно быть богохульником, вором, бродягой, совершать супружеские измены, святотатства, иметь любые другие пороки, как иметь еврейское происхождение, даже если предки обратились в святую католическую веру две-

сти или триста лет назад. . . » Далее он продолжал: «Кто может быть настолько слеп, чтобы не видеть, что в Испании не найдется ни одного конверсо, который бы не предпочел происходить от язычников, чем от иудеев, и почти все согласятся отдать половину своей жизни за такое происхождение. Они в ужасе от родословной, унаследованной ими от своих родителей. . . »

Учитывая первостепенную культурную роль, которую играли конверсо, следует согласиться, что эта горечь и страдания во многом повлияли на формирование образа «трагической Испании». Влияние, оказанное ими, нашло в наши дни своих исследователей: Марсель Батайон и Домингес Ортис, Америко Кастро и Сальвадор де Мадарьяга. Были составлены или проанализированы генеалогии людей, составляющих национальную славу, таких как Луис де Леон, Луис Вивес и вплоть до Сервантеса. Но если задаться вопросом о связи между расовой драмой Испании и ее нынешним положением, то неизбежно приходится столкнуться с мало известными и исключительно сложными проблемами.

Совершенно очевидно, что болезненная озабоченность чистотой крови поддерживала скрытую гражданскую войну, которая в иносказательной форме проявилась в словах Луиса де Леона, сравнившего «королевство, где у одних изобилие почестей, а у других в избытке оскорблений» с «больным, различные настроения которого противоречат друг другу.»

Уже в XIX веке великий Менендес-и-Пелайо высказывал мнение, что «эта внутренняя расовая война явилась основной причиной упадка Иберийского полуострова». В наши дни Домингес Ортис следующим образом развивает эту идею:

«... В условиях, когда доказательства чистоты крови и дворянства в основном опирались на заявления свидетелей, положение каждого зависело от мнения остальных, а не от собственного богатства или индивидуальных достоинств. Инсинуация, оскорбление, клевета могли стать причиной таких несчастий, что их можно было искупить только смертью. Были богословы, оправдывавшие убийство клеветника, потому что он угро-

жал чести, т. е. гораздо более высокой ценности, чем жизнь. Зависящий от мнения других испанец (особенно идальго), жил в состоянии тревоги и возбужденности, которые отражали его внутреннюю незащищенность. Ему не доставало спокойного чувства собственного достоинства, увлекаемый общим потоком, он придавал больше значения видимости, чем сущности».

Мания аристократичности распространялась на все классы общества, поскольку все испанцы, за исключением конверсо, могли претендовать на «младшую» знатность по крови, и, разумеется, как можно громче заявляли об этих своих претензиях. Здесь берут истоки те нравы простого народа, которые изумляли путешественников, и описаниями которых переполнены путевые заметки: все крестьяне говорили, что они благородного происхождения, ремесленники, вместо того, чтобы работать, прогуливались со шпагой на боку. «Такова их бессмысленная честь, ставшая причиной упадка Испании»,—заключал один из этих свидетелей. Здесь находятся истоки испанской гордости, неподражаемого национально-

го характера кабальеро. Подумайте в этой связи о многих героях Сервантеса, начиная с Санчо Панса, «удачно рожденного и по меньшей мере потомственного христианина».

Если вместо того, чтобы рассматривать эти вопросы под углом зрения социальной психологии, подойти к ним со стороны экономической истории, то нельзя не заметить исключительной концентрации новообращенных христиан в сфере некоторых профессий, а именно коммерции и ремесел, которыми традиционно занимались их иудейские предки и которые тем самым были вдвойне дискредитированы. Постепенно эти профессии оказывались обескровленными, потому что новые христиане предпочитали отказаться от них в надежде облегчить забвение своей родословной, а потомственные христиане из всех сил избегали их. В XVI веке мориски и многочисленные иностранцы заполняли эту пустоту, но мориски оказались изгнанными в свою очередь в 1609 году. В дальнейшем мы увидим, как коммерция и нечистота крови в конце концов стали синонимами. Ничего удивительного, что стра-

на, в которой «технические искусства» вызывали пренебрежение, а коммерция была грехом, оказалась в упадке. Когда испанцы поняли это, было уже слишком поздно. Миражи золота и денег из Нового света, это своеобразное дополнительное проклятие, могло лишь замаскировать этот процесс обнищания и тем самым усилить его.

В этих условиях Иберийский полуостров оказался в стороне от прогресса эпохи и мощного капиталистического подъема. С этой точки зрения нет ничего более показательного, чем контраст между Испанией эпохи контрреформации и Англией или Нидерландами, ставшими кальвинистскими или пуританскими очагами индустриальной революции и современной цивилизации. Но если целая когорта эрудитов занималась всесторонним анализом проблемы зарождения капиталистического мировоззрения по периметру Северного моря, то на противоположном полюсе исторические исследования едва начались. Еще не нашлось своего Макса Вебера, чтобы изучить так глубоко, как она этого заслуживает, проблему взаимосвязей между этикой иберийского католи-

цизма, культом чистоты крови, отсутствием духа меркантилизма или капитализма и тем упадком, который за всем этим последовал.

* * *

В XVII веке мания «чистоты крови» достигла своего пароксизма. В эту эпоху «по дорогам Испании во все стороны сновали специальные агенты, доставлявшие важную информацию. В местные архивы постоянно обращались за справками и сведениями, а «старейшины» деревень постоянно имели поводы, чтобы напрячь свою память и свои знания в области родственных связей односельчан». В 1635 году полемист Херонимо де Зевальос возмущался по поводу «бесконечного числа людей, занятых добыванием информации, прокуроров чести и пожирателей состояний, разграблявших средства, которые было бы лучше истратить на полевые работы», в то время как «люди, вместо того, чтобы заниматься своими сыновьями и оставить им состояния, тратят свои богатства, которые они должны были бы завещать наследникам, на обоснование этих претензий, от чего по большей части происходит обезлюдение Испании, ибо в семье, зарегистрированной в качестве нечистой, сыновья становятся кюре или монахами, а дочери уходят в монастырь. . . » Он также осуждал «людей низкого

происхождения, которые хотят не только сравняться с благородными людьми, но и превзойти их благодаря акту о чистоте крови, который они с легкостью получают, потому что их никто не знает, и который наполняет их таким тщеславием и таким превосходством, что им ничего не стоит оскорбить и опозорить благородного кабальеро или сеньора как «нечистого».

Здесь речь не идет о преувеличениях полемиста, связанного с «зарегистрированными» семьями. Любопытная переписка между доном Фернандо де Вера, епископом Куско в Перу, и его племянником Хасинто позволяет нам более глубоко проникнуть в повседневную жизнь. Полковник кавалерии Хасинто в 1636 году ходатайствовал о вступлении в орден Святого Иоанна; подобные дела были вопросом семейной чести. Из Перу дядя, в качестве многоопытного прелата, объяснял своему племяннику, с чего следует начать, чтобы доказать чистоту крови, каким образом набрать свидетелей, дать взятки следователям, купить наемных писак. Он послал ему тысячу дукатов для осуществления этого деликат-

ного дела. Свое письмо он заключал следующими словами: «Наша кровь, разумеется, безупречна, но этого не достаточно, необходимо доказать это без осечки». Не достаточно было быть, надо было казаться! Отныне в испанской жизни появилась фигура *linajudo*, или охотника за родословными, который из нездорового интереса или из жажды наживы коллекционировал генеалогии и держал в страхе всю округу. В одном романсе были такие слова: «*Linajudo* колледжа в высоком колпаке и с большим ртом, он проводит всю жизнь в расследованиях».

В 1655 году общество *Hnajudos* Севильи, во главе которого стоял «благородный и славный кавалер» дон Фернандо де Лейва, оказалось не в ладу с правосудием. Баррионуево пишет в своих «Советах»: «Их насчитывалось от 36 до 40 человек, у них был свой писатель, свой обвинитель и другие специалисты. . . и того, кто не обращался к ним, они могли представить как племянника Казалья, Лютера или самого Магомета». Сборники и списки, в которых перечислялись семьи, связанные с евреями, сделанные по образ-

цу упоминавшегося выше «Возмутителя Испании», обычно назывались «Зелеными книгами». Их число постоянно возрастало вопреки любым запретам. В результате термин «зеленая книга» стал обозначать в современной Испании не только генеалогический справочник, но и диффаматоров. Строгость «доказательств» становилась все менее вероятной по мере того, как возрастало презрение к крови неверных. Дело дошло до того, что разыскивая «пятно» на имени одного еретика и не находя его среди предков подозреваемого, некий инквизитор, как сообщают архивы, занялся кормилицей, которая его выкормила. Ему удалось установить, что эта кормилица была еврейского происхождения, что «подтвердило его соображения» и без сомнения укрепило его душевный покой.

Подобные деликатные вопросы вполне естественно были окружены табу, которое писатели того времени осмеливались нарушать, только нацепив на себя комическую маску. Их произведения насыщены уколами и намеками, иногда вполне очевидными, а иногда довольно темны-

ми. Так, в своей новелле «Лиценциат Видриера» (или «Стекланный лиценциат») Сервантес помещает своего героя у входа в церковь: «[Лиценциат] увидел, что мимо проходит крестьянин из числа вечно похваляющихся своим «старинным христианством», а следом за ним идет другой, не имевший столь лестной славы; поглядев на них, лиценциат громко крикнул крестьянину: «Эй, воскресенье, посторонись: дай место субботе!» (пер. Б. Кржевского).

Столь же ясным выглядит и другой эпизод из той же новеллы, когда лиценциат обращается к старьевщице со словами из Евангелия: «Дочери Иерусалима, оплакивайте себя. . . !» Торговля старьем была заведомо презренным занятием. Более спорным является смысл новеллы «Чудеса за алтарем», где действуют бродячие фокусники Шанфаллаи Щирнос. Они призывали публику любоваться чудесами, которые могли наблюдать только люди с чистой кровью и законным происхождением, так что никто не осмеливался признаться, что ничего не видел там, где и нечего было видеть, и все дружно выражали свой

восторг, кто как мог. Здесь перед нами тема «Голого короля» Андерсена, но без мальчика, говорящего правду. Хотел ли утонченный Сервантес высмеять таким образом фальшивую брэнность славы, на которой держалась вся система «чистоты крови» в целом? Это уже было сказано, и представляется вполне вероятным. Подобные намеки и подобные мотивы столь же часто встречаются и у других авторов, например, у Лопе де Вега, а также у Тирсо де Молина и у Кинонеса де Бенаvente, но всегда в рамках комических и сатирических жанров.

«Эти проявления чести,—писал Марсель Баттйон по поводу «чистоты крови»,—гораздо более характерны для Испании, чем матримониальные отмщения у Кальдерона: и, может быть, по этой причине никакой драматург не осмелился развивать эту тему в серьезной манере, написать трагедию «чистоты крови» подобно тому, как существуют трагедии супружеской чести».

В дальнейшем французские философы Века Просвещения как преданные защитники разума и здравого смысла не упустили случая вы-

смеять расовый испанский комплекс. «Все, кто живет на континенте Испании и Португалии,— писал Монтескье в семьдесят восьмом персидском письме,—чувствуют необыкновенный сердечный подъем, если они относятся к тем, кого называют потомственными христианами, т. е. не ведущими свое происхождение от принявших христианство в последние века по настоянию инквизиции. Живущие в Индии чувствуют себя ничуть не менее польщенными, когда они размышляют о том, что обладают высшим по их понятиям достоинством—относиться к людям с белой кожей. Никогда не было в гареме великого повелителя более гордящейся своей красотой султанши, чем самый старый и безобразный тип гордится оливковой белизной своей кожи, когда он сидит в каком-нибудь мексиканском городке на пороге своей двери со скрещенными руками. Человек столь высокого происхождения, это столь совершенное создание, не станет работать за все сокровища мира и никогда не решится скомпрометировать низкой и механической деятельностью честь и достоинство своей кожи».

Эта очень характерная для Испании гордость бесконечно питается отвращением к проклятой расе. Процитируем отца Торрехонсильо, который в своем сочинении «Предостережение против евреев», перечислив различные грехи, наследственные пороки и преступления этой расы, уточнял:

«Для того, чтобы продолжалось так из поколения в поколение, как если бы было первородным грехом являться врагом христиан и Христа, необязательно, чтобы и отец, и мать были евреями; достаточно одного из родителей; неважно, если отец нееврей, достаточно, что мать еврейка; неважно, если и она не полностью еврейка, хватит и половины, а в наши дни святая инквизиция установила, что иудаизму продолжали следовать и в двадцать первом поколении».

Отец Торрехонсильо описывал затем достойный похвалы обычай, который существовал в колледже Святого Креста в Вальядолиде. В Святую пятницу после Тайной Вечери члены колледжа собирались вместе, чтобы обсудить проблему вины евреев в совершении Распятия. Затем

декан спрашивал каждого, что он думал о евреях: «Начиная с самого старшего, каждый должен был взять слово и рассказать об одной зарегистрированной семье, о месте ее проживания и о том, как все обходят эту семью стороной. После того, как все члены колледжа выступили и рассказали, что они знают, а также высмеяли и унизили евреев, они закрывали собрание и покидали трапезную».

Видно, что мания чистоты крови поддерживала отвращение к евреям, которое в свою очередь оправдывало сохранение расистских законов. Торрехонсильо адресовал свои писания всему христианскому народу. В юридическом комментарии Арредондо Кармоны

«*Senatus Consulta Hispaniae*», опубликованном в 1729-1732 годах и адресованном специалистам, имеется краткое упоминание евреев: «После смерти Христа евреи стали рабами. Рабы могут быть убиты, проданы, тем более они могут быть изгнаны и истреблены. Евреи гнусны, отвратительны, угнетены и находятся в самом позорном состоянии. Евреи грязны и дурно пахнут.

Евреи отвратительны даже для тех, кто не знает Христа. Евреи подобны волкам и собакам. Злоба евреев превосходит беззаконие дьявола».

Из поколения в поколение евреи продолжали быть для Испании символом ниспровержения и богохульства. Им не только строгойше запрещалось находиться на Иберийском полуострове, но в 1667 году они были изгнаны из Орана, испанского плацдарма в Северной Африке. В дальнейшем мирные договоры конца XVII века исключили крупных английских и голландских коммерсантов из-под юрисдикции инквизиции, отныне эти привилегированные еретики были терпимы на испанской земле при условии, что они не были евреями. В течение следующего столетия терпимость распространилась и на не католических ремесленников и рабочих, но по-прежнему за исключением евреев, «людей, внушающих отвращение чистому и безупречному католицизму испанцев», — гласил королевский эдикт 1797 года, предписывавший сохранение санитарного кордона по отношению к евреям. Этот эдикт был подтвержден в 1800 и 1802 годах, а в последний раз

в 1816 году. Эти запреты часто подтверждались, и в 1804 году Карл IV угрожал «суровостью своего королевского и суверенного гнева» тем, кто укроет хотя бы одного еврея от глаз святой канцелярии. Это объяснялось тем, что всегда находились последователи Моисея достаточно авантюрного склада, чтобы пренебречь этими запретами и нелегально проникнуть на испанскую территорию. Упомянем здесь один из последних подобных случаев, дело торговца из Байонны, попавшего под преследование инквизиции в 1804 году в Сантандере. Бернувиль, посол Франции, должен был приложить все свои усилия, чтобы вытащить его из этого затруднительного положения. Так начались действия Франции в защиту евреев в XIX веке, чему этот инцидент послужил первым примером. Но даже после упразднения инквизиции в 1835 году санитарный кордон продолжал действовать. В 1854 году демарши одного немецкого раввина за его отмену ни к чему не привели. Он был отменен только испанской конституцией 1869 года. Но нужно было ждать еще около столетия, чтобы Испания полностью

стерла последние следы своего прошлого в этом отношении.

IV. ЭПОПЕЯ МАРРАНОВ

Марраны Португалии

Если кастильская инквизиция сумела полностью искоренить иудаизм, то инквизиция Португалии, возможно, послужила одним из инструментов его сохранения. Справедливо, что ко времени учреждения инквизиции в Португалии в 1536 году португальские марраны парадоксальным образом были хорошо подготовлены к борьбе за выживание.

Мы видели, что они в основном являлись потомками испанских евреев, которые предпочли ссылку вероотступничеству. Итак, произошел своеобразный отбор, а общая численность этих беженцев—более 5% общей численности населения Португалии,—обеспечивала их дополнительную сплоченность. В эпоху, когда маленькая Португалия стала пионером трансокеанской торговли, они оказались там очень кстати для того, чтобы войти в это дело и развивать его, чтобы стать не только религиозной и одновременно псевдорасовой сектой, но и своеобразной торговой гильдией, имеющей отделения по всему миру. Различные имена, которыми их называли в Португалии, хорошо отражают все эти три ас-

пекта: «новые христиане», были также «людьми нации» и «людьми торговли». При своем прибытии они были иностранцами, говорящими на другом диалекте, и эта отчужденность, ставшая дополнительным препятствием для их слияния с христианами, в дальнейшем только возрастала: кастильцы в Португалии, они станут затем португальцами в Испании, а в конце концов распространят свой язык и свои обычаи в значительной части средиземноморской диаспоры. Что касается их религии, то за христианским фасадом, который отныне был неизбежен, она постепенно изменялась вплоть до своеобразного синкретизма, названного их историком Сесилом Рогом марранской религией.

Рот сообщает нам, что некоторые тайные иудеи Португалии в конце концов сохранили от иудаизма только веру в то, что спасение (понимаемое на христианский манер) возможно, если соблюдать Закон Моисея, а не Закон Христа, и что у них были свои собственные святые, «святая Есфирь» или «святой Товит». Теология большей их части не была столь синкретической,

но вынужденные подражать христианскому образу жизни, все марраны должны были отказаться от очевидных знаков и осязаемых проявлений иудаизма, в первую очередь от обрезания—самые упорные делали себе обрезание на смертном одре,—а также от еврейских книг. В качестве священной книги им оставалась доступной только христианская Библия; они отбрасывали Новый Завет, но внимательно читали апокрифы, а некоторые даже находили там оправдание своему вероотступничеству, своего рода карт-бланш на демонстративное почитание иностранных богов при том, что в глубине своего сердца они хранили верность Богу Израиля.

В самом деле, в отличие от своих испанских предшественников XV века, португальские марраны очень точно соблюдали все обряды католицизма, ходили к мессе и исповедовались, так что с полным правом они могли хвалиться, что ведут «очень христианский образ жизни». Они так сильно прониклись этим образом жизни, что в дальнейшем, оказавшись в протестантских Нидерландах, они открыли свою тайную привер-

женность иудаизму, только когда возникла угроза, что их вышлют как католиков. Их маскировка была достаточно совершенна для того, чтобы Йосель Росгеймский, «регент» евреев Германии, в 1536 году посетивший Антверпен, бывший крупным центром марранов, смог написать: «Это страна, в которой нет евреев».

Каким же образом передавалась из поколения в поколение традиция марранов? Разумеется, не могло быть и речи об откровенности с раннего детства, когда дети еще не умеют держать язык за зубами. Чаше всего это происходило в отрочестве, и даже, по-видимому, обряд Бар Мицва, или религиозной зрелости, превратился в своего рода мистическое посвящение. Обычно мать семейства руководила этим обрядом. В общем, тайный иудаизм часто сохранялся благодаря женщинам, которые в конце концов станут настоящими священнослужительницами (*sacerdotisas*), последними марранами XX века.

Но в то же время марранизм сохранялся благодаря не только этой тайной верности убогих и

женщин, но вследствие разумного выбора молодых людей и зрелых мужчин, чьи протесты он выражал или чьи сомнения он отражал. Их происхождение было крайне смешанным, а иногда среди них даже попадались потомственные христиане. Это нам известно благодаря архивам инквизиций, которая заботилась о том, чтобы как можно точнее установить генеалогию обвиняемых. О том же свидетельствует и традиция марранов, которые почитают память мучеников, таких как францисканский монах Диогу де Ассунсау, сожженный в 1603 году, среди предков которого был только один еврей, или верховный судья Жил Вас Бугалью, потомственный христианин, примкнувший к мессианской секте и сожженный в 1551 году. Марранизм мог возродиться и распространяться среди новообращенных христиан чистого происхождения самыми различными путями: являясь свидетельством верности у одних, он мог выражать конфликт поколений у других, когда обратившийся в иудаизм сын противопоставлял себя преданным христианству близким.

При чтении знаменитой биографии Уриэля да

Коста именно так выглядит история его жизни. Он покинул христианскую семью в Португалии, чтобы стать иудеем в Амстердаме, затем погрузился в какую-то разновидность поклонения природе и покончил жизнь самоубийством. В конце своей биографии он задает себе вопрос: «Какой дьявол толкнул меня к иудеям?»

Неуверенность и печаль марранов выражалась и в частых мессианских движениях, в попытках здесь и сейчас исправить невыносимое положение вещей, что к тому же соответствовало еврейским политическим традициям Иберийского полуострова и воспоминаниям о евреях-министрах прошлого. Упомянем в этой связи личность Давида Реувени, еврейского авантюриста темного происхождения, который в 1524 году предстал перед двором папы Климента VII в качестве посланника некоего еврейского королевства на Востоке и предложил папе заключить союз против мусульман. Папа принял всерьез его рассказы и послал его к королю Португалии, куда он и направился на корабле под еврейским флагом. Марраны возликовали, решили, что на-

стал час свободы, и даже атаковали врукопашную тюрьму инквизиции в Бадахосе. Один из них, Диогу Пирес, официально вернулся в иудаизм под именем Соломона Молху и примкнул к Реувени. Вдвоем они объехали с 1524 по 1532 год всю Европу с фантастическими планами, даже были приняты Карлом V, но оба кончили свою жизнь на костре.

Если положение марранов могло способствовать мечтам такого рода, то оно было еще более благоприятно для духа коммерческого авантюризма. На протяжении XVI века предприимчивые португальские «люди коммерции» распространяются по всем частям известного тогда мира и в качестве пионеров развивающегося капитализма ткут сеть новых торговых отношений. Они покидают родину отнюдь не только для того, чтобы спастись от инквизиции и иметь возможность мирно исповедовать иудаизм, как это представляет наивная историография. Но было бы столь же ошибочным в процессе изучения их морских путешествий и предприятий абстрагироваться от их положения и пренебрегать их ве-

рой, к чему иногда бывает склонной в наши дни слишком изысканная ученость. В конце концов, коммерция различными обходными путями могла способствовать сохранению веры, безусловно в весьма смягченной форме, в сердцах многих крупных экспортеров и торговцев. Прежде всего не следует забывать, какую роль в коммерческой жизни прошлого играли родственные и клановые связи. Быть марраном—это также означало быть включенным в большое тайное общество защиты и взаимопомощи. Возвращение позднее, в Салониках или Амстердаме, к открытому исповедованию иудаизма означало вступление в члены могущественного коммерческого консорциума, так что эта естественная натурализация могла вызывать замечательное религиозное возрождение.

Быть марраном означало прежде всего состояние постоянной борьбы против португальской инквизиции. Начиная с 1536 года инквизиция вела яростную кампанию, жестокость которой постоянно возрастала. Несчастных преследовали в городах и деревнях, в лесах и горах. Запылали костры, в отчетах об аутодафе часто не указыва-

ется, что именно послужило причиной смертного приговора «новым христианам», с какой именно молитвой на устах они умирали. . . После сожжения 14 октября 1542 года двух десятков еретиков печально знаменитый инквизитор Лиссабона высоко оценил их мужество: «Ничто так не удивило меня, как зрелище того, что Господь вложил столько твердости в слабую плоть; дети присутствовали при сожжении своих родителей, а жены при казни своих мужей, но никто не кричал и не плакал; они прощались и благословляли друг друга, как если бы они расставались, чтобы встретиться на следующий день». По сути, после учреждения португальской инквизиции, функция марранов осталась без изменения—питать те же финансовые системы или через западную инквизицию, или через казну Святого Престола, раздававшего коллективные и индивидуальные милости и прощения.

Мы увидим далее, как и в каких условиях марраны бежали за границу. Те, у кого на это не было денег или энергии, забивались в самые дикие и укромные уголки Португалии, где остатки мар-

ранизма сохранились вплоть до нашего времени. После 1580 года многие ушли в Испанию. В Севилье, перекрестке торговых путей в Индию, в 1640 году находилось около двухсот «португальских негоциантов»; в Мадриде в ту же эпоху наиболее предприимчивые из них составляли конкуренцию гонуэзским банкирам в области финансовых операций с королевским двором. По всей Испании они с некоторыми перерывами вплоть до середины XVIII века попадали на костры испанской инквизиции.

Что касается тех, кто продолжал вести в Португалии тайную жизнь, их социальный и интеллектуальный уровень постоянно понижался, в чем инквизиторы не замедлили убедиться. Во время одного аутодафе в 1705 году архиепископ так обрушился на них: «Жалкие остатки иудаизма! Несчастные обломки синагоги! Последние пережитки Иудеи! Вами возмущаются католики и вас высмеивают даже сами евреи!... Вы пошмище для евреев, потому что даже не умеете соблюдать те законы, по которым живете». В цепи поколений марранизм постепенно утра-

чивал свое драматическое содержание. Эмиграция в протестантские страны продолжалась, вытягивая из страны сильные личности: в массах отказ от христианства превращался в тайный и мирный антиклерикализм. В 1773 году энергичный реформатор Португалии маркиз де Помбал одним росчерком пера отменил все юридические различия между новыми и старыми христианами (Здесь нельзя не вспомнить легендарную историю, связанную с этим: «... Король Португалии Жузе I приказал, чтобы любой португалец, имеющий хоть какие-то родственные связи с евреями, носил желтую шляпу. Через несколько дней маркиз де Помбал появился при дворе, держа в руках три таких шляпы. Удивленный король спросил: «Что вы хотите делать со всем этим?» Помбал ответил, что он намерен исполнять приказ короля. «Но,—спросил король,—зачем вам три шляпы?—Одна из них предназначена для меня самого,—ответил маркиз,—другая для великого инквизитора, а третья на случай, если Ваше Величество пожелает покрыть голову»). Инквизиция потеряла свою основную цель, стала быст-

ро клониться к упадку и была упразднена в 1821 году. Но религия марранов от этого не исчезла. Она продолжала влачить свое темное существование, сочетая публичное соблюдение христианских обрядов с тайным исповедованием иудаизма. В то время как на всем протяжении XIX века евреи за Пиренеями считали, что на Иберийском полуострове исчезли все следы иудаизма, португальские марраны со своей стороны были уверены, что они остались последними и единственными евреями в мире.

Их открыли заново в XX веке после Первой мировой войны, и тогда узнали, что они делились на две группы в некотором соответствии с ситуацией, сложившейся со времен средневековья: одни, верные христиане, которых, однако, все остальное население считало евреями. Другие, менее многочисленные, сами считали себя таковыми; под воздействием своих старинных священных обязанностей они продолжали соблюдать некоторые еврейские праздники, читали по-португальски древние молитвы и отвергали за закрытыми дверями того же самого Христа, чью

божественность они славили в церквях. Всего их насчитывалось несколько тысяч, проживавших в отдаленных районах Северной Португалии, это были скромные ремесленники и крестьяне, в большинстве своем неграмотные.

В 1925 году солидные еврейские организации Франции и Англии заинтересовались этим потерянном племенем славного сефардского еврейства и попытались создать в Португалии нечто вроде еврейской миссии. Но теплой встречи не получилось, и эта попытка осталась безрезультатной. Вероятной причиной этого могло быть то, что «они были убеждены в необходимости почитать этого Бога только тайно и что публичные проявления веры были бы профанацией»? (Сесил Рот).

Потомки вынужденных марранов, стали ли они добровольными и сознательными марранами по образцу «дёнме» из Салоник, о которых речь пойдет через несколько страниц? Еще остались те, кто и в наши дни продолжает придерживаться собственных традиций исповедования иудаизма в современной Португалии. О них чрезвычай-

но мало известно, отметим их забавное объяснение того, почему к ним применяется название евреи: «Нас называют евреями (Judcus),— говорят они,—потому что мы друг другу помогаем (ajudarmos)». В Португалии некоторые избегают касаться этих вопросов, но перебравшись во Францию, они стараются навести справки о своем происхождении (как мне об этом сообщил М. Г. Рейс, руководитель вещания на португальском языке французского радио).

Дисперсия марранов

За изгнанием 1492 года, которое привело несколько десятков тысяч испанских евреев в Берберию (Северная Африка), Турцию и те редкие христианские территории, куда они могли получить разрешение на въезд, последовало два века медленной и постоянной эмиграции марранов. В Португалии эти отъезды, иногда легальные, иногда подпольные, обычно оказывались связанными с финансовыми операциями. В Испании они всегда были опасными, поскольку усиливали подозрения в иудаизме. Но некоторые обстоятельства могли облегчить нелегальную эмиграцию. Так, в 1609-1614 годах во время изгнания морисков некоторое количество тайных португальских евреев и испанских новообращенных сумело проникнуть в их ряды и пересечь Пиренеи. Интересно отметить, что переговоры о въезде марранов во Францию вел марран Лопес, будущее доверенное лицо кардинала Ришелье. Немного раньше обсуждался вопрос о разрешении обосноваться во Франции пятидесяти тысячам португальских марранов, «людей благоразумных и трудолюбивых».

Основной страной, принимавшей марранов, была Турция, старавшаяся привлечь иберийских евреев после завоевания Константинополя. После изгнания евреев из Испании султан Баязид якобы сказал: «Вы называете Фердинанда мудрым королем, его, разорившего свою страну и обогатившего нашу!» По словам французского посла д'Арамона (1547г.): «Население Константинополя составляют в основном турки, затем бесчисленные евреи, т. е. марраны, изгнанные из Испании, Португалии и Германии, которые обучают турков ремесленным искусствам, большинство торговцев также евреи». Его современник и соотечественник Никола де Николаи уточняет: «Среди евреев есть замечательные специалисты и рабочие по всем видам искусств и мануфактур, особенно марраны, незадолго до того изгнанные из Испании и Португалии. К большому огорчению и ущербу для христианского мира они обучили турков многим изобретениям, техническим приспособлениям и военным машинам, например, артиллерии, аркебузам, артиллерийскому пороху, пушечным ядрам и другому оружию».

Но еще более крупным, чем Константинополь, еврейским центром Восточного Средиземноморья и главным городом, куда направлялись марраны, стали Салоники. Раввины рекомендовали всячески содействовать им, чтобы любой ценой они вновь стали правоверными евреями. Знаменитый Самуэль де Медина считал, что это богоугодная цель, оправдывающая даже обман и злоупотребления. Другие мудрецы не колеблясь провозглашали, что раскаявшиеся марраны это самые лучшие евреи, превосходящие самых набожных евреев. Когда в 1556 году два десятка марранов были сожжены в Анконе, евреи Турции ответили на это попыткой организовать международный бойкот. Но возвращение в иудаизм не всегда было легким делом. Рядовые евреи относились к марранам негативно и называли их, что являлось высшим оскорблением, — Kistanios (а не Kristianos, чтобы избежать произнесения имени Христа). Даже в странах ислама, где легче было быть иудеем, чем христианином, двусмысленность положения марранов было нелегко преодолеть.

Большое число марранов обосновалось также в Северной Африке, поблизости от Иберийского полуострова. Испанские и португальские власти старались воспрепятствовать их переходу к «туркам», которые были их традиционными врагами. Поэтому многим марранам потребовались долгие годы, чтобы попасть в Левант или Берберию длинным кружным путем, с длительными остановками в Италии или Фландрии. Некоторым так никогда и не удалось добраться до цели, потому что одних перехватила инквизиция, а другие соблазнились по дороге местными перспективами и возможностями.

Очевидно, что маршруты странствований марранов зависели от действия множества факторов, среди которых на первом плане находились юридические и коммерческие. Как сформулируют позднее негоцианты Парижа, «это похоже на капельки ртути, которые бегают, рассеиваются, но при малейшем уклоне собираются в единое целое». Там, где мистики действуют так, как подобает мистикам, торговцы ведут себя как торговцы. И если первые направлялись туда, где они

могли свободно исповедовать иудаизм, то вторых привлекали крупные торговые центры. Таким образом, следуя конъюнктуре эпохи, марраны оседали в XVI веке в Антверпене, Венеции, Анконе, Салониках, Бордо, а в XVII веке—в Амстердаме, Гамбурге и Лондоне, расселяясь также и в Новом свете. Правительства всех христианских стран, исключая только страны их происхождения, научились пользоваться финансовыми выгодами, которые можно было извлекать отсюда, и поэтому принимали их с распростертыми объятиями и предоставляли им многочисленные привилегии. Папская канцелярия показала в этом пример, принимая их с 1525 года в восточном порту Анконе. Практически не существовало сколько-нибудь значительного порта, где бы они не обосновались, и в качестве международной гильдии морской торговли они насчитывали в своих колониях даже марранов, искренне исповедовавших католичество.

Доклад одного шпиона инквизиции, посланного в 1632 году во Францию, чтобы провести

расследование по этому поводу, содержит некоторые детали на эту любопытную тему: в Бордо были католиками один кюре-марран, его братья и еще два или три лица; в Руане «из 24 или 26 семейств марранов, 8 или 10 были католическими», в Антверпене «есть все», но в Амстердаме имеется только один марран-католик, которого поддерживают его руанские братья, Мы уже отмечали случаи перевернутого марранизма в мире ислама, где по аналогии с возрождением иудаизма у португальских и испанских конверсо происходил возврат к христианству в третьем или четвертом поколении иудеев-марранов.

Но кем бы они ни были, евреями, христианами или откровенными нечестивцами, во всех своих злоключениях марраны странным образом продолжали оставаться испанцами; как если бы подозреваемые и осуждаемые со всех сторон, они старались таким образом надолго сохранить свою глубинную идентичность. Таким образом, еврейская Испания продолжала свое существование за пределами собственно Испании. Кастильский (или португальский) язык звучал на улицах

Салоник, Ливорно или Амстердама. Именно на кастильском языке, используя латинские или еврейские буквы, марраны вели между собой переписку и публиковали свои труды. Отказ от христианской маски ничего не изменил. Эта светская верность испанскому языку, который стал языком ладино у сефардов, не является единственным или самым ярким свидетельством их глубокой испанизированности. В 1601 году в связи с коммерческой тяжбой евреи Венеции объявили, что «хотя их и изгнали из Испании, они по-прежнему продолжают считать себя подданными Католического Величества». Хитроумие торговцев, не имеющих ни веры, ни закона? Но именно марраны Руана в 1641 году спасли испанских узников накануне битвы при Рокруа; другие бывшие марраны в 1578 году в Фесе проявили гуманизм по отношению к португальским пленникам после разгрома армии вторжения.

В 1736 году, после того как испанский гарнизон покинул Ливорно, французский агент сообщал в Париж следующее:

«Еврейский народ много теряет с уходом ис-

панцев. Трудно поверить в то, какое хорошее отношение и бескорыстную справедливость проявляли испанцы к евреям в различных ситуациях, которые могли иметь место, к изумлению местных жителей, готовых к тому, что они будут здесь в катастрофическом положении, как это происходило в Испании. А испанцы во всеуслышание заявляли, что в этой стране они не обнаружили никого, кроме евреев, кто бы хорошо к ним относился и верно им служил».

Это показывает, как на чужбине испанские евреи и испанские солдаты, в равной степени оказавшиеся в изгнании, отнеслись друг к другу как соотечественники. Эта гуманистическая нота напоминает, что отношения между испанцами и марранами состояли не только лишь из преследований с одной стороны и злопамятности с другой.

В этих условиях легче понять, как столько марранов могли отправляться в Испанию для занятия коммерцией под маской христианства, так же как и то, как могли правительства Испании и Португалии использовать марранов в качестве

своих дипломатических агентов и консулов и даже иногда возводить их в дворянское достоинство за верную службу. Некий Кансино из Орана оказался достаточно богат, чтобы позволить себе прибыть в Мадрид в 1656 году не скрывая своего иудаизма; «испытывая большую любовь к Испании», он предложил королю беспроцентный заем в восемьсот тысяч дукатов. Этот глубоко укоренившийся в марранах испанский дух проявлялся самими различными способами. Старинная клановая гордость испанских евреев сохранялась несмотря на все превратности судьбы; в XVII и XVIII веках они продолжали утверждать, что их происхождение восходит к царю Давиду. Презрение, с которым они относились к другим евреям, немецким или польским, вошло в пословицы. (Испытывая недоверие со стороны христианского общества, не встретились ли они здесь с более глубоким еврейством, чем у них самих?) Они тщательно соблюдали дистанцию по отношению к другим евреям. Так, отвечая Вольтеру, осыпавшему стрелами евреев и иудаизм, Исаак де Пинто говорил: «Господин де Вольтер не мо-

жет игнорировать ту щепетильность испанских и португальских евреев, которая исключала их смешивание с евреями других стран через браки, альянсы или иным путем; их разрыв с остальными собратями зашел так далеко, что если в Нидерландах или Англии португальский еврей брал в жены немецкую еврейку, он немедленно утрачивал все свои прерогативы, и его больше не признавали членом их синагоги. Именно благодаря этой здоровой политике они сохранили чистоту нравов и заслужили признание, которое даже в глазах христианских наций отличает их от других евреев». (Вольтер признал его правоту.)

В самом деле, «португалец», пожелавший жениться на «германке», оказался бы изгнанным из своей общины или даже преданным анафеме. В больших синагогах Амстердама и Лондона немецкие евреи должны были размещаться на специальных скамьях, отделенных барьерами. В Венеции португальские евреи изгнали из своего квартала, «старого гетто», немецких и левантийских евреев.

Итак, после своего возвращения к открыто-

му исповедованию иудаизма марраны сохранили манеры и образ поведения, которые служили им маской. Они вели себя как знатные персоны, модно одевались, носили парики. «Они не носят бороду,—писал также де Пинто,—и в их одежде нет никаких особенностей; состоятельные люди из их числа заходят в изысканности, элегантности и пышности так же далеко, как и другие народы Европы, от которых они отличаются только своей верой».

Английский мореплаватель Томас Корьет был поражен элегантностью и изысканностью евреев Венеции: «Эти люди выглядели столь безукоризненно и приятно, что я сказал себе, что наша английская пословица «выглядеть как еврей» неверна. По правде говоря, я встречал очень элегантных и с прекрасными манерами. . . Я видел многих женщин, некоторые из них были самыми прекрасными из всех, кого я видел в своей жизни, сверкающие украшениями, золотыми цепями и драгоценными камнями, так что некоторые наши английские графини едва ли смогли бы с ними тягаться».

Испанцы, опозоренные Испанией; христиане напоказ, но помимо собственной воли привлеченные соблазнами церкви; евреи в душе и сердце, но с трудом подчиняющиеся бремену Закона и презирающие своих братьев, строго соблюдающих Закон Моисея,—таковы были их противоречия. Некоторым образом они предвосхищали страдания «ассимилированных евреев» Германии и других стран в XIX веке. Эта ситуация может быть проиллюстрирована некоторыми судьбами и некоторыми историями, индивидуальными или групповыми.

Герцог Наксосский

В истории рассеяния марранов в XVI веке доминирует семья, или лучше сказать клан Мендесов. Два брата Мендеса, Франсишку и Диогу учредили—первый в Лиссабоне, а второй в Антверпене,—торговый дом, который стал основным импортером перца в Северную Европу и предоставлял займы королям по примеру Фуггеров и Вельзеров. Еще одним видом их деятельности, возможно, наиболее прибыльным, стал перевод капиталов и богатств марранов из Португалии во Фландрию, а оттуда в Италию.

После смерти обоих братьев вдова Франсишку Беатрис де Луна стала подлинной главой дома. Она взяла в помощники своего племянника Жуана Микеса, известного под именем Жан Мик. Юноша был принят при императорском дворе, он был другом и партнером по верховой езде будущего императора Максимилиана, а Карл V возвел его в дворянское достоинство. Современники воспевали благородство его поведения и элегантность манер. Тем не менее это был всего лишь еврей, умевший в совершенстве играть роль христианина, но чье происхождение

оставалось его постоянной ахиллесовой пятой. Во время операций и борьбы в самых высоких финансовых сферах, высшим аргументом коронованных должников фирмы для того, чтобы получить отсрочку по долгам или новые кредиты, был шантаж инквизицией. В 1532 году обвиненный в ереси Диогу Мендес должен был провести несколько месяцев в тюрьме. В 1540 году многие его друзья и партнеры были арестованы.

Наиболее затруднительным для клана должен был стать проект брачного союза между Бриандой де Луна, кузиной и будущей женой Жана Мика, и фаворитом Карла V Франциско Арагонским. В результате состояние клана оказалось бы в руках потомственных христиан. Император и его сестра, венгерская королева Мария, которым претендент обещал за посредничество приличествующие случаю комиссионные в двести тысяч дукатов, оказали сильное давление, чтобы этот брак состоялся. В результате в 1544 году клан Мендесов принял решение об эмиграции. Женщины направились прямо в Венецию; Жан Мик присоединился к ним через два или три года,

после того, как он ликвидировал антверпенскую фирму и договорился о новых делах с французской короной в Лионе и с германской монархией в Регенсбурге. Затем весь клан, т. е. около сорока человек, включая слуг, прибыл в Константинополь, где султан принял их с распростертыми объятиями. Все они немедленно вернулись в иудаизм: Жан Мик стал Иосифом Наси, Беатрис де Луна приняла имя Грасии Наси. При этом она частично изменила характер своей деятельности. Ведя себя как вдовствующая королева, она посвятила себя богоугодным делам; окруженная раввинами, она была озабочена защитой и прославлением иудаизма. Иосиф Наси, у которого набожность не была преобладающей чертой характера, сумел добиться расположения султанов и приобрел политическое могущество, с которым вынуждена была считаться вся Европа.

Но для каких игр использовалось это могущество? Его основы представляются совершенно очевидными: благодаря международной сети марранов и личным связям того, кто был Жаном Миком, Иосиф Наси в течение пятнадцати

лет являлся самым информированным человеком Европы. Находящаяся в его распоряжении информация, подкреплённая богатыми дарами, позволяла ему одному составлять целую «группу влияния», менять направление внешней политики Османской империи, даже принимать решения по поводу объявления войны и заключения мира. Но совершенно невозможно определить, в чьих интересах действовал этот человек в каждый конкретный момент. Однако некоторые данные выглядят достаточно четкими.

Иосиф Наси, которого представил османскому двору французский посол де Лансак, стал заклятым врагом Франции после тяжбы по поводу ста пятидесяти тысяч дукатов, которые в 1549 году он дал займы королю Генриху II. По мнению французских представителей можно было отказаться возвращать долг маррану, «поскольку законы королевства отнюдь не разрешают евреям, каковым является вышеуказанный Иосиф Наси, заниматься там коммерцией или спекуляцией, но, напротив, предписывают конфисковывать все средства, связанные с этой деятель-

ностью». Логика рассуждения была такова: на одного обманщика—полтора; поскольку ты нас обманул, скрыв, что ты иудей, мы тебя обменем, не вернув долг. Нельзя не согласиться, что это рассуждение вполне могло вывести из себя кредитора-маррана. После многочисленных перипетий в 1568 году Наси удалось добиться триумфального реванша, получив от султана разрешение на конфискацию товаров, которые перевозили в Левант под французским флагом, в объеме, покрывающем сумму долга. Это вызвало кратковременный конфликт между Францией и Портой, который был урегулирован договором, заключенным в октябре 1569 года; оригинал этого договора был составлен на еврейском языке, и кто знает, не отражала ли эта необычная деталь дополнительное унижение, которое еврей хотел причинить Христианнейшему королю?

В результате французские дипломаты стали питать против него двойную злобу и попытались свалить его, «посадить Мика на пику», «заставить его потерять голову и отомстить за Его Величество», разоблачив перед султаном его изме-

ны, добившись «изъятия в его кабинете... бесконечного количества писем, которые он ежедневно писал папе, королю Испании, герцогу Флоренции». Но заговор, в который был замешан один из евреев-секретарей Наси, был легко сорван этим виртуозом османских интриг.

Столь же постоянной, как и его враждебность к Франции, казалось, была его симпатия делу протестантских повстанцев Фландрии. Советы и поддержка, адресованная им кальвинистам Антверпена, среди которых он насчитывал множество старых друзей, сыграли свою роль в событиях, приведших к миссии герцога Альбы и к восстанию «гезов» в Нидерландах. Не один раз в ходе религиозных баталий XVI века евреи оказывали поддержку кальвинистам, и даже сам Вильгельм Оранский просил их о помощи. К тому же среди вдохновителей фламандского сопротивления в 1566 году фигурировали влиятельные марраны Маркое Перес, Мартин Лопес и Фердинандо Бернуи.

В отношениях Иосифа Наси с испанской короной были сложности совсем иного порядка. Фи-

липп II характеризовал его как «человека, который больше всех способствует предприятиям, наносящим ущерб христианству, и вдохновляет их», короче говоря является дирижером невидимого оркестра антихристианского заговора. Однако когда тайные испанские агенты в Константинополе майор Хуан Барелли и греческий патриарх решили похитить его и доставить в Испанию живого или мертвого, Филипп II запретил его убивать. Этой щепетильности, каковы бы ни были ее причины, соответствуют некоторые меры, предпринятые Наси, чтобы убедить султана не нападать на Испанию во время восстания морисков в 1570 году, вместо этого он предложил атаковать венецианские владения. Возможно, он был подкуплен Филиппом II; именно это не уставали повторять французские агенты, напоминавшие, что, в конце концов, речь шла о «природном испанце».

Точно известно, что он поддерживал с королем Испании тайную переписку, но в этом деле остается еще очень много неясного. Факт состоит в том, что в конце 1570 года Наси испросил

у Филиппа II пропуск для себя и для своей свиты, состоящей из «семидесяти человек, как евреев, так и турков», чтобы прибыть в Испанию. Он просил даровать ему «прощение за то, что на протяжении какого-то времени он придерживался еврейских законов, к чему он был принужден силой». Было ли это намерение искренним, или речь шла о ложном маневре? Он не забыл попросить разрешение перевезти через таможенную границу товары, которые он хотел импортировать. Филипп II склонялся к тому, чтобы принять это необычное примирение. В течение двух или трех лет эта проблема обсуждалась в секретной испанской переписке, но по причинам, о которых также ничего не известно, до воплощения в жизнь этого проекта так никогда и не дошло.

Итак, для чьей же выгоды действовал этот великий авантюрист? Разумеется, для своей собственной, продолжая при этом служить своему господину султану. Но все заставляет предположить, что он следовал собственному странному плану: казалось, что он был своеобразным «сионистом» и мечтал о восстановлении царства Да-

вида.

Благодаря многократным усилиям в самых разнообразных сферах, он создал себе репутацию защитника евреев. В 1556 году папа Павел IV отправил на костер двадцать пять марранов в Анконе. Совместно с Грасией Наси Иосиф попытался побудить Святой Престол к раскаянию, организовав международный бойкот порта Анконы. Эта попытка потерпела неудачу по причинам, обсуждать которые здесь было бы слишком долго. Но сама эта затея символизирует желание улучшить положение марранов с позиции силы, т. е. с христианских позиций. Ранее, во время его пребывания в Италии, он добился от Венеции предоставления одного из островов в распоряжение покинувших родину марранов. В 1561 году султан подарил Иосифу Наси город Тивериаду (Тверию) и прилегающие земли, чтобы создать там что-то вроде еврейского очага или убежища. Иосиф Наси занялся реставрацией города, окружил его стеной, попытался развивать там производства, несмотря на протесты апостолического представителя в Палестине Бонифация де Рагузе против

«прибытия этих гадюк, которые еще хуже тех, что водятся на развалинах города».

Согласно французскому послу де Петремолю именно это дорогостоящее предприятие толкало его на попытку получить свой долг во Франции. «Мик,—писал он,—получил разрешение построить город на берегах озера Кинерет, в котором смогут жить только евреи, по сути дела он пытается с помощью этой реконструкции создать свой шедевр, имея в виду, как говорят, сделаться королем евреев. Вот почему он так настойчиво требует денег от короля Франции».

Но этот проект также не удался из-за отсутствия спонтанного энтузиазма еврейских масс по поводу этого опередившего свое время «политического сионизма». Лишь немногие евреи приехали, чтобы обосноваться в Тверии. «Раввины, погруженные в свою казуистику, могли оказать лишь незначительное содействие; еще меньше можно было ожидать от мистиков, убежденных в том, что искупление можно приблизить только с помощью перестановок и комбинаций Божественного Имени, и даже от беглых марранов,

вполне счастливых тем, что им удалось спасти собственные шкуры» (Сесил Рот). Политический деятель и знатный сеньор, Иосиф Наси совсем не походил на Мессию.

Тем не менее, он не отказался от своих планов. В 1566 году новый султан Селим II подарил ему остров Наксос и сделал его герцогом, но речь шла лишь о ленном владении, а не о самостоятельном королевстве. Когда он подтолкнул в 1570 году Селима к объявлению войны Венеции, кампания началась с завоевания Кипра, королем которого Иосиф надеялся стать. Известно, что этот большой остров является географическим трамплином для овладения Палестиной, Но захват Кипра стимулировал заключение союза между Венецией, Римом и Испанией, что привело к крупному морскому поражению Турции при Лепанте; в результате Наси попал в частичную опалу. Тем не менее, он не утратил своих надежд; еще летом 1572 года он думал, что вот-вот будет назначен губернатором острова. Но его звезда уже закатилась. Другие фавориты-евреи стали пользоваться благосклонностью султана. На-

си умер в 1579 году богатым и влиятельным, но удаленным от больших дел.

Его имя, которое на протяжении пятнадцати лет не переставало мелькать в европейской дипломатической переписке, продолжало возбуждать воображение еще долгое время после его смерти. Его личность благодаря «Мальтийскому еврею» Кристофера Марло способствовала формированию образа венецианского купца Шейлока, а также оказалась включенной в другие пьесы. Для того, чтобы описать некоторые черты его характера, потребовался Шекспир. На память приходят знаменитые слова венецианского купца, который на равных тесно общается с христианами, одновременно являясь для них отверженным: «... Я жид. Да разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов тела, чувств, привязанностей, страстей?... Если нас уколоть—разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать—разве мы не смеемся? Если нас отравить—разве мы не умираем? А если нас оскорбляют—разве мы не должны мстить?» (перевод Т. Щепкиной-Куперник). Воистину, такова должна была быть

сила духа нашего персонажа.

С другой стороны, израильская историография не заблуждается, когда рассматривает Иосифа Наси в качестве великого предшественника сионизма. Но изгнание марранов еще не могло привести к коллективному предпрятию, в котором каждый участник должен был бы принять решение и изменить свою судьбу во имя чисто земного идеала. Колонизовать Палестину без помощи Мессии с точки зрения раввинистической традиции было абсурдной затеей и почти святошеством. Евреи продолжали отправляться в Палестину, чтобы там умереть, но не жить там. Надежды марранов на освобождение в следующем столетии приняли форму мощного мессианического движения, захватившего в свой водоворот весь еврейский мир и имевшего, помимо некоторых других следствий, драматический рецидив: утверждение некоторых марранов в свободном и добровольном марранизме.

Саббатианцы

В Цфате, в Палестине, недалеко от Тивериады, где Иосиф Наси попытался создать еврейский территориальный очаг, в ту же эпоху возникло общество каббалистов, в своем большинстве также изгнанных из Испании, которые ставили своей целью приблизить искупление мира с помощью молитвы, ученых разысканий и постов. Их надежды и мистические воззрения получили распространение во всех странах диаспоры. Из поколения в поколение пришествие Мессии казалось евреям все более близким и безусловным. Наконец, все требуемые условия совпали, так что Мессия должен был появиться.

В 1625 или 1626 году у иудейско-испанского торговца из Смирны Мордехая Цеви родился сын. Это произошло девятого ава,—в день, когда по традиции должен родиться Мессия. Молодой Саббатай Цеви /Шабтай Цви /, видимо, страдал различными недугами, своеобразным раздвоением личности подобно доктору Джекилю и мистеру Хайду. В своем втором состоянии он совершал профанации, о которых сожалел и которые не понимал в своем основном состоянии. В

1648 году, т. е. в год, когда по каббалистической книге «Зогар» должны были воскреснуть мертвые и должна была наступить мессианская эпоха, Саббатай совершил в синагоге Смирны самое серьезное нарушение, произнеся вслух священный тетраграмматон, неприкосновенное имя Бога. Он был предан анафеме, после чего последовали годы странствий. Наконец, он прибыл в Иерусалим, где другой прорицатель по имени Натан из Газы убедил его провозгласить себя Мессией вместо того, чтобы, по примеру польских раввинов, попытаться изгнать диббука (Диббук по еврейским поверьям—это злой дух, который может вселиться в человека и говорить его устами, но при этом сохранять свою независимость (прим. ред.)), вселившегося в него. Свихнувшийся ум этого человека только и ждал подобных уговоров; кроме того он подходил к этой роли: величественная осанка, хорошие манеры, но похоже, что он прежде всего был марионеткой, нити от которой другие ложные пророки держали в своих руках. Вскоре у него появились богатые последователи, а радостная весть постепенно распро-

странялась, овладевая умами множества легковерных, особенно сильное воздействие оказывая на марранов, нестойких в вере. Чем больше Саббатай низвергал Закон Моисея, тем более убежденными они себя чувствовали, поскольку, как утверждал Натан из Газы, «если бы он не был Спасителем, он не пришел бы к этим отклонениям; когда Бог окутывает его блеском Своего Света, он совершает множество поступков, которые выглядят странными в глазах людей, что и является доказательством его истины». . . . Таким образом, это было «*credo quia absurdum*» («верю, потому что нелепо») древних теологов. С другой стороны, было замечено, что эксцентрические выходки Саббатая и его последователей, которые грешили во имя своеобразного мистического вызова, приводили к действиям и преступлениям того же сорта, что продолжали терзать совесть марранов.

Таким образом, мессианство Саббатая, которое стало свершившимся фактом для многих евреев из всех стран, возбудило самое большое воодушевление в колониях марранов и бывших

марранов. Как правило, все соглашались с тем, что годом спасения должен стать 1666 год, что к тому же совпадало с хилиастическими концепциями христианского происхождения. Фактом было также и то, что многие протестанты, особенно в Англии, разделяли веру в Саббатая. В декабре 1665 года ученый Ольденбург писал из Лондона своему другу Спинозе: «Все люди здесь говорят о слухах по поводу возвращения на свою родину израильтян, рассеянных по миру на протяжении более двух тысяч лет. Мало кто в это верит, но многие этого хотят... Если новость подтвердится, то это приведет ко всеобщим переменам».

Можно полагать, что финансисты по своему обыкновению оказались меньшими скептиками, чем философы, поскольку на лондонской бирже принимали ставки из расчета десять к одному за то, что в течение двух лет Саббатай станет королем Иерусалима. Что же касается наиболее заинтересованных лиц, т. е. будущих еврейских подданных этого короля, то в Гамбурге португальская община запретила им держать пари как за, так и против неминуемости его правления, ибо

держатъ пари означало сомневаться, что уже стало неуместным. Наваждение постепенно распространялось, и многие раввины, за исключением польских, присоединилось к Саббатаю. Скептиков подвергали преследованиям, во многих местах пролилась кровь. По всем областям расселения марранов от Амстердама до Ливорно и от Салоник до Феса богатые и бедные при приближении роковой даты приступали к ликвидации своего добра и готовились к отбытию в Землю обетованную; по всей Европе еврейские мистические страсти заставили замереть международную торговлю.

Что касается самого Саббатая, учредившего несколько новых праздников и приступившего, в соответствии с предсказаниями книги «Зогар» к освобождению своих адептов от запретов иудаизма, то он в начале 1666 года зафрахтовал корабль, чтобы отплыть в Константинополь, и, по его заявлению, заставить султана Ибрагима уступить ему свой трон. Последовавшая за этим трагикомедия хорошо известна: султан приказал его арестовать и, чтобы сразу прекратить все волне-

ния, повелел ему принять ислам под страхом сожжения заживо. Саббатай подчинился и вскоре направил своим последователям в Смирну следующее послание: «Господь сделал меня мусульманином; Он так повелел, и это произошло на девятый день моего нового рождения» (т. е. пришествия).

Это означало, что он отнюдь не отказался от своего мессианства. Диалектические ресурсы Каббалы в самом деле позволяли мистически трактовать его вероотступничество, представлять это высшее предательство как высшее испытание Мессии, как несказанные Страсти Спасителя, который, чтобы лучше искупить грехи своего народа, сам совершил высший грех отречения. Таким образом, ложь становилась его мученичеством и его великим подвигом. Слова пророка Исайи о «человеке печали», чьи страдания принесут мир человечеству, которые христиане считают относящимися к Христу, были применены к Саббатаю Цеви его соратниками. Марран Авраам Кардозу даже учил, что из-за своих грехов все евреи были духовно обречены на то,

чтобы стать марранами, но чтобы спасти их от этой ужасной участи, милость Бога возложила эту высшую жертву на Мессию, единственного обладателя достаточно сильной души, чтобы без ущерба вынести подобную участь.

Из всего этого можно сделать вывод, до какой степени историческое положение марранов могло сделать их восприимчивыми к подобным рассуждениям. «Концепция Мессии-вероотступника могла представляться им как прославление того самого акта, который продолжал терзать их собственную совесть» (Гершом Шолем).

Тем не менее, когда известие о вероотступничестве Саббатая Цеви распространилось по миру, мессианистическая лихорадка стала спадать, и большинство евреев, протрезвев, вернулось к своим прежним занятиям. Другие продолжали втайне поклоняться мессии Саббатаю, ведя себя как ортодоксальные евреи. «Эти умеренные направления саббатрианства, — писал Шолем, — осуществили чудо существования постоянного парадокса, когда благочестивое исполнение Закона сочеталось с верой в неминуемое наступ-

ление новой эры, когда подобное поведение уже не будет иметь никакого значения». В общем, для этих людей ожидаемое время как бы уже наступило, но само ожидание еще не закончилось. Шолем приоткрывает связь между этим великим, наполовину неоправдавшимся ожиданием, временным отходом от Закона Моисея и секуляризацией мессианистических надежд, которая в дальнейшем характеризовала большие идеологические течения еврейской жизни в эпоху эмансипации. Но сейчас нас здесь интересует «радикальное крыло» саббатрианства в качестве одного из возможных путей завершения истории марранов.

Радикализм саббатрианства состоял в подражании мессии Саббатаю во всем, и в первую очередь, в отказе от соблюдения заповедей иудаизма. Сам Саббатай Цеви, а также те из его последователей, кто, как это было принято говорить, «облачился в тюрбан», после различных перипетий были высланы в Албанию, где ложный мессия скончался в 1678 году. Его мессианская миссия стала вначале чем-то вроде семей-

ного достояния и была возложена на его зятя Иакова Керидо («Возлюбленного»), который объявил себя одновременно его сыном и его перевоплощением. Его проповеди среди сabbатианцев города Салоники были достаточно эффективны, чтобы побудить около тысячи человек из их числа коллективно облачиться в тюрбан в 1683 году. Таким образом возникла секта добровольных марранов—дёнме (Döpmе по-турецки означает «отступник, ренегат; немусульманин, обращенный в мусульманство», - прим. ред.). Это были двойные вероотступники, потому что они изменили как исламу, так и иудаизму, а в результате их одинаково презирали и те, и другие. Десять заповедей Моисея в этой секте были заменены восемнадцатью законами Саббатая Цеви. Второй закон предписывал верить в Саббатая («который является истинным Спасителем; нет спасителя кроме него»); шестнадцатый и семнадцатый законы предписывали во всем следовать обычаям ислама («все, что можно видеть снаружи, следует исполнять»), но не следовало заключать ни браков, ни союзов с турками («ибо они отврати-

тельны, а их жены рептилии»).

Второе пришествие Саббата и конец мира были предсказаны в следующих выражениях: «Вот восемнадцать законов, я предписал их соблюдение, потому что трон еще недостаточно утвердился, чтобы Израиль смог покарать Сатану и его легионы. В эту эпоху все потеряет свое значение; никаких запретных и никаких разрешенных вещей, никакой нечистоты и никакой чистоты, и все меня признают, от самого маленького до самого большого».

Восьмой закон, несколько двусмысленный, предписывал: «Пусть разврат не будет царить среди вас; хотя это предписано смертным, нужно тем не менее быть сдержанным в этом вопросе из-за воров [евреев]». Похоже на то, что из страха перед евреями Салоник Иаков Возлюбленный так и не сделал некоторые выводы, к которым приводит добровольный марранизм. Он умер во время паломничества в Мекку, а его секта раскололась на две, а затем на три части. Секта капанджи, или кавалеров, (карансі по-турецки означает «весовщик», - прим, ред.), состоявшая

преимущественно из богатых негоциантов, по-видимому, зашла гораздо дальше, учредив мистические сатурналии, чтобы праздновать святость греха через нарушение Закона. На ежегодном празднике Агнца, своеобразной тайной вечере, куда допускались только женатые люди, после того, как тушили свет, мужья обменивались женами; зачатые таким образом дети считались святыми. За этим исключением «кавалеры», так же как и другие секты дёнме, отличались замечательными нравственными правилами, благотворительностью и солидарностью.

Как те, так и другие вели в Турции мирную жизнь, так что их количество даже постоянно возрастало, поскольку в конце XVII века их число оценивали в одну тысячу человек, в середине XIX века—в четыре тысячи, а в начале XX века—более, чем в десять тысяч. Дёнме играли важную роль в жизни Салоник и приняли активное участие в революции младотурков: один из них, Мохамед Джавидбей, стал премьер-министром Турции накануне Первой мировой войны. После ее окончания они перебрались в Турцию вместе с

другими мусульманами Фракии в соответствии с лозаннским договором об обмене населением. С этого момента становится затруднительным проследить судьбу секты. Существует ли она еще? Есть ли еще верующие, которые молились бы на пляжах Турции о явлении Саббатая, чтобы обратиться к Мессии с традиционным возгласом: «Саббатай Цеви, мы надеемся на тебя»?

Перед Второй мировой войной в турецкой прессе по этому поводу иногда возникала полемика. Писатель Ала Адхи Говса, опубликовавший книгу о саббатрианстве, утверждал, что секта продолжает вести свою подпольную жизнь, в поддержку чего приводил некоторые интригующие сведения. Бывший член секты дёнме публицист Заде Мохаммед Рушди уверял, что ничего подобного не имеет места и приводил доводы в пользу противоположной точки зрения. Таким образом, в кемалистской Турции возобновился древний спор между инквизитором и марраном, в ходе которого обвиняемый всегда проигрывает, потому что его слова, говорит ли он правду как мусульманин или лжет как дёнме, остаются одними

и теми же и не могут вызвать доверие слушателей. . .

В самом деле похоже, что среди ревностных почитателей Саббатая Цеви осталось лишь несколько стариков, но что дѣнме, связанные между собой при отсутствии общей веры общими воспоминаниями об этой тайной вере, все еще составляют своеобразную уцелевшую касту. Существование подобного социологического феномена, как показывают некоторые аналогичные случаи, ограничено сроком жизни двух или трех поколений.

Спиноза

В XVII веке Амстердам, коммерческая метрополия Запада, стал местом пребывания наиболее важной колонии марранов в Европе. Хотя «португальцы» не сыграли той решающей роли в экономическом процветании Нидерландов, которую им иногда приписывают, они заняли ведущие позиции в некоторых областях деловой жизни, таких как импорт колониального сахара, пряностей, торговля драгоценными камнями. Они поддерживали особенно тесные связи с Новым Светом, будь то голландские колонии или даже испанские владения, где столько их собратьев по судьбе пытались в эту эпоху найти укрытие. В самом Амстердаме они создали не имеющую себе равных в диаспоре индустрию еврейского книгоиздательства и публиковали переводы Библии для протестантов. Начиная с 1675 года стала издаваться еврейская газета «Gazeta de Amsterdam». В характерной для своих читателей манере эта газета обсуждала любые темы за исключением специфически еврейских. Мы уже отмечали, что «португальцы» чрезвычайно высокомерно относились к скромным германским евреям, прибыв-

шим на постоянное жительство в Амстердам по их следам, и избегали контактов с ними. Те же со своей стороны подвергали сомнению их ученость и набожность, уверяя, что «сефарду легче стать больным, хромым или слепым, чем образованным иудеем». Разумеется, это было преувеличением, и в «голландском Иерусалиме» получали образование первоклассные знатоки Закона; но бывшим марранам потребовались поколения для того, чтобы стать настоящими иудеями.

Ключевая проблема возникла благодаря самой диалектике возвращения в иудаизм. Если с одной стороны вероотступничество марранов было для них источником угрызений совести и морального кризиса, то с другой стороны им нелегко было возвращаться под иго Закона, склоняться перед строгими предписаниями предков после перерыва в несколько поколений. Здесь находится причина конфликтов, которыми отмечена жизнь их общин, озабоченных достойным поведением своих членов как по причине религиозного рвения, так и из чистой осторожности, чтобы не навлечь на себя опасное обвинение в безбо-

жили со стороны христианских властей. Мы уже видели, как жизненные противоречия марранов привели некоторых из них к саббатанской ереси и прославлению их отступничества. Другие, позаимствовав у каждой из двух теологии обвинения, направленные против противоположной стороны, приходили к сомнениям и неверию. Это было тем легче, что, несмотря на все превратности судьбы, еще не исчезла память о традициях скептицизма у испанских евреев, каковые продолжали стимулировать полемику и борьбу идей, по-прежнему потрясавшую их лишенное корней потомство.

Какова истинная природа Бога? Что такое сам человек? Что следует иметь в виду под словом «душа»? Существует ли иной мир? Возможно, в истории не было другой группы людей, которая с таким рвением занималась бы поисками абсолюта, как интеллигенция марранов. Эти дискуссии не прекращались перед входом в синагогу; и, наверное, не было подростка, которого они захватывали бы сильнее, чем юного Баруха Спинозу, учащегося раввинистической школы «Эц Хаим» в Амстердаме.

Казалось, однако, что ничто не предвещает юному талмудисту, что он сумеет потрясти основы всех традиционных верований и станет прототипом «еврейских разоблачителей» Нового времени. Он родился в Амстердаме в 1633 году в семье, похожей на множество других. Его отец исповедовал католичество в Нанте прежде чем обосноваться в «голландском Иерусалиме», где он вернулся к иудаизму и основал торговый дом. Ребенком Спиноза часто должен был присутствовать при унижительном наказании Уриэля да Косты в синагоге, но об этом не известно ничего сколько-нибудь определенного. Он рос в богатой и почтенной семье. Достигнув зрелости, молодой Барух стал помогать отцу в его делах и даже принял участие в руководстве делами фирмы после его смерти. Еще в 1655 году он делает пожертвование в пользу бедных синагоги. Его сочинения свидетельствуют о первоклассном еврейском образовании; по сути дела, сведения, которыми мы располагаем о его юности, крайне скудны, но известно, как разразился большой жизненный кризис его жизни, последовавший, без малейшего

сомнения, за медленным созреванием под сенью раввинистической школы.

В 1655 году в Амстердаме объявился привлекательный персонаж, «бесстрашный в словах, сторонник всего нового, безрассудный в своих рассуждениях, любитель парадоксов и, что было еще хуже, ужасного нрава», как многие ему подобные. Этот человек, доктор Хуан де Прадо, родившийся в Кордове и получивший образование в испанских университетах, вернулся к иудаизму в Нидерландах в 1638 году и с тех пор вел беспокойную и бродячую жизнь, в ходе которой он развлекался тем, что сеял философские сомнения в душах юных евреев; это не мешало ему получать пособия от еврейских общин. Амстердамская община под угрозой лишиться его средств к существованию потребовала, чтобы он публично отрекся от своих взглядов, на что гибкий марран охотно согласился с тем, чтобы немедленно приняться за старое. В результате даже возник вопрос о том, чтобы послать его в колонии, «оказав щедрую помощь».

Разумеется не Хуан де Прадо посвятил Спи-

нозу в тайны философии. Молодой Барух оказался замешанным в возникшем скандале, но его душа оказалась совсем другого закала, чем у его соблазнителя. Отказавшись от всех компромиссов, презрев пансион, предложенный ему, чтобы «отвратить его от ложного пути», он пошел на то, что его заочно предали анафеме и «исключили из народа Израиля». Он был вынужден порвать со своей семьей и со всем своим окружением в родных местах. В качестве вольнослушателя он ходил на занятия в Лейденском университете, а также посещал «в доме Дона Жозефа Гуэрры, кавалера с Канарских островов, проживавшего в Амстердаме для лечения проказы», весьма пестрое общество, состоявшее из более или менее вольно настроенных евреев и опьяненных воздухом свободной Голландии испанцев. Двое из этих испанцев по возвращению в Мадрид донесли инквизиции некоторые подробности касательно Спинозы и тех взглядов, которые он высказывал. Последний сетовал, что никогда не был в Испании и выражал намерение посетить ее. Кроме того вместе с Прадо они «сожалели об от-

сутствии пожертвований, которые им выдавали в синагоге, как и вообще о контактах с евреями». Но это не мешало им «быть удовлетворенными своими атеистическими заблуждениями, ибо они полагали, что о существовании Бога можно говорить только в философском смысле, что душа умирает вместе с телом, и поэтому они не нуждались в вере».

Вероятнее всего, именно в это время Спиноза написал свою ныне утраченную «Апологию», полную нападок на евреев и иудаизм. Некоторые отрывки из нее он включил в свой «Теолого-политический трактат». Но гораздо важнее было то, что он завершил свое образование, овладев всеми знаниями, накопленными к тому времени, от классиков античности до Декарта, с которым он в детстве мог встречаться на улицах Амстердама.

Инцидент, оставшийся неясным,—видимо, это был удар ножом, нанесенный ему в 1660* году еврейским фанатиком,—побудил его покинуть Амстердам и обосноваться сначала в предместьях Лейдена, а затем в Ворсбурге, недале-

ко от Гааги. Отныне его общество составляли несколько друзей и голландских поклонников, а также путешествующие иностранцы, привлеченные его постоянно возрастающей репутацией эрудита и мудреца.

После визита к нему Лейбниц охарактеризовал его как «еврея из Гааги, предсказывающего поднимающуюся в Европе революцию». Принц Конде, главнокомандующий французской армией, пригласил его в свой лагерь. Если судить по положению друзей и покровителей, которых он смог завести, его шарм и влияние были неотразимы. Пансион, назначенный знаменитым Жаном де Виттом, а также кое-какие завещания позволили ему продолжать свои размышления, не испытывая нужды, к тому же его вкусы отличались скромностью. В соответствии с предписаниями талмудистов он овладел ремеслом и в свободное время полировал оптические линзы. Его образ жизни и добродетели в основном соответствовали мудрости его предков. Но он не женился (подобно многим другим гениальным философам от Паскаля до Кьеркегора), и нет никаких сведений

о его связях с женщинами. Его дар философской концентрации и любовь к чистому знанию облегчали ему его одиночество.

Для традиционных порядков той эпохи призыв Спинозы к «естественному свету разума» был взрывоопасным, несмотря на все предосторожности, к которым он прибегал, чтобы уменьшить его крайние последствия. Осторожность была его девизом: единственным значительным произведением, опубликованным им при жизни, причем анонимно, был «Теолого-политический трактат»—выступление в защиту свободы мысли. Этот трактат принес ему множество неприятностей. По отзывам его противников сей трактат «был написан в аду евреем-вероотступником». В самом деле, его судьбой была жизнь на перекрестке всех культур, иудаизма и христианства, Испании и Нидерландов, но одновременно и всех разновидностей фанатизма: как инквизиторов, которые преследовали его за происхождение, так и его собратьев, проклявших его.

Заболев чахоткой, он умер в 1677 году в возрасте сорока четырех лет. Незадолго до смерти

он бросил в огонь перевод Библии, над которым работал, как если бы речь шла о бессмысленном предприятии. Другие его произведения, и прежде всего «Этика», были опубликованы посмертно, без указания имени автора на средства неизвестного почитателя.

Философская система Спинозы сохраняет свою жизнеспособность и продолжает привлекать новых сторонников в качестве «наиболее величественной конструкции, которую когда-либо создавал человеческий разум» (Виндельбанд). В историческом плане величие Спинозы состояло в том, что он в форме, приспособленной к возможностям своего времени, открыл просвещенной Европе XVII века «еврейскую мудрость», т. е. этику и религиозную философию Талмуда, развивавшуюся еврейскими теологами средних веков. Его педагогический гений проявился в том, что он облек свои идеи в форму геометрического доказательства, хотя на самом деле речь скорее шла о прокрустовом ложе. Он подписал это откровение своим именем и таким образом обеспечил себе бессмертие. Конечно, если бы он

признал, скольким он обязан раввинам, весьма сомнительным авторитетам в глазах его аудитории, он бы дискредитировал свое дело. Наука моральной жизни остается самой важной частью его «Этики» (Согласно Г. А. Вольфсону Спиноза являлся наследником средневековой философии, прежде всего еврейской: «Если бы мы могли записать на листках бумаги всю философскую литературу, которая была в распоряжении Спинозы, и подбросить эти листки в воздух, чтобы они рассыпались по земле, то мы смогли бы с помощью этих разрозненных фрагментов восстановить «Этику»- Вольфсон добавляет, что характерная для Талмуда лаконичность стиля этого философа местами оказывается причиной неясностей и недоразумений, что облегчило возможности для весьма различных интерпретаций его идей, сделанных за три века. (H. A. Wolfson, The philosophy of Spinoza, Cambridge, 1932, стр.3 и след.).). Также и в «Теолого-политическом трактате», где он подрывает основы монотеизма откровения, практически все наблюдения и критические замечания по поводу противоречий в Свя-

ценном Писании он заимствовал у Авраама ибн Эзры, Раши или у Маймонида, служившего мишенью для его насмешек,

С другой стороны, когда Спиноза обрушивается в своем труде на понятие избранности Израиля, то он оказывается в одном ряду со свободными еврейскими мыслителями древности, такими как Хиви из Балха, которых он должен был знать благодаря полемике с ними талмудистов. Совершенно очевидно, что исключительное преимущество, приписываемое как еврейской, так и христианской традицией «избранному народу», шокирует и раздражает его. И он имеет в виду своих современников-евреев, когда пишет: «Радость, которую испытывают, веря в свое превосходство, если это не проявление детства, может родиться только из зависти и злого сердца»; и далее: «Итак, кто радуется по этому поводу, радуется несчастьем другого, он завистлив и зол, он не знает ни истинной мудрости, ни спокойствия настоящей жизни». Можно заметить, что речь здесь идет о проблеме, которая является жизненно важной для самого Спинозы: осуждение соб-

ственных предков, ведущее к откровенному антисемитизму, видимо, было ахиллесовой пятой великого философа.

Достаточно прочитать различные отрывки из «Трактата», где совершенно произвольно (поскольку структура труда этого отнюдь не требует) Спиноза выворачивает понятия наизнанку и делает евреев виновными в той ненависти, которую питают к ним христиане (заметим, что это пишет автор следующих слов в «Этике»: «Тот, кто думает, что другой питает к нему ненависть, возненавидит его в свою очередь»).

«Что касается длительного существования евреев как рассеянного народа, лишенного собственного государства, в этом нет ничего удивительного. Евреи жили обособленно от всех остальных народов не только из-за соблюдения обрядов, противопоставленных обрядам других народов, но и из-за символа обрезания, который сохраняет для них религиозное значение» (глава III). «Любовь евреев к своей родине была больше, чем просто любовь, это была религиозная страсть, вызываемая и поддерживаемая повсе-

дневным культом, так же как и ненавистью других народов. И этот патриотизм стал настоящей второй натурой. . . постоянной ненавистью к чужому, более глубоко укоренившейся в сердцах, чем любое другое чувство. Существует ли что-нибудь более яростное, более стойкое, чем ненависть, вдохновляемая пылкой преданностью, и сама оказывающаяся столь же пылкой? К тому же, с другой стороны, здесь не было недостатка и в действии банальной причины, вызывающей бесконечный рост ненависти, а именно столь же непримиримой ненависти, которой другие народы платили евреям в ответ» (глава XVII). Это «враги рода человеческого» по Тациту, которого Спиноза цитирует в другом месте той же главы, чтобы намекнуть, что евреи поражены особым сверхъестественным проклятием.

В этой области Спиноза примыкает к определенной традиции историографии, восходящей к античному гностицизму, противопоставлявшему жестокого Иегову евреев Искупителю Евангелия. Можно еще отметить, что в XIX главе философ опирается на авторитет Нового Завета, а имен-

но на слова «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего», которые, согласно Матфею произнес Иисус, чтобы утверждать, что Закон Моисея учил ненависти к не-евреям. (В это же время в Нидерландах секта социниан извращала смысл текста, цитируя Ветхий Завет в поддержку подобного тезиса; такой первоклассный филолог как Спиноза, не заходил столь далеко, но умножал двусмысленности и приблизительности, чтобы доказать это.)

Если рассмотреть это подробнее, антиеврейская тема, постоянно повторяющаяся в «Трактате», подобна искусству контрапункта, предполагающего различные прочтения на разных уровнях. Прежде всего представляется очевидным, что Спиноза направлял свою критику против евреев и против еврейской Библии, точно так же, как позднее это будет делать Вольтер, потому что здесь речь шла о тактически наиболее слабых звеньях в цепи традиционных верований. На втором уровне Спиноза, как утонченный талмудист, изъясняется на своем понятном языке и одновременно на другом, эзотерическом языке.

«Он притворяется, что хочет доказать какую-то мысль, но старается использовать такие аргументы и цитирует такие тексты, что читатель самостоятельно приходит к совсем другой мысли, к совсем другому выводу; на самом деле, именно эту вторую мысль Спиноза и стремился доказать». В терминологии философа Вольфсона это имплицитный Спиноза, т. е. неверующий еврей, скрывающийся под маской откровенного ханжи, или марран—почитатель Иисуса. На еще более глубоком уровне язык Спинозы становится языком обманутой или неудовлетворенной любви; в нем можно различить злопамятность по отношению к отвергнувшей его синагоге. Принято считать, что процитированные выше антиеврейские высказывания «Трактата» взяты Спинозой из «Апологии», написанной после его отлучения, и это убедительно показывает, что вся эта полемика находится за пределами поиска вечных истин и блаженства божественного разума. Включение этих рассуждений в «Трактат» было побочным, но без сомнения субъективно необходимым делом. Делая это, мудрец, сказавший: «ес-

ли мы как следует пользуемся нашим разумом, то мы не сможем ненавидеть что бы то ни было, или испытывать к чему-то отвращение», вместо того, чтобы следовать собственному предписанию, позволяя себе увлечься смешанным чувством, которое он описывал в «Этике» следующим образом: «Если начинают ненавидеть то, что любят, большее число наших желаний останется неудовлетворенными, чем если бы вообще не любили. . . помимо печали, ставшей причиной ненависти, рождается новая печаль из бывшей любви; в результате то, что любили, будет вызывать более сильное чувство грусти, т. е. будут испытывать большую ненависть, чем если бы вообще не было любви, и эта ненависть будет тем сильнее, чем сильнее была любовь».

Подобная двойственность полностью соответствует положению человека, который после разрыва с еврейской общиной продолжал оставаться евреем в глазах всего мира и не мог не оставаться евреем Для самого себя, даже если он говорил об «израильтянах» в третьем лице. Эта противоречивая ситуация застилала его разум до та-

кой степени, что он мог различать вещи «только сквозь туман». Эта душевная боль и эта нетерпимость по отношению к собственному происхождению обнаруживаются у стольких знаменитых еврейских мыслителей нового времени, но мы впервые можем видеть их столь мощное проявление здесь, у этого гаагского отшельника, к которому однажды Ницше обратился со следующими словами в своей поэме «К Спинозе»:

«Любовно обращенный к «одному во всем»

«Божественная любовь», он был блажен разумом.

Разуемся! Эта земля трижды благословенна!

Но под этой любовью тлел

Тайный пожар ненависти,

Ненависть к евреям терзала еврейского Бога...

Я разгадал тебя, отшельник?»

В другом месте Ницше без колебаний срав-

нил Спинозу с Иисусом. Немного существовало знаменитых мыслителей, которых потомки, особенно в Германии, окружили таким почитанием как человека, «полировавшего очки, сквозь которые современная эпоха разглядывает сама себя». И немного было в истории мысли тех, кто бы сделал столь же много для легитимизации метафизического антисемитизма у многих поколений мыслителей и богословов. Все происходит таким образом, как если бы европейская мысль предалась всеобщему раздвоению, восхищаясь еврейским наследием через посредство центральной фигуры, послужившей гарантом уничтожения иудаизма. Спиноза остается глашатаем новой веры в человека, он воплощает «партию мира и справедливости», которую, по словам Алена, «вы воздержитесь называть еврейской партией, но которая тем не менее будет именно ею»; но в результате непреодолимой злопамятности он не смог воздать должное народу, из которого вышел сам.

Его антиеврейская полемика проложила дорогу рационалистическому или светскому анти-

семитизму нового времени, возможно, наиболее страшной его разновидности. Именно это давало основание Герману Когену акцентировать «демоническую иронию» Спинозы, проистекающую из «трагического характера его жизни... из противоречивого положения, в котором он оказался по отношению к духовным и моральным источникам, питавшим его творческую мощь». Карл Гебхардт, лучший современный издатель и биограф философа, говорил о «раздвоении сознания марранов, из которого берет свое начало современное сознание», и в качестве эпитафии считал заслугой марранов, «пытавшихся искать смысл мира в самом мире, а не в Боге... историческую миссию, состоявшую в том, чтобы породить такие фигуры как Уриэль да Коста и Спиноза».

Книга 4 ХРИСТИАНСКАЯ ЕВРОПА

I. ЕВРЕИ НА ЗАПАДЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

По эту сторону Пиренеев евреи могли попасть в Галлию и на границы германского мира вслед за римскими легионами в эпоху, когда христианство представляло собой лишь маленькую иудейскую секту, возможно даже и до появления христианства. Массовая эмиграция началась после разрушения еврейского государства в 70 году. Ее начало окутано легендами, подобно ранней истории великой дочерней религии. Однако здесь проявляется инстинктивная склонность к различным точкам зрения: что касается христианства, то его постоянное и неудержимое распространение объясняется пламенными проповедями нескольких апостолов, повлекшими массовое обращение в новую религию; в то же время иудаизм мог распространяться только благодаря эмиграции евреев и их потомков, так что он сохранялся лишь путем передачи от отца к сыну.

Но историк должен остерегаться очевидных истин, часто вызванных широко распространенной ошибкой рассматривать прошлое через современные очки. Можно допустить и прямо противоположную гипотезу, т. е. предположить, что

христианство и иудаизм распространялись на Западе одинаковым способом, преимущественно через обращения, причем иудаизм предшествовал христианству и служил для него, как и на Востоке, необходимым проводником. Ниже мы рассмотрим серьезные причины, которые при отсутствии сколько-нибудь надежных документальных свидетельств заставляют нас предпочесть эту вторую точку зрения, но сначала посмотрим, что нам известно о первых поселениях евреев в Галлии.

Что касается римского периода, то по сути дела мы не располагаем достоверными данными за исключением нескольких упоминаний о еврейских торговцах в Марселе, Арле или Нарбонне. Однако начиная с франкской эпохи, когда священники принялись за составление исторических хроник, контуры событий стали проясняться. Многочисленные решения соборов V и VI веков констатируют положение евреев и их влияние: они запрещают христианам, как клирикам, так и мирянам принимать пищу вместе с евреями, выступают против смешанных браков,

предостерегают против соблюдения по воскресеньям многочисленных субботних запретов, наконец, запрещают евреям присоединяться к толпам христиан во время праздника Пасхи. Подобные предосторожности по самой своей природе предназначались прежде всего для защиты верующих от соблазнов еврейской религии и обрядов, а также для борьбы против опасностей иудаистских ересей, которые часто распространялись среди недавно обращенного в христианство и еще не стойкого в своей вере населения.

Единственный дошедший до нас полемический антиеврейский трактат этой эпохи, принадлежащий перу Евагрия, скорее представляет собой предостережение христианам, чем попытку евангелизации евреев. Все это позволяет нам сделать вывод, что в эту эпоху евреи Галлии были многочисленны, влиятельны, поддерживали хорошие отношения и тесные контакты с христианами, что вызывало озабоченность церковных лидеров по причине именно этих хороших отношений евреев с их паствой.

Более подробные свидетельства мы имеем

для конца VI века благодаря Григорию Турскому. Его различные сочинения позволяют нам составить достаточно полное представление о евреях его времени. Так, мы узнаем, что они были коммерсантами, землевладельцами, чиновниками, врачами и ремесленниками. Вместе с «сирийцами», которых наш автор упоминает в общем контексте с евреями, они составляли многочисленную часть населения городов, где эти космополиты должны были занимать первостепенные позиции на фоне плохо отесанных варваров. Однако сирийцы были христианами; иудеи же являлись для церкви естественными врагами, что объясняет некоторые стилистические обороты, которые использует благонамеренный епископ по их адресу: «обманщики Бога», «упрямцы, недоверчивые люди», «злой и вероломный народ».

Но это не мешало тому, что высшие церковные иерархи пользовались при случае их услугами и даже поддерживали с ними дружеские отношения. Григорий Турский подробно пересказывает откровенный богословский диспут, который

состоялся у него в 581 г. с иудеем Приском, фаворитом короля Хильперика. Из продолжения рассказа следует, что годом позже этот Приск был убит крещеным иудеем Патиром, когда в субботу безоружным он направлялся в синагогу. Вскоре сам Патир был убит родными Приска. Это означает, что в ту эпоху евреи носили оружие и в случае необходимости умели им пользоваться. Другие эпизоды, приводимые Григорием Турским, убеждают нас, что в ту открытую эпоху евреи составляли часть населения, которая была уверена в себе, процветала и не являлась объектом особых неблагоприятных предрассудков. Их имена—Арментарий, Годиокий, Приск, Юлий, в основном, были галло-романскими именами; кажется вполне правдоподобным, что они частично совершали свои обряды на вульгарной латыни.

Разумеется, первые короли меровингской династии, лишь недавно ставшие христианскими монархами, придавали большое значение позиции римских императоров Византии. Видимо, в результате подстрекательства из Византии было предпринято несколько попыток насильственного

обращения в христианство в конце VI и в начале VII веков при правлении королей Хильперика и Дагоберта. Этот вопрос и в настоящее время служит объектом споров для специалистов. Если эти эпизоды являются подлинными, то они хорошо вписываются в общую картину межконфессиональных столкновений, в которых иудаизм еще на равных противостоял христианству.

Затем, на протяжении двух столетий исторические хроники хранят молчание. Но в начале IX века поле нашего исследования внезапно освещается многочисленными точными и замечательно откровенными документами.

Начиная с правления Пипина Короткого, церковные постановления, законодательные уложения и даже сообщения арабских путешественников констатируют присутствие в каролингской империи значительного числа процветающих иудеев—крупных коммерсантов (в каролингских капитуляриях упоминаются *negotiatores judaei et alii*, т. е. иудейские и иные коммерсанты), знаменитых путешественников («они говорят на персидском, арабском, греческом языках,

а также на языках франков, испанцев и славян. Они путешествуют с запада на восток и с востока на запад иногда по суши, а иногда по морю. . . »), а также землевладельцев и крестьян. При Людовике Добром они добились получения «защитных грамот», разрешавших им жить по их собственным законам и, в частности, запрещавших крестить их рабов. Пользуясь покровительством при дворе, они не упускали возможности обратить в свою веру христиан, что вызывало наибольшее беспокойство христианского духовенства и служило причиной направленных против них яростных обвинений. Лионские архиепископы Агобард и Амолон оказались на острие этой борьбы. Явным преувеличением представляется мнение протестантского историка Виганда, что «источником антисемитизма средних веков в целом является Агобард». Тем не менее, его акции можно рассматривать как отправную точку эпохи евангелизации, которая развивалась в глубину и вызывала «вспышку религиозных чувств в душах людей». Многочисленные антиеврейские сочинения Агобарда и Амолона, дошед-

шие до нас практически полностью, дают нам возможность оценить как положение евреев в каролингской империи и отношение к ним христиан, так и конкретные причины возобновления церковной вражды. Мы изучим здесь эти вопросы достаточно подробно. Но сначала рассмотрим подробности конфликта, в центре которого оказался Лион.

Архиепископ Агобард (778-840), по мнению Анри Мартена, являвшийся «самым просвещенным человеком своего времени», принадлежал к когорте образованных и энергичных реформаторов, вышедших из той эпохи, которую принято называть «каролингским возрождением». Будучи глубоко озабоченным тем влиянием на свою паству, которое приобрела еврейская колония Лиона, он обратился к императору Людовику Благочестивому с напоминанием о решениях церковных соборов и просьбой санкционировать крещение рабов евреев. Вместо того, чтобы удовлетворить эту просьбу, император специально подтвердил привилегии евреев, а в Лион был послан Эверард, «magister judaeorum» (Magister

judoeonim—видимо, речь идет о чиновнике, который отвечал за отношения с еврейскими общинами и за соблюдение их прав.), чтобы обеспечить их выполнение. Очень быстро конфликт обострился: после сурового выговора и ссылки в Нантюа пылкий прелат (отметим, что в конфликте между Людовиком Благочестивым и его сыновьями он принял сторону последних) не признал свое поражение и из года в год возобновлял свои попытки. В этих условиях были написаны известные нам пять антиеврейских посланий Агобарда, из которых мы узнаем, что евреи жили в Лионе в условиях свободного общения с христианским населением, проявляли широкое гостеприимство, держали слуг-христиан и, вместо того, чтобы проникнуться проповедями архиепископа или разрешить крестить своих рабов, даже обращали в свою веру некоторых христиан. Но дадим слово самому Агобарду:

«С какой бы благожелательностью мы к ним ни относились, нам не удалось привлечь их к чистоте нашей духовной веры. Напротив, многие из нас охотно делили с ними плотские яст-

ва, позволяя соблазнять себя и их духовной пищей». В самом деле, «положение дошло до того, что невежественные христиане утверждают, будто евреи проповедуют лучше, чем наши священники», «некоторые христиане доходят до того, что празднуют субботу вместе с евреями и не соблюдают святой отдых в воскресенье. Многие женщины живут как служанки или наемные работницы у евреев, некоторых из них они отвращают от выполнения своего долга. Люди из народа, крестьяне позволяют увлечь себя в такой океан ошибок, что они видят в евреях единственный народ Бога, и полагают, что только у евреев можно встретить соблюдение чистой религии и гораздо более твердой веры, чем наша...». Агбард горько жалуется на кощунственные вымыслы об Иисусе, Деве Марии и апостолах, распространяемые евреями. Он напоминает императору о его ответственности: «Иудеи злоупотребляют простотой христиан, обманно кичатся своей ценностью в ваших глазах, ссылаясь на патриархов, от которых они происходят... Они демонстрируют ордонансы, подписанные вашим име-

нем, украшенные вашей золотой печатью и содержащие слова, в истинность которых я не могу поверить. Они показывают платья, которые, как они уверяют, их жены якобы получили в дар от вашей семьи и придворных дам; они похваляются, что получили от вас в нарушение закона право строить новые синагоги. . . »

Этой власти над душами соответствует иудейское влияние на нравы и обычаи. Чтобы евреи могли свободно праздновать свою субботу, было приказано перенести на другой день базар, который происходил по субботам, причем евреям даже предоставили возможность выбрать для этого подходящий день недели. . . »

Каково бы ни было однако благородное возмущение, переполнявшее душу Агобарда, он был совершенно далек от обвинения евреев в тех дьявольских занятиях—осквернение просфоры, ритуальные убийства, отравление колодцев,—которые в дальнейшем станут лейтмотивом антиеврейских кампаний. Здесь конфликт развивается исключительно в плане религиозной полемики; Агобард особенно активно нападает на

«иудейские предрассудки»; предписываемые им средства для защиты душ его паствы от заразы иудаизма сводятся к обеспечению максимально возможной изоляции христиан от евреев с помощью строгого соблюдения решений прежних соборов. Речь шла о том, чтобы положить конец совместным трапезам, запретить евреям иметь рабов или слуг, исповедующих христианство, и остальное в том же духе.

Двадцать лет спустя его последователь Амолон повторит и усилит эти увещевания: «... проклиная неверность евреев и стремясь защитить христианский народ от их заразы, я трижды публично требовал, чтобы верные христиане держались от них подальше, чтобы ни один христианин не работал на них ни в городе, ни в деревне, чтобы они обеспечивали себе работников только из числа своих рабов-язычников. Затем я запретил прикасаться к их еде и питью. Я опубликовал еще несколько строгих распоряжений, чтобы вырвать это зло с корнем, следуя примеру нашего благочестивого пастора, учителя и предшественника Агобарда». . . Епископы Хинк-

мар из Реймса, Ванило из Санса и Родольф из Буржа оказали Амолону решительную поддержку, и в 848 году собор в Мо потребовал применения прежних канонических решений и эдиктов Феодосия П.

Необходимо отметить, что применение на практике подобных решений обязательно влечет за собой ухудшение экономического положения евреев. Пока мы еще не дошли до этого, и призывы Агобарда, Амолона или Хинкмара к тогдашним властям, похоже, не вызвали практических результатов. Тогда время для этого было мало подходящее: то была эпоха верденского договора и хаотической феодальной раздробленности, которая за ним последовала. Но нельзя игнорировать связь между этими призывами и одним нововведением, имевшим тяжелые последствия. В самом деле, в IX веке (точную дату установить не представляется возможным) отмечается значимое изменение в римско-католической литургии в части, касающейся евреев. Если до этого во время богослужения в день Святой пятницы полагалось последовательно молиться за ново-

обращенных, за евреев и за язычников, совершая коленопреклонение после каждой молитвы, то отныне в требниках указывалось: *pro Judaeis non flectant* (не преклоняют колени за евреев). Таким образом подчеркивалось, что евреи принадлежат к особой категории, что это нечто иное и более серьезное, чем простые язычники. В результате зародилась концепция, полномасштабное воздействие которой проявится лишь через несколько веков.

Более того, эта же самая концепция проложила путь и в совсем ином направлении. Мы сейчас находимся в эпохе, когда драматическое искусство средних веков, вышедшее, как известно, из литургии, делает свои первые и еще очень робкие шаги. На протяжении столетий церковные власти запрещали превращать в спектакли большие религиозные праздники, петь и танцевать перед храмами. Отныне эти запреты исчезают: церковная служба получает свое продолжение на паперти перед собором, начинает развиваться искусство постановки, и в результате рождается религиозный театр, в котором на Пас-

ху самыми распространенными сюжетами станут распятие и воскресение, а также победа церкви над синагогой.

Следует ли видеть в этой легализации массовых стремлений неспособность духовенства полностью выкорчевать остатки язычества? Идет ли здесь речь о праздновании вечного мифа о победе Весны над Зимой, к которому церкви пришлось приспособиться и которому она была вынуждена придать новую форму? Это не имеет значения. Остается фактом, что отныне эта тема становится все более популярной: теперь ее пластическое выражение можно найти на бесчисленных молитвенниках и предметах культа, где церковь и синагога персонифицированы: церковь представлена в образе молодой прекрасной женщины, а синагога в образе вдовы с завязанными глазами. Эта тема была известна докторам богословия со времен Августина, но она оставалась недоступной широким массам. И вот теперь им внушают в самой впечатляющей манере понятие особенности и исключительности евреев. К тому же необходимо специально подчеркнуть, что

здесь речь идет только о неверии и спеси евреев: нет ни одного текста того времени, в котором бы говорилось о злобе и вероломстве народа-богоубийцы.

Из всего сказанного выше можно сделать следующие выводы:

Само содержание антиеврейской пропаганды IX века показывает, что в эту эпоху не было ни малейшего следа специфического народного антисемитизма. Напротив, похоже на то, что иудаизм еще сохранял для христианского населения неоспоримую привлекательность. Вообще можно сказать, что пока фундаментально догматизированное христианство не утвердило окончательно свою власть над людскими душами, на них легко могла оказать влияние иудейская пропаганда. В самом деле, аналогичные ситуации обнаруживаются на Востоке в III и IV веках, на Западе в эпоху расцвета средневековья и в России XV века: когда недавно обращенное в христианство население знакомится с зачатками Священной истории, многие «видят в евреях единственный народ Бога», «народ, достойный любви благодаря патри-

архам, от которых он произошел» (Агобард). Эта точка зрения, не лишенная некоторой наивной логики, с чем трудно не согласиться, приводит этих людей к готовности внимательно прислушиваться к доводам евреев. В каролингской Франции обращения в иудаизм должны были получить особое распространение, поскольку их привилегированное экономическое положение позволяло евреям оказывать давление на своих рабов и слуг. Разумеется, мы не располагаем никакими статистическими данными, но еврейскому соблазну поддавались даже высокопоставленные служители церкви, как это показывает знаменитая история дьякона Бодона, духовника Людовика Благочестивого, который принял иудаизм и нашел убежище в Испании, где принял имя Елиазара и в 829 году женился на еврейке. Именно в этом контексте следует рассматривать деятельность его современников Агобарда и Амолона.

Более того, тесное сожителство между иудеями и христианами влекло за собой пересечения и перемешивания, которые мы уже наблюдали в императорском Риме. В действительности

речь идет о настоящем смешении; происходившем на протяжении многих столетий, так что уже в прошлом веке такие исследователи как Ренан или Леруа-Болье пришли к предположению, что евреи, по крайней мере частично, имеют европейское происхождение. В наши дни эта гипотеза нашла подтверждение в данных генетических и серологических обследований, результаты которых хотя и не проясняют фальшивую проблему «расового происхождения» евреев (Как известно, популяционная генетика оспаривает существование «человеческих рас» (в биологическом смысле).), но не исключают возможности смешивания, эквивалентного тотальному, что означает, если это выразить в шуточной манере, что месье Израэль Леви имеет такие же шансы, как и его консьерж, происходить по прямой линии от Верцингеторикса (знаменитый вождь галлов, воевавший с Юлием Цезарем,- прим. ред.). Эта констатация не лишена некоторой пикантности, если вспомнить об упорстве, с которым некоторые авторы, иногда далекие от антисемитизма, настаивают на—«расовых» интерпретациях ев-

рейского вопроса.

***

Благоприятное положение евреев в каролингской Франции вело к быстрому увеличению числа их колоний. Процветающие общины возникли в Шампани, Лотарингии, в рейнских городах и вплоть до Праги: колонизация распространялась с запада на восток, и до XII века французский был обиходным языком еврейских общин Германии точно так же, как и во Франции (Это вытекает, в частности, из комментариев к Библии и Талмуду, составленных на востоке Франции в XI и XII веках. В этих текстах засвидетельствовано большое количество французских слов, написанных еврейскими буквами (гlossы); эти рукописи служат ценным источником сведений о произношении французского языка того времени. Некоторые из этих французских выражений даже сохранились вплоть до нашего времени в идише польских евреев. В качестве примера можно привести «tcholend» («горячее блюдо»), происходящее от старофранцузского глагола «chaloir» («быть горячим») и личного имени «Yenta» («Жаннетта»). Точно так же весьма характерное выражение «Bobé-maïsses» («выдумки, шутки») проис-

ходит от приключений сира де Бове, которые были очень популярны у немецких евреев в средние века под названием «Bova-Buch» («Книга о Бове»). Короли, сеньоры и епископы предоставляли евреям широкую автономию: они имели свою систему самоуправления и жили по своим собственным законам.

Талмудическая наука расцветает на берегах Рейна и Сены в то самое время, когда она приходит в упадок в Вавилоне. В Труа знаменитый Раши пишет свои комментарии к Библии и Талмуду, которые и сегодня составляют неотъемлемую часть традиционного еврейского образования. Как и в предыдущие столетия евреи образовывали настоящую коммерческую гильдию с широкими международными связями; предпочитая жить в отдельных кварталах, они продолжали поддерживать свободные контакты с христианами, с которыми они находились в полном согласии. Разумеется, все чаще и чаще хронисты эпохи проявляли склонность к тому, чтобы присоединить к слову «еврей» какой-нибудь грубый эпитет, а обвинение в колдовстве стало под

их пером общим местом. Но все эти люди, формировавшие общественное мнение, принадлежали церкви. Тем самым они представляли заинтересованную сторону, так что по самому большому счету следует считать весьма показательным, что вплоть до XI века ни одна хроника не упоминает о вспышках народного гнева против евреев.

Вскоре после тысячного года смутные слухи начали волновать христианский мир. Якобы по наущению евреев «князь вавилонский» разрушил фоб Господень, обрушил на христиан Святой земли чудовищные преследования и приказал отрубить голову патриарху Иерусалима. Хотя это была лишь восточная легенда (на самом деле, нетерпимый халиф Хаким жестоко преследовал как евреев, так и христиан), на Западе князья, епископы и вилланы немедленно начали мстить евреям: в Руане, Орлеане, Лиможе (1010 г.), в Майнце (1012 г.) и, конечно, в других рейнских городах, а также, по-видимому, в Риме евреев насильно обращали в христианство, убивали и изгоняли, а наделенный богатым воображением монах Рауль Глабер уверяет нас даже, что «во всем

мире все христиане были единомышленны в своем решении изгнать всех евреев из своих земель и своих городов». Это было безусловное преувеличение, и волна гнева улеглась так же быстро, как и поднялась. Она была лишь предвестником того подъема религиозного энтузиазма, который послужит необходимым цементом для здания средневекового христианства, но также даст сигнал для массовых преследований евреев. Положение евреев продолжало оставаться достаточно прочным для того, чтобы по-прежнему происходили имевшие большой резонанс обращения в иудаизм (Например, обращение в иудаизм Вецелина, капеллана герцога Конрада, родственника императора Генриха II (1005 г.), или обращение Рената, герцога Санского

(1015г.)). Когда в 1084 году Рюдигер, епископ Шпейра, вручает евреям хартию, он специально оговаривает, что их присутствие «многократно увеличивает славу города», и разрешает им в нарушение традиционных запретов иметь христианских слуг и сервов, владеть полями и виноградниками и носить оружие.

Хартия Рюдигера датирована 1084 годом. Разумеется, она была бы совершенно невозможна несколькими десятилетиями позже. В самом деле, сейчас мы находимся на пороге кризиса христианства эпохи крестовых походов.

II. ЭРА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Роковое лето 1096 года

В истории Запада имеется немного дат, имеющих столь же большое значение как 27 ноября 1095 года, когда на соборе в Клермон-Ферране папа Урбан II призвал к Крестовому походу, видимо не подозревая, какой мощный отклик получит в христианском мире его призыв. Первостепенное значение, которое имели крестовые походы для расцвета средневековой цивилизации, прекрасно известно: всеобщее пробуждение коммерческой и интеллектуальной деятельности, за которым последовал подъем городской буржуазии, но особенно рост самосознания христианской Европы, нашедший свое отражение уже в хрониках первых крестоносцев. Однако обычно в гораздо меньшей степени осознаются последствия, которые имело это грандиозное предприятие для той странной и уникальной судьбы евреев в Европе, каковой ей отныне суждено было стать.

Тем не менее, историк находится здесь в привилегированном положении, потому что в его распоряжении имеются многочисленные и весьма красноречивые источники. Итак, попробуем проникнуться духом этой героической и сумбур-

ной эпохи, когда с криком «Такова воля Божья» рыцари, монахи и простолюдины покидали свои семьи и домашние очаги и отправлялись в путь навстречу волшебной судьбе. На своих одеждах они носили знак креста; чтобы они ни делали, им было обещано вечное блаженство. Они стали божьими мстителями, на которых возложена обязанность покарать всех неверных, кем бы они ни были. Хронисты сообщают нам это со всей определенностью:

«Omnes siquidem illi viatores, Judaeos, haeretios, Sarracenos acqualiter habeant exosos, quos omnes Dei appellant inimicos». (Пусть они в одинаковой степени сильно ненавидят бродяг, иудеев, еретиков и сарацинов, которых всех [они] называют врагами Божьими)

С этого времени нет ничего более естественного, чем обрушить попутно это отмщение на неверных, живущих в христианской стране. Поступить иначе означало бы, по словам крестоносцев в Руане, вывернуть все дело наизнанку. Этому рассуждению нельзя отказать в жесткой логике, которая также обнаруживается в дру-

гих местах и в другое время, но которая служит оправданием легких и доходных грабежей, особенно в вихрях, всегда возникающих на поверхности больших революционных порывов. Так что массовые убийства евреев совершались не организованными армиями баронов, а шедшими впереди них аморфными отрядами простонародья.

Конечно, до нас не дошли все детали. Что касается Франции, то с полной уверенностью мы можем говорить только о резне в Руане. Но некоторые хроники упоминают и о других массовых убийствах. Так, Ричард де Пуатье писал: «... прежде чем добраться до этих мест, они [крестоносцы] много раз устраивали массовые избиения евреев, во время которых уничтожили еврейское население почти во всей Галлии за исключением согласившихся принять христианство. При этом они говорили, что было бы несправедливо оставлять в живых на своей родине врагов Христа в то время, когда они взялись за оружие, чтобы изгнать неверных». Это подтверждается и еврейскими источниками: в срочном послании еврейские общины Франции извещали своих единовер-

цев в Германии об угрожающей им опасности. Нам также известен и ответ на это послание: молясь за своих собратьев в постигшем их несчастье, они уверяли их в своем убеждении, что им ничто не угрожает. Это был ни на чем не основанный оптимизм: именно в Германии, в долине Рейна, где были сосредоточены, может быть, самые многочисленные еврейские общины, произошли наиболее систематические и кровавые избиения.

Что касается пылкого проповедника народного крестового похода Петра Затворника, то похоже, что он действовал вполне реалистически, воздерживаясь от бесполезных жертв и довольствуясь наложением на евреев контрибуции, чтобы обеспечить своим отрядам пропитание и необходимые средства. Совсем иначе обстояло дело с несколькими бандами, возглавлявшимися как французскими, так и немецкими сеньорами Гийомом ле Шарпантье, Томасом из Фери и особенно Эмихо из Лейзингена, «очень знатным и могущественным человеком» по уверению Альберта Дахенского. Эти банды на своем пути вниз по долине Рейна занимались систематическими

массовыми убийствами.

Дух грабежа, царивший над этим предприятием, отчетливо выступает во всех действиях Эмихо, который часто прежде чем убивать евреев, брал с них выкуп за так называемую защиту. Благонамеренный аспект этих событий проявлялся в той альтернативе, перед которой неизменно оказывались евреи: крещение или смерть. Первая попытка массовой резни имела место в Шпейре 3 мая 1096 года, но благодаря быстрому вмешательству Иоанна, городского епископа, приказавшего разогнать банду Эмихо, было убито только одиннадцать евреев. Двумя неделями позже в Вормсе события развернулись совершенно иначе.

Когда известия о событиях в Шпейре достигли Вормса, часть еврейской общины нашла убежище во дворце епископа Адальберта; другие остались в своих домах, поскольку горожане обещали им защиту. Всех постигла одна и та же участь: сначала были вырезаны те, кто остался дома, это произошло 18 мая, затем 25 мая пришла очередь тех, кто искал защиты у

Адальберта—они были поставлены перед неизбежным выбором самим епископом. Но дадим слово еврейскому хронисту Соломону бар Симеону:

«25 ияра (по еврейскому календарю месяц, обычно соответствующий апрелю-маю,- прим. ред.) ужас охватил тех, кто скрывался во дворце епископа. Враги убивали их как и тех, кто был убит раньше, пронзая мечами. Они собирали все свое мужество по примеру своих братьев и шли на смерть, прославляя Имя... Они выполняли слова пророка: «Матери были распростерты на своих детях, отец падал на своих сыновей. Один убивал брата, другой—родителей, жену и детей; женихи убивали своих невест, матери—детей. Все принимали с открытым сердцем божественный вердикт: поручая свои души Вечному, они восклицали: «Слушай, Израиль; Господь Бог наш, Господь Единый». Враги срывали с них одежду и волокли их, не щадя никого, кроме тех немногих, кто принял крещение. За эти два дня было убито около восьмисот евреев...»

Двумя днями позже наступила очередь евре-

ев Майнца, которые

, на своих жен и детей, матерей и отцов, и сами истребили друг друга. Ужас охватывает при этих словах: матери хватали ножи и перерезали горло собственным детям, которых они вскормили своим молоком, предпочитая погибнуть от своих собственных рук, чем пасть от рук необрезанных. Удалось спастись от ужасной гибели лишь ничтожному количеству евреев, а несколько человек приняли крещение скорее из страха смерти, чем из любви к христианской вере».

е сначала попытались защищаться с оружием в руках, как сообщает Альберт Аахенский. Нельзя не отметить трогательную параллель между обоими рассказами: возмущение христианского хрониста по своей силе едва уступает гневу рассказчика-еврея:

«... Эмихо и все, кто был в его банде, собрались на совет, а затем на восходе солнца напали на евреев, вооружившись пиками и мотыгами... Разбив запоры и взломав двери, они набрасывались на них и убили семьсот человек, которые тщетно пытались защищаться от столь превос-

ходящих сил; женщин убивали вместе с мужчинами, и маленькие дети обоего пола также были зарублены. Евреи, видя как христиане пошли с оружием в руках на них и на их детей, не щадя ни старых, ни малых, сами взяли за оружие, которое они направили на своих единоверцев

Евреи Кельна получили месячную передышку, сумев найти на несколько дней пристанище у своих соседей и друзей-христиан. С помощью архиепископа они получили убежище в соседних населенных пунктах, где их и застали врасплох крестоносцы в конце июня. Оказавшись перед неумолимым выбором, большинство из них предпочло прибегнуть к высшей степени протеста—самоубийству. Большинство евреев Трира нашли свое спасение в принятии христианства, последовав примеру раввина Михеаса, заявившего, что «лучше быть христианином, чем дрожать за свою жизнь день и ночь». Евреи из Регенсбурга, которых загнали в Дунай и насильно крестили, отреклись сразу же после ухода крестоносцев. Массовые убийства евреев происходили также в Меце, в Бамберге, а также в других

городах Германии.

Важно отметить, что почти повсюду графы и епископы (Адальберт в Вормсе, архиепископ Рутхард в Майнце, архиепископ Германн III в Кельне, граф Мерский и другие) пытались, иногда даже с риском для собственной жизни, защищать евреев, отдавая их крестоносцам только по принуждению силы. Что касается простых людей, то создается впечатление, что первым чувством всегда была жалость и изумление. На примере Кельна видно, что они оказывали евреям по мере возможности действенную помощь. Лишь городское отребье повсюду присоединялось к убийцам.

Последняя резня произошла в Праге вопреки усилиям епископа Косьмы. Число жертв этой резни сильно колеблется в разных источниках, но в любом случае оно превышает несколько тысяч.

* * *

Но голые цифры ничего не значат в этом деле.

Мы сейчас присутствуем при эпохальном событии нашей истории. Упорные, мужественные (кто-то может сказать: фанатичные) евреи из долины Рейна в противоположность евреям Испании или стран Востока предпочли умереть, чем принять даже подобие обращения. Как объяснить эту разницу в поведении? Было ли это презрение к бандитам и черни, пытавшимся проповедовать ненавистное им евангелие; или, оказавшись перед необходимостью сделать внезапный выбор, они просто не имели времени для постепенных уступок и тайных способов приспособления, как это делали анусим в Северной Африке или марраны в Испании. Как бы там ни было, подобно тому как раскаленное стальное лезвие, внезапно опущенное в ледяную воду, приобретает гибкость и прочность при любых нагрузках, неожиданные, как гром в ясном небе, испытания лета 1096 года привели к формированию силы сопротивления, которую проявляли отныне европейские евреи. Не имеет большого значения, что

наши источники по некоторым пунктам не дают точной информации и что можно без конца спорить по поводу количества жертв, которое в любом случае покажется незначительным по сравнению с катастрофами последующих веков. Существенно то, что за эти месяцы возникла традиция героического и абсолютного отказа, который ничтожное меньшинство противопоставило большинству, отказа, заключавшегося в принесянии в жертву собственной жизни «чтобы освятить Имя». Эта традиция будет служить примером и вдохновлять будущие поколения.

* * *

Когда буря прошла и силуэты крестоносцев растаяли за горизонтом, наши сведения вновь становятся более скудными. Известно только, что по возвращению из Италии император Генрих IV дал специальное разрешение насильственно крещеным евреям вернуться к вере их предков. Именно отсюда возникли особые отношения между германским императором и обязанными ему евреями, что породило теорию о «рабстве» немецких евреев. Известно также, что в послании к епископу Бамберга папа Климент III энергично протестовал против подобной практики, в чем нашла выражение фундаментальная позиция католической церкви, остававшаяся неизменной вплоть до XIX века (Канонические взгляды на «насильственное крещение», восходящие к Августину, фактически отвергали свободу воли. Так, в соответствии с этими взглядами для признания крещения недействительным просто факта принуждения к крещению силой или угрозами было недостаточно, необходимым условием было специальное выражение протеста или несогласия, заявленное в самый момент крещения.

Именно это уточняется в папской булле Иннокентия III в сентябре 1201 года: «Безусловно является противным христианской вере, чтобы кто-то, выражающий свое полное несогласие или протест, был принужден принять и исповедовать христианство. По этой причине некоторые делают различие, являющееся действительным, между теми, кто проявил нежелание, и теми, кто был принужден. Таким образом, пришедший к христианству под воздействием насилия, страха и пытки, тот, кто принял таинство крещения, чтобы избежать ущерба, а также фиктивно принявший крещение, справедливо получают печать христианства и могут быть принуждены силой соблюдать христианскую веру, так же как и тот, кто выразил условное согласие, хотя если говорить прямо, это тоже выражение несогласия. Именно так следует понимать постановление Толедского собора. Там сказано, что те, кого раньше силой заставили стать христианами, как это происходило во времена благочестивейшего принца Сисебуга, если была установлена их связь со святыми дарами через бла-

годать крещения, и они получили святое помазание и причащение телу Господнему, то они должны быть надлежащим образом принуждены соблюдать ту веру, которую они приняли насильно. Тот же, кто никогда не соглашался, но всегда выражал полное несогласие, тот не получал причастия, ибо лучше открыто возражать, чем проявлять малейшее согласие...» (A. Potthast. Regesta Pontificum Romanorum, Berlin, 1875, № 1479.)

Тех, кто «открыто возражал» против насильственного крещения, как правило, убивали на месте, поэтому практически все случаи крещения оказывались действительными). Наконец, известно, что через два года после массовых убийств, евреи Праги попытались спастись бегством в Польшу и Венгрию. Эта попытка провалилась и послужила предлогом для герцога Бржетислава санкционировать новые грабежи. Не известно, были ли подобные попытки в других местах. В Майнце, как сообщают многие хронисты, имели место длительные тяжбы по поводу похищенного имущества убитых евреев: Генрих

IV обвинил архиепископа Рутхарда в его присвоении, так как он рассматривал самого себя как законного наследника.

Похоже, что по крайней мере внешне положение евреев в других местах вновь стало таким же, каким оно было до этих событий. Находясь под защитой императора, они вернулись к своим обычным занятиям, причем коммерция по-прежнему оставалась на первом месте. В течение многих десятилетий не было и речи о преследовании евреев ни в Германии, ни во Франции, ни в Англии, где за это время они образовали компактную и процветающую общину. По видимому, они запросто общались с духовенством: известно, что один пражский епископ упрекал себя на смертном одре, что он имел слишком тесные контакты с евреями. Источники сообщают, что некий аббат в Кельне принимал евреев и евреек с дружескими визитами, сходное впечатление замечательного согласия оставляют и любопытные заметки, в которых крещеный еврей монах Германн излагает свою биографию и анализирует свои взгляды.

Так происходило до тех пор, пока прогрессирующее ослабление франкских государств Леванта и падение Эдессы не подтолкнули папу Евгения III и Бернарда Клервоского провозгласить в 1146 году новый крестовый поход. Известно, что эта вторая экспедиция, лучше подготовленная и организованная, чем первая, во главе с королем Франции и императором Германии, однако не вызвала массового народного движения подобного тому, что было в 1096 году. Однако проповеди крестового похода также сопровождались в различных местах широкомасштабными антиеврейскими выступлениями. Причем если пятьюдесятью годами ранее имело место лишь массовое спонтанное движение, то в этот раз оно получило теоретическую разработку со стороны пылких проповедников-монахов. Так, во Франции аббат Пьер из Ключни проповедовал: «Зачем с большими людскими и финансовыми потерями отправляться на край света для сражений с сарацинами, если мы позволяем жить среди нас другим неверным, которые в тысячу раз более виновны перед Христом, чем магометане?» Монах

Рудольф призывал в Германии: «... Отомстите сначала за Распятого тем врагам, которые живут здесь, среди нас, а уже затем отправляйтесь сражаться с турками!» Призывы Пьера из Клуни и Рудольфа не имели таких тяжелых непосредственных последствий, как народные эксцессы 1096 года: в эту эпоху ситуация уже находилась под более жестким контролем, так что князьям и епископам чаще всего удавалось оградить евреев от ярости толпы, тогда как Бернард Клервоский лично призывал народных проповедников к разуму, показывал им богословскую опасность их предприятия. Разве не рисковали они своими призывами к истреблению евреев положить конец великой надежде церкви на их обращение?

В хрониках отмечаются инциденты и массовые убийства лишь в Кельне, Шпейре, Майнце и Вюрцбурге в Германии, а также в Карантане, Рамерю и Сюлли во Франции. Общее число жертв в этот раз не превышало нескольких сотен. Но хроника сообщает нам и иное: именно в эту эпоху впервые возникает в двух различных местах обвинение в ритуальном убийстве, сопровожда-

емое обвинением в осквернении просфоры—эти два обвинения на самом деле составляют одно, поскольку и в убийстве христианского ребенка, и в покушении на «тело Христово» преобладает идея святотатства. Обвинения были выдвинуты в Германии в довольно смутной форме и в Англии, где они были сформулированы достаточно четко. И с этой точки зрения 1146 год является принципиально важным; мы еще вернемся к этому вопросу позже.

Итак, каждый раз, когда средневековая Европа была увлечена большим религиозным движением, каждый раз, когда христиане отправлялись на борьбу с неизвестным во имя Божественной любви, ненависть к евреям разгоралась повсюду. И их судьба становилась тяжелее в той мере, в какой благочестивые порывы сердец старались найти выход в действии.

Каждая или почти каждая проповедь крестового похода отныне имела одинаковые последствия. В 1188 году во время III крестового похода это были массовые бои в Лондоне, Йорке, Норвиче, Стэмфорде, Линне, а двадцатью года-

ми позже—преследования евреев на юге Франции во время Альбигойского крестового похода; во время неудачно провозглашенного крестового похода в 1236 году произошли массовые убийства на западе Франции, в Англии и Испании, о которых кроткий бенедектинец Дом Лобино пишет в следующих выражениях:

«Было мало сеньоров, которые в первой лихорадке проповедей искали бы крест полегче; но в дальнейшем хорошо видно, кому это оказалось в тягость. Чтобы побороть это отвращение им разрешали выкупить их обет отправиться на борьбу с неверными... Самая большая и первая экспедиция этих крестоносцев состояла в резне евреев, которые не были виноваты в тех несчастьях, от которых сарацины заставляют страдать христиан Востока. Жители Бретани, Анжу, Пуатье, Испании и Англии оказались замешаны в этой жестокой экспедиции 1236 года...»

После завершения эпохи крестовых походов во главе с крупными сеньорами массовые убийства евреев происходили, в основном, в ходе последних вспышек народного мистицизма, имев-

ших место на фоне социального кризиса начала XIV века: широкомасштабные народные волнения в Германии во время сорвавшегося крестового похода 1309 года и резня в Кельне, в Нидерландах, в Брабанте; крестовый поход «пастушков» на юге Франции в 1320 году и массовые убийства в Бордо, Тулузе и Альби.

Основные контуры этой драмы оставались неизменными: грабежи, обезумевшие от ужаса беглецы, неспособность сильных мира сего защитить евреев в час, когда «толпы, безутешные в оскорблении, нанесенном живому Богу, рвались их уничтожить», взятие штурмом укрытий и замков, коллективные самоубийства. Постоянные страдания очень плохо располагали к тому, чтобы возбуждать в сердцах евреев, которых с точки зрения богословия было столь важно обратить в христианство, любовь к Иисусу Христу. Но прежде чем перейти к обсуждению становящейся все более жесткой реакции евреев, сначала необходимо рассмотреть, как сказались эти события на отношении христиан к евреям.

**Первые серьезные
преследования евреев и
христианское общественное
мнение**

Как мы уже говорили, упоминания евреев, столь редкие в предыдущие века, становятся гораздо более частыми, начиная со времени первого крестового похода. Так, только о резне 1096 года мы располагаем примерно дюжиной свидетельств разных хронистов. Разумеется, речь идет о свидетельствах священнослужителей, т. е. интеллектуалов той эпохи. О том, что думали бароны и простонародье, мы можем только гадать. Но нельзя забывать, что нашими сведениями мы обязаны именно тем людям, которые формировали общественное мнение своей эпохи. Попробуем оценить, какое впечатление произвели на них эти события.

Вот, например, анонимный хронист, который в своем монастыре в Праге ведет своего рода дневник, в нескольких словах рассказывая о том, что по его мнению явилось наиболее заметным событием года. В 1094 году это была смена династии: король Вратислав умер, и его трон унаследовал Бржетислав. В 1095 году это было рукоположение епископа Косьмы. А в 1096 году — избиение евреев: «Была резня, и евреи были

крещены», — лаконично замечает он. (Что же касается собственно крестового похода, то о нем даже не упоминается.) Это значит, что речь идет о событии, которое сильно поразило воображение некоторых его современников.

Если нас интересует, что именно они думали по этому поводу, то одни говорят об этом в невозмутимой и безразличной манере, «объективно» излагая факты, как сказали бы мы на современном языке. Таковы наш хронист из Праги или автор анналов из Вюрцбурга в Баварии, который сообщает следующее:

«Бесчисленная толпа, представляющая все земли и все народы, шла на Иерусалим с оружием в руках и заставляла евреев принимать крещение, убивая во множестве всех тех, кто отказывался от этого. Недалеко от Майнца 1014 евреев, мужчин, женщин и детей, были убиты, а большинство домов сожжены. . . », и т. д.

Другие не скрывают своего удовлетворения. Так, монах Бернхольд в следующих выражениях говорит о евреях Вормса:

«Пока крестоносцы ожидали снаружи их от-

вета, евреи, искушаемые дьяволом и найдявшие себя под воздействием своего собственного ожесточения, совершили самоубийство в резиденции епископа».

А вот что пишет хронист Фруитольф:

«В городах, через которые они проходили, они [крестоносцы] убивали или заставляли креститься уцелевших к этому моменту нечестивых евреев, поистине являющихся врагами, которых церковь терпит в своем лоне. Среди них было и известное число тех, кто вернулся к иудаизму подобно собакам, возвращающимся к своей блевотине. . . »

Но были и такие, кто достаточно энергично осуждал убийства. «Разумеется, может показаться удивительным, что в один и тот же день одинаковые убийства, вдохновленные одной и той же мистической лихорадкой, могли произойти во многих различных местах», - таков комментарий монаха Хугона. «Это произошло вопреки возражениям духовенства, вопреки приговору многих священнослужителей к отлучению от церкви, а также вопреки угрозам многих

князей». Здесь осуждение имеет много оттенков. Гораздо более резко оно выражено у одного саксонского анонимного хрониста:

«...враг рода человеческого не замедлил смешать плевелы с зерном, вызвать ложных пророков и вовлечь в армию Христа фальшивых братьев и распутных женщин. Своим двуличием, своей ложью, своим безбожным распутством они смущали армию Господа (...) Они полагали необходимым отомстить за Христа язычникам и евреям. Поэтому они убили 900 евреев в городе Майнце, не пощадив женщин и детей (...); вызывало жалость зрелище огромных многочисленных нагромождений трупов, которые вывозили из города Майнца на телегах...»

Мы уже видели, что возмущение Альберта Дахенского было еще сильнее. Он считал, что провал «народного крестового похода» был вызван божественным наказанием, и видел здесь справедливое возмездие за бесчинства, совершенные попутно. В целом можно сказать, что крестоносцы были очень далеки от того, чтобы всегда вызывать хорошее отношение у авторов

наших хроник. Их неугомонность и их грабежи обычно смущали этих мирных церковников. Так, Эмихо из Лейзингена, немецкий барон, который был организатором основных массовых убийств, оказался объектом особенно резкого осуждения.

Итак, по-видимому, вначале общественное мнение было смущено и разделено. Но можно допустить, что те события, о которых мы только что говорили, вызвали новую вспышку враждебности по отношению к евреям. Этот феномен, с которым мы еще много раз встретимся на протяжении нашего исследования, легко объясним. Как правило, убийцы с еще большей ненавистью относятся к своим жертвам. Простые свидетели говорят себе, что должны быть достаточно веские причины для этих убийств. Наконец, крупные и мелкие грабители и все, кто извлекал из этого выгоду, опасались возвращения спасшихся бегством. С этой точки зрения резня 1096 года стала отправным пунктом для постоянного ухудшения положения евреев. К тому же другая цепь причин и следствий, также связанная с крестовыми походами, действовала в том же направлении:

открытие европейцами пути на Восток, постепенное наступление итальянцев на позиции евреев, как прирожденных торговцев, и подъем буржуазии в городах, переживавших период расцвета,— все это имело аналогичный эффект.

Мы в дальнейшем еще вернемся к этому фундаментальному аспекту нашей проблемы. Но в настоящий момент ограничимся рассмотрением того, каким образом эта эволюция начинает отражаться в общественном мнении той эпохи.

Как раз в это время вообще начинает складываться общественное мнение: на протяжении XII века появляются национальные литературы во Франции и Германии. Создаваемые на народном языке, они адресованы гораздо более широкой аудитории, чем прежний ограниченный круг читателей из среды духовенства. Что касается произведений религиозной направленности, то евреи фигурируют там достаточно часто, но отношение к ним еще далеко не однозначное. Так, имеется достаточно описаний «чудес», связанных с обращением евреев в христианство; об упорствующих в нежелании принять христианство пишут с нена-

вистью, например, Готье де Куанси:

«Все евреи, в чем нет сомнений,
Большие звери, чем сами зве-
ри.

Их все ненавидят, и я ненавижу,
И Бог ненавидит их,
И весь мир должен ненавидеть их».

Напротив, еврейского ребенка, которому в дальнейшем суждено познать милость Господа, тот же автор описывает в следующих выражениях:

«[он] умнее и прекраснее всех остальных евреев.

Он улыбался христианским детям
И играл с ними «вперед и назад»,
Без еврея они не смогли бы так».

Итак, еврейский мальчик играет с христианскими детьми, несмотря на недовольство своего отца. Его отец—стеклодув из Буржа. Все эти

мелкие детали дают некоторое представление о социальном положении евреев в конце XII века и об их отношениях с христианами.

Жену богатого еврея, которая в дальнейшем примет христианство, нам представляют как «женщину с сильным характером и склонную к милосердию».

Подобные мотивы обнаруживаются и в «Чудесном диалоге», принадлежащем перу немецкого автора Цезария Гейстербахского в 1219 году. Маленькая девочка, еврейка из Лувена, принимает крещение и поступает в монастырь. С помощью интриг и подкупа ее отец добивается от епископа Льежа решения, предписывающего матери-настоятельнице вернуть ему девочку, поскольку она несовершеннолетняя. Этим делом заинтересовался герцог, который обеспечил вмешательство папы, чтобы добиться торжества доброго дела. Некоторые детали этой истории, возможно, являются подлинными. Того, кто читает это повествование, не могут не поразить любопытные рассуждения, которые автор вкладывает в уста маленькой девочки, едва достиг-

шей пятилетнего возраста. В самом деле, ребенок удивляется: как получилось, что евреи и христиане носят разные имена, хотя они говорят на одном языке и одеты в одинаковые одежды? Мы располагаем здесь еще одним подтверждением той «ассимиляции» евреев, которая еще существовала в XII—XIV веках.

И пока дело обстояло таким образом, евреи казались легко «исправимыми», чем и вызвана распространившаяся в эту эпоху мода на «диспуты» в лицах, в конце которых еврей позволяет убедить себя и обращается в христианство. Некоторые из этих «диспутов» написаны на народном языке. Так, некий еврей провозглашает:

«Мы разочарованы слишком долгим ожиданием. Долгое ожидание нам мешало, Тот, кого мы ждали уже пришел. Мессия пришел. Я хочу креститься И уйти, покинуть мою дурную секту».

В драме XII века на латинском языке некий еврей прибегает к помощи христианского святого, чтобы сохранить свои сокровища. Он использует образ святого Николая как стража сокровищ. Сокровища оказываются украденными, но

святой Николай возвращает их ему, и еврей обращается в христианство. В другой латинской драме той эпохи, написанной по всей вероятности в Австрии, описывается приход Антихриста. После того, как Антихрист подчинил себе весь мир, одна только Синагога продолжает борьбу! Но подобная дань уважения является единственной в своем роде.

Вся эта литература доступна только части христианского мира, и пока еще весьма ограниченной части. Однако начинают воздвигаться большие соборы, созданные верой и любовью, они одновременно служат религиозными и социальными энциклопедиями, понятными всем верующим. На фронтонах соборов со всем возможным реализмом представлена история распятия; показывается также противостояние между Синагогой, представленной в виде униженной вдовы с завязанными глазами, и Церковью, олицетворяемой воинственной и ослепительной девственницей. . .

Такова была почва, на которой через полстолетия после I крестового похода взойдут ростки

точных и конкретных антиеврейских жалоб и претензий. Мы видели в предыдущей главе, как их убивали; посмотрим теперь, как их обвиняли в убийствах.

Ритуальное убийство

Обвинения в убийствах, совершенных в магических и колдовских целях, распространены во всех странах и на всех широтах. Так, в Китае, начиная с XIX века, христианские миссионеры обвинялись в том, что они воровали детей и вырывали у них сердце или глаза для изготовления амулетов и лекарств. В Индокитае население приписывало это преступление секте шетти. На Мадагаскаре во времена Галлиени (французский генерал-губернатор Мадагаскара в 1896-1905 годах,- прим. ред.) аналогичные подозрения относились на счет агентов французского правительства. В античные времена подобные упреки высказывались греками в адрес евреев, римлянами в адрес первых христиан, христианами в адрес гностиков, монтанистов и других сектантов. Понятно, что здесь речь идет о почти всеобщей теме, о настоящем архетипе, который проявляется в тех случаях, когда общество сталкивается с чужестранцами, вызывающими смущение и презрение.

Следует полагать, что сперва христианское общество не питало враждебности к евреям, по-

сколько никаких следов подобных обвинений в их адрес не обнаруживается вплоть до XII века. Можно также предположить, что эта враждебность возникла под воздействием страстей, разожженных крестовыми походами. Так, между 1141 и 1150 годом это обвинение спонтанно возникло в трех разных местах и в трех разных формах, которые в различных комбинациях породили бесконечные варианты и обозначили перспективу антиеврейских преследований вплоть до нашего времени.

В самом деле, эта тема после длительной эволюции приняла свою окончательную форму—убийство христианского ребенка, для смешивания его крови с опресноками. Вначале речь шла о ритуалах, связанных с христианской, а не еврейской пасхой. Добытая таким образом кровь (речь также могла идти о сердце или о печени) предназначалась для магических целей, столь же ужасных, сколь и разнообразных. Преобладала здесь идея мести, смешанная с видениями сатанинской фармакопеи. Главным образом имелось в виду воспроизведение убийства Христа (во пло-

ти или через посредство его изображения). Каноник Томас де Кантимпре даже удивлялся невежеству евреев: чтобы положить конец их мукам только кровь настоящего Христа могла им хоть как-то помочь, поэтому совершенно бесполезными были их ежегодные покушения на несчастных христиан. Эта тема быстро соединилась с верой в тайное и загадочное еврейское общество, конклав мудрецов, заседающих где-то с отдаленных краях и определяющих с помощью жребия место, где должно осуществиться жертвоприношение, а также его исполнителя. Так, уже в XII веке начал складываться миф о мудрецах Сиона.

Как мы видели, первое дело о ритуальном убийстве возникло в 1144 году в Англии. Тело юного подмастерья было обнаружено накануне Святой пятницы в лесу около Норвича. Распространился слух, что мальчик был убит евреями в насмешку над Страстями Спасителя. Обвинители уточняли, что убийство было запланировано заранее; якобы на совещании раввинов в Нарбонне местом ежегодного жертвоприношения был избран Норвич. Власти не проявили доверия к это-

му обвинению, и городской шериф принял меры для защиты евреев. Однако произошли беспорядки, и один из влиятельных евреев города был убит разорившимся рыцарем, который по случайному совпадению оказался должником убитого. В результате этой истории возник местный культ; на протяжении многих веков мощи святого Уильяма были объектом паломничества.

Таким образом, мы с самого начала обнаруживаем некоторые основные элементы, которые будут характеризовать дела такого рода на протяжении столетий. Необходимо сюда добавить еще один элемент, с которым мы также неоднократно столкнемся: один из главных обвинителей, монах Теобальд из Кембриджа, был евреем-вероотступником, лишь недавно крестившимся. Похоже, что именно он сообщил все невероятные подробности о мотивах преступления и о том, как оно было совершено.

Следующее дело выглядит гораздо более примитивным. В 1147 году в Германии, в Вюрцбурге, во время провозглашения II крестового похода в водах Майна было обнаружено тело некоего хри-

стианина; тотчас же городские евреи были обвинены в убийстве, начались гонения, и несколько человек было убито. Напротив, обвинение, возникшее тремя годами позже, было порождено гораздо более изощренной фантазией. Речь здесь идет о теме осквернения святых даров. По сути речь идет о достаточно старом мотиве—он присутствует уже у Григория Турского—но который всегда трактовался как легендарный рассказ о событиях, случившихся где-то далеко на Востоке, в Бейруте или Антиохии. Здесь в первый раз нам сообщают эти факты, как происходившие где-то совсем близко, на глазах у рассказчика; в каком-то смысле это уже «совсем другая история»: так оскверненная просфора превращается в труп маленького ребенка. . . Но дадим слово хронисту из Льежа Жану Замаасскому, который уверяет нас, что в 1150 году произошло следующее чудо:

«В этом году случилось так, что в Кельне сын одного еврея, принявший христианство, в день Пасхи пошел в церковь, чтобы причаститься телу Господню вместе с остальными. Он положил облатку в рот и в спешке понес ее домой; но ко-

гда он вернулся из церкви, он испугался и в голове у него помутилось; он вырыл яму в земле и похоронил там облатку; но пришел священник, раскопал яму и обнаружил там останки ребенка, которые он хотел отнести в церковь; тут с неба спустился яркий свет, ребенок был взят из рук священника и вознесен на небо».

Хронист ничего не говорит о том, состоялась ли по этому поводу суд и какова была участь осквернителя. Основные элементы этой истории также присутствуют начиная с середины XII века: акт святотатства, совершенный евреем, который поэтому является двойным ренегатом, превращение облатки в живую плоть, а в завершение одно из тех чудес, которые были столь нужны церкви. Но следует задать вопрос, почему обвинение в двух своих основных вариантах появляется именно в эту эпоху? Была ли эта старинная выдумка принесена в Европу крестоносцами, возвращавшимися с Востока? Всплыла ли она вновь на поверхность в результате религиозного неистовства, выполняя роль удобной отдушину подобно обвинению, которое должник вына-

шивает против своего кредитора? Возникла ли она спонтанно в среде низшего духовенства или монахов-проповедников, в чьих страстных проповедях содержались подробные и кровавые, воспоминания о страданиях Христа и мартирологе святых? Эти проповеди сеяли волнения и угрызения совести, от которых расстроенное сознание стремилось избавиться, «проецируя» их на евреев. Было ли какое-то невыразимое родство между пасхальным агнцем и козлом отпущения? Нет никакого сомнения, что речь шла о смутном комплексе преступления, вины и искупления—но нет ничего более темного, чем процесс рождения мифа.

По крайней мере распространение именно этого мифа и его последствия хорошо известны. По-видимому, сначала дела о ритуальных убийствах были достаточно редки. Хроники сообщают о нескольких случаях в Англии в конце столетия; тогда же эта выдумка достигает континента: в 1171 году в Блуа после процесса, проведенного по всей форме, тридцать восемь евреев нашли свою смерть на костре; в 1191 го-

ду в Брей-сюр-Сен число жертв достигло сотни. Но в следующем столетии эта клевета стала распространяться с особенно большой скоростью, на этот раз преимущественно в Германии, где один только 1236 год оказался отмеченным многими кровавыми делами подобного рода. Беспорядки достигли такого масштаба, что император Фридрих II начал беспокоиться по этому поводу и назначил комиссию из высокопоставленных сановников, чтобы раз и навсегда установить, есть ли хоть гран истины в этих ужасных обвинениях в использовании человеческой крови. Князья и прелаты не смогли прийти к согласию, настолько сложным казался им этот вопрос. В качестве просвещенного монарха император обратился тогда к лучшим специалистам, т. е. к обращенным в христианство евреям, которые «исповедуя ранее иудаизм и обратившись в христианскую веру, как противники иудеев, не смогли бы ничего скрыть из того, что они знают против них из книг Моисеевых . . . » Император собрал этих экспертов из всех городов Империи и даже попросил «всех королей Запада» послать их ему; он держал этих

специалистов при своем дворе «продолжительное время», чтобы они имели возможность «добросовестно установить истину».

Мнение ученой комиссии было категорическим: нет ничего ни в еврейской Библии, ни в «еврейских предписаниях, называемых Талмудом», из чего можно было бы заключить, что евреи «жаждут человеческой крови». Напротив, их законы категорически запрещали им ее использовать. В результате, в июле 1236 года император издал «Золотую буллу», в которой он постарался раз и навсегда очистить евреев от ужасного обвинения.

Но эта попытка провалилась: выдумка пустила уже слишком глубокие корни. Еще через десять лет этим вопросом даже занялась папская канцелярия: в 1247 году папа Иннокентий III выпустил первую буллу по этому поводу, за которой на протяжении столетий последует много других. Вот красноречивый отрывок из буллы 1247 года:

«Хотя Священное Писание учит евреев: «Не убивай», и запрещает им на Пасху прикасаться к убоине, их ложно обвиняют в том, что на Пасху

они разделяют между собой сердце убитого ребенка, утверждая, что это предписывают им их законы, тогда как на самом деле законы это строго запрещают. Если где-то обнаружат труп, то убийство злостно приписывают евреям. Их подвергают преследованиям, используя в качестве предлога эти выдумки или другие, подобные им, и вопреки привилегиям, дарованным им апостольским Святым Престолом, без суда и следствия, попирая правосудие, у них отнимают все их имущество, их морят голодом, берут под стражу, пытаются, так что их судьба оказывается еще хуже, чем жизнь их предков в Египте. . . »

Все эти усилия оставались безрезультатными, и отныне дела о ритуальных убийствах и об осквернении просфор постепенно заменят крестовые походы в качестве предлога для массовых убийств, как например, дело об окровавленной просфоре в Реттингене, о чем речь пойдет ниже. Из другой папской буллы, датированной 1273 годом, следует, что в это время возник чудовищный промысел: профессиональные шантажисты прятали своих детей, а затем обвиняли евреев в их

похищении. Это давало возможность в зависимости от ситуации или врываться в дома евреев и грабить их силой, или заняться не менее выгодным шантажом. Наряду с непосредственными результатами подобных дел следует учитывать и их отдаленные последствия. В самом деле, некоторые из этих дел глубоко проникли в народное воображение и породили настоящие культы, пронося таким образом через поколения свою кровавую тему.

В местах, где якобы были совершены эти злодеяния, появлялись сообщения о чудесах, имели место канонизации, на протяжении веков совершались паломничества. Все это давало широкие возможности для проявления наивной и чистой веры толпы. Так, дело об осквернении просфоры возникло в Брюсселе в 1370 году, и два десятка евреев были сожжены, а другие изгнаны. Две часовни были сооружены в следующем столетии в память об этом событии. Богослужения по этому случаю в конечном итоге привели к возникновению главного религиозного праздника Брюсселя, которой отмечается с большой пышностью и в

наши дни каждое третье воскресенье июля. Этому посвящена и обильная религиозная литература.

Дело о ритуальном убийстве в Тренто, в Тироле, было организовано в 1473 году, девять евреев были арестованы, подвергнуты допросу и после долгих пыток признали все, чего от них добивались, а именно убийство маленького мальчика по имени Симон. Попытки папы вмешаться в это дело оказались безрезультатными, и все они были казнены. Подкрепленная «добровольными признаниями» жертв, клевета распространилась с молниеносной скоростью, о чем свидетельствует целый ряд подобных случаев, произошедших в Австрии и Италии в тот же период. Каждый раз дело заканчивалось аутодафе и изгнаниями. Что же касается места, где началась вся эта история, то туда начали стекаться паломники, там была построена мемориальная часовня; чудеса и исцеления, происходившие на могиле маленького Симона, привели к тому, что в 1582 году он был причислен к лику блаженных, хотя Рим так никогда и не согласился с обвинением евреев в

этом убийстве.

Дело в Эндингене, в Баварии, замечательно тем, что убийство произошло в 1462 году, а обвинение было выдвинуто только в 1470. Это дело послужило источником для «Endinger Judenspiel» («Еврейское театральное действие в Эндингене»), одной из самых знаменитых пьес народного немецкого театра эпохи Возрождения. Еще более ощутимыми оказались последствия дела в Берне, откуда евреи были изгнаны в 1294 году под предлогом исчезновения маленького мальчика. Этот инцидент породил легенду, оказавшуюся достаточно стойкой для того, чтобы двести пятьдесят лет спустя в центре города был воздвигнут монумент «Kinderfressenbrunnen» («колодец пожирателя детей»), местная достопримечательность, которую и по сей день могут созерцать туристы.

Подобные примеры можно приводить в очень большом количестве: усердные хронисты насчитали более сотни дел об осквернении просфоры и более ста пятидесяти судебных процессов о «ритуальных убийствах»; разумеется, число случаев

этого рода, о которых нам ничего не известно, должно быть во много раз больше.

Преступления, приписываемые евреям, регулярно оказывались в центре внимания в общей атмосфере религиозного рвения, так что само это повторение способствовало еще более прочному утверждению легенды и питало ее патетическими напоминаниями. Одно это может объяснить тот факт, что целый ряд дел о ритуальных убийствах возникнет в XIX веке и что даже в наши дни еще можно встретить фанатиков, которые продолжают в них верить.

Круглый знак и дело о Талмуде

После знакомства с мрачными легендами, зарождавшимися в глубинах народного воображения, против которых, как мы видели, боролись церковные власти, перейдем к двум нововведениям, возникшим в XIII веке по инициативе самих этих властей и в свою очередь породившим новые и весьма устойчивые легенды. Речь идет о необходимости ввести отличительные знаки для евреев и о категорическом осуждении их священных книг.

Решение по первому из этих вопросов было принято на IV Латеранском соборе в 1215 году, на котором могущество папы достигло своего апогея. В течение трех недель около тысячи пятисот прелатов, собравшихся из всех пределов христианского мира, подтверждали своими подписями высшие постановления, принятые Иннокентием III. Некоторые из них, утвержденные на последнем заседании собора, касаются евреев. Вот отрывок из этих постановлений:

«В странах, где христиане не отличаются по своей одежде от евреев и сарацинов, имеют место связи между христианами и евреями или са-

рацинами, или наоборот. Чтобы подобные безобразия не могли более оправдываться неведением, решено, чтобы отныне евреи обоих полов отличались своей одеждой от других народов, что кстати предписано им Моисеем. Они не должны показываться на публике во время Святой недели, поскольку некоторые из них надевают в эти дни свои лучшие наряды и насмеваются над одетыми в траур христианами. Нарушители будут должным образом наказаны светскими властями, чтобы они не осмеливались более глумиться над Христом в присутствии христиан».

Можно констатировать, что это решение было вызвано тем равноправием, которое еще существовало в XIII веке между евреями и христианами, «говорившими на одном языке и носившими одинаковые одежды», как это уже сообщил нам Цезарий Гейстербахский. Очевидно также, что Латеранский собор ограничился тем, что сформулировал общие принципы дискриминации в одежде, положившись в остальном на светские власти, которые и должны были определить, в чем именно должно было заключать-

ся это различие. Это решение касалось не только одних евреев: в цитированном тексте упоминаются сарацины; затем к ним будут добавлены еретики, за которыми последуют прокаженные, публичные женщины и другие презируемые социальные группы.

Способы применения этих мер существенно варьировались в разных странах. Как старшая дочь церкви, Франция подчинилась этим решениям быстрее всех, к тому же Альбигойский крестовый поход усилил в эту эпоху бдительность по отношению ко всевозможным нечестивцам. Похоже, что именно во Франции в подражание старинному мусульманскому обычаю (ср. выше правила поведения зимми) возникла идея выразить это различие с помощью специального знака на одежде. С самого начала этот знак был круглой формы, откуда его название кружок (*la rouelle*), а желтый цвет станет обязательным цветом этого знака. Так, становится совершенно очевидным намерение сделать эту дискриминацию возможно более унижительной. Совершенно ясно, что евреи приложили все возможные усилия, чтобы

уклониться от этой меры, которая выставляла их на осмеяние и преследование толпы.

С 1215 по 1370 год в одной только Франции двенадцать соборов и девять королевских ординасов предписывали строгое соблюдение этого правила под угрозой крупных штрафов или телесных наказаний. Предприимчивый Филипп Красивый даже превратил это в источник дохода: знаки стали продаваться, а их торговля отдавалась на откуп. Доход от этой торговли составил в 1297 году пятьдесят турецких фунтов (старинная денежная единица, составлявшая 20 су-прим. ред.), полученных от евреев в Париже, и сто—в Шампани. Когда в 1361 году король Иоанн Добрый призвал евреев во Францию, он распорядился, чтобы впредь цвет знака был наполовину красным, наполовину белым. Без сомнения евреи потребовали изменения цвета, когда они обсуждали условия своего возвращения. К тому же они были освобождены от ношения знака, пока они находились в пути. Это доказывает, что власти прекрасно осознавали опасность, которой подвергались носители знака.

В Германии сначала использовались особые головные уборы, а не специальные знаки. Эта мера потребовала больше времени для внедрения, как это следует из решений Венского собора 1267 года, в которых высказывается сожаление по поводу того, что ношение предписанных конических головных уборов плохо соблюдается евреями. В многочисленных текстах XIV и XV веков речь по-прежнему идет о шляпах желтого и красного цвета, только в последующие столетия они будут заменяться круглыми знаками на одежде.

Для евреев в Польше это был также головной убор с заостренным верхом, но на этот раз зеленого цвета; в Англии—две ленты Стерни, пришитые на груди, иногда имитирующие образ скрижалей Закона. Но в Италии и Испании для евреев предусматривались круглые знаки, кстати чаще всего эта мера оставалась там чисто теоретической. Напротив, интересно отметить, что в 1435 году король Альфонс специальным эдиктом предписывал евреям Сицилии иметь кружок не только у себя на груди, но и на их лавках.

То значение, какое имели в глазах христиан

эти позорные знаки, ясно видно на примере еретиков. Вместо круглого знака они должны были иметь два креста, вышитых на груди. Эта мера рассматривалась инквизицией, так же как и простыми людьми в качестве самого позорного покаяния, какое только может быть. Наряду с поркой она относилась к третьей степени в каноническом перечне наказаний после благочестивых дел и штрафов, а более серьезными считались только «высшие наказания» — тюрьма или костер. Но после примирения с церковью преступники больше не должны были носить свои знаки, тогда как еврей мог добиться этого только ценой обращения в христианство.

Последствия этого положения вещей не заставили себя долго ждать. Вскоре позорное пятно, будь то кружок или шляпа, стало необходимым атрибутом еврея. Начиная с XIV века артисты и художники-миниатюристы изображают евреев только с этими знаками, даже если речь идет о библейских евреях и о патриархах. В результате поразительного взаимопроникновения этот подход распространяется и среди евре-

ев. Так, некоторые еврейские манускрипты XIV и XV веков представляют Авраама, Иакова и Моисея в таком же виде.

Этот бросающийся в глаза знак, который отныне неразрывно связан с обрезанными, запечатлел в умах идею, что еврей—это человек с иной внешностью, коренным образом отличающейся от других. Подобное отношение естественным образом способствовало возникновению всевозможных легенд и мистерий, о которых речь пойдет ниже и из которых будет сделан вывод, что еврей—это существо, которое физически, телесно отличается от других людей и принадлежит к какому-то другому миру, чем мир рода человеческого.

*****

Как известно, дискуссии между евреями и христианами о сравнительных достоинствах их религий были в большой моде с самых первых веков существования христианства. Этому была посвящена обширная патристическая литература. В средневековой Европе эти споры возобновились, причем они часто происходили в атмосфере поразительной искренности и сердечности вплоть до того времени, пока не распространился новый миф, суть которого состояла в том, что еврейские книги тайно учат ненависти и злодействам, что нанесло смертельный удар этим дебатам.

Борьба с альбигойцами и вальденсами привела к учреждению специальных организаций—инквизиции и ордена доминиканцев—на которые специально была возложена задача искоренения ересей. Но если функция создает орган, то в свою очередь орган создает и воспроизводит функцию: инквизитор повсюду должен выискивать святотатство. И эти специальные корпорации не могли не проявлять интерес к неверным вообще и к евреям и их учениям в первую очередь. К

тому же непосредственный повод для этого, видимо, предоставили сами евреи, по крайней мере некоторые.

Помимо всего остального в начале XIII века стражи христианской ортодоксии были сильно заняты проблемой влияния идей Аристотеля, которые через посредство арабских и еврейских переводчиков начали проникать в Европу. В 1210 и 1215 годах папская канцелярия запретила изучение «Физики» и «Метафизики» Аристотеля; в 1228 году Григорий IX категорически запрещает «осквернять божественное Слово соприкосновением с выдумками философов». Ужас некоторых еврейских богословов перед новыми рационалистическими тенденциями, главным представителем которых в иудаизме был Маймонид, оказался еще сильнее, и они предавали «маймонистов» всяческому поруганиям. Не обладая никакой собственной центральной властью, способной принять принудительные меры, но поддерживая хорошие отношения с богословами инквизиции, именно к ним обращались некоторые французские раввины с просьбой взять на себя охрану

чистоты еврейской религии. По некоторым сообщениям двое из этих раввинов, Соломон бен Авраам и Жонас Жеронди обратились к доминиканцам Монпелье со следующим предложением: «Почему вы не обращаете внимания на наших еретиков и на наших безбожников, совращенных учением Моисея из Египта (т. е. Моисея Маймонида), автора богохульных книг? Раз вы искореняете ваши ереси, уничтожайте также и наши, прикажите сжечь вредные книги». Инквизиторы не заставили долго себя уговаривать: начались обыски, и в 1234 году состоялись торжественные аутодафе трудов Маймонида как в Монпелье, так и в Париже.

Похоже, что именно таким образом пробудился интерес инквизиции к содержанию Талмуда. Этот огромный и трудно доступный трактат имеет крайне разнообразное содержание. Можно констатировать парадоксальную вещь—именно последователи Маймонида рекомендовали проводить различие между двумя его частями: имеющей догматическое значение Галахой, или собственно Законом, и Агадой, насыщенным

собранием преданий и нравоучительных историй, моральных поучений и медицинских рецептов. В то же время ортодоксы с одинаковым благоговением склонялись перед каждым словом и каждой запятой талмудического текста.

Несколькими годами позже, в то самое время, когда уже упомянутые нами еврейские эксперты, собранные Фридрихом II, очищали иудаизм от обвинений в ритуальных убийствах, некий обращенный в христианство иудей предпринял акцию совершенно противоположной направленности. Член доминиканского братства из Ла-Рошели вероотступник Никола Донэн прибыл в Рим, чтобы убедить папу Григория IX в том, что Талмуд—это аморальная и оскорбительная для христиан книга. Папа обратился к королям Франции, Англии, Кастилии и Арагона, а также ко многим епископам с повелением провести расследование, чтобы установить обоснованность обвинений. Только Людовик Святой дал ход этому делу: по всей Франции были конфискованы экземпляры Талмуда, и в 1240 году в Париже открылся большой публичный диспут, в ко-

тором среди других приняли участие с христианской стороны канцлер Сорбонны Эдес де Шатору и Никола Донэн, а с еврейской стороны Иехиель из Парижа и Моисей из Куси. В нашем распоряжении имеются документальные отчеты о диспуте, как на латыни, так и на еврейском. Рассмотренные проблемы были объединены в тридцать пять пунктов, например: правда ли, что в I веке, после взятия Иерусалима раввин Шимон бар Йоханн провозгласил: «Убейте даже лучшего из гоев»? Что на самом деле означает понятие «гой»? Правда ли, что гой, который соблюдает субботу или занимается изучением Закона, согласно Талмуду заслуживает смерти? Что Иисус был незаконнорожденным; что он якобы был приговорен в аду к мучениям в кипящей грязи? Что после разрушения Храма Бог располагает в мире лишь пространством в четыре квадратных локтя; что в раю Левиафан будет подан к столу праведников? Таковы были некоторые из вопросов, по которым развернулся диспут. Честные и стойкие раввины смело вели дискуссию: на цитаты своих противников они отвечали дру-

гими цитатами, поскольку в любом сборнике, в котором собрана мудрость народов, для каждого изречения из Агады можно найти прямо противоположное высказывание (Более того, необходимо всегда принимать во внимание весьма специфический стиль, характерный для Агады. Примерно в то же время, когда Шимон бар Йоханн восклицал: «Убейте даже лучшего из гоев!», другой знаток Закона раби Элиазар резко обрушился на непросвещенных евреев (ам-га-арец—народ земли) в выражениях, которые Агада передает следующим образом:

«Р. Элиазар сказал: «Разрешается поразить того, кто относится к ам-га-арец, даже в Судный день, даже если этот день приходится на субботу». Его ученики сказали ему: «Учитель, говори «убить», вместо «поразить». Но он ответил: «Требуется благословение, чтобы убить, но в нем нет необходимости, чтобы поразить». (Песахим, 49).). Раввины обращали внимание аудитории на многочисленные заповеди, предписывающие проявлять равное милосердие по отношению к евреям и неевреям, быть безукоризненно

честными по отношению к чужестранцам, т. е. на заповеди, гораздо лучше отвечающие духу Талмуда.

Но исход поединка, в котором как обвинители, так и судьи были сторонниками победоносного Христа, разумеется, оказался предрешенным. Талмуд был осужден, и все его экземпляры торжественно сожжены, подобно сожжению восемью годами ранее произведений Маймонида, один из врагов которого, тот самый Жонас Жеронди, о котором мы упоминали выше, наложил на себя суровое покаяние и бродил от одной еврейской общины к другой, провозглашая в синагогах: «Маймонид прав, и учение его верно: мы были лжецами!»

Напрасно евреи пытались реабилитировать свои священные тексты. Через несколько лет Иннокентий IV согласился пересмотреть приговор. Но вторая комиссия под председательством Альберта Великого лишь подтвердила его. В следующем году знаменитый доминиканец отправился читать лекции в Кельн, где он, по всей видимости, вызвал новые шумные приговоры, и эта

активность, вышедшая за узкие рамки профессионального богословия, возбуждала общественное мнение против евреев. Отклики этих событий можно обнаружить у некоторых немецких трубадуров того времени. Так, Конрад из Вюрцбурга писал в 1268 году:

«Пусть несчастья обрушатся на головы евреев, подлых, скрытных злых; у них нет средств, чтобы спастись от мук ада. Талмуд лишил их разума и чести».

У анонимного автора того же времени читаем:

«Они низко пали,
Ибо Гамлиэль обучал их
Еретическому Талмуду,
Чьи ложные истины
Закрывают им подлинную веру».

Во Франции популярный «Спор святой церкви и синагоги» менестреля Клопэна, датируемый той же эпохой, видимо, является непосредственным отражением великого диспута 1240 года.

Таким образом, сложился особенно живучий миф, адресованный самой широкой аудитории, где евреи представлены уже не как отравители плоти, но как отравители духа. В XIX и XX веках антисемитские агитаторы максимально использовали этот миф.

*****

Впрочем, между этими двумя вариантами нет четкой границы, подобно тому, как в сознании той эпохи не было ясного различия между спасением тела и спасением души. Поэтому вполне понятно, что оба эти аспекта смешивались в той странной и значительной роли, которую играли на всем протяжении средних веков еврейские врачи. Их почитали и боялись как могущественных колдунов, которым приписывают самые ужасные преступления и чьей помощи домогаются с исключительной настойчивостью. Мы еще вернемся к этому в дальнейшем. А теперь рассмотрим, какие новые формы приобрела внутренняя жизнь и организация еврейских общин в эпоху крестовых походов. Эти общины не могли не ощутить двойного воздействия преследований, которым подвергались евреи, и странных идей, которые стали распространяться по их поводу. Они сумеют приноровиться к этому с помощью постепенной адаптации, каковая вызовет неизбежный ответный удар, породив еще более фантастические измышления, которые утвердятся в лоне христианского мира в последующие ве-

ка.

III. ПОВЕДЕНИЕ ЕВРЕЕВ

Массовые убийства 1096 года произвели на их свидетелей сильное впечатление. Можно без труда себе представить, какой шок испытали сами евреи. Как правило, в подобных ситуациях у жертв оказывается самая хорошая память. В самом деле, перенесенные гонения наложили неизгладимый отпечаток на судьбы евреев, оставив постоянную отметку в их мировоззрении. В результате усиливается сегрегация евреев, ограничивающая их особые экономические функции. Эта эволюция, в свою очередь, вписалась в рамки великих социальных трансформаций, которые характеризовали эру крестовых походов, так что вначале необходимо рассмотреть эти фундаментальные проблемы.

От торговли к
ростовщичеству

Мы уже видели, что в каролингской Европе евреи занимали ведущие позиции в коммерции и что, в особенности, они были единственными торговцами, поддерживавшими контакты с Востоком. Конечно, торговля была не единственным их занятием: если в редких текстах, дошедших до нас от этого времени, речь идет преимущественно о еврейских коммерсантах, то причина этого в том, что простые ремесленники и чиновники не имели возможности оставить о себе заметные следы в документах. С другой стороны, евреи не могли долгое время сохранять монополию на международную торговлю. Начиная с X века венецианцы, византийцы, а затем ломбардцы появляются на ярмарках Шампани и Фландрии. К тому же в крайне слабо развитой экономике той эпохи с абсолютным преобладанием натурального хозяйства торговый обмен—и деньги—играли весьма незначительную роль. Напротив, ростовщику принадлежала гораздо более важная роль, чем в наши дни, именно потому что деньги были редкостью, и в случае необходимости их можно было достать только у профессионала.

Но когда в XII веке дорога в Азию оказалась открытой для европейцев, пряности, ценные товары и предметы роскоши стали попадать в Европу на итальянских кораблях, а не опасным земным путем. Они стали более доступными для крупных и мелких сеньоров, что дало развитию торговли сильный импульс. Одновременно после многовекового застоя начался быстрый расцвет городов, а товарная экономика стала вытеснять натуральное хозяйство. Появился класс христианских торговцев, отнявший у евреев положение верхнего слоя городского населения. Специально подчеркнем, что речь здесь идет не столько о межконфессиональном соперничестве или о намеренном устранении одного клана другим, сколько о естественном длительном процессе, связанном с общими изменениями средневекового общества под воздействием множества различных факторов, которые в своей совокупности сделали в конечном итоге вытеснение евреев в сферу ростовщичества практически неизбежным.

Вспомним сначала характерные особенности

евреев как главных торговцев средневековья. Это были вечные странники. Вынужденные обходиться собственными силами, они выступают также в роли банкиров, а при случае ссужают деньги. Начиная с эпохи I крестового похода, появляются зародыши дальнейшей эволюции, поскольку ситуация толкала многих евреев к тому, чтобы обратить свою собственность в ценности, которые легко спрятать в случае опасности, т. е. в деньги или золото. Однако наличные деньги представляли в ту эпоху большую редкость, так что тот, у кого они были, легко превращался в заимодавца: это происходило с евреями точно так же, как с монастырями и другими церковными учреждениями или с первыми христианскими торговцами. В то же время религиозное брожение делало для евреев все более затруднительным занятие их полной приключений профессией. В многочисленных текстах, датированных 1146—1148 годами, рассказывается о том, что во время крестового похода они каждый миг рисковали подвергнуться нападению на большой дороге. Причем их новые конкуренты, итальянские и ганзей-

ские купцы, могли рассчитывать на защиту со стороны их родных городов и добивались принятия специального протекционистского законодательства в свою пользу: запрещение доступа евреев на корабли, отправляющиеся на Восток. Первое решение такого рода, принятое в Венеции, датировано 945 годом. Несмотря на все это, существует множество доказательств продолжения еврейской коммерческой активности в области внутренней торговли с использованием наземных путей вплоть до начала XIII века.

Но эта тенденция к сосредоточению на предоставлении займов, т. е. на ростовщичестве, когда финансист встречается с клиентом у себя дома, и ему нет необходимости подвергаться опасности где-то в дальних краях, подкреплялась тем обстоятельством, что евреи, отныне подвергающиеся дискриминации во всех остальных областях, располагали здесь только им присущим преимуществом. Они не попадали под удары церкви, которая хоть и не смогла положить конец ростовщичеству христиан, но всячески этому препятствовала. Ростовщичество рассматривалось как

серьезный грех. Ростовщик-христианин мог быть отлучен от церкви, а начиная с XIV века, этими делами стала заниматься инквизиция. Следует отметить, что вопреки распространенному мнению талмудическая традиция изначально выступала против ростовщичества, и еще накануне I крестового похода великий Раши заявлял: «Тот, кто дает деньги в долг под проценты чужестранцу, погибнет». Но через сто лет раввины пришли к согласию, что надо приспособиться к обстоятельствам: разумеется, «не следует ссужать деньги под процент неверным, если можно заработать на жизнь иным способом», но «в нынешнее время, когда еврей не может владеть ни землей, ни виноградником, чтобы выжить, дача денег под проценты не-евреям является необходимой и, следовательно, допустимой».

Оказавшиеся в неблагоприятном положении во всех остальных областях, в этом конкретном случае евреи пользовались определенными преимуществами. И очень скоро власти стали использовать эти преимущества для собственной выгоды. Становящееся все более шатким поло-

жение евреев заставляло их искать защиты у князей, добиваться специальных «хартий», которые обеспечивали им временную безопасность, но одновременно приводили к их зависимости от тех, кто эту безопасность обеспечивал. Первоначально имевшие статус свободных людей, евреи превращались в рамках общества, становившегося все более иерархическим, в рабов своих сеньоров—*servi camerae nostrae* (рабы наших покоев), как скажут позже германские императоры; во Франции говорили, что они «принадлежат баронам». Они стали их людьми, или скорее их вещью, их собственностью, тем более ценной, что в любой момент, надавив на них, можно было добыть какую-то сумму денег, но при этом не представляющих никакого другого интереса.

Эту ситуацию знаменитый английский юрист XIII века Брэктон охарактеризовал следующим образом: «Еврей не может иметь никакой собственности. Все, что он приобретает, становится собственностью короля; евреи живут не для себя, а для других: поэтому они делают приобретения также не для себя, а для других». Еще

более красноречивым оказывается богословское определение еврея, которое дает францисканец Анж де Шивассо в своем популярном трактате «Summa Angelica» («Сумма ангелов» XV век): «Быть евреем—это преступление, но оно не подлежит наказанию со стороны христиан, как это полагается в случае с еретиками». Итак, кто способен на большее, способен и на меньшее: еврей может безнаказанно вести себя «как еврей», т. е. заниматься ростовщичеством открыто и на законной основе.

В самом деле, начиная приблизительно с 1400 года, папы выдавали еврейским «банкирам» за соответствующую плату разрешения или специальные лицензии. В результате, в конце этого пути, куда мы еще не пришли, т. е. в конце эпохи средних веков, евреи имеют единственный источник существования, а именно торговлю деньгами. Если говорить точнее, то еврейская община могла обеспечить свое выживание только объединившись вокруг какого-либо «банкира», который становится ее главой и естественным защитником. Это означает, что вся эта эволю-

ция привела к тому, что евреи могли обеспечить свое выживание только благодаря деньгам в буквальном смысле этого слова, поскольку то право на жизнь, которое христианское общество предоставляет каждому, евреи должны были покупать через регулярные промежутки времени у пап или у князей, иначе они становились бесполезными, и тогда оказывались изгнанными или замешанными в какое-нибудь темное дело об отравлении или ритуальном убийстве. Деньги становятся для евреев важнее, чем хлеб насущный, они столь же необходимы как воздух, которым они дышат. . . И мы увидим, как в этих условиях в конце концов деньги приобретают для евреев почти сакральное значение.

Необходимо уточнить, что евреи были далеки от того, чтобы составлять основной источник доходов князей, и что даже на своем новом поприще они всегда должны были выдерживать сильную конкуренцию со стороны христиан. Несмотря на все усилия церкви, христианские ростовщики добивались замечательных успехов в любой период средневековья. Особенно итальян-

ские корпорации каорсинов и ломбардцев, часто подчиняющиеся регламентациям, аналогичным еврейским, и пользующиеся привилегиями того же порядка, а также крупные итальянские банкиры Сиены и Флоренции осуществляли по всей Европе широкомасштабные операции и играли самую важную роль в развитии капиталистических методов ведения хозяйства.

Но христианские ростовщики в конце концов слились с окружающим обществом и исчезли. Память о них сохранилась только в топонимике и в языке (Например, улица Ломбардцев в Париже и в некоторых городах французской провинции. В русском языке до сих пор существует понятие «ломбард»; до начала XIX века оно было в Англии и Германии. Самое замечательное, что это слово с тем же значением существует и в языке идиш). Что же касается ростовщика-еврея, то он уцелел и даже был возведен в сан архетипа, конечно, благодаря тому, что за ним вырисовывался силуэт другого архетипа—Иуды Искарюта, человека тридцати сребреников. В конечном счете вызванный таким образом призрак, породивший

непреодолимое напряжение между христианским обществом и евреями, внес существенный вклад в увековечивание их специфичности. . .

Даже в наши дни еще сохраняется тенденция ретроспективно трактовать ростовщика-еврея средних веков как финансового квазимонополиста, хотя несколько известных нам сухих цифр показывают, до какой степени ограниченной была его роль в движении финансовых ресурсов.

Так, общая сумма налогов, поступивших в 1241 году в казну Священной Германской империи достигала 7127,5 марки, но доля евреев в этой сумме составляла лишь 857 марок. В соответствии с «Книгой податей» Парижа за 1292 год из общей суммы, превышавшей 12000 фунтов, доля 125 налогоплательщиков-евреев составляла только 126 фунтов, в то время как доля ломбардцев достигала 1511 фунтов, Это, конечно, крайний случай, в ту же эпоху общая сумма налогов, поступавшая от евреев в казну Франции была довольно значительна. Однако роль евреев никогда не была преобладающей за исключени-

ем норманской Англии, где на протяжении почти двух столетий им принадлежала монополия на финансовые операции короны до тех пор, пока, уступив свое место итальянским банкирам, они не оказались изгнанными из Англии в 1290 году. Остается заметить, что, специализируясь на открытом и законном ростовщичестве преимущественно среди обездоленных людей, они осуществляли свою деятельность в лавках, располагавшихся в их собственных домах, и в этом отношении они сильно повлияли на европейскую культуру.

Рождение нового еврейского
склада ума

Массовые убийства эпохи I крестового похода должны были оставить в памяти евреев неизгладимый отпечаток, своего рода коллективную травму. Современники обычно оказываются не в состоянии в полной мере оценить значение важных событий. Еврейские авторы XII века, выражая свою печаль и гнев, не подозревали о том, какая судьба уготована их рассказам. Так, отдельные части их хроник были включены в иудейскую литургию и вплоть до наших дней ежегодно читаются при поминовении разрушения Храма. Другие части, соответствующим образом транспонированные, составили основу многочисленных религиозных песнопений, слухот и кинот.

В Памятных книгах (Memorbuch), в которые по возникшему обычаю заносили имена погибших во время гонений, основному списку предшествовало упоминание «городов крови»: Шпейра, Вормса и Майнца. Таким образом, была увековечена память первых мучеников, возникает и укрепляется традиция, призывающая бесчисленные поколения следовать примеру своих предков.

С этого времени такие хроники, как принадлежащие перу Соломона бар Симеона или Элиэзера бен Натана, приобретают для продолжения нашего рассказа первостепенное значение. Прежде всего они сообщают нам о той ярости, которая овладела уцелевшими. Их проклятия были ужасны и отличались весьма специфической образностью: вместо слова «церковь» регулярно употреблялось выражение «место порока», вместо слова «крест» — «дурной знак», вместо «крестить» — «пачкать, осквернять» и тому подобное.

«Папа Римской блудницы (т. е. Рима, по аналогии с Вавилонской блудницей.—Прим. ред.) возвысил свой голос и призвал все народы Эдома уверовать в Христа, в повешенного, объединиться, чтобы идти на Иерусалим и завоевать этот город, чтобы все заблудшие могли прийти к месту своего позора, к могиле того, кого они избрали себе Богом. . . », — так начинает свое повествование Соломон бар Симеон, «Пусть кости Эмихо, преследователя евреев, будут размолоты железной мельницей!» — продолжает он, — «О! Бог от-

мщения, о Господь, Бог отмщения, явись! Ради Тебя мы позволяем перерезать нам горло каждый день. Воздай семикратно нашим соседям за нанесенные ими обиды, чтобы они прокляли Тебя! Пусть еще на наших глазах постигнет кара народы за пролитую ими кровь Твоих слуг... , они поймут тогда, что во имя мертвого, брэнного они пролили кровь невинных девушек, детей и грудных младенцев, что их вера безумна, и что они пошли по пагубному пути... »

Элиэзер бен Натан полон столь же сильной яростью: «Воздай нашим презренным соседям семикратно, покарай их, о Господь, как они это заслужили! Причини им горести и страдания, пошли им Твое проклятие, уничтожь их!»

Но эта ярость была бессильной. Не было никакой возможности отомстить гонителям. Неравенство сил было столь очевидным, что несчастья, обрушившиеся на Израиль, представляются ему скорее стихийным бедствием, чем борьбой двух лагерей. А поскольку все призывы к Богу остаются безрезультатными, хотя хронисты и не упускают возможности увидеть Божью кару в

несчастьях, поразивших авангард крестоносцев, то приходится признать, что «Римская блудница» празднует победу, тогда как участь евреев лишь ухудшается. Это может означать лишь то, что речь идет о справедливом возмездии, и что грехи избранного народа еще не получили достаточного искупления. «Ни один пророк, ни один мудрец и ни один ученый не может постичь, почему грехи общины показались такими тяжелыми, что только одна смерть могла их искупить, как если бы члены общины также проливали кровь. Но воистину Он—справедливый судья, и вся вина падает на нас!» «Наши грехи позволили врагу одержать победу; длань Господа тяжело опустилась на его народ. . . »

Так, обрушившиеся несчастья не смогли поколебать веру евреев в Божественную справедливость, но вызвали у них чувство вины, которое стало неотъемлемой частью древнего сплава Заповедей и Закона и лишь усилило их верность Всевышнему. И они продолжали приникать к источнику неоторимой надежды. «Пусть кровь благочестивых станет нашим достоинством и нашим

искуплением—Для нас самих, для наших детей, для наших внуков, для всех последующих поколений, подобно Аврааму, возложившему своего сына Исаака на жертвенник. Пусть эти справедливые, чистые и совершенные станут нашими заступниками перед Всевышним, и да освободит он нас скорее от нашего изгнания... Аминь!»

Те же интонации смирения, надежды и нерушимой веры в любых несчастьях и испытаниях проявляются в трогательном плаче о мученичестве Исаака Шателена из Труа и его семьи, ставших жертвами процесса по делу о ритуальном убийстве в 1288 году. Этот маленький шедевр средневековой поэзии написан на французском языке той эпохи.

«Пришли грешники и призвали Исаака Коэна

Отречься, иначе придет его смерть.

«Что вам нужно от меня? Ради Бога, я хочу умереть.

Я Коэн, я хочу принести ему в жертву свою плоть»

«Ты не спасешься от нас, ибо мы держим тебя.

Стань христианином». И он тотчас ответил: «Нет,

Ради собак я не хочу отречься от Бога и Его имени!»

Его звали Хаим, метр Бренон.

Там был кадош [святой], которого вывели вперед;

И его заживо стали жечь огнем;

От всей души он призывал Бога тихим голосом,

Кротко терпя мучения во имя живого Бога.

Бог мести, Бог ревности! отомсти за нас предателям!

В ожидании Твоей мести дни кажутся нам такими длинными».

«Precher vinrent Içak le Cohen requérir.
Tornast vers lor créance o l'kevanroit
périr.

Il dit: «Que avez tant? Je vol por Gé mourir.

Je suis Cohen: ofrande de mon corps vous offrir.

A peine eschaperas, puis que nos te tenons.

Deviens chrestiens».

Et il repondit tantost: «Non!

Por les chiens ne ferrai le Gé vil ne son nom.»

An Fapeloit Haim, le mestre de Brinon.

Encore un kadosch fut amenez avant;

An li fist périt feu e l'aloit an grevant;

Huchoit Gé de bon cor e menu e sovant

Docement sofrit poine por servir Gé vivant.

Gé vanchere, emprinére, vanche nos des félons!

D'atandre ta vanchance nos semble li jors long!»

С этого времени мученичество становится своего рода социальным институтом. Каждая но-

вая жертва христианской ярости—это боец, пожертвовавший собой ради Имени. Ему часто присваивали титул «кадош» (святой), что является разновидностью канонизации. Христиане также канонизируют своих мучеников, но необходимо подчеркнуть: если для них это скорее легендарное событие, воспоминание о римских гонениях, то для евреев это трагическая и почти повседневная реальность. Принесение в жертву детей, особенно убитых своими собственными родителями, сопоставляется с жертвоприношением Авраама. История патриарха и его сына под названием Акеда («связывание», т. е. приношение Исаака в жертву) становится символом еврейского мартиролога. В одном из наиболее трагических эпизодов хроники Соломона бар Симеона рассказывается, как Исаак Благочестивый, еврей из Вормса, которого крестили насильно, приводит ночью двух своих детей в синагогу, перерезает им горло, возвращается к себе домой и поджигает свой дом, затем поджигает синагогу и сам погибает в пламени.

Но хотя каждая еврейская жертва рассмат-

ривается как воин, павший на поле чести, битва, которую ведут евреи, является весьма своеобразной. Превращая необходимость в добродетель, европейские евреи решительно встали на путь чисто пассивного сопротивления злу, как-вым отныне является христианское общество, и стали проявлять на этом пути упорство, подобного которому история просто не знает. Это удается им тем легче, чем больше профессиональная специализация отстраняет их от занятий, требующих физических усилий или предполагающих непосредственную борьбу со стихиями природы.

Так, на христианскую ненависть евреи отвечают столь же сильной ненавистью, но при этом они вынуждены сдерживать или подавлять ее. Если агрессивный потенциал христиан мог свободно проявляться и находить непосредственный выход, то еврейская агрессивность должна была находить иные пути для своей реализации, превращаясь во что-то другое. Накопленная таким путем психическая энергия имела широкие возможности для самопроявления в области борьбы за существование, в добывании столь необходи-

мых денег. Но этот драгоценный товар, без которого было бы невозможно утвердиться во враждебном и отвратительном мире, оставался неразрывно связанным с этим миром, более того, являлся его постоянным символом. Для того чтобы отстраниться от него и найти ему противовес, внутренний мир учения оказывался необходимой компенсацией.

Во все времена раввины ставили изучение Закона выше земных благ, выше всего остального, но никогда эти предписания не исполнялись с таким пылом. Евреи Германии и Северной Франции погружаются в изучение Талмуда с настоящим иступлением, днем и ночью разбирают его в синагогах почти без перерывов для сна. Здесь зарождается эта знаменитая еврейская двойственность, требующая исключительного уважения к деньгам, потому что без них вас настигает гибель или изгнание, но именно из-за этого исключительного Уважения деньги становятся объектом презрения, а на первое место выдвигаются иные ценности.

Однако в эту эпоху учение оказывается в си-

туации, мало благоприятной для свободного развития. Все складывалось в пользу того, чтобы сделать мышление евреев робким и ограниченным: как все возраставшее давление гонений, так и сам дух, вдохновлявший гонителей, ведь в эту эпоху еврейская среда оставалась еще удивительно открытой для внешних влияний. Именно поэтому вера в злых духов пускала в Северной Европе все более глубокие корни; еврейский фольклор обогатился христианскими предрассудками, легендами о феях, чертях и домовых. Кроме того сказки, фаблю, моралите, столь популярные в эту эпоху, переводились раввинами на еврейский для воспитания учеников. Среди моральных заповедей на первый план выдвигались те, что проповедовали скромность и уничижение. В этом также можно заметить отражение профессиональной специализации евреев: ростовщику не пристало проявлять высокомерие.

«Бог дал человеческой душе оболочку животного, чтобы человек не возгордился!» — восклицал Моисей из Куси. «Один Бог может быть гордым, человек должен быть скромным.

Будь предупредителен к твоим близким, держи голову склоненной, глаза опущенными, только сердце может быть обращено к небу...»,—учил раби Моисей из Эвре. Еще больше значения придавалось скрупулезному уважению к Закону, и основная часть еврейской науки состоит отныне в разработке все более строгих правил. Позади остались времена смелого полета мыслей Раши; раввины удовлетворяются робким исповедованием принятых истин и жалуются на недостаточность их собственных знаний. Одни запреты налагаются на другие; раби Исаак из Вены объясняет это следующим образом: «... было время, когда жили великие ученые, просвещенные и мудрые, которым верующие могли доверять, но в наши дни знание Торы пришло в упадок и мудрость исчезла. Поэтому восславим осторожных, которые сомневаются в своих знаниях и воздерживаются от поблажек в соблюдении Закона: они будут больше вознаграждены за свою предусмотрительность, чем те, кто кичится своими новомодными теориями...» Это смирение, этот недостаток интеллектуальной самостоятель-

ности проявляются в регламенте школы XIII века, и можно констатировать, читая этот регламент, что его автор прекрасно осознает причины этой слабости:

«Пусть один учитель не обучает более, чем десять учеников одновременно. Хотя наши мудрецы установили, что число учеников на одного учителя должно составлять двадцать пять, это справедливо только для Палестины, где климат благоприятствует расцвету ума и где еврейский народ был независимым, ибо свободный человек—сильный, умный и смелый, он легче обучается, чем угнетенный человек. Дух угнетенного человека слаб, бесплоден и находится в зависимости от жестоких и заносчивых князей. Постоянно и тяжело работая, он становится скромным и пугливым, а обиды гасят его порывы. По этой причине нужно предостеречь учителей, чтобы они не принимали больше десяти учеников одновременно. . . »

Недоверие и враждебность евреев по отношению к внешнему миру вытекают из некоторых по-

ложений «Книги праведников» («Сефер Хасидим»), знаменитого сборника предписаний, составленного раби Йегудой Хасидом в конце XIII века. «Спаси меня... от руки сынов иноплеменных, уста которых говорят суетное и десница которых—десница лжи». Эти слова 144 псалма (в Септуагинте—псалом 143,—прим. ред.) подробно прокомментированы в «Книге праведников», которая дает такие советы:

«Мудрецы сказали: еврей не должен оставаться наедине с неевреем».

«Не следует переводить на еврейский церковные гимны и петь их в синагогах».

«Не следует убаюкивать маленьких детей христианскими мелодиями».

«Стены дома, забрызганные кровью мучеников, никогда не следует белить, чтобы кровь могла взывать к небу».

Конечно, содержание «Книги праведников» этим не ограничивается, и некоторые ее изречения заслуживают, чтобы их читали и запоминали и в наши дни:

«Ты можешь сожалеть о своих словах, но ты никогда не сможешь сожалеть о своем молчании: пока ты не заговорил, ты хозяин своего слова, но затем твое слово становится твоим хозяином». «Если ты боишься, что будешь сожалеть о своем обещании, то лучше сказать «нет», чем «да», потому что нет ничего хуже, чем «да», за которым следует «нет».

Другие изречения, непосредственно посвященные отношениям между евреями и неевреями, не менее содержательны:

«Поведение евреев в большинстве мест соответствует поведению христиан, если христиане какого-то города испорчены, то и евреи таковы». «Не следует предавать проклятию город, сеньор которого преследовал евреев или принуждал их к крещению силой, поскольку проклятие сохранит свое действие, даже если у города появится другой сеньор». «Как бы беден ни был еврей, лучше

ему просить милостыню, но не красть деньги у христиан и затем спастись бегством, ибо так он осквернит имя Бога, потому что христиане скажут, что все евреи воры и обманщики».

Понятно, какого рода практическую мудрость содержит это учение.

То, что терялось в эту эпоху еврейской культурой и ученостью по вертикали, выигрывалось по горизонтали. Если раньше раввины создавали ученые трактаты, то теперь их писания были доступны каждому верующему. Для того, чтобы оградить свою паству от возможных слабостей в эти смутные времена, они составляли простые пособия, как например, «Малая книга заповедей» раби Исаака из Корбейля, так что каждый еврей мог самостоятельно изучить свои обязанности и свои права. В результате учение, составляющее высшую ценность, оказывается всеобщим достоянием, а популяризация еврейской культуры станет отныне одной из отличительных черт еврейского учения.

Итак, в качестве ответной реакции на гонения, начинает формироваться совершенно осо-

бая еврейская ментальность, которая в сочетании с родом их занятий будет еще больше разжигать ненависть христиан. Отныне речь пойдет о настоящем порочном круге, который еще только начинал складываться в ту эпоху, о которой мы сейчас говорим. В той сложной игре взаимовлияний между страстями средневековых людей и их практическими интересами, эти последние еще преобладают. Евреи в тот момент играют в экономике полезную и даже необходимую роль, поэтому их не изолируют в полной мере и не окружают всеобщим презрением.

Временные итоги

Теперь нам следует приступить к рассмотрению той смутной и одновременно решающей эпохи, в ходе которой евреи постепенно уходят на задний план с авансцены средневековья, но при этом их образ становится наваждением для христианских душ во все большей степени (разумеется, можно найти некую взаимосвязь между этими двумя на первый взгляд противоречивыми процессами). Но перед этим бросим последний взгляд на их положение в XIII веке, который во многих отношениях является вершиной цивилизации средних веков.

Мы уже неоднократно старались показать, до какой степени евреи были интегрированы в окружающее общество, или, если воспользоваться современной терминологией, какова была степень их «ассимиляции». Мы видели, что если оставить в стороне литургию и священные тексты, они говорили на том же языке, что и христиане, и что под своим круглым знаком они носили те же одежды. Более того, из различных законодательных установлений следует, что иногда они еще сохраняли право на ношение оружия и что

подобно полноправным и свободным христианам они подлежали ордалиям (средневековый «суд Божий» через испытание огнем, водой и т. п., - прим. ред.). Лишь позднее они были освобождены от этого наряду с детьми и стариками в качестве особой привилегии. Иными словами, их рассматривали как людей, подобных всем остальным, но при этом как нечестивцев или даже закоренелых грешников, которые прекрасно понимают истинность христианства, но, побуждаемые злобой, притворяются, что не верят в нее. Это последнее соображение принадлежит историку Сесилу Роту.

Со своей стороны евреи были очень далеки от того, чтобы герметически изолироваться от окружающего мира, и продолжали принимать активное участие в его делах. Даже в области интеллектуальной деятельности, как мы видели, некоторые еврейские мыслители испытывали христианские влияния. Параллельно немецкому мистицизму XIII века в Рейнской области возник еврейский мистицизм, нашедший свое выражение в сочинениях Йегуды Хасида. Его ученики, и осо-

бенно Элеазар из Вормса, разработали методику, состоявшую в определении эзотерического смысла в числовом значении священных текстов. В эту эпоху и евреи, и христиане с одинаковой страстью, но с сильно различающимися результатами предавались символическим и аллегорическим толкованиям Библии.

Воздействие шло и в противоположную сторону—еврейское влияние существенным образом сказалось на христианской мысли. Если первые аристотелианцы опирались на Маймонида, то Никола де Лира был последователем школы Раши. Недаром говорится: «*Si Lyranus non lyrasset, Lutherus non saltasset*» (Каламбур на средневековой латыни: «Если бы Лира не сыграл на лире, Лютер не скакал бы», - прим. ред.), и эти контакты между христианами и евреями в XII и XIII веках были существенно важны для того движения идей, которое через три столетия приведет к Реформации. По сути дела можно даже сказать, что, несмотря на постоянно возрастающее напряжение между евреями и христианами, они еще составляли часть одного и того же об-

щества, одной и той же цивилизации.

Подобное положение отражено во многих характерных текстах. Так, знаменитый трувер Рютбеф, в главных произведениях которого, например, в «Чуде Теофила», предстает уже ставший традиционным зловещий образ еврея—верного приспешника дьявола, в своих малых произведениях развлекает читателя образом своего друга еврея Шарло, жонглера и такого же представителя богемы, как и он сам. Конечно, в глазах Рютбефа быть евреем значит что-то очень порочное, хуже, чем быть сифилитиком, и «у Шарло нет ни веры, ни религии, как у собаки, обгладывающей падаль», но каким бы порочным он ни был, этот Шарло принимается поэтом как равный. Хотя он и отличается от христиан своей порочностью, заключающейся именно в его еврействе, он не отличается от них своей сутью. Мы ничего не знаем об этом Шарло, который безусловно был реальной исторической личностью, кроме того, что о нем рассказал Рютбеф. Но в ту же эпоху во Фландрии жил другой еврейский трувер, Майе Гентский по прозвищу Еврей, кото-

рый принял христианство по той же самой причине, по которой происходит большинство обращений в наши дни: ему нужно было понравиться даме, в которую он был страстно влюблен. Он честно выразил это в своих стихах:

«Ее краса и прелесть
Лучшая в мире.
Такой нет даже у Иисуса,
Кого я сделал своим новым господи-
ном».

Тогда же в Германии процветал еврейский трубадур Зюскинд из Тримберга, который пел при дворах баронов и князей в одно время с Вальтером фон дер Фогельвейде и Гартманом фон Ауэ. Безусловно, сильные мира сего относились к нему хуже, чем к его христианским собратьям; от этой дискриминации он, конечно, должен был страдать. Здесь, вероятно, была бы уместна параллель между XIII и XIX веками. В самом деле, он жалуется на суровость аристократов и, совсем как Генрих Гейне шестьсот лет

спустя, предлагает сам себе «вновь стать евреем», отпустить бороду и снова надеть длинное пальто и шляпу евреев... И мы можем видеть образ поэта на миниатюре того времени в еврейской одежде при дворе епископа. Он наряжен в коническую шляпу и имеет бороду, но черты его лица ничем не отличаются от лиц других персонажей. В общем, иконография евреев XII и XIII веков может служить для нас еще одним ценным источником: если не принимать во внимание несколько английских документов, евреи иногда отличаются от христиан одеждой, но нет никаких отличий в чертах лица и позах. Их можно видеть верхом на коне, они приносят присягу в обществе христиан. Большинство хартий, дарованных им немецкими городами в XIII веке, специально предоставляют им статус горожан (бюргеров). Прекрасные миниатюры, украшающие знаменитый дрезденский манускрипт *Sachsenspiegel* (Саксонское зеркало), подтверждают то, что вытекает из содержания этого кодекса: еврей еще является свободным человеком, имеющим право на ношение оружия, что обеспечивает ему воз-

возможность самообороны в случае нападения, а также в случае необходимости выполнения долга по защите своего родного города совместно с согражданами-христианами.

Саксонское зеркало датируется примерно 1225 годом. Швабское зеркало (Schwabenspiegel) относится ко времени лет на пятьдесят позже, и в нем уже заметно сильное влияние канонического законодательства с его теорией «вечного рабства» евреев, что в этом кодексе получило четкое выражение. Таким образом, церковные концепции постепенно проникают в светское законодательство. К тому же именно в эту эпоху они находят свое окончательное выражение в «Декреталях» Григория IX (1234 г.) и особенно в сочинениях Фомы Аквинского. Речь еще идет о достаточно тонкой доктрине, которая формулирует принцип принадлежности всего еврейского достояния князьям, но одновременно требует «не лишать их жизненно необходимых вещей» и не требовать от них «вещей, противоречащих их обычаям». Вот как это сказано у Фомы Аквинского:

«... Было бы справедливым в соответствии с законом держать евреев из-за их преступления в вечном рабстве, и поэтому монархи могли рассматривать собственность евреев как государственную принадлежность; тем не менее они должны были использовать ее с умеренностью и не лишать евреев вещей, необходимых для жизни... и пусть никто не требует от них силой никаких услуг, которые у них не были приняты до этого, поскольку непривычные вещи обычно вызывают больше смятения в умах».

Что же касается еврейских ростовщиков, то в своей «Сумме теологии» Фома Аквинский сначала делает общее замечание, что «из-за несовершенства людей... человеческие законы допускают отдачу денег в рост, но не потому, что они считались соответствующими правосудию, но чтобы не навредить большему числу людей». Поскольку люди нуждаются в этом, выполнение этой функции евреями является наименьшим злом, тем более, что Моисей уже разрешил им переступать через некоторые запреты, учитывая их темперамент или их пороки. Но еврейское

ростовщичество подлежит осуждению. «Лучше всего было бы заставить евреев работать, чтобы обеспечивать свою жизнь, подобно тому, как это происходит в некоторых областях Италии, вместо того чтобы позволять им жить в праздности и обогащаться только благодаря ростовщичеству». Очевидно, какой путь был пройден между «Суммой теологии» и «Суммой ангелов», между XIII и XV веками (Подробно об этих крайне сложных проблемах см. мое исследование о еврейских банкирах и Святом Престоле—L. Poliakov. *Les Banquiers juifs et le Saint-Siège*. Ulmann-Lévy, 1965.).

IV. ВЕК ДЪЯВОЛА

Как хорошо известно, вторая половина XIII века стала в Германии периодом политической смуты и анархии. Пока претенденты на императорскую корону вели друг против друга бесконечные и беспорядочные войны, мелкие и крупные сеньоры все более предавались своеволию, а города объединялись в лиги или провозглашали себя княжествами. Произошло несколько локальных войн, а также городские и крестьянские восстания. Кроме того случилось событие, о котором пойдет речь ниже и которое на рубеже наступающего столетия явилось своеобразным прообразом серьезных изменений, связанных с ним.

В маленьком городке Ретингене во Франконии весной 1298 года возникло дело о просфоре, которую якобы осквернили евреи. Некий житель города по имени Риндфлейш, по одним сведениям дворянин, по другим мясник (слово Rindfleisch означает «мясо быка») взбунтовал население, призывая к отмщению. Под его предводительством вооруженная банда набросилась на евреев Ретингена, которые были перебиты или сожжены заживо все до последнего. В этом не было

ничего нового, и мы уже видели, что большое число подобных историй происходило и ранее. Но на этот раз дело этим не ограничилось. Вместо того, чтобы разойтись, эти Judenschächter (убийцы евреев) стали переходить из города в город, грабя и предавая огню еврейские кварталы и убивая всех жителей этих кварталов, кроме тех, кто согласился принять крещение. Это произошло в большинстве городов Франконии и Баварии за исключением Регенсбурга и Аугсбурга. Активность банд Риндфлейша продолжалась несколько месяцев—с апреля по сентябрь 1298 года. В одной из христианских хроник того времени утверждалось, что тогда было убито около ста тысяч евреев. Эта цифра едва ли является сильно преувеличенной, поскольку сохранились списки с именами многих тысяч погибших.

Новым в этой истории было то, что впервые за преступление, в котором обвиняли одного или нескольких евреев, должны были нести ответственность все евреи страны. Разумеется, весьма вероятно, что по обыкновению речь шла лишь об удобном предлоге для занятия грабежами в

широких масштабах. Но раньше дела подобного рода, какими бы многочисленными они ни были, сохраняли преимущественно локальный характер. На этот раз вспышка распространилась по всей стране. Если прибегнуть к современной терминологии, то мы можем сказать, что, если не иметь в виду крестовые походы, то речь идет о первом случае «геноцида» евреев в христианской Европе. Отныне весь XIV век будет отмечен нескончаемыми трагедиями такого рода: в конце концов в Северной Европе уцелели лишь отдельные группы евреев, отверженных и бездомных. Одновременно у различных народов развивается настоящий антисемитизм. Прежде чем приступить к рассказу об этих событиях, необходимо напомнить в общих чертах, что представлял собой этот смутный век и проиллюстрировать наше повествование некоторыми примерами.

XIV век, задний план

Мы подошли к эпохе первостепенного значения, когда начало медленно разрушаться грандиозное монолитное здание средневекового христианства и стали вырисовываться контуры тех новых специфических сообществ, которые лягут в основу современных наций, и начали складываться национальные характеры; тогда утрачивали свое значение прежние социальные рамки, и проявился смутный подъем простого народа—городских ремесленников и крестьян, вставших на защиту своих прав. Столь огромные изменения не могут происходить без всевозможных потрясений. Рождение нового общества осуществлялось ценой бесчисленных испытаний и страданий. Без сомнения в Европе XIV век был самым богатым на разнообразные кризисы и катастрофы. Возможно, когда-нибудь его будут сравнивать с нашим столетием. . .

– Политические конфликты: Столетняя война истощила Францию и Англию, в то время как Германия пребывала в состоянии постоянной анархии.

– Социальные конфликты: Жакерия во Фран-

ции, крестьянские восстания в Нидерландах и Англии и, особенно, кровавые городские волнения, «демократические революции», в ходе которых в большинстве немецких городов, в Италии и во Фландрии столкнулись честолюбивые ремесленные корпорации с аристократами, изнуренными властью. В рамках этих конфликтов, как мы это скоро увидим, происходили многочисленные случаи избиения и изгнания евреев.

– Стихийные бедствия: похоже, что история европейского континента еще никогда не знала ничего подобного: великий голод

1315—1317 годов и особенно эпидемия черной чумы 1347-1349 годов.

В завершение этого перечня следует упомянуть и еще одну, не менее зловещую эпидемию, а именно охоту на ведьм, которая вспыхнула во второй половине этого проклятого столетия, но об этом мы поговорим в другом разделе данной главы.

Таков задник нашей сцены. Бесчисленные антиеврейские эксцессы предыдущих веков, несмотря на их спорадический характер, доста-

точно хорошо подготовили почву для того, чтобы в случае серьезных кризисов или массовых бедствий общественное мнение с легкостью склонялось к тому, чтобы обвинять во всем евреев. Ниже мы рассмотрим один чрезвычайно показательный случай, позволяющий изучить во всех подробностях, каким образом функционирует этот механизм и с какой скоростью он приводит одновременно к ухудшению положения евреев и к резкому усилению вызываемой ими ненависти и страха. На этот раз сцена находится во Франции, и драма в двух действиях разыгрывается с 1315 по 1322 год.

В 1315 году на Европу обрушился ужасный голод, бесспорно самый страшный за всю ее историю. Лето 1314 года было дождливым, а летом следующего, 1315 года разразился настоящий потоп. Результатом был катастрофический неурожай, а в тех районах, где, как во Фландрии, обширные территории оказались затопленными, урожай фактически оказался нулевым. Как сообщает Жеффруа Парижский, напрасно возносили к небу молитвы:

«Каноники и школяры повсюду молят Бога, чтобы Он послал на землю хорошую погоду. Долго ждали... Наступил голод, великий голод, и нет ни вина, ни хлеба».

Голод свирепствовал столь сильно, что в Париже или Антверпене люди сотнями умирали прямо на улицах. В деревнях бедствие было столь же велико: нередко были случаи каннибализма, из-за отсутствия муки булочники выпекали хлеб «с винным осадком и всяческими отбросами», а цена на зерно поднялась с двенадцати су за сексту (старинная мера сыпучих тел,- прим. ред.) до шестидесяти. В 1316 и 1317 годах также был неурожай, так что лишь в 1318 году наступило некоторое улучшение, но последствия этого бедствия—эпидемии и социальные беспорядки ощущались в некоторых районах еще очень долго.

В этих условиях в 1320 году доведенные нищетой до отчаяния крестьяне Северной Франции покинули свои разоренные поселения и отправились в путь в надежде улучшить свою судьбу. Куда же они пошли? Они и сами этого не

знали; в конце концов они направились на более благодатный Юг. В пути их число возрастало как снежный ком. Монахи-проповедники, не менее голодные, чем вилланы, привнесли в это движение мистические акценты и определенное идеологическое значение. . . У молодого пастуха было видение—волшебная птица села ему на плечо, затем превратилась в молодую девушку, которая призвала его на битву с неверными. Так возникла идея крестового похода, и в результате начался крестовый поход «пастушков». Во время похода отряды добывали себе пропитание у местных жителей, т. е. грабежами, а поскольку речь шла о крестовом походе, то евреи страдали от них больше всех. Не вполне ясно каким образом, но «пастушкам» удалось добраться до Аквитании. С этого момента ход событий проясняется: хроники содержат детальные описания их преступлений в этой провинции. Ош, Жимон, Капельсарразен, Рабастенс, Гайак, Альби, Верденсьюр-Гарон, Тулуза—во всех этих городах пролилась еврейская кровь, однако королевские чиновники не пытались вмешаться, видимо, с молча-

ливым одобрением наблюдая за происходящим. То же самое происходило и в других местах, так, и в наши дни недалеко от Муассака существует местечко под названием «Еврейская яма» («Trou-aux-Juifs») (В этой связи следует напомнить о многочисленных пригородных местечках в Германии и Баварии, называющихся «Еврейскими ямами» («Judenloch») или «Еврейскими холмами» («Judenbühl»). Эти названия обозначают места совершения массовых убийств евреев во время эпидемии черной чумы в 1347-1349 годах.). Ниже следует живое описание этих событий, принадлежащее перу христианского хрониста.

«Евреи Франции искали спасения во всех укрепленных местах королевства, опасаясь нападения «пастушков», которые осаждали все подобные укрепления. В Вердене-сюр-Гарон евреи героически защищались, сбрасывая на головы осаждавших с высокой башни бесчисленное количество камней, бревна и даже собственных детей. Но это сопротивление ни к чему не привело, и «пастушки» уничтожили большое число

евреев, сломив их сопротивление дымом и огнем от подожженных ворот и дверей этих укреплений. Евреи поняли, что живыми им уйти не удастся, и предпочли покончить жизнь самоубийством, чем пасть от рук необрезанных. Они выбрали самого мужественного среди них, чтобы он перерезал им горло. Этот человек убил с их согласия почти пятьсот евреев. Затем он спустился с башни замка с несколькими еврейскими детьми, еще остававшимися в живых. Он попросил «пастушков» выслушать его, рассказал им о том, что он сделал, и попросил крестить его вместе с уцелевшими детьми. «Пастушки» ответили ему: «Ты совершил такое ужасное преступление против собственного народа, а за это хочешь избежать смерти, которую ты заслужил?» И они четвертовали его, но пощадили детей; их крестили и сделали верными католиками. «Пастушки» продвинулись таким образом вплоть до окрестностей Каркассона, умножая по пути свои преступления. . . »

Мы ясно видим в этом повествовании приметы времени крестовых походов. . . Согласно

еврейским источникам «пастушки» уничтожили сто сорок еврейских общин. Как известно, статистические данные, сообщаемые средневековыми авторами, требуют весьма осторожного отношения; но в любом случае они указывают на масштаб происшедшего и позволяют оценить то впечатление, которое эти события произвели на современников. Наконец, власти решили принять меры против «пастушков», которые, к тому же, после избиения евреев стали обвинять во всем священнослужителей.

В Авиньоне папа Иоанн XXII выступил с проповедью против них; в Париже король Филипп V направил против них военные отряды, которые легко рассеяли неорганизованные банды «пастушков». С конца 1320 года о «пастушках» больше ничего не слышно. Известно только, что несколько групп пересекли Пиренеи и пришли в Испанию, где в течение некоторого времени продолжали заниматься убийствами.

Таков был первый акт. Можно предполагать, что подобные массовые убийства должны были вызвать у местных жителей, бывших свидетеля-

ми или даже соучастниками этих преступлений, какое-то беспокойство, суеверное волнение, боязнь проклятия: не захотят ли евреи отомстить? Эти опасения даже породили новую легенду, которая должна была задним числом оправдать совершенные преступления. Совпадение в датах поражает столь сильно, что невозможно не прийти к выводу о наличии непосредственной связи между массовыми убийствами 1320 года и новыми обвинениями, выдвинутыми против евреев несколько месяцев спустя в тех же самых местах, где и происходили эти убийства.

События развивались следующим образом: летом 1321 года в Аквитании возник слух, что среди прокаженных и евреев возник зловецкий заговор, организаторами которого были евреи, а исполнителями должны были стать прокаженные. Заговорщики хотели погубить всех христиан, отравив родники и колодцы. Не было недостатка в ужасных деталях: яд, составленный из смеси человеческой крови, мочи и трех тайных трав, разумеется, с добавлением просфоры, должен был быть положен в мешочки и брошен во

все местные колодцы. В этом не было никакого сомнения, поскольку на землях сеньора де Парте-нея был пойман один прокаженный, который во всем признался и сообщил, что яд ему дал некий богатый еврей, заплативший за эту работу десять ливров и обещавший заплатить намного больше, если он сумеет найти и других прокаженных для выполнения этого зловещего плана.

По другой версии ядовитый порошок состоял из смеси жабьих лап, змеиных голов и женских волос, смоченных «очень черной и зловонной» жидкостью, ужасной не только своим запахом, но даже видом. В этом случае также не могло быть никаких сомнений в магической силе этой смеси, потому что она не горела даже в самом сильном огне. К тому же евреи были не единственными вдохновителями заговора: в поисках его истоков следователям удалось установить благодаря «арабским письмам», перехваченным и должным образом переведенным ученым «лекарем» Пьером д'Акром, что на самом деле во главе заговора стояли короли Гранады и Туниса. По еще одной версии речь шла не о мусульманских вла-

дыках, но непосредственно о самом дьяволе. . .

Итак, впервые мы сталкиваемся с конкретными обвинениями еврейства в заговоре с целью погубить христианский мир с помощью изощренных ученых приемов. Напомним, что это происходило непосредственно после истребления евреев, которое отнюдь не стало известно по слухам, а было весьма реальным. Можно предположить вслед за некоторыми авторами, что отдельные решения церковных соборов предыдущего столетия, например, соборов во Вроцлаве и Вене (1267 г.), запрещавшие христианам покупать съестные припасы у евреев из-за страха, что те, кто «считает христиан своими врагами, могут подло их отравить», могли послужить источником для возникновения этого нового мифа; можно искать и иные прецеденты. Но то, что раньше было лишь риторическим преувеличением, провозглашавшимся с высоты амвона, отныне приобрело совсем другое содержание, а смешивание в одно целое евреев и прокаженных, этих неприкасаемых по самой своей природе, является весьма показательным.

Однако, хотя через несколько десятилетий легенду о еврейских отравителях по призыванию ждет особая судьба, в тот момент ее воздействие имело еще довольно ограниченный эффект. Народный страх и гнев привели лишь к нескольким случаям самосуда: «Простые люди творили свое правосудие, не прибегая к помощи прево или байи»,—говорится в одной хронике. Кроме того, королевская власть ловко воспользовалась этими событиями, чтобы доставить удовлетворение своему народу и одновременно пополнить королевскую казну, хотя совершенно неизвестно, верил ли сам король Филипп V в эту легенду.

Во-первых, подробные инструкции были разосланы всем сенешалям и байи, информировавшие их о преступных деяниях прокаженных и евреев, «столь ужасных, что они никак не могли остаться в тайне», и предписывавшие произвести расследование по поводу евреев, подлежащих суду. Произошли многочисленные аресты и суды по всей Франции, от Аквитании до Шампани, где по имеющимся сведениям 40 евреев покончили с собой в тюрьме в Витри-ле-Франсуа, или в Ту-

рени, где 160 евреев были сожжены в Шиноне.

Во-вторых, за этим последовали конфискации, что и составляло, как можно полагать, главную цель всей операции. Эти конфискации распространялись даже на тех евреев, которые были признаны невиновными. Евреи Парижа должны были выплатить штраф в 5300 ливров; общая сумма штрафов по стране составила 150 000 ливров. В этом плане вся история вполне вписывается в рамки той политики по отношению к евреям, которой придерживалась в XVI веке во Франции королевская власть, использовавшая их как своеобразные «финансовые губки»—их постоянно выжимали, изгоняли, призывали обратно, задерживали. Мы к этому еще вернемся, но сейчас необходимо отметить, что эта история бесконечно далеко выходит за обычные рамки в том отношении, что она контрастно освещает пути распространения массовых предрассудков.

Начиналось все обычно с массовых убийств, а затем из страха перед возмездием возводились обвинения, жертвам приписывались свои собственные агрессивные намерения, их обвиня-

ли в жестокости—в разных странах, в различные эпохи и в разнообразных обличьях мы обнаруживаем один и тот же механизм. [Так, мы знаем нацистских убийц, оправдывавших массовое уничтожение еврейских детей речами о «потенциальных мстителях», а через десять лет после войны в Западной Германии один муниципальный совет отправил в отставку врача-еврея из опасения, что из мести он может причинить вред больным-немцам. . .].

Точно такая же последовательность событий обнаруживается пятнадцатью годами позже в Германии, где на фоне царившей тогда в стране перманентной анархии два дворянина из семьи Армледер имели видения и, повторяя подвиги Риндфлейша, начали кампанию отмщения за Христа: в 1336 году произошли массовые убийства евреев в Эльзасе и Швабии, но только после этого были сформулированы конкретные обвинения. В Деггендорфе, в Баварии, и в австрийском городе Пулькау возникли дела об осквернении просфор, послужившие предлогом для новых убийств. . . Даже если они того и хоте-

ли, императоры и князья не имели достаточного могущества, чтобы противостоять этому; к тому же в 1345 году появился новый обычай—король Иоанн разрешил своим подданным в Лигнице и Вроцлаве разрушить еврейские кладбища, чтобы использовать надгробные камни для починки городской стены. Позднее стали говорить: «Не подобает совершать обряды над врагами веры». А сейчас мы находимся на пороге важнейших перемен, которые будут иметь для судеб евреев такое же серьезное значение, как и события 1096 года, и которые тяжким грузом лягут на будущее всей Европы. . .

Черная чума

Перечтем описание чумы у Боккаччо:

«... [в городах] заболевали они ежедневно тысячами, а так как никто за ними не ухаживал и никто им не помогал, то почти все они умирали. ... соседи... выносили мертвые тела из домов и клали у порога, где их, выставленных во множестве, мог видеть, особенно утром, любой прохожий. И никто, бывало, не почтит усопших ни слезами, ни свечой, ни проводами—какое там: умерший человек вызывал тогда столько же участия, сколько издохшая коза.

... в раскиданных там и сям усадьбах и в селах крестьяне с семьями, все эти бедняки, голяки, оставленные без лечения и ухода, днем и ночью умирали на дорогах, в поле и дома—умирали так, как умирают не люди, а животные. Вследствие этого у сельчан, как и у горожан, наблюдалось ослабление нравов; они запустили свое хозяйство, запустили все свои дела и, каждый день ожидая смерти, не только не заботились о приумножении доходов, которые они могли получить и от скота и от земли, о пожинании плодов своего

собственного труда, но, напротив того, старались все имеющееся у них тем или иным способом уничтожить. Волы, ослы, овцы, козы, свиньи, куры, даже верные друзья человека—собаки, изгнанные из своих помещений, безвозбранно бродили по заброшенным нивам, на которых хлеб был не только не убран, но даже не сжат... Если оставить окрестности и возвратиться к городу (Флоренции, где Боккаччо жил во время черной чумы,—прим. автора), ... то ли небеса были к нам так немилостивы, то ли до некоторой степени повинно в том бессердечие человеческое, как бы то ни было—с марта по июль... умерло сто с лишним тысяч человек, а между тем до этого мора никто, уж верно, и предполагать не мог, что город насчитывает столько жителей», (пер. Н. Любимова).

Такова была черная чума, катастрофа, за три года, с 1347 по 1350, унесшая жизни трети, или даже больше, населения Европы. Многие авторы утверждали, что именно тогда прозвучал похоронный звон по средневековой цивилизации, или даже, что это был «самый резкий разрыв исто-

рической преемственности, который знало человечество». По этому поводу возможны различные точки зрения в зависимости от того, с какой позиции рассматриваются эти вопросы, а также от общего понимания исторического развития. В рамках интересующей нас проблемы, являющейся прежде всего проблемой коллективного помрачения сознания и его социальных последствий, воздействие великой паники 1347-1350 годов оказалось решающим.

Необходимо принять во внимание, что эпидемия обрушилась на элиту и священнослужителей в той же мере, что и на простых людей. Результатом этого стало резкое снижение интеллектуального уровня (Подобным же образом из-за сильной нехватки преподавателей «народный» английский язык пришел на смену французскому в английских школах. Таково происхождение современного английского.) и всеобщий упадок нравов. Эпидемия выбила рассудок людей из привычной колеи, возбудила апокалиптические настроения и привела к распространению навязчивых мыслей о дьяволе. Наконец, вплоть до кон-

ца столетия происходили многочисленные новые вспышки этого ужасного бедствия. . .

Нет ничего удивительного, что в этих условиях была доведена до логического конца та тенденция, о которой мы говорили на предыдущих страницах, и черная чума наложила неизгладимый отпечаток на участь европейских евреев, чей образ в глазах христиан будет отныне окружен ореолом серы и пепла. В каком-то смысле 1347 год можно сравнить с 1096 годом, поскольку эпидемия чумы имела двойные последствия: ее непосредственным результатом была гибель большого числа евреев по всей Европе, а отдаленные эффекты проявились в окончательном созревании специфического феномена—христианского антисемитизма.

*****

По всей Европе люди задавали себе с тревогой один и тот же вопрос: почему их постигло это бедствие? Какова была его причина? Ученые люди, прежде всего врачи, составляли научные трактаты, из которых следовало, в соответствии с лучшими законами схоластики; что у эпидемии было два вида причин: первичные причины небесного порядка, как-то неблагоприятное положение звезд, землетрясения, и вторичные, или земные причины—заражение воздуха, отравленные воды, а некоторые умы, опережавшие свое время, даже выдвигали гипотезу об инфекционной природе болезни. Более простодушные создания не утруждали себя подобными тонкостями: для них речь шла или о наказании Божьем, или о происках Сатаны, или о том и другом одновременно—Бог дал полную свободу действий своему антагонисту, чтобы покарать христианский мир. В этих условиях Сатана действовал по своему обыкновению с помощью агентов, отравлявших воздух и воды. А где мог он найти этих агентов, как не среди отбросов человечества, нищих и бродяг, прокаженных, и прежде

всего, разумеется, среди евреев, народа, принадлежащего одновременно Богу и дьяволу? Вот так евреи в целом и оказались обреченными на свою роль козлов отпущения. . .

Иногда опережая распространение эпидемии, иногда двигаясь по ее следам, эти слухи впервые возникли, как можно думать, в Савойе: некто, по имени Яков Паскаль (т. е. «пасхальный» — имя, которое должно было вызывать определенные ассоциации, связанные с легендами о ритуальных убийствах), прибывший из Толедо, якобы раздавал в Шамбери своим единоверцам мешочки с опасными снадобьями. Отметим, что способ действий, приписываемый отравителям, а также состав яда были абсолютно идентичными с теми, о которых шла речь за тридцать лет до этого во время дела «пастушков». По приказу герцога Амедея Савойского были арестованы евреи в Тононе, Шийоне и Шателаре и после допроса под пыткой признали свою вину, а один из них, Акет де Вильнев, сознался, что он действовал по всей Европе — в Венеции, в Калабрии, в Тулузе. . . Из Савойи эта басня распространяет-

ся в Швейцарию, где происходят оканчивающиеся казнями судебные процессы в Берне, Цюрихе, на берегах Боденского озера. Консулы славного города Берна даже чистосердечно направили послания в различные немецкие города, в Страсбург, в Кельн, с предупреждением об ужасном еврейском заговоре.

В Германии события быстро приняли совсем другой оборот. Во многих городах князья и епископы попытались защитить евреев; к тому же в сентябре 1348 года папа Климент VI обнародовал буллу, в которой он подробно объяснял, что евреи умирали от чумы точно так же, как христиане, что эпидемия свирепствовала и в тех краях, где вообще нет евреев, и что нет никаких оснований обвинять их в распространении болезни. Но подобные усилия обычно оставались безрезультатными, поскольку в немецких городах массовые убийства и сопутствующие им грабежи были делом рук черни, одновременно являясь бунтом против властей. Так, в Страсбурге, где еще была жива память о подвигах Армледеров, эти внутренние конфликты продолжались почти

три месяца: муниципалитет провел расследование и пришел к заключению, что евреи невиновны, за что был свергнут, а новый муниципалитет не имел более важных дел, чем заточение в тюрьму всех евреев, всего в количестве двух тысяч человек; на следующий день (14 февраля 1349 года) все они были сожжены на еврейском кладбище, в то время как их имущество было распределено между городскими жителями. «Это и был тот яд, который погубил евреев»,—так завершил свое повествование один хронист. Такие же массовые убийства, сопровождаемые грабежами, происходили в подавляющем большинстве германских городов, в Кольмаре, где «Еврейская яма» (Judenloch) еще хранит об этом память, в Вормсе, в Оппенхейме, где евреи сами подожгли свои кварталы и погибли в огне, во Франкфурте и в Эрфурте, где их закололи мечами, в Кельне и Ганновере, где часть евреев была перебита, а остальные изгнаны. . .

Другие фанатики убивали только по религиозным причинам. В ситуации вспышки мистцизма, возникшей под влиянием стихийного бед-

ствия, толпы каящихся грешников, «флагеллантов», бродили из города в город, умерщвляя свою плоть, чтобы умилостивить и отвратить гнев Божий. Считалось, что тридцать четыре дня бичеваний были достаточны для того, чтобы получить от Иисуса отпущение всех грехов. Ведя суровый образ жизни и распевая псалмы, «флагелланты» избороздили всю Германию. Они даже проникли во Францию, и их публичные выступления, встречаемые всеобщим бурным одобрением, обычно заканчивались избиением евреев. Папа приказал провести расследование по этому поводу и получил от своего легата, Жана де Фейта, крайне неблагоприятный доклад. Во Франции королевское правосудие быстро положило конец их подвигам. Но в Германии и во Фландрии их приходы и уходы оставили гораздо более глубокий след. Вот живое описание этих событий, сделанное хронистом Жаном Замаасским:

«В то время, когда эти «флагелланты» переходили из страны в страну, произошло великое чудо, о котором не следует забывать: когда увидели, что смерть и чума не прекращались

после покаяний этих самобичевателей («флагеллантов»), то стали широко распространяться слухи; повсюду повторяли и безусловно верили в то, что евреи виноваты в эпидемии, что они бросали страшную отраву в колодцы и родники по всему миру, чтобы отравить и заразить чумой христианский мир; поэтому и стар, и млад преисполнился гнева против евреев, которых везде, где возможно, сеньоры и байи бросали в тюрьмы, казнили и сжигали во всех тех областях, по которым проходили «флагелланты»...»

В Германии уничтожение евреев будь то из-за алчности или из благочестия пошло до того, что в тех областях, где евреев было очень мало или вообще не было, как, например, на землях Тевтонского ордена, христиан, которых подозревали в еврейском происхождении, по всей видимости, убивали вместо отсутствующих евреев. Некоторые обвинители, стремясь убедительнее доказать вину евреев, утверждали, что они невосприимчивы к чуме, что они вообще не умирали от чумы или умирали в гораздо меньших количествах. Эта басня пустила столь глубокие

корни, что она даже была повторена некоторыми историками XIX века, которые пытались объяснить этот факт лучшими гигиеническими условиями в домах евреев (В частности, этого мнения придерживались еврейские историки, такие как Грец, Дубнов и др.). Однако уже в это время хронист Конрад фон Мегенберг отмечал:

«Во многих колодцах были обнаружены мешочки с ядом, и бесчисленное количество евреев были убиты в Рейнской области, во Франконии и во всех германских странах. По правде говоря, мне не известно, действительно ли сделали это некие евреи. Если действительно так и было, то это, разумеется, должно было усугубить зло. Но с другой стороны, я знаю, что ни в одном немецком городе не насчитывалось столько евреев, сколько их жило в Вене, и при этом такое количество их умерло во время эпидемии, что им пришлось значительно расширить свое кладбище и купить еще два участка. Они были бы слишком большими глупцами, чтобы травить самих себя...»

В течение рокового 1348 года ни одной круп-

ной еврейской общине Германии не удалось избежать массовых убийств, за исключением, вероятно, только Вены и Регенсбурга. Эти избиения стали настолько привычными, что император Карл IV проявил предусмотрительность и уступил муниципалитетам некоторых городов, вытребовав для себя заранее оговоренное условие, а именно собственность «его» евреев, поскольку он считал их уничтожение неизбежным. «Да свершится воля Божья!»—добавил государь, но это было лишь стилистическим оборотом, поскольку избиения не заставили себя ждать. В частности, именно таким образом обстояло дело во Франкфурте, в Нюрнберге и Аугсбурге.

Хотя нет никакой возможности для сколь-нибудь надежной статистической оценки общего количества жертв, можно получить представление о масштабе потерь по тому факту, что в течение лет, следовавших за эпидемией чумы, евреи стали редким и ценным товаром. Так, в 1352 году город Шпейр пригласил евреев вернуться, дав им множество заверений в защите и абсолютной безопасности; епископ Майнца сделал то же самое;

а опубликованный в эту эпоху кодекс «Meissener Rechtsbuch» (Мейсенский кодекс законов) содержит исключительно благоприятные для евреев положения—их синагоги и кладбища должны были находиться под специальной защитой, а христиане должны были обеспечивать их вооруженной охраной в случае нападения. Сходное положение существовало и во Франции, где изгнания и приглашения вернуться обратно чередовались между собой с самого начала века. Евреи были приглашены в страну Иоанном Добрым на гораздо лучших, чем раньше, условиях. Постепенно возродились некоторые еврейские общины, сосредоточившиеся по-прежнему на ростовщичестве, как правило мелком, к которому добавилась и другая, связанная с ней специализация—торговля подержанной одеждой. Но вскоре изгнания возобновились, и положение евреев ни в чем не напоминало то, каким оно было в предшествующем столетии. Теперь мы кратко рассмотрим эту проблему.

Положение евреев непосредственно после эпидемии чумы

Трагедия черной чумы невероятно ускорила процесс, развивавшийся уже на протяжении двух с лишним лет: отныне история евреев будет идти невероятным, причудливым путем. Приступая к краткому очерку их социального положения со второй половины XIV века, нам представляется принципиально важным подчеркнуть, что экономическая «база» отныне будет иметь мало общего с развитием этой истории. Если прибегнуть к современной терминологии, то можно сказать, что с этого времени история евреев протекала целиком в рамках «суперструктур»; рассмотрение этой истории в данном аспекте представляет значительный интерес, поскольку именно исключения позволяют лучше понять правила.

Как сказано в одной хартии, юридическом документе, предназначенном для регламентации возвращения евреев во Францию в 1361 году, они «не имеют во всем христианском мире ни страны, ни собственной земли для пребывания, посещения или постоянной жизни»... Этот текст весьма точно и недвусмысленно выражает следующую мысль: если в течение предшествующих

столетий общим правилом для евреев было наличие определенного юридического статуса, гарантий закона, а избиения или изгнания являлись исключением из этого правила, то отныне жизнь вне закона становится, если можно так выразиться, обычным и постоянным образом их ; а если им удастся в течение некоторого времени жить в безопасности, то это полностью зависит от местного властителя, от его заинтересованности или от его каприза.

Посмотрим, как обстояли дела во Франции. Ни Филипп Август, ни Людовик Святой не добились изгнания евреев, ни даже серьезных изменений в их положении, хотя первый попытался сделать это, а второй часто об этом думал. В 1306 году Филиппу Красивому удалось добиться более значительных успехов в этом деле. Он изгнал их всех, хотя и задержал самых богатых из них на несколько месяцев, чтобы до последнего су собрать все суммы, которые они дали в долг, поскольку этот весьма практичный государь прежде всего заботился о выгоде для королевской казны. Уступая «всеобщему требованию

народа», как утверждается в ордонансе Людовика X, евреи были возвращены в 1315 году, но шестью годами позже, вслед за делом «пастушков» они были вновь изгнаны, так что похоже, что в течение сорока лет во Франции вообще не было евреев—во всяком случае ни один исторический источник, ни одна хроника не упоминают об их присутствии.

Но в 1361 году финансовое положение королевства становится настолько тяжелым, что казначейство оказывается неспособным собрать необходимую сумму для выкупа Иоанна Доброго, взятого в плен англичанами. Среди прочих мер дофин Карл принял тогда решение обратиться к евреям. Им вновь разрешается въезд во Францию, но уже на совершенно новых условиях. На них налагается тяжелая подушная подать в размере семи флоринов в год на каждого взрослого и одного флорина на каждого ребенка, но зато они получают права покупать дома и земельные участки, а для надзора за соблюдением их интересов был назначен «хранитель евреев», которым стал дальний родственник короля

Луи д'Этамп. Они также получили право назначать до 87 процентов за кредит. Наконец, весьма показательным является то, что еврейской общине разрешили изгонять своих членов без предварительной санкции «хранителя евреев», но в этом случае община была обязана внести в казну огромную сумму в сто флоринов в качестве компенсации тех налогов, которые должны были бы выплачивать изгнанные. . . Таким образом, все было предусмотрено для того, чтобы выкачивать через посредничество евреев максимально возможное количество денег.

В течение двадцати лет евреи жили в относительном спокойствии, но они больше не были теми услужливыми и привычными заимодавцами, возвращения которых когда-то требовал народ. Они стали финансовыми деятелями, ненавистными и презираемыми. Их организация и внутренняя сплоченность также являются следствием общего положения дел: вероотступничество, по всей вероятности, было довольно распространенным явлением, и, как обычно, обращенные в христианство евреи немедленно превращались в

главных врагов своих бывших единоверцев. Так, мы можем прочитать в ордонансе, датированным 1378 годом:

«... многие из соблюдавших раньше их Закон, которые недавно приняли христианство, преисполнились зависти и ненависти, поскольку они более не могли извлекать никакой прибыли (Т. е. потому что они более не могли получать доход от тех дел, которыми занимались, когда были иудеями.), приложили свои силы к тому, чтобы обвинить евреев, сделали многочисленные разоблачения и продолжают заниматься этим изо дня в день... из-за этих обвинений и разоблачений евреев многократно арестовывали, притесняли, избивали и грабили...»

В этих условиях, во время восшествия на престол Карла VI в 1380 году, произошли беспорядки и массовые волнения; гнев народа обратился против евреев, которых убивали и грабили по всей Франции. Добавим, что эти «чудовищные незаконные действия, совершенные против них как в упомянутом городе Париже, так и во многих других местах», происходили таким об-

разом, что в их истоках невозможно обнаружить ни малейшего предлога из религиозной сферы, однако священнослужители поощряли толпу, и даже сам архиепископ Парижа встал на сторону бунтарей. Королевской власти удалось защитить евреев, но это положение не могло долго продолжаться, поскольку налагаемые на евреев контрибуции становились все более тяжелыми, а привилегии, которые им даровались, чтобы они могли осуществлять эти платежи, часто становились невыносимо огромными. Так, например, ордонанс, датированный февралем 1389 года, предписывал, что все тяжбы между христианами и евреями подлежали юрисдикции «хранителей евреев», т. е. чиновников, обязанных по долгу службы защищать евреев и получавших от них свое содержание; более того, они имели право отправлять в тюрьму несостоятельных должников. Подобные привилегии довели до крайних пределов ожесточение масс и побудили власти к еще большему увеличению платежей, налагаемых на еврейских финансистов, что привело в конечном итоге к их разорению.

В течение еще нескольких лет на фоне жестокой борьбы между Бургундией и Гасконью происходили резкие колебания в общем положении евреев, но в конце концов антиеврейская партия возобладала. В 1392 году специальным ордонамсом отменяется древний обычай, по которому евреи, обратившиеся в христианство, лишались своего имущества—это указывает на то, что в качестве источника доходов для казны евреи утратили свое значение. С этого момента их судьба была предрешена. В сентябре 1394 года, «желая укрепить истинную веру и опасаясь дурного влияния евреев, на христиан», король приказывает изгнать евреев, что на этот раз явилось окончательным завершением тысячелетней истории собственно Французского еврейства. Эдикт был обнародован 17 сентября, в Йом-Кипур (День Искупления) по еврейскому календарю. Это стало одним из первых проявлений пропитанного ненавистью внимания к еврейскому календарю, с которым мы еще много раз столкнемся на протяжении веков.

Но Франция, которая даже в XVI веке была

страной с сильной центральной властью, значительно менее показательна для нашей темы, чем Германия. Кроме того, именно евреи, проживавшие на территории Священной Германской империи, отныне составляли основную ветвь иудаизма. Процесс упадка еврейства в Германии в общих чертах совпадает с тем, что происходило во Франции, и вскоре начнется изгнание евреев с той только разницей, что на чрезвычайно раздробленной территории этот процесс расплывется на бесконечное количество индивидуальных судеб. Именно это расплывение в конечном итоге позволит немецким евреям выжить в этой стране: всеобщее и одновременное изгнание евреев из тогдашней Германии было просто невозможным.

Можно датировать 1343 годом окончательную утрату немецкими евреями их гражданских прав. В этом году император Людовик Баварский довел теорию «рабства» евреев до логического конца, установив подушную подать в размере одного флорина, которую отныне должен был платить в императорскую казну каждый еврей, до-

стигший двенадцатилетнего возраста. А согласно средневековым порядкам человек, который должен был платить этот налог, не мог претендовать на статус гражданина.

С другой стороны, мы видели, что всеобщий экономический упадок, последовавший за эпидемией черной чумы, побудил некоторые немецкие города и княжества призвать евреев, которые на протяжении одного-двух десятилетий рассматривались как своего рода редкий товар. Но условия их пребывания на этот раз сильно отличались от того, что было раньше. Покровительство «императорской казны», сервами которых они в принципе оставались, существовало теперь лишь на бумаге, впрочем так же, как и власть императоров, испытывавших постоянную нужду в деньгах и уступавших городам «своих» евреев или их налоговые обязательства.

Так, в 1343 году Людовик Баварский объявил евреям Нюрнберга: «Вы нам принадлежите, вы сами и все ваше имущество, и мы можем использовать его и поступать с вами по нашей воле и желанию». После эпидемии черной чумы,

как правило, города или местные государи издавали новые хартии для проживания, отличительной чертой которых был временный характер их действия, ограниченный определенным сроком. Таким образом, факт изгнания евреев после истечения срока действия хартии больше не являлся актом несправедливости. Отныне речь шла о нормальной и законной акции, так что в каком-то смысле евреи чисто юридически стали вечными странниками. Но происходили и «незаконные» акции изгнания евреев, прерывавшие срок действия хартии; иногда это случалось при столь смутных обстоятельствах, что невозможно определить, было ли это изгнание законным или нет. В некоторых хартиях даже специально предусматривалось право на досрочное изгнание евреев в случае, когда их присутствие вызывало беспорядки: такова была хартия города Трира, изданная в 1362 году.

Так же, как и во Франции, сначала на протяжении одного или двух поколений евреи живут в условиях относительного спокойствия. Но в 1384 году происходит резкий взрыв на юге Германии—

в Аугсбурге, Нюрнберге и в небольших соседних городах евреев берут под стражу и отпускают только за солидный выкуп. В следующем году представители тридцати восьми городов, собравшиеся в Ульме, провозглашают всеобщее освобождение от долговых обязательств евреям. Через два года, в 1388 году, происходит первое общее изгнание евреев из Страсбурга, в 1394 году—из Пфальца.

С этого времени на всем протяжении XV века изгнания происходили постоянно. Вот перечень наиболее заметных: 1420 г.—Австрия; 1424 г.—Фрейбург и Цюрих («из-за их занятий ростовщичеством»); 1426 г. Кельн («во славу Господа и Святой Девы»); 1342 г. -Саксония; 1439 г.—Аугсбург; 1435 г.—Вюрцбург; 1454 г.—Бреслау. Этот список, который к концу столетия увеличивался как снежный ком, можно продолжать до бесконечности. Некоторые из этих изгнаний оказались окончательными, в некоторых случаях после изгнания выдавалось новое разрешение на проживание, что объясняет, каким образом евреи Майнца могли подвергнуться изгнанию четыре

раза за пятьдесят лет: в 1420 году по приказу архиепископа; в 1438 году по решению городской управы; в 1462 году в результате конфликта между двумя претендентами на кафедру архиепископа; и в 1471 году снова по приказу архиепископа.

Выдвигались

различные причины для изгнания—иногда мирские: защитить народ от еврейских ростовщиков; иногда духовные: обеспечить Божественную милость; в отдельных случаях приводились точные и конкретные причины: так, в обращении к герцогу Леопольду с просьбой разрешить изгнание евреев члены городской управы Фрейбурга указывали на общеизвестный факт, заключающийся в том, что «все евреи жаждут христианской крови, которая позволяет им продлевать свою жизнь». Еще проще поступили жители Эльзаса, пожаловавшиеся в 1477 году на беспорядки, вызываемые присутствием евреев: швейцарцы, направлявшиеся во Францию, постоянно грабили их, что и вызывало беспорядки—поэтому евреев следовало изгнать.

По сути дела, в конфликтах, возникавших

из-за евреев, сталкивались, как правило, их хозяева—князя или городские управы, извлекавшие из их присутствия определенную выгоду, и массы горожан, которым от этого ничего не перепало и которые надеялись нажиться на их исчезновении. Чаще всего этим последним удавалось в конце концов взять верх и заставить власти встать на их сторону, или же они действовали силой, не спрашивая на это разрешения. Таким образом, горожане Рикевира в Эльзасе, даже не позаботившись о том, чтобы поставить в известность своего сеньора, решили одним прекрасным днем в 1420 году изгнать своих евреев, преследуя их на улицах и убивая тех, кто по их мнению подчинялся недостаточно быстро.

Напротив, когда городская управа Регенсбурга, поддержанная своим епископом, попыталась изгнать евреев в 1476 году под классическим предлогом ритуального убийства, она сначала потерпела неудачу. Считалось, что еврейская община этого города пользовалась особым доверием императора Фридриха III. Посланцы этой общины явились ко двору с петицией, в которой

было сказано, что евреи Регенсбурга поселились в этом древнем городе еще до рождества Христова и поэтому они никак не могли нести ответственность за его распятие. Без сомнения они использовали и аргументы более практического свойства, так что Фридрих III принял решение, достойное царя Соломона, и разрешил конфликт, наложив штраф в 8000 гульденов на городскую управу, а второй штраф в 10000 гульденов на евреев, и приказал сохранять статус кво. Тогда горожане, которые, напомним об этом, защитили своих евреев от банд Риндфлейша в 1298 году, а также во время эпидемии черной чумы, прибегли к иным методам: булочники перестали продавать хлеб евреям мельники отказывались молоть их зерно, на рынки их допускал только в четыре часа пополудни, когда христиане уже закончили делать покупки. . . В конце концов, евреи Регенсбурга были изгнаны в 1519 году.

«Долина Слез» — так выразился знаменитый хронист Иосиф га Коэн в 1558 году: позднее еврейскую историю будут составлять помощью подобных записей. Все это происходило на

фоне местных происшествий, дел об осквернении просфор и о ритуальных убийствах или просто спонтанных погромов, чему мы уже привели разнообразные примеры. Это можно суммировать словами одного немецкого историка прошлого века:

«Так случилось, что у них больше не осталось постоянного места жительства на большей части Германии, но только разрешения на то, чтобы находиться в каком-то месте несколько дней за специальную транзитную плату. Если со времени крестовых походов положение евреев в германских государствах было ненадежным, то лишь на исходе средних веков они стали настоящими бродячими евреями, перемещающимися из города в город и практически лишенными постоянного жилья».

По сути дела, немецкие города, которые в конце XV века предоставляли евреям право постоянного жительства, можно пересчитать по пальцам одной руки. Постоянным потоком, иногда целыми общинами немецкие евреи эмигрировали под более гостеприимное небо Польши и

Литвы. Другие оседали у городских ворот, вливаясь в предместья: нюрнбергские евреи в Фурте, аугсбургские в Пферзее и т. п.

Можно сказать, что чем менее многочисленными они становились, тем больше обращали на них внимания, поскольку там, откуда их не изгнали, евреи стали объектом бесчисленных притеснений нового типа. В то время как юридические документы предшествующих веков отражают в целом достаточно удовлетворительную ситуацию, то документы позднего средневековья содержат унижительные положения.

В случае применения смертной казни с конца XIV века установился обычай вешать евреев за ноги, иногда также подвешивали рядом свирепую овчарку. В области гражданских споров показания евреев под присягой часто отвергаются. Если же это все-таки происходит, то с конца XIII века эта церемония часто принимает унижительный характер. Так, согласно «Швабскому зеркалу» еврей должен был приносить присягу, стоя на шкуре свиньи. Отныне эта церемония превращается в откровенный фарс или чистое и простое

святотатство: по законам Силезии 1422 года еврей должен был залезть на трехногий табурет и глядя на солнце произнести традиционную формулу, если он падал на землю, то должен был заплатить штраф. В 1455 году муниципалитет Бреслау издал предписание, что евреи должны были приносить клятву с непокрытой головой, произнося по буквам священный тетраграмматон. Со своей стороны, церковные власти постановили в 1434 году на Базельском соборе, что евреи не должны допускаться к университетскому образованию, но зато для их обучения необходимо заставлять их присутствовать на христианских проповедях. Распорядок этой церемонии в том виде, как она практиковалась на протяжении последующих столетий в Праге, Вене или Риме убедительно показывает, что речь здесь шла в гораздо большей степени о еще одном виде притеснения, чем о настоящем миссионерском рвении. В Риме этот обычай *predica coativa* (принудительной проповеди) был запрещен лишь в 1846 г.

Новый образ евреев

Что же должны были думать о евреях христианские массы, будь то священнослужители, буржуа или простые вилланы, являвшиеся свидетелями их унижений и мук? Как мы уже показали, враждебность к евреям питалась теми же избиваниями, которые она и вызывала: сначала их убивают, а уже затем ненавидят. Этот принцип, какова бы ни была его настоящая психологическая природа, достаточно регулярно подтверждается опытом. Начиная со второй половины XIV века, ненависть к евреям достигает такой остроты, что мы смело можем отнести именно к этой эпохе складывание антисемитизма в его классической форме, той самой, которая побудила Эразма Роттердамского констатировать: «Если ненависть к евреям является признаком доброго христианина, то все мы добрые христиане».

Важно особо отметить, что отныне эта ненависть вынуждена черпать силу в себе самой независимо от того, имеются ли евреи на данной территории или нет. Если евреев больше нет, то их придумывают, и христианское население, которое все реже и реже сталкивается с евреями в

повседневной жизни, оказывается под постоянно возрастающим воздействием их образа, который они находят в текстах, читаемых во время службы в церкви, обнаруживают на важнейших сооружениях, созерцают в ходе представлений и действий. Эти воображаемые евреи, разумеется, прежде всего те, о ком думают, как об убийцах Иисуса, но люди завершающегося средневековья не делают больше различий между этими легендарными евреями и их современниками. В крайнем случае ненависть к евреям получает от их реального физического присутствия лишь дополнительный стимул. Евреев будут презирать во Франции и в Англии точно так же, как в Германии и Италии. Если попытаться сравнить силу чувства, которое направлено на евреев в разных странах, то похоже, что она больше всего зависит от субстрата, на котором покоится национальная культура; эта сила оказывается более ярко выраженной в германских странах, чем в романских. Таким образом, все указывает на то, что Германия является избранной страной для антисемитизма—мы еще вернемся к этой пробле-

ме ниже.

Бесчисленные литературные и художественные документы отражают это положение вещей. Можно утверждать, что антисемитизм растет по мере развития искусства и литературы и в зависимости от степени их распространения среди народных масс. Почти полностью отсутствуют литературные жанры: фавлю, сатиры, легенды, баллады, где бы не был представлен образ еврея и где бы они не были описаны в смешном или отвратительном виде, часто с помощью скатологических мотивов, на которые был так падок этот век. Эти сюжеты перекрещиваются и перемещаются из страны в страну. Одно из самых ранних произведений этого рода обращается к образу Людовика Святого, этого примера всех христианских добродетелей, за наставлением, как следует обращаться с евреями.

В одной французской сатире XIV века, написанной на народном языке, представлен некий парижский еврей, пользующийся высоким авторитетом среди своих единоверцев, который однажды упал в общественную отхожую яму. Дру-

гие евреи собрались, чтобы оказать ему помощь. «Остерегитесь,—воскликнул пострадавший,— ибо сегодня суббота. Подождите до завтра, чтобы не нарушать наш закон». Они согласились с ним и удалились. Присутствовавшие при этом христиане поспешили сообщить об этом происшествии королю Людовику. Тогда король приказал своим людям не позволять евреям вытащить своего единоверца из ямы в день Господа, сказав; «Он соблюдал субботу, пусть также соблюдет и наше воскресенье». Так и произошло, а когда в понедельник пришли, чтобы вытащить несчастного из его ужасной западни, он был уже мертв.

Та же история существует и в немецком варианте, возможно, в еще более характерной форме, поскольку здесь вместо Святого Людовика действует папа, духовный вождь христианского мира.

После эпидемии черной чумы в Нидерландах практически не осталось евреев, но им оказалось посвящено значительное количество литературных произведений. Некоторые поэмы затрагивали знаменитое дело о жертве Святой Гуцулы в

1370 году; другие описывали ритуальные убийства.

В Англии после изгнания 1290 года вообще не осталось евреев, но там еврейская тема продолжала пользоваться исключительной популярностью. Возникшая в 1255 году история о ритуальном убийстве породила в следующем столетии двадцать один различный вариант баллады, названной «Sir Hugh or the Jews' daughter» («Сэр Хью или еврейская дочь»). Джефффри Чосер в своем «Рассказе настоятельницы», написанном в 1386 году, явно использует ту же историю:

«В Азии, в одном большом городе
Среди христиан были евреи.

Когда там проходил ребенок,
Проклятый еврей схватил его и крепко стиснул,

Потом перерезал ему горло и бросил
в яму.

Я говорю, что его бросили в уборную,
Куда эти евреи, наевшиеся до отвала,
приходили облегчиться.

О проклятый народ, о новый Ирод!

Юный Хью из Линкольна, о ты, кото-
рый также
был убит проклятыми убийцами, как
хорошо известно,
Поскольку с этого момента прошло
очень мало времени,
Молись же за нас. . . »

В эту эпоху Италия оставалась единственной европейской страной, где трактовка еврейской темы в литературе могла быть благоприятной: даже в религиозных театральных постановках иногда можно было встретить образы честных и доб-

рых евреев. Однако именно в Италии вскоре после эпидемии черной чумы произошла характерная реадаптация одной из тех легенд, происхождение которых теряется во мраке времени. Была ли она заимствована на Востоке или возникла под влиянием жестоких римских законов XII таблиц, тема «платы за плоть» во всевозможных ее вариациях до сих пор представлялась на сцене в образе безжалостного заимодавца, который был то злопамятным рабом, а то и непосредственным воплощением дьявола. Но вот в 1378 году флорентийский автор Сер Джованни Фиорентине в своей новелле «Баран» («Il Pecorone») надумал сделать этого персонажа евреем. Нам хорошо известна странная судьба этой трансформации, которая после многочисленных метаморфоз два века спустя вдохновила Шекспира и привела к рождению бессмертного образа венецианского купца.

Но в напряженной культуре антиеврейских эмоций первое место постоянно занимает религиозная драма, этот ни с чем несравнимый носитель движущих идей своего времени. Темы Нового Завета, воплощенные на народном (виль-

гарном) языке, всегда занимали главное место в репертуаре средневекового театра. Но после того, как театр освободился от церковной опеки, он стал позволять себе все большие вольности в трактовке священной истории для того, чтобы удовлетворять склонностям зрителя и одновременно воспитывать и образовывать его, поскольку морализаторские тенденции составляли основу этого театра. Чтобы соответствовать примитивным и грубым вкусам этого зрителя, умножают всевозможные изобретения и сценические эффекты, предназначенные для наилучшего показа «величия и святости Спасителя и Святой Девы» на фоне безмерного вероломства евреев. Бесчисленная гамма эпитетов, используемых для описания евреев, дает достаточно полное представление об общей тенденции: «лживые, неверные евреи», «лживые мошенники», «лживые безбожники», «дурные и вероломные евреи», «порочные евреи», «беззаконные евреи», «предатели-евреи», «лживый и проклятый народ» и т. п. («faulx Juifs; faulx larrons; faulx mécréans; mauvais et félions Juifs; pervers Juifs; des-

leaulx Juifs; traistres Juifs; faulce et perverse nacion; fauce chenaille; fauce moignye mau-dicte»). Вряд ли есть необходимость добавлять, что евреи—это только противники Иисуса, а его апостолы и верные его последователи, естественно, могут быть только христианами.

Но этим дело не ограничивалось. Средневековый театр в целом отличался крайним динамизмом, и нужно иметь в виду, что обращение к откровенному садизму составляло один из важнейших его приемов. В нем изобиловали сцены крайней жестокости, пыток, распятий и насилия: некоторые сцены таковы, что крайне затруднительно описывать их теперь в пристойных выражениях. Так, в конце одного представления постановщик сказал:

«Вы видели, как девственниц лишают невинности

И как насилуют замужних женщин».

И это была еще не вся правда—на самом деле, в пьесе имелась крайне скабрёзная сцена хи-

ругической операции, которую Нерон приказал сделать своей матери, чтобы «узнать, как он появился на свет».

Таковы были нравы средневековья; но некоторые театральные приемы остаются неизменными. В частности, в тех случаях, когда развитие действия не предполагало наличия насильственных антиеврейских сцен, то иногда ухитрялись вставлять их искусственно, подобно тому, как в популярных современных «вестернах» в конце часто используется сцена грандиозной финальной драки, позволяющая вознаградить достойных, покарать негодяев и успокоить совесть зрителей. Напомним также, что в своем наивном реализме средневековый театр не обращал внимания на анахронизмы, представляя евреев (и других персонажей) в одеяниях и с именами, принятыми в данную эпоху.

Так, некоторые немецкие представления, посвященные успению Девы, включали добавленную в конце сцену, известную как «Представление о разрушении Иерусалима». В этой сцене, лишенной какой-либо органической связи с ос-

новным действием, показывалось, как император Тит, ставший христианским рыцарем, предаст Иерусалим огню и мечу, чтобы отомстить евреям за богоматерь. К тому же действие вполне соответствует своей эпохе. Так, в «Мистерии святых даров» на сцену выводится еврейский ростовщик, который подкупает свою должницу-христианку и получает от нее кусочек освященной просфоры. Он немедленно начинает осквернять просфору—«Меня охватило желание распять ее, бросить в огонь, терзать, растоптать на земле, сварить в кипятке, бить и забросать камнями»—однако, чтобы он ни делал, просфора истекает кровью, но остается невредимой. На жену и детей этого еврея, ставших свидетелями чуда, снисходит благодать, и они выдают его, а сами немедленно принимают христианство. Когда прево приходит за ним, еврей также предлагает принять крещение:

«Я охотно крещусь

Потому что тогда я получу приговор

Который сохранит мне жизнь».

Но прево не поддается на уговоры:
«Это всего лишь уловка».

И еврея приговаривают к смерти на костре.
Он умирает, прославляя «свою книгу» (разумеется, Талмуд) и выкрикивая ужасные проклятия:

«О дьявол, мне кажется, что я горю
Дьяволы, дьяволы, все горит и пыла-
ет.

У меня все тело в огне
Я погибаю в огне и пламени
Мое тело, мой ум и моя душа
Горят и пылают ярким пламенем
Дьяволы, приходите быстрее
И спасите меня от этой муки».

«O diable, il me semble que iarde
Diables, diables brusle et ars
le are je brusle de toutes pars
Je dépars en feu et en flamme
Mon corps mon esprit et mon ame
Bruslent et ardent trop en ardamment

Dyables venez hastivement
Et m'emportez à ce besoing.»

Что же касается его соучастницы, должницы-христианки, то ее тоже сожгли, но она умерла в вере и раскаянии.

В XIV веке впервые появляются «Мистерии страстей господних», которые получают огромную популярность в следующем столетии. Было вполне характерно для мрачной атмосферы позднего средневековья, что, в конце концов благодаря этим мистериям, основной акцент падал на наиболее патетические и кровавые страницы биографии Иисуса и оказались оттесненными на второй план истории его рождения, жизни и воскресения. Представления этих мистерий происходили в обстановке абсолютной религиозной общности и веры и не имели ничего общего с современными спектаклями. Отдаленное представление о потрясающей эмоциональной силе воздействия этих мистерий может дать сравнение с современными спортивными матчами, или, точнее, с политическими церемониями, столь люби-

мыми тоталитарными партиями: жизнь в городе замирала, закрывались лавки и мастерские, пустыли монастыри и суды; в течение нескольких дней все население покидало свои дома и собиралось на представление, так что приходилось назначать специальных стражников для наблюдения за опустевшими улицами и домами—а иногда также для защиты местных еврейских гетто; нам известно, что это делалось во Франкфурте, во Оренбурге и в Риме.

Попробуем перенестись в нашем воображении на главную площадь какого-нибудь города, например в Баварии, где перед населением, собравшимся перед подмостками, разыгрывалась одна из самых популярных немецких мистерий «Асфельдская Страстная мистерия». В первый день сразу после краткого пролога в действие вступали черти, замышляющие погубить Иисуса. Всего их двадцать, и, за исключением Люцифера и Сатаны, они имеют германские имена с характерной средневековой выразительностью:

Natyr, Hellekrugk, Bone, Spiegelglantz, Rosenkranz, Raffenzann, Bincken-bangk...

Черти решают поручить евреям совершить безымянное преступление. После всевозможных перипетий эти евреи в количестве четырнадцати человек в свою очередь собираются на совет (в конце первого дня представления), их имена, кроме Каиафы и Анны, также отличаются гротескным звучанием:

Natey, Hölderlin, Borey, Snoppenkeille, Lendekiie, Effikax, Gugulus. . .

Они разрабатывают план, и спектакль продолжается на следующий день непередаваемой сценой сделки между евреями и Иудой—они обсуждают в каких монетах будут выплачены тридцать серебрянников, пытаются перехитрить друг друга, в общем представляют пародию на ростовщиков того времени. . . Но перейдем к кульминационному моменту действия, т. е. к распятию Иисуса, как это содержится в рукописи:

К а и а ф а.

«Иисус, сними твои одежды.

Они достанутся солдатам.

Ложись на крест

И вытяни ноги и руки!

(Его растягивают на кресте)

Второй палач.

Дайте мне три больших гвоздя,

И молоток, и щипцы!

Крепко привяжите его руки и ноги

И протащите его вдоль креста

До отмеченной зарубки.

Пусть его ноги и ступни будут там,

А гвозди пронзят его насквозь.

Так он не сможет спастись.

Этот гвоздь, я вобью его твою правую
руку.

Ты будешь страдать от мук и боли!

Первый палач.

Дружище, ноги и руки
не достают до зарубок!

Третий палач.

Я дам хороший совет:

Принесите веревку;

Мы вытянем ему руки;

Мы будем растягивать его тело,

Так что оно разорвется на части!»

Остановимся на этом месте. Сцена распятия насчитывает более семисот стихов: палачи, безымянные флягеллаторы изобретают все новые пытки, которые разыгрываются в самой реалистической манере, красная жидкость заменяет кровь, а веревки затягивали так туго, что иногда случалось, что актер, игравший роль Иисуса, терял сознание во время представления. Все это время присутствующие на сцене евреи радуются и всеми возможными способами унижают Иисуса. В пьесе «Асфельдская Страстная мистерия» евреи ограничиваются ролью провокаторов; в знаменитой французской мистерии Жана Мишеля они сами занимаются пытками. Действие начинается во дворце Пилата, которому любезно отводится хорошая роль. Рукопись гласит:

(Здесь они бьют его по плечам и по голове тростью)

Руйар.

Посмотрите, как течет его кровь
Все лицо его разбито.

Мальшу.

Эй, лживый и окровавленный человек,
век,

Я не жалею тебя из-за твоей боли.

Не больше, чем грязного развратника,
ка,

Который ничего не может и столь отвратителен.

Брюйан.

Развлечемся и выщипаем ему бороду,
Она слишком большая.

Дентар.

Победит тот,

Кто вырвет самый большой клочок.

(Здесь они вырывают ему бороду.)

Далее следует полная напряженная сцена пригвождения к кресту. Евреи по жребию разыгрывают части тела Иисуса, чтобы распределить, кто куда будет наносить удары. Они плевали на него, а один из них воскликнул:

«Он весь покрыт
плевыми с головы до пят».

Жестокость этих сцен, а мы должны помнить, что речь идет театральной постановке, с трудом принимается в наши дни. Попробуйте представить, какое влияние они могли оказывать на кадетское спонтанное мышление человека средневековья! В полном единодушии толпы зрителей напряженно переживали агонию Христа, преисполненные ненависти к его мучителям, так что достаточно чае настоящие убийства следовали за убийством воображаемым; это бы необходимая разрядка, расплата за страдания, с которыми отождествляла себя толпа; но это также была маскировка, скрывающая невыразимое удовольствие распять на кресте своего собственного Бога и Спасителя!

*****

Принято считать, что иконография была верной дочерью религиозной драматургии и воплощала по мере своих возможностей ее основные мотивы. Как бы то ни было, нет сомнений в том, что в рамках нашей темы она развивалась в том же направлении, что театр и литература.

Мы уже знаем, в каком виде представало перед глазами христиан со времени расцвета средневековья поучительное противостояние церкви, которую олицетворял образ блестящей девственницы, и синагоги в образе падшей вдовы. Эти две фигуры можно было видеть на фронтонах и витражах соборов, иногда по обе стороны распятого Христа. Но эта символическая персонификация, преисполненная смысла, подчинялась правилам определенной симметрии. Обе соперницы оказывались чрезвычайно близки друг другу в том, как их изображали: у них были одинаковые позы, на них были похожие одеяния и аксессуары. Поэтому некоторые фигуры, изображающие синагогу, отличаются элегантностью и неизъяснимым очарованием, как, например, замечательная голова с завязанными глазами, украшающая фронтон со-

бора в Страсбурге, которая датируется концом XIII века. Параллельно этому большинство изображений пророков преисполнены величия и благородства.

Но постепенно художники начинают все чаще прибегать к иному символическому противопоставлению, в котором уже отсутствует внутренняя симметрия: по одну сторону от Спасителя помещают фигуру римского центуриона—это Лонгиний, который у подножия Голгофы был ослеплен истинной верой (иногда это слепой центурион, обретающий зрение); по другую сторону находится «фигура с губкой»—это синагога, ее губка пропитана уксусом, и она собирается расправлять раны Иисуса. Подобные изображения отражали тенденцию, опиравшуюся на неясные описания в евангелиях и преследовавшую цель освободить язычников от малейшей ответственности за богоубийство и возложить весь позор на евреев. В целом, изображение распятия во всех кровавых и ужасающих подробностях становится, начиная с XIV века, основной темой художников подобно тому, как это имеет место в тракта-

тах и проповедях.

Одержимость страданием, навязчивые мысли о всевозможных разновидностях человеческих мучений, о смерти, о царстве дьявола, об аде и тысяче адских пыток—все эти темы были почти неизвестны до той эпохи или трактовались с максимальной тактичностью, а теперь заняли ведущее место в искусстве, так что художники и скульптуры дали полную свободу своему горячему воображению.

По этому поводу следует также отметить, что, видимо, существует определенная связь между подобными мрачными увлечениями и опустошениями, причиненными эпидемией черной чумы. Так, именно после 1400 года в Европе возникла тема «Пляски смерти» (*Danse macabre*): следует задуматься о тесном родстве между этими загробными забавами и темой «Пира во время чумы», безумными попойками, когда их участники пытались утопить свой ужас в вине, в то время как по улицам могильщики свозили на телегах трупы в общую могилу. . .

Таков был общий апокалиптический фон, на

котором трактовка образа евреев обогащалась все новыми изобретениями.

В Италии в конце XIV века художники придумали уподобить их скорпионам: отныне на картинах и фресках эта в высшей степени опасная и вероломная тварь часто изображается на еврейских штандартах, щитах и одеяниях. Подобные изображения можно обнаружить в следующем столетии в Савойе, Германии и далее вплоть до Фландрии. Этой тонкой аллегорией, созданной средиземноморским гением, на немецкой земле соответствовал гораздо более грубый, сальный и грязный образ—с евреями ассоциируется свинья, которая кормит их молоком, занимается с ними блудом на бесчисленных каменных сооружениях Магдебурга, Фрейзинга, Регенсбурга, Кельгейма, Зальцбурга, Франкфурта, на многих голландских церквях. . . Большинство этих горельефов не сохранилось, но описание одного из них можно найти в знаменитом памфлете Мартина Лютера «Vom Sehern Намерphoras» в следующих словах:

«Здесь, в Виттенберге, на нашей церкви есть

высеченное из камня изображение свиньи, которую сосут маленькие поросята и евреи; сзади свиньи стоит раввин, он поднимает правую ногу свиньи, тащит ее за хвост своей левой рукой, наклоняется и усердно рассматривает под хвостом Талмуд, как если бы он хотел узнать что-то очень тонкое и важное. . . »

Во второй половине XV века в Германии также появляется карикатурное изображение евреев с длинным носом и безобразным телосложением, которое в будущем станет излюбленной антисемитской темой. В этом смысле решающую роль мог сыграть контраст между бело-розовыми германцами и более темными и низкорослыми евреями. По-видимому, из Германии происходит еще один приписанный евреям атрибут, которому была суждена странная судьба. Речь здесь идет о рогах. По сути дела этот атрибут имеет двойное происхождение. С одной стороны, с древнейших времен Моисей, и только он один, изображался с рогами, как можно думать, в результате ошибочной интерпретации одного места из Библии («Исход» (34, 29): «...лице его стало сиять лу-

чами оттого, что Бог говорил с ним» Вульгата дает ошибочный перевод: «... на его голове были рога...»). Эта интерпретация не имела никакого уничижительного смысла: вплоть до XIII века рога отсутствуют на изображениях патриархов и даже Каиафы и Анны. С другой стороны, еврейские заостренные шляпы—pileum cornutum (рогатая круглая войлочная шляпа), которые евреи носили в Германии с конца XIII века, могли составить дополнительный источник для художественного вдохновения. В результате на архитектурных сооружениях и картинах последующих столетий можно часто видеть изображения евреев с рогами на голове: например, на витражах собора в Оше, на башне над старым мостом во Франкфурте, на картине Веронезе «Голгофа» в Лувре...

Рога—самый заметный атрибут дьявола. На предыдущих страницах речь часто заходила о дьяволе, причем не ставя перед собой такой цели, мы часто были вынуждены сближать непристойное и священное. Может быть, это наведет нас на верный путь, чтобы правильно понять, ка-

кой образ евреев был создан поздним средневековьем, и чтобы добраться до самых глубоких его корней. Но для этого необходимо сделать небольшую паузу, и оставив на некоторое время евреев, уделить немного внимания дьяволу. Ведь сейчас мы находимся в эпохе, когда в христианском воображении князь тьмы появляется на земле, удобно здесь располагается и занимается самой разнообразной деятельностью, результаты которой обнаруживаются повсюду. . .

Черти, ведьмы и евреи

Был ли князь тьмы создан дурным, или же это был падший ангел, ставший таковым по своей собственной воле? И если это был падший ангел, то о каком разряде ангелов идет речь: о высшем ангеле, ангеле высокого ранга или низкого ранга? Каков был его главный грех, за который он был навечно проклят: гордыня, зависть? Другие черты, которыми он командует и имя которым легион, небесного происхождения, или среди них есть и те, кто был рожден от людей? Есть ли у них тело из плоти? Таковы были вопросы, которые с первых веков занимали отцов церкви. Но пока учение о дьяволе формировалось в рамках доктрины, церковные авторитеты эпохи высшего средневековья проявляли замечательный скептицизм по отношению к тому, что касалось его земных проявлений. Дело было в том, что рассказы об их злодеяниях в основном соответствовали языческим суевериям, которые в ту эпоху еще были легко узнаваемы в качестве таковых.

Так, в 466 году Ирландский собор отлучил от церкви тех, кто верил, что является колдуном, или заявлял об этом. Почти четыре столетия-

ми позже епископ Агобард, этот великий истребитель евреев, с позиций здравого смысла восстает против суеверий своего века, против веры в невидимых чертей, которые бросаются камнями и наносят удары, а также против духов, которые умеют вызывать бурю.

В общем, в глазах церкви дьявол в эту эпоху представлял скорее проблему морального порядка: его присутствие на земле почти не проявляется. Конечно, приходится бороться с колдунами, чьи злодеяния не вызывают особенных сомнений, иногда их даже приговаривают к смертной казни. Но все истории о шабашах ведьм, об оборотнях и сексуальных контактах с дьяволом отбрасывались как пустые выдумки. Без сомнения это был самый эффективный способ борьбы с распространением этих заблуждений.

Так продолжалось на протяжении последующих столетий, когда на борьбу с ересями уходили самые лучшие церковные силы. Еще в 1310 году Трирский собор объявил, что «ни одна женщина не должна утверждать, что она гуляла по ночам с Дианой или Иродиадой, поскольку это лишь дья-

вольское наваждение». Таким образом, если наказывали какую-то женщину, объявившую себя колдуньей, причем самым суровым наказанием было отлучение, то наказание налагалось не за телесное общение с дьяволом, а за совершение под его моральным воздействием греха отвратительной лжи.

Простой народ однако придерживался другого мнения. Суеверия предков были весьма живучими, и поэтому колдунов, насылающих порчу, и ведьм часто карали быстро и жестоко, используя суд толпы без какого-либо разбирательства. Но речь здесь идет об изолированных и спорадических инцидентах, таких же, как и антиеврейские эксцессы этой эпохи.

А в это время схоласты воздвигали грандиозное здание толкования земного и небесного миров. Дьяволу принадлежало там важное место: начиная с основных догматических аксиом его атрибуты и его возможности определялись с помощью тонкой диалектики, некоторые приемы которой обнаруживают любопытное сходство с самыми головоломными рассуждениями Талму-

да.

Так, Фома Аквинский утверждал, что демоны могут принимать телесную оболочку и принимать пищу—что является лишь видимостью, ибо они не способны на самом деле осуществлять пищеварение, а, следовательно, и зачатие. Однако принимая последовательно образы суккуба (женщины) и инкуба (мужчины) они в состоянии благодаря своей поразительной ловкости ввести в женщину семя мужчины, которое они получили перед тем, но зачатые таким образом дети ни в коей мере не являются порождением дьявола, поскольку его роль ограничена лишь функцией простого посредника. . . Но, развивая свою мысль, Фома Аквинский утверждал, что гунны действительно происходят от демонов; в результате был сделан большой шаг в сторону веры в телесную природу дьявола.

Это позволяет лучше понять, каким образом на протяжении всего пятидесяти лет в следующем столетии мог произойти полный переворот в господствующих взглядах по этому поводу. Основными авторами схоластических теорий были

доминиканцы—те самые доминиканцы, на которых с начала XIV века была возложена задача по искоренению ересей, и которые создали для этой цели зловещий и эффективный механизм инквизиции, одну из тех организаций, которые по самой сути предназначены повсюду подозревать преступления. Основной ересью этой эпохи была ересь катаров. Согласно их учению миром правил сатана, а не милосердный Бог. Из этого следовало, что главным преступлением, которое должны были разоблачать инквизиторы, являлись именно сношения с дьяволом. В результате теория и практика совпали в том, чтобы принять всерьез народные сказки, тем более, что бедствия, обрушившиеся на христианский мир в XIV веке, вызвали смятение в умах.

С одной стороны, умножалось число верующих, которые устали молить Бога, разочаровались в нем и обратились к дьяволу, причем количество патологических случаев постоянно возрастало. С другой стороны, церковь признавала за своим главным врагом те самые фантазмы, с которыми она боролась на протяжении

веков. Хронологически этот поворот начался в 1320 году, когда новые демонологические доктрины получили первое официальное одобрение папы. Папа Иоанн III опубликовал буллу «Super illius specula» против ложных христиан, которые «приносят жертвы демонам, почитают их, изготавливают или добывают изображения, кольца, стеклянные сосуды, зеркала и другие предметы, в которые они заключают демонов с помощью своего магического искусства, заставляя их давать ответы, требуя от них помощи для осуществления своих злодеяний, поступая в самое постыдное рабство за самое позорное дело»...

В эту эпоху папская резиденция находилась в Авиньоне, так что вполне можно допустить, что циркулировавшие во Франции слухи об отравлении колодцев прокаженными и евреями могли усилить беспокойство Иоанна III. Его преемник Бонифаций XII подтвердил его распоряжения. Во время его понтификата в 1335 году в Тулузе состоялся первый известный нам процесс по делу о колдовстве, а в 1337 году инквизитор Ниддер опубликовал первое дошедшее до нас подробное

описание ведьм, их злодеяний, а также способов распознать ведьму.

После эпидемии чумы охота на подручных дьявола быстро развивается. Каждая сожженная колдунья порождает целый выводок других, поскольку каждое аутодафе (акт веры), эта эффектная театрализованная церемония, распространяет в народе веру в колдовство и в сверхъестественные силы, которыми оно повелевает. Одни предаются искусству черной магии, другим повсюду мерещатся ведьмы. Таким образом, инквизиторы, получившие мандат на уничтожение колдовства, на самом деле оказались его самыми активными миссионерами. С другой стороны, процедура расследования инквизиции настоятельно требовала признаний жертвы: дело могло иногда продолжаться много недель и месяцев, иногда несколько дней без перерыва, иногда с длинными интервалами, но всегда заканчивалось одним и тем же—инквизитору удавалось вырвать требуемые признания, подробные и точные, содержащие полное описание дьявола, его внешности, его нрава и его поступков. Таким об-

разом, дьявол становился живой реальностью. В то время, как пепел сожженных колдунов служил питательной средой для колдовства, постоянные успехи профессиональных преследователей дьявола не могли не усиливать их уверенности в жизненной необходимости их миссии. Как с гордостью констатировал в 1404 году один из них, Парамо, Святой Престол уже сжег более тридцати тысяч колдунов, которые, разумеется, смогли бы погубить весь мир, если бы остались безнаказанными.

Эпидемия охоты на ведьм разрастается в XV веке. В некоторых областях эта охота получает особый размах. Она особенно свирепствует в горных районах Савойи и Швейцарии, но особенно в Германии, где без сомнения были особенно сильны пережитки язычества.

В 1484 году сам папа Иннокентий IV с грустью констатировал в своей булле «*Summis Desiderantes*», что все тевтонские земли наводнены слугами дьявола. Немецкие инквизиторы Шпренгер и Инститорис, совмещавшие занятие теоретическим анализом с практической дея-

тельностью, выпустили в свет в этом же году трактат «Молот ведьм», который сохранял свое значение вплоть до начала нового времени, а также, пользуясь поддержкой папы, устраивали суды в разных городах, оставляя за собой потоки крови и огня.

Но этим дело не ограничивалось. Каковы основные атрибуты дьявола? У него есть рога, когти и хвост. У него черные волосы, козлиная борода, его тело покрыто шерстью, он издает сильный запах—все это красноречивые признаки исключительной похоти мужественности. Именно так описывают дьявола ведьмы, такое описание фиксируют инквизиторы в протоколах своих допросов и распространяют в своих учебниках. Они сами были главными авторами этого портрета, ибо хорошо известно, что в делах такого рода жертвы лишь следуют за требованиями буйного воображения своих преследователей, и их показания в точности это отражают.

Что же касается основных подручных дьявола на земле, то это ведьмы, а отнюдь не колдуны, которые только изредка попадали костер. Ины-

ми словами, эта роль была предназначена женщине, символизирующей нечистоту, слабость и искушение. Конечно, некоторые из этих несчастных могли на самом деле мечтать о плотском союзе с князем тьмы, но и здесь распределение ролей вполне соответствовало духу времени с его презрением к женщине, страхом и отвращением к соблазнам и искушениям секса, контрастирующим с обожествлением Девы и культом целомудрия.

Если рассмотреть те истории и слухи о евреях, которые имеют хождение в эту эпоху, истории, возникавшие то здесь, то там в предшествующие столетия, то теперь они получают повсеместное распространение и можно констатировать, что теперь персонажи этих историй наделены одновременно новыми атрибутами как дьявола, так и ведьмы. Как мы уже видели, у евреев имеются рога, более того, у них есть хвост и козлиная борода—это беспокойное животное повсеместно рассматривалось как вместилище всех грехов. Приписываемый евреям зловонный запах оказался столь устойчивым, что сохранился на

протяжении веков и побудил немецких теоретиков нацистской эпохи предпринять изыскания о природе и причинах foeter judaicus («иудейское зловоние»).

В этом плане евреи рассматриваются как обладающие избытком мужского начала: это настоящие сверхчеловеки, колдуны, которых тайно боятся и почитают. Но в то же время они слабые и болезненные, пораженные тысячью опасных инфекций, которые можно вылечить только христианской кровью—здесь мы вновь обнаруживаем тему ритуального убийства. Они появляются на свет уродами, они страдают кровоточивостью, их мужчины также как и женщины подвержены менструациям: с этой точки зрения они относятся к женщинам, т. е. они неполноценные мужчины, которых презирают, ненавидят и высмеивают. Иногда описание становится более подробным, тогда болезни, от которых страдают евреи, оказываются различными в зависимости от их происхождения: потомки Симона каждый год страдают кровотечением четыре дня, потомки Завулону каждый год плюют кровью, у потом-

ков Асира правая рука короче левой, у потомков Вениамина во рту живые черви и т. п. К тому же законы против колдунов являются составной частью статутах, определяющих положение евреев, поскольку представляется совершенно очевидной их причастность колдовству. И наконец, разве они не празднуют субботу (шабаш), подобно колдунам и чертям?

Короче говоря, объединяя в своем лице всю гамму атрибутов зла, евреи полностью утрачивают в воображении христиан человеческую сущность и отныне относятся исключительно к дьявольской сфере. Но даже когда они не наделены собственно дьявольскими атрибутами, евреев все равно каким-либо способом связывают с чертями, которые часто присутствуют на заднем плане картин и гравюр, изображающих их, таким образом, черти оказываются причастными к самой природе евреев. В других случаях, евреи изображаются со свиными ушами вместо рогов. Массовые суеверия изобилуют подобными ассоциациями: еврейская школа—это «черная» школа, еврей выступает в качестве посредника между дья-

волом и теми, кто хочет продать ему свою душу. Ужасный договор скрепляется его кровью, а если больной хочет умереть, достаточно попросить какого-нибудь еврея помолиться за него. В бесчисленных историях о привидениях евреи участвуют иногда в человеческом облике, иногда в образе блуждающего огонька. Все эти предрассудки и множество им подобных сохраняются в народном европейском воображении вплоть до нашего времени.

*****

Как мы уже неоднократно говорили, тень евреев продолжала наводить страх на христианские сердца, даже спустя длительное время после их изгнания. Пьер де Ланкр, усердный борец с ведьмами, который в начале XVII века сжег значительное число ведьм на юге Франции и который на исходе своих лет составил учебник по колдовству, посвятил часть своего труда евреям, «более коварным и вероломным, чем сам дьявол». В одной очень длинной главе он показывает, как евреи держат совет с дьяволом, чтобы надежнее сберечь свои вредные книги и пагубные учения, подробно перечисляет «смрадные болезни», которыми они болеют, после чего заключает: «Евреи заслуживают ненависти, и как всякие преступники, покушающиеся на божественное и человеческое величие, они должны понести самую суровую кару: костер, расплавленный свинец, кипящее масло, смола, воск и сера, соединенные вместе, не смогут причинить достаточно сильные, чувствительные и жестокие страдания в качестве кары за столь огромные и ужасные преступления, которые обычно совершают эти лю-

ди. . . »

Тот, кто преследует ведьм, преследует и евреев, которые отныне составляют часть своеобразного нечестивого семейства: дьявол, еврей, ведьма; или, точнее, предназначенная им в этой непристойной мифологии роль может быть сопоставлена с ролью святых, заступников перед Богом, но более доступных, более привычных, более человеческих, чем Всемогуший. Если обратиться к тому, что писал по поводу культа святых крупнейший знаток средневековья Й. Хейзинга, то можно сказать, что ненависть к евреям, «фокусируя избыток религиозных излиятий и священного ужаса, подействовала на избыток набожности, характерной для средних веков, как спасительное успокаивающее средство». Еще один раз оказалось, что если бы евреев не существовало, то их следовало бы выдумать.

Окончательное ожесточение: гетто

Вернемся на землю, к настоящим евреям, изгнанным из Англии и Франции, и которых с конца XIV века терпят только на землях, когда-то составлявших Священную Германскую империю.

Это происходило, как мы уже видели, по чисто политическим причинам: только в стране, подчиняющейся единой центральной власти, можно было осуществить их одновременное и полное изгнание.

Там, где евреи еще остаются, большинство хроник того времени описывают их как хищников, обирающих малых и великих, так что похоже, что их зловредная деятельность накладывает свой отпечаток на всю общественную жизнь эпохи. Свидетельством этому могут служить поношения Эразма Эрбахского:

«Евреи грабят и обирают бедных людей. Это становится поистине невыносимо; пусть Бог сжа­лит­ся над нами! Теперь евреи устраиваются в самых маленьких деревнях: когда они ссужают пять флоринов, то берут проценты, которые в шесть раз превышают одолженную сумму, потом они требуют проценты на проценты, а них еще новые проценты, так что в конце концов бедняк лишается всего, что он имел».

Разные немецкие историки прошлого века, и прежде всего Вернер Зомбарт, пытались устано-

вить с помощью подобных цитат, что евреи сыграли первостепенную роль в зарождении капиталистической системы, и в результате разработали такую интерпретацию истории, которая существенным образом способствовала формированию нацистского мировоззрения. В наши дни специалисты по экономической истории больше не верят в какое-то особое влияние евреев на великие экономические потрясения XV-XVI века. По правде говоря, эта проблема еще не была рассмотрена с привлечением исчерпывающей документации, которую к тому же будет очень трудно собрать, но подобная задача безусловно стоит этих усилий. При отсутствии такого анализа очень простое рассуждение может показать нам, что в этой области роль евреев ни в коей мере не могла быть решающей.

В самом деле, невозможно утверждать, что в эту эпоху экономические структуры Франции и Англии отличались от немецких и хоть в чем-то отставали от них в своем развитии. Таким образом, присутствие или отсутствие евреев никак не повлияло на эволюцию, которая по всей Евро-

пе привела к тому, что города развивались, воз-
растала роль торговли и начинало зарождаться
богатство. Поэтому следует признать, что в ин-
тересующих нас хрониках термин «еврей» дол-
жен рассматриваться в своем расширенном, или
воображаемом значении, включающем тех, кого
в некоторых из этих сочинений наивно называ-
ют «христианскими евреями», когда речь идет
о вполне христианских ростовщиках или об ос-
нователях тех больших коммерческих компаний,
которые стали предками акционерных обществ.
Что же касается именно немецких евреев, «аш-
кенази», их упадок оказался глубоким не только
в социальном плане, но также и с финансовой
точки зрения. Мы уже видели, что общинная по-
винность, которую они раньше платили импера-
тору или местным государям, в XIV веке была
заменена индивидуальной подушной платой, ко-
торая в свою очередь превратилась в пошлину за
тело, уподоблявшую их животным: «За каждого
быка и свинью и за каждого еврея один соль»,—
сказано в одном тексте той эпохи.

Время от времени возникали отдельные фи-

гуры: в конце XIV века встречаются имена нескольких евреев, например, Моисея Нюрнберга в Гейдельберге, Иосифа Вальха в Вене, которые были официальными сборщиками налогов. В начале XVI века немецкие евреи обретут умелого и энергичного защитника в лице Йоселя из Росгейма, назначенного Карлом V «верховным вождем и правителем евреев». Но подавляющее их большинство—это мелкие заимодавцы и старьевщики, зарабатывающие на жизнь по мере возможности и живущие в постоянной неуверенности и нищете. Учитывая нестабильность их образа жизни, частые смены места жительства, обязательную маскировку, едва ли правдоподобно, что они могли участвовать в разработке такого удобного средства накопления и сокрытия авуаров, как переводные векселя, как это утверждает Зомбарт. При отсутствии достаточного документального подтверждения мы и здесь вынуждены ограничиться предположениями.

Все это имеет второстепенное значение по сравнению с окончательным замыканием евреев на самих себя, что привело к возникновению гер-

метически закрытого общества, внутри которого нравы и обычаи, вся совокупность отношений, которые мы рассмотрели в предыдущих главах, получили свое законченное выражение—и прежде всего сакрализация денег, основного источника жизни. Постепенно каждый шаг и каждое событие в повседневной жизни евреев оказываются обложенными налогом: они должны платить за проезд и за отъезд, за покупку и за продажу, за право молиться сообща, за бракосочетание и за рождение ребенка, наконец, даже за покойника, которого нужно отнести на кладбище. Лишенная денег, еврейская община оказывается неизбежно обреченной на исчезновение. В результате раввины отныне объединяют катастрофы в области финансов, например, объявленное государем прощение долгов, с избиениями и изгнаниями, видя в этом Божественное вмешательство, ниспосланную свыше кару. В этом смысле, и только в этом смысле поверхностному наблюдателю может показаться, что евреи явились основными проводниками «капиталистического образа мысли». Но с этими деньгами, столь желан-

ными и столь драгоценными, евреи расстаются с необычайной легкостью из-за простого морального предписания, если этого требует долг солидарности, если необходимо выкупить узника или выступить в поддержку собратьев, обвиненных в ритуальном убийстве. В этом последнем случае авторитетный талмудист даже может приказывать еврейским общинам соседних городов внести свою долю, чтобы предотвратить беду, которую он сравнивает, на что следует обратить особое внимание, с наводнением, со стихийным бедствием, и его совет приобретает силу закона. В примечании приводится подобный текст: это замечательный пример стиля и тонкости талмудического рассуждения (Речь идет о рекомендациях (*responsa*), которые раввин Павии Иосиф Колон (Магарик) направил еврейским общинам Германии в связи с делом о ритуальном убийстве в Регенсбурге в 1476 г.:

«Повсюду распространилась весть об опасности, которая нависла над головами наших братьев, заточенных в тюрьму в Регенсбурге—да защитит их Господь,—и которая также угрожает

соседним общинам. Самые уважаемые раввины были созваны священной общиной Нюрнберга, чтобы обсудить пути и способы спасения обвиняемых, неповинных ни в каком преступлении, но которые тем не менее должны быть осуждены на смерть. Но следует опасаться, что единоверцы, целые общины и даже родственники, питающие иллюзии относительно собственной безопасности и думающие, что ничто им не угрожает, откажутся принять участие в деле спасения, хотя на самом деле—да сохранит нас от этого Господь!—зловредные тучи могут обрушить свое содержимое на их головы, если наши несчастные братья из Регенсбурга не будут спасены. Поэтому я охотно откликнулся на просьбу старейшин, попросивших меня указать им путь к свету, чтобы несчастья не обрушились на их головы.

Прежде всего, соседние общины безусловно должны внести свой вклад в общие расходы, ибо совершенно очевидно, что им также придется испытать до дна чашу страданий, если мы не сумеем помочь нашим несчастным братьям из Регенсбурга в их несчастье. Их спасение касается

соседей, потому что если катастрофа разразится, то она поразит также и их. Поэтому, каково бы ни было их нынешнее положение, мы должны принять свое решение в зависимости от того, что мы можем рассматривать, как гарантию на будущее, и мы должны заставить их исполнить обязанность участия в необходимых расходах ради дела спасения. Можно найти аналогию этому случаю в «Бава Меция». Р. Йегуда сказал, что если поток, текущий с высоты, теряется в песках, или камни перегораживают ему путь, то земледельцы, живущие в долине, должны принять участие в восстановительных работах, потому что им нужна вода этого потока на своих полях. Но если поток высыхает или его течение перегораживает запруда, и это случается в долине, то земледельцы со склонов гор не должны участвовать в работах, потому что восстановление принесет им больше вреда, чем пользы: течение потока станет более стремительным, так что полям, расположенным выше, достанется меньше влаги. Совсем иначе обстоит дело, когда нужно принять участие в сооружении траншей, что-

бы спасти город от избытка дождевой воды. В этом случае хозяева домов, расположенных в более возвышенных местах, должны участвовать в осушительных работах, когда затоплены места в низинах. Потому что даже если поначалу опасность угрожает только этим низинным местам, неизбежно распространение наводнения и на возвышенные места, если вовремя не начать борьбу с опасностью. Подобно этому и в нашем случае опасность для соседних общин станет неизбежной, если не удастся спасти узников Регенсбурга, так что эти общины должны внести свой вклад в дело спасения, даже если им кажется, что они пока находятся в безопасности. Да, опасность неизбежна, поскольку наши враги без усталости работают ради нашей гибели—да защитит нас от них Господь!—и эти общины должны постоянно помнить стих: «Блажен человек, который всегда пребывает в страхе!» (Притчи Соломона, 28, 14. В русской Библии этот стих переведен так: «Блажен человек, который всегда пребывает в благоговении...», - прим. ред.). И если даже эти общины возражают, что лживые слухи, причинив-

шие столько зла евреям Регенсбурга, не затронули их города, и что речь не идет о какой-либо конкретной опасности, а только о страхе перед опасностью, я заявляю, что даже в этих случаях они должны вносить свою долю. Наши мудрецы говорили, что если речь идет о борьбе с опасностью, которая еще не наступила, следует вносить в это дело свой вклад, если речь идет о необходимости укрепить городские стены, охранять арсеналы или послать всадников, чтобы они проверили, не приближаются ли вражеские отряды (Бава Батра, 8а). В нашем случае обеспокоенность по поводу возможной опасности безусловно присутствует. Всем жителям города могут вменить в обязанность участвовать в фортификационных работах, а владелец дома, даже если он в нем не живет, может быть обязан починить дверь этого дома и повесить на нее замок, чтобы предотвратить любую опасность. В какой мере соседние с Регенсбургом общины нуждаются в защите не только своих тел, но и душ? И каков должен быть уровень этой опасности, чтобы они стали вносить свой вклад в эту защиту, даже если чле-

ны этих общин окажутся вынужденными продать одежды, покрывающие их тела, и волосы, растущие на их головах? Ради того, чтобы обеспечить эту защиту, благочестивые раввины собрались в Нюрнберге, да дарует наш небесный Отец успех в их делах: каждая община и каждый ее член должны исполнить поставленную ими задачу и подчиниться, даже если на одного возложена более тяжелая ноша, чем на другого. Поскольку из страха перед государями и князьями они не решаются потребовать, чтобы общины вносили свой вклад, я требую, чтобы все евреи Германия под угрозой отлучения не возражали против планов раввинов и внесли те суммы, которые придутся на их долю, чтобы добиться освобождения наших братьев, ложно обвиненных и подвергшихся преследованиям. Что же касается того, кто не проявляет доброй воли и не желает подчиняться, пусть он будет изгнан из общины, пусть он будет проклят, пусть вода наполнит его тело, а масло его кости, и пусть его имя будет предано забвению. Что же касается того, кто проявляет послушание, то его непременно ждет благосло-

вание. Так говорит человек, который не способен царствовать, который пишет, преисполнившись смирения, ничтожный Иосиф Колон (Responsa, № 4.)).

Гибкость, умение приспособляться, изворотливость, сплоченность и стойкость при любых испытаниях—эти черты во все времена были присущи самым разным меньшинствам, вынужденным существовать в рамках недоброжелательного или даже враждебного общества. Как правило, рано или поздно подобные меньшинства кончали тем, что утрачивали присущие им ценности, те особенности, обычаи и нравы, которые составляли наследие их предков, и растворялись в окружающем их мире. Среди причин, благодаря которым евреям удалось избежать этой участи, без сомнения следует отметить то специфическое и сложное отношение к ним со стороны христиан, которое поставило их в совершенно особую, уникальную ситуацию.

Развернувшаяся охота за их душами лишь укрепила евреев в сознании собственной значимости. Ведь еще в 1236 году папская канце-

лярия объявила, что если обращение обычных язычников—это богоугодное дело, то особенно ценным является обращение еврея. К этому при-мешивались и эсхатологические мотивы: у апо-стола Павла и Августина сказано, что всеобщее обращение евреев будет означать конец времен. Но ведь из этого можно было сделать вывод, что лишь от их доброй воли зависело, ускорить или же задержать последний суд Христа и обновле-ние мира; как писал в 1892 году Леон Блуа: «Из-за их козней было дьявольски задержано спасе-ние всех народов». Какая ужасная власть оказа-лась у них в руках! В результате вполне можно прийти к выводу, что церковь сделала все для то-го, чтобы поддерживать среди евреев идею об их избранности и исключительности.

Это было особенно справедливо для той эпо-хи, когда евреи и христиане говорили на одном языке и во многом являлись носителями общей культуры, в рамках которой они сталкивались в «диспутах», иногда носивших вполне мирный ха-рактер, поскольку обе стороны в какой-то сте-пени взаимно признавали человеческие качества

друг друга. В дальнейшем разделявшая их граница стала непроницаемой; если с одной стороны продолжались попытки насильственного обращения, то с другой—диалог оказался прерванным. Реакция евреев на христианскую агрессию стала похожей на отношение к хищным животным или стихийным бедствиям, когда уже не имеет значения, как к ним относятся окружающие. На постоянные оскорбления и обвинения они отвечали ледяным молчанием. Традиция апологетических сочинений, получившая широкое распространение в условиях диаспоры и восходящая к трактату Иосифа Флавия «Против Апиона», прервалась у немецких евреев.

С этого времени прекращаются всякие попытки переубедить или поколебать противника, который попрал все законы порядочности и более не воспринимается как представитель рода человеческого. Это безграничное презрение к гонителям позволяет лучше понять, как евреи смогли сохранять в неприкосновенности свои внутренние ценности, не поступившись ничем, и в то же время выносить публичные оскорбления и уни-

жения, которые отныне стали постоянным кошмаром их повседневного существования.

Было

лишь одно исключение—насильственное обращение в христианство. Все их человеческое достоинство, вся их мужественность были вложены в верность Закону, в безусловную готовность к мученичеству. В самом деле, отречение, отказ от своей веры оказывались для евреев равнозначными единственному возможному в этих условиях признанию своей неполноценности и беспомощности. И они шли навстречу этому испытанию, когда это было необходимо, с воодушевлением, как на церемонию освящения.

Так, во время эпидемии черной чумы в 1348 году «они шли на смерть с песнями и танцами, как будто они шли на свадебную церемонию; они не хотели обращаться сами, и ни отец, ни мать не хотели этого для своих детей... и когда они видели пылающий огонь, женщины и дети прыгали в него с песнями...». Известны подлинные случаи договоров о коллективном самоубийстве: «... и они чувствовали, что скоро должны бу-

дут умереть; тогда они начинали договариваться между собой таким образом, чтобы один из них убил всех остальных, чтобы таким способом избежать смерти от руки необрезанных. И они приняли решение и все подтвердили его, что один из них, почтенного возраста и известный своей преданностью Закону, предаст их всех смерти...» Как проповедовал знаменитый раввин Меир из Ротенбурга: «Тот, кто принял твердое решение сохранить верность закону и умереть, если потребуется, мученической смертью, не чувствует страданий под пытками. Его можно побивать камнями или жечь огнем, закопать заживо в землю или повесить, он останется невозмутимым, и ни одна жалоба не сорвется с его губ».

Культ мучеников, Акеда (жертвоприношение Авраамом Исаака,- прим. ред.) поддерживается всеми способами и составляет одну из основных литературных тем, первый и остающийся на протяжении долгого времени единственным сюжет еврейской религиозной драмы (так что у евреев была своя собственная мистерия страстей!). Ее отголоски обнаруживаются и в бытовых дета-

лях: по мнению некоторых раввинов вдова мученика не должна была больше выходить замуж, по мнению других не следовало стирать следы пролитой крови со стен дома, а погибших следовало хоронить в тех одеждах, которые были на них в момент убийства. Культ страдания, систематические доказательства высокой значимости страдания как Божественного наказания, но одновременно и как выражения Божественной любви, придавали этому страданию глубокий смысл и облегчали его. Разумеется, истоки подобных взглядов содержались уже Талмуде. «Страдание драгоценно!»—воскликнул раби Акива. Но это оставалось скорее теоретическим постулатом вплоть до того времени, когда страдания евреев не превратились в постоянную, всеобщую реальность. Отныне каждый отдельный еврей становится участником этой драмы. В этом смысле можно утверждать, что немецкие евреи позднего средневековья оказались первыми, кому было суждено испить до дна чашу страданий народа Израиля. Нельзя утверждать, что они приняли свою судьбу с легким сердцем, тем не

менее они гордились этой судьбой. С полным на то основанием они повторяли знаменитое изречение Талмуда: «Еврейскому народу не подобает радоваться как другим народам». В 1450 году величайший знаток Талмуда XV века Исраэль Иссерлейн дал следующий ответ на вопрос о том, следует ли налагать суровое наказание на отступника, возвращающегося в лоно иудаизма: «Следует иметь в виду, что тот, кто решил вернуться в еврейство, собственноручно налагает на себя постоянную кару, поскольку он отказывается от преимуществ и благ, которыми он пользовался будучи христианином, и принимает страдания и гонения, составляющие участь евреев. Он не должен был терпеть этот гнет, пока он был христианином, так что в сущности он искупил свою вину, когда по доброй воле вновь взвалил его на себя с единственной целью вернуться в еврейскую общину».

Все аспекты жизни еврейских общин отражают этот строгий дух покаяния. Только один раз в году, по случаю праздника Пурим, разрешается и даже предписывается полностью отдаться

веселью, радости и ликованию, надеть маскарадные костюмы, напиться допьяна, наконец-то рассчитаться с преследователями и сжечь на площади деревянную фигуру Амана, олицетворяющую всех антисемитов. Но даже этот единственный в году праздник был в дальнейшем запрещен христианскими властями, так что вся церемония свелась к символическому топоту ногами и различным шумовым эффектам во время чтения в синагоге Книги Есфирь.

В остальные дни было очень мало развлечений, и все они были строго регламентированы. Светский театр считался развратом и был строго запрещен, так же как и совместные танцы юношей и девушек даже по случаю свадьбы. Карточные игры допускались лишь в виде исключения, так что в результате лишь шахматы и такие общественные забавы, как шарады на библейские сюжеты, оказались единственными видами развлечений, которые никогда не оказывались под запретом раввинов. Любые украшения, любые проявления фантазии в одежде были запрещены. Как мужчины, так и женщины носили

черные или серые одеяния, и это происходило в эпоху, когда одежды особенно отличались разнообразием цвета и формы. Здесь, как и во многих других отношениях, сложившиеся сами собой еврейские обычаи соответствовали тому, что окружающий мир мог ожидать от них после того, как обязал их носить отличительный круглый знак. В результате христиане начали думать, что у евреев существует специальный религиозный запрет на ношение одежды ярких и светлых тонов, что отнюдь не соответствовало действительности. Это подражательство наоборот заходит так далеко, что на миниатюрах, украшающих некоторые еврейские рукописи, библейские персонажи одеты в темные одеяния и рогатые круглые войлочные шапки, так что они кажутся похожими на немецкие карикатуры того времени.

В этом смысле не было никакой разницы между богатыми и бедными, потому что все были одинаково одеты и подвержены общим опасностям и насмешкам, и даже их язык стал отличаться от языка христианского населения (По всей видимости, на исходе XIII века повседневная

речь евреев начинает , отличаться от средневекового немецкого языка: эти различия накапливались и усиливались, так что с XVI века уже существует идиш как самостоятельный диалект.): общность судьбы и повсеместное распространение взаимопомощи способствовали преодолению социальных различий, а высокий престиж учения и эрудиции действовали в том же направлении.

Некоторые ашкенази считали, что они являлись единственными хранителями подлинной еврейской традиции. Это высокомерное чувство собственной исключительности хорошо видно на примере раввина Ашера бен Иехиэля, одного из учеников Меира из Ротенбурга, который покинул Германию после резни Риндфлейша и прибыл в Испанию, где он стал раввином еврейской общины Толедо и занялся наставлением своей новой паствы. Он высмеивал талмудические занятия испанских евреев и благодарил Господа, что он «уберег его от отравы философии и светских наук». Суровый блюститель нравов, он к своему ужасу обнаружил широкое распространение сексуальных контактов между евреями и христи-

анками и наоборот. Он требовал, чтобы евреям, преступившим Закон, отрезали нос. И такова была сила воздействия его фанатизма, что Ашер сумел на некоторое время навязать свои порядки этой общине. Разумеется, в этом ему способствовало то обстоятельство, что в Испании уже начали дуть ветры нетерпимости.

Конец средних веков—это эпоха, когда прежние еврейские кварталы превращаются в гетто, двери которого запираются по вечерам на ключ, а жителям которого разрешается появляться на христианских улицах только в дневное время. За этими засовами еврейская община окончательно замыкается в себе; ее члены ведут суровый и набожный образ жизни, мельчайшие подробности которого строго регламентированы. Монотонная регулярность этой жизни составляла резкий контраст с теми ударами судьбы, которые могли обрушиться на головы евреев каждый день в результате их общения с христианами. Так, это постоянное ожидание беды сочеталось с образом жизни, predetermined с самого момента рождения.

Когда ему исполнялось четыре года, в последний день Шавуот (праздник Дарования Торы) маленького еврея вели в школу, где его обучали основам грамотности: чтобы учение всегда было для него сладким, его первые еврейские буквы делали рельефными и намазывали медом. Первые предложения, которые он должен был прочитать, были вылеплены на пирогах или написаны на яйцах, которые затем дети делили между собой. Раввины без устали внушали ученикам, что нет ничего более замечательного, чем учение, что помогать бедным детям получить образование является самым богоугодным делом, даже лучшим, чем строительство синагоги. Все маленькие мальчики должны изучать Тору и книги пророков, еврейский и арамейский языки, все они должны были заучить основы Талмуда (Мишну); затем, по мере постижения высоко интеллектуальных областей Гемары происходил отбор, и только самые способные ученики приступали к изучению «Великой Школы» (Мидраш Гадол): если они впоследствии и не становились раввинами, они все равно будут

продолжать свои занятия всю жизнь.

В тринадцать лет наступал день Бар-Мицва, религиозная и гражданская зрелость. С этого момента юный еврей считался достаточно взрослым для женитьбы, при этом, разумеется, тщательным образом устранялись все факторы, которые могли бы породить романтический зов пола. Мальчики и девочки ведут отдельный образ жизни, им не разрешается играть или танцевать вместе, браки заключались через посредство профессионального свата, который пользовался высоким престижем. Очень часто будущий жених знакомил со своей невестой только в день подписания брачного контракта. Девушек ценили прежде всего в соответствии с их приданым, а юношей по их эрудиции. Эти поспешные браки приносили обычно многочисленное потомство, поскольку не было абсолютно никаких помех естественной игре максимального воспроизведения—заповеди «плодитесь и размножайтесь». Супружеская верность была правилом; адюльтер составлял редчайшее исключение и к тому же сурово карался. (Позже мы увидим,

как некоторые христианские правители впервые в Европе попытаются навязать евреям «контроль над рождаемостью»).

После того как еврей женился и стал отцом семейства, был ли он «Талмид хахам» (знаток Талмуда), признанный мудрец в Израиле, или простой ростовщик, его жизнь была определена: он должен был заботиться о нуждах своих близких и служить Господу посредством трех ежедневных молитв, различных благословений и исполнения заповедей, которые следовало соблюдать в этой жизни и нарушать которые позволялось лишь при смертельной опасности.

Ростовщичество и ученые занятия отнюдь не считались несовместимыми. Напротив, в одном из авторитетных текстов даже отмечалось, что ростовщичество имеет то преимущество, что оставляет достаточно времени для учения.

Маленьких девочек обязательно обучали чтению и письму, но лишь в исключительных случаях они получали элементарные знания Талмуда. Они имели лишь самые приблизительные представления об иврите, поэтому первыми произ-

ведениями, написанными на идиш, стали книги, предназначенные для женщин. Таким образом возникла литература на народном языке, которая не обязательно была посвящена только религиозным вопросам. В результате, именно благодаря женщинам, в еврейские общины проникают светские интересы и развлечения.

Жизнь в гетто эпохи позднего средневековья во многих отношениях напоминает монастырский уклад религиозных орденов. Замкнутая жизнь общины, отгороженной от окружающего мира; жизнь, посвященная службе Господу, насыщенная набожностью и самоограничением, заполненная интеллектуальными и духовными занятиями; жизнь, протекающая в отказе от физических усилий с их радостями и трудностями— всевозможные аналогии возникают сами собой. В этом смысле показательно, что во многих немецких кодексах евреи и монахи упоминаются в одних и тех же разделах. Напрашивается вывод, что для христианского мира было естественным сближать священников, которые занимались служением Господу, с евреями, чьим господином

был Люцифер. . . Конечно, принципиальная разница состояла в том, что священники принимали посвящение в сан и давали обет по Доброй воле и достигнув зрелости, в то время как призвание евреев стало почти исключительно наследственным. Но в любой момент и те, и другие могли изменить свой статус—одни путем отречения от Духовного сана, а другие с помощью обращения. Мы уже видели, что в случае с евреями это происходило достаточно редко.

Тем более впечатляющим представляется тот след, который эти ренегаты оставили в еврейской истории. Если во все времена евреи будоражили воображение и играли историческую роль, отнюдь не соответствующую их численности, то до какой же степени эта диспропорция становится впечатляющей в случае горстки еврейских отщепенцев, этого ничтожного меньшинства внутри меньшинства, столь многие представители которого стали знаменитыми. Согласно одному шутовому замечанию, эти ренегаты от апостола Павла до Карла Маркса стали основными творцами западной истории. Но если оставить в сто-

роне парадоксы, то становится очевидным, что эти отступники, основным делом жизни которых часто становилось обличение и обращение евреев, были настоящим бедствием для еврейских общин. Мы уже сталкивались с несколькими подобными деятелями от Теобальда из Кембриджа до Никола Донэна; мы еще встретим и немало других—от Иоганна Пфэфферкорна до Михаила Неофита.

Помимо тех бедствий, которые могли навлекать эти перебежчики, сам факт их отречения подрывал фундаментальные основы священной традиции, поражая евреев в наиболее уязвимое место. Нет ничего удивительного, что в этих условиях ренегаты становились объектами ненависти и презрения, не имевших себе равных. Следы этого отношения можно встретить и в наши дни даже среди наиболее «ассимилированных» и дальше всего отошедших от религии евреев. Не удивительно также и то, что искренние обращения были невозможны в эпоху, когда пропасть между евреями и христианами стала совершенно непреодолимой как практически, так и эмо-

ционально, как в семейном, так и в социальном отношениях.

Где, когда и каким образом могли возникнуть контакты между проповедниками и новообращенными? И если даже каким-то чудом это оказалось возможным, то еврейский здравый смысл, тот самый простой и обыденный здравый смысл, который делает столь затруднительным понимание христианской тайны откровения, если только к ней не приучают с самого раннего детства, этот здравый смысл должен был стать непреодолимым препятствием. Прекрасной иллюстрацией этому может служить следующая еврейская притча:

«Некий государь, большой ценитель литературы и искусства, имел у себя на службе врача-еврея, с которым он любил вести теологические дискуссии. Однажды он взял его за руку, привел в свою библиотеку и сказал: «Смотри! Все эти ученые книги были написаны для доказательства истинности христианских догматов. А что есть у вас для утверждения ваших принципов?» — «Конечно, тринадцать догматов

Маймонида могут уместиться на одном листе бумаги»,—ответил еврей,—«Но как бы много ни было книг, которые вы мне показываете, ваше величество, и сколь ни велика их ценность, я никогда не мог понять, зачем, чтобы облегчить страдания человечества, Господь не придумал ничего лучше, чем пройти через тело некоей девственницы, принять человеческий облик, претерпеть тысячу мук и даже смерть—и все это без какого-либо ощутимого результата!»

(Читателя, шокированного или задетого предыдущими строками, я отсылаю к характерному труду отца П. Броуи—P. Browe *Die Judenmission im Mittelalter und die Päpste, Rome, 1942*. В этой книге автор со скрупулезной честностью приводит всевозможные еврейские рассуждения такого рода. Делая это, он поражается невероятной слепоте, которую проявляли евреи на протяжении столетий, что в свою очередь может служить доказательством трудностей, возникающих при обсуждении этих вопросов. . .)

V. ЭПОХА ГЕТТО
(НАСТОЯЩИЙ
АНТИСЕМИТИЗМ)

Мы теперь входим в тот период истории, когда, начиная с эпохи Возрождения, западный мир вступил на совершенно новые пути, когда во всех областях стали происходить изменения, чреватые самыми серьезными последствиями. Однако, несмотря на прогресс в области науки и техники и утверждение капиталистической системы, образ жизни и уровень мышления широких народных масс остается на прежнем уровне. Антисемитизм продолжает составлять неизбежную и неотъемлемую часть этого мира в том же самом виде, в каком он сложился в предыдущие эпохи. Что касается евреев, то они также продолжают существовать вплоть до времени кануна Французской революции, ничего не меняя в нравах и обычаях своих предков, пребывая в состоянии стагнации или «окаменения». Их столь специфический образ жизни в лоне враждебного общества обрел в польских гетто наиболее завершенные и, казалось бы, окончательные формы. С другой стороны, такие страны, как Франция и Англия, вплоть до начала XVIII века сохраняют запрет на проживание евреев на своей террито-

рии. Это положение и определяет естественным образом план данного раздела нашего исследования.

Сначала мы рассмотрим проблему антисемитизма и его проявлений в условиях отсутствия евреев, т. е. в каком-то смысле отвлеченный антисемитизм в его чистом виде. Затем на примере Германии мы сможем рассмотреть взаимозависимость между антисемитизмом и реакциями, вызванными присутствием евреев, т. е. то, что мы называем форсированным антисемитизмом. Наконец, особые условия, в которых оказался иудаизм в Польше, будут нас интересовать с другой точки зрения: здесь мы действительно сможем увидеть, как впервые после начала рассеяния европейские евреи смогли по-настоящему возродить свой народ.

Отвлеченный антисемитизм: Франция

Прежде всего следует задать вопрос, верно ли, что во Франции не осталось евреев после изгнания 1394 года? Некоторые историки, в частности Робер Аншель, высказали гипотезу, по которой часть евреев смогла остаться жить во Франции или тайно, или формально приняв обращение в христианство, т. е. в качестве «марранов». В поддержку этой гипотезы приводились искусственно сформулированные аргументы. Далее мы увидим, что еще в 1650 году общественное мнение обвиняло достопочтенную корпорацию старьевщиков в том, что они тайно исповедовали иудаизм. Однако совершенно очевидно, что эти самые старьевщики, кем бы они ни были в XV веке (на этот счет нет никаких сведений), в XVII веке являлись лояльными добрыми католиками. Иными словами, мы здесь имеем дело с одним из тех ни на чем не основанных коллективных наваждений, весьма устойчивых и характерных для антисемитизма, впечатляющим примером которых могут служить португальские *Judeus* и *Chieta*s с Балеарских островов.

Совершенно очевидно, что с эпохи Возрож-

дения во Франции больше не осталось и следа местных французских евреев, если не считать нескольких ономастических и топографических воспоминаний. Напротив, колонии так называемых «португальских» евреев-марранов возникли в начале XVI века в некоторых портах—в Байонне, Руане, Нанте и особенно в Бордо. Но они внешне исповедовали христианство, что было, разумеется, менее шокирующим для чувств той эпохи.

Часто это были значительные деятели, многие из которых являлись международными коммерсантами и в этом качестве находились под защитой властей, озабоченных прежде всего финансовыми потребностями. Весьма правдоподобно, что некоторые из них обосновались во внутренних частях страны, в Париже или в других местах. В целом, образованные французы были прекрасно осведомлены об их существовании. Выражение «испанский марран» (т. е. фальшивый) можно встретить у Дю Белле, а оборот «сын маррана»—у Клемана Маро. Но тот же самый Маро выражает свое изумление, увидев в

Венеции «евреев, турков, арабов и мавров, которых здесь можно встретить целыми толпами каждый день».

Это означает, что для французов XVI века вид евреев, живущих открыто, должен был быть весьма непривычным. Монтень, сам бывший потомком марранов, также встречал евреев в Риме и даже посетил синагогу. Он тоже описывает это как любопытное и экзотическое зрелище. А поэт Сагон (который должен был понимать в этом толк, поскольку это он и был тем самым «сыном маррана», о котором писал Маро) сообщает, что:

«Франции едина в своей религии, Во Франции нет ни одного еврея, Не то, что в соседних странах».

В самом деле, до царствования Людовика XIV и аннексии Меца и Эльзаса известно лишь два или три случая, чтобы евреи открыто исповедовали во Франции свою религию. Прежде всего это Симон Молшо, которому Франциск I предложил кафедру иврита в Колледже Франции. Затем, в следующем столетии, и это имя необходимо особо подчеркнуть,—Эли Монтальто,

ставший придворным врачом Марии Медичи. Вокруг него сложился небольшой кружок евреев, как обращенных, так и необращенных, каббалистов, врачей просто шарлатанов, «сделавших своей профессией гадание... на основе каббалы», в эпоху, когда каббала была в моде, и когда многие выдающиеся умы занимались поиском философского камня или эликсира долголетия. Мозайд, беспокойный каббалист, прибывший из Лиссабона, чей образ был запечатлен Анатолем Франсом в романе «Харчевня королевы Гусиные лапы», мог попасть под влияние одного из членов этого кружка, поскольку эти люди пользовались широкой известностью. Между прочим, эта история, имевшая плохой конец, заслуживает более подробного рассказа.

В это время (1611-1617 годы) итальянский авантюрист Кончино Кончини и его жена, фавориты регентши Марии Медичи, имели во Франции огромную власть. Ведущая роль в этой паре принадлежала женщине, страдавшей от того, что в наши дни называется неврозом. Она жаловалась на тысячи странных и таинственных недугов

и безуспешно обращалась к самым знаменитым врачам и экзорцистам Франции и Наварры.

Монтальто, слава которого распространилась по всей Италии, жил в Венеции. Она обратилась к нему, но этот «великий иудей и настоящий еврей», «не желавший скрывать свою веру и преступать через нее», поставил условием своего приезда во Францию право открыто исповедовать иудаизм, добавив к этому, «что его убеждения можно узнать по одному единственному факту, а именно, что он не примет ни одного денье в день субботы». Это право было ему дано. Он прибыл, и, судя по всему, его искусство имело большой успех, поскольку он стал лечить саму регентшу и остался во Франции до конца своих дней. После смерти его тело было забальзамировано и похоронено на еврейском кладбище Амстердама. Без сомнения в свите Монтальто были евреи; вероятно также, что он вызвал во Францию некоторых евреев из Голландии, что ставилось ему в вину уже посмертно.

Тем временем, в 1615 году в Париже разразился большой скандал. Один из протеже нена-

видимого всеми Кончини, итальянец Космо Ружер, настоятель монастыря Сент-Маэ в Бретани, находясь на смертном одре, отказался от соборования и предпочел умереть «атеистом». В результате его тело было закопано «на неосвященной земле». Автор хроники, которая донесла нам эту историю, заключает: «Похоже, что этот год был целиком заполнен безбожием и падением нравов. Недаром с самого его начала можно было видеть множество колдунов, евреев и чародеев, безнаказанно справлявших свои субботы, собиравшихся в синагогах и даже обосновавшихся при дворе». Немедленно были приняты самые серьезные меры, чтобы положить конец этому скандалу. По этому поводу энергично выступил Парижский парламент: эдикт 1394 года был торжественно возобновлен специальной грамотой, зарегистрированной 12 мая 1615 года.

«Исходя из того, что христианнейшие государи испытывают ненависть и отвращение ко всем народам, врагам Христа, и особенно к еврейскому народу, который они никогда не хотели терпеть в своем королевстве... и учитывая, что,

как нам сообщили, вопреки эдиктам и ордонам наших предшественников указанные евреи на протяжении нескольких лет тайно распространились во многих местах нашего королевства. . . Мы объявили, решили и повелели:

"Что все упомянутые евреи, которые находятся на территории нашего королевства, под страхом смерти и конфискации всего их имущества должны без всяких условий покинуть наши земли, на что им дается один месяц срока. . . " »

Следует особо отметить, что эдикт о высылке не распространялся на марранов Бордо и Байонны, поскольку это могло нанести большой ущерб сбору налогов в королевскую казну, и к тому же они соблюдали внешние требования христианской благопристойности. Этот эдикт распространялся только на «колдунов, евреев и магов» Парижа.

Двумя годами позже эти термины-близнецы «колдуны и евреи» часто использовались в ходе широкомасштабного судебного процесса над женой Кончино Кончини после убийства ее мужа.

Этот сплав колдовства с политикой в подоб-

ного рода делах родился отнюдь не вчера, и чете Кончини ставили в вину наряду со связями с границей и шпионажем еще и «оскорбление Божественного величия». «Разве не нашли в их доме книгу под названием «Хинук», которая является пособием по изучению еврейского языка... , и еще одну книгу, называющуюся «Махзор», т. е. полный пересмотр церковных служб»? (На самом деле, первая книга является пособием по изучению 613 заповедей, а вторая сборником праздничных молитв,- прим. ред.) Разве один из слуг не дал показания, «что госпожа занималась принесением в жертву петуха»? В то же время «из двух книг, представленных господином Королевским прокурором, следует, что принесение в жертву петуха—это иудейский обычай». Наконец, разве еще один свидетель, Филипп Дакен, «еврей, ставший христианином», не утверждал, что обвиняемая совершала и гораздо более серьезные колдовские обряды? В результате обвиняемая была приговорена к смерти и казнена в тот же день к большой радости жителей Парижа: многочисленные пасквилы, памфлеты и даже

театральные постановки были посвящены этому событию, а согласно массовым слухам настоящее имя обвиняемой—Софар, и она была еврейкой. Нет никаких сомнений, что она не была еврейкой; на самом деле, эта несчастная поборница черной магии умерла как добрая христианка.

Едва ли вся эта история свидетельствует о том, что окружавшие Кончини евреи-марраны были столь уж многочисленны и могущественны. После специальных разысканий в документах той эпохи можно найти еще несколько имен—Альварес, Гарсия, Верон, но после 1615 года о них больше нет никаких данных, за исключением упомянутого выше обращенного еврея Дакена, бывшего раввина, ставшего родоначальником целой династии врачей. Его внук Антуан был личным врачом Людовика XIV, Короля-Солнце.

Тем не менее, еще в течение долгого времени некоторым умам повсюду мерещились евреи. Так, в 1627 году Малерб, крайне раздосадованный тем, что он не смог выиграть судебный процесс, который он возбудил против убийц своего сына, видел в евреях источник своих непри-

ятностей. Он писал одному из своих друзей: «Иудаизм распространился уже и на берега Сены. Остается лишь желать, чтобы он оставался лишь на берегах Иордана, и чтобы эта мерзость не распространялась среди добропорядочных людей, как это происходит сейчас. Другого пути нет. Мое дело справедливо—я стану сражаться повсюду с Божьей помощью, будь то в Иерусалиме и хоть со всеми двенадцатью коленами Израиля». (Можно подумать, что это написал Дрюмон).

Двумя столетиями позже Альфред де Виньи сочинил романтическую драму в пяти действиях «Маршал д'Анкр». В этой пьесе важная роль принадлежит еврею Монтальто. При этом в соответствии со штампами своего времени Альфред де Виньи значительно усилил «еврейские» черты своего персонажа, изменив его имя на Самуэль, и сделав ростовщиком. Как мы уже могли заметить, Анатоль Франс был более справедлив.

Это достаточно типичный случай, поэтому мы уделяем ему особое внимание. Врач-еврей, процветающий человек, в течение нескольких лет

являющийся придворным врачом, приглашает с собой в Париж свою свиту и нескольких друзей. Это оказалось достаточным для того, чтобы в 1615 году торжественно возобновить эдикт, изданный в 1394 году, чтобы развязать и направить широкомасштабный процесс о колдовстве, чтобы через двенадцать лет вызвать брань Малерба, а через два столетия будоражить воображение Виньи и Анатоля Франса. С другой стороны, справедливо, что эта история отражает ужас безбожия или простого неверия, которое отныне начинает представлять серьезную угрозу для прочности христианской веры.

На этом примере мы видим, что «еврейская проблема» продолжала беспокоить умы в эпоху, когда подавляющее большинство французов ни разу не видели ни одного еврея за всю свою жизнь. Именно в эту эпоху окончательно определяется значение слов национального словаря, как это приводится, например, в словаре Литтре:

«Еврей, -ка, сущ., м., ж. (...)

3) перен. и фамильярное. Тот, кто дает в

долг под проценты или торгует по непомерно высокой цене, вообще тот кто жадно старается заработать.—Я уже давно не видел молодого Санша: этот молодой человек изо всех сил старается заработать, в общем, на мой вкус он вполне еврей. Ги Потен, Письма, т. II, стр. 186. Ах, черт возьми! Да ведь это жид, да ведь это арап! Ведь это уж выходит из двадцати пяти [процентов]! Мольер, Скупой, II, 1. Прощай, еврей, самый еврейский еврей во всем Париже. Реньар, Игрок, II, 14. . . »

Определение, которое удачно дополняется его теологическим дубликатом—Иудой:

«Иуда, сущ., м. (. . .)

2) перен. Предатель.—Это предатель. Это Иуда. Господин Иуда (. . .) Беранже. Г-н Иуда. Прил. Вот злодейка! Вот Иуда! Мольер, Мещанин во дворянстве, III, 10. Поцелуй Иуды—поцелуй, который служит знаком предательства».

* * *

Каким образом на протяжении столетий могли сохраняться и поддерживаться подобные представления? Мы все время сталкиваемся с этой проблемой, которая станет более сложной и более загадочной по мере приближения к современной эпохе: но для прошедших веков, когда все образование было только религиозным, ответ представляется очевидным. По сути дела, ребенок в кругу семьи учится говорить и постигает первые моральные нормы, которые затем будут играть определяющую роль. Маленький христианин рос и учился отличать добро от зла, он узнавал о существовании странного нераскаявшегося народа, повинного в самом ужасном преступлении всех времен и поэтому презренного. Позднее, когда он станет посещать приходскую школу и проходить курс закона Божьего, он получит от своих учителей такие же уроки, как это видно из чтения учебников по религиозному воспитанию. В XVII веке эти учебники принимают свою окончательную форму. В интересующем нас аспекте то, что говорится в этих учебниках, безусловно имеет гораздо более важное значение, чем рас-

суждения нескольких эрудитов или возвышенные размышления Паскаля.

Было бы неправильно предполагать, что в подобных книгах содержались убедительные доказательства и пространные рассуждения, имеющие цель показать зловредность евреев. Эта истина считалась очевидной, всем известной и не нуждающейся в специальных доказательствах. Она служит своеобразным эталоном, абсолютным нулем зла, на фоне которого можно лучше оценить настоящие христианские добродетели, предостеречь грешника или развратника, дать им почувствовать, что если они не раскаются, то однажды их может постичь участь евреев. . .

Вопросы и ответы: это надежный и острый метод. Если ограничиться учебниками, то редко можно обнаружить катехизисы, в которых бы не затрагивалась эта тема.

«Почему Господь сделал все эти предзнаменования о смерти своего Сына?—Это было свидетельством против евреев.—Не является ли это также свидетельством против нас?—Да, если мы не извлечем урок из этой смерти». Это предосте-

режение принадлежит перу Боссюэ.

Знаменитый катехизис аббата Флери, выдержавший семьдесят два переиздания за двести лет, разбирает эту проблему более подробно:

«Были ли (у Иисуса) враги?—Да, евреи.—Как далеко простиралась ненависть врагов Иисуса?—Они хотели погубить его.—Кто обещал предать его?—Иуда Искариот. (...) Почему этот город (Иерусалим) постигла такая участь?—Потому что он погубил Иисуса.—Что стало с евреями?—Они были обращены в рабство и рассеяны по всему миру.—Что стало с ними потом?—Они по-прежнему пребывают в этом состоянии.—В течении какого времени?—Уже семьсот лет».

Более лаконичным, но и содержащим больше угроз является катехизис Адриана Камбара, предназначенный, как это специально отмечает сам автор, «простонародью», тем, кто «не способен к большим дискуссиям и серьезным рассуждениям»:

«Большой ли это грех причащаться недостойным образом?—Это самый большой из всех грехов, потому что это означает вину за тело и

кровь Христа, такую же как у Иуды и евреев, следовательно, за суд над ним и его осуждение».

Иуда и евреи, вина и предательство: это сближение всегда остается неизменным. Видно, что у наших авторов не слишком богатое воображение и что им не было никакой нужды заниматься «антиеврейской пропагандой» в эпоху, когда всем верующим было совершенно очевидно, что Иуда и евреи, бывшие и настоящие, являются заклятыми врагами Господа по неизъяснимой воле провидения. По сверхъестественному предназначению они стали постоянными вместилищами Зла: этим они отличаются от еретиков и от колдунов, которые пришли ко Злу индивидуально и в результате собственного свободного выбора...

Та же тенденция, только обогащенная множеством впечатляющих деталей, наличествует и в многочисленных жизнеописаниях Иисуса и святых, а также в рассказах о паломничествах, которые были предназначены для сравнительно более ограниченной аудитории.

Вот, например, отрывок из одного такого жизнеописания Иисуса:

«Одни били его по лицу, другие тыльной стороной ладони наносили удары по его благороднейшим и сладчайшим устам, некоторые плевали ему в лицо (ибо у евреев существует обычай плевать в лицо тем, кого они изгоняют из своих рядов), иные таскали его за бороду или за волосы, а также, как я думаю, топтали своими проклятыми ногами Господа ангелов (...). Продолжая плевать в его благороднейшее лицо, они били его палкой по голове так сильно, что шипы его тернового венца вонзались в эту палку и потом глубоко царапали его кожу, так что кровь текла по его щекам и лицу... Пилат приказал, чтобы в этом унижительном и бесчеловечном состоянии его привели и поставили перед всеми евреями, которые находились на улицах, чтобы не осквернить себя по случаю субботы. Эти несчастные сыновья Дьявола кричали в один голос: «Возьми его, распни его...»

Божественное возмездие не заставило себя ждать. О нем говорится в главе под названием «О мести за смерть Господа нашего Иисуса Христа, постигшей Иуду, Пилата и всех евреев»:

«Тридцать евреев были проданы за один серебрянный. Было продано девяносто две тысячи евреев, которых рассеяли по разным частям мира и обратили в вечное рабство. В этом состоянии евреи находятся по сей день и будут оставаться до конца света. . . »

В других трудах содержатся более подробные детали о том, как именно божественное возмездие продолжало карать евреев. «Народ, когда-то получивший благословение, сегодня проклят; вчера святые, сегодня язычники; вчера почитаемые всеми людьми, сегодня презираемые людьми и ангелами; вчера наследники Святой земли, сегодня несчастные бродяги без пристанища в этом мире(. . .)»—так начинается глава, посвященная евреям в книге отца Буше, монаха, которому довелось увидеть евреев на Востоке. (Мы еще встретимся с этой идеей у Боссюэ, той же самой идеей, сформулированной почти теми же словами.)

Отец Буше затем принимается за Талмуд. Его рассказ, выдержавший с 1620 по 1735 год несколько десятков изданий, завершается следу-

ющим образом:

«В заключение этой моей речи я ничего больше не хочу говорить о них кроме того, что это люди, с которыми никто не хочет иметь дело и которых ненавидит весь мир. Турки так сильно желают им зла, что они разрешают любому христианину безнаказанно убивать евреев, если они будут обнаружены в Храме Гроба Господня. Левантийские христиане относятся к ним с такой ненавистью, что они почувствовали бы себя смертельно оскорбленными, если бы им пришлось съесть что-либо, к чему прикасалась рука еврея. Известно, как они с позором были изгнаны из Англии в 1291 году и из Франции сначала при Филиппе Августе, затем при Филиппе Красивом и окончательно при Филиппе Длинном. Кроме того, им было запрещено находиться в Испании при Фердинанде, все это—кара за их безбожие и их злобу на христиан. . . »

Истории о волшебных жертвах и ритуальных убийствах часто приспособлялись на потребу дня и переписывались заново. Это могли быть

знаменитые легенды общенационального значения, как дело на улице Бийет в 1290 году, или рядовые истории местного значения, например, дело о ритуальном убийстве на улице Пюи, относящееся к 1320 году, но которое упоминалось в многочисленных сочинениях, датированных 1620, 1630, 1653, 1693 годами и более поздним временем.

Если труды такого рода были доступны лишь немногим образованным и заинтересованным людям, то проповеди и поучения, которые священнослужители произносили с высоты своих кафедр, прямо затрагивали все население целиком. То, что могли говорить рядовые кюре, до нас не дошло. Нам известны только проповеди высшего духовенства и знаменитых проповедников, которые служили примером и образцом для всех остальных. Итак, если мы обратимся к этим проповедям, то увидим, что прямые поношения евреев регулярно чередуются в них с напоминаниями о той угрозе, которую они представляют для всех христиан. В этом легко убедиться, если быстро перелистать несколько текстов, которые

В наши дни обычно не включаются в антологии.

Поношения:

«Ужасный народ, у которого нет ни кола, ни двора, не имеющий своей страны, который можно найти в любой стране. Когда-то это был самый счастливый народ в мире, теперь это несчастный народ, который никто не жалеет, который в результате проклятия стал посмешищем всех бедняков. . . »

(Боссюэ)

«Самое большое преступление евреев не в том, что они виновны в смерти Спасителя. Это вас удивляет: я это предвидел. . . В чем же здесь дело? Дело в

том, что после смерти своего сына Господь оставил их в покое на сорок лет, не подвергая наказанию. . . Когда же он обрушил на их головы внезапную кару, то это было вызвано еще одним преступлением, которого он не мог вынести, которое было для него более невыносимым, чем даже убийство его собственного сына. Что же это за преступление, столь черное и столь ужасное? Это ожесточение, это отсутствие раскаяния. . . »

(Боссюэ)

«Что сделали евреи, побив камнями (Стефана)? Послушайте, что думает об этом святой Фульгенций. Его слова пока-

жуются вам столь же разумными, сколь и убедительными. Этот отец церкви говорил: «Стефан, как первый мученик христианства,—это один из тех живых камней, из которых Иисус Христос начал строить здание своей церкви. Что же касается евреев, с их каменными сердцами, то поразив этот мистический камень, они высекли из него искры милосердия и божественной любви. . . . »

(Бурдалу)

«Теперь мы оставим этих неверных: поскольку они предали позору Иисуса Христа, то по справедливому Божьему суду они стали позором для всех народов

и они останутся такими вплоть до того, когда наступит конец света и Господь соберет остатки Израиля. . . »

(Флешье)

«До каких пределов этот безумный народ доводит свое легкомыслие и свое ослепление? Сколько преступлений совершил он одновременно? Во-первых, чудовищная несправедливость (. . .). Во-вторых, слепая ярость (. . .). Этот безумный народ хочет, чтобы пролитая кровь была на нем вечно; он согласен, он желает, чтобы это проклятие навсегда тяготело над его потомками, . . . и ход событий соответствует его пожеланиям: даже

в наши дни, став позором для всего мира, бродяги, беженцы, презренные, лишённые дома, церкви, богослужения, везде они несут на своем лбу печать этого кровавого преступления. . . »

(Массийон)

Угрозы:

«Необходимо, о грешник, необходимо, чтобы я обсудил с тобой все детали: необходимо, чтобы я изучил, насколько меньше ты виноват по сравнению с евреями (. . .). Но вы скажете, что евреи распяли Спасителя. Да, но вы, грешники, не задумываетесь, что вы попираете ногами кровь Его Завета? . . . »

(Боссюэ)

«Смерть во грехе, смерть с грехом, даже смерть, наступившая, как это часто бывает, через посредство греха, вот дорогие мои слушатели, что меня страшит, и вот что должно страшить и вас, как меня; вот самое страшное из того, что есть у Господа в сокровищнице Его гнева; вот чем Сын Божий грозит сегодня евреям и чего мы должны остерегаться наравне с евреями. . . »

(Бурдалу)

«Для него приготовили терновый венец, который с яростью водрузили ему на голову. Отовсюду течет кровь, каждый шип оставляет рану. Вот как синагога обошлась со своим Царем! Вот как она обошлась с

вашим и моим Царем: вот как она обошлась с Хозяином и Царем всего мира. Гнусность, которую мы все презираем! Но пока мы ее презираем в других, разве мы не должны презирать ее и в нас самих? Разве мы, христиане, не поступали сотни раз точно так же по отношению к Иисусу Христу?...

(Бурдалу)

«Какую грозную заповедь объявил сегодня людям Иисус Христос, или, вернее, какой приговор вынес Он сегодня людям?... Они без всякого уважения выслушали истину, которую изрекли Его священные уста; они без восхищения смотрели на

сияние Его ангелов. . . Таковы
были раньше евреи; таковы те-
перь христиане. . . »

(Флешье)

«Вот плоды ваших действий и завершение вашей несправедливости и вашей неблагодарности, если вы грешны; вот ваше варварство, которое вы повторяете каждый раз, когда совершаете преступление; вот плоть, которую вы позорите, когда вы оскверняете свою плоть; вот августейшее чело, которое вы увенчиваете терновым венцом, когда вы с удовольствием позволяете, чтобы в вашем сознании образы разврата могли оставить опасный след; . . . Вот человек, се человек. Может ли это зрелище оставить вас равнодушными? Нужно ли, чтобы Он еще раз взошел на Голгофу? Хотите ли вы, чтобы ваши голоса смешались с голосами вероломных евреев и снова потребовали Его распятия? . . . »

(Массийон)

Покаяние! Покаяние! «Хотите ли вы, чтобы

ваши голоса смешались с голосами вероломных евреев и снова потребовали Его распятия?» Но ужасные грешники, о которых говорилось в нравоучительных речах проповедников, служили для паствы прежде всего необходимыми козлами отпущения. В самом деле, что следует думать о душераздирающем вопле Паскаля во время его обращения: «Иисус Христос, Иисус Христос! Я отделился от него, я избегал его, я отрекся от него и распял его!» И это был Паскаль. Для менее возвышенных и менее страдающих душ возможность поведать о выдуманной ужасной вине в совершении воображаемого и иллюзорного преступления составляла в конечном итоге единственный психологически возможный выход.

Разумеется, цитаты могут ввести в заблуждение, и мы не хотим создать у читателя впечатление, что у церковных ораторов, которых мы упоминали выше, в голове были одни евреи. Напротив, они их упоминали довольно редко. Но если уж они о них говорили, то это всегда было именно так. Можно сказать, что это была «пропаганда известного», а не «пропаганда нового».

Если мы теперь спросим себя: в какой степени эта пропаганда была действенной? Могла ли она при практическом отсутствии евреев возбудить те массовые порывы народной ярости, которые служат бессознательным и окончательным признаком антисемитизма? Наш ответ будет варьироваться в зависимости от эпохи. Для XVI века ответ будет отрицательным: от этого времени не дошло известий ни о каких антиеврейских кампаниях или беспорядках. Причина этого вполне очевидна: слишком много разных вещей в век Реформации вынудили французских протестантов оказаться в типично еврейской ситуации, поскольку традиционные чувства «чудесной ненависти» оказались направленными на них в полной мере. Преследуемое меньшинство, преданность Ветхому Завету (т. е. еврейской Библии) - можно привести множество аналогий. Приводимые ниже строки, написанные Люсьеном Ромье в 1922 году, в которых еврейский читатель найдет для себя много хорошо знакомого, типичны для этой ситуации:

«Протестанты, каждый в отдельности и все вместе, существовали в обстановке постоянной опасности. . . Католическое население или «атеисты» издевались над этими людьми, устраивавшими тайные собрания. О них собирали и распространяли самые обидные и неприятные истории, которые имели хождение как раз в тех предместьях, где проходили эти тайные собрания. Можно себе представить, насколько подозрительными казались ночные приходы и уходы чужаков или людей из высших слоев общества в этих отдаленных кварталах и на пустынных дорогах. В результате начинались оскорбления, бросание камней, насмешки, беспорядки, и даже пожары. . . »

И разве в конце XIX века Эдуар Дрюмон не называл французских протестантов «полуевреями»?

Следует отметить, что следуя общему правилу, ненависть к евреям также подвержена старению, когда иные необузданные страсти начинают бушевать в обществе. Еретика, турки и другие

неверные, или просто «наследственный враг» в период очередного конфликта—в течение веков было много различных исполнителей этой роли.

Поэтому ситуация изменилась в XVII веке, после того как Нантский эдикт положил конец религиозным войнам. Мы видели, какие волны поднялись в результате дела Кончини. В отсутствие евреев, которые всегда были добросовестными летописцами собственных несчастий, многие другие случаи подобного рода могли остаться для нас неизвестными. Однако в этой странной и упорной войне с тенями имеются отдельные сражения, сведения о которых дошли до нас. Одним из примеров может служить дело Жана Буржуа в 1652 году.

В Париже тогда бушевала Фронда: с одной стороны, «партия двора», Анна Австрийская и Мазарини, с другой,—население города во главе с парламентом. Стычки, битвы—на какое-то время вооруженные горожане фактически взяли власть в свои руки, а цеховые организации по очереди осуществляли в городе полицейские функции.

15 апреля 1652 года рота старьевщиков и бо-

чаров возвращалась с очередного дежурства и с развевающимся знаменем проходила мимо церкви Сен-Есташ. В этот момент оказавшийся поблизости молодой проказник по имени Жан Буржуа воскликнул смеха ради: «Вот господа из синагоги!»

Разгневанные старьевщики набросились на него, нещадно избили алебардами и прикладами мушкетов и заставили публично покаяться, а затем отпустили. Таково краткое описание инцидента, послужившего причиной всего этого дела.

Жан Буржуа, происходивший из семьи почтенного галантерейщика, не захотел смириться с происшедшим и подал на своих обидчиков жалобу байи. Один из напавших на него был арестован. Разгневанные старьевщики поклялись отомстить. Они заманили несчастного молодого человека в западню, долго и со знанием дела пытали его, а затем разнесли ему череп выстрелом из мушкета.

Еще одно происшествие в это смутное время? Ссора между двумя корпорациями? Общественное мнение отнеслось к этому происшествию со-

вершенно иначе. А общественное мнение в это время было крайне активно и весьма чувствительно. За те четыре года, что продолжалась Фронда, общественное мнение выражалось в политических памфлетах, которые назывались мазаринадами, поскольку они в основном были направлены против Мазарини. Иногда за один день появлялось несколько таких памфлетов, в стихах и прозе, длиной в шесть-восемь страниц. Внезапно Мазарини оказался забыт на несколько недель, которые, по-видимому, целиком прошли под знаком «еврейской проблемы».

Сначала это были прозаические тексты: «Увещательное послание всех приходских церквей города Парижа против евреев и синагоги...», «Искренний и подлинный рассказ о жестоком убийстве и ужасном злодеянии, совершенном 26 августа 1652 года...», «Расследование жизни евреев, их религии, занятий и темных дел...».

В последнем из названных выше памфлетов можно прочитать следующие слова: «Нет никого, кто бы не знал, что евреи были позором для

всех народов более тысячи шестисот лет». «В их обычая проявлялось как их проклятие, так и их рабство. Нет никого, кто бы не знал, что у них нет других занятий в жизни, кроме ростовщичества, и что их богохульная ложь и недостойные дела сеяли порчу по всей земле. . . »

Можно привести еще несколько названий таких памфлетов «Подлинное свидетельство о том, что произошло во время убийств молодого человека, сына торговца галантереей. . . », «Ответ старейшин синагоги. . . », в котором старьевщики берутся под защиту, и наконец, «Собрание старьевщиков. . . для поиска способов, как за гладить жестокость их ужасного преступления. . . ». Этот последний памфлет отличается известной тонкостью замысла, его автор вкладывает в уста «евреев» следующие рассуждения:

«В чем наша вина? В свое время Моисей приносил в жертву животных, а мы принесли в жертву человека. Разве в той же самой книге не сказано, что наши предки смогли принести в жертву Иисуса Христа, их нашего Царя? Почему же мы не можем принести в жертву обычного челове-

ка?...»

В соответствии с модой того времени авторское воображение особенно сильно проявилось в стихотворных произведениях. Ниже мы приведем довольно типичные примеры подобных сочинений. Некоторые из них были переполнены бешеной яростью:

«Мерзкие убийцы,
Презираемый народ,
Изгнанный отовсюду,
Зачем вы решили сегодня
Вернуться к вашим неслыханным жестокостям,
Которые причинили смерть
Господу, дающему нам жизнь?»
(«Подлинная история ужасного убийства,
совершенного
старьевщиками-евреями...»)

«Демоны, сбежавшие из ада,
Еврейское племя, презренные люди,
Более гнусные, чем сам Люцифер,

И более злые, чем все дьяволы,
Жестокие тигры, убирайтесь,
Вы недостойны жить среди нас.
Жадные до людской крови,
Бойтесь же наказания,
Которым Святая Инквизиция
Должна покарать вас за ваши отце-
убийства.

Развяжите руки и ноги
Горожанина, преданного пытке.
Хотите ли вы, чтобы он на самом де-
ле

Стал повторением «Се человек» (т.
е. Иисуса под пыткой,—прим.
ред.)

Жертвой оскорблений и поношений».
(«Синагога в подлинном свете... »).

Легко заметить, что в уме наших памфлетистов возникает немедленная ассоциация между распятием, его продолжением в истории в виде ритуального убийства и преступлением старьевщиков.

Итак, проблема была сформулирована именно таким образом, а в других текстах предлагались конкретные способы ее решения. Конечно, это были всего лишь песенки—но нельзя не заметить, что в них предлагались те же способы, которые применялись в Европе в недавнем прошлом. В конце концов, в вопросах такого рода человеческое воображение неизбежно оказывается ограниченным. В одной из этих песен предлагалось изгнать евреев или заставить их носить специальные знаки:

«Заставьте покинуть наши стены
Людей со столь ужасным нравом.
Или приказом короля
Заставьте их носить знак,
Который будет отличать их от хри-
стиан

И поместит среди собак...»

(«Неистовство евреев,
посвященное господам из синаго-
ги...»).

В другой песне предлагается повесить

их без долгих рассуждений:

«Пусть все видят, как их племя
Со связанными руками и ногами
Повторит весь путь того,
Кого они погубили
Жесточайшей смертью.

Пусть увидят на виселице
Без пощады, милосердия и прощения
Синагогу из Монфокона. . . »
(«Жестокость синагоги. . . »).

Еще одна песня предлагает оскопить
их всех, «чтобы их род на зем-
ле угас навсегда. . . »:

«Я верю, что самое правильное
Иначе применить к ним ножи
И полностью отсечь им
Тот член, который у них и так
Не сохранился в целости.
Чтобы покарать их пороки
Пусть они переживут свою казнь.
Пусть по воле наших праведных обе-
тов

Их имя умрет здесь вместе с ни-

ми...»

(«Судебный приговор, вынесенный синагоге...»).

Автор последней песни оказался более осторожным, чем его собратья, и сделал следующую оговорку: «Сначала надо убедиться, все ли у них цело спереди. Или они себе что-то резали, и шрам от этого остался на коже». А затем он переходит к простым и безыскусным фривольностям: «Красотки, преодолите все преграды и приходите. Я приглашаю вас на замечательное зрелище. У вас будет хороший выбор, чтобы утолить ваши желания. Вы увидите лучшие образцы природной силы. Вы увидите длинные, короткие...» и т. д.

Столкнувшись со столь большим количеством текстов, посвященных этому делу, читатель вправе задать себе вопрос, не являлись ли на самом деле парижские старьевщики тайными евреями, марранами, которые в глубокой тайне сохраняют свою религию. В противном случае вся эта кампания не имела никакого смысла. Од-

нако на самом деле никакого отношения к евреям старьевщики Парижа не имели. Все участники конфликта без исключения были самыми искренними и преданными католиками. Все сомнения по этому поводу немедленно рассеиваются при чтении протоколов судебного процесса, который был возбужден в связи с этим происшествием. Ключ к пониманию этого дела содержится в определении понятия «еврей», которое пятьюдесятью годами позже дал «Коммерческий словарь» Савари:

«Еврей. Этот термин в коммерции имеет различные значения, но почти всегда с негативными оттенками. . .

. . .

Очень часто в Париже евреями называют торговцев подержанными вещами и старьевщиков, то ли потому, что люди их считают такими же обманщиками, какими раньше были евреи, занимавшиеся во Франции торговлей поношенной одеждой, то ли потому, что существовали подозрения, что некоторые семьи из числа этих торговцев на самом деле происходят от евреев про-

шлого. Эти подозрения тем не менее не имели достаточных оснований; в их корпорации было не меньше честных людей и добрых католиков, чем в любой другой корпорации Парижа».

В результате это дело начинает проясняться. Старьевщики Парижа были евреями в том смысле, что они занимались традиционным еврейским ремеслом и носили прозвище «евреи», в то время как их корпорация была известна под шутовым именем «синагога». В результате они выполняли для населения профессиональные и знаковые функции евреев. Но сами себя они ни в коей мере не считали евреями и с отвращением отвергали эти параллели. На протяжении бесчисленных поколений они исповедовали католичество и ни в своих обычаях, ни в образе жизни ничем не отличались от остальных христиан. Однако они продолжали оставаться объектом глубоко укоренившихся социальных подозрений.

Итак, для окружающих они были евреями, хотя субъективно отнюдь ими не являлись. Иными словами, им приходилось играть чужую роль. Поэтому хотя уязвимая чувствительность народ-

ных масс иногда могла спровоцировать временные вспышки, подобно тому, что произошло в 1652 году, священный гнев не находил достаточной поддержки извне и сам собой затухал. При отсутствии горючих материалов пожар разжечь не так легко.

Все же время от времени этот огонь разгорался. Так, восемнадцать лет спустя, когда в 1670 году в Меце, где тогда жили евреи, начался большой процесс по поводу ритуального убийства, это совпало с таинственными исчезновениями молодых людей в Париже, где евреев не было. Немедленно по столице начали распространяться слухи, что эти юноши могли быть похищены евреями. Но эти слухи быстро угасли сами собой из-за отсутствия евреев, а старьевщики на этот раз остались в стороне.

* * *

Ужас и презрение—были ли антиеврейские чувства того времени до такой степени единодушными? За небольшими исключениями так оно и было в действительности. Нам остается обратить немного внимания на те редкие голоса, которые звучали диссонансом.

Прежде всего было несколько гуманистов, проявлявших в этой области присущий им независимый и критический подход. Во Франции самым известным из них был Жан Бодэн. В его диалоге «Гептапломер» семь собеседников обсуждают сравнительные достоинства различных религий и в результате приходят к выводу, что все религии одинаково хороши. При этом похоже, что симпатии автора принадлежат не католику Корони или мусульманину Октаву, а еврею Соломону. Но Бодэн, будучи осторожным человеком, хранил свой диалог в рукописи, так что он был опубликован много позже его смерти. Добавим к этому, что, несмотря на свой оригинальный ум, Бодэн, как истинный сын своего времени, свято верил в колдовство. Он сочинил трактат «Демонomanия колдунов», который был весьма по-

пулярен еще в XVIII веке. В противоположность большинству своих собратьев, специализировавшихся в области демонологии, он не упоминает евреев в своем трактате, проявляя таким образом свой «филосемитизм» и в этом случае. Для объяснения этих его взглядов высказывались предположения о его частично еврейском происхождении—якобы его мать была из числа марранов, но похоже на то, что у этих слухов не было ни малейших оснований.

Главная дорога, которая привела к коренному повороту в этой области, проходила через Реформацию и все то, что было с ней связано в области роста интереса к Ветхому Завету, гебраистическим и библейским студиям. Увлеченные своими занятиями, многие богословы и авторы религиозных сочинений начинают с симпатией относиться к народу Торы, тем более, что основное внимание уделяется теперь народу библейских патриархов, а не народу-богоубийце. Постоянные контакты с еврейскими учеными, к помощи которых прибегают многочисленные гебраисты с целью совершенствования своих знаний священно-

го языка, облегчают этот сдвиг в отношениях. В Германии, в ходе знаменитого процесса Йоханнес Рейхлин выступает в качестве защитника Талмуда, о чем мы еще поговорим ниже. Мы также подробно рассмотрим характерные и весьма противоречивые взгляды доктора Мартина Лютера. Во Франции вспыльчивый Кальвин в одном малоизвестном трактате («Ad queastiones et objecta Juadaei cuiusdam responsio», написан в 1539-1541 годах.) упрекает современных ему евреев в ожесточении, но Теодор де Без сочиняет «молитву за евреев», в которой появляются совершенно новые ноты:

«Господи, вспомни об избранном Тобой народе и взгляни благосклонным взглядом на этих несчастных, страдающих ради Твоего Имени. Что же касается нас, самих жалких из всех людей, которых Ты все же счел достойными своего милосердия, даруй нам возможность возвыситься в Твоей благодати и избавь нас от необходимости служить орудием Твоего гнева против них. . . ».

Но во Франции Реформация потерпела по-

ражение. За исключением нескольких колоритных фигур, таких как ученый гебраист Жильбер Голмэн или «преадамит» Исаак де Ла Пейрер (В 1656 году Исаак де Ла Пейрер опубликовал книгу под названием «Преадамиты, или рассуждение о стихах 12, 13, 14 главы V Послания Апостола Павла к Римлянам, из коих следует, что первые люди были созданы прежде Адама» (прим. ред.)), новые голоса стали слышны лишь спустя столетие. Это был голос не энциклопедистов, но одного из их удивительных предшественников, которого так никогда и не оценили по достоинству, поскольку он был слишком свободомыслящим для католиков и слишком католиком для свободных умов. Я имею в виду ораторианца Ришара Симона (ораторианцы—одна из новых монашеских конгрегации, возникших в эпоху католической Контрреформации,- прим. ред.)— истинного основателя современной библейской критики.

Ученый с поистине неисчерпаемой эрудицией и замечательный гебраист, Ришар Симон живо интересовался евреями. Он даже поддерживал

личные отношения с двумя-тремя евреями, в том числе с Йонасом Сальвадором, авантюристом и торговцем пьемонтским табаком, и с одним каббалистом, чье имя он умалчивает, но которого он высмеивает с блеском, ни в чем не уступающим лучшим остроумам Вольтера. В 1670 году он без указания своего авторства публикует речь в защиту евреев в связи с процессом о ритуальном убийстве в Меце. Затем, под псевдонимом «Сеньор из Симонвилля» он публикует французский перевод трактата венецианского раввина Леона из Модены «Обряды и обычаи евреев» с собственным пространственным ученым введением.

В этом введении Ришар Симон прежде всего напоминает, что «поскольку авторами Нового Завета были евреи, его можно понять только в контексте иудаизма». Отсюда вытекает необходимость изучения еврейских обычаев и традиций. Затем он воспевает набожность евреев:— «Невозможно не восхищаться скромностью и внутренней собранностью евреев, когда они по утрам собираются на молитву»—и их человеколюбие:

«Евреи достигли вершин не только в молитвах, но также и в человеколюбии: кажется, что в свете сострадания, которое они питают к бедным и несчастным, можно увидеть образы любви к ближнему, которую первые христиане испытывали к своим братьям. Затем это продолжалось в синагогах, так что евреи сберегли эти традиции, тогда как мы сегодня сохранили об этом только смутные воспоминания. . . »

Наш автор проявляет осведомленность во всех вопросах, вплоть до истории французских евреев: «Я мог бы рассказать здесь о наших французских евреях, которые когда-то превосходили своим богатством всех остальных евреев, вплоть до того, как их изгнали из Франции. . . Французские евреи достигли самых больших высот в деле изучения Талмуда. В то время Париж был как бы Афинами евреев, и они приходили туда отовсюду для учебы. . . »

Но таковы были предрассудки того времени, или таковы были евреи, с которыми ему пришлось столкнуться, но в дальнейшем Ришар Симон сменил тон. В 1684 году он писал одному

из своих друзей: «Я хочу сделать вам признание, что я не достаточно знал евреев, когда опубликовал на нашем языке маленькую книжку Леона из Модены с описанием их обычаев. В моем предисловии к этой книге я написал слишком хорошие слова об этом ничтожном народе. Мне пришлось это признать в дальнейшем, в результате моего общения с некоторыми из них. Они смертельно нас ненавидят. . . ».

Ришару Симону пришлось пережить и другие разочарования. Его концепции в области библейской критики, слишком смелые для своей эпохи, навлекли на него критические молнии Боссюэ. Он оказался вынужденным покинуть свою конгрегацию и до конца своих дней оставался объектом жесточайшей критики.

За исключением Симона в Великое столетие имелся лишь один серьезный автор, который проявил некоторую оригинальность в обсуждении еврейской проблемы. Разумеется, мы здесь имеем в виду Блеза Паскаля, которому «тайна евреев» не давала покоя точно так же, как и непостижимая тайна Бога. «Что касается

религий, то нужно быть искренним: настоящие язычники, настоящие иудеи, настоящие христиане. . . »,—можно прочесть в его «Мыслях». Далее, по поводу ложности других религий говорится: «У них нет свидетелей, тогда как у евреев они есть».

« Я верю только тем историям, свидетели которых готовы положить за них свою жизнь»,—продолжает Паскаль (знаменитая фраза находится именно в этом контексте). Далее он выражает свое восхищение «искренностью евреев»: «Честность для них превыше чести, и они готовы умереть за нее; этому нет ничего подобного в мире, даже корней этого нельзя найти». «Это поразительная вещь, достойная всяческого внимания,—восхищается Паскаль,—когда наблюдаешь, как еврейский народ смог выжить в течение стольких лет, при этом всегда оставаясь отверженным: еврейский народ необходим для доказательства Иисуса Христа, и он выживает, чтобы доказывать это, но он должен быть отверженным, потому что евреи распяли Иисуса; и хотя евреи не хотят мириться с тем, чтобы быть

отверженными и выживать, но тем не менее еврейский народ по-прежнему существует, вопреки своей отверженности. . . »

Легко заметить, какое впечатление производит на великого мыслителя необыкновенная и значительная роль, которую отводит евреям христианская эсхатология, и каким образом из их странного и тяжелого положения он пытается извлечь еще одно доказательство.

Затем наступил Век Просвещения с его призывом «раздавить гадину» (Знаменитый антицерковный призыв Вольтера (прим. ред.).

). Нет ничего более показательного для нашего сюжета, чем то смятение умов, которое охватило тогда умы философов. Одни из них (во главе с Монтескье) от имени справедливости и разума защищали дело традиционных жертв суеверий, другие (самым знаменитым среди них был Вольтер) во имя того же разума обрушивались на народ обманщиков, пришедший из Ханаана. Этот спор, являвшийся салонной игрой в XVIII веке, приобрел общественное значение в следующем столетии, и в наши дни он по-прежнему

далек от завершения. Но об этом речь пойдет в следующей книге.

Отвлеченный антисемитизм: Англия

Мы уже знаем, что евреи были изгнаны из Англии в 1290 году. Однако воспоминания о них сохранились, так что не составит труда предпринять разыскания, подобные тем, что мы сделали применительно к ситуации во Франции, и показать, как их призраки продолжали будоражить воображение в течение длительного времени после их изгнания. Могли ли попадать в Англию до наступления нового времени евреи из плоти и крови? Для обращенных существовал королевский фонд «*domus conversorum*» («жилище для обращенных»), созданный в 1234 году и постоянно привлекавший клиентов из Германии, Испании и даже из Марокко. Удалось также установить несколько случаев нелегального приезда в Лондон в XIV—XV веках некрещенных евреев. Эта проблема стала гораздо более острой после изгнания евреев из Испании в 1492 году, когда суда с многочисленными изгнанниками бороздили моря. Так, через шесть лет после этого события Генрих VII во время свадьбы его старшего сына с Екатериной Арагонской дал торжественный обет категорически не допускать в страну евреев.

Этот обет не слишком строго соблюдался его наследниками, так что в 1540 году в Лондоне существовала колония марранов, насчитывавшая тридцать семь домохозяйств. В 1542 году она была разоблачена и рассеяна. Отметим также, что по случаю своего исторического развода, который привел его к разрыву с Римом, Генрих VIII, не сумевший добиться согласия папы, попытался получить его от итальянских раввинов: речь шла о проблеме «левирата», и казалось, что Библия может помочь найти выход из этого положения (Генрих VIII хотел развестись с Екатериной Арагонской, которая первым браком была замужем за его старшим братом принцем Уэльским. Основываясь на библейском тексте (Левит, XVIII, 16), запрещающем открывать наготу жены брата, Генрих VIII попытался объявить свой брак недействительным. Но в данном случае действует другое положение (Второзаконие, XXV, 5), которое, напротив, предписывает женитьбу на вдове своего брата.), но большинство раввинов, мнение которых он запрашивал, оказались непреклонными. По крайней мере эта история могла способ-

ствовать развитию гебраистических исследований в Англии, где, как и в других местах, гуманисты увлекались священным языком. В результате несколько обращенных евреев, прибывших с континента, стали их преподавателями.

Таковы те редкие контакты, которые англичане XVI века имели с настоящими евреями. Они вряд ли могли изменить глубоко укоренившиеся взгляды. В ту же эпоху складывается современный английский язык, его слова приобретают свой окончательный облик и значение. Что касается слова «еврей», то вот какое определение содержится в Оксфордском словаре Маррея, аналоге французского Литтре:

«Еврей. . . 1) наиболее распространенное название для современных представителей этого народа, почти всегда подразумевающее их религию и другие черты, которые отличают их от народов, среди которых они живут, и поэтому противопоставленное христианам, а также (особенно в более ранние эпохи) имеющее более или менее уничижительное значение. (. . .) 2) В каче-

стве осуждения или оскорбления обычно обозначает жадных, алчных ростовщиков или коммерсантов, которые жестко ведут дела, ловко и искусно торгуются. . . »

Теперь заглянем в следующее столетие. Наступила эпоха, когда из обездоленного острова, который так же относился к Европе, как Ирландия относилась к ней самой, Англия превращается во владычицу морей. Каковы же были причины ее столь внезапного возвышения? Вот над чем еще долго должны размышлять историки. Но совершенно очевидно, что это превращение не могло не быть связано с теми особыми чертами, которые были характерны для английской Реформации. Прямо или косвенно в Англии возобладали кальвинизм, наложивший свой отпечаток на многочисленные распространившиеся там секты. Очевидно также, что вопреки учению Мартина Лютера, который, как это мы увидим, нападал на евреев с беспримерной яростью, доктрина чистой реформации характеризуется подчеркнутым расположением к евреям. Должно было сыграть свою роль и то, что кальвинизм, окончательно

порвавший с римской традицией, предполагает более активную и действенную мораль, чем лютеранство, а также в качестве властителей умов и образцов для подражания предпочитает персонажи Ветхого Завета. Кроме того, он предоставляет свободу действия сектам, которые храня буквальную верность библейскому учению, образуют сообщества равноправных людей и устраняют посредническую функцию священников.

Причины подобного положения вещей могут быть весьма сложны и многообразны, среди них можно даже привести и ту, что в странах распространения кальвинизма не было собственного еврейского населения. В любом случае, речь идет о практически универсальном явлении, сохраняющем свое значение и в наши дни.

Таким образом, с начала XVII века некоторые пуритане доходят до последних крайностей, принимая иудаизм и совершая обрезание; другие в своих речах и писаниях требуют возвращения евреев. Особенно хилиаристские секты, весьма многочисленные и активные, проявляли в этом отношении особый интерес, совершенно есте-

ственный, ибо обращение евреев являлось необходимым условием второго пришествия Христа, а чтобы приступить к обращению евреев, сначала было необходимо призвать их обратно. Когда под крики «Возвращайся в свои шатры, Израиль!» пуританская буржуазия свергает монархию и в 1649 году приводит к власти Кромвеля, вопрос об официальном призыве к возвращению евреев принимает конкретные формы, тем более, что к этому времени в Лондоне вновь сформировалась небольшая колония марранов, оказывающая правительству многочисленные финансовые и даже политические услуги.

Характерно, что в эту же эпоху в роялистских кругах начинают циркулировать, а затем повсеместно распространяются тревожные слухи о том, что Кромвель собирается продать евреям за восемьсот тысяч фунтов собор Святого Павла. И вообще не был ли сам этот «Мессия евреев» еврейского происхождения?

В это время на фоне переплетения мессианистических надежд, как христианских, так и еврейских, возникают концепции религиозной

терпимости, предвещающие наступление нового времени, эпоху политического и экономического расчета. Именно в этой обстановке образованный по-европейски амстердамский раввин Менаше бен Израэль предпринимает демарш перед Кромвелем. Стремясь обеспечить своему народу тихую гавань, этот эрудит отнюдь не упускал из вида эсхатологический аспект проблемы. Он отождествил американских краснокожих с десятью пропавшими коленами Израиля, так что для того, чтобы обеспечить конец света, необходимо сделать всеобъемлющим рассеяние евреев «от края земли до края земли» (Второзаконие, XXVIII, 64), т. е. заставить их заселить даже край земли. . . .

Итак, Менаше бен Израэль прибыл в Лондон в сентябре 1655 года. Кромвель принял его с большим почтением и на заседании своего Государственного Совета поставил эту проблему на обсуждение. Изучить ее было поручено специальной комиссии, составленной из священнослужителей и представителей города Лондона. Со своей стороны лорд-протектор проявлял макси-

мальное расположение, рассчитывая на помощь марранов, чтобы разгромить Испанию и отнять у нее ее колонии. Он находился в зените своей диктаторской власти, так что принятие благоприятного решения казалось обеспеченным, .

Но Кромвель не учел силу традиционных предрассудков, которые вкупе с противодействием нескольких крупных торговцев из Сити, нарушили его планы. С удвоенной силой начали циркулировать зловещие слухи. Крупный сеньор граф Монмут поспешил сообщить одной из своих возлюбленных, какие будут последствия: «рты евреев раскроются, но их глаза останутся закрытыми; я знаю, что у них будут синагоги в столице, и собор Святого Петра станет одной из них. Воля Господа должна исполниться, сердце мое, и мы должны подчиниться».

Что касается добропорядочных жителей Лондона, следующие строки могут дать представление об их настроениях: «... когда я проходил мимо постоянного двора Линкольнз, шесть или семь солдат-инвалидов попросили у меня милостыню. Я услышал, как один из них сказал другому: «Мы

теперь все должны стать евреями, а для бедных уже ничего не останется». Неподалеку другая компания бедняков восклицала громкими голосами : «Другие уже давно стали дьяволами, а теперь мы должны сделаться евреями». Эти предположения и предсказания произвели такое впечатление на мой бедный ум, что перед тем, как лечь отдохнуть сегодня вечером, я перечитал все разделы нашей английской истории о поведении евреев в Англии и их преступлениях в других странах, чтобы освежить свою память. . . »

Человек, написавший эти строки, Уильям Принн, возбудил общественное мнение против проекта возвращения евреев. Это был замечательный персонаж, своеобразный пуританский Савонарола! Его ученое и плодовитое перо оставило нам в наследство более двухсот книг и памфлетов: ведя аскетический монашеский образ жизни, он с неукротимой энергией обличал зло во всех его видах. Его основными навязчивыми идеями были «вавилонская блудница», т. е. Римская церковь, и в еще большей степени—орден иезуитов. Но он также выступал против слишком

коротких волос у женщин и слишком длинных волос у мужчин, а также против обычая произносить за столом тосты; в 1634 году он направил свои усилия против танцев и театра, этих изобретений дьявола, употребляя при этом столь резкие выражения, что против него было возбуждено дело о диффамации и оскорблении величества. В соответствии с приговором ему отрезали оба уха, а на щеках раскаленным железом были выжжены инициалы «s.l» (seditious libeller—клеветник и провокатор). На эшафоте он сочинил одну из самых язвительных эпиграмм против своих врагов.

Таким образом, увенчанный нимбом мученика, этот замечательный публицист приобрел неслыханную популярность. Когда он узнал о новой дьявольской угрозе, нависшей над его страной в 1655 году, угрозе, которая непосредственно касалась его и как христианина, и как англичанина («both as a Christian and English Freeman»), он не успокоился до тех пор, пока не сочинил новый злобный памфлет, озаглавленный «Краткая реплика по поводу давно запрещенного допуска евреев в Англию», который был подготовлен, на-

печатан и распространен за семь-восемь дней и имел огромный успех.

Тем временем слушания в специальном комитете, начавшиеся 4 декабря 1655 года, затягивались. С самого начала Кромвель столкнулся с непредвиденным сопротивлением. Представители духовенства опасались подрывного воздействия иудейских идей, коммерсанты Сити боялись их конкуренции и внушали всем, что допуск евреев нанесет смертельный удар английской торговле. Как сообщал нейтральный очевидец: «Большинство боялось, что если они придут, то многие будут соблазнены и обмануты ими, и это не принесет ничего хорошего. . . ». Напрасно доброжелательно настроенный пастор провозглашал прекрасную молитву за евреев Теодора де Беза. Общественное мнение, подстрекаемое Принном, становилось все более враждебным. Во время заседания, состоявшегося 18 декабря, которое было публичным и должно было стать последним, собралось огромное количество враждебно настроенных зрителей. Видя, что это дело имеет мало шансов на успех и к тому же не

придававший ему слишком большого значения, Кромвель внезапно прекратил дебаты, высмеяв противников проекта в блестящей иронической речи («Я никогда в жизни не слышал, чтобы кто-нибудь говорил так хорошо, как это удалось Кромвелю в тот раз»,—рассказывал сэр Пол Райкот. Кромвель начал свою речь с напоминания пасторам, что в Писании сказано о грядущем обращении евреев, для чего нет другого средства, кроме проповедей, так что следовало разрешить евреям поселяться там, где проповедуют подлинные Евангелия. Затем, повернувшись к торговцам, он согласился с ними в том, что евреи—это презренный народ: «самый подлый и презренный из всех народов»).

«Пусть будет так. Но в этом случае, чего стоят ваши страхи? Неужели вы на самом деле боитесь, что этот ничтожный и презираемый народ сможет одержать верх в области торговли и кредита над коммерсантами Англии, самыми благородными и самыми уважаемыми коммерсантами всего мира?»).

Следующее заседание не было назначено, на

этом все и закончилось. Евреи не получили официального разрешения на въезд.

Тем не менее, война памфлетов продолжалась еще долгое время. Принн переиздал свой памфлет, добавив в него новые истории, собранные в старинных хрониках, Его друг Клемент Уокер издал «Английскую анархию». Типограф Александр Росс опубликовал «Взгляд на еврейскую религию», бывший всего лишь иллюстрацией к аргументам Принна. В то же время в противоположном лагере р. Менаше подготовил знаменитое «Отмщение евреев», а его друзья-христиане прибегали к некоторым из аргументов, которые из поколения в поколение выдвигались в качестве новых концепций. Так, некий Томас Кольер утверждал, что распяв Иисуса, евреи всего лишь исполнили Божью волю и таким образом смогли породить христианство.

Все это было лишь минутной вспышкой. Существенным стало то, что уже тогда английская политическая мудрость нашла свое выражение в присутствии ей стили. Не получив официального разрешения на проезд, с этого времени евреи

стали легально терпимыми. Колония марранов в Лондоне смогла построить синагогу, а также сильно увеличиться в количественном отношении. В результате де-факто сложилось такое положение вещей, которое содержало в зародыше будущий расцвет англо-саксонского еврейства.

VI. ЭПОХА ГЕТТО

(ФОРСИРОВАННЫЙ АНТИСЕМИТИЗМ)

В конце XV века Германия была процветающей и динамичной. Ее железные рудники и запасы драгоценных металлов являлись богатейшими в Европе. Ее негоцианты и банкиры прочно утвердились в Антверпене, Англии и на Балтике и держали в своих руках торговлю в Северной Европе. После открытия Америки они стали контролировать рынок пряностей в Лиссабоне и поставляли вооружение для индийских флотов. Изобретение книгопечатания также способствовало этому расцвету: немецкие печатники распространяли новое искусство в Испании и Скандинавии, в Турции и Шотландии. Современники хорошо понимали все значение открытия Гутенберга. «Не существует другого подобного открытия или изобретения, которым мы, немцы, могли бы гордиться также сильно, как изобретением книгопечатания; это сделало нас распространителями христианского учения и всех наук, божественных и человеческих», — писал гуманист Яков Вимпхелинг.

В других областях немцы также в полный голос заявляли свое чувство национального пре-

восходства в решающую эпоху, когда складывались нации. Так, Феликс Фабри, житель города Ульма, писал: «Если кто-то хочет, чтобы был создан шедевр из бронзы, камня или дерева, то он обращается к немцу. Я видел, что у сарацинов немецкие ювелиры, золотых и серебряных дел мастера, резчики по камню и каретники делают чудесные вещи. Они превосходят итальянцев и греков. . . »

Мастерство немецких ремесленников и энергия коммерсантов увеличивали богатства страны и распространяли вкус к роскоши среди всех слоев населения, тем самым в свою очередь вызывая потребность в деньгах, как это обычно бывает в подобных случаях. Открытие Америки и дороги в Индию привело к появлению новых дополнительных возможностей для торговли. Это была эпоха крупных компаний, таких как Фуггер и Вельзер, Имхоф и Хохштаттер, монополизировавших производство товаров первой необходимости, ввязывавшихся в рискованные авантюры, то получавших миллионные прибыли и влиявших на результаты выборов нового императора,

то терпевших оглушительные банкротства.

Это служило причиной повышения цен на товары и искусственного дефицита. В результате население искренне презирало этих магнатов, которых часто называли нелестным именем «Christen-Juden» (христиане-евреи), поскольку в Германии, в большей степени, чем где бы то ни было, у слова «еврей» (Jude) использовалось второе значение—ростовщик, а Judens piess стало синонимом слова Wucher (ростовщичество). Раздражение низших социальных групп против верхов общества отныне направлено на тех, кто владеет деньгами, так что объектом одной и той же ненависти становятся «Christen-Juden» и «Juden», образующие обширное сообщество с неясными контурами, в котором собственно евреи являются для христиан обязательным ядром в эмоциональном отношении, хотя в плане реальных экономических структур они играют в эту эпоху крайне незначительную роль. Достаточно самого факта их присутствия, чтобы тотчас же возродилась традиционная ненависть, которая к тому же теперь часто приобре-

тает дополнительный оттенок, поскольку отныне немцы убеждены, что этот народ-богоубийца (=человеко-убийца) одновременно и чуждый народ. Из многочисленных текстов, вышедших из под пера священников и мирян, богословов и гуманистов, хорошо видно, как люди того времени смешивают воедино уже три различных мотива— религиозный, экономический и национальный.

Вот как объясняет в 1477 году обычный буржуа, Петер Шварц, преследования евреев:

«Время от времени евреи подвергаются жестоким гонениям. Но они не являются невинными жертвами, они страдают из-за своей злобы, поскольку они обманывают людей и разоряют деревни своим ростовщичеством и тайными убийствами, что всякому известно. Поэтому их так преследуют, а вовсе не без их вины. Не существует народа, более злого, более хитрого, более жадного, более бессовестного, более неумного, более злобного, более опасного, более лживого и более подлого».

Эрудит Йоханнес Рейхлин, к которому мы еще вернемся, рассматривает эту проблему в бо-

лее традиционном свете. Он приписывает наказание евреев скорее их ожесточению, чем конкретным преступлениям. «Каждый день они гневят, оскорбляют и порочат Бога в лице его Сына, подлинного Мессии Иисуса Христа. Они называют его грешником, колдуном, висельником. Святую Деву Марию они считают фурией и ведьмой. Апостолов и их учеников они называют еретиками. Что же касается нас, христиан, то они считают нас глупыми язычниками».

Другие гуманисты, не столь многословные, заимствовали у Тацита аргумент о «врагах рода человеческого»:

«Ни один народ никогда не ненавидел другие народы столь сильно, как еврейский народ, ни один народ, в свою очередь, не вызывал столь большого отвращения и не навлекал на себя по справедливости столь лютую ненависть...» (Бенатус Ренанус)

«Осужденные на вечное изгнание и рассеянные по всему миру [евреи] попирают и возмущают человеческое общество». (Конрад Цельтес)

Богословы, выступавшие против еврейского

ростовщичества, хотели заставить евреев работать. Их рассуждения носят социальный и патриотический характер:

«Можно легко понять малых и великих, ученых и простаков, князей и крестьян в том, что все они преисполнены враждебности к еврейским ростовщикам, и я поддерживаю все законные меры, принятые для того, чтобы оградить народ от этой эксплуатации. Разве чужой народ, обосновавшийся среди нас, должен господствовать над нами и при этом добиваться этого господства не благодаря более высоким достоинствам и доблести, но только благодаря презренным деньгам, которые они добывают повсюду и всеми способами и обладание которыми, видимо, рассматривается этим народом, как высшее благо? Разве должен этот народ безнаказанно жиреть за счет труда крестьянина и ремесленника?» (Яков Три-темиус)

«Разве евреи лучше, чем христиане, что они не хотят работать собственными руками? Разве не относятся к ним слова Господа: «В поте лица твоего будешь есть хлеб»? А они занимаются

ростовщицеством, чтобы не работать, а сдирать шкуру с других, в то время как сами наслаждаются бездельем». (Гейлер фон Кайзерберг).

Весьма немногочисленными были авторы, которые полагали, что «христиане-евреи» опасней для общества, чем собственно евреи. Так, Яков Вимпхелинг восклицал: «Ужасно то ростовщицество, которым занимаются евреи и многочисленные христиане, которые еще хуже, чем евреи!» А Себастьян Брант иронизировал в своем знаменитом «Корабле дураков»: «Конечно, евреи— это бич Божий, но они не могут оставаться среди нас, поскольку христиане-евреи прогнали их и сами занялись еврейскими делами. Я знаю много таких, но не назову их по имени, они занимаются незаконными, запрещенными делами, а закон и право молчат».

Лучше всех сформулировал общее мнение иностранный наблюдатель, француз Пьер де Фруассар: «Ненависть к евреям в Германии распространена столь широко, что самые мирные люди начинают возмущаться, когда заходит речь о евреях и их ростовщицестве. Я не удивлюсь,

если внезапно разразятся кровавые антиеврейские преследования одновременно во всех землях; их уже изгнали силой из многочисленных городов. . . »

Фруассар оказался плохим пророком, поскольку ожидаемые им синхронные преследования евреев так и не произошли. Тем не менее, в образованных кругах «еврейский вопрос» вышел на первый план в германских и даже европейских новостях во время знаменитого диспута о еврейских книгах, т. е. дела, которое в самом начале XVI века содержит в зародыше всю Реформацию. Здесь столкнулись новаторы, гуманисты, с набожными монахами, защитниками традиционной веры. Обе противоборствующие стороны с гордостью заявляли о своей антиеврейской позиции, но вопреки распространенному мнению пальма первенства принадлежала новаторам. Конфликт возник, когда в 1516 году один обращенный еврей по имени Иосиф Пфефферкорн (подобные ему всегда обнаруживаются в делах такого рода) потребовал в памфлете, озаглавленном «Зеркало евреев», запрещения Талмуда, как основной

причины еврейского ожесточения.

Пфэфферкорн

пользовался поддержкой кельнских доминиканцев, ведущую роль которых в охоте на ведьм и демономании мы видели. В том, что касалось проклятого народа евреев, программа этого миссионера и его покровителей ограничивалась тремя пунктами: запрещение ростовщичества, обязательное присутствие на христианских проповедях, запрещение еврейских книг. В категорических выражениях в «Зеркале евреев» выражался протест против обвинений в ритуальных убийствах и против кровавых преследований, жертвами которых были евреи. В то же самое время Пфэфферкорн добился приема у императора Максимилиана и получил от него мандат на то, чтобы приступить к повсеместной конфискации и уничтожению талмудической литературы. Он немедленно приступил к делу в городе Франкфурте. Местные евреи обратились с апелляцией к своему непосредственному сюзерену, архиепископу Майнца, и добились от него санкции на повторное рассмотрение вопроса о справедливо-

сти обвинения в богохульном характере Талмуда специальной комиссией знатоков. Один из них, знаменитый Йоханнес Рейхлин, первый и в течение какого-то времени единственный гебраист Германии, энергично взялся за защиту почитаемых писаний, утверждая даже, что при внимательном изучении в Талмуде и особенно в Каббале можно найти поразительное подтверждение христианства.

Последовал обмен яростными пасквилями между обоими лагерями: «Ручное зеркало», «Зеркало огня» и «Набат» Пфэфферкорна; «Зеркало глаз» Рейхлина и «Письма темных людей». В конце концов дело дошло до папы, долго колебавшегося, прежде чем вынести свое решение, которое в результате оказалось весьма уклончивым. Между тем все образованные люди, какие только имелись в Европе, заняли позиции за или против Рейхлина, получившего одобрение Эразма и всех гуманистов, осужденного многочисленными университетами и прежде всего университетом Парижа.

Именно так возникла великая всеобщая дис-

куссия о праве на свободу мнения и свободу исследования, которая продолжалась на протяжении десяти лет, предвещая в религиозном плане всевозможные реформы, а за пределами религии—новый научный дух. В этом смысле роль Рейхлина невозможно переоценить, тем более, что он практически выиграл дело. Но имелся по крайней мере один вопрос, по которому оба противоборствующих лагеря были согласны: и те, и другие были искренне настроены враждебно к евреям с тем только различием, что гуманисты, объявившие себя защитниками еврейских книг, тем яростнее нападали на еврея Пфэфферкорна и всех его соплеменников независимо от того, были ли они крещены или нет. В то же время доминиканские инквизиторы и их союзники, обрекая книги на сожжение, проявляли гораздо больше христианского милосердия к последователям этих книг.

Рейхлин первым начал выступать против «крещеного еврея Пфэфферкорна, который с легким сердцем занялся вероломной местью, соответствующей духовной сути его еврейских

предков». Мы уже видели ранее, какую антиеврейскую полемику он вел. Один из его ведущих сторонников, Ульрих фон Гуттен, основной автор «Писем темных людей», проявил еще большую непримиримость. Он особенно радовался тому, что Пффефферкорн не был немцем. «Германия не могла породить подобное чудовище: его родителями были евреи, и он остается им, даже если он и погрузил свою недостойную плоть в крещение Христово». Что же касается достопочтенного Эразма, то он едва ли был меньшим расистом (если употреблять нашу современную терминологию): «Пффефферкорн проявляет свою истинную еврейскую суть,—писал он своим друзьям.— Он проявил себя вполне достойным своего племени. Его предки обрушились на одного Христа, а он выступил против стольких замечательных и знаменитых людей. Он не мог оказать больших услуг своим соплеменникам, чем когда предал христиан, лицемерно притворившись обращенным в христианство...» «Этот полу-еврей нанес христианству больший ущерб, чем все евреи, вместе взятые».

Доминиканцы и их сторонники, все те, кого обычно объединяют общим именем «обскурантисты», с их верой в полное искупление через крещение в сравнении со всем этим кажутся наиболее милосердными. . .

Самыми редкими были в эту эпоху те авторы, которые открыто вставали на сторону евреев. В молодости Лютер был одним из них, с тем результатом, что на склоне своих дней он питал к ним еще более испепеляющую ненависть. Необходимо более подробно задержаться на фигуре этого великого реформатора, чтобы более четко обрисовать первую и самую важную створку inferнального триптиха: религия, деньги и раса.

Лютер

В 1542 году Мартин Лютер публикует свой знаменитый памфлет «Против евреев и их лжи». В нем он прежде всего дает совет никогда не вступать в дискуссию с евреем. Более того, если по каким-то причинам иначе поступить невозможно, то в спорах с ними надлежит прибегать к такому единственному аргументу: «Слушай, еврей, разве ты не знаешь, что Иерусалим и ваше царство, Храм и ваше духовенство были уничтожены более 1460 лет тому назад?... Дай евреям этот орешек, и пусть они пытаются его расколоть, пусть они спорят и кусаются, сколько им угодно. Ибо столь жестокий гнев Божий ясно показывает, что они совершенно определенно заблуждаются и идут дурным путем, даже ребенок поймет это...»

Затем на протяжении почти двухсот страниц (Том XXXII, страницы 100-274 Полного собрания трудов Мартина Лютера в издании Эрлангена, откуда взяты все приводимые ниже цитаты.) великий реформатор обрушивается на евреев на том мощном и энергичном языке, тайной которого он великолепно владел, с ураганным бешен-

ством страсти, затмевающей все диатрибы его предшественников и последователей, из которых никто так и не смог соперничать с ним вплоть до наших дней. Обвинения и сарказм в адрес евреев чередуются с порывами любви и веры в Иисуса Христа, но остается впечатление, что где-то в глубине можно почувствовать что-то вроде тревожного восхищения. Иногда Лютер обращает свой гнев на ростовщиков и паразитов, прибывших из-за границы. При этом можно проследить, как Лютер, выковывая немецкий язык, создает в то же время некий особый стиль аргументации и мышления: «На самом деле евреи, будучи чужестранцами, не должны ничем владеть, а то, чем они владеют, должно принадлежать нам, поскольку они не работают, а мы не приносим им даров. Тем не менее у них находятся наши деньги и наше добро, а они стали нашими хозяевами в нашей собственной стране и в их изгнании. Когда вор крадет десять гульденов, его отправляют на виселицу; но когда еврей крадет десять тонн золота благодаря своему ростовщичеству, он гордится этим больше, чем сам Господь. Они

гордятся этим, укрепляя свою веру и ненависть к нам, и говорят друг другу: «Удостоверьтесь, что Господь не покидает свой народ в рассеянии. Мы не работаем, предаемся безделью, приятно проводим время, а проклятые гои должны работать на нас, и нам достаются их деньги. В результате мы оказываемся их господами, а они нашими слугами!»

«Вплоть до этого дня мы так и не знаем, какой дьявол привел их в нашу страну; мы ведь отнюдь не ездили за ними в Иерусалим! Никто их не хочет; ворота для них открыты и путь свободен: они могут отправляться в свою страну, когда хотят; мы охотно дадим им подарки, чтобы от них избавиться, ибо они для нас тяжелая ноша, бедствие, чума и несчастье для нашей страны. Не случайно их часто изгоняли силой: из Франции, которую они называют Царфат и где у них было уютное гнездо; недавно их изгнали из Испании, которую они называли Сефарад и которую они любили больше всего, а в этом году они были изгнаны еще и из Богемии, где в Праге у них было еще одно любимое гнездышко. Наконец, при

моей жизни их изгнали из Регенсбурга, из Магдебурга и из многих других мест. . . »

Иногда он пользуется одним из тех воображаемых сравнений, тайной которых он владел: «Они не так хорошо жили в своих деревнях при Давиде и Соломоне, как в наших деревнях, где всякий день занимаются воровством и грабежом. Да, мы их держим в своей власти, так же как я держу в своей власти свои желчные камни, свою язву или любую другую болезнь, которую я подхватил и должен терпеть: я бы очень хотел видеть все эти несчастья в Иерусалиме вместе с евреями и всем, что с ними связано!

Поскольку несомненно, что мы их не считаем своими пленниками, то почему мы навлекли на себя такую вражду со стороны столь знатных и добродетельных персон? Мы не считаем их женщинами, как это делают они по отношению к матери Иисуса, мы не относимся к ним как к детям шлюх, так, как поступают они с нашим Господом Иисусом Христом.

Мы их не презираем, мы желаем им всех благ мира, как плотских, так и духовных. Мы даем им

прият, мы их кормим и поим вместе с собой, мы не похищаем и не убиваем их детей, мы не отравляем их источники, мы не жаждем их крови. Разве мы заслужили столь ярую ненависть?»

Затем он переходит к религиозному аспекту: защита и прославление Христа, единственное, что для него имеет серьезное значение:

«Знай, о обожаемый Христос, и не обманывайся по этому поводу, помимо дьявола у тебя нет более опасного, более едкого, более ожесточенного врага, чем настоящий еврей, который поистине стремится быть евреем.

Теперь тот, кто хочет принять у себя этих ядовитых змей, этих злобных врагов Господа и выказать им почтение, позволить себя грабить, насиловать, унижать и проклинать, тому достаточно лишь взять их на свою ответственность. Если же этого ему не достаточно, то он может пойти дальше, целовать их в зад и обожать эту святыню, а затем похваляться своим милосердием, своей поддержкой дьявола и его детей для того, чтобы богохульствовать против нашего обожаемого Господа и драгоценной крови, которой он нас ис-

купил. Тогда он станет совершенным христианином, преисполненным подвигами милосердия, за которые Христос вознаградит его в день Страшного суда вечным огнем в аду, где он будет жариться вместе с евреями...»

В качестве практических выводов Лютер предлагает целую серию антиеврейских мер: сжечь их синагоги, конфисковать их книги, запретить им молиться Богу в соответствии с их обычаями, заставить их трудиться собственными руками, а еще лучше, чтобы государи изгнали их из своих земель и чтобы власти и пасторы повсюду исполняли этот свой долг. Что же касается самого Лютера, то выполнив свой долг в этом отношении, он «получил прощение». («Ich habe das meine gethan: ich bin entschuldigt!»)

Несколько месяцев спустя, вышел в свет новый памфлет под названием «Шем Гамефораш» («Тетраграмматон»), в котором проклятия Лютера достигли совершенно необузданной силы. Здесь речь уже больше не идет о еврейском ростовщичестве и грабежах, в центре внимания находятся исключительно вводящие в заблуждение

доводы и колдовство евреев. Иными словами, это религиозный полемический трактат, но в каком тоне он выдержан! Уже в предисловии Лютер уточняет, что он пишет не для обращения евреев, но исключительно для вразумления немцев, «... чтобы мы, немцы, знали, что из себя представляют евреи... Ибо обратить еврея так же легко, как обратить дьявола. Поскольку евреи и их сердца тверды как дерево, как камень, как железо, как сам дьявол. Короче говоря, они дети дьявола, приговоренные к адскому пламени...» Затем он противопоставляет апокрифические евангелия евреев, вводящие в заблуждение и ложные, четырем каноническим евангелиям, подлинность которых очевидна. Он прерывает свое толкование Библии следующим комментарием:

«Возможно, найдется среди нас, христиан, какая-нибудь святая милосердная душа, которой покажется, что я слишком груб с этими несчастными и жалкими евреями, когда высмеиваю и унижаю их. О, Господь, я слишком мал, чтобы насмеяться над подобными дьяволами: я хотел бы сделать это, но они намного превосходят ме-

ня в искусстве насмешки, и у них есть свой Бог, известный как мастер насмешки, которого зовут дьявол и злой дух. . . »

В других местах автор предается непристойному шутовству:

«... Проклятый гой, коим я являюсь, не может понять, как они ухитряются быть такими ловкими. Единственное объяснение, которое приходит мне в голову, таково: когда повесился Иуда Искарот, его кишки лопнули и все их содержимое вывалилось наружу; может быть, тогда евреи послали своих слуг с серебряными блюдами и золотыми кувшинами, чтобы собрать экскременты Иуды. Затем они съели и выпили все это дерьмо и в результате приобрели такое острое зрение, что они стали видеть в Писании то, что там не находили ни Матфей, ни даже сам Исайя, не говоря уже о нас, жалких гоях. . . »

Иногда кажется, что слышен крик, который исходит из самых глубин его измученной души:

«Я не могу понять это иначе, чем предположив, что они превратили Бога в дьявола или, скорее, в слугу дьявола, творящего все то зло, ко-

того хочет дьявол, развращая несчастные души и буйствуя против самого себя! Короче говоря, евреи, взятые вместе, хуже, чем дьяволы, взятые вместе. О Боже, мой возлюбленный Отец и Создатель, прояви ко мне милосердие, когда я вопреки своему желанию вынужден употреблять столь позорные слова о Твоем божественном и вечном Величии, против Твоих проклятых врагов, дьяволов и евреев. Ты знаешь, что я делаю это исключительно из-за рвения моей веры и ради чести Твоего Величия; ведь для меня это дело всего моего сердца и всей моей жизни...»

Таковы были пропасти, в которые позволял себе опускаться Лютер. У него скотология, возмущавшая даже его ближайших соратников (Это хорошо видно из переписки между Буллингером и Мартином Бутцером: «Если бы знаменитый герой Капнион (Рейхлин) воскрес, он сказал бы, что дух (инквизиторов) Тюнгерна, Хохшратена и Пфэфферкорна воплотился в Лютере». Это писал первый из упомянутых корреспондентов. Даже верный Меланхтон в письме к проповеднику Осиандеру допускал его неодобрение в буду-

цем. Что же касается швейцарских протестантов, они весьма жестко заявили, что «даже если бы памфлет «Шем Гамефораш» был написан пастором свиней, а не знаменитым пастором душ, его невозможно было бы оправдать»). соседствовала с подлинным религиозным страхом. Он заключает этот свой труд, провозглашая:

«Здесь я останавливаюсь, я больше не хочу иметь никаких дел с евреями и писать о них или против них. С них достаточно. Если среди них есть кто-то, кто хочет обратиться, пусть Бог дарует ему свое милосердие. . . ».

Пустое обещание! Многочисленные письма свидетельствуют о его усилиях изгнать евреев или отнять у них их привилегии. Ему удалось это в Саксонии, Бранденбурге и Силезии. «Поистине, он сделал нашу жизнь крайне опасной!» — заметил в эту эпоху Йосель из Росгейма в своих мемуарах. И даже его последняя проповедь в Эйслебене, его родном городе, за четыре дня до смерти (18 февраля 1546 года) целиком посвящена ожесточению евреев, которых необходимо срочно изгнать изо всех немецких земель. . .

Было бы легко комментировать эти крайности в свете того, что известно о Лютере в старости, о его разочаровании и внутренней борьбе, о его видениях, когда ему везде мерещился дьявол, и о его навязчивой идее о конце света. Подобные сопоставления, которыми мы уже многократно занимались в связи с другими пророками, нигде не являются более уместными, чем в этом случае. В связи с его словесной неводержанностью возникают также и соображения из области психопатологии, которые отнюдь не являются совершенно неуместными. Реформатор был человеком, склонным к богохульным речам, у которого однажды вырвалась фраза, что «в некоторые моменты и в результате некоторых соблазнов он уже не понимал, где Бог и где дьявол, и что он даже доходил до того, что спрашивал себя, не является ли дьявол Богом!» Он также был человеком, иногда считавшим Бога бесконечно глупым (*sultissimus*), а христианскую религию самой странной из всех. Однажды он заявил, что по всей вероятности Христос должен был совершить прелюбодеяние, а в другой раз провоз-

гласил отмену Десяти Заповедей. Можно объяснять это психической неуравновешенностью гения и искать у него удивительные фрейдистские предвосхищения. Известно также, что да адресу пап, самых главных своих врагов, он употреблял гораздо более грубые и неприличные выражения, чем все, что он говорил о евреях. Все это так, и подобные резкие выходки, подобные искушения, подобные взрывы агрессивности, как мы уже видели, естественным образом сочетаются с ненавистью к избранному народу. Но этот наш герой слишком разнообразен, слишком сложен, и он оставил слишком глубокий след в истории своей страны и всей нашей цивилизации, чтобы мы могли ограничиться в этом случае подобной слишком упрощенной интерпретацией только в одном измерении, ограниченном планом индивидуальной психологии.

Прежде всего, как мы уже говорили, Лютер не всегда был врагом евреев. В разгар своей деятельности, в ту героическую эпоху, когда восставший монах, увлекаемый и оправдываемый своей верой, вызывающе вел себя с папой и импера-

тором и на какое-то время достиг головокружительных высот абсолютной свободы, он испытывал по отношению к евреям совсем другие чувства, о чем уже упоминалось выше. Похоже, что в течение некоторого времени он надеялся привлечь на свою сторону и обратить библейский народ. Эта надежда побудила его опубликовать в 1523 году памфлет под показательным названием «Иисус Христос родился евреем» («Das Jesus Christus ein geborener Jude sei»). Речь идет о миссионерском послании, предназначенном для того, чтобы доказать евреям, что Христос был действительно настоящим Мессией, с помощью толкования различных стихов из разных библейских книг от Бытия до Даниила. Для большей убедительности привлекались объяснения смысла рассеяния и рабства евреев. Автор жалеет евреев и осуждает их врагов; «Наши дураки, паписты и епископы, софисты и монахи обращались с евреями таким образом, что любой добрый христианин должен был бы захотеть стать евреем. Если бы я был евреем, я бы предпочел стать свиньей, чем христианином, видя как эти простофили, эти

навьюченные ослы применяют и распространяют христианскую веру. Они обращались с евреями так, как будто они были собаками, а не людьми; они только преследовали их. Евреи—это кровные родственники, братья и двоюродные братья Господа нашего: если можно хвалиться своей кровью и плотью, то они в гораздо большей степени принадлежат Иисусу Христу, чем мы. Итак, я прошу моих дорогих папистов относиться ко мне как к еврею, когда им надоеет относиться ко мне как к еретику. . .

Поэтому я советую быть с ними предупредительными: пока мы прибегаем ко лжи и насилию по отношению к ним и обвиняем их в использовании христианской крови, чтобы перебить свой дурной запах, и не знаю, в каком еще вздоре, не даем им возможности жить и работать среди нас в нашем сообществе, вынуждаем их заниматься ростовщичеством,—как же они смогут прийти к нам? Если мы хотим им помочь, то мы должны относиться к ним по правилам христианской любви, а не по папистскому закону. Мы должны по-дружески их принимать, позволить им жить

и работать вместе с нами, и тогда они сердцем будут с нами...»

Попытаемся понять это абсолютное перерождение Лютера между 1523 и 1543 годами. Прежде всего необходимо отметить, что его пропаганда не имела у евреев большого успеха: хотя у него было несколько диспутов с ними (Следует особо выделить решающие дни во время сейма в Вормсе, когда два еврея нанесли ему визит. Похоже, что надежды, которые породил в нем этот визит, и побудили Лютера написать памфлет «Иисус родился евреем»), мало было тех, кто «пришел к нему» и принял крещение, к тому же, по всей видимости, большинство их в дальнейшем отреклось. В 1532 году он однажды пошутил: «Если я найду еврея, желающего креститься, я отведу его на мост через Эльбу, повешу ему на шею камень и столкну в воду, одновременно крестя его во имя Авраама! Эти каналы смеются над нами и над нашей религией!»

А когда пять лет спустя неутомимый Йосель из Росгейма попробовал добиться его вмешательства по поводу изгнания евреев из Саксонии,

Лютер отказался его принять и написал ему в письме о своем разочаровании. По существу дела он сообщил, что его сердце по-прежнему преисполнено добрыми чувствами к евреям, но доброта должна способствовать их обращению, а не ожесточать в их заблуждениях. Через некоторое время Лютер получил тревожные вести из Богемии. По наущению евреев сторонники Реформы обращались там в иудаизм, праздновали субботу, а некоторые даже сделали себе обрезание. Похоже, что эти новости сильно его взволновали: с этого времени в своих беседах он все чаще возвращается к евреям. «Надеюсь, что я никогда не окажусь настолько глуп, чтобы сделать себе обрезание,—воскликнул он однажды,—Уж лучше отрезать левую грудь моей Катарине и всем женщинам!»

Он составляет послание «Письмо доктора Мартина Лютера против саббатианцев», где он полемизирует с еврейским законом. 31 декабря 1539 года он объявляет своим друзьям: «Я не могу обратить евреев, нашему Господу Иисусу Христу это не удалось. Но я могу заткнуть им

рот, так что им не останется ничего другого, как пребывать распростертыми на земле». Как мы уже видели, тремя годами позже он начал приводить свой план в исполнение.

Таковы были последовательные этапы полного поворота в его мнении. Разумеется, евреи сильно обманули ожидания Лютера. Но было здесь и другое—за эти годы он сам сильно изменился.

Между 1521 и 1543 годами пролегла та пропасть, которая отделяет мечту от реальности. За это время произошла война рыцарей, были кровавые крестьянские восстания, возникали бесчисленные секты и ереси, которые подавлялись огнем и мечом с его открытого одобрения. Собственный успех заставил его оценить меру человеческого несовершенства и его личной политической ответственности. Вынужденный сделать выбор, он предпочел сильных мира сего, властителей, поскольку от них зависело будущее Реформы. Так оказалось запятнанным его учение: вся кровь, пролитая его именем, все совершенные преступления, он оказался вынужденным при-

нять их, хотел он этого или нет. («Ты не признаешь крестьян, но они тебя признают!»—написал ему Эразм.)

Вследствие всего этого, происходит эволюция некоторых его взглядов: внутренней свободе он противопоставляет непоколебимый порядок вещей, установленный в мире Богом. Долг послушания выходит на первый план, христианин должен быть покорным и преданным подданным. Таким образом, в результате неизбежного диалектического оборота учение об абсолютной свободе приводит ко всеобщему порабощению. Архангел бунта превращается в озлобленного и деспотичного буржуа, отлученного от церкви, изгнанного из Империи и запертого на маленькой территории, правитель которой взял его под защиту. . .

В этих условиях можно прийти к выводу, что неудача, постигшая его среди евреев, воспринималась Лютером так мучительно, что отказ от него народа Господа стал как бы символом бесчисленных неудач и разочарований, омрачавших последние годы его жизни, которые он приписывал непосредственному вмешательству дьявола—

и евреев. Не считал ли он их виновными (даже если это и говорилось в шутку) в своей простуде, которая унесла его жизнь за три недели в 1546 году. Дьявол мог мучить его лишь в мыслях. Евреи были живыми козлами отпущения, вполне в пределах его досягаемости.

Добавим, что принятая Лютером точка зрения на «еврейский вопрос» имела гигантские последствия. Причем здесь меньшую роль сыграло прямое воздействие его свирепых писаний, которые при его жизни получили лишь ограниченное распространение, а в дальнейшем, вплоть до прихода гитлеризма, практически оставались под спудом. Более существенными оказались последствия некоторой логики внутреннего развития немецкого лютеранства. В той разновидности полифонической страсти, которую представляет собой антисемитизм, религиозный мотив, оправдание верой влекут за собой отказ от произведений, содержание которых безусловно еврейское. Лютер называл это «*judischer Glaube*n» («еврейская вера»), и мы уже видели, что для него «врагом Христа» является «еврей, искренне стараю-

щийся быть евреем». С другой стороны, социальный мотив безусловного подчинения властям сочетался с идеей национального пророчества. Реформатор многократно подчеркивал, что он адресуется свое учение исключительно немцам, тем самым подготавливая ту почву, на которой через четыре века смогла появиться ересь гитлеризма. Во всем этом страстная душа Лютера уловила глухие чаяния его народа и дала начало процессу их кристаллизации и осознания.

Главным было то, что «еврейская проблема оставалась для Лютера обратной стороной проблемы Иисуса»,—как это недавно напомнил один из его немецких комментаторов. Сомнительное противопоставление, которое для умов, не обученных тонким диалектическим различиям и привыкших разделять моральные проблемы по принципу «черное и белое», неизбежно оказывается в одном ряду с оппозициями «добра и зла», «Бога и дьявола», последствия чего мы уже подробно разбирали. Как это уже сказал Эразм: «Если быть добрым христианином означает ненавидеть евреев, то тогда все мы добрые

христиане». Возможно, настоящий христианин, который любит Господа так сильно, как это умел делать Мартин Лютер, неизбежно приходит к тому, что ненавидит евреев всей душой и сражается с ними изо всех сил?

К этому нужно еще добавить характеристику той эпохи, с ее нравами и обычаями, фактической ролью евреев и общепринятыми идеями на их счет. Мы видели, как обстояли дела в этом плане до Лютера, посмотрим теперь, как менялась эта ситуация после него.

Германия после Лютера

О немецких евреях XVI века рассказывать весьма нелегко. Загнанные и несчастные, они вели незаметную жизнь в ту самую эпоху, когда их испанские и португальские единоверцы, временно надевшие на себя христианские маски, мощно утвердились на финансовых рынках Нидерландов и Италии и стали пионерами трансатлантической и левантийской торговли. (Похоже, что распад гетто всегда совпадает с фазой финансового преобладания евреев: мы к этому вопросу еще вернемся).

Непреодолимая преграда отделяла в эту эпоху немецких евреев от этих процветающих марранов, к тому же они искренне и откровенно не считали этих последних евреями. «Это страна, где нет евреев», — лаконично замечает знаменитый Йосель из Росгейма во время своего пребывания в Антверпене в 1531 году, в то время как с начала XVI века там утвердилась богатая колония марранов.

Характерно, что этот Йосель из Росгейма, о котором мы уже говорили, является единственным сколько-нибудь известным немецким евре-

ем, чье имя дошло до нас. При этом он не был ни ученым раввином, ни ловким финансистом. Это был неутомимый ходатай, посредник (на иврите штадлан), отстаивавший жалкие права своих единоверцев и придумавший новую тактику взаимоотношений с властями. Он начал свою карьеру довольно рано: едва достигнув возраста двадцати пяти лет, он уже стал выразителем интересов еврейских общин Эльзаса, а начиная с 1520 года, мы застаем его выступающим перед властями от имени всей совокупности еврейских общин Германии. Вскоре после этого Карл V дарует ему титул «начальника и регента всех еврейских общин Империи». Он виртуозно владел двумя основными аргументами, к которым с тех пор всегда прибегали его последователи: защитительные речи морального и богословского характера и умело раздаваемые дары. Этот последний прием позволил ему избежать худшего во время крестьянских войн, когда во многих случаях как восставшие, так и регулярные войска собирались избивать евреев. Что касается первого приема, то особенно большую роль он сыграл во время сейма в Аугс-

бурге, в ходе диспута с ренегатом Антоном Маргаритой, когда ему удалось добиться отмены проекта изгнания евреев Венгрии и Богемии. Он собрал ассамблею раввинов, на которой был утвержден регламент из десяти пунктов о принципах еврейской коммерческой морали. Его аргументация отличалась здравым смыслом и убедительностью: «Я заставлю всех соблюдать этот регламент по существу, если власти сделают то, что необходимо, чтобы мы могли спокойно жить, положат конец изгнаниям, дадут нам возможность переезжать с места на место и прекратят практику обвинений в убийствах и пролитии крови. Ибо мы тоже человеческие существа, созданные всемогущим Богом, чтобы жить на земле рядом с вами».

Йосель из Росгейма продолжал свою деятельность на протяжении почти пятидесяти лет, выступая в качестве посредника как перед протестантами, так и перед католиками. Карл V вплоть до самой своей смерти оказывал ему свое покровительство, но как мы уже видели, с Лютером его ждал полный провал. Этот замечательный

человек был своего рода первооткрывателем, и его способы обращения с властями будут широко использоваться в последующие столетия. К тому же, если присмотреться более внимательно, то можно заметить кое что в этом роде и в наши дни.

С другой стороны, вплоть до конца XVIII века еврейские общины как бы застыли в своем традиционном образе жизни, тогда как окружающий мир претерпевал все более глубокие изменения. Мы уже описывали этот образ жизни, эти специфические нравы в одной из предыдущих глав. Поэтому мы не будем возвращаться здесь к этой теме. Необходимо только подчеркнуть своеобразный дух анахронизма, царивший в этих общинах, этих полузакрытых объединениях, которым удавалось среди всеобщих перемен сохранять в неприкосновенности нравы и обычаи средневековой цивилизации гораздо лучше, чем церковным учреждениям и цеховым корпорациям, борющимся за сохранение своих устаревших привилегий. Древние порядки оказались столь устойчивыми также и потому, что в новых

условиях возник некий минимум стабильности: изгнания, резкие перемены становились все более редкими; их было достаточно как раз для того, чтобы время от времени напоминать евреям об их специфическом положении заложников христианского мира.

Однако время медленно делало свое дело. Постепенно огромный запас предприимчивости и стойкости, накопленный евреями на протяжении предыдущих столетий, начинает приносить свои плоды для некоторых из них. Новые возможности объясняются различными факторами. Сюда относятся и исчезновение знатных династий крупных коммерсантов, особенно в результате упадка, вызванного Тридцатилетней войной, и новая социальная дифференциация, последствием которой стало и социальное расслоение внутри еврейских общин, и, разумеется, новая ментальность эпохи абсолютизма, когда государь, стоящий во главе страны, отныне более не зависит от традиционных структур и элиты, а, напротив, вступает с ними в открытую борьбу. Алчущие власти и денег, бесчисленные немецкие князья быстро

убеждаются, что евреи являются их идеальными помощниками: они услужливы и покорны, у них есть разнообразные международные контакты, они совершенно свободны от всяких связей с христианским обществом и не обременены многочисленными предрассудками. В результате на исторической сцене появляется новый персонаж, который оставляет весьма заметный след во всей германской истории этой эпохи, а именно придворный еврей (Hofjude).

При каждом королевском или княжеском дворе был свой придворный еврей—новый Мидас, имеющий репутацию превращать в золото все, к чему он прикасается, в эпоху, когда золото становится полновластным владыкой, поскольку оно обеспечивает безусловное и неограниченное могущество... Можно привести некоторые весьма значимые контрасты. В 1670 году император Леопольд безжалостно изгнал венских евреев. Цеховые корпорации давно добивались этого изгнания. Делу помог выкидыш у императрицы, в котором непременно нужно было найти виновных. Он и стал предлогом для высылки. Всего че-

рез три года этому типичному эпизоду прошлых времен оказалось возможным противопоставить признак нового времени—в 1673 году тот же самый император приглашает еврея из Гейдельберга Самуэля Оппенгеймера и назначает его поставщиком армии. В течение тридцати лет он будет чрезвычайно успешно выполнять эти обязанности, особенно во время осады турками Вены в 1683 году, а также в ходе бесконечных войн с Францией. Макс Баденский писал, что без него австрийская армия не смогла бы существовать, а принц Евгений отказывался обходиться без его услуг. Чтобы оценить весь размах его деятельности, достаточно процитировать отрывок из письма, которое Оппенгеймер уже на склоне своих лет написал одному видному придворному:

«В течение всего времени, что я прожил в Вене, я почти каждый год обеспечивал всем необходимым две армии, воевавшие с французами и тюрками, включая продукты питания, муку, овес, лошадей и деньги для рекрутов, а также боеприпасы, порох, свинец, оружие, артиллерию, фургоны для припасов, лошадей и быков, и при

этом никогда не было никаких потерь. . . »

За бряцанием оружия и тонкими дипломатическими интригами повсюду в эту эпоху можно обнаружить придворного еврея. Так, придворный еврей Лефман Беренс добывает и доставляет в винных бочках субсидию, которую Людовик XIV предоставляет герцогу Ганноверскому; придворный еврей Беренд Леманн обеспечивает избрание своего государя, Августа Саксонского, королем Польши с помощью умело организованного подкупа. Самый знаменитый среди них придворный еврей Зюсс Оппенгеймер, известный как «еврей Зюсс», будучи фаворитом герцога Карла-Александра, осуществляет реорганизацию административной и финансовой системы герцогства Вюртембергского и становится самым могущественным человеком страны прежде чем закончить свои дни на виселице. . .

Не имело большого значения был ли двор протестантским или католическим, а государь святошей или распутником. Можно было встретить еврейских агентов, уполномоченных, посредников при дворах, в которых решающая роль

принадлежала иезуитам, а также на службе у епископов и кардиналов. Их функции чрезвычайно обширны и разнообразны. Они управляют финансами, осуществляют военные поставки, чеканят монету, обеспечивают двор тканями и драгоценными камнями, организуют новое производство, изготавливают текстильные и кожаные изделия, берут на откуп табак или соль и т. д. Иногда они поддерживают искренние дружеские отношения со своими комитентами и хозяевами. Эти контакты облегчались тем, что еврей был исключен из общества, а государь, находящийся на недосягаемой высоте, со своей стороны был также чуждым для общества; в результате им было проще понимать друг друга, поскольку обе стороны вели маргинальное существование. Крупные сеньоры, знаменитые военачальники и даже лица королевской крови едят за еврейским столом, спят в их домах, когда они находятся в пути, принимают их в своих дворцах, присутствуют на их свадьбах. Ниже приводится живое описание свадьбы придворных евреев, которое мы цитируем по мемуарам Глюкель из Гамельна, содержащих

бесценную информацию о жизни евреев в Германии конца XVII века:

«Нас было больше двадцати человек, отправившихся в Клеве, и мы были приняты с почетом. Мы оказались в доме, который скорее был похож на королевский дворец, и в котором была замечательная мебель. К свадьбе были сделаны огромные приготовления. В это время принц (будущий король Пруссии Фридрих I) находился в Клеве. . . Князь Моррис Нассауский и другие крупные сеньоры и знатные люди также находились здесь. Все они дали понять, что хотели бы присутствовать на свадьбе. Тогда Элия Клеве, отец жениха, сделал все необходимое для присутствия столь высоких гостей. В день свадьбы после брачного благословения были поданы замечательные сладости и лучшие иностранные вина. Можно представить, какая воцарилась суэта и сколько усилий прилагали Элия Клеве и его домочадцы, изо всех сил стараясь угодить этим благородным гостям. Поэтому у них даже не было времени, чтобы сложить и пересчитать приданое, как этого требует обычай. Когда новобрачные расположились под

балдахином, оказалось, что в суматохе забыли составить брачный контракт («кетуба»). Что же было делать? Все знатные гости и юный принц уже прибыли и хотели все видеть. Тогда раввин сказал, что жених должен представить поручителя и обязаться составить контракт сразу после свадьбы. И он зачитал кетубу по какой-то книге. После брачного благословения знатные гости были проведены в парадный зал, украшенный позолоченной бронзой. Там находился огромный стол, накрытый посудой тончайшей работы. Гостей рассадили в соответствии с их знатностью. В это время моему сыну Мордехаю было пять лет. Это был самый прекрасный ребенок в мире, и мы его очень тщательно и хорошо одели. Знатные гости буквально пожирали его глазами, а принц все время держал за руку. После того, как знатные гости отведали сладостей и фруктов и выпили вина, стол унесли. Тогда вошли люди в маскарадных костюмах, элегантно представились и сыграли несколько фарсов для развлечения присутствующих. Затем ряженые исполнили пляску смерти, что было очень редким зрели-

щем. . . »

Разумеется, дружба такого рода продолжается только до тех пор, пока в этом еврее есть необходимость, и пока он богат. Иными словами, он всегда зависит от случайностей судьбы или от чьего-то каприза, а его благополучие остается весьма неустойчивым. Ни одному из них не удалось передать свое положение потомкам. Напротив, многие из них окончили свои дни в тюрьме. Сыновья Беренда Леманна были изгнаны из Саксонии, внуки Лефмана Беренса долгие годы провели в долговой тюрьме. А суд над «евреем Зюссом», радость, которую его падение вызвало по всей Германии, его предсмертное возвращение к еврейским ценностям и трагический конец стали символом судьбы придворных евреев. Возможно, приводимая ниже острота, приписываемая Фридриху-Вильгельму, королю-солдату, хорошо отражает их положение и отношение к ним окружающих. Находясь проездом в одном прусском городе, он получил просьбу об аудиенции от делегации евреев. «Никогда я не приму этих мерзавцев, распявших нашего Господа!»,—

воскликнул он. Тогда один из камергеров шепнул ему на ухо, что эти евреи принесли с собой ценный подарок. Тогда он передумал: «Ладно, впусти их. В конце концов, этих евреев там не было, когда они его распинали». Истинная или вымышленная, эта маленькая история очень точно отражает смешанные чувства, которые возбуждали евреи в эпоху барокко. . .

Внешне придворные евреи одевались в соответствии с модой своего времени, носили короткие одежды ярких цветов и напудренные парики. Они строили себе роскошные дома, иногда даже небольшие замки. Вольф Вертхеймер, банкир баварского двора устраивал у себя охоты, в которых не брезговали принимать участие крупные сеньоры, посол Великобритании и принц Евгений. А Зюсс Оппенгеймер даже имел титулованную любовницу. Но несмотря на все это, они еще не были «эмансипированными» евреями и чаще всего оставались прочно привязанными к своей иудейской ортодоксии. Будучи защитниками своих менее удачливых единоверцев, они старались по мере своих возможностей добиваться

отмены ограничений на место жительства, пытались предотвратить проекты высылки. По примеру Йоселя из Росхейма все они были посредниками («штадланшл»). В этом качестве они играли первостепенную роль внутри еврейских общин, полновластно управляли ими, даже заключали в тюрьмы чересчур смелых противников. В этих новых условиях социальное неравенство, которое всегда господствовало в общинах диаспоры, становилось еще более ощутимым.

Так, на вершине социальной лестницы придворные евреи составляют особую касту, а в самом низу еврейский сброд образует собственные сообщества и вносит свой вклад в мир немецкого дна.

Появление в эту эпоху многочисленных еврейских разбойников также заслуживает упоминания. Придворные евреи и еврей-бандиты имеют между собой то общее, что и те, и другие по своему пытаются преодолеть свой статус неприкасаемых и не считаются с угнетающим их обществом. Одни используют для этого комбинационные способности своего интеллекта, другие дей-

ствуют более прямым и грубым способом. Этот еврейский бандитизм представляет собой крайне любопытный и очень показательный феномен, первые признаки которого появляются в самом начале XVI века. Ничего подобного нельзя обнаружить во всей тысячелетней истории диаспоры! Начало этого явления покрыто мраком. Известно только, что уже во времена Лютера в немецком воровском арго имелось множество гебраизмов (Самый ранний немецкий труд, посвященный проблемам бандитизма и нищенства «*Liber vagatorum...*», опубликованный в 1499 году, уже содержит небольшой словарь воровского жаргона (Rotwelsch). Многие слова в нем из иврита. В своем предисловии к переизданию этой книги во Франкфурте в 1520 году Мартин Лютер писал: «Я считаю полезным, чтобы эта небольшая книжка стала широко известной, чтобы все увидели и поняли, каким образом дьявол правит миром, чтобы люди стали мудрее и остерегались дьявольских козней. Правильно говорится, что воровской язык происходит от евреев, поскольку в нем много еврейских слов, как это заметят

все те, кто знает иврит... »).

В последующие столетия отмечается существование организованных банд, одни из которых были чисто еврейскими, а другие смешанными, иудео-христианскими. По их поводу полицейские офицеры оставили интересные наблюдения. Они сообщают, что еврейские бандиты являются хорошими мужьями и отцами семейств, ведут размеренную жизнь, более того, они отличаются исключительной набожностью и никогда не занимаются воровством по субботам и в праздничные дни... Хотя в немецком преступном мире они составляют лишь незначительное меньшинство, они задают в нем тон. Они ввели в употребление свой особый язык, блатной жаргон (Gaunersprache или Rotwelsch), представлявший собой причудливую переделку иврита. К тому же, как это часто бывает с различными арго, многочисленные слова попадают отсюда в обычную речь и теперь составляют часть немецкого языкового наследия. Похоже, что еврейские обычаи и религия были весьма привлекательными для многих немецких молодых лю-

дей дурного нрава. Заключение христиане в одной из тюрем Берлина потребовали разрешения присутствовать на еврейских богослужениях. Самый знаменитый главарь банды XVII века по имени Домиан Гессель, бывший семинарист, находясь на эшафоте, попросил, чтобы при казни присутствовал раввин. По сути дела в этом нет ничего удивительного. Нарушая закон, бандит-христианин противопоставлял себя обществу, его моральным и религиозным ценностям; что же касается иудаизма, то он противопоставлен этому обществу самим фактом своего существования...

Но точно так же, как и придворные евреи, еврейские разбойники были исключительным феноменом. Вплоть до эпохи эмансипации подавляющее большинство немецких евреев продолжало жить в соответствии с древними порядками, сохраняя в XVIII веке нравы, сложившиеся в эпоху средневековья. Из поколения в поколение тысячелетняя надежда помогала им переносить все унижения и несчастья; из года в год они ожидали прихода мессии. Это ожидание было столь

напряженным, что когда во второй половине XVII века в Турции объявился ложный мессия Саббатай Цеви, он был не только горячо принят раввинами, но значительное количество его сторонников, ремесленников, бродячих торговцев и ростовщиков забросили свои дела и стали срочно распродавать имущество, чтобы отплыть в Константинополь. . . В уже упоминавшихся мемуарах Глюкель из Гамельна имеется живое описание этой истории. Этот наивный и колоритный рассказ простодушной женщины вводит нас в интимный мир еврейского домашнего очага и позволяет понять, причем гораздо лучше, чем это можно сделать с помощью понятия «сублимации» или иных абстрактных терминов и рассуждений, каким образом вопреки всем несчастьям евреям удалось сохранить необыкновенно сильную веру и этику, вынести удары судьбы и унижения, никогда не теряя веры в Божественную доброту и справедливость (Мемуары Глюкель из Гамельна были обнаружены в семейном архиве в конце XIX века. Вот как описывает Глюкель мессианистическую экзальтацию, охватившую Гамбург в 1666

гаду:

«Невозможно описать ту радость, которая охватила всех, когда были получены письма с новостями о Саббатае Цеви. Больше всего этих писем получили португальцы. Они принесли эти письма в свою синагогу и читали их вслух. Немцы, старые и молодые, также отправились в португальскую синагогу. Португальцы надели свои лучшие одежды, а сверху широкий пояс из зеленого шелка—символ Саббатая Цеви. «С песнями и танцами» они направлялись в свою синагогу и читали там эти послания. Некоторые из них продали все свое имущество, поскольку каждый день они надеялись на избавление. Мой покойный тесть покинул Гамельн, оставив дом и все имущество, и обосновался в Хильдесгейме. Оттуда он послал нам в Гамбург две большие бочки, наполненные одеждой и различными припасами, горохом, фасолью, сушеным мясом, черносливом и всем остальным, что можно долго хранить. Этот достойный человек полагал, что из Гамбурга мы отправимся прямо в Святую Землю. Эти бочки оставались в моем доме больше года.

В конце концов родители моей жены решили, что мясо и другие продукты могут испортиться. Тогда они нам написали, чтобы мы открыли бочки и вынули оттуда продукты, чтобы не испортить белье. В общем, эти бочки пробыли у нас около трех лет, и мой тесть все это время думал, что они могут ему пригодиться для его путешествия. Но Всевышний еще не захотел дать нам избавление. Всем нам хорошо известно, что Всевышний обещал нам это, и если бы в глубине наших сердец мы были бы более набожными и не такими злыми, разумеется, Он бы сжалился над нами. Если бы только мы соблюдали заповедь: люби ближнего, как самого себя!» Но таких, какие мы есть, разве Господь может нас пожалеть? Ревность и ненависть, царящие среди нас, безобразны. Однако то, что Ты нам обещал, Господи, Ты сделаешь это с величием и милостью. Даже если наши грехи вынуждают Тебя заставлять нас ждать выполнения ожиданий, они сбудутся в определенное Тобой время. Мы будем надеяться на Тебя и умножать наши молитвы, чтобы однажды Ты послал нам полное освобождение. . . »).

Эта прекрасная книга обходит молчанием то, что автор, видимо, считал совершенно естественным, а именно такие вещи как множество оскорблений и мелочных несправедливостей, которые придумывали для евреев в то время, когда он жил. Если убийства и погромы становятся более редкими в эпоху, когда развиваются административные и полицейские учреждения, притеснения евреев становятся гораздо более изобретательными, чтобы причинять мучения без пролития крови. Так, муниципалитет города Франкфурта подтвердил старинные предписания об обязательном ношении специальных знаков, запрещение иметь слуг-христиан и т. п., а также добавил к ним новые, отличающиеся поразительной мелочностью: не бродить по улицам без определенной цели, не гулять вдвоем, не посещать некоторых улиц, не выходить на улицы во время христианских праздников или во время посещения города государем, не делать покупки на рынке раньше, чем это сделают христиане, и особенно разработанный в мельчайших подробностях ордонанс о внешнем виде евреев и о том, как

они должны одеваться—это называлось упорядочиванием одежды (Kleiderordnung). К тому же специально уточнялось, что евреи являются не гражданами, но лишь «находящимися под покровительством» города Франкфурта или «зависимыми»; это различие в дальнейшем, после прихода к власти Гитлера, было использовано нацистами. Еще более детальный Kleiderordnung существовал у евреев Гамбурга, но в этом случае авторство принадлежало самим старейшинам еврейской общины. Это уложение заходило так далеко, что в нем фиксировалось максимальное количество гостей на свадебном обеде, так же как и разрешенные по этому случаю виды подарков, а кроме того перечислялись некоторые запрещенные блюда, такие как каплуны, взбитые сладости и конфитюры, которые несмотря на ритуальную чистоту считались слишком роскошными.

Разумеется, у евреев не было чрезмерных возможностей для развлечений, а имевшиеся строго регламентировались. В начале XVIII века австрийское правительство придумало совершенно новое ограничение, касающееся браков вооб-

ще. Чтобы воспрепятствовать слишком быстрому размножению евреев, венский двор постановил в 1726 году, что только старший сын в каждой еврейской семье имел право на вступление в брак. Остальные должны были оставаться холостяками. Эта дань плодовитости евреев и строгости их нравов называлась «сокращение»; нельзя не согласиться, что в качестве средства контроля над рождаемостью этот способ отличается простотой и радикальностью. Сначала его применили в Богемии и Моравии, затем в Пруссии, Палатинате (Рейнском Пфальце,—прим. ред.) и Эльзасе, что повлекло эмиграцию множества молодых людей в Польшу и Венгрию, а, следовательно, и сокращение численности евреев.

Конечно, большинство немецких евреев вело бедную и простую жизнь. Но те исключительные судьбы, о которых мы рассказали, играли роль социального фермента, ускоряли происходившие экономические изменения и не могли не производить на современников глубокого впечатления. В этом смысле «еврейская проблема» выступала в Германии в качестве настоящей проблемы, рез-

ко контрастируя с бессодержательным антисемитизмом в других западных странах, предоставляя необходимую пищу для антиеврейских настроений и удесятерять их. Сейчас мы рассмотрим эти проявления.

Прежде всего поговорим о самом понятии. Мы уже цитировали выше французское и английское определения термина «еврей». Ниже, как точное и бесстрастное отражение реалий, приводится немецкое этимологическое толкование, имеющее гораздо более сильную эмоциональную нагрузку, более конкретное и более выразительное. Мы цитируем это определение по знаменитому «Словарю немецкого языка» братьев Гримм, тех самых, чьи сказки очаровывали столько поколений детей:

«Еврей (.....)

3) Среди их неприятных черт особенно выделяется их нечистоплотность, а также их алчность и занятие ростовщичеством. «Грязный, как старый еврей; воняет как еврей»; отсюда «иметь еврейский вкус» и даже «иметь вкус мертвого еврея»: нужно сначала смазать горло мас-

лом, иначе у этой еды будет вкус мертвого еврея (Фишер); у зелени без соли вкус мертвого еврея (Леман); заниматься ростовщичеством, обманывать, одалживать как еврей: это ничего не стоит, ни еврей, ни кюре не дадут за это ни гроша (Фишарт); . . . еврей, колючая борода: так, в Тюрингии: у меня на лице настоящий еврей, я должен побриться; в Восточной Фрисландии евреем называют обед без мясного блюда (Фромм); в Рейнской области евреем называется часть позвоночника у свиней, в Тироле—любой позвоночник (Кер). . . »

Братья Гримм сообщают нам также, что от корня *Jude* (еврей) имеется производный глагол *judeln*, имеющий различные значения, в том числе: говорить как еврей; торговаться как еврей; наконец, чувствовать как еврей, пахнуть как еврей. . .

Имелось бесконечное количество вариантов и толкований, возникших вокруг этого центрального понятия, которые могли широко распространяться благодаря развитию книгопечатания. Каждый год появлялись многочисленные пам-

флеты и увесистые трактаты. И. К. Вольф, до-тошный немецкий библиограф начала XVIII века перечисляет в своей «Еврейской библиотеке» более тысячи различных трудов под рубрикой «Антиеврейские сочинения», причем этот перечень оказывается далеко не исчерпывающим.

Мы можем оценить ту мощь, с которой «еврейский вопрос» продолжал воздействовать на умы. Речь больше не идет об абстрактных декларациях, как это было во Франции и Германии. В данном случае они тесно связаны с общественными проблемами, которые рассматриваются как неотложные. Здесь представлены все жанры и стили: тексты миссионерской пропаганды, предназначенной для обращения евреев, большие ученые труды о еврейских нравах и обычаях, тексты в жанре «кабинета редкостей», а также ученые трактаты, посвященные волнующей юридической и богословской проблеме—дозволяется ли законом терпеть присутствие евреев в обществе? Не требует ли настоящая христианская совесть их немедленного изгнания?

Но первое место принадлежит тем подстрекателям

тельским памфлетам, прототипом которых были сочинения Лютера как в отношении формы, так и содержания. Они обычно имеют весьма звучные названия, такие как «Враг евреев», «Бич евреев», «Еврейские обычаи, описание их безбожной жизни», «Еврейские радости», «Краткий указатель ужасных еврейских богохульных деяний», «Мешок с еврейскими змеями» и даже «Горящий яд драконов и бешеная желчь ужей», или «Еврейские бани, где публично демонстрируются практические уловки и подлости евреев, как они пьют христианскую кровь, а также их горький пот...». Это последнее название отчетливо показывает тесную связь, которая существовала между обвинениями в ритуальных убийствах и в ростовщичестве. Иногда актуальные события вызывали особенно обильный всплеск подобных публикаций. Так, падение и казнь «еврея Зюсса» были прославлены в десятках памфлетов с такими вычурными, барочными заголовками, что невозможно привести здесь их перевод.

Большой успех этих публикаций и то специфическое воображение, которое в них отра-

зилось, по всей видимости, уже хорошо соответствуют тому квазиэротическому щекотанию, той мощной психологической потребности, которые характеризуют современный антисемитизм. Нужно ли повторять, что общей темой остаются те великие демонологические мифы средневековья, в которых священный ужас спонтанно порождает безудержную похоть воображения. Постоянно возникает тема еврейских пороков и тайных преступлений, их постыдных болезней и странных сексуальных атрибутов, а венцом всех этих сюжетов является их особая связь с дьяволом. Отныне все эти темы чаще всего трактуются в книжной и педантичной манере, иногда даже с теми претенциозными ссылками на естественную историю, которые в дальнейшем приведут к так называемому «расовому» антисемитизму. Таким образом, в эпоху более строгих нравов и усиления запретов и ограничений всякого рода они приобрели налет порочности и сомнительный вкус, которые, разумеется, были совершенно чужды наивной и непосредственной душе человека средневековья. . .

Более тонкими и поэтичными стали акценты, которыми обогатилась темная и древняя легенда, внезапно в конце XVII века ставшая необыкновенно популярной. «Краткое описание и рассказ о некоем еврее по имени Агасфер» впервые было опубликовано в 1602 году и в том же году выдержало восемь изданий на немецком языке (Первое известное издание было осуществлено Кристофом Крутпером в Лейде

не в 1602 году.). Очень быстро книга переводится на все европейские языки. Так распространяется миф о «вечном жиде», свидетеле распятия, который был проклят Иисусом и осужден на вечное скитание вплоть до его второго пришествия, т. е. до дня Страшного суда. Этот миф полностью совпадает с традиционными представлениями церкви (Напомним здесь буллу Иннокентия III от 17 января 1208 года: «Бог обрек Каина на скитания по земле, но наложил на него печать в виде дрожания головы, чтобы

никто не смел его убить. Так и евреи, на которых лежит кровь Иисуса Христа, хотя их и нельзя

убивать, чтобы христианский народ не забывал Божественный закон,

должны быть бродягами в этом мире вплоть до того, как их лицо покроется стыдом, и они начнут искать имя Иисуса Христа, Господа нашего... »), а также с той участью нестабильности и бездомности, к которой под воздействием этих концепций христианство приговорило евреев. Известна литературная судьба этой грандиозной темы, разрабатывавшейся в самых разных аспектах и со всевозможных точек зрения многими знаменитыми писателями, такими как Гете и Шлегель, Шелли и Андерсен, Эдгар Кинэ и Эжен Сю, внесшими огромный вклад в распространение во всех странах и на всех социальных уровнях представления о мистической участи и предопределенной свыше миссии евреев.

На этом общем фоне, отличающемся крайней пестротой, выделяются несколько более специфических произведений, влияние которых оказалось весьма заметным. Теологи погружаются в океан Талмуда, поступают в обучение к раввинам, получают консультации у отступни-

ков и спешат поведать публике о своих открытиях. Их отношение к евреям было, как правило, гораздо менее благоприятным, чем у французских гебраистов. Одни, как например, И. Вульффер («Theriaca Judaica») или И. Вагензейл («Telaignea Satanae») в первую очередь пытаются выявлять антихристианские кощунства, до бесконечности разбирают еврейские молитвы; тем не менее у них хватило смелости опровергать главные демонологические обвинения в ритуальных убийствах и отравлениях. Другие, напротив, поддерживают эти обвинения, как востоковед И. А. Эйзенменгер, автор книги «Разоблаченный иудаизм, подробный и достоверный отчет...».

История этого последнего труда представляет определенный интерес, поскольку в первый раз мы видим, что в дело по собственному почину вмешался придворный еврей. Могущественный поставщик австрийских армий Самуэль Оппенгеймер сумел с помощью больших расходов организовать запрет этой книги. Сразу после выхода из типографии все две тысячи экземпляров

были конфискованы, а автор умер, возможно, от горя. Однако вскоре после его смерти, наследники смогли переиздать эту книгу в Кенигсберге при поддержке короля Пруссии Фридриха I. С этих пор книга служила источником вдохновения и собранием аргументов целых поколений немецких антисемитов.

Деятельность придворных евреев имела и другой аспект. Хотя изгнания евреев стали более редкими, они все еще иногда имели место. Совершенно естественно, что придворные евреи старались воспрепятствовать этому, пуская в ход все свои международные связи. Типичным примером может служить изгнание евреев из Богемии в 1744 году по распоряжению ревностной католички императрицы Марии-Терезии. В качестве предлога на этот раз было выдвинуто обвинение в шпионаже в пользу Пруссии во время войны за австрийское наследство. Немедленно начинается согласованная кампания, главным действующим лицом в которой становится Вольф Вертхеймер, располагавший большими связями в христианском мире. Были оповещены еврейские общины

Франкфурта, Амстердама, Лондона и Вены. Общине Рима было поручено обратиться за содействием к папе. Общинам Байонны и Бордо предложили собрать пожертвования в пользу изгнанников. В результате всех этих усилий король Англии и Генеральные штаты Нидерландов сделали представления Марии-Терезии, многие придворные также вмешались в это дело, так что несмотря на все свое упорство, императрица в конце концов уступила и разрешила евреям вернуться в свои дома; правда, следует отметить, что за это была выплачена гигантская сумма в двести сорок тысяч флоринов.

Так закончилось последнее широкомасштабное изгнание немецких евреев. Подобная развязка является в то же время прекрасным свидетельством их растущего международного влияния. Что же касается спонтанных изгнаний, осуществляемых населением, то последний случай такого рода имел место во Франкфурте в августе 1616 года. Эта история вписывается в рамки последнего большого бунта против законных властей. Под предводительством некоего колбас-

ника по имени Винценц Феттмильх городские ремесленники подвергли квартал гетто регулярной осаде. После импровизированной обороны, продолжавшейся несколько часов, перед наступлением ночи ворота рухнули, и толпа ворвалась внутрь, грабя и поджигая, стараясь сжечь долговые расписки и свитки Торы. Евреи, оставшиеся невредимыми после нескольких тумачков, получили разрешение покинуть город. Разоренные, но живые и здоровые, они рассеялись по окрестностям. Несколькими месяцами позже город Вормс последовал примеру Франкфурта и в свою очередь изгнал евреев. Провинциальные, а затем и имперские власти попытались пресечь подобные беспорядки, но им это долго не удавалось. Виновники беспорядков пользовались всеобщими симпатиями, заходившими так далеко, что немецкие факультеты права, которые должны были дать свою оценку событий, постановили, что поскольку нападение происходило одновременно днем и при свете факелов, то оно не подпадает ни под одну из известных юридических категорий, и, следовательно, не может быть

наказано.

Лишь двадцать месяцев спустя евреи смогли вернуться в город под защитой имперской армии. Их возвращение под звуки флейт и труб, строем по шесть человек в ряд с двумя каретами во главе процессии, в одной из которых находился почтенный раввин с седой бородой, а в другой императорские гербы, превратилось в пышную и символическую церемонию. Ничего подобного не было в годы, следовавшие за гитлеровскими массовыми убийствами в Европе.

После событий во Франкфурте Германия больше не знала открытых антиеврейских выступлений такого рода, несмотря на всю враждебность населения. Власти были против этого, а немецкий народ уже проявлял свои традиционные качества—дисциплинированность и исполнительность. Эти качества обеспечат евреям на протяжении многих поколений мирное существование, пока на то будет соизволение властей, и серьезно облегчат их запланированное уничтожение, когда в XX веке новые власти примут такое решение.

VII. ЕВРЕИ В ПОЛЬШЕ

Мы уже видели, что немецкие евреи прежде всего искали убежища на Востоке, на гостеприимных землях Польши и Литвы, по мере того, как ухудшалось их положение. Из этого не следует делать вывод, что польские евреи имеют исключительно западное происхождение. Напротив, вполне вероятно, что первые евреи, проникшие на территории между Одером и Днепром во время первого тысячелетия нашей эры, пришли с юго-востока, из иудейского хазарского царства, и с юга, из Византии. Нет никаких данных о сравнительной численности тех и других. Важно, что более высокая культура немецких евреев привела к быстрому преобладанию их языка и обычаев, так же как и их невероятно чувствительного исторического сознания. В стране с отсталой экономикой, население которой состояло лишь из знати и крепостных, евреи быстро добились преобладающей роли во всех видах деятельности, связанных с обращением товаров и финансов. Совершенно очевидно, что вначале их отношения с христианами были вполне гармоничными. Подобное положение вещей мы уже констатиро-

вали раньше несколько раз. Вероятно, можно говорить о существовании постоянной связи между моральным состоянием темного и неотесанного населения, едва затронутого христианским учением, еще не наученного питать специальные предрассудки против народа, объявленного богоубийцей, и его общим уровнем экономического развития, позволяющим евреям укрепиться в области, где они еще не знали конкурентов. Мы не будем подробно обсуждать эту тему, достаточно лишь отметить, что первую часть нашего предположения можно подтвердить народной традицией, по которой некий еврей был на короткое время избран на польский трон (По этой легенде польская знать, не сумев прийти к согласию по поводу кандидатуры короля, решила посадить на трон первого иностранца, посетившего Польшу. Им оказался еврей по имени Саул Валь, по одной версии, и Авраам Пороховник, по Другой. Он якобы процарствовал один день, после чего отрекся от престола.), а прекрасной иллюстрацией ко второй части служит тот факт, что целый ряд старинных польских монет име-

ет надписи на иврите (На некоторых из этих монет имеются надписи на иврите с именем короля («Мешко Великий», «Мешко Справедливый»), а на других имена еврейских литейщиков («Авраам Дукс», «раби Авраам, сын раби Цви», или даже «Возрадуйтесь, Авраам, Исаак и Иаков»). Эти монеты датируются XI и XII веками!). . .

В остальном, самые ранние сведения по истории польских евреев ненадежны и редки, они содержатся в маловразумительных хрониках и рассказах путешественников; лишь с XIII века на эту тему появляются точные сведения. В 1264 году князь Болеслав Калишский пожаловал евреям хартию, основное содержание которой воспроизводило аналогичные хартии, которые даровали евреям немецкие государи в предшествовавшие столетия. Эта хартия послужила моделью для последующих, некоторые из них были для евреев даже более благоприятными. Так, хартия Казимира Великого (1364 год) приравнивала евреев к знати в случае нанесения увечий или убийства, так что виновных ждало такое же наказа-

ние. Подобно тому, как это происходило в Каролингской империи четырьмя или пятью веками ранее, подобный привилегированный подход возбуждал ярость и бурные протесты духовенства, для которых, видимо, имелись некоторые основания. Суровые постановления собора во Вроцлаве 1267 года специально имели в виду ситуацию в Польше, как это следует из статьи 12: «Польша, является новой частью христианского мира, поэтому следует опасаться, что христианское население может тем легче подпасть под влияние суеверий и дурных нравов евреев, чем меньше успело укрепиться христианство в душах верующих этой страны».

Начиная со второй половины XIII века, польские церковные власти ведут кампанию против евреев столь же активно, как и их коллеги в Западной Европе. Начиная с 1279 года, они пытались, правда, безуспешно, обязать евреев носить специальные знаки. В конце следующего столетия в Польше имели место первые процессы по поводу осквернения святых даров и ритуальных убийств. В 1454 году король Казимир Ягеллон

отменяет часть привилегий евреев, по-видимому, уступив настояниям папского легата Иоанна де Капистрано. Тридцать лет спустя произошло изгнание евреев из Варшавы, затем последовало изгнание из Кракова, а также попытка полного их изгнания из Литвы.

Таким образом, с задержкой в несколько столетий, что соответствовало общему разрыву в интеллектуальном и экономическом развитии между Востоком и Западом Европы, история, казалось бы, начинает повторяться, однако для судьбы польских евреев она повернулась совсем другой стороной. Это не означает, что враждебные чувства польского или славянского населения возникли и стали проявляться на практике с большим опозданием. Напротив, они оказались, если это вообще возможно, еще более бурными, чем в других странах. Но экономические и даже административные условия, позволившие евреям столь быстро укрепить свое положение, были настолько прочными и глубоко укоренившимися в социальных структурах страны, что вплоть до нового времени их устранение оказалось невозмож-

ным. В противоположность тому, что происходило на Западе, где сравнительно низкая численность евреев в конечном итоге облегчила их экономическую интеграцию и культурную ассимиляцию, существование на Востоке Европы сформировавшегося социального класса евреев привело к возникновению здесь настоящей самостоятельной народности.

Если обратиться к истокам этого специфического различия, то, по-видимому, прежде всего следует иметь в виду постоянный приток изгнанников, прибывающих с европейского Запада, что позволило евреям прочно и в широком масштабе утвердиться в коммерческой и финансовой сферах в ту эпоху, когда им еще не приходилось сталкиваться с какой-либо конкуренцией, если только не считать конкуренции со стороны немецких переселенцев, таких же эмигрантов, как и они сами.

Этот поток беженцев увеличился еще больше после избиений во время эпидемии черной чумы. Показательно, что, за исключением пограничных с Германией территорий, польские евреи в это время не пострадали. В той мере, в какой

мы располагаем для этой эпохи статистическими данными, можно сделать предположение, что в XV веке их число уже приближается к ста тысячам. К этой цифре, конечно, следует относиться с осторожностью, но первая систематическая перепись населения, предпринятая в 1765 году, показывает, что евреи составляли 10 процентов населения страны. Имея столь солидную демографическую базу, они осваивают все профессии, монополизировав некоторые из них, и самоорганизуются в некоторое подобие государства в государстве. Эта организация приобретает в XVI веке окончательные формы, так что с этого времени Польша на века становится главным мировым центром иудаизма. Не задерживаясь на тех несчастьях, кстати не слишком заметных, которые им довелось пережить в ранний период их истории, поскольку они не представляют большого интереса для нашего рассказа, мы сейчас рассмотрим образ жизни и социальную организацию польских евреев, начиная со времени их расцвета.

* * *

«В этих областях можно встретить большое количество евреев, которые не сталкиваются с презрением, как в других местах. Они не живут в унижении, занимаясь только самыми презренными профессиями. Они владеют землей, занимаются коммерцией, изучают медицину и астрономию. Они владеют большими богатствами и не только входят в число достойных людей, но иногда даже занимают среди них доминирующие позиции. Они не носят никаких отличительных знаков, и им даже разрешается иметь при себе оружие. Короче говоря, они имеют все гражданские права. «В таких словах папский легат Коммендони описывал положение польских евреев в 1565 году. В самом деле, не может быть никакого сравнения между положением польских евреев и их гораздо менее счастливых единоверцев в других европейских странах.

Они не жили в гетто: самое большее, это мог быть определенный квартал или улица по их выбору. Спектр их профессий был максимально широк, поскольку он включал не только все виды коммерческой деятельности и ремесла, но так-

же важные административные функции (отдача на откуп сбора налогов и таможенных сборов), промышленность (эксплуатация соляных копей и лесов) и даже сельское хозяйство (в качестве управляющих или имеющих собственные владения). Это означает, что определенная часть польских евреев, которая, и это следует немедленно подчеркнуть, постоянно возрастала, проживала в сельской местности.

Известное число богатых евреев, банкиров знати, стали собственниками крупных земельных владений, иногда даже целых деревень. Другие были управляющими, поставщиками, коммерческими агентами польской знати—шляхты. «У каждого пана свой еврей»,—гласила старинная польская поговорка. Этих евреев, если угодно, можно называть «придворными евреями»; конечно, это были совсем маленькие дворы, учитывая анархическую раздробленность власти в тогдашней Польше. Другие были крупными negociантами, импортерами и особенно экспортерами леса и пшеницы, кожи и мехов. Но большинство было мелкими торговцами, ремесленника-

ми, которым приходилось выдерживать конкурентную борьбу с нарождающейся польской буржуазией, а в деревне они могли быть держателями постоянных дворов, розничными торговцами, а иногда даже простыми крестьянами. В целом, вполне справедливо сделать вывод, что они образовывали в Польше целый социальный класс, тот самый средний городской класс, который в этой стране появился с таким опозданием.

Последняя отличительная черта: вопреки той исключительной гибкости и пластичности, которую проявляли в прошлом их предки, быстро переходя на разговорный язык различных европейских стран, в которых они оседали, польские евреи продолжали употреблять немецкий язык, превратившийся в идиш. Трудно сказать, была ли эта особенность вызвана их численностью и высокой долей среди местного населения, культурным превосходством тех стран, откуда они пришли, или же возросшим уровнем их самосознания, той безграничной привязанности к своему наследию, которую приобрели немецкие евреи, пережившие неисчислимы бедствия.

Скорее всего следует говорить о сочетании этих трех факторов; но как бы то ни было, эта языковая особенность создавала дополнительную преграду между ними и их христианскими соседями.

Если принять во внимание все вышесказанное, то нет ничего удивительного, что польские евреи могли пользоваться очень высоким уровнем внутренней автономии, причем не только на местном, но даже и на национальном уровне. Они практически полностью осуществляли самоуправление в соответствии с конституцией, которую можно квалифицировать как базирующуюся на принципах обычного права и федерализма. Основу составляла община, или кагал, что соответствовало территориальному округу. Она включала как евреев, проживающих в скольконбудь значительном городе, так и тех, кто живет в его окрестностях. Управление кагалом было организовано по олигархическому принципу: присяжные выборщики, чьи имена определялись жребием среди самых богатых и самых влиятельных членов общины, должны были ежегодно выбирать управляющих, которые были наделе-

ны обширными правами. В число их полномочий входили: сбор податей и налогов, внутри-общинная полиция и обеспечение общественного порядка, дела синагоги, т. е. организация богослужения и общественного обучения, которые были неразрывно связаны, а также контроль за рынком труда, весьма жестко регламентированным. В этой связи можно отметить, что только ремесленники, являвшиеся отцами семейств, имели право открывать новую мастерскую, и за исключением особых случаев это было запрещено выходцам из чужого кагала.

Партикуляристский дух кагалов проявлялся также в бесконечных «пограничных» тяжбах по поводу каких-нибудь мелких поселений или деревень, административная принадлежность которых оспаривалась: например, дело Заблудово, когда с 1621 по 1668 год вели тяжбу кагалы Гродно и Тыкоцина. Кагал также назначал раввина, которому принадлежала первостепенная роль, поскольку его моральный авторитет подкреплялся его полномочиями в юридическом отношении: он был полномочным президентом Юридической

комиссии (Бет дина), или трибунала кагала. Другие избираемые комиссии, своего рода полублаготворительные, полурелигиозные братства создают баланс «протекционистским» тенденциям кагала и посвящают себя разнообразным задачам благотворительности и всеобщей еврейской солидарности, как-то: выкуп пленников, забота о стариках и больных, помощь неимущим и беженцам, поддержка безденежных студентов и, прежде всего, почести мертвым и почитание их памяти, что в этом брэнном мире наиболее существенно. Святые братства (Хеврот Кадишот) должны были обеспечить достойное погребение и позаботиться о семье покойного.

Польские власти содействовали столь тщательной и строгой организации, которой было удобно доверять сбор налогов как в целом, так и в каждой общине по отдельности, что вело к складыванию сильной общинной организации. В результате власти пришли к выводу, что было бы еще удобней ввести единый ежегодный общий налог со всех евреев и поручить им самим распределять его среди различных общин. В результа-

те консультации и собрания представителей кагалов, сначала спорадические и нерегулярные, приобрели исключительное значение. Начиная со второй половины XVI века, эти представители стали собираться на конференции каждые полгода во время ярмарок—в Люблине весной и в Ярославле, в Галиции, осенью. Именно там они производили распределение налогов и урегулирование конфликтов между кагалами, публиковали новые законы и постановления (таканот) и обсуждали все остальные крупные вопросы, представлявшие интерес для польского еврейства. Стихийно возникшая таким образом федеральная палата, настоящий еврейский парламент, насчитывавший тридцать членов, получил название «Совет четырех стран» (Ваад); современники не без оснований сравнивали его с синедрионом Иерусалима. Никогда еще евреи не пользовались в Европе столь широкой автономией.

Во всех этих проблемах, которые, как это легко заметить, могли создавать беспрецедентные ситуации, противоречия и конфликты интересов, неизбежно первостепенную роль играли равви-

ны, объединявшие в своем лице функции носителей морального авторитета, делового посредничества и толкования сложных законов Талмуда. Все это лишь повышало статус раввинистической учености.

В этих условиях изучение Талмуда, знание бесчисленных правил, положений и доказательств, восходящих к парфянскому Вавилону или к эпохе европейских крестовых походов, а также умение их применять в новых существующих условиях достигло в Польше XVI века недостижимых высот. «Пилпул» (буквально «перец») — так называли острую диалектику, состоявшую в том, чтобы найти в Талмуде два текста, которые бы противоречили друг другу по законам формальной логики, строго установить их взаимную несочетаемость, а затем примирить их с помощью каких-либо тончайших софизмов, как если бы требовалось разрезать в длину волос на четыре, восемь или даже шестнадцать частей.

Насколько эта умственная гимнастика, на первый взгляд кажущаяся совершенно бесплодной, развивает гибкость ума и удешевляет спо-

способности к интеллектуальному труду, очевидно только тем, кто имел личный опыт подобных занятий, поскольку для неподготовленных мозгов талмудические рассуждения обычно представляют непреодолимые трудности (Привести пример такую рода также является трудной задачей. Крайне немногочисленны те авторы, которым удалось передать дух Талмуда в форме, доступной западному образованному читателю. Российскому читателю мы можем порекомендовать исследование раввина Адина Штайнзальца «Введение в Талмуд», вышедшее в Москве в 1994 г., а также изданный в 1995 г. 1-й том талмудического трактата «Бава Меция». Из старых изданий можно обратиться к семитомному труду «Мишна и Тосефта», опубликованному в начале XX века В. Переферковичем. Что касается простых смертных, то приводимая ниже притча может служить иллюстрацией той мысли, что в конечном итоге талмудические доказательства основываются на здравом смысле:

«Некий гой настаивал, чтобы талмудист объяснил ему, что такое Талмуд. В конце концов муд-

рец согласился и задал любопытному такой вопрос:

— Два человека спустились вниз через печную трубу. Когда они вылезли нару-

жу, лицо одного из них оказалось покрыто сажей, а второй остался совершенно

чистым. Который из двух пойдет мыться?

— Тот, кто испачкался,—ответил гой.

— Нет, неверно. Испачкавшийся видит чистое лицо другого и думает, что и у

него все в порядке. А тот, кто остался чистым, видит грязное лицо второго и думает,

что с ним произошло то же самое.

— Я все понял!—воскликнул гой.—Я начинаю понимать, что такое Талмуд. . .

— Нет, ты ничего не понял,—отрезал раввин.— Как по твоему могло случиться, чтобы два человека спустились через одну и ту же трубу, и при этом один испачкался, а другой остался чистым?»).

Нужно ли говорить, что в подобных условиях эрудиция, даже если она была исключительно талмудической, ценилась польскими евреями

еще выше, чем их предками в Германии, если такое вообще возможно. Кроме того, это первостепенное значение, отводившееся интеллектуальным ценностям, способствовало сглаживанию огромного социального неравенства, существовавшего в еврейской среде, где, как мы это видели, внутренняя власть автоматически попадала в руки богачей. Разумеется, с другой стороны, традиционная еврейская благотворительность также сглаживала социальные контрасты. Поэтому совершенно справедливо, что для этой эпохи положение польских евреев считалось наиболее завидным во всей диаспоре. Так что даже по правилам одной из распространенных тогда буквенных игр слово Полония (Польша) должно было читаться По-лан-иа («Бог пребывает здесь»).

Легко понять, что в подобной ситуации проблема польского антисемитизма возникла очень рано и в форме, сильно отличающейся от других европейских стран. До сих пор мы имели дело с мифологическим антисемитизмом, представлявшим собой смесь ненависти и религиозного рвения. Проявления этого антисемитизма нахо-

дились в столь большом несоответствии с его видимыми причинами, что, как мы уже видели, он продолжал действовать даже при отсутствии евреев. Что касается данного случая, то хотя первые враждебные проявления практически могли возникнуть аналогичным образом, еврейское население стало столь многочисленным, а его социальная роль столь велика, что природа конфликта стала совершенно иной.

В Польше еврей был постоянным элементом существования своего соседа: он составлял неотъемлемую часть общественного организма. Польский христианин, будь то шляхтич, крестьянин или горожанин, обращался к еврею, чтобы купить или продать, взять в долг или заплатить налог, отправиться в путешествие или пойти в кабачок. Этот еврей, независимо от того, важный он или ничтожный, богатый или бедный, услужливый или жесткий, представлял собой повсеместную человеческую реальность, под воздействием которой вечная сатанинская маска стала частично исчезать. В результате первоначальный фундаменталистский аспект анти-

семитизма незаметно ушел на второй план. Но с другой стороны, этот еврей, который отныне стал для христианина частью привычной повседневности, превратился в объект специфических ассоциаций, связанных с некоторыми действиями и проблемами текущей жизни, которые естественным образом входят в общую борьбу за существование. Иными словами, мы теперь имеем дело с такой иудео-христианской враждебностью, с такой напряженностью, которая больше не носит специфического характера, больше не является необычной и вызывающей помутнение разума. Эта враждебность уже не исключает возможность согласия, поскольку по сути дела она в принципе не отличается от других конфликтов и напряженностей, возникающих в истории нашей цивилизации между различными социальными, национальными и религиозными группами. В крайнем случае, те специфически еврейские особенности, о которых мы уже неоднократно упоминали, в частности полное пренебрежение физическими упражнениями и достижениями, оставили свой след. «Тебе это пригодится,

как сабля еврею», — гласит польская поговорка. В сочетании с их отказом от Христа, эта особенность облегчает закрепление за евреями их традиционной роли страдания и терпения. Что же касается вопроса, становится ли в этих условиях антисемитизм более или, напротив, менее жестоким, то на него тем труднее ответить, что речь идет здесь о несовместимых величинах, поскольку одно и то же слово отражает в этом случае два различных явления. Единственное, что мы можем сделать, это попытаться более подробно рассмотреть по отдельности отношение к евреям различных социальных групп.

Польская знать, сосредоточившая в своих руках основную власть и получавшая главную выгоду из деятельности евреев, была их естественным защитником. Здесь не мог возникнуть никакой конфликт интересов, если только не принимать во внимание некоторых нуждающихся мелких землевладельцев, которые могли соперничать с «придворными евреями» за милости крупного магната. Безусловно, знать относилась к евреям с еще более величественным презрени-

ем, чем к остальным классам общества, если такое вообще было возможно. Но в этом презрении не было много злобы. Показательно, что с наступлением эпохи книгопечатания, когда в Польше, как и повсюду в Европе, распространяется обычай обличения евреев, описания их пороков и преступлений в книгах и памфлетах, ни один текст такого рода не вышел из под пера автора, относящегося к знати.

Авторами большей части таких сочинений являлись христианские буржуа. Именно горожане, особенно жители крупных городов, находились в состоянии постоянной войны с евреями, шла ли речь о том, чтобы вытеснить их из коммерции или помешать заниматься ремеслом. По прямому заказу избираемых членов магистрата городской управы Кракова в 1618 году Себастьян Мичинский написал «Зеркало польской короны», где впервые со всеми подробностями разоблачалось богатство евреев, а также способы и приемы их коммерческой деятельности. Разоблачения религиозного характера играют в этом труде лишь второстепенную роль. То же самое мож-

но сказать и о многочисленных сочинениях врача Слежковского, примерно в то же время задавшегося целью разоблачить обманные приемы, которые он приписывал своим еврейским коллегам и конкурентам.

Что же касается духовенства, то оно уделяло основное внимание религиозным обвинениям. В конце XVI века признанным авторитетом в этой области был иезуит Петр Скарга, самый знаменитый польский проповедник всех времен, автор «Жизнеописания святых» (*Zywoty Swietych*, 1579), книги, которая на протяжении столетий оставалась любимым чтением польского народа. Чудесная биография Симеона Тридентского занимала там достойное место. Сам Скарга в дальнейшем лично принял участие в качестве обвинителя на процессе по поводу осквернения святых даров. У него появились многочисленные подражатели, которые из поколения в поколение вносили свой вклад в подобные дела. Школяры и студенты, ученики иезуитов, были основными организаторами скандалов и столкновений, которые могли перерождаться в погромы, так что у

евреев установился обычай выплачивать им ежегодно определенную сумму, чтобы избавиться от систематических притеснений с их стороны.

Что касается народных низов, угнетенных и неграмотных крестьян, то у них не было способов заявить свое мнение и сохранить его в истории, если только не считать за таковое те многочисленные пословицы и поговорки, которые служат традиционным источником народной мудрости. Некоторые из их числа представляются достаточно двусмысленными. Например: «Нам, крестьянам, всегда плохо: мы должны кормить сеньора, священника и еврея»; «Что крестьянин заработает, сеньор потратит, а еврей на этом наживется»; «Еврей, немец, а с ними дьявол—сыновья одной матери». Если судить по этим изречениям, народ смешивал всех эксплуататоров в одну кучу.

Ποτόπ

В 1648 году разразились беспорядки и конфликты, вошедшие в польскую историю под названием «потопа». Они предвещали упадок Польши, положили конец золотому веку польских евреев и имели огромные последствия для иудаизма в целом.

Потоп начался с восстания украинских крестьян, крепостных, живших на огромных латифундиях за Днепром, принадлежавших польским магнатам. Эти крестьяне исповедовали греческую православную веру и испытывали единую ненависть к своим католическим господам и их еврейским управляющим и посредникам. Как отмечал один еврейский хронист того времени: «Греческий народ (казаки)... испытывал презрение и унижения со стороны польского народа и евреев... даже самые незначительные сыны Израиля, сами пребывающие в унижении, имели над ними власть». Характерно, что наш автор называет восставших «греками», а не «русскими» или «украинцами»; это подтверждает, что конфликт был не только социальным и национальным, но и религиозным. Знамя восста-

ния было поднято знаменитым Богданом Хмельницким, которому удалось временно объединить в единое целое анархические отряды казаков, а также заключить союз с крымскими татарами. «Вспомните об оскорблениях, нанесенных вам поляками и евреями, их любимыми управляющими и агентами!»—воскликнул Богдан Хмельницкий в своих «призывах» к украинскому населению: «Вспомните об их гнете, их несправедливости и лихоимстве!» Гнев крепостных должен был быть ужасен: в одной украинской хронике утверждалось, что некоторые паны отдавали в управление посредникам- евреям даже церкви, расположенные на их землях, так что требовалось их предварительное разрешение для совершения обрядов крещения, венчания и отпевания.

Отряды Хмельницкого обрушились на всю юго-восточную Польшу и достигли ворот Львова, уничтожая по дороге без разбора поляков и евреев, иногда давая пощаду тем, кто соглашался обратиться в православие. Это было неодолимое народное восстание, сопровождавшееся массовыми избиениями, многочисленные описания

которых оставшимися в живых современниками составлены в том традиционном торжественном стиле, многочисленные примеры которого мы уже неоднократно приводили ранее. Один из авторов сравнивает эту катастрофу с «третьим разрушением Храма». Однако содержание этих свидетельств отличается реализмом и подробностью в деталях (В этих хрониках содержатся описания ужасных зверств: «... грудных младенцев резали на руках их матерей, разрывая их на части как рыб. Вспарывали животы беременным женщинам, вытаскивали младенца и били им по лицу матери; другим клали в разрезанный живот живую кошку, зашивали его и отрубали руки, чтобы они не могли вынуть кошку. . . », и тому подобное. Некоторые пассажи этих хроник имеют бесспорный характер точно зафиксированных событий, которые автор видел собственными глазами.). На протяжении последующих лет беспорядки и убийства то прекращались, то вспыхивали вновь много раз, пока Хмельницкий не решил принять протекторат Москвы. За этим последовала польско-русская война, отягощенная

шведской интервенцией, и конфликт превратился в войну всех против всех. При этом несчастная Польша служила постоянным театром военных действий. Царские войска захватили Белоруссию и Литву, при этом проявив к евреям точно такое же отношение, как и их союзники казаки на юге. Шведская армия оккупировала собственно Польшу, захватив Варшаву и Краков. Здесь речь шла о более организованной армии, командиры которой придерживались иных обычаев. Вместо того, чтобы убивать евреев, они получали от них припасы. В результате, когда поляки вернулись, они обвинили всех евреев в измене, так что во многих местах они были подвергнуты общей каре. Таким образом, между 1648 и 1658 годами практически не осталось полностью уцелевших еврейских общин. На левом берегу Днепра больше не было ни одного еврея. Те, кому удалось уцелеть, были проданы в рабство туркам. На правом берегу сохранились лишь горстки уцелевших. Во внутренних частях страны потери были не столь велики, тем не менее общее число жертв составляло несколько десятков тысяч, возможно, до-

ходило даже до ста тысяч. Разумеется, от по-топа пострадало все население страны, и с то-го времени Польша перестала быть могуществен-ным государством. Но удар, нанесенный евреям имел еще более фатальные последствия, потому что они были первыми и излюбленными жертва-ми убийств и грабежей, а также потому что их существование было в целом гораздо менее на-дежным, чем других социальных групп. Они уже никогда больше не смогли оправиться.

Начиная со второй половины XVII века, евреи уже не являлись основными банкирами стра-ны; эта роль перешла к христианским капитали-стам, особенно к религиозным общинам, церк-вам и монастырям, чьи богатства состояли пре-имущественно из земельных владений и оста-лись нетронутыми. Евреи, как общины, так и отдельные лица, оказываются их должниками. Хроническая задолженность кагалов, предприни-мавших отчаянные усилия поддержать экономи-ческое положение евреев, превратилась в серьез-ную социальную проблему Польши. Эта пробле-ма продолжала усугубляться вплоть до конца

XVIII века. В 1765 году польский сейм одним росчерком пера упраздняет «Ваад четырех стран», еврейский федеративный орган, найдя более выгодным вместо прежнего всеобщего единого налога, ввести для евреев подушную подать в размере двух злотых на человека. Таким образом закончилась полугосударственная автономия евреев.

Началось повальное обнищание. Еврейский «социальный класс» приходит в упадок и постепенно в ходе этого процесса исчезает. (Условно здесь можно применить интерпретацию марксистского толка.) В поисках куска хлеба часть евреев эмигрирует, другие пытаются обосноваться в деревнях в качестве трактирщиков и кабатчиков, ремесленников и бродячих торговцев; большинство впадает в крайнюю нищету.

Новые духовные и религиозные течения были неразрывно связаны с этими социальными изменениями. Они накладывают специфический отпечаток на склад ума польских евреев, который в дальнейшем приобретет далеко идущие последствия для всей диаспоры. Это был примечатель-

ный процесс взаимовлияний, полем которых служила вся Европа и в которых свою роль сыграет и проникновение христианских концепций. (На этот раз они не ограничатся деталями повседневной жизни и нравов, но повлияют на новые мессианские движения.) Именно таким образом окончательно сформируется еврейская нация, прочно утвердившаяся на берегах Вислы и в лесах Карпат.

В 1650 году «Ваад четырех стран» объявляет национальный траур в память о первых жертвах: в течение трех лет польским евреям запрещается носить одежды из шелка или бархата. Устанавливается ежегодный пост 20 сивана, в годовщину одного из первых массовых убийств, совершенных казаками в Немирове. Этот пост будет строго соблюдаться вплоть до начала XX века. Раввины составляют новые плачи {«селишот» и «ки-нот»), их поют в синагогах вслед за теми, которые по традиции посвящены памяти жертв крестовых походов. Также по традиции евреи предаются раскаянию, видя в постигших их несчастьях справедливое наказание за свои грехи и стараясь

искупить их более строгим самоограничением и набожностью. В 1676 году «Ваад четырех стран» провозгласил в своем призыве: «Мы совершили тяжелые грехи перед нашим Господом. Беспорядок все возрастает, жизнь становится все тяжелее, наш народ не имеет никакого значения среди других народов. Даже удивительно, что среди всех этих несчастий мы продолжаем существовать, Единственное, что нам остается делать— это объединиться в единый союз и строго соблюдать Заповеди Всевышнего и предписания наших наставников и вождей».

Однако беженцы распространяются по всем углам Европы и разносят печальные вести. Повсюду еврейские общины соперничают в желании прийти им на помощь. Беженцами становятся знаменитые раввины, и их знания обеспечивают им самый лучший прием. Некоторые превращаются в странствующих мудрецов, как, например, талмудист Цви-Гирш Ашкенази, сын раввина Вильны, который жил и преподавал в Офене, Сараево, Вене, Венеции, Праге, Альтоне, Амстердаме и Лондоне, чтобы на склоне своих дней вер-

нуться во Львов. Другие предпочитали более спокойную жизнь и на какое-то время практически монополизировали посты раввинов, особенно в Германии. В соответствии с формулой историка Греца весь европейский иудаизм «полонизируется». Простые люди тысячами эмигрируют в Венгрию и Румынию, быстро поглощая своим количеством мелкие местные еврейские колонии. Повсюду происходит сбор средств на поддержку изгнанников, но прежде всего на выкуп евреев, проданных в рабство и собранных в больших количествах в Константинополе. Сборщики объезжают всю Европу, и даже традиционные пожертвования в пользу евреев Иерусалима в течение некоторого времени оказываются забытыми. Никогда еще с самого начала рассеяния еврейская солидарность не проявлялась в таком широком масштабе. Все были потрясены катастрофой, которая обрушилась в 1648 году на главную европейскую цитадель иудаизма.

1648 год: по любопытному совпадению этот год уже имел для многих евреев особое значение. Уже давно каббалисты утверждали, что в соот-

ветствии с книгой Зогар в этом году произойдет пришествие Мессии. Разумеется, в трагедии Польши они увидели яркое подтверждение этого пророчества. Освобождение было близко, провозглашали они, речь идет лишь о невыносимых родовых муках. . . (Можно заметить, что знаменитый образ Маркса о «родовых муках истории» восходит к этому источнику.) К тому же довольно примитивный акростих, основанный на имени Хмельницкого, написанном еврейскими буквами, гласил: «Страдания рождения Мессии обрушатся на мир», что также подтверждало приближения последнего часа, которого столь страстно ждали. . .

Между тем еврейская история не знала недостатка в претендентах на звание Мессии, которые, как правило, получали больше туманов, чем приветственных возгласов. На протяжении почти целого тысячелетия им не удавалось выйти за узкие местные границы и породить в рамках иудаизма устойчивые движения. Для того, чтобы это удалось одному из них, потребовалось это исключительное стечение обстоятельств и, прежде все-

го, огромное отчаяние. Тот факт, что было популярным и другое знаменитое предсказание, на этот раз чисто христианского происхождения, согласно которому апокалипсис должен был наступить в 1666 году, лишь облегчил Саббатаю Цви его задачу.

Мы уже говорили об этом удивительном персонаже, двоеженце, женихе Торы, но при этом мусульманине, хотя и короле евреев, вся карьера которого разворачивалась в лоне сефардского иудаизма. Напомним только, что самый знаменитый из ложных мессий впервые предстал перед еврейскими массами в Смирне, своем родном городе, в 1648 году с большой пышностью женился на молодой польской еврейке, сбежавшей из христианского монастыря. Одни говорили, что это была predetermined судьбой невеста Мессии, другие называли ее женщиной легкого поведения. После многочисленных приключений он отправился в 1666 году потребовать у султана трон, чтобы в результате закончить свои дни в качестве Мехмета Эфенди на службе у Высокой Порты. . . Мы также имели возможность

упомянуть брожение масс и надежды, которые его обещания и его новое богословие вызвали у евреев Гамбурга и Амстердама; они были столь же сильны в Авиньоне и Вене, Каире и Салониках, а в подвергнувшейся столь трагическим испытаниям Польше они были даже еще сильнее.

Чем сильнее обрушившиеся несчастья, тем более насущным становится нужда в неминуемом спасении. Один христианский свидетель уверяет нас, что в Польше в 1666 году «евреи возрадовались и стали питать надежды, что Мессия поместит их на облако и перенесет в Иерусалим. В это время они постились несколько дней в неделю, не давая еды даже своим малолетним детям, совершали обливания холодной водой из проруби и повторяли какие-то недавно придуманные молитвы. Если над каким-то местечком небо покрывалось тучами, евреи начинали хвастаться перед христианами, говоря, что Мессия немедленно унесет их, чтобы поселить в стране Израиля и в Иерусалиме. . . » В результате были беспорядки и конфликты, так что король Ян-Казимир вынужден был издать специальный ордонанс, за-

прещающий евреям слишком открытые демонстрации и пропаганду, а христианам мстить им под этим предлогом.

Вопреки тому, что произошло на Западе, где провал ложного мессии быстро положил конец экзальтации еврейских масс, в Польше саббатинское движение пустило глубокие корни; из года в год ожидали воскресения Саббатая. Еще в 1700 году толпа его почитателей, насчитывающая более тысячи человек, отправилась в путь, чтобы достичь Земли Обетованной, и сумела добраться до Иерусалима. Несмотря на угрозу отлучения другие проповедники пытались распространять добрую весть как в Польше, так и в Западной Европе. Раввины Амстердама в обращении, датированном 1725 годом, жаловались: «Раньше Тора приходила из Польши, а теперь эта страна стала очагом заразы для других стран».

В эту эпоху шарлатаны и реформаторы, ложные мессии и лжеЦеви наводнили Польшу и еще больше столь пострадавшую Украину. Самым знаменитым из них был Яков Франк, великий жрец нового культа, где любопытным образом

смещались еврейские традиции и вера в Святую Троицу—удобный переход к полному отречению.

Но лучший ответ народным ожиданиям дало мощное хасидское движение, которое неотвратимо распространялось. Под давлением социальных нужд строгое раввинистическое учение, бывшее результатом тысячелетней городской жизни и высокоразвитой интеллектуальной культуры, уступает место в подавляющей части Польши религии, полностью пропитанной мистицизмом, приспособленной к нуждам угнетенных и непросвещенных масс, живущих в большой раздробленности в мелких поселениях и деревнях.

О личности основателя хасидизма легендарного Баал-Шем-Това (Бешта) известно очень мало, а то, что известно, неточно и приблизительно. Проповеднической деятельности Бешта предшествовало длительное пребывание «в пустыне», а именно жизнь отшельника в гуще диких карпатских лесов; он прибегал к простому и доступному для всех учению и объяснял его с помощью притч. Он утверждал его с помощью таких неопровержимых и прямых доказательств,

какими являются чудесные исцеления и изгнания злых духов. Он проповедовал веру, надежду и стремление к Богу, вездесущему в мире в виде «священной искры», являющейся единственной подлинной реальностью, так что достаточно присоединиться к ней, чтобы убедиться, что так называемый ощущаемый земной мир со своими несчастьями и муками представляет собой лишь сеть иллюзорных фантомов.

Толпы жаждущих услышать это столь утешительное учение вскоре стали стекаться к Бешту. Из Подолии, где он жил, его ученики старались распространить слова учителя как можно дальше. Его учение распространялось так быстро в том числе и потому, что оно соответствовало народной оппозиции против олигархии богатых и раввинов и в конечном итоге привело к установлению еще более деспотической власти. Во всех городах и местечках Польши возникали хасидские общины во главе с «цадиком», т. е. «справедливым». Необходимо уточнить, что важнейшей особенностью хасидизма было существование «справедливого», человека, имевше-

го непосредственный доступ к Высшей власти и даже пользующего там некоторым влиянием, на что, разумеется, не может претендовать простой смертный, глубоко увязший в своей телесной оболочке. Таким образом, оказалась отброшенной прекрасная и глубокая фундаментальная идея иудаизма, по которой каждый человек должен сам предстать перед своим Творцом, один и лицом к лицу.

Одним из первых результатов стало возникновение в лоне иудаизма настоящего раскола, которого он не знал уже целое тысячелетие после караимского раскола. Традиционные раввины старались уничтожить в зародыше эту «секту», которая была для них безусловно еретической. В течение тридцати с лишним лет, с 1772 по 1804 год, разворачивалась отчаянная борьба, которая велась с помощью предписаний, торжественных отлучений и даже разоблачений перед властями. Хасидов без оснований объединяли с саббатянами, а также с последователями Якова Франка, что было совершенно неоправданно. Их упрекали в пренебрежении священными обря-

дами и обычаями, в невежестве и странных манерах, их даже подозревали в тайных преступлениях. Прочитируем одно из посланий, принадлежащее перу знаменитого мудреца Вильны, гаона Элиягу:

«Вы, наши братья в Израиле, вы уже знаете эту новость, о которой наши отцы не могли и думать, а именно, что возникнет подозрительная секта—секта хасидов. . . Это они во время молитвы испускают ужасные чуждые крики [на идиш], ведут себя как сумасшедшие и объясняют это, говоря, что их надежды бродят в отдаленных мирах. Они пользуются фальшивыми молитвенниками и вопят так, что стены дрожат; вниз головой и вверх ногами они делают колесо во время молитвы. . . Они полностью пренебрегают изучением святой Торы, им не стыдно утверждать, что бесполезно заниматься учением и что не следует слишком сожалеть о совершенных грехах. . . Поэтому мы требуем от наших братьев в Израиле, . . . чтобы они доказали свое рвение, поскольку их следует уничтожить, разрушить, устранить, проклясть, . . . чтобы не осталось и двух ерети-

ков, ибо их уничтожение будет благом для всего мира».

Иногда обвинения были еще более серьезными, включающими игру слов с корнем «*hsd*», который может иметь значения: «милость, любовь» и «преступление, позор», что позволяет обвинять хасидов в инцесте и других грязных развратных поступках. «Меня охватывает ужас!—воскликнул один из их противников,—ибо я должен выслушивать, какие таинства они придумали! Разве они не внесли всевозможные нечистые и греховные мысли в Святая Святых! Их молитва стала чем-то вроде сна, ибо только во сне человек узнает свои тайные желания (Трактат Брахот, 54). Для того, чтобы прогнать подобные мысли хасиды испускают оглушительные крики и скандируют во время молитвы слова, которые не имеют к ней никакого отношения. . . »

Мы не будем входить в детали темной и ожесточенной борьбы, в ходе которой имело место обращение к официальным властям, польским или русским, иными словами донос играл роль главного доказательства, что вынудило русское

правительство в 1804 году строго регламентировать предание анафеме у евреев. Достаточно сказать, что все усилия традиционных раввинов остались напрасными. Хасидизм непреодолимо распространялся и, в конце концов, объединил большинство польских и украинских евреев. Цадика («Справедливые») чаще всего были людьми необычайной жизненной силы, образовывали настоящие династии и имели абсолютное влияние на своих последователей. К ним постоянно обращались за советом и заступничеством по любому поводу—по вопросам морали, здоровья, деловым проблемам; чаще всего их участие щедро вознаграждалось. Выплата священнику вознаграждения за заступничество принимала торжественные и официальные формы. Мы уже говорили ранее о том сакральном значении, которое приобрели для евреев деньги на протяжении прошедших веков. Согласно новому учению цадика, который со всей искренностью служит Богу, можно сравнить с честным маклером, посредничающим между продавцом и покупателем», откуда и проистекает неоспоримое право цадика на

свой комиссионный процент. Согласно одной хасидской притче, которая принадлежит родному внуку Бешта, «стражей Божественных врат», т. е. цадиков, можно сравнить с привратниками королевского дворца. Если кто-то хочет быть принят королем, то сначала он останавливается у первой двери, которую охраняет привратник низшего ранга, и он сможет пройти дальше, только если даст ему монету. Чем ближе к королевским покоям, тем выше становится ранг привратника и тем больше сумма, которую необходимо заплатить. Когда доходят до последней двери, которая находится на пороге королевских покоев, то приходится проявлять большую щедрость, чтобы суметь попасть к королю».

Смысл этой притчи вполне ясен. Другой знаменитый цадик, раввин-чудотворец из Люблина, серьезно доказывал, что он не мог ходатайствовать перед Богом иначе, чем за вознаграждение; «Когда цадик начнет призывать Благословенное Имя за другого человека, то это может быть воспринято [на небе] как дерзость, и у него могут спросить, почему тот человек не делает этого

сам. Если же цадик заранее получил вознаграждение, то он может ответить на это небесное обвинение так: «Я прошу за него, потому что мне заплатили за это и я лишь выполняю свои обязанности по этому контракту». В каком-то смысле современные психоаналитики, знающие свое дело, поступают точно таким же образом.

По сути дела, цадика облегчали жизнь в случае многих несчастий, подобно тому, как это делают хорошие психиатры. Они принимали на свои широкие плечи груз забот и страданий, страхов и мук своих последователей. Они учили их не обращать внимания на суровую реальность, которая на самом деле лишь видимость, и искать скрытую гармонию мира, постигать тайные механизмы, управляющие видимым и невидимым мирами, создавая тем самым у своих слушателей ощущение облегчения. Ведь человек устроен так, что когда ему кажется, что он понял свою судьбу, он верит, что он может ею управлять. Особое внимание они уделяли воспитанию той высшей и оптимистической веры в Бога, которой они приписывали решающую роль для успеха своих дей-

ствий: если ты веришь в Бога (и в меня), я сумею сделать так, чтобы Бог исполнил твою молитву, но если ты сомневаешься в Божественном милосердии и всемогуществе (и в моих способностях), то тебе следует обвинять самого себя в неудаче.

Кроме того, роль учения и интеллектуальных построений оказалась отодвинутой на задний план, тогда как простота, смирение, мягкость восхвалялись как высшие добродетели большинством цадиков. Некоторые даже показывали личный пример. Так, рассказывают, что цадик Вольф из Збаража, председательствуя на празднике по случаю обрезания, вдруг вспомнил, что стоял сильный мороз, а его кучер остался на улице. Он вышел во двор и убедил кучера войти в дом, чтобы согреться, пока он посторожит лошадей. Когда через час заметили его отсутствие, то нашли его на месте кучера наполовину замерзшим. Рассказывают также, что цадик Моше-Лейб из Брод сам мыл головы детям, больным чесоткой, говоря: «Тот, у кого не хватает мужества лечить язвы еврейских детей и собственными руками очищать их от гноя, не имеет и поло-

вины необходимой любви к Израилю».

Бесчисленные истории такого рода, наивные и трогательные, вошли неотъемлемой частью в еврейский фольклор.

Сказки, образные притчи, иллюстрирующие моральные истины и возвышающие их гораздо лучше, чем этого удалось бы добиться с помощью длинной проповеди, чрезвычайно характерны для хасидизма. Некоторые из них имеют столь глубокий смысл, что их следует читать много раз. Так, ниже приводится один из подобных текстов, который мог бы существовать в рамках любой религии откровения:

«Когда перед Бештом стояла трудная задача, он отправлялся в лес, в одно место, зажигал огонь и размышлял, творя молитву. И все, что он хотел, сбывалось. Когда в следующем поколении его любимый ученик и наследник, «посланник» Дов-Бер из Межерич сталкивался с подобной проблемой, он шел в лес на то же самое место и говорил: Я больше не умею зажигать огонь, но я знаю тайную молитву», и то, что он хотел

сделать, становилось реальностью. Прошло еще одно поколение, и цадик Моше-Лейб из Сасова, оказался в похожей ситуации. Он также отправился в лес и сказал: «Я больше не умею разводить огонь, я больше не знаю тайных молитв, но я знаю место, выбранное моими учителями. Этого должно быть достаточно». И этого оказалось достаточно. Но когда пришло следующее поколение, и цадик Израиль из Ружина столкнулся с той же проблемой, он уселся на позолоченное кресло в своем дворце и сказал: «Я не могу разжечь огонь, я не знаю молитвы, я не знаю этого места в лесу, но я могу рассказать историю, как все это происходило когда-то». И этого также оказалось достаточно».

Может показаться, что, уделив столько времени обычаям хасидов и рассказам об их цадиках, я слишком далеко отклонился от основной темы моего труда. Но поскольку обычаи и поведение евреев обычно являются источниками, возбуждающими антисемитские настроения, это отклонение не кажется мне бесполезным. Ведь речь здесь идет о формах, которые принял иуда-

изм на последнем этапе своей эволюции, в горах и на равнинах Польши, когда некоторые характерные черты евреев оказались смятенными, а другие, наоборот, усиленными, развившими до максимума их динамизм и оптимизм среди традиционно враждебного окружения.

Волна ритуальных убийств

В эту эпоху польский антисемитизм находил свое самое типичное выражение в частых спорадических избиениях, совершаемых в беспокойных пограничных районах на востоке страны, где был постоянный очаг беспорядков на этнической и религиозной почве, а также в бесчисленных процессах о ритуальных убийствах, которые возникали в самом сердце католической Польши.

На востоке, на землях, где проживали украинцы и белорусы, продолжали появляться последователи Богдана Хмельницкого, отчаянные местные главари и безжалостные убийцы. Один из них по имени Василий Воцило изложил населению в своем манифесте достаточно цельную политическую программу, из которой вытекало, что следовало подчиняться законным властям и не бунтовать против них за исключением тех случаев, когда они оказывались подкупленными евреями. Сам он провозгласил себя «атаманом Воцило, внуком Хмельницкого, великим гетманом войск, ответственным за уничтожение еврейства и защиту христианства». Далее его манифест гласил:

«В своих жалобах евреи заявляют, что якобы я возбуждаю беспорядки и что я поднялся против правительства с оружием в руках. Это гнусная ложь. Никогда у меня не было подобных намерений. В этой области неверные евреи не только лишили христиан средств к существованию, но они занялись нападениями, убийствами, грабежами, и взяли на откуп святыне таинства [церкви]; без их согласия и письменного указания священнику ни один новорожденный не может быть крещен; они околдовывают панов, и таким образом заставляют их слушаться себя; они насилуют христианок и совершают много других вещей, которые даже трудно перечислить. Движимый святой христианской верой, я решил вместе с другими достойными людьми уничтожить проклятый еврейский народ, и с Божьей помощью мне уже удалось покончить с евреями в Кричеве и Пропойске. Хотя евреи вооружили против меня правительственные войска, Божья справедливость хранила меня всегда. . . »

Во время гражданской войны накануне первого раздела Польши массовые убийства стали бо-

лее частым явлением. Под прикрытием поддельного императорского рескрипта, «Золотой хартии», приписываемой Екатерине Великой, восставшие приступили к систематическому уничтожению евреев и польских панов во имя православной веры. Вмещались русские и польские войска и восстановили порядок. Авторы фальшивки были сосланы в Сибирь. Но кровавая традиция не умерла, ее продолжением стали погромы конца XIX века, массовые убийства 1918-1920 годов, а также содействие нацистам в следующем поколении.

Что касается дел о ритуальных убийствах и осквернении святых даров, то их число возрастало с начала XVIII века. Чем больше распространялась вера в эти деяния, тем больше находилось доказательств. Обнаруживались все новые подтверждения и улики в поддержку этих обвинений. Нашелся даже свидетель, Михаил Неофит, заявивший о своей готовности к тому, чтобы ему перерезали горло, поскольку, как он утверждал, он сам был убийцей! Этот полусумасшедший, обратившийся в христианство еврей, утвер-

ждавший, что он был великим раввином Литвы, в самом деле клялся на распятии, что не только ритуальное убийство является обязательной заповедью иудаизма, но что и он сам осуществлял это, убивая христианских детей. Изобилующие садистскими подробностями, эти измышления, озаглавленные «Разоблачения еврейских обрядов перед Богом и перед миром», на протяжении двух столетий стали любимой настольной книгой маньяков антисемитизма. До тех пор, пока нацисты не ввели в употребление новые аргументы и новую терминологию, высокопоставленные прелаты и серьезные университетские профессора черпали в этой книге свои знания и убеждения. С самого начала откровения Неофита и активность его сторонников получили королевское одобрение. Обычно весьма скептически настроенный Август II воскликнул: «Кровь христианских детей, пролитая неверными и гнусными евреями, взывает к небесам!» Что же касается высших сановников польской церкви, то они остались верны своей традиционной роли подстрекателей и агитаторов.

Нет ничего удивительного, что при таком покровительстве подавляющее большинство дел о ритуальных убийствах, которые возникали ежегодно во время пасхальной недели, заканчивались смертными приговорами и казнями. Речь шла о настоящей ритуальной инквизиции, которая на этот раз занималась исключительно евреями. Случайное или подстроенное исчезновение христианского ребенка оказывалось жизненно важным для ближайшей еврейской общины. За этим должно было следовать искупление еврейской кровью или, по крайней мере, еврейскими деньгами, которые иногда позволяли погасить дело в самом зародыше. Преимущественно этой цели служил секретный фонд «Ваада четырех стран» — фонд кровавой клеветы («алилот шекер»). Для противодействия ритуальной инквизиции польского духовенства Совет в конце концов решил апеллировать к Римскому папе: в 1758 году специальный посланник отправился в Рим и после длительных усилий получил от кардинала Ганганелли (будущего папы Климента XIII) ученую экспертизу, которая яв-

ляется примером жесткой критики источников и текстов. В своем докладе Ганганелли делает обзор исторически известных случаев ритуальных убийств и для каждого случая устанавливает бессодержательность обвинений, за исключением двух случаев, в которых он предпочитает быть более сдержанным: безусловно, в этих случаях он вынужден был проявлять осторожность, поскольку церковь уже причислила к лику святых двух мальчиков, о которых шла речь в этих делах (Речь шла о блаженных Андрее Риннском (ум. 1462) и Симеоне Тридентском (ум. 1475).).

Но на решение главного вопроса этот замечательный документ не оказал большого влияния. Слухи, аресты, пытки и казни продолжались по-прежнему, что не должно вызывать большого удивления.

* * *

Существует достаточно большое количество независимых друг от друга соображений, каждое из которых очевидным и простым образом доказывает, что в иудаизме нет и никогда не было никаких обрядов и ритуалов, предполагающих употребление человеческой крови. Напротив, ни одна другая религия не воспитывала в такой мере среди своих последователей ужас перед кровью вообще. Некоторые из этих соображений основываются на фактах, которые легко наблюдать, но которые имеют то ужасное последствие, что если делать это недобросовестно, то те же самые факты лишь облегчают закрепление этого кровавого предрассудка.

Прежде всего речь идет о практике забоя скота и птицы, предназначенной для того, чтобы не допустить использования крови в пищу. Существование для этих целей специальных ножей и профессиональных «жрецов, совершающих жертвоприношения», которые производят мистическое «ритуальное» заклинание животных и птицы, лишь еще более усиливает подозрения. Другие обряды и обычаи могли иметь аналогич-

ный эффект (Например, обычай пить красное вино во время пасхальной трапезы. Поэтому во второй половине XVII века талмудист Давид бен Шмуэль Галеви, автор популярного комментария «Тур Захав», потребовал запрещения этого обычая в Польше. Следует также отметить использование пальмовой смолы красного цвета для того, чтобы остановить кровотечение после обрезания. Здесь также легко прослеживается эта связь.). В психологическом плане боязливое и почтительное отношение евреев к крови, как и к человеческой жизни в целом, также могло производить дополнительное впечатление: если кровь для них имеет такое значение, если они придают ей такую цену, то они должны так же страстно желать ее, как они жаждут денег. . .

Более того, народ всегда приписывал человеческой крови магическую силу, которую, разумеется, никто не мог использовать лучше евреев, этих ловкачей и колдунов. Наконец, в самой глубине человеческой души всегда действовал этот ужасный механизм, состоявший в том, чтобы обвинять отвергнутый Богом народ в сво-

их собственных кощунственных желаниях и тайных грязных страстях. . .

В результате можно понять, каким образом вера в реальность ритуальных преступлений, совершаемых евреями, подтверждаемая разнообразными способами, вера, очевидная ибо полезная и полезная ибо очевидная, пустила столь глубокие корни в христианских сердцах.

Для еще более углубленного анализа этой проблемы можно добавить, что впервые это обвинение было открыто сформулировано в Англии в XII веке, и некоторые страстные речи отцов церкви, посвященные святости евхаристии, могли расчистить для него дорогу. Для примера процитируем проповедь Иоанна Златоуста (IV век):

«Подумай, до какой степени ты должен возмутиться против предателей, против злодеев, распявших его, и остерегись, чтобы не оказаться виновным за плоть и кровь Господа. Они погубили его священную плоть; ты же хочешь принять ее в твою порочную душу после того, как получил от нее столько благодеяний! Как же мы должны быть чисты, чтобы принять такую жертву! Разве

наша рука не должна сиять сильнее, чем солнечные лучи, чтобы рвать эту плоть? А наш рот, который наполняется духовным огнем? Наш дрожащий язык, покрасневший от крови? Подумай, какая честь тебе оказана, за каким столом ты сидишь. . . »

Различные видения такого рода привели к тому, что спустя почти столетие был разработан догмат о пресуществлении или «подлинном присутствии» Христа, в плоти и крови, в святых дарах. Принятие этого догмата совпадает по времени с ростом обвинений в христубийстве в двух формах: осквернение святых даров и ритуальное убийство (см. главу IV). Этот догмат, как видно уже из проповеди Иоанна Златоуста, выражает надежду на полную и недостижимую чистоту («ты же хочешь принять ее в твою порочную душу. . . Как же мы должны быть чисты»). Ужас «порочных душ», развращенных еврейскими и иными ядами, и проекция этого ужаса на евреев в качестве выхода—это и могло послужить истинной пружиной обвинения в богоубийстве. В любом случае мы имеем здесь дело со специ-

фической причиной, главной причиной христианского антисемитизма, которая делала из евреев козлов отпущения, в то время как другие пункты обвинения являлись лишь ее следствием или продолжением. Более того, божественная кровь, павшая на евреев, была также кровью еврейского царя из рода Давида. Убийцы христианских детей оказывались таким образом связанными с Богом милосердия Нового Завета, продолжая воплощать Бога мести Ветхого Завета. Последняя двусмысленность христианского антисемитизма, видимо, заключена именно здесь.

VIII. СИТУАЦИЯ В РОССИИ

Впредыдущей главе мы не могли не уделить особого внимания тому, каким образом в истории польских евреев объем их экономических функций постоянно играл определяющую роль. Нет ничего удивительного в том, что многие авторы испытывали соблазн впасть в одно из столь привлекательных для человеческой природы упрощений и пытались свести одно к другому, что можно обобщить как попытку свести всю еврейскую историю к социально-экономической модели в духе марксистской интерпретации. Но как бы там ни обстояли дела с историей западного общества в целом, еврейская история совершенно не укладывается в подобные модели.

Ситуация в России может служить для нас замечательным примером. В самом деле, с ложно упрощенной точки зрения, изложенной выше, общая отсталость этой огромной страны и ее географическое положение к востоку от Польши составляли необходимые и достаточные условия для образования, с соответствующей задержкой, еврейского «социального класса». Однако весьма показательным, что совместного воздействия

суеверных опасений и происшедшего с князем (смерть Иоанна Молодого.—Прим. ред.) оказалось достаточно для того, чтобы ограничить даже доступ евреев в эту страну. Иначе говоря, для того, чтобы рассмотреть эту проблему с интересующей нас в первую очередь точки зрения, оказывается существенно важным изучать сохранение антисемитизма в течение долгого времени после отъезда евреев, как мы это сделали на примере Англии и Франции. Еще больший интерес представляет анализ антисемитизма и его эффектов еще до появления евреев в стране, как это произошло в московской империи. Точнее, оказалось достаточным того, что в решающую эпоху русской истории несколько отдельных евреев отважились добраться до Кремля и стали там проповедовать новые идеи, чтобы в православных душах утвердился большой страх перед евреями, который привел к их многовековой изоляции.

Правление Ивана III (1462-1505) явилось решающей эпохой, когда Великое княжество Московское окончательно освободилось от монголь-

ского ига Золотой Орды. Этот осторожный и умелый правитель овладел Новгородом, увеличил свою территорию в четыре раза и уверенно сконцентрировал самодержавную власть в своих руках, тогда как его советники уже заставляли сверкать перед его глазами идею наследования рухнувшей Византии и разрабатывали концепцию Москвы как третьего Рима. Именно при этом государе первые евреи оказались в Москве.

Один из них, мастер Леон, был врачом (Доктор Леон был венецианским евреем. Его медицинская карьера в Москве закончилась трагически. Когда заболел сын Ивана III, он пообещал его вылечить и предложил в залог собственную голову. Молодой князь вскоре умер, и ему пришлось испытать последствия собственного самомнения—ему публично отрубили голову в 1490 году. Таков был конец первого врача, упоминаемого в русских летописях.); другой, по имени Хозя Кокос,—дипломатом (Хозя Кокос был крымским евреем, который служил посредником между Иваном III и крымским ханом Менгли-Гиреем. В любопытном послании, копия

которого сохранилась в Москве, Иван III просил Кокоса больше не писать ему еврейскими буквами, а пользоваться русскими или «басурманскими» (турецкими?) буквами.); третий, Схария (Захария), стал активным проповедником иудаизма при обстоятельствах, которые плохо известны. Результаты его деятельности мы еще рассмотрим.

На самом деле не известно, был ли один Схария или два разных человека с этим именем. Обстоятельства, при которых возникла «ересь жидовствующих», также известны лишь весьма приблизительно. В русских летописях упоминаются то Скара, то Схария, то Зхария; сообщается, что он прибыл из Литвы в 1470 году или из Крыма в 1485. В конце концов начинаешь сомневаться, идет ли речь о подлинном имени реально существовавшего исторического персонажа или о легендах, возникших в связи с некоторыми неизвестными путешественниками. В делах такого рода сомнения тем более оправданы, что другой легендарный проповедник иудаизма в той же самой части света, мудрец Исаак, кото-

рый якобы шестью веками ранее научил закону Моисея хазарского царя, именовался то Сангари, то Замбрия, то Самврия. В результате задаешь себе вопрос, не отражают ли эти два мифологические персонажа одну и ту же традицию, и не идет ли здесь речь об имени, в каком-то смысле архитипическом? Как бы то ни было, вот все сведения, которые сообщают нам русские источники об этом человеке.

Лицо, известное под именем Схария, прибывает в 1470 году в свободный город Новгород. Этот город, который вскоре будет аннексирован Москвой, расколот на литовскую и московскую партии. В нем распространилась ересь стригольников, выступающих против церковной иерархии. Будучи хорошо образованным человеком, Схария вступает в контакт с представителями духовенства, ему удается убедить некоторых из них в преимуществе еврейской веры. Поп Денис, поп Алексей и некоторые другие начинают в тайне исповедовать иудаизм. Другие евреи, Иосиф Шмойло Скариави (!) и Моисей Хапуш, присоединяются к Схарии. Успех их пропаганды нарастает, и вскоре

она уже ведется совершенно открыто. Но с этого момента о Схарии и его различных сообщниках больше ничего не говорится, и следы их теряются, как если бы они никогда не существовали.

Жидовствующие не признают божественность Христа, отрицают Троицу и разбивают святые иконы. Речь не идет о настоящем иудаизме, поскольку жидовствующие прославляют Иисуса. Но «как Бог мог спуститься на землю и родиться от Девы в человеческом образе? Этого не могло быть... Он равен Моисею, он не равен Богу Отцу». Это проникшее таинственными путями из Византии IV века учение марселлианцев и фотинианцев. Это характерные идеи, которые, как мы уже видели, естественным образом распространяются среди недавно получивших крещение народов. Наконец, это еврейская ересь...

Из Новгорода эта ересь проникает в Москву и быстро обеспечивает там себе очень сильные позиции. Она проникает в ближайшее окружение Ивана III: его фаворит дьяк Федор Курицын и его невестка Елена примыкают к секте, и даже московский митрополит Зосима начина-

ет, по словам летописца, «соблазнять простых людей, питая их еврейским ядом». «С тех самых пор, как солнце православия засияло над нашей страной, никогда не было подобной ереси: в домах, на улицах, на базарах священники и миряне обсуждают вопросы веры и больше не опираются на учение пророков, апостолов и отцов церкви, но предпочитают речи еретиков, отступников от христианства, водят с ними дружбу, изучают иудаизм. . . »,—отмечает тот же летописец. Религиозная распря становится также династическим конфликтом, поскольку княгиня Елена хочет обеспечить трон своему сыну Дмитрию, тогда как со своей стороны на трон претендует князь Василий, сын Ивана III от второго брака. В течение длительного времени было похоже, что благосклонность Ивана III распространялась на партию Елены и Дмитрия: на каких путях могли тогда оказаться судьбы святой Руси?

В конечном итоге православные взяли верх. Иван III предпринял безжалостные меры, как только увидел, что ересь, являющаяся также проявлением центробежных сил в лоне рождаю-

щейся империи, прочно укрепилась в непокорном Новгороде и стала государственным делом. Последовала длительная и трудная борьба, закончившаяся полной победой самодержавия. В 1504 году после состоявшегося в Москве собора основные руководители секты были сожжены. Княгиня Елена была брошена в темницу и умерла в заключении в том же году. Однако ересь не была полностью уничтожена—она ушла в подполье, чтобы возникать в последующих столетиях, чтобы влиять на различные религиозные движения и секты, которые всегда изобиловали на земле святой Руси, чтобы смешиваться с ними, наконец, чтобы проявиться в XIX веке в виде молокан или духоборов.

В этих условиях и с целью обеспечить на будущее защиту от еврейской заразы московские власти решили посадить евреев в карантин. Это решение они выполняли с поразительным постоянством. Как известно, царский режим с первых своих шагов традиционно питал подозрение ко всем иностранцам, к иноверцам, которые целиком рассматривались как неверные и вплоть до

реформ Петра Великого проживали в Москве и Архангельске в особом изолированном квартале, слободе, которую вполне можно сравнить с еврейским гетто. Что же касается евреев, которых боялись и считали квинтэссенцией зла и извращенности, недоверие к ним пережило все реформы.

«Евреи для нас отвратительнее всех, даже простое упоминание их имени внушает нам отвращение; мы не позволяем им приезжать в нашу страну, поскольку это мерзкие и злобные люди; разве не они недавно научили турок лить пушки из бронзы?»—заявил в 1526 году русский посланник при Римском папе Дмитрий Герасимов. В 1550 году Иван Грозный, которого его польский союзник король Сигизмунд-Август II просил разрешить пребывание в Москве нескольких еврейских торговцев, выразил свою позицию в еще более энергичной манере:

«Что касается того, что ты нам пишешь, чтобы мы разрешили твоим жидам въезд в наши земли, мы уже много раз писали тебе о мерзких деяниях жидов, которые отвращали наших лю-

дей от христианства, привозили в нашу державу отравленные лекарства и причинили много зла нашим людям. Тебе, нашему брату, должно быть стыдно писать нам о них, зная все их преступления. В других странах они также причинили много зла, и за это их изгнали или предали смерти. Мы не можем разрешить иудеям находиться в нашем государстве, поскольку мы хотим избежать зла, мы хотим, чтобы Бог даровал людям нашей страны жизнь в покое, без каких-либо смут. И ты, брат наш, не пиши нам больше в будущем по поводу жидов».

Наследники Ивана Грозного скрупулезно придерживались тех же принципов. Единственным исключением явился период между 1605 и 1613 годами, известный как «Смутное время». Похоже, что некоторое количество польских евреев прибыло в Москву в свите Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. В манифесте, изданном при избрании на царство Михаила Федоровича, первого царя из династии Романовых, выразалось возмущение появлением в Москве во время Смуты «злых еретиков, кальвинистов, лютеран, ар-

мян, римских папистов, и еврейских богоубийц, осквернителей наших церквей»; что касается Лжедмитрия II, он прямо характеризовался как «вор, родом жидовин».

В дальнейшем, в течение XVII века, горстка обращенных евреев, некоторые из которых в тайне исповедовали иудаизм, смогла обосноваться в Москве. Но когда король Польши попросил царя Михаила разрешить прибытие в Москву Аарона Марковича, «посредника», представляющего польский двор, царь ответил ему: «Евреи никогда не приезжали в Москву, и христиане не должны с ними общаться». Кроме того, договор, подписанный в 1678 году между царем Федором и Яном Собеским, ясно предусматривает, что польские торговцы-католики смогут обосноваться в Москве, но что еврейским торговцам это не будет разрешено. В 1698 году к Петру Великому во время его пребывания в Амстердаме обратился бургомистр города Витсен с просьбой разрешить въезд в Россию нескольких еврейских торговцев или деловых людей. По воспоминаниям одного свидетеля в ответ было получено следу-

ющее заключение:

«Мой друг, вы знаете нравы и обычаи евреев, вы также знакомы с русскими. Я также знаю и тех, и других, и поверьте мне: еще не пришло время для встречи этих двух народов. Скажите евреям, что я благодарю их за их предложения и понимаю ту выгоду, которую я бы мог из них извлечь, но мне было бы их жаль, если бы им пришлось жить среди русских».

Петр Великий имел безусловно независимый ум. По другому поводу он писал: «Для меня все едино, был ли человек крещен или обрезан, лишь бы он был порядочный человек и хорошо знал свое дело». Хотя он предпочитал не допускать в свою империю западных евреев, по крайней мере он заботился о тех, кто в течение поколений проживали на недавно присоединенных или завоеванных территориях, на Украине и в балтийских странах. При его наследниках ситуация изменилась. Через два года после его смерти его вдова императрица Екатерина I издала следующий эдикт:

«Все евреи мужского пола и женского пола,

которые находятся на Украине и в других русских городах, должны быть немедленно изгнаны за границы России. Отныне они не будут допускаться в Россию ни под каким предлогом, и за этим повсюду будут строго следить».

Речь шла о тех еврейских коммерсантах и ремесленниках, о глубоком проникновении которых в местную экономику я писал выше. В этих условиях, как только их начали изгонять, возникли серьезные осложнения, и гражданским или военным властям пришлось допускать многочисленные отсрочки, чтобы избежать более серьезных беспорядков. В течение последующих лет возникли многочисленные конфликты между чиновниками и органами, заботящимися о национальном благополучии, и теми, кого прежде всего интересовало спасение души. В 1743 году Правительствующий Сенат представил Елизавете Петровне, дочери Петра Великого, подробный доклад, оценивающий выгоды, которые могла бы извлечь императорская казна из допуска еврейских торговцев на ярмарки Клева и Риги. Ответ императрицы был кратким и категоричным: «От

врагов Христовых не хочу иметь никакой прибыли». Это было начертано ею собственноручно на полях доклада.

Выше мы кратко описали происхождение знаменитой «черты оседлости» и законодательства, которое вплоть до Февральской революции 1917 года ограничивало место проживания всех еврейских подданных царской империи ее западными окраинами, тем самым превратив их в наследственных лишенцев права на проживание. Их число невероятно возросло после разделов Польши.

В истории антисемитизма определенную роль сыграло своеобразное, специфически женское ханжество. Подобно жене и дочери Петра Великого Изабелла Кастильская, Маргарита-Терезия Австрийская (Изгнанная из Испании (1492 г.), Вены (1670 г.) и Богемии (1745 г.)), Мария - Терезия Австрийская прославились тем, что в определенный момент они нарушали уже весьма хрупкое равновесие. В этой связи можно сделать вывод, что абсурдные решения, имевшие тяжелые последствия, были вообще характерны для

этих правительниц. Особенно далеко зашли эти последствия в данном вопросе. Ведь иная политика позволила бы огромным пространствам Российской империи поглотить избыток польских евреев и тем самым избежать их неопикуемой концентрации на крайне незначительной территории четырехугольника, в вершинах которого находились Варшава, Одесса, Вена и Берлин, и где с конца XIX века страсти бурлили как в котле с хорошо известными последствиями.

IX. ЗАРЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В XVIII веке количество евреев в Европе достигло приблизительно двух миллионов; около половины из них жили в Польше. Условия их жизни варьировались в разных странах, но основные различия были между сефардами (испанскими и португальскими евреями) и ашкеназами (немецкими и польскими евреями). Сефарды, насчитывавшие, возможно, около ста тысяч человек, в основном, были потомками тех марранов, о которых мы говорили. Они имели возможность расселиться по всем европейским странам за исключением полуострова, откуда они вели свое происхождение и где время от времени продолжали загораться костры инквизиции. В основном, они утвердились в больших европейских и мировых портах, где занимались международной торговлей в мировом масштабе. Один английский автор начала XVIII века сравнивал их с «болтами и гайками большого здания, которые сами по себе не имеют большой ценности, но совершенно необходимы, чтобы здание не рухнуло». Все правительства рассматривали их как полезных подданных; помимо коммерче-

ской и финансовой деятельности многие из них посвящали себя литературе и искусствам, другие подвизались на политической сцене как посредники или тайные агенты. В основных центрах их проживания—в Лондоне, Амстердаме, Гамбурге, Бордо, Ливорно они имели привилегированный статус и, как правило, следовали обычаям и модам своего времени.

По словам одного немецкого путешественника, сказанным в 1678 году, голландские евреи «так процветают, что их не следует рассматривать как евреев». В следующем году герцог Ганновера, находясь проездом в Амстердаме, заболел. Его жена писала брату: «Слава Богу, он чувствует себя лучше благодаря заботам синьора Роббио, врача-еврея, и нашего хозяина синьора де ла Коста, уроженца Португалии из того же племени, который нас замечательно устроил и собственноручно приготавливает бульоны для Эрнеста-Августа. Он такой чистоплотный, как и все его соплеменники, которые не хотят иметь ничего общего с немецкими евреями из-за их грязи и зловония...» Итак, эти приобщенные к

культуре евреи, которых можно называть «ассимилированными» до того, как возникло это понятие, тщательно дистанцировались от своих единоверцев. Лучшее всего их особое мнение о самих себе, отражавшее взгляд на них образованных христиан, представлено в защитительной речи, с которой в следующем столетии еврей из Бордо Пинто выступил в противовес антисемитским обобщениям Вольтера:

«Если бы и в этом случае господин де Вольтер проявил присущую ему строгость в рассуждениях, то он начал бы с того, что следует отличать испанских и португальских евреев от всех остальных, поскольку они никогда не смешивались и не растворялись в толпе остальных детей Иакова. Нравы португальских евреев совершенно отличны от нравов остальных евреев. Они не носят бороду и не имеют никаких особых примет в своей одежде. Состоятельные люди из их среды добиваются такой же изысканности, элегантности и пышности в своих одеждах, как и другие народы Европы, от которых они отличаются только своей верой. Их разрыв с остальными со-

братьями зашел так далеко, что если португальский еврей в Голландии или Англии женится на немецкой еврейке, то он тотчас же утратит все свои преимущества. Его больше не будут признавать членом местной синагоги, он будет лишен всех гражданских и религиозных бенефиций, он будет полностью отрезан от тела нации, его даже нельзя будет похоронить вместе с его португальскими братьями. Мысль о том, что они, в основном, произошли из племени Иуды, а их главные семейства прибыли в Испанию в эпоху вавилонского плена, лишь усиливает эти различия и способствует развитию у них той возвышенности чувств, которые отличают их и которые признают даже их братья иного происхождения (...).

Те, кто знаком с португальскими евреями во Франции, Голландии и Англии, знает, что будучи весьма далеки от того, чтобы, как говорит господин де Вольтер, испытывать «непреодолимую ненависть ко всем народам, которые терпят их», они, напротив, считают себя настолько слившимися с этими народами, что даже рассматривают самих себя как их часть. Их испанское и пор-

тугальское происхождение стало чисто духовной чертой, в которой самый строгий критик может усмотреть гордость и тщеславие, но отнюдь не скупость и суеверие. . . »

Эти противопоставления и возражения ассимилированного еврея XVIII века начнут проявляться в бесчисленных вариантах после всеобщей эмансипации евреев, поскольку, опираясь на сходные аргументы, в дальнейшем богатые евреи станут дистанцироваться от бедных, местные евреи от пришлых и, как это ни странно, немецкие евреи от польских. Таинство эмансипации состоит в том, чтобы всегда указывать на того, кто является евреем в большей степени, чем ты сам. Было бы только справедливым добавить, что господин Пинто затем брал под защиту всех своих единоверцев, объясняя их недостатки условиями, в которые их поставили. В этом отношении он также опередил свою эпоху:

«Разве удивительно, что лишенные всех социальных преимуществ, размножающиеся в соответствии с законами природы и религии, презираемые и унижаемые всеми, часто преследуе-

мые, всегда оскорбляемые, они производят впечатление приниженных и опустившихся, занятых лишь повседневными заботами?... Можно их жалеть, когда они ошибаются, но было бы несправедливо не восхищаться их постоянством, мужеством, верой и бескорыстием, с которыми они отказываются от стольких жизненных соблазнов...»

Этих традиционных евреев официально терпели в Европе только в германских странах, Польше и Италии. Однако они ухитрялись постоянно, во все увеличивающемся количестве проникать во Францию и Англию.

Выше мы рассмотрели условия их существования в Польше. До раздела этой страны в конце XVIII века они практически не менялись. Напротив, на Западе, где уже начали проявляться первые признаки промышленной революции и где разрабатывались идеи, которые должны были потрясти мир, новый политический и социальный климат эпохи был благоприятным для коммерческих и финансовых успехов евреев в силу различных причин, самые заметные из кото-

рых восходили к их средневековой специализации одалживания денег под залог. В XVII-XVIII столетиях, когда как гражданские, так и церковные власти сняли средневековый запрет на занятие ростовщичеством христиан, еврейское преимущество в этой области свелось к наследственной специализации и умению. В то же время укрепление власти «абсолютных» монархов, бывших их традиционными союзниками, приоткрыло для них возможности для деятельности в других областях. В самом деле, у властителей «государственные интересы» вытесняют средневековую этику. Параллельно начинает вырисовываться понятие всеобщего интереса, противопоставленного корпоративным интересам прошлого. Мы не имеем возможности проследить здесь в подробностях структурную эволюцию экономического положения евреев, для чего потребовался бы солидный том; отдельные последствия этой эволюции можно еще наблюдать и в наши дни по обе стороны Атлантики. Но учитывая стойкость представлений о врожденной и квазибиологической способности евреев к обогащению

и коммерции, нам представляется необходимым высказать несколько соображений, которые будут изложены лишь в схематическом виде.

1. Частично то преимущество, которое евреи имели над своими христианскими конкурентами, вытекало объективно (практически) из их старинной специализации в области одалживания денег под залог. При этом:

а) Обработка залогов требовала решения таких проблем, как их надежное хранение и реализация тех залогов, которые оставались в руках кредитора, что вело к специализации евреев в таких сферах деятельности как реставрация, использование ценных отходов и торговля подержанными товарами. Не следует забывать распространенность подобной торговли до эпохи промышленной революции. Можно заметить, что еще и в наши дни во многих странах евреи играют важную роль в текстильной промышленности, ювелирном деле и торговле подержанными товарами. Все эти занятия исторически восходят к старинному одалживанию денег под залог.

б) По причинам того же порядка, иными сло-

вами учитывая разнородность движимого имущества, с которым приходилось иметь дело ростовщикам, евреи в той мере, в какой им разрешалось заниматься коммерцией, предпочитали торговать всеми видами товаров, что являлось предвосхищением современных супермаркетов, в противоположность христианским торговцам, которые в соответствии с их корпоративным статусом традиционно ограничивались каким-то одним видом коммерции.

в) С финансовой точки зрения ростовщик является всего лишь держателем капитала, предоставляющего кредит клиентам. В результате евреи были пионерами в деле продаж в рассрочку частным лицам. Подобные операции получили распространение среди итальянских евреев уже в XV веке. Эти операции можно также обнаружить в немецких или французских документах XVIII века, что позволяет легко объяснить причины, по которым клиенты оказывали предпочтение евреям.

д) Еще одну причину успеха еврейской торговли составляли применяемые в ней низкие це-

ны, такие цены, которые делали невозможной конкуренцию, что подтверждается бесчисленными совпадающими свидетельствами о том, что в местностях, где евреям разрешалось открывать свои лавки, христианские корпорации чувствовали себя обреченными на разорение. В этой области также проявился профессиональный опыт ростовщичества, который на основе понимания важности быстрой циркуляции денежных средств научил евреев элементарной и в наши дни общепризнанной истине, что быстрый оборот товаров с низкой прибылью, иными словами массовое производство, должно быть выгодно предпринимателю и коммерсанту. Со своей стороны, христианским торговцам потребовалось длительное время для осознания этой первостепенной истины, поскольку они были связаны корпоративными традициями и регламентами, основанными на понятии «справедливой цены», которая на практике предусматривала низкий уровень сбыта, компенсированный высокой нормой прибыли, чтобы каждый член корпорации мог быть уверенным в своем пропитании. Ан-

глийское двестишестидесятое XVII века гласило, что «в вопросах коммерции ошибка голландцев заключается в том, что они мало дают, но много требуют» («In matters of commerce, the fault of the Dutch is giving too little, and asking too much»). Разумеется, эта поговорка применима не только к одним голландцам.

2. Другие причины преимущества еврейского торговца и предпринимателя также вытекают из его средневекового положения, но уже пропущенного сквозь соответствующие чувства и нравы, т. е. относятся к области коллективных межличностных отношений: презрение, проявляемое к евреям, обращение с ними. С этой точки зрения можно констатировать, что существовала настоящая взаимная дополнительность между христианским макрокосмосом и еврейским микрокосмосом.

С еврейской стороны отмечается:

а) Как правило, более скромный образ жизни по сравнению с христианским торговцем, озабоченным необходимостью поддерживать свой или корпоративный престиж. Это означало су-

ществленное снижение для еврея накладных расходов, связанных с необходи

мостью содержания себя и своей семьи.

б) Традиционная динамичность, связанная с неустойчивостью политического положения евреев, которая контрастировала с «приятной беззаботностью» христианского предпринимателя; жажда обогащения, вызванная жестоким опытом столетий, поскольку в христианском обществе деньги были единственной защитой евреев; более того, когда это общество начинает обуржуазиваться и старые рамки постепенно исчезают, деньги становятся средством спастись от окружающего презрения и стать, начиная с определенного уровня богатства, значительным лицом, как мы это увидим в дальнейшем.

в) Что касается специфического духа предпринимательства, предполагающего разумное принятие риска, те опасности, к которым евреи привыкли вследствие самого факта ненадежности их положения, предрасполагали их спокойно относиться и к собственно коммерческому риску и смело идти вперед.

д) Вспомним, наконец, связи и международную солидарность евреев, возникшую как следствие гонений и изгнаний. К ним в гораздо большей степени можно применить то, что было сказано о французских протестантах: «Во всех областях преследования и шаткость положения превратили их в особенно гибкое меньшинство и навязали им мобильность, которая хотя и была часто трудно выносимой, оказалась для них невероятно полезной. . . » (Herbert Luthy, *La Banque protestante en France. . .*, Paris, 1959, t. 1, p. 28.).

С христианской стороны можно отметить, особенно среди знати и чиновников, тенденцию к сотрудничеству с евреями в области совместных выгодных предприятий, которые плохо сочетались со статусом высших слоев общества или нравами эпохи. Таким образом, христианская честь высокопоставленного и могущественного лица не затрагивалась, или затрагивалась в меньшей степени, ибо нет нужды краснеть в присутствии самого ничтожного из людей, а тайна сотрудничества или совместного предприятия оказывалась надежно обеспеченной. Откровен-

ная и простая коррупция также может быть отнесена к подобным действиям, поскольку по тем же самым причинам еврей оказывался в подходящей ситуации, чтобы выступить в роли искусителя.

Имелось бесчисленное количество вариантов таких комбинаций, позволявших обогащаться, но при этом внешне соблюдать традиции и законы. Приведем в качестве примера два варианта:

а) Выгодное помещение капиталов, ростовщические или спекулятивные операции, при которых весь позор падает на голову еврея, выступающего в качестве компаньона или подставного лица. Фантастически стремительное восхождение Ротшильдов, в значительной степени основанное на спекуляциях, осуществленных на средства богатейшего маркграфа Касселя, может служить самым знаменитым историческим примером.

По сути дела, основа капитанов, которыми оперировали финансисты и крупные еврейские коммерсанты, чаще всего была христианской. Интересно проследить, как сделанные таким образом долги, способствовали защите штат-

ких гражданских прав евреев: кредиторы евреев тем самым становились их заинтересованными защитниками, поскольку в случае изгнания оказывалось невозможным вернуть кредиты. В некоторых странах и в некоторые эпохи еврейские общины систематически использовали этот способ страховки против изгнания. Именно так обстояло дело в Италии эпохи Возрождения, а также в Польше XVIII века. Что касается этого последнего случая, то президент Коммерц-коллегии при императоре Павле I Гаврила Державин констатировал: «Чтобы избежать того, что с ними произошло в Испании, [евреи] придумали или использовали в Польше свою старую уловку—оказаться в большом долгу в стране своего проживания, для того, чтобы обеспечить пребывание там. Они предлагают в качестве залога все движимое имущество еврейства через посредство своих общин, которые таким образом обеспечивают себе привязанность и уважение кредиторов. . . »

б) Денежные вознаграждения и взятки, получаемые чиновниками, при помощи которых евреи

добивались одновременно с разрешениями на проживание в каком-либо городе или стране привилегии на занятие одним или несколькими видами коммерческой деятельности. В Германии эти вознаграждения называли характерным термином «сладость». Они были широко распространены в Европе XVII-XVIII веков; крупный римский теолог, кардинал Луго объявил, что он не находит в этом ничего, заслуживающего осуждения, при условии что подкупленный чиновник или министр не предпримет ничего, противоречащего интересам своего государя. Но нельзя быть уверенным, что это условие всегда соблюдается.

в) Справедливость этих двух замечаний и важность для экономического подъема евреев подобных психологических факторов связана с существованием «придворных евреев», которые особенно процветали в Германии, но в зародыше аналог этого явления можно обнаружить и в окружении некоторых крупных французских сеньоров. Если не уделять должного внимания психологическим тонкостям в отношениях между евреями и аристократами, частично вытекающим

из подобного соучастия, то невозможно понять причину, по которой государи доверяли ведение своих дел, финансовых, личных и даже амурных, посредникам, избранным из числа детей Израиля. Излишне добавлять, что покровительство, которым пользовались в результате этого «придворные евреи», обеспечивало им прочность их позиции, существенно важной для экономической деятельности евреев в целом.

3. Наконец, некоторые другие факторы успеха евреев должны рассматриваться и в аспекте коммерческой этики, или вообще этики прошедших веков. Повседневные рамки, в которых находилась христианская коммерция, исторически были привязаны к христианской или аграрно-христианской традиции, враждебно относящейся к обогащению и торговле и тормозящей европейское экономическое развитие. «Дух корпоративности в принципе противостоит духу новаторства» (Шарль Моразе). Христианское сословие производителей и коммерсантов было связано слишком жесткими правилами и противилось даже самым незначительным изменениям в

установленных обычаях и привычках. Евреи, которым был неукоснительно закрыт доступ в корпорации, не чувствовали себя связанными этими правилами, так что можно сказать, что новаторский дух, развивавшийся в условиях их неустойчивого и опасного существования во время их рассеяния, стал их второй натурой.

Среди используемых евреями коммерческих уловок, вызывающих гнев и отчаяние их христианских конкурентов, одни с тех пор уже давно стали частью современных нравов, тогда как другие по-прежнему вызывают осуждение; как те, так и другие привлекали к ним благосклонность их клиентов, несмотря на не слишком лестную репутацию; но что касается этой репутации, то здесь им нечего было терять. Вот некоторые примеры:

а) Реклама и привлечение клиентов, т. е. «продвижение товаров», что строго запрещалось уставами корпораций, но являлось излюбленным экономическим оружием евреев в виде привлечения покупателей в общественных местах, в помещениях постоянных дворов и на улицах гетто,

которые постоянно посещались покупателями-христианами.

б) Производство и продажа товаров низкого качества, не отвечающего корпоративным эталонам; представление товаров в привлекательном виде, особенно подержанных вещей, обновленных и восстановленных умелыми ремесленниками гетто.

в) Сбыт товаров сомнительного происхождения, будь то военные трофеи, контрабанда, добыча в результате солдатских грабежей, воровства и взломов. В этом смысле показательным является обязательство, взятое на себя ашкеназами перед сефардами Гамбурга при получении разрешения обосноваться в городе, не пополнять товарные запасы у перекупщиков и солдат. Выше мы уже обсуждали проблему еврейского бандитизма в Германии XVII-XVIII века.

По этому последнему пункту следует упомянуть проблему «талмудической этики», т. е. этики, позволяющей по отношению к неевреям использовать приемы, запрещенные в отношениях между единоверцами.

Известно, какая участь постигла в этом плане, благодаря антисемитской пропаганде, отдельные тексты и предписания иудаизма, некоторые из которых были подлинными, а другие фальсифицированными. Во время первых веков нашей эры учителя дочерней религии следовали в этом вопросе примеру учителей материнской религии, ср. «исключение Амбруаза», разрешающее ростовщичество по отношению к иноверцам: «ubi jus belli, ibi jus usurae» («Где право войны, там и право ростовщичества»).

В дальнейшем дискриминация по отношению к «неверным» осуществлялась обоими лагерями с помощью политических средств, имевшихся в их распоряжении, т. е. соответственно насилия и хитрости. Христиане и евреи использовали двойные системы мер и весов и оказались совместно вовлеченными в безвыходное положение. Традиционалисты обоих лагерей казались довольными подобным положением вещей. Так, Бональд писал: «... Христиане могут быть обмануты евреями, но они не должны находиться в зависимом от них положении, ибо эта зависимость оскорбляет

их достоинство в еще большей степени, чем жадность евреев наносит ущерб их интересам». Однако вследствие того факта, что евреи составляли лишь ничтожное меньшинство, подобное положение дел оказывалось выгодным для них (в той мере, в какой гибкость в коммерческих вопросах приносит выгоду), поскольку экономическая деятельность евреев чаще всего была связана с христианами, тогда как обратное имело место лишь в незначительной части случаев.

Таковы доминирующие факторы, рядом с которыми наиболее часто высказываемые соображения, такие как высокая культура «народа, занимающегося чтением книг уже две тысячи лет», или своеобразный естественный отбор, видимо, играли лишь вспомогательную роль в деле обеспечения экономического роста евреев в тех странах, в которых им разрешалось жить. Нужно ли добавлять, что, несмотря на их преимущества, еврейские деловые люди не добились превосходства ни в одной стране Запада и что они не играли роль «создателей капитализма», которую им иногда приписывают.

Теперь мы рассмотрим конкретные факты по очереди в разных странах.

Германия

В целом экономическое развитие евреев на заре нового времени шло параллельно с подъемом централизованного абсолютизма и укреплением власти государей, ущемлявшей городские вольности и средневековые корпоративные привилегии. Подобная эволюция была особенно четкой в Германии, где эти вольности и привилегии сохранялись дольше, чем в западных монархиях, и где христианская буржуазия с особым ожесточением выступала против евреев, являвшихся орудием абсолютистской власти. Наиболее примечательным в этом отношении является эпизод с поселением в Берлине евреев, изгнанных из Вены в 1671 году.

Изгнание богатой и древней еврейской общины Вены было осуществлено в чистейшем средневековом стиле по причинам, среди которых трудно отделить роль коммерческого обмана от набожных предрассудков. Император Австрии

Леопольд I, бывший иезуит, прославился своей набожностью. В течение первых десяти лет своего правления он доброжелательно относился к евреям. Но в 1669 году на императорскую фамилию обрушилась целая серия несчастий: пожар во дворце, смерть наследного принца, за которым последовал выкидыш у императрицы, посеяли сомнения в его душе. Духовник императрицы постарался убедить его, что речь шла о предзнаменованиях и предупреждениях, ниспосланных свыше, причем его аргументы получили сильную поддержку благодаря предложению венской буржуазии с лихвой возместить императорской казне финансовый ущерб от отъезда евреев. Эдикт об изгнании был издан императором 28 февраля 1670 года. Все евреи должны были покинуть Вену до Пятидесятницы. (В дальнейшем, через пятнадцать лет они были приглашены обратно и с этого времени их присутствие считалось обязательным. Новый министр Леопольда I канцлер Людвиг заявил: «От их усердия чаще всего зависит успех самых важных дел в Вене».)

Как только он узнал об этом изгнании, кур-

фюрст бранденбургский («Великий Курфюрст») Фридрих-Вильгельм, первый из монархов, создававших современную Пруссию, решил пригласить пятьдесят еврейских семейств в свое государство. Он стремился развивать у себя в стране промышленность и торговлю всеми способами и уже пригласил из-за границы многочисленных поселенцев и предпринимателей, особенно французских гугенотов.

Установив соответствующую «плату за покровительство» (Schutzgeld), он предоставил евреям специальную, подлежащую пересмотру привилегию, в которой были указаны разрешенные евреям виды деятельности, а также их права и обязанности в соответствии с обычаями. Немедленно развернулась конкуренция между еврейскими и христианскими коммерсантами, которая была тем более ожесточенной, что различия между ними касались не только веры и обычаев, но и их коммерческих приемов и юридического статуса. Некоторые разновидности и последствия этой конкуренции сохранятся еще и в XIX веке, после эмансипации евреев. В результа-

те на протяжении поколений канцелярия прусского государства оказалась наводненной жалобами и контр-жалобами, чтение которых приводит нас непосредственно к некоторым важнейшим особенностям современного антисемитизма:

«Эти антихристы,—возмущались в 1673 году христианские коммерсанты Берлина и Кельна,—бегают из деревни в деревню, продают здесь, покупают там. Таким образом, они не только избавляются от своих залежавшихся попорченных товаров и обманывают людей своими старыми тряпками, но они разрушают всю торговлю, особенно серебром, латунию, оловом и медью { . . . }. Такова настоящая причина, которая вынуждает нас покорно изложить наше несчастье Вашему Величеству, несчастье, которое столь велико, что оно приведет к нашему разорению, а вместе с нами к разорению ваших городов с их школами и церквями, где сияет слава Господа. . . »

Здесь хорошо видно, как уже в XVII веке слава Господа оказывалась в прямой связи с доходностью христианской торговли. Можно приписать чувствам того же порядка имею-

щий несколько скотологическую окраску пасквиль, датированный тем же самым 1673 годом и направленный против банкира Израиля Арона, которому удалось добиться положения главного поставщика при дворе бранденбургского курфюста. Памфлет был направлен не только против этого еврея, но и против чиновников, которые ему покровительствовали, и которых он завалил золотом и подарками. Жалобы христианских корпораций против конкуренции евреев повторялись из года в год и охватывали все провинции. Мы ограничимся цитированием некоторых энергичных образов, к которым прибегли в 1734 году коммерсанты города Стендаля: «Еврей—это щука в пруду с карпами. . . . Он проникает повсюду, выхватывает у коммерсантов кусок хлеба изо рта, сосет кровь бедняков и из жадности не платит налоги. . . .»

В 1763 году Бранденбургский курфюст встал на сторону евреев, решив, что «евреи и их коммерция не причиняют вреда нам и нашей стране, но что они приносят пользу». Его наследники, в основном, следовали той же линии по-

ведения, при этом само собой разумеется, что эта польза непосредственно зависела от толщины кошельков детей Израиля. Со своей стороны, евреи старались выглядеть униженными и незначительными и ограничивались тем, что необходимость своего присутствия в христианском государстве доказывали, ссылаясь на принципы здоровой коммерции: «Мы спрашиваем, кто те люди, которых разоряем мы и наша торговля? (...) Разве склады этих крупных негоциантов не заполнены большим количеством более дорогих товаров, чем все, что мы способны собрать? Еще они владеют роскошными домами и большими дворцами. Кто среди нас может позволить себе кресла с носильщиками и кареты, чтобы отправляться в увеселительные заведения и парки, как это делают они? Кто из нас заработал достаточно денег, чтобы подражать им, чтобы покупать земельные угодья, оставить торговлю и стать крупными банкирами? (...) Если нас обвиняют в разорении христианских коммерсантов, то непонятно, почему они терпят банкротство в городах, где нет ни одного еврея. Но разве редко

мы видим, что христианские коммерсанты начинают заниматься делами, в которых они не разбираются? Что хорошего может произойти, когда коммерсанты во всем полагаются на своих слуг, вместо того, чтобы самим заниматься своими делами, а не проводить время за едой и питьем и проматывать свои доходы в тавернах? В чем же виноваты евреи, если такие коммерсанты терпят банкротство?»

Переплетение религиозных и коммерческих интересов может быть хорошо проиллюстрировано несколькими инцидентами, имевшими место в 1669 году в прусском городе Хальберштадте. Не получив официального разрешения, евреи, которые имели право на торговлю в этом городе, построили синагогу. Не обращаясь к властям, горожане Хальберштадта, «сопровождаемые пятьюдесятью вооруженными мушкетерами,—как это указывалось в жалобе евреев,—ворвались в нашу синагогу, сломали окна и двери, разрушили все здание от подвалов до крыши, все переломали, разрушили, разбили на куски, устроили такие беспорядки, скандалы, навели такой страх и

ужас, что мы готовились к избиению и убийству всех до одного, так что теперь день и ночь мы должны находиться под охраной солдат для защиты от толпы, сбегавшейся со всех сторон. . . » Прусское правительство распорядилось провести расследование. Горожане Хальберштадта оправдывались следующим образом:

«. . . К несчастью, по нашему опыту хорошо известно, какое зло причиняют подобные собрания (т. е. синагоги,- прим. ред.), обрекающие евреев на вечное проклятие, поскольку именно там их обучают с самого детства ложному пониманию божественных пророчеств и Откровения, учат презирать Иисуса Христа, что делает гораздо более трудным их путь к обращению. Кроме того, этот народ быстрее размножается там, где поощряется исповедование их отвратительной религии, так что вся страна оказывается зараженной евреями на погибель христиан. . . »

Отсюда видно, как потребности христианской торговли поддерживали и стимулировали тысячелетнюю борьбу церкви против синагоги.

Если создается впечатление, что предприя-

тия христианской буржуазии терпели большой ущерб от еврейского присутствия, то последнее было крайне выгодно правителям и знати, естественным защитникам евреев (до такой степени, что Вернер Зомбарт даже видел в евреях настоящих соучредителей современного государства). Но помимо принципов политического равновесия, которые необходимо соблюдать в государстве, остающемся христианским, религиозная чувствительность ставила пределы покровительству и льготам, которые во имя финансовой и экономической целесообразности можно было распространять на сынов народа-богоубийцы. Личные религиозные убеждения и темперамент самодержцев играл здесь немаловажную роль. Линия поведения, которой было необходимо придерживаться, чтобы сочетать интересы государства с требованиями христианской морали, была тонко сформулирована «королем-сержантом» Фридрихом-Вильгельмом, который дал следующие советы по поводу мудрого правления своему сыну, будущему Фридриху Великому:

«В том, что касается евреев, то в наших стра-

нах имеется большое количество тех из них, кто не получил от меня писем о покровительстве. Вы должны их изгнать, поскольку евреи в стране—это саранча и разорение христиан. Я прошу вас не давать им новых писем о покровительстве, даже если они предложат вам много денег. . . Если у вас будет нужда в деньгах, наложите на еврейство в целом налог в двадцать-тридцать тысяч талеров каждые три или четыре года сверх денег за покровительство, которые они вам платят. Вы должны душить их налогами, ибо они предали Иисуса Христа, и вы не должны никогда доверять им, ибо самый честный еврей—это жулик и мошенник, не сомневайтесь в этом. . . »

Фридрих Великий был реалистом, как и его отец, но насколько тот был набожным, настолько этот циником, которого не волновали моральные проблемы такого рода, и он вернулся к золотому правилу бранденбургского курфюрста: еврей полезен настолько, насколько он богат. Итак, он преследовал и безжалостно изгонял неимущих детей Израиля, но раздавал привилегии тем, кто проявлял себя способными создавать предприятия

и рынки сбыта товаров, брать на откуп налоги и, прежде всего, ссужать деньги. Подобная государственная политика, которую проводили в это время многие европейские государства, привела к сохранению вплоть до нашего времени некоторой связи между иудаизмом и деньгами (как в том, что касается представлений христианского мира об иудаизме, так и в том, что относится к внутренней жизни иудаизма). В известной мере верно, что эмоции могут пережить на целые поколения те структуры, которые их породили, и в результате заменить собой некоторые компоненты этих структур.

С экономической точки зрения немецкие евреи играли в XVII- XVIII столетиях все более возрастающую роль в крупных коммерческих центрах; в Лейпциге, где их численность среди участников знаменитой ярмарки достигла в конце XVIII века двадцати пяти процентов; в Гамбурге, где сенат свободного города, изгнавший их в 1648 году и разрешивший нескольким семьям вернуться в город пятнадцать лет спустя, в 1733 году констатировал, что евреи стали для

коммерции «необходимым злом» по причине переплетения их интересов с интересами христиан; и особенно во Франкфурте, где пожар в гетто в 1711 году, как тогда говорили, потряс финансы империи, но место для гуляний, устроенное там, где были его стены, украшала надпись: «Ни один еврей и ни одна свинья не имеет права входить сюда». Во Франкфурте, главном финансовом центре Германии, число евреев было особенно велико и составляло в 1711 году более трех тысяч, или шестнадцать процентов населения города. Само собой разумеется, что гетто, из которого вышли Ротшильды, помимо нескольких богатых финансистов насчитывало большое количество плебса, скученного на нескольких узких улицах, и занимающегося тысячами видов мелких промыслов, чтобы обеспечить свое пропитание. Вот как описал это в 1778 году в своей «Ярмарке в Плундерсвейлерне» Гете (Как известно, Гете был родом из Франкфурта. Вот как на склоне дней он описывал свои впечатления от гетто:

«Среди важных вещей, которые занимают ре-

бенка и юношу, следует особо отметить еврейский квартал, который, по правде говоря, называют еврейской улицей, поскольку его образует, в основном, одна улица, которая когда-то теснилась между рвом и городской стеной. Теснота, грязь, суэта, неприятный для слуха акцент местной речи, все это производило крайне отталкивающее впечатление. Долгое время я не решался ходить туда в одиночестве и возвращался всегда с тяжелым сердцем, после того, как удавалось избежать приставаний стольких людей, постоянно стремящихся привлечь покупателя и затеять торг. . . »), которого это зрелище привлекало еще в молодости:

«Но деньгами они владеют как отмычкой,

И в сердце ближнего читают, как в своем,

У них для всякого особый есть прием.
Там ссудой оплетут, тут связывает
мена;

Кто раз запутался, не вылезет из пле-

на».

(пер. М. Лозинского) Народная песенка дает более точное описание:

«Кто-то решил купить себе костюм,
Он тотчас же бежит к еврею.
Посуда, ложки, вилки, занавески,
ночные колпаки,
Все, в чем возникла нужда,
Можно найти у еврея,
Который получил эти вещи в залог.
Все украденное и отнятое грабежом
Все это можно найти у него.
... Пальто, штаны, все, что угодно
Еврей продаст по низкой цене.
Ремесленники больше ничего не могут продать,
Потому что весь мир устремился к евреям... »

Безусловно, бедным жителям немецких городов и деревень присутствие евреев приносило реальную выгоду, в отличие от торговцев и ремес-

ленников. Но все свидетельства единодушно подтверждают, что «бессловесные классы», те, кто не имел возможности публично выразить свое мнение, презирал и ненавидел их в той же мере. «Надуть еврея» считалось высшим подвигом, как это видно по многим народным сказкам, таким как «Еврей в терновнике» (Der Jude im Dorn), которую братья Гримм включили в свое классическое собрание.

Традиционное христианское определение: «иудаизм = ложь», следовательно, «еврей = мошенник», видимо, лучше всего подходит для подобной этической системы. В XVII веке вера в прирожденную склонность евреев к мошенничеству, скорее всего, распространилась среди всех слоев общества. Шпенер, основатель лютеранского пиетизма, был одним из первых, кто выступил на их защиту, предложив даже своеобразное естественное объяснение:

«... Бедняки, которые среди них [евреев] составляют, как и среди христиан, подавляющее большинство, не могут поступать иначе; располагая лишь несколькими талерами, эти люди вы-

нуждены прибегать к жульничеству, чтобы содержать себя и свои семьи. Поэтому эти несчастные днем и ночью не могут думать ни о чем ином, кроме того, как им обеспечить свое существование с помощью хитрости, интриг, обмана и воровства. . . »

В следующем столетии подобные взгляды стали относиться просвещенными людьми к числу предрассудков. Согласно Кристиану-Вильгельму Дому, прусскому чиновнику, который был одним из предшественников еврейской эмансипации, «есть лишь люди из народа, которые сами считают, что они имеют право обманывать евреев, обвиняя их в соблюдении закона, позволяющего совершать мошенничества по отношению к иноверцам; а нетерпимые священники занимаются тем, что распространяют басни о еврейских предрассудках, выказывая таким образом свои собственные предрассудки на этот счет. . . »

Можно сказать, что массовый антисемитизм держался на двух главных опорах, являвшихся его необходимыми и достаточными условиями:

как детям, так и взрослым священники обеих конфессий проповедовали как в церковных школах, так и с высоты кафедр, что евреи—это гнусный народ-богоубийца. В реальной и взрослой жизни эти взгляды лишь очень редко подвергались опровержению, получая свое повседневное подтверждение из естественного напряжения, свойственного деловым отношениям, скрытых или открытых конфликтов, которые неизбежны при любой покупке или продаже, любой торговой сделке и любом обмене, а контакты между христианами и евреями преимущественно ограничивались напряженными отношениями такого рода.

Гораздо более сложными были отношения евреев с властью имущими и правящими классами. Именно эти отношения определяют силу их позиции, а в эпоху, когда традиционный порядок вещей и общепринятые идеи оказывались поколебленными сверху, они иногда достигают настоящей близости. Благодаря их покровительству ведущие фигуры гетто могли совершить фантастический взлет и, добившись богатства, насла-

ждать власть и даже своеобразной славой, продолжая оставаться евреями.

Необыкновенные истории Германии эпохи барокко! Вот бедный двадцатилетний Александр Давид из Хальберштадта, который в 1707 году прибыл в поисках счастья в Брауншвейг, столицу одноименного герцогства, в котором евреям не разрешалось селиться. Когда он прибыл, страж городских ворот якобы воскликнул: «Должен ли я верить собственным глазам, что еврей поселился в Брауншвейге?» Ему действительно удалось получить право на проживание, но первые несколько дней он должен был ночевать на лавке под открытым небом, поскольку не мог найти дом, где бы согласились его приютить.

Документы сообщают нам о жалобах коммерсантов города, возмущенных незаконными приемами этого еврея, такими как доставка заказов клиентам на дом. Но с самого начала он сумел вовлечь в свое дело наследника трона, по всей вероятности ссудив его деньгами. В ответ тот авансом предоставил ему «тайную привилегию» и открыто осыпал его милостями, когда в 1714 году

унаследовал трон своего отца. Александр Давид получил тогда разрешение построить собственный дом, основать табачную мануфактуру, а также ему было пожаловано звание поставщика двора, что освобождало его от обычного правосудия. На протесты своих советников молодой герцог якобы ответил: «Разве можно найти еще одного человека подобного этому, наделенного поистине божественным гением изобретательства?»

С течением времени Александр Давид, коммерсант, банкир и чиновник одновременно, как почти все придворные евреи, развивал свои дела и расширял сферы своих интересов, куда входили военные поставки, организация лотереи, денежные ссуды герцогу и займы, предоставляемые другим немецким государям, среди которых находился и будущий Фридрих Великий, благодаря посредничеству его невесты, Елизаветы Христины Бевернской. Александр Давид процветал последовательно при пяти герцогах, приумножая титулы и должности по мере роста своего богатства: он был придворным банкиром, придворным ювелиром, придворным монетчиком, поставщи-

ком двора, а также осуществлял некоторые политические миссии. Он умел настоять на своем при общении с чиновниками: когда один из его бывших кучеров, обвиненный в воровстве, был приговорен к смерти, и министр герцога Шрадер фон Шлиштедт отказал ему в помиловании следующими словами: «Его повесят также верно, как то, что меня зовут Шрадер фон Шлиштедт!» Еврей на это ответил: «Меня называли Александром Давидом раньше, чем вас называли Шрадером фон Шлиштедтом», и добился в этом деле своего. Он проводил свое свободное время за изучением Талмуда и воздвиг в Брауншвейге величественную синагогу. Он скончался в 1765 году в возрасте почти восьмидесяти лет; его тело было доставлено к месту последнего упокоения на герцогском катафалке в сопровождении служителей двора.

Можно думать, что услуги, которые он сумел оказать наследному принцу с момента своего прибытия, а также многочисленные подарки лежали в основе его потрясающего успеха. Ценные подарки всегда рассматривались придворны-

ми евреями как инвестиция на будущее при условии их разумного распределения. В своих мемуарах Глюкель из Гамельна рассказывает в связи с этой историей весьма характерный эпизод. Она описывает пышное бракосочетание своей старшей дочери с сыном банкира Элией Клеве, которое почтил своим присутствием второй сын прусского «Великого Курфюрста»:

«... На эту свадьбу также прибыл некий Моката, португальский ювелир, который носил прекрасные небольшие золотые часы, украшенные бриллиантами, ценой в пятьсот дукатов. Элия Клеве раздобыл эти часы и хотел подарить их принцу. Один из его друзей, находившийся поблизости, спросил у него: «Зачем это тебе нужно? Если бы он был наследным принцем, то я бы тебя еще понял». Но как я уже говорила, вскоре наследный принц скоропостижно скончался, и юный принц занял его место. После этого Элия Клеве сильно упрекал своего друга каждый раз, когда встречался с ним. И, конечно, юный принц никогда бы не забыл такого прекрасного подарка, поскольку крупные вельможи никогда не забыва-

ют вещи такого рода. . . »

Итак, мы добрались до темы сердечных отношений, которые устанавливались между евреями и немецкими государями. И те, и другие находились вне обычных рамок немецкого общества того времени, но каковы бы ни были подлинные причины этой близости между членами обеих каст, каждая из которых по-своему была проникнута духом собственного превосходства, в XVIII веке невозможно представить двор немецкого государя без своего еврея. В 1741 году во время конфликта в епископстве Хильдесгейм между евреями и корпорацией мясников раввин Гершель Оппенгеймер обратился к князю-епископу с просьбой поставить ремесленников на место:

«...если бы мясники имели хоть какой-нибудь придворный опыт, они бы не действовали так глупо, поскольку почти невозможно найти в Германской империи государя или правителя, у которого бы не было своего придворного еврея, имеющего возможность в любое время обратиться к нему, в отличие от мясника. Евреи постоянно получают милости, привилегии и даже монопо-

лии, что полностью противоречит принципу, согласно которому евреи не могут рассчитывать на столь же благосклонное отношение правителей, как другие подданные. . . »

В Германии имелось около трехсот княжеств, которые предоставляли возможность сотням евреев сделать карьеру и разбогатеть. Чем меньше было княжество, тем более близкими оказывались отношения между государем и его евреем, так что иногда правитель попадал под влияние своего агента. Генрих Шнее опубликовал несколько писем, адресованных в 1730 году графом Липпе-Детмольдом своему банкиру Йозефу Исааку. Вот отрывок из этих писем:

«Йозеф, мы хотим довести до вашего сведения, что на сегодняшний вечер у нас нет больше масла, и мы просим вас сделать все необходимое, чтобы доставить нам достаточно масла уже сегодня вечером. Времени очень мало, потому что иначе мы не сможем сесть за стол; мы надеемся, что вы сделаете все возможное. . . »

В другом письме граф просил еврея срочно добыть ему свечи, ибо иначе он будет вы-

нужден бодрствовать в темноте. Таким же смиренным тоном он просил о денежных авансах. Подобная зависимость заставляет думать скорее не об отношениях между Мефистофелем и Фаустом (в романтическом описании Зомбарта), а об ужасных морлоках Г. Уэллса или о фильме «Слуга» Йозефа Лузи. Но не будем увлекаться литературными сравнениями, поскольку если и была область, где воображение и литературные клише причинили слишком много зла, то это, конечно, область антисемитских наваждений, во все времена приводивших к характерному преувеличению возможностей, которыми располагали евреи.

Однако сколь бы ни было навязчивым это преувеличение, один из его источников составляли некоторые действия финансистов прошлого. Особенно среди дворянства находилось много христиан, желавших тайно заняться спекуляцией или ростовщичеством, чтобы этим не испортить свою репутацию. Для этого евреи, услужливые и умеющие хранить тайну, не стыдящиеся вести себя как евреи, были идеальными подставными-

ми лицами. Этот фасад обманывает даже сейчас многих современных историков! Часто это была лишь марионетка, за веревочки которой дергал христианский финансист. Еще чаще речь шла о компаниях, в которых христианский партнер, составлявший невидимую часть айсберга, играл решающую роль. Так, карьера Баруха Симона (деда писателя Людвиг Берне) при дворе кельнского князя-архиепископа состоялась благодаря покровительству министра графа Бельдербуша, главного партнера компании, общее состояние которой достигало миллиона дукатов. По распространенному слуху капеллан двора отец Паулин также входил в эту компанию. О нем говорили:

«Sub vesperum cum ministro et Baruch spolia dividebet» («Под вечерней звездой и Барух со священниками будут делить добычу»).

В Саксонии, когда министром был Брюль {1733-1763), граф Йозеф Больза стал самым богатым человеком королевства. Он пользовался подставными лицами-евреями, среди которых в частности был «посредник двора» Самуэль Эфраим Леви, для своих спекуляций и ро-

стовщических займов короне. «Доход, который он из этого извлекает, пожалуй, слишком еврейский, и услуги его светлости нам слишком дорого обходятся»,—писал в 1761 году Брюль. Алчность графа Больза привела к тому, что его стали подозревать в скрытом еврействе, так что в эпоху нацизма его потомки оказались вынужденными предпринять генеалогические разыскания, чтобы добыть «сертификаты арийской принадлежности».

В той же самой Саксонии разыгрался последний акт трагикомедии, в ходе которой Вольтер, поручивший сыну ювелира Гершеля купить для него саксонские облигации, сумел крупно обмануть этого молодого человека; в результате отец умер от горя. Поэт Лессинг, который в это время служил секретарем философа, резюмировал эти распри в следующей эпиграмме:

«Чтобы объяснить очень кратко,
Почему это дело
Плохо кончилось для еврея,
Ответ может быть примерно таким:

Господин В. . . оказался более хитрым
мошенником, чем он».

Как мы уже говорили, Ротшильды создали основу своего состояния, извлекая прибыль из сокровищ, накопленных маркграфами Касселя, в соответствии с получаемыми от них указаниями.

Способность евреев прикрывать своим еврейским знаменем всевозможные неблагоприятные или противоречащие кодексу чести дела, безусловно способствовали многим впечатляющим взлетам. Достигнув высокого положения, придворный еврей избегал главных унижений своей касты; он получал право поселяться за пределами гетто и носить оружие. Обозначение «еврей» в официальной корреспонденции использовалось вместо обращения «господин». Именно в этой форме его имя упоминалось в официальном альманахе двора. Катафалк герцога Брауншвейгского на похоронах Александра Давида не был изолированным случаем. Крупные немецкие сеньоры любили почтить своим присутствием еврейские похороны, церемонии обрезания и особенно

свадьбы, которые иногда праздновались в резиденции местного властителя. Похоже, что подобная предупредительность и почести такого рода гораздо больше ожесточали христианскую буржуазию, чем зрелище финансовых успехов детей Израиля. Это ожесточение можно почувствовать в причинах, на которые ссылались члены городской управы, чтобы отказать евреям, несмотря на их протесты, в допуске на знаменитое место для прогулок. В своем заключении они написали: «Эти амбициозные мысли могут быть спровоцированы только гордыней и желанием сравняться с христианами».

Франция

Если не учитывать яркость красок, то во Франции XVIII века можно увидеть такую же картину, что и в Германии. Евреев защищало центральное правительство, на них активно нападала поднимающаяся буржуазия, и их похристиански ненавидело население в целом за относительным исключением просвещенных и привилегированных кругов. Старинный эдикт об их изгнании из Франции, подтвержденный в 1615 году Людовиком XIII, не был упразднен, так что они понемногу распространялись в королевстве на полуподпольном основании из Эльзаса, Меца, папского анклава Комтат-Венессина и портовых городов. Они не пользовались во Франции такой специфической поддержкой, какую они находили в Германии, раздробленной на множество княжеств, к раздражению их подданных. Но возможно, человеческий климат страны, имеющей широкий выход к древнему Средиземноморью, способствовал смягчению контрастов и ненависти.

Тем не менее, прибытие евреев в какой-нибудь город могло быть воспринято как оскорб-

ление божественного величия, как это утверждало низшее духовенство Нанси в 1708 году в своем ходатайстве, обращенном к герцогу Леопольду Лотарингскому:

«... То, что нас всегда так счастливо отличало от самых процветающих королевств, может исчезнуть в какой-то момент, и мы будем вынуждены оплакивать, подобно народам, которые нас окружают, то, что губительные язвы, очень заразные, могут сделать с государством и религией. Монсеньер, это не пустые тревоги; сколько разоренных торговцев, опустошенных деревень, угнетенных и обездоленных семей предстают заранее перед нашим взором! Неужели после того, как вы с такой непреклонностью запретили еретикам, которые ничего не забыли, обосноваться на ваших землях, вы позволите это евреям, самым смертельным врагам Иисуса Христа, его церкви и всего христианского? Этот народ, безусловно проклятый и отвергнутый Богом, изгнанный почти из всех стран, неужели он получит убежище на ваших землях, Монсеньер?»

Когда почувствовавшие угрозу торговцы об-

ращались непосредственно к властям, не пользуясь заступничеством духовенства, они выражали свое беспокойство без богословских экивоков. «Скоро евреи захватят в свои руки торговлю во Франции. . . » (торговцы Жьена, 1732 г.). «Этот еврейский народ, предатели и обманщики, распространяется с каждым днем по нашим кантонам. . . » (торговые советники Монпелье, 1739 г.). «Этот еврейский народ делает подлости и унижается только для того, чтобы возвыситься и разбогатеть. . . » (депутаты торговой палаты Тулузы, 1744 г.). «Мы вас умоляем остановить распространение этого народа, который неизбежно внесет беспорядок в коммерцию. . . » (Монпелье, 1744 г.).

Королевская администрация не позволяла этим тревогам ввести себя в заблуждение:

«Лучшее, что они [торговцы Тулузы] могут сделать, это устроить свои магазины так же хорошо, как это делают евреи, и удовлетворяться меньшим, чем сейчас, доходом. . . »

«. . . Если торговцы [города Безье] жалуются на то предубеждение, которое возбуждают про-

тив них евреи, это их собственная вина. Они не должны обдирать покупателей и стараться получать огромные доходы. . . »

«... Торговцы Монпелье... назначают на свои ткани такие чрезмерные цены, что как бы они не отзывались о низком качестве тех тканей, какие евреи приносят на ярмарки, если учитывать цены, по которым они торгуют, то это получается не хуже, чем то, что можно найти в лавках самих этих торговцев. У евреев имеются ткани любого качества и по самой разной цене. Я никогда не слышал, чтобы они приносили на продажу ткани, которые бы не были помечены печатью фабрики. Следовательно, разница между малой выгодой, которой придерживаются евреи, и слишком высокими ценами, которые торговцы назначают за свои ткани, и определяет выбор публики делать свои покупки на ярмарках, а не платить комиссионные в Лионе. . . »

Однако низкий уровень комиссионных в еврейской торговле не может служить достаточным объяснением их успеха. Парадоксальным образом сам полу подпольный характер их деятель-

ности обращивался им на пользу, возбуждая воображение клиентов:

«В настоящее время на Биржевой площади [в Нанте] собираются люди этого племени, торгующие всеми видами галантерейных и скобяных товаров. Чтобы привлечь покупателей, они постоянно кричат: «Банкротство, банкротство!...» В прошлом году эти бессовестные люди выставили на продажу на Биржевой площади кисею, набивные ткани и платки всех видов. Все это было распродано с потрясающей скоростью...»

Еще один прием подпольной торговли без официального разрешения состоял в том, чтобы выставить товары в помещении постоянного двора, или еще лучше, договориться с безденежным сеньором, который предоставлял в распоряжение евреев свой замок, как это делали маркиз де ла Грав в Монпелье или господин де Сен-Симон в Сенте. Органы власти, уже наполовину проникнувшиеся идеями Века просвещения и озабоченные проблемами общего блага, не вмешивались или даже одобряли подобную практику, особенно если это было выгодно для текущих

государственных интересов. Именно такова была история с «войной барышников» в Лангедоке, во время которой несколько еврейских предпринимателей положили конец дефициту верховых лошадей и тяглого скота, который установился на юге Франции в 1735 году, завезя животных из Пуату и Оверни и одновременно разорив корпорацию христианских торговцев лошадьми. Интендант Лангедока Бернаж отметил, что «евреи продали своих животных по разумной цене, соответствующей возможностям деревенских жителей . . . »

Защитники традиционной торговли деньгами были далеко не столь многочисленны. Однако ниже мы приведем решение, которое один высокопоставленный магистрат вынес в 1768 году по поводу ростовщичества эльзасских евреев:

«Очевидно, что от евреев в Эльзасе может быть некоторая польза. В трудные времена, а также когда на границах идет война, крестьяне находят у них средства, чтобы вынести обрушивающиеся на них трудности. Если они пострадали от мародеров, если они потеряли свой скот в

результате реквизиций, евреи выдают им авансы, позволяющие купить зерно и скот; эти ссуды стоят недешево, но в случае крайней необходимости лучше попасть в зависимость от ростовщика, чем просто погибнуть. Евреи занимаются также ремонтом кавалерии; они предпринимали невероятные усилия, чтобы привозить лошадей из-за границы; невозможно отрицать, что во время всех прошедших войн они оказывали услуги такого рода.

Итак, нет ничего плохого в том, что в Эльзасе имеется несколько евреев. Но посмотрим, какое зло может произойти, если их будет слишком много. Евреи никогда не обрабатывает землю и занимают много домов в деревнях, которые с гораздо большей пользой могли бы быть заняты крестьянами. Крестьяне, получая от евреев деньги в долг для того, чтобы заплатить подати своему сеньору или королю, становятся в результате этого расслабленными и ленивыми, так что вскоре впадают в нищету, в то время как их имущество распродается, чтобы рассчитаться с кредиторами. . . »

Во второй половине XVIII века, видимо, сложилась благоприятная обстановка для ходатайства евреев с просьбой официально разрешить заниматься «коммерцией и ремеслами» в Париже. Ремесленные корпорации воспротивились этому, следуя традиции, но некоторые аргументы, выдвигавшиеся в этой связи, отражают в то же самое время шаткость старинного порядка вещей, распространение безбожия, наступление «века разума». Весьма показательной в этом отношении является памятная записка, составленная в 1765 году известным адвокатом, господином Гулло, по просьбе торговцев и негоциантов Парижа («Шести Цехов»). Эта записка, в основном, представляет собой пространное историческое описание преступлений и злодеяний евреев, украшенное живописными сравнениями и метафорами в соответствии с модой того времени («Записка торговцев и негоциантов Парижа против допуска евреев». Париж, 1765. Этот документ стал классическим образцом антиеврейской полемики во Франции конца XVIII века. Он даже был переиздан в 1790 году, когда Консти-

туционная Ассамблея рассматривала вопрос об эмансипации евреев.

Некоторые формулы господина Гулло заслуживают того, чтобы мы их здесь процитировали: «... можно сравнивать евреев с осами, которые проникают в улей только для того, чтобы убивать пчел, вскрывать им живот и извлекать мед, который находится у них внутри...»

... это частицы ртути, которые разбегаются, теряются, но при малейшем наклоне собираются в большой массив...»

Что касается евреев Бордо, «они были евреями в Португалии, затем сделались христианами, во Францию они прибыли как христиане, а потом они обратились в иудаизм; что за человеческое общество!»).

Все традиционные обвинения перечисляются г-ном Гулло и используются им ради главной цели—от замкнутости до ростовщичества и от ритуального убийства до распространения чумы; исключение составляет первородный и главный грех, т. е. убийство Христа, которое в этом доку-

менте даже не упоминается. В результате, хотя деревянные конструкции остались в неприкосновенности, автор убрал краеугольный камень антиеврейской аргументации. Мы уже достигли века разума, так что в ходе другой судебной тяжбы адвокат и полемист Линге соответствующим образом выбирал свои слова: «Привычка, религия, политика, может быть, разум или, по крайней мере, инстинкт, оправдываемый целым рядом причин, заставляет нас испытывать к евреям в равной мере как презрение, так и отвращение. . . »

Новые идеи, в том числе и деизм, достигли в 1789 году даже старьевщиков Монпелье, призывавших Всевышнего: «Нет никого, кто бы ни носил в своем сердце убежденности в зле, которое еврейский народ причиняет миру. Всевышний при сотворении мира ясно выразил свое желание, чтобы этот народ был сосредоточен на ограниченной территории, и запретило ему каким бы то ни было способом общаться с другими народами. . . » Но в основном, во Франции XVIII века антисемитизм продолжал держаться на древнем сочетании традиционных религиоз-

ных порывов с коммерческими интересами—как это напоминал государственный министр Малерб Людовику XVI накануне революции:

«... в сердцах большинства христиан еще существует сильная ненависть против еврейского народа, ненависть, основанная на памяти о преступлении их предков и подкрепляемая теми обычаями, которых придерживаются евреи по всему миру, занимаясь такими видами коммерции, которые, по мнению христиан, приносят им разорение...»

Итак, воинствующий антисемитизм был преимущественно буржуазно-христианским феноменом. Если оставить в стороне динамику коммерческих интересов, то евреи, занимающиеся своим ремеслом без малейшего лицемерия, неизбежно вызывали раздражение у торговцев, которые гордились тем, что обожают Бога нищих и несчастных. Согласно «Коммерческому словарю» Савари говорят, что «коммерсант богат, как еврей, если у него репутация человека, собравшего огромное состояние».

Мы увидим, как даже среди философов и эн-

циклопедистов отношение к детям Израиля менялось в зависимости от их социального происхождения. Только аристократия, престиж которой определялся генеалогией, и чьи предрасудки распространялись без разбора на всех, не относившихся к ее кругу, проявляла некоторую симпатию к евреям, возможно даже оказывала им некоторое предпочтение перед христианской буржуазией, чью ревность и ненависть она начинала ощущать. В той мере, в какой внутри этой самой аристократии существовали собственные противоречия и контрасты, наша констатация в большей мере применима прежде всего к старинной военной знати, что вполне естественно. Захватывающее зрелище представляют эти герои и военачальники, выше которых были только король и небо, когда они окружали себя евреями и покровительствовали им. Примером этому могут служить принц Евгений Савойский, маршал Морис Саксонский, принц Шарль де Линь. Этот последний на склоне своих лет сочинил «Мемуары о евреях», доброжелательность которых лишь едва прикрыта иронией знатного аристократа.

«Евреи обладают многими достоинствами,— пишет он в заключение, они никогда не напиваются пьяными, всегда исполнительны, точны, предупредительны, они являются верными подданными своих господ в эту эпоху смуты, никогда не впадают в ярость; они тесно спаяны, иногда гостеприимны, богатые у них всегда помогают бедным». Далее следует призыв к эмансипации евреев, проникнутый более жесткой иронией:

«Наконец, израильтяне, ожидающие непостижимой воли Провидения, которая ужесточит их участь по примеру судьбы их предков, по крайней мере, в этом мире станут счастливыми, полезными и перестанут быть самым презренным народом на земле. Я прекрасно понимаю причины того ужаса, который внушают евреи, но уже пора положить этому конец. Мне кажется, что гнев продолжительностью в тысячу восемьсот лет был достаточно долгим».

Разумеется, хорошее отношение знати к евреям при королевском строе прежде всего опиралась на многочисленные услуги, которые евреи могли ей оказывать, прежде всего в области де-

нежных кредитов и совместных предприятий, например, подобно тому как этим занималась принцесса де Рохан под прикрытием некоего Соломона Леви. Но отсутствие буржуазных предрассудков облегчало подобные отношения, которые не обязательно держались на корыстном интересе. Можно думать, что лишь священник знатного происхождения, абсолютно уверенный в себе, мог заступиться за попавшего в беду еврея так, как это сделал в 1744 году аббат де Ла Варенн де Сен-Солье.

[Аббат де Ла Варенн де Сен-Солье лейтенанту полиции Парижа, 14 марта 1744 г.]:

«Я отнюдь не забыл, что вы мне говорили, будто я был похож на раввина, когда говорил с вами об этом деле. Но когда вы узнаете, что еврей, за которого я ходатайствую, совершил в тюрьме, где он сидит, не меньше благодеяний, чем все благотворительные организации, и что почти не осталось узников, которые бы не вкусили плодов его щедрости, то я убежден, что вы превратитесь в него (раввина) в той же степе-

ни, что и я, и что ваше чувство справедливости увлечет вас на путь подражания Господу, который вознаграждает уже в этом мире добрые дела этих несчастных жертв собственного ослепления. . . »

В заключение сделаем обзор социального положения парижских евреев накануне революции. Мы располагаем этими данными благодаря процессу, который в 1776 году возбудил бордоский еврей Мендес против негров Габриеля Пампи и Аминты Жюльены. Эти негры были рабами, которых Мендес привез с Антильских островов. В Париже они сбежали от своего хозяина, который и обратился к правосудию, чтобы добиться их возвращения. Во время процесса еврей и негры обменивались, через посредство своих адвокатов, теми весьма нелестными взглядами, которых придерживалась Европа соответственно в том и другом случаях. Первый упрекал детей Хама в «мошенничестве и обмане», на что получал ответ, что «они могли бы выдвинуть такое же обвинение против еврейского народа, и что это сравнение не пойдет ему на пользу». Негры также обвиняли Мендеса в жестокости, чему приво-

дили много примеров: самое ужасное из того, что им приходилось выносить, заключалось в том, что «их хозяин препятствовал им выполнять законы католической религии, в которой они имели счастье быть воспитанными».

Но зачем Мендес решил обосноваться в Париже? Адвокат Пампи и Жюльены заявил: «Столица казалась ему самым благоприятным местом для жизни. Все сословия здесь смешались. И хотя богатый еврей не пользуется здесь почтительным уважением, которое является первостепенной потребностью человека достойного происхождения, тем не менее он может наслаждаться всеми удовольствиями, которые получают за деньги. . . Если пребывание в этом городе обещало господину Мендесу множество удовольствий, то сам он был погибелью для своих негра и негритянки. Еврей был весьма далек от того, чтобы дать им почувствовать мягкость, характерную для французов, вместо чего заставил их сожалеть о тех тяжелых работах, на которых их использовали в колониях. . . »

Суд решил дело в пользу Пампи и Жюльены.

Великобритания

Оригинальность английских нравов проявилась в новое время среди прочего и в положении евреев.

Под заголовком «Настоящий антисемитизм» мы уже рассматривали то смятение, которое было вызвано в 1656 году намерением Кромвеля вновь открыть евреям доступ на Британские острова, откуда они были изгнаны в 1294 году, и как, столкнувшись с массовыми протестами, он был вынужден дать задний ход, а также, как он дал молчаливое согласие на то, чтобы колония богатых торговцев из числа бывших марранов обосновалась в Лондоне. Британское искусство компромисса—в дальнейшем эти ценные налогоплательщики смогли оказаться полезными для страны своего пребывания как в качестве финансистов, так и в качестве носителей политической информации, особенно в том, что касалось испанских дел. Ведь Лондон стал одним из главных центров процветающей «марранской диаспоры». Мы видели также, как бурная история евреев с Пиренейского полуострова привела их к приспособлению к христианским нравам, к «ассимиля-

ции» еще до того, как возникло само это понятие. В течение XVIII века евреи из немецких и польских гетто стали группироваться вокруг них и в конце концов превзошли их в демографическом отношении. Всего к 1800 году в Англии насчитывалось двадцать или двадцать пять тысяч евреев.

На континенте- рассеяние детей Израиля служило доказательством их упадка; в глазах правителей Англии оно превратилось в ценное качество народа, вызывающего неприязнь во многих других отношениях. В 1712 году государственный деятель и публицист Джозеф Аддисон заявил о полезности этого народа для человечества:

«На самом деле они так сильно рассеяны по всем торговым центрам мира, что превратились в инструмент, благодаря которому самые удаленные друг от друга народы могут поддерживать взаимные отношения, и весь род человеческий оказывается связанным общей сетью... Они похожи на болты и засовы в большом здании, которые сами по себе имеют незначительную цену, но совершенно необходимы для его существова-

ния. . . »

Столь мирные функции ничем не могли шокировать правящие классы и общественное мнение острова, который уже стал «островом торговцев», и на котором, если верить Максиму Веберу, молодая капиталистическая энергия сумела извлечь выгоду из динамичности кальвинистской революции. Гибкость или, если угодно, «современность» английской торговли позволяла ей не испытывать опасений по поводу еврейской конкуренции сверх разумных пределов. К тому же в данном случае речь шла о так называемых португальских евреях, а мы уже видели, что они в гораздо меньшей степени смущали христианское воображение, чем их немецкие и польские собратья. С другой стороны, некоторые очевидные особенности кальвинистской разновидности протестантизма, такие как популярность Ветхого Завета и престиж его героев, нашедший свое отражение в моде на библейские имена, так же как увеличение количества сект и вытекающие отсюда принципы религиозной свободы, составляли достаточно оснований для взаимопонима-

ния и иногда даже симпатии. Таким образом, оказались ослабленными два основных и, вероятно, неистребимых катализатора антисемитизма. Остается фактом, что английские торговцы лишь в отдельных исключительных случаях занимались агитацией и яростными протестами, столь типичными для немецких и французских корпораций.

По мнению некоторых английских историков коммерческий талант их народа спас евреев от трудностей и антисемитских вспышек в новые времена. Так, Дж. М. Тревельян писал: «... в промежутке, отделявшем изгнание евреев Эдуардом I от их допуска обратно Кромвелем, англичане научились самостоятельно ведать своими финансовыми и коммерческими делами. Не существовало опасности еврейского преобладания в этой области, а, следовательно, и антисемитской реакции. При Ганноверской династии Англия была достаточно могучей, чтобы суметь переварить умеренный приток евреев. Это «переваривание» не всегда происходило благополучно, и сам термин, употребленный нашим авто-

ром, позволяет подозревать, что оно не полностью закончилось и в наши дни. Как бы то ни было, хотя в XVIII веке старая Англия не знала феномена, столь характерного для континентальной Европы, а именно антиеврейских кампаний, подстрекаемых коммерческими интересами, тем не менее иудаизм имел здесь достаточно бескорыстных врагов.

В этой колыбели политической и религиозной терпимости практически не было ни одного писателя, по крайней мере среди тех, чьи имена история сохранила для потомков, кто бы не пустил свою стрелу в народ-богоубийцу, постоянно врага христианского мира. Так, Даниель Дефо проклинал «гнусных евреев, распявших Господина Жизни», а Александр Поп в одной из своих сатир возносил следующую молитву:

«Мы умоляем Тебя, Господи, убери от нас руки жестоких и диких евреев, которые хотя и боятся крови в свином пироге [black pudding], не становятся от этого менее кровожадными в своих порывах. Чтобы мы смогли избежать этой гибели, пусть всем добрым и честным христи-

анам послужит предостережением против чудовищного греха скупости печальный пример этих несчастных».

Что касается Джонатана Свифта, то он предостерегал английское общественное мнение против необузданных «диссентеров» (протестантские секты, отделившиеся от англиканской церкви в XVI- XIX веках,- прим. ред.), разоблачая весь спектр еврейской опасности:

«Что произойдет, если евреи преумножатся и составят значительную силу среди нас? Не пойдут ли диссентеры к ним, поскольку они уже согласны друг с другом по многим принципиальным вопросам и потому что евреи—это упрямые люди и бунтари?»

Можно привести множество других цитат такого рода, извлечений из книг Сэмюэла Ричардсона, Генри Филдинга или Лоренса Стерна. Среди романистов лишь Тобайас Смоллетт с явной благосклонностью относился к евреям. (Об отношении к этому вопросу политических и религиозных мыслителей мы поговорим в следующем томе). Но о сохранении в лоне английского на-

селения средневековой ненависти и страха в гораздо большей степени, чем показывают эти словесные уколы, которые частично можно отнести на счет литературной условности, свидетельствует яростная и короткая антиеврейская вспышка 1753 года, ставшая своеобразным эхом событий 1656 года.

Предлог для нее был ничтожным. В 1753 году правительство герцога Ньюкастлского, действовавшее без сомнения под влиянием группы богатых сефардов, представило на утверждение парламенту проект закона о натурализации [Naturalization Bill], упрощавший процедуру получения ими гражданства и разрешавший им покупку земель. Проект без всяких трудностей был утвержден палатой лордов и палатой общин. Но против закона поднялось массовое движение протеста, достигшее редкой по масштабам английской истории силы и ярости. Множились петиции протеста, к которым присоединялись все слои населения, на улицах английских городов появлялись подстрекательные надписи. Памфлетисты состязались друг с другом, предостерегая

против наплыва евреев и их доступа к земельной собственности, что приведет к их контролю над национальной землей по образцу раздела земли Ханаана между двенадцатью библейскими коленами. Один из агитаторов даже описывал во всех деталях и не без некоторого юмора печальную участь Англии в 1853 году, которую он предвидел: собор Святого Павла превращен в синагогу, коммерция находится в упадке из-за обязательного соблюдения субботы, запрещена торговля свининой, а «Билл о натурализации христиан» отвергнут Великим Синедрионом. Архиепископ Кентерберийский, являвшийся сторонником билла, серьезно опасался в это время массового избиения евреев.

В конце концов, правительство оказалось вынужденным уступить давлению улицы и отменить непопулярный закон через шесть месяцев после его опубликования. Тем не менее, этот закон не угрожал ничьим конкретным экономическим интересам; смутные опасения и темные страхи, унаследованные от предков, поднялись на поверхность при одной мысли о том, что чле-

ны племени-богоубийцы получают право на полное осуществление прав человека, т. е. христианина. Так и в наши дни тонкие социальные барьеры и скрытые дискриминации продолжают окружать евреев в англо-саксонских странах; возможно, это неофициальная плата за физическую безопасность, которую они там обрели. . .

Только в течение последних лет XVIII века новый образ еврея начал вытеснять на Британских островах тот, что с эпохи крестовых походов смущал и пугал все христианские земли. В эпоху, когда Франция, а вслед за ней и весь континент оказались втянутыми в водоворот революционной борьбы, Великобритания была поглощена битвами совсем иного рода: боксом без перчаток. К удивлению публики многочисленные сыновья гетто обнаружили в себе призвание к профессиональному боксу, и имена Авраама да Коста, Самуэля и Израиля Беласко, Исаака Биттона и особенно Даниэля Мендосы запестрели на страницах спортивной хроники. «Дэн» Мендоса превратился в национального идола; в наши дни знатоки единодушно видят в нем одного из пи-

онеров «благородного спорта». Так, постепенно образ молодого еврейского атлета начал конкурировать с архетипами Иуды тридцати серебряников и Шейлока с крючковатым носом, так что и здесь мы возвращаемся к проблеме оригинальности британских нравов.

Беглый взгляд на другие европейские страны

Положение евреев на Британских островах ясно показывает связь между уровнем экономического развития страны и положением в ней евреев. Тот, кто хотел бы свести антисемитизм к проявлению коммерческой конкуренции, вызывающей восстание местного населения против еврейского засилья, может воспользоваться еще более убедительными аргументами на основе другого исключительного случая, а именно ситуации в Нидерландах. Евреи обосновались там в начале XVII века, в эпоху, когда голландские торговые мореходы служили образцом для англичан. В конце концов, евреи стали составлять от двух до трех процентов населения, а Амстердам, их главный центр, заслужил название «нового Иерусалима». Ни их численность, ни их благополучие не возбуждали в этой процветающей стране ни преследований, ни даже нареканий в их адрес.

В то же время устойчивое положение евреев отнюдь не означало, что народ, у которого не спрашивали его мнения по этому поводу, с легким сердцем мирился с их присутствием. Прежде всего необходимо помнить, что антисемитизм

представляет собой многоуровневое явление, или своеобразные концентрические круги, где экономическая зависть является лишь самым поверхностным или самым последним слоем. В других странах Европы образ еврея также характеризовался целой гаммой тонов, не имевших связи с социально-экономическими аспектами.

Так, могло показаться, что в Италии имелись сразу все необходимые условия для сильной юдофобии. Евреи играли первостепенную экономическую роль в этой стране с расслабившейся, утомленной коммерцией, где отдаленные потомки неготиантов и финансистов, когда-то доминировавших во всей Европе, проводили свои дни в постоянном безделье. Наряду с крупными еврейскими предпринимателями Венеции и Ливорно, свободными от предрассудков и иногда весьма заносчивыми, почти во всех городах жила несчастная еврейская беднота, скученная в своих гетто. Напомним, что это слово, как и само явление итальянского происхождения. Со времени католической реформы папство рассчитывало демонстрировать таким образом одновременно

триумф христианства и безукоризненную чистоту своих собственных принципов. В конце XVIII века католический публицист Дж. Б. Роберти восклицал: «Еврейское гетто является более убедительным доказательством истинности религии Иисуса Христа, чем может предоставить целая школа богословов».

Но если судить по мирному существованию детей Израиля и безразличию литераторов к этому вопросу, то похоже, что этот столь христианский способ доказательства не имел в Италии большого успеха. Были ли евреи бедными или богатыми, они не возбуждали в этой стране древней и высокой культуры таких забот и опасений, как по другую сторону Альп. В результате Италия была единственной крупной европейской страной, в которой евреи после эмансипации легко и гармонично влились в христианское общество, и где практически остался неизвестным антисемитизм в его современных формах (Разумеется, мы здесь говорим о массовых чувствах. В политическом плане в Италии имели место антиеврейские кампании в католической прессе после упразднения

ния Государства церкви, и, особенно, трагическая интермедия антисемитизма в

правление Муссолини после создания «оси» в 1938 году). Для человека с итальянской улицы еврей—это оригинал, еще ждущий прихода Мессии и умеющий справляться с жизненными трудностями в ожидании этого события. Ни та, ни другая из этих особенностей не являются в глазах итальянца серьезным недостатком.

Если итальянское население проявляло своего рода глубинный иммунитет к антиеврейским эмоциям, то, напротив, в Испании антисемитизм процветал при отсутствии евреев. В этой связи мы отсылаем читателя к началу этого тома, где мы попытались установить отдаленное происхождение феномена, восходящего в конечном итоге к социально-религиозным столкновениям эпохи средних веков, при том, что корни его уходят в еще более глубокое прошлое. На противоположном конце Европы, в России, не было ничего похожего на эти конфликты, если не считать незначительной ереси «жидовствующих», однако юдофобия в Московии была по-

что такой же сильной, как та, что свирепствовала на Иберийском полуострове, и точно так же нашла свое практическое воплощение в санитарном кордоне, воздвигнутом против исповедующих закон Моисея и сохранявшемся на протяжении столетий всеми сменявшими друг друга царями. Есть некоторый соблазн видеть в обоих случаях связь между экономической и культурной отсталостью и страхом перед евреями. Этот страх был ничуть не меньше в Польше или Венгрии, но отсталость в плане интересующей нас проблемы привела к совершенно иным результатам, поскольку евреи были в этих странах многочисленны и глубоко интегрированы в экономику. В Венгрии в прошлом веке было предложено определение антисемитизма, которое, вероятно, не уступает всем прочим: «Антисемит—это человек, который ненавидит евреев более сильно, чем для этого имеется причин». Видно, что если почти все страны старой Европы удовлетворяют этому определению, оттенки, или даже несоответствия достаточно разнообразны.

К этому краткому эскизу следует добавить об-

зор иудео-христианских отношений в Новом свете, что позволит внести некоторые достаточно поучительные штрихи.

Соединенные Штаты
Америки

Временем основания могущественной еврейско-американской общины обычно считается 1654 год, когда два десятка евреев, спасаясь от бразильской инквизиции, обосновались в Нью-Йорке. Также примерно в середине XVII века евреи, чаще всего коммерсанты, появляются в других колониях—Массачусетсе, Коннектикуте, Вирджинии, Мэриленде. Складывание американского иудаизма на первых порах было медленным и скромным. Через столетие Соединенные Штаты насчитывали лишь несколько тысяч евреев, как правило сефардского происхождения. В отдельных случаях представители колониальной власти или местных ассамблей возражали против их присутствия, впрочем точно также, как и против присутствия других религиозных меньшинств, таких как католики и даже квакеры. В девственной и малозаселенной стране, где каждый новый поселенец ценился по его возможностям, а не по происхождению, эти тенденции не смогли возобладать. Напротив, проявилась даже противоположная тенденция, которая, по-видимому, наметилась в пуританских колони-

ях. Так, во время одного судебного дела в Коннектикуте судьи снизили сумму штрафа, наложенного на одного еврея, «поскольку, учитывая, что он еврей, необходимо проявить к нему, насколько это допустимо, благоприятное отношение. . . »

Пуританство, которое сыграло решающую роль при формировании американского восприятия мира, вначале искало истину в иудаизме Ветхого Завета. Историк Джеймс Адаме даже писал, что «в вопросах духа они [пуритане] должны рассматриваться как евреи, а не как христиане. Их Бог был Богом еврейской Библии, их законы были законами еврейской Библии, их образцами для подражания были герои еврейской Библии. . . » Нет никаких сомнений, что наставники этих «евреев духа» придавали большое значение свидетельству евреев во плоти. То же самое справедливо и в отношении основателей некоторых других сект. Пуританин Коттон Мезер отмечал каждое обращение еврея как важное событие и написал специальный трактат по этому вопросу. Основатель методизма Джон Уэсли во время

своего пребывания в Америке занялся изучением испанского языка, чтобы успешнее обращаться евреев, «некоторые из которых ближе к духу Христа, чем многие из тех, кто называет его нашим Господом». КвAKER Уильям Пени призывал относиться к ним с «мягким сочувствием», добавляя, что обращаться их следует только мягкостью. Похоже, что пуританин Эзра Стайлз был настроен более скептически. Он отметил в своем дневнике: «Я констатировал, что Провидение всячески способствует унижению евреев и не допущению их соединения с другими народами, чтобы они продолжали оставаться отдельным народом... Оно запрещает включение евреев в состав американского народа, так же как и в число народов Европы, Азии и Африки».

Для богословов, внимательно изучающих христианскую традицию, евреи остаются отмеченными специальным знаком. Но зарождающееся общественное мнение не было столь скрупулезным в новой стране, где все предстояло делать заново, и «чьи жители приехали туда для того, чтобы забыть, а не для того, что-

бы помнить» (Токвиль, «Об американской демократии»). Так сформировалась специфическая американская терпимость, поддерживаемая солидарностью перед задачами подъема целины и строительства, что вело к гражданскому и религиозному равенству. Токвиль также замечает, что в Соединенных Штатах общественное мнение вместо того, чтобы навязывать всем истинную религию, скорее требует от каждого, чтобы он исповедовал свою(!) религию. В соответствии с общим правилом евреи получили равенство гражданских и избирательных прав с концом колониальной эпохи. Это завоевание в целом прошло легче в северных штатах, чем в южных.

Значительное количество евреев прославились во время войны за независимость, а некоторые были произведены в офицеры на поле боя. Боевое братство и совместно пролитая кровь во все времена были мощным двигателем интеграции меньшинств. Политическая философия Соединенных Штатов внесла в эту интеграцию свой окончательный штрих. Составляя акты о рождении американской нации, ее отцы-основатели от-

крыли эру прав человека, торжественно провозглашенных в Декларации Независимости. В послании 1790 года Джордж Вашингтон специально подтвердил, что эти права распространяются на евреев: «Пусть дети из рода Авраама, живущие в этой стране, продолжают пользоваться расположением других ее жителей; пусть каждый из них пребывает в безопасности в своем собственном винограднике и под своей собственной смоковницей; он не увидит никого, кто бы стал ему угрожать».

Но самые благородные декларации о намерениях требуют для своего практического воплощения в жизнь благоприятного климата. Так, те положения, которые были в эту же эпоху сформулированы в Европе просвещенными монархами или членами Учредительного собрания во Франции, т. е. общепризнанными творцами эмансипации евреев в Старом свете, не смогут помешать зверским взрывам антисемитизма в XIX и XX веках, а, может быть, как мы это увидим дальше, внесут в это свой вклад. И если иудаизм нашел в Американской республике безопасность и мир, которые

были ему обещаны ее создателями, то для этого были более глубокие причины, чем только идеологические.

Прежде всего следует вспомнить дополнительный фактор, который сыграл свою роль в пользу евреев: существование черной общины, которая известным образом способствовала поляризации агрессивных инстинктов белой общины. Еще важнее то, что каждое новое американское поколение сталкивалось с новой эмиграцией, с бедняками, которые имели различные, иногда шокирующие нравы. В XIX веке сначала ирландцы, а затем итальянцы были встречены ничуть не лучше, чем русско-польские евреи, массовый приток которых начался в конце века, или мексиканцы и пуэрториканцы в наши дни. Все человеческие группы, которые последовательно заселяли Соединенные Штаты, должны были перенести одну и ту же пересадку и одинаковые испытания. Это определило здесь гораздо меньшую «изолированность евреев». В результате, можно говорить о настоящем историческом предопределении, поскольку нравы и обычаи, регулирующие

американскую общественную жизнь, в конечном итоге происходят из грандиозного коллективного отказа от собственных корней.

Мобильность и динамизм, характерные для детей Израиля и вызывающие к ним зависть других народов, не задевали здесь христианское большинство, которое отличали те же качества. Кажется, что на протяжении XIX века американский миф «границы» сформировал новый бродячий народ, описание которого, оставленное Токвилем, наводит на размышления:

«Эти люди покинули свою первую родину ради поисков благополучия. Они покидают и вторую, чтобы жить еще лучше. Почти везде они находят богатство, но не счастье. Жажда благополучия превратилась у них в беспокойную и пылкую страсть, которая возрастает по мере удовлетворения. Раньше они порвали связь, соединявшую их с родной землей. С тех пор у них ее больше не было. Для них эмиграция сначала была необходимостью, сегодня она стала своеобразной игрой случая, волнение которой нравится им не меньше, чем выигрыш. . . »

Подобные черты, общие для евреев и американцев прошлого, предполагают также желание или необходимость нового, что, как известно, является главным двигателем капиталистической экспансии. По тому же поводу немецкий экономист Вернер Зомбарт даже написал более полувека тому назад, что «Америка во всех своих частях—это еврейская страна».

Можно думать, что в этих условиях вплоть до сравнительно недавнего времени антисемитизм был неизвестен в Соединенных Штатах, как и многие другие «старые взгляды, которые на протяжении столетий правили миром и рассеялись в нем», если в последний раз воспользоваться словами Токвиля. В частности, все происходило таким образом, как если бы христианская традиция при пересадке на американскую почву лишилась своей антиеврейской составляющей. Отсюда можно сделать вывод, что миф о народе-богоубийце и его всевозможные историко-теологические продолжения являются хотя и необходимым, но не достаточным условием антисемитизма. В начале XX века квалифи-

цированные наблюдатели, как евреи, так и христиане, объявили, что антисемитизм в Соединенных Штатах не существует (См., например, статьи «Антисемитизм» в Еврейской энциклопедии (1901 г.) и Британской энциклопедии (издание 1910 г.)). Показательно, что его медленный подъем совпал с завершением колонизации, определенной стабилизацией и «обуржуазиванием» американского общества, а также с вводимыми в этих условиях ограничениями на любую иммиграцию, чтобы защитить сложившуюся ситуацию. Все же в подобных вещах определения редко бывают простыми, и можно возразить, указав на быстрое увеличение числа евреев в Соединенных Штатах, возросшее в десять раз между 1880 и 1914 годами (Численность евреев в Соединенных Штатах составляла 50000 в 1850 г., 275000 в 1880 г., 1100000 в 1900 г., 3800000 в 1925 г., и около 6000000 в 1970 г.), а также на враждебность, которую возбуждает всякая новая иммиграция.

В этих условиях среди народа, не имеющего истории, евреи легче несли груз своего тысяче-

летнего прошлого и, пользуясь той же безопасностью, что и их христианские соотечественники («динамичной безопасностью в опасности»), приобрели совсем иные черты. Отсюда происходит их замечательная и иногда агрессивная самоуверенность, их лестное мнение о самих себе и безграничное, спонтанное и наивное обожание своей новой матери-родины. Кроме того, когда рассеялась тоска изгнания, произошло превращение диалектики Изгнания и Земли Обетованной в чисто теоретическое упражнение (как на это указывают историки). В результате, несмотря на мощные антисемитские кампании, особенно в период между двумя войнами, в Соединенных Штатах принадлежность к евреям остается с некоторыми оттенками, столь же уважаемой, как протестантская или католическая. Здесь постоянно можно встретить священников или пасторов, ставящих в пример своей пастве евреев, и это отнюдь не ограничивается областью благотворительности. Президент большого католического университета Святой Девы в 1960 году упрекал католических преподавателей

следующими словами: «Где наши Эйнштейны, Оппенгеймеры и Солки?» И даже если в начале семидесятых годов представители «афроамериканских» движений протеста решили выбрать в качестве козлов отпущения евреев (в соответствии с гораздо более тревожной тенденцией, распространяющейся в наши дни в странах третьего мира), то похоже, что эти нападки потерпели неудачу. (Видимо, в условиях современной ситуации в США с этим последним замечанием трудно согласиться,—прим. ред.)

Все эти полуофициальные свидетельства в пользу древнего еврейского народа, так же как и особые виды специфически американского сотрудничества между христианами и евреями, когда пасторы проповедуют в синагогах и наоборот, совершенно немыслимы в старой Европе, чье прошлое продолжает в последней четверти XX века давить всем своим весом на настоящее.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ЕВРЕИ РИМА

История евреев Ватикана, т. е. по сути дела история еврейской общины Рима, замечательна во многих отношениях.

На протяжении столетий папство старалось заставить христианских правителей соблюдать учение отцов церкви относительно евреев. Это учение включало две основные части; одну из них составляло требование об обязательном сохранении остатков иудаизма, а другую—не менее обязательное унижение евреев. Множество раз правящие понтифики энергично выступали против избиений и преследований евреев, но столь же постоянными были их предостережения относительно евреев и их влияния, адресованные всему христианскому миру, предостережения, из которых бесчисленные христианские сердца извлекали кровавые выводы. В целом, роль папства можно сравнить со стабилизатором, враждебным по отношению к евреям, когда их положение было таким же, или даже лучшим, чем у христиан (например, в эпоху расцвета средневековья, а также в XIX веке, когда позиция Ватикана была более сдержанной), но покровитель-

ственным в тех случаях, когда их положение ухудшалось сверх всякой меры и становилось поистине невыносимым (например, в конце средних веков или во время гитлеризма).

В границах своей мирской власти, т. е. в Церковном государстве, на всем протяжении средних веков папство очень мало заботилось о том, чтобы претворять в жизнь свои собственные постановления, к большому счастью для своих евреев. Но начиная с эпохи контр-реформации, оно стало принимать свои декреты всерьез и учредило на подвластных ему землях своего рода образцовую модель еврейского существования. Рим был единственным крупным городом Европы, откуда евреев никогда не изгоняли, он оставался для них оазисом мира и спокойствия, но с этого времени—ценой беспрецедентного унижения. Мы можем усмотреть здесь функцию регулирования, за которой проступает цель обеспечить некоторый статус-кво. В этом смысле положение евреев Ватикана является исключительным, но большой интерес представляют и другие аспекты.

Влияние папства на участь евреев было тес-

но связано с мечтой создать на земле совершенный христианский город, в котором они могли бы оказаться в положении *sub ecclesia* (под властью церкви), несмотря на свой статус *extra ecclesiam* (внецерковный статус). Несмотря на то, что подобный проект никогда не был осуществлен, он имел многочисленные последствия разного рода, прежде всего повлияв, хотя бы благодаря географической близости, на положение евреев в других итальянских государствах, даже если оно сильно отличалось от положения римских евреев. В результате, положение итальянских евреев в целом составляло для Европы совершенно особый случай. В средние века их история не была «Долиной слез»; в новое время Италия не знала «еврейского вопроса»—там были верующие иудеи, гармонично интегрированные в среду своих соотечественников. В наши дни, как в Риме, так и в других местах, для человека с улицы в самом крайнем случае еврей—это симпатичный чужак, который еще ожидает прихода Мессии.

В рамках настоящего исследования не может быть поставлена задача подробного анали-

за тех факторов, которые способствовали подобному исключительному и счастливому развитию ситуации, составляющей яркий контраст испанской трагедии. Если действия Святого Престола и способствовали подобной эволюции, у нас нет уверенности в том, что папы всегда стремились именно к этому. При чтении последующих страниц важно иметь в виду игру взаимовлияний между положением папских евреев и ситуацией в многочисленных итальянских княжествах и республиках.

* * *

Не известно, когда именно первые евреи обосновались в Риме, но это произошло задолго до христианской эры, что позволило римским евреям, а вслед за ними и старым итальянским авторам, утверждать, что они не имели никакого отношения к распятию. В соответствии с одной талмудической традицией мессия должен родиться и вырасти в Риме; по другой, весьма распространенной, Римская империя представляла собой четвертое царство, предсказанное Даниилом, которое «будет пожирать всю землю, попирает и сокрушает ее». Во многих других местах Талмуда отражено то воздействие, которое Вечный город оказывал на раввинов древности. В дальнейшем, в лоне еврейской общины Рима возникли иные легенды, безыскусные и иногда проникнутые любовью. В одной из них рассказывалась история Элханана-Андрея, еврейского мальчика, похищенного у его родителей, который взошел на трон святого Петра, продолжая оставаться правоверным иудеем. Другая легенда приписывала эту роль заложника самому апостолу Петру, который якобы притворился христиани-

ном и проник в самое сердце церкви, чтобы оттуда заботиться о спасении евреев. Эта роль высших архи-марранов, приписываемая папам, отражает за наивностью народной фантазии ту искреннюю надежду, которую гетто питало по отношению к своим сюзеренам—римским епископам, а кроме того, возможно, и тайное взаимопонимание, скрытый намек взаимной признательности между иудаизмом и римскими понтификами (На иврите папа традиционно обозначается с помощью вокабулы Афитор, происхождение которой неясно, и которая послужила поводом для ученых дискуссий. Этимология: Ави (или Аби)—Шор (отец Петр, или священник Петр), предложенная раввином Берлинером, специалистом по истории римских евреев, представляется вполне вероятной.).

Очень мало известно о злоключениях еврейской общины Рима при первых христианских императорах, в эпоху, когда учение отцов церкви проникает в кодексы Феодосия и Юстиниана. В конце VI века папа Григорий Великий, который хотел обратить евреев без применения насиль-

ственных мер, постановил, что ничто не должно изыматься из тех прав, которые предоставило евреям христианское законодательство, но и ничто не должно быть к этому добавлено. Эта формула «Sicut Judeis...» («подобно иудею...») стала золотым правилом папства в этой области. Восходя на трон святого Петра, большинство пап эпохи средних веков воспроизводили эту формулу слово в слово, сопровождая ее комментариями, смысл которых сводился к необходимости уважать иудейскую религию и защищать жизнь евреев. Другие буллы о защите евреев издавались в особых обстоятельствах, таких как эксцессы крестоносцев или обвинения в ритуальных убийствах. В Рим прибывали делегации евреев, чтобы добиться этого покровительства. Разумеется, они привозили с собой дары; но этот важный аргумент отнюдь не имел решающего значения.

Однако еще более распространенными были папские анафемы, направленные против евреев, предостережения против их влияния и хитростей, стремление воздвигнуть барьер между христиана-

нами и евреями во имя вечного рабства отвергнутого народа.

На первый взгляд может показаться странным, что вне зависимости от того, были ли отдельные буллы направлены в пользу евреев или же против них, они опирались практически на одни и те же соображения.

Возьмем для примера XIII век, когда влияние папства достигло своего апогея. Публикуя буллу покровительства «Sicut Judeis», папа Иннокентий III предпослал ей следующую преамбулу: «Хотя неверность евреев заслуживает бесконечного осуждения, тем не менее, верные христиане не должны их преследовать слишком сильно. Ибо в Псалмах сказано: «Не убивай их, чтобы мой народ не забыл этого». Иначе говоря, не следует полностью уничтожать евреев, чтобы христианам не угрожала опасность забыть Закон, который неумные (эти евреи) хранят в своих мудрых книгах. . . »

Несколько лет спустя, обращаясь к графу де Неверу, Иннокентий III выступил с яростными обвинениями еврейских суеверий и еврейского ро-

стовщичество, а также против тех выгод, которые извлекали из него бароны, против обычая покупать у евреев вино и использовать его в ходе христианской литургии. Вот начало этой речи:

«Бог сделал Каина скитальцем и беженцем на земле, но Он наложил на него свою печать в виде дрожания его головы, чтобы его не убили. Так же и евреи, против которых вопиет кровь Христа, хотя они и не должны быть уничтожены, чтобы христианский народ не забыл Закон Божий, но они должны скитаться по земле до тех пор, пока их сердца не наполнятся стылом, чтобы они искали имя Господа нашего Иисуса Христа. Поэтому хулители христианства не должны получать поддержку христианских государей в деле угнетения рабов Господа».

Некоторые другие тексты, относящиеся к евреям, содержат интересные нюансы: часть из них даже позволяет трактовать иудаизм как своеобразное, сбившееся с пути истинного полухристианство. Вот как Гонорий III, непосредственный преемник Иннокентия III, объяснял покровительство, которое он оказывал Исааку Бен-

венисте, фавориту короля Арагона:

«Хотя неверность евреев, приговоренных к вечному рабству в результате их злобного крика, которым они навлекли на собственные головы и на головы своих детей кровь Христа, сделала их недостойными милости апостольского трона... мы уступаем мольбам возлюбленного сына во Христе, славного короля Иакова Арагонского, ибо нам известно, что вы (Исаак Бенвенисте) соблюдаете Закон Моисея, никому не желаете зла, и что вы по причине этой набожности ищете нашей поддержки и защиты...»

Подобные акценты звучали еще более отчетливо в проповеди, которую в 1233 году Григорий IX направил всем французским епископам:

«Хотя еврейская неверность должна быть осуждена, их отношения с христианами полезны и даже необходимы, ибо они носят образ нашего Спасителя и были созданы Творцом рода человеческого. Господу не угодно, чтобы они были уничтожены его созданиями, как бы ни было ужасно их нынешнее положение; их отцы были друзьями Бога, и их потомки будут спасены...»

Но подобное участие не должно заставить забыть важную функцию евреев, состоявшую в том, чтобы символизировать падение и бесчестье. Случается, что о них заходит речь в связи с вопросом, к которому они не имеют никакого отношения. Так, в 1234 году возник конфликт между орденом цистерцианцев и немецкими епископами. Жалуясь на преследования, монахи обратились за помощью к папе Григорию IX, который встал на их сторону, заключив, что цистерцианцы «оказались в худшем положении, чем евреи, которые за свою вину были приговорены к вечному рабству, и которых мы принимаем у себя исключительно из жалости и христианского милосердия».

Вполне вероятно, что одна из причин привилегированного положения римских евреев в средние века заключалась в их роли естественных посредников между папским двором и зарубежными еврейскими общинами. Эта роль должна была приносить определенную выгоду. В XI-XII веках были евреи, занимавшие важные должности в папской курии, помимо этого, врач-еврей па-

пы или его финансовый советник представляли собой традиционные фигуры римской жизни. Вениамин из Туделы, посетивший Рим в 1160 году, обнаружил там «двести еврейских семей, которые пользуются уважением и никому не платят налогов. Многие из них находятся на службе у папы Александра, великого епископа, являющегося главой христианской церкви. Римских евреев возглавляют знаменитые мудрецы—раби Даниэль и раби Иехиэль, занимающие должности при папском дворе. Второй из них—это молодой человек, приветливый и осторожный, который вхож к папе и является управляющим его домом и состоянием».

Подобно его собрату при дворе королей Испании, еврейский министр или советник папы был, разумеется, гораздо надежнее, чем министр-христианин, поскольку в эти смутные времена он не был связан ни с одной римской фракцией или влиятельным семейством. Говоря о мирном процветании римских евреев, следует также иметь в виду относительно благополучное положение евреев в Италии в целом. Римских евреев обязали

носить отличительный круглый знак лишь в конце XIII века, но в следующем столетии этим часто пренебрегали. Обычно от этого освобождались папские врачи и другие видные еврейские деятели. В Комтат-Венессене (область на реке Роне во Франции, принадлежавшая римским папам с 1274 по 1791 год.—Прим. ред.) евреи пользовались в отношении этого позорного знака еще большей свободой (Согласно посланию папы от 1494 года в Комтат-Венессене мужчины должны были носить едва заметный кружок из белых ниток; что касается женщин, то статуты города Авиньона предписывали ношению колец в ушах замужним женщинам.).

Известно, что эта папская территория была единственной французской провинцией, откуда никогда не изгоняли евреев. Обратим также внимание на книгу жалоб, составленную в 1532 году депутатами этой провинции и озаглавленную «Привилегии, дарованные евреям папами к ненависти христиан». В 1510 году во время конфликта с папой Юлием II губернатор Прованса подверг репрессиям евреев и духовенство, но не тро-

нул всех остальных жителей Авиньона.

Поскольку правовое положение евреев входило в число вопросов, непосредственно относящихся к религии, папы могли себе позволить на подвластных землях такие вольности, которые они запрещали всем остальным государям. Без сомнения, остальное довершали еврейские деньги. В этой связи важно отметить, что евреи Рима, как и других итальянских государств, стали специализироваться на ростовщичестве лишь в XIV веке, т. е. значительно позже, чем в остальной Европе, и в совершенно иных условиях: еврейские кредитные конторы были изначально муниципальными учреждениями, действовавшими по всей Италии на основании законной лицензии, выданной в надлежащей форме папской канцелярией. Это положение вещей, о котором мы уже кратко упоминали, говоря о еврейском ростовщичестве, заслуживает более подробного обсуждения.

Без сомнения не было другой догмы, которая на протяжении столетий вызывала бы больше дискуссий и конфликтов, чем каноническое

запрещение ссужать деньги под проценты. Это запрещение основывалось на многих пассажах из Ветхого и Нового Завета, особенно на фразе из Нагорной проповеди: «Просящему у тебя дай», к чему также добавляли максимум Аристотеля: «Деньги не порождают деньги». Строки из Второзакония: «Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост» (XXIII, 20) позволяли богословам обеих религий оправдывать одалживание евреями денег под проценты христианам и наоборот без нарушения принципов морали. Но по этому поводу отнюдь не было единодушия. Среди бесчисленных участников дискуссий, посвященных этой проблеме, было немало христианских богословов и раввинов, возражавших против этого компромисса по разным, часто взаимоисключающим причинам. Так, для некоторых схоластов ростовщик-еврей являлся нарушителем Закона Моисея, т. е. иудейским еретиком, и должен был подвергнуться каре в этом качестве. Для других, христианин, взявший деньги у еврея, автоматически освобождался от обязанности возвращать долг, поскольку он заключил

контракт с врагом христианской веры: «Fides non servanda est ei qui frangit fidem» («Вера не должна служить тем, кто ее нарушает»).

Со своей стороны, некоторые раввины, противники ростовщичества, опираясь на отрывок в Талмуде (Бава Мециа, 70 б), заявляли, что не следует давать деньги в рост, чтобы не опускаться до обычаев гоев.

По общему правилу, еврейское ростовщичество в худшем случае являлось приспособлением к насущным требованиям реальной жизни, которые особенно рано сформировались именно в Италии, колыбели средневековой экономической жизни. В отличие от типичной ситуации в странах по другую сторону Альп, евреи никогда не играли заметной роли в итальянской коммерции. Пионеры этой коммерции, крупные торговцы городов Северной Италии, занимались также и ростовщичеством, пренебрегая церковными проклятиями или обходя их с помощью всевозможных технических ухищрений. Известно, что под именем «ломбардцев» или «каорсинцев» они очень рано распространились по всей

Европе. В самой Италии евреи никогда не были в состоянии составить им конкуренцию и вплоть до начала XIV века замыкались в мире ремесла и мелкой торговли. Так что, когда Фома Аквинский писал о «еврейском ростовщичестве», то он приводил Италию, как пример страны, где евреи работают своими руками. Данте, описывавший в «Божественной комедии» ростовщиков, терпевших муки в седьмом круге ада, вызывал в памяти имена крупных флорентийских семейств своего времени, но не упоминал евреев. Подобные литературные примеры легко умножить. Наиболее достоверные из них относятся к христианскому ростовщичеству в Италии эпохи XIV века. Так, в одной новелле Франко Сакетти священник, желая привлечь побольше народу на свою проповедь, объявил, что он изложит доказательства того, что ростовщичество не является грехом.

Само собой разумеется, что если бы запрет на ссуды под проценты соблюдался буквально, то это сделало бы невозможным любой кредит и, следовательно, любую торговлю в скольконибудь значительных размерах. В результате,

церковь, которая не могла встать на пути у экономического развития, предпочла найти с этими тенденциями точки соприкосновения. Богословы стали вносить уточнения в свои доктрины, начали допускать исключения во все возраставшем количестве и, наконец, признали полезность коммерции. В результате произошла дифференциация: за исключением открытого, патентованного ростовщичества все виды коммерческой и финансовой деятельности приобрели печать полной респектабельности. Там, где отцы семейств, особенно в Италии, разбогатели благодаря ростовщичеству и основали крупные финансовые династии (именно их Данте приговорил к вечному адскому огню), сыновья оставили этот вид деятельности и занялись законной и почтенной коммерцией. Другие, не достигшие подобных высот, предпочитали следовать их примеру.

Но в средневековой экономике, как и в любой «слаборазвитой» экономике, ощущается сильная нехватка как средств производства, так и наличных денег. В этих условиях займы и ссуды становятся необходимыми (или считаются тако-

выми, что приводит к тем же самым последствиям). В средневековой Италии ссудная касса становится национальным учреждением, подобно лотереям в Италии наших дней. С точки зрения христианской теологии предпочтительней, чтобы этим занимались евреи; с еврейской точки зрения связанный с этим позор значительно меньше. Более того, в XIV веке Италия стала основной страной, принимавшей евреев, изгнанных из Франции и германских государств, где они традиционно занимались ростовщичеством, ср. такие фамилии, как Луццато (Лаузиц), Оттоленги (Эттлинген), Морпурго (Марбург), Провенцалли, Тедеско и т. д. Озабоченные нуждами своих граждан, итальянские города на протяжении XIV века стали доверять евреям управление ссудными кассами и тем самым ограничивать чрезмерно высокие проценты подпольных христианских ростовщиков. Два основных центра, откуда происходили ростовщики, были Германия для Северной Италии, и Рим для центральной Италии.

Чтобы обезопасить себя от церковных громов и молний, заранее запрашивалось папское

одобрение, которое получали с объяснением причин такой поддержки: «чтобы избежать большого ущерба для населения» (Николай V, письмо герцогу д'Эсте, 1449 г.); «о нужде, угрожающей беднякам» (Иннокентий VIII, послание магистратам Сиенны, 1489 г.). В то же самое время папская канцелярия предоставляла еврейским заимодавцам официально оформленные концессии, которые служили им одновременно рекламой и защитой. Еврейские ростовщики Лотарингии также могли этим пользоваться. Разумеется, за это они должны были платить соответствующие сборы. По мере того, как папы, чья казна раньше пополнялась всем христианским миром, должны были ограничиваться теми доходами, которые они могли получать в своем собственном государстве, а также продажей должностей и т. п., роль этих сборов становилась все более существенной. Если можно было говорить о «ростовщичестве на службе церкви» (Г. Ле Бра), то здесь мы видим его папский аналог.

Необходимо отметить, что еврейское ростовщичество было жестко регламентировано. Все

аспекты были оговорены в документе, который назывался кондотта, т. е. хартия или контракт, заключавшийся между городом или княжеством и еврейским заимодавцем или заимодавцами. Кондотта определяла дни и часы, когда касса должна быть открыта, в ней характеризовались предметы залогов, например, запрещалось брать под залог предметы культа, солдатское оружие, книги студентов. Чаще всего под залог отдавали предметы одежды (Невыкупленные предметы, отданные под залог, подлежали продаже. Если это были предметы одежды, то предварительно их обновляли. В этом заключается причина специализации евреев в штопке и шитье, что безусловно способствовало сохраняющейся вплоть до настоящего времени концентрации евреев в сферах, связанных с производством одежды.). Особому регулированию подвергались ссудные проценты, обычно составлявшие от 15% до 30%. Хартия также обеспечивала заимодавцу право на проживание, как правило, освобождала его от ношения круглого знака, а также превращала его в своеобразного муниципального чиновника, необ-

ходимого и непопулярного.

За единственным исключением надменной Генуи, в XV веке нельзя было найти большой или маленький итальянский город, в котором бы не было одной или нескольких еврейских ссудных касс. Уровень процентов и его колебания, т. е. стоимость кредита, естественным образом определялись местными экономическими условиями. Этот уровень казался невыносимым для бедняков, которые «чтобы купить хлеб сегодня, должны были отдать под залог вчерашнюю куртку и завтрашний урожай» (А. Милано). Ростовщичество было язвой повседневной жизни. Кроме того, нищенствующие ордена, преисполненные ностальгией по евангельской чистоте и озабоченные интересами бедняков, особенно младшие братья францисканского ордена, организовали в начале XV века целую кампанию против ростовщичества. Вопреки папским запретам и даже отлучению от церкви, они проповедовали в городах и селах, разоблачая этот антихристианский заговор, громогласно осуждая «еврейских ростовщиков, обирающих бедняков и пьющих их

соки». Этот крестовый поход, спровоцировавший несколько антиеврейских эксцессов и изгнаний, не имел длительных последствий, да и не мог их иметь, столкнувшись с неистребимой традицией. Отличавшиеся здравым умом францисканцы, убедившись в невозможности изменить нравы, решили вместо этого улучшить традицию. Поэтому во второй половине XV века они занялись облегчением условий краткосрочных займов, организовав ломбарды. К тому времени эта идея уже носилась в воздухе: в 1447 году Бонефуа из Шалона, еврейский финансист, обосновавшийся в Пьемонте, предложил старейшинам Турина организовать подобный ломбард.

Согласно распространенному мнению ломбарды, созданные для борьбы с еврейским ростовщичеством, смогли положить ему конец. На самом деле, все происходило не совсем так, а сам этот вопрос заслуживает серьезного внимания, поскольку по сути дела речь шла о вечной проблеме совершенствования человеческого общества. Нищенствующие монахи поносили евреев, совсем как современные коммунисты, руга-

ющие «капиталистов»; также как они, монахи оказались вынужденными вернуться от мечты к реальности, приспособиться к действительности, пригласить специалистов подснежному обращению, использовать их методы, с тем, чтобы в конце концов самим превратиться в ростовщиков и банкиров. Первые ломбарды были созданы в 1462 году на собранные пожертвования и давали беспроцентные ссуды, в результате чего они быстро пришли в упадок. Тогда их организаторы обратились к опыту еврейских ростовщиков и к их ресурсам с помощью принудительных займов. Ломбарды достигли стабильности только тогда, когда их ссуды стали выдаваться под проценты, позволявшие покрывать текущие расходы и обеспечить гарантии в непредвиденных случаях. Человеческая природа остается неизменной, так что большинство ломбардов, занятых обеспечением своего процветания и увеличением капитала, превратились в коммерческие банки.

Это послужило причиной ожесточенной критики со стороны доминиканцев, старинных соперников францисканцев, этих христианских

учреждений с ростовщическим уклоном, этих нечестивых ломбардов. Эта критика прекратилась только тогда, когда папа Лев X, а затем Тридентский собор одобрили принцип получения процентов. С этого времени ломбарды распространились по всем итальянским городам, а также в тех странах, откуда евреи не были изгнаны, т. е. можно сказать, по их следам: ломбарды возникли в Германии, но их не было в Испании, Англии и Франции. В Париже первый ломбард был открыт в 1777 году. В самой Италии ломбарды и еврейские ссудные кассы сосуществовали более двух столетий. Первые взимали более низкий процент, тогда как вторые обеспечивали клиенту более теплый и более конфиденциальный прием, а также предоставляли другие преимущества. Атилио Милано сопоставлял это с услугами, оказываемыми общественным здравоохранением, по сравнению с частными клиниками. Это сравнение справедливо и наводит на размышления, поскольку в обоих случаях между двумя секторами возникают разнообразные тесные связи.

В конечном итоге, общественному сектору

удалось полностью вытеснить частный. В Риме ломбард после трудного начала превратился в XVII веке в мощный банк и хранилище ценностей со множеством отделений. Этот банк выдавал ссуды королям под залог их драгоценностей, монашеским орденам под залог их имущества, и даже самим римским понтификам. В 1675 году количество сделок за год превысило уровень ста тысяч и оказалось выше числа жителей, что служит достаточным свидетельством социальной роли займов под залог. Еврейские заимодавцы, которых насчитывалось около пятидесяти, не потеряли из-за этого своих клиентов, принадлежавших к более состоятельным классам, для которых ломбард был символом падения. Однако объем их операций постоянно сокращался. В этих условиях при правлении папы Иннокентия XI (1676-1689) на повестку дня встал вопрос о запрещении деятельности заимодавцев, взимавших 12%. Понятную озабоченность апостольской курии вызывала необходимость избежать поспешных мер, которые могли бы нарушить финансовое равновесие папского государ-

ства. Но по словам одного анонимного полемиста, они были неправы, когда «принимали гетто за весь мир». В самом деле, в это время гетто пребывало в жалком состоянии, о чем мы еще поговорим ниже. Моральная сторона вопроса также не была забыта. Ватиканское правительство собрало специальную «конгрегацию ростовщичества», чтобы рассмотреть эту проблему. Ссудные кассы обрели своих защитников, которые выдвигали в их пользу разнообразные аргументы, среди которых был и аргумент позора, суть которого сводилась к следующему: «Рим—это город иностранцев, куда съезжаются духовные и светские лица всех званий и сословий, для которых было бы позором содержать ломбард. Отсюда вытекает необходимость в ростовщиках из гетто. Но большинство выступило за закрытие этого безобразия, подобного оскверненному храму, о котором говорит Даниил, поскольку Рим—это храм, или, как сказал один из богословов, к которому обратились за советом, «этот священный город, управляемый заместителем Христа, сохраняет этот позор».

По словам другого богослова, время еврейских заимодавцев прошло, так что тот, кто надевает пальто в январе, не обязан носить его и в июле. Здесь речь шла об опровержении доводов, опирающихся на традицию, оправдывавшую еврейских ростовщиков, в поддержку чего цитировался стих Экклесиаста «Все зависит от времени и обстоятельств».

Более интересным на современный взгляд был совет обязать евреев заниматься полезными ремеслами, что позволило бы закрыть ссудные кассы, избежав при этом разорения гетто.

Но этот совет не нашел поддержки. В 1684 году Иннокентий XI запретил ссудные кассы, выдающие займы под проценты, не дав при этом евреям права заниматься другими ремеслами, кроме традиционной торговли одеждой и галантереей. Именно это вызвало полнейшее разорение римского гетто в течение ближайших веков. В других итальянских городах последние конторы еврейских заимодавцев исчезли в течение XVIII века.

Распушенность римских нравов при папах эпохи Возрождения оказала благотворное влия-

ние на положение евреев. Как писал Сесил Рот, «система антиеврейских постановлений, разработанных Латеранскими соборами и затем провозглашенных в папских буллах, ни в каких других местах не принималась во внимание так мало или игнорировалась в большей степени». Рим стал городом, где находили убежище евреи, изгнанные из Испании, а также многочисленные марраны. Ибн Верга уверяет, что евреи Рима якобы предложили папе Александру Борджиа тысячу дукатов за то, чтобы он не пускал в Рим этих нежелательных чужестранцев, но в гневе папа наложил на них штраф в две тысячи дукатов, чтобы наказать за отсутствие гостеприимства. Его преемники окружали себя еврейскими врачами и гуманистами, приглашали их к своему столу как знакомых и сотрапезников («In nostrum familiärem, continuum commensalem recipimus», как было сказано в дипломе, выданном папой Климентом VII в 1530 году Исааку Царфати). Вазари сообщает, что по субботам евреи пересекали Тибр, чтобы предаться размышлениям перед статуей Моисея, недавно воздвигнутой Микелан-

джело. . .

Если была область церковных уложений, в которой контр-реформация имела немедленные суровые последствия, то это положение евреев в Ватикане. Одной из первых инициатив Игнатия Лойолы во время его длительного пребывания в Риме стало учреждение еврейской миссии и приюта для новообращенных, который первоначально содержался на добровольные пожертвования богатых христиан. Именно из среды первых неопитов вышли классические обвинения Талмуда в то же самое время, когда непримиримый кардинал Караффа, будущий папа Павел IV, возглавил обновленную римскую инквизицию. В 1553 году начались сожжения еврейских книг; в 1554 году обязанность содержания приюта для новообращенных, которых к тому времени насчитывалось более ста, была возложена на евреев, оставшихся верными Закону Моисея. После своего избрания на трон Святого Петра в 1555 году Павел IV провозгласил в своей булле «*Cum nimis absurdum*», что абсурдно позволять евреям жить в лучших городских кварталах, нанимать

христианских слуг и вообще позволять им злоупотреблять христианской добротой. В результате он принял против них суровые меры, прежде всего включавшие их проживание в стенах тесного и нездорового гетто, а также запрет любой коммерции, кроме торговли подержанной одеждой. В основном, эти постановления представляли собой лишь свод канонического законодательства прошлых столетий, нежесткий Павел IV, вопреки практике всех своих предшественников, собирался применять их с буквальной точностью, Все евреи должны были переехать в свое гетто, пала сжег два десятка марранов в своем городе Анконе. «Видя, что он лишь искал повода для их уничтожения, многие решились отречься, и Израиль стал подобен загнанному оленю. . . » («Долина слез»).

После смерти восьмидесятилетнего Павла IV один из современников воскликнул: «Пусть Господь пошлет нам другого папу, доброжелательного к евреям, который бы залечил наши язвы. . . » Но каковы бы ни были отныне папы, судьба евреев оказалась predetermined. Пий V изгнал

их из всех городов папского государства, за исключением Рима и Анконы; Григорий XIII ввел «predica coattiva»—обязательное еженедельное посещение проповедей, во время которой невнимательных слушателей наказывали палками; и даже Сикст V, правивший в конце XVI века, который был доброжелательно настроен к евреям и окружал себя еврейскими советниками, почти ничего не изменил в их новом положении.

Важным аспектом этого режима были усилия, направленные на обращение евреев. Помимо «predica coattiva», чье угнетающее воздействие легко представляемо, были приняты и более практические меры: премия в сто экю новообращенным, покровительство над ними иерархов церкви или даже самого папы, обеспечение безопасности неопитов, которым запрещалось посещать гетто и навещать евреев. Нужно также сказать, что римская инквизиция проявляла известное уважение к тайне свободы выбора, так что иногда она отсылала обратно в гетто детей, которых побочные родственники или другие благонамеренные лица хотели крестить. На-

ряду с этим, инквизиция иногда сжигала некоторых обращенных, которые возвращались к прежней вере, и даже некоторых монахов, которые собирались обратиться в иудаизм, но это случилось чрезвычайно редко. Короче говоря, за год в среднем обращалось около пятнадцати евреев. В гетто насчитывалось около трех тысяч обитателей, так что подобная пропорция, видимо, не угрожала существованию гетто в качестве примера, но свидетельствовала о тайной привлекательности милосердия и заботы понтификов. Определенное число евреев из провинции, как итальянских, так и иностранных, прибывали в Рим, чтобы там принять крещение, некоторые там и оставались, так что в результате они образовали свой собственный квартал недалеко от гетто. В 1724 году один свидетель, который, без сомнения, сильно преувеличивал, оценивал их число в пять тысяч человек, «проживавших на пяти или шести улочках, которые не были огорожены стеной». Многие видные римские фамилии и целый ряд знаменитых прелатов вышли из этой среды—«благоухающие розы, расцветшие среди

колючек этого народа», по принятому в ту эпоху выражению.

В течение более трех веков римские евреи прозябали за стенами гетто; вплоть до 1648 года около пяти десятков семейств могли заниматься ремеслом заимодавца, но Иннокентий XI отозвал их концессии. В результате, этот источник доходов иссяк, а сама община, «университет» евреев, обремененная долгами, в конце концов была объявлена банкротом. В качестве неплатежеспособного должника она попала под непосредственное управление апостольской курии, своего основного кредитора, чьи финансы также оказались в крайне запутанном состоянии. Нищета гетто причиняла папскому правительству много забот. Один из богословов, у которого спросили, что он думает по поводу закрытия ссудных касс, ответил, что по его мнению следовало бы разрешить евреям иметь другие занятия. Он писал: «Пусть им разрешат заниматься другими ремеслами и промыслами, как это происходит во Флоренции и других местах, и что запрещено им здесь законами, принятыми людьми, т. е.

произвольными законами, в то время как божественный закон о запрещении ростовщичества—это безусловный закон. . . »

Но склоняясь перед божественным законом, ни Иннокентий XI, ни его преемники не подумали о том, чтобы отменить человеческие законы, о которых шла речь. Подержанная одежда и старье были единственными разрешенными в гетто занятиями, и стали его главной экономической базой. Еврейские старьевщики с утра до вечера обходили улицы вечного города, испуская свои призывы (азо!); в гетто портные и швеи чинили одежду и матрасы с общепризнанной сноровкой, после чего приведенные в более или менее приличное состояние эти разнообразные товары возвращались в торговый оборот.

Врач Рамаццини, написавший в 1700 году замечательный трактат о профессиональных болезнях «О средствах от болезней», посвятил специальную главу своей книги болезням гетто. Этот первооткрыватель писал: «Напрасно считается, что зловоние—это природная хроническая черта евреев. Тот запах, который распространя-

ют бедняки из их числа, вызван теснотой их жилищ и бедностью. . . Их жены и дочери зарабатывают на жизнь с иголкой в руках. Они не умеют ни прясть, ни чесать шерсть, ни ткать, не владеют ни одним из искусств Минервы, кроме шитья. Они столь искусно владеют этим ремеслом, что они шьют куртки из сукна, шелка и любой другой ткани так, что не видно швов. В Риме это искусство называется *ripacciare*. Они изготавливают для молодых людей одежду из многих кусков, сшитых вместе, и живут этим мастерством. Эта работа требует большого напряжения зрения; еврейки занимаются этим днем и ночью, при слабом свете свечи. Помимо болей, вызванных сидячим образом жизни, у них постепенно ослабевало зрение, так что к сорока годам они становились косоглазыми и близорукими. . . Мужчины, занятые весь день в своих лавках, или сидят за шитьем, или стоят в ожидании покупателя, чтобы продать свое тряпье. Почти все они худосочны, меланхоличны, безобразны на вид, часто страдают чесоткой. . . »

Сбор и реставрация остатков гардероба жи-

телей Рима стали основным источником средств существования гетто, в котором обитали три или четыре процента населения города. Следует иметь в виду, что речь идет о самом богатом городе мира, чье гетто было самым убогим в мире. К этому можно добавить некоторые другие возможности, такие как предоставление ночлега папским солдатам, подготовка дворцов для проезжих иностранных вельмож, а для самых смелых—контрабанда. К тому же величина арендной платы стала фиксированной с конца XVI века, а выселение еврейских арендаторов было запрещено христианским домовладельцам. В результате произошел головокружительный рост «входных дверей». Держатели арендных договоров в этих разваливающихся домах, получающие выгоду из этих муравейников, превратились в настоящих плутократов гетто.

Само же гетто в глазах проезжих иностранцев стадо одной из туристических достопримечательностей вечного города, которую следовало непременно посетить. Монтень побывал в гетто в 1581 году, он присутствовал на церемонии обре-

зания, «самой древней религиозной церемонии, известной людям», присутствовал на обязательной проповеди, которую вел один «отрекшийся раввин» (см. его «Путевой дневник»), но как осторожный человек, к тому же сын маррана, воздерживался от комментариев. В конце XVII века Франсуа Десен описывал гетто в следующих ярких выражениях: «Еврейский квартал называется Il ghetto. Он окружен стенами с воротами, запирающимися на ночь, чтобы этот вероломный народ не имел никаких контактов с христианами. Поскольку они не могут жить в других местах или расширить площадь своего квартала, и поскольку они столь многочисленны, ибо этот сброд размножается с огромной скоростью, это приводит к тому, что несколько семей живут в одной комнате, отчего по всему кварталу распространяется постоянная невыносимая вонь. . . »

Сто лет спустя шевалье Дюпати отмечал такую же нищету, но в качестве истинного сына Века Просвещения, он сделал совсем иные выводы: «Известно, что римские евреи пребывают в самой ужасной нищете; их нищета одним кра-

ем касается обращения, а другим смерти. Странная вещь! Евреев преследуют, чтобы заставить их принять христианство ради его роста; но если эти преследования увенчаются успехом, христианство будет разрушено. Христианская вера нуждается в еврейском неверии. Спрашивают: когда же евреи обратятся в христианство? Я спрашиваю: когда христиане обратятся к терпимости?» Однако преобладающий вывод любопытствующих французов, посещавших гетто, может быть обобщен в лаконичном резюме президента де Бросса: «Еврейский квартал—это архимерзость...» (Шарль де Бросс (1709-1777), французский писатель и ученый, один из президентов бургундского парламента, описавший в письмах свое путешествие по Италии,- прим. ред.).).

Нет сомнений в том, что подобные впечатления усиливались благодаря преднамеренным стараниям церковных властей, стремившихся подчеркнуть нищету и унижение евреев. Если во все времена почести, которые католики должны были оказывать наместнику Христа, усиливались грандиозными мизансценами, то к евреям предъ-

являлись особые требования. Урбан VIII (1623-1644) запретил евреям целовать свою ногу, вместо этого они должны были целовать то место, куда он опускал свою пяду. Климент IX в 1668 году оказал им милость, отменив шествие евреев во время карнавала, столь дорогое римским сердцам, заменив его ежегодной податью, которую они должны были платить хранителю вечного города. Он ставил свою ногу на затылок распростертого на земле представителя еврейской общины и отпускал его, восклицая: «Идите!» (Andate). Униженные послания евреев гетто римскому понтифику превосходили в своем раболепии все, что могли изобресть стилисты других европейских дворов.

Все эти ухищрения, которые не могли не поразить христианское воображение, гораздо меньше удивляли редких еврейских посетителей вечного города, особенно прибывавших из Германии, поскольку они были подготовлены к зрелищу сцен унижения многовековой привычкой. Один из них, немецкий еврей Авраам Леви из Хорна, в 1724 году оставил описание гетто, силь-

но отличающееся от сделанных ранее. По его свидетельству, три четверти римских евреев были портными, а четверть имела другие занятия, такие как устройство дворцов иностранных государей. «Благодаря своей замечательной работе они пользуются расположением кардиналов». Этот свидетель не распространяется на тему еврейской нищеты. Он воспевает красоту и даже роскошь их синагоги. Взгляд немецкого еврея совсем не такой, как у французских вельмож! Он добавляет: «Я забыл сообщить одну вещь: свобода, которой здесь пользуются евреи, вполне достаточна. Только христиане слишком энергично стремятся лишить евреев их веры. Иногда они действуют путем принуждения и связывают их такими дьявольскими путами, что евреи оказываются в западне. Во-первых, папа выплачивает каждому отступнику сто экю, даже если речь идет о ребенке. Даже если кто-то совершил много зла, даже если он десятикратно заслужил виселицу, как только он отречется от иудейской веры, то будет немедленно освобожден. Но их пытаются заманить в ловушку и многими другими спо-

собами».

Именно эта проблема больше всего интересует нашего автора, и он посвящает ей вторую половину своего рассказа. «Дьявольские пути», т. е. разнообразное давление, многочисленные примеры которого он приводит, вплоть до откровенного прямого насилия, используются, чтобы пополнять число рекрутов для приюта новообращенных. В заключение он пишет: «Видя все это, я сказал себе, что так сбылись слова Моисея: «Твои сыновья и твои дочери будут отданы другому народу, и твои глаза увидят это». В Риме часто случалось, что отцы или матери, иногда и отцы, и матери насильственно разлучались со своими детьми» (Этот странный оборот объясняется тем фактом, что если один из родителей решал обратиться в христианство, он мог крестить и своих детей, тем самым разлучая их с другим родителем. Случаи одновременного разлучения с обоими родителями были гораздо более редкими, но все же имели место. В подобных делах тонкости канонического права могли приводить к возникновению самых разнообраз-

ных ситуаций.

Вскоре после посещения Рима Авраамом Леви некая еврейка из гетто по имени Стелла Бонди объявила в приюте для новообращенных о своем намерении принять крещение, а также крестить своих пятерых детей, трое из которых уже достигли «возраста разума». Поскольку женщина не проявила настойчивости в своем решении, римская инквизиция отпустила на свободу ее и трех старших детей, так что они смогли вернуться в гетто; напротив, было приказано крестить двух других ее дочерей, не достигших еще семи лет.

Для иллюстрации рассказа Авраама Леви приведем также распространенное среди молодых людей гетто выражение: «Черт возьми! Я убью тебя, а потом пойду креститься!» В самом деле, крещение рассматривалось как способ избежать уголовного наказания.).

По примеру Ватикана обязательное посещение проповедей было установлено и в других странах, прежде всего в Австрии. Но в целом, папство уже не имело такого влияния на судьбы

евреев в других странах, как в средние века. К тому же в эту эпоху единственные крупные католические страны, где еще терпели евреев, были Италия, Австрия и Польша. Укажем на про-
странный меморандум, посвященный легенде о ритуальных убийствах, подготовленный по просьбе польских евреев кардиналом Ганганелли, будущим папой Климентом XIV (1769-1774). Этот памятник богословской и раввинистической науки, в очередной раз доказавший ложность этой легенды, не мешал продолжению дел о ритуальных убийствах, как в Польше, так и в других местах, но если бы не занятая римскими папами позиция, эти процессы, разумеется, были бы более многочисленными и жестокими.

В течение XVIII века судьба папских евреев не претерпела никаких изменений. В 1798 году французские войска вошли в Рим. Генерал Сен-Сир поспешил запретить ношение круглого знака, что привело евреев в восхищение, но затем он захотел заставить портных гетто работать на свое интендантство все дни недели без перерыва, включая субботу, что понравилось им уже гораз-

до меньше и напомнило, как трудно быть евреем. Но эта проблема была улажена, евреи получили гражданские права, и в гетто не осталось плохих воспоминаний о французской оккупации. Не похоже, что гетто чрезмерно пострадало от возвращения Пия VII, который проявил себя по отношению к евреям снисходительным государем. Но его преемник Лев XII восстановил действие всех обычаев прошлых веков за исключением круглого знака, и евреи Рима вновь были обязаны оплачивать расходы на содержание своих веротступников, в то время как в Лондоне Ротшильды, ставшие официальными банкирами Папского государства, взяли на свое попечение бедняков гетто. Таковы могут быть финансовые переплетения, когда еврейский банкир предоставляет кредит папе.

Если папское государство было самым архаичным государством Европы, гетто было самой архаичной частью этого государства. Под влиянием новых идей Италия вступила в период брожения. Приближалась эпоха Рисорджименто, но римское гетто не принимало в этом никакого уча-

ствия. Еврейские соратники Гарибальди были родом из Венеции или из Пьемонта. Поэтому папа мог с полным правом выражать похвалу мудрости своих лояльных подданных в Риме. С 1826 по 1845 годах основной интеллектуальной проблемой гетто, вызывавшей ожесточенные споры и даже столкновения, был вопрос о способах произношения сверхкраткого гласного шва. Первый призыв к освобождению евреев прозвучал в начале 1848 года из уст католического священника аббата Амброзоли, чье имя заслуживает быть извлеченным из забвения. Он восклицал: «Наверное, я первый, кто в святом месте, с кафедры Санта-Мария Трастевере, на суд Христа выносит дело, которое до того рассматривалось лишь на основании гражданских законов. . . Кто виноват в том, что несчастные лица евреев запачканы и ожесточены их длительным подпольным существованием? Кто виноват, что этот народ, лишенный гражданских прав, отстраненный от любой возвышенной деятельности, избрал единственный путь, который мог обеспечить ему какое-либо признание, а именно путь добывания денег?»

Кто виноват, что не имея допуска к честным занятиям, он опустился до ростовщических операций и не всегда мог отмыться от обвинений в жадности и нечестности? Разве не мы в этом виноваты?»

В апреле 1848 года по приказу папы Пия IX стены гетто были снесены. В ноябре в Риме произошла революция, и папа отправился в изгнание. После своего возвращения он воздерживался от любых новых реформ. Вплоть до конца его длительного правления евреи, «эти единственные живые развалины Рима», по словам медиевиста Грегоровиуса, должны были жить в своем ужасном квартале, заниматься лишь своими старинными ремеслами и оплачивать содержание обращенных. Тайные крещения еврейских детей привели в 1858 году к международному скандалу в результате дела Эдгара Мортары (Дело Мортары не было единственным в этом роде. В 1864 году десятилетний Фортунато Коэн был крещен при сходных обстоятельствах. В газете «Современный Рим» Эдмонд Абу иронизировал по поводу другого подобного случая: «Господин Паддо-

ва, еврейский коммерсант из Ченто, имел жену и двух детей. Католический коммивояжер соблазнил госпожу Падова. Застигнутый врасплох хозяином, он был изгнан и бежал в Болонью. Госпожа Падова последовала за ним, взяв с собой детей. Муж примчался в Болонью и потребовал, чтобы ему хотя бы вернули детей. Власти ему ответили, что дети были крещены, так же, как и их мать, так что теперь пропасть отделяет его от семьи. Однако его обязали платить пособие, на которое все они могли жить, в том числе и любовник госпожи Падова. Через несколько месяцев он мог присутствовать на свадьбе своей законной жены с коммивояжером, соблаздившим ее. Венчал эту пару его высокопреосвященство кардинал Опприцони, архиепископ Болоньи»). Этот шестилетний ребенок был тайно крещен в Болонье христианской служанкой еврейской семьи, после чего полиция инквизиции забрала его у родителей и определила для духовной карьеры. Возмутились все еврейские общины Европы, мировая пресса обсуждала этот случай, великие державы сделали Риму свои представления. Единственными,

кто пострадал от этой истории, оказались евреи Рима. Их делегация была принята Пием IX, который встретил их следующими словами: «Вот доказательства вашей благодарности за все те благодеяния, которыми я вас осыпал. Смотрите, я могу сурово с вами обойтись и вновь запереть вас в вашем квартале. Но моя доброта столь велика, а моя жалость к вам так сильна, что я вас прощаю!»

Глава еврейской делегации разрыдался, поклялся, что гетто не имело никакого отношения к кампании в прессе, а также напомнил о лояльности евреев в революционный период 1848-1849 годов. Папа смягчился: «Разве я мог оттолкнуть ребенка, который хотел стать христианином?, воскликнул он,—К тому же, если бы у этих Мортара не было христианской служанки, ничего бы не случилось». (Иными словами, во всем были виноваты сами евреи!) В конце аудиенции представитель евреев заявил: «Если бы вы знали, Ваше Святейшество, как мы сожалеем об этой ядовитой полемике, в которой мы хорошо видим стремление удовлетворить политические

страсти!» Довольный Пий IX позволил делегатам поцеловать себе руку. Он уже отдал приказ полиции следить за тем, чтобы в еврейских семьях не было христианских слуг; кроме того, он велел, чтобы ребенок Мор-тары совершил прогулку по римскому гетто в обществе священника. О положении в гетто незадолго до его упразднения свидетельствует прошение, направленное еврейской общиной римскому понтифику в начале 1870 года, с просьбой разрешить расширение еврейского квартала и облегчить запреты, продолжающие давить на его обитателей. «Здесь мало воздуха и света, а на многих улицах солнце бывает очень редко или вообще никогда не появляется». Что касается обитателей этих улиц, «это носильщики, тряпичники, продавцы спичек, посыльные, торговцы старой обувью, водоносы и ничто другое». Описав нищету и скученность гетто, подписавшие петицию, «постоянно благословляющие Ваше имя с бьющимся сердцем и слезами на глазах», восклицали: «Выслушайте нас, Святой Отец, и пусть дети Израиля узнают о новых плодах вашего благородства, проч-

но связанного с Вашим бессмертным именем!» Через несколько месяцев в Рим вошли войска Виктора-Эммануила и светская власть папы была упразднена. Гетто просуществовало еще полтора десятка лет, пока санитарные власти города не добились переселения его обитателей и разрушения его трущоб. В наши дни туристы могут посетить этот квартал, обойти живописные торговые улицы на берегу Тибра, где все еще преобладают еврейские магазинчики, удивиться зрелищу, которого больше нет нигде в Европе, а именно малолетним еврейским нищим на ступенях синагоги. . . (Речь идет о 1950х годах,- прим. ред.) Для периода 1788- 1887 годов существуют точные статистические данные о динамике населения гетто. За эти сто лет произошло 13 771 рождение и 9 994 смерти, между двумя переписями 1809 и 1882 годов население возросло с 3 076 до 5 429 человек. В XIX веке ни одна другая община Италии не знала столь быстрого роста: гетто, где сконцентрирована еврейская нищета, проявило гораздо большую жизнеспособность, чем другие древние центры, в том числе

Венеция и Ливорно, Флоренция и Триест. Само собой разумеется, что в подобных делах следует учитывать местные условия, рост или упадок городов, также как и миграционные потоки евреев. К тому же, во всех странах мира еврейская беднота всегда была более плодovитой, чем состоятельные еврейские слои. В столь серьезном вопросе следует воздержаться от поспешных упрощенных выводов. В Италии, как и в других западных странах, автохтонные евреи, эмансипированные и обуржуазившиеся, склонялись к мальтузианству, и их число сокращалось в ту самую эпоху, когда под властью обветшавшей христианской теократии в Риме их число умножалось в условиях подневольного существования. Отсюда каждый может извлечь выводы по собственному усмотрению.

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

11.01.2009

PDF Generation

Generated on *14 января 2009 г.* by **fb2pdf** version
3.14

<http://www.fb2pdf.com/>